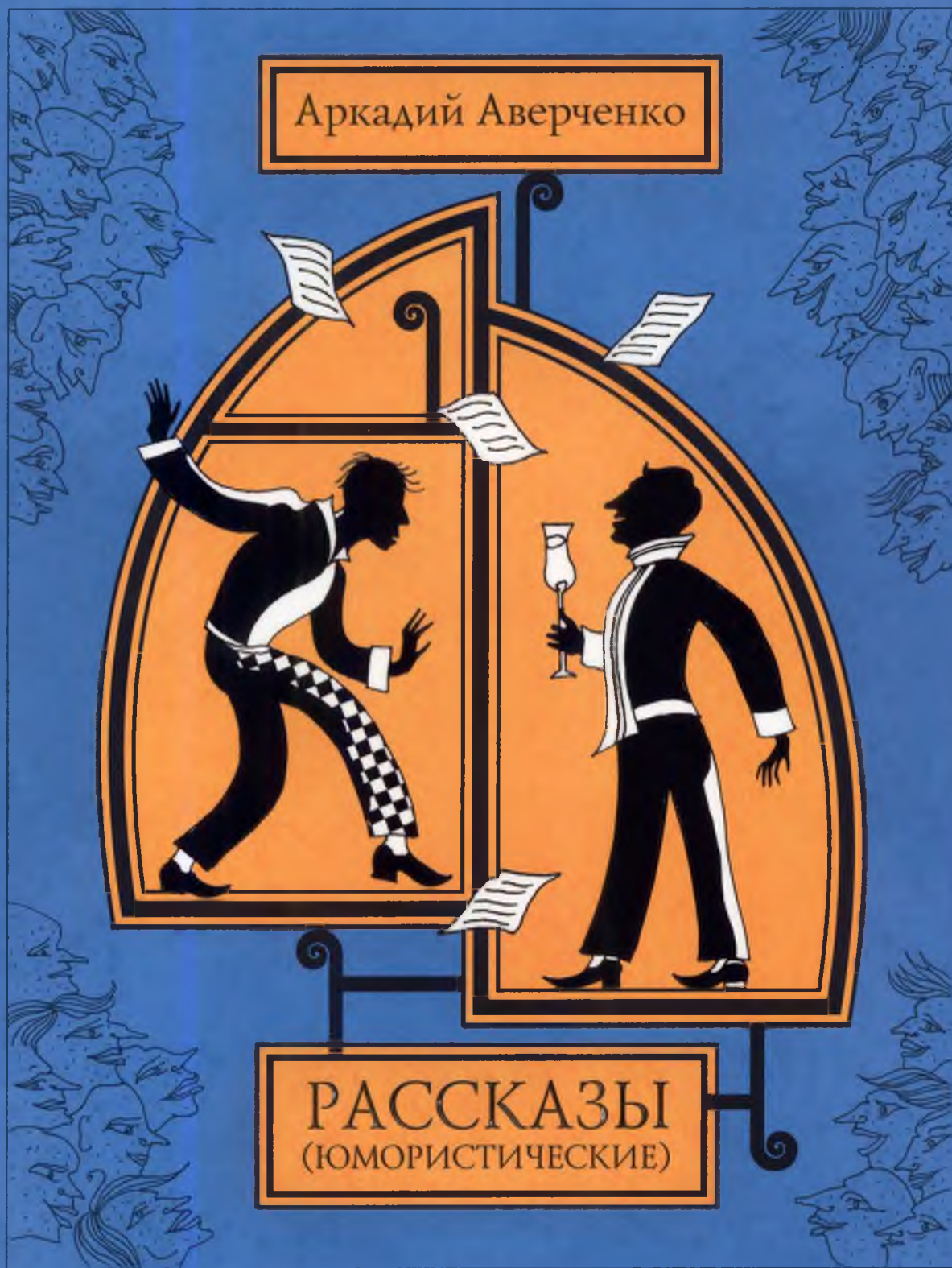

Аркадий Аверченко
РАССКАЗЫ (ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)

Аркадий Аверченко

РАССКАЗЫ (ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)

Аркадий
Аверченко

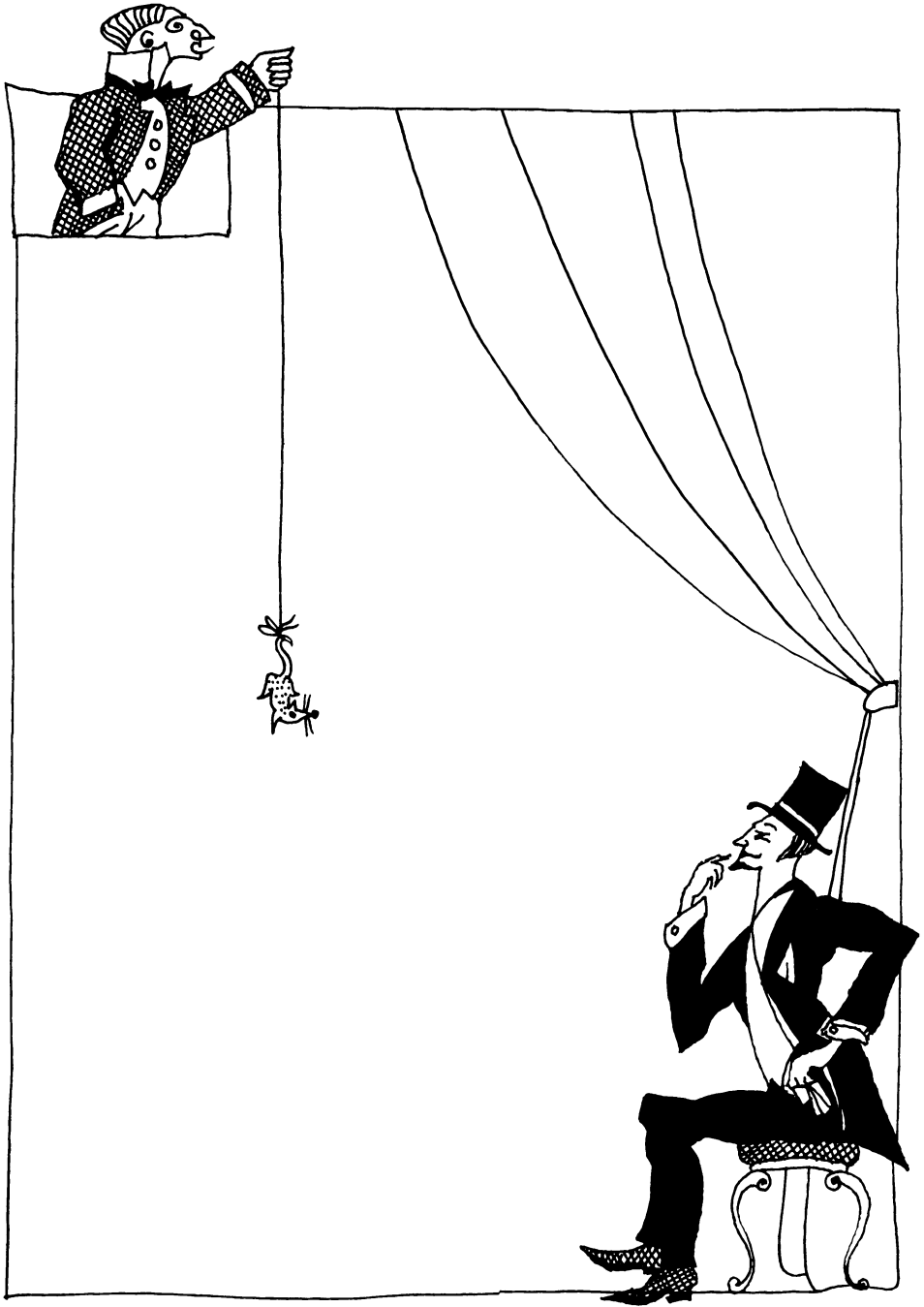

РАССКАЗЫ
(ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

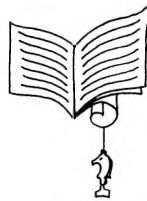

Аркадий
Аверченко

РАССКАЗЫ
(ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)

В двух томах

II

Издание подготовил
Д.Д. НИКОЛАЕВ

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Серия основана академиком С.И. Вавиловым

М.А. Андреев, В.Е. Багно (заместитель председателя),
В.И. Васильев, Т.Д. Венедиктова, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский,
Н.Н. Казанский, Н.В. Корниенко (заместитель председателя),
А.Б. Куделин (председатель), *А.В. Лавров, А.Е. Махов,*
А.М. Молдован, С.И. Николаев, Ю.С. Осипов, М.А. Островский,
Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь),
К.А. Чекалов

Ответственный редактор
Н.В. Корниенко

ISBN 978-5-86218-596-6

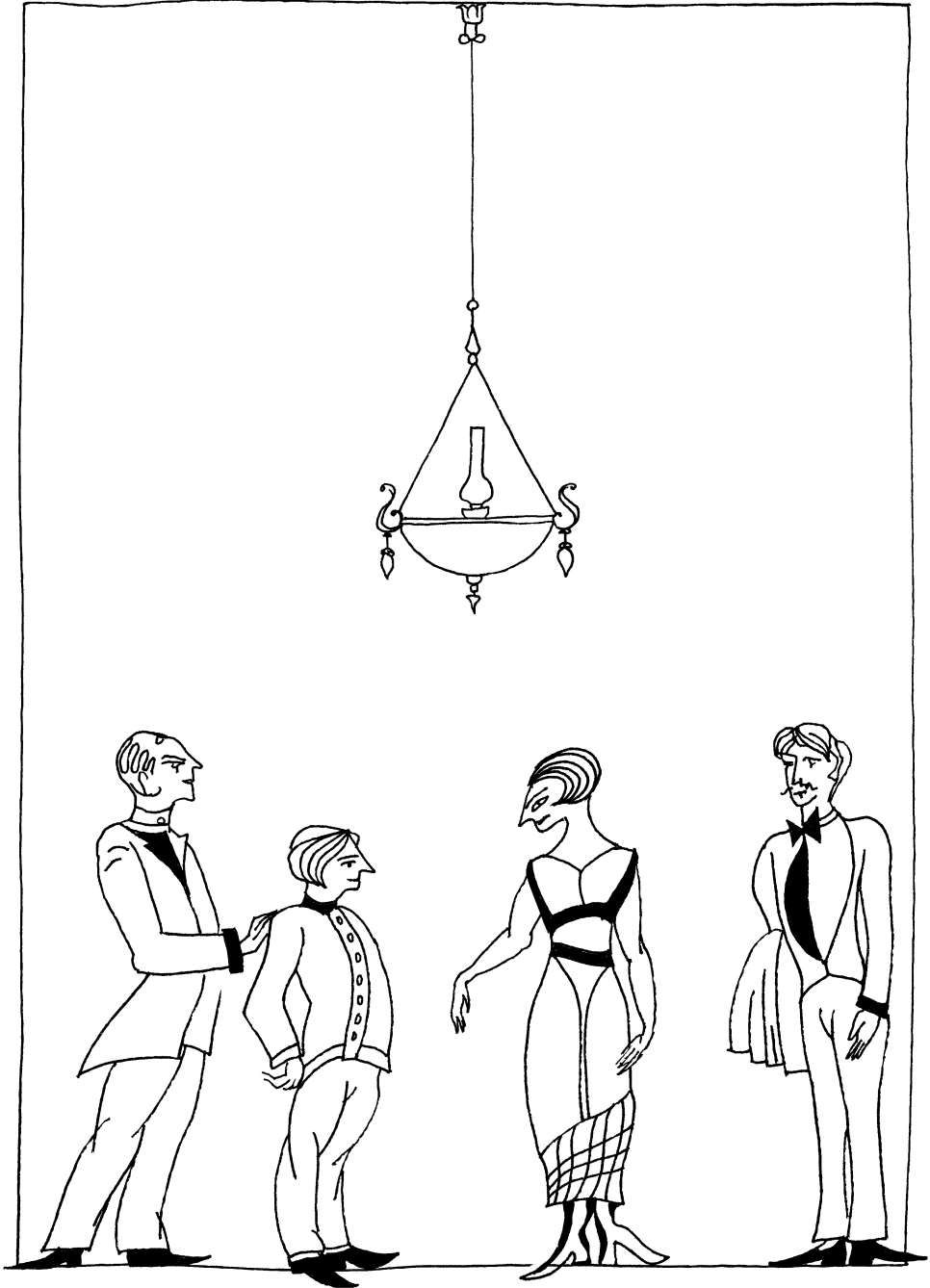
ISBN 978-5-86218-598-0 (Т. II)

- © Николаев Д.Д. Текстологическая подготовка, статьи, примечания, 2021.
- © Алексей Владимиров. Художественное оформление, иллюстрации, 2021.
- © Научно-издательский центр «Ладомир», 2021.
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2021.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания
любым способом без договора с издательством запрещается*

ДОПОЛНЕНИЯ

ВЕСЕЛЫЕ УСТРИЦЫ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

АВТОБИОГРАФИЯ

Еще за пятнадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на белый свет. Это само по себе пустячное указание я делаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всех других замечательных людей, жизнь которых с утомительным однообразием описывалась непременно с момента рождения. Ну вот.

Когда акушерка преподнесла меня отцу, он, с видом знатока, осмотрел то, что я из себя представлял, и воскликнул:

— Держу пари на золотой, что это мальчишка!

«Старая лисица! — подумал я, внутренне усмехнувшись, — ты играешь наверняка».

С этого разговора и началось наше знакомство, а потом и дружба.

Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование¹. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но — я до сих пор не понимаю — причем здесь еще какой-то праздник?

Приглядевшись к окружающему, я решил, что мне нужно первым делом вырасти. Я исполнял это с таким тщанием, что к восьми годам увидел однажды отца, берущим меня за руку. Конечно, и до этого отец неоднократно брал меня за указанную конечность, но предыдущие по-

пытки являлись не более как реальными симптомами отеческой ласки. В настоящем же случае он, кроме того, нахлобучил на головы себе и мне по шляпе — и мы вышли на улицу.

— Куда это нас черти несут? — спросил я с прямизной, всегда меня отличавшей.

— Тебе надо учиться.

— Очень нужно! Не хочу учиться.

— Почему?

Чтобы отвязаться, я сказал первое, что пришло в голову:

— Я болен.

— Что у тебя болит?

Я перебрал на память все свои органы и выбрал самый нежный:

— Глаза.

— Гм... Пойдем к доктору.

Когда мы явились к доктору, я наткнулся на него, на его пациента и свалил маленький столик.

— Ты, мальчик, ничего решительно не видишь?

— Ничего, — ответил я, утаив хвост фразы, который докончил в уме:

— ...хорошего в ученье.

Так я и не занимался науками.

* * *

Легенда о том, что я мальчик больной, хилый, который не может учиться, — росла и укреплялась, и больше всего заботился об этом я сам.

Отец мой, будучи по профессии купцом², не обращал на меня никакого внимания, так как по горло был занят хлопотами и планами: каким бы образом поскорее разориться? Это было мечтой его жизни, и нужно отдать ему полную справедливость — добрый старик достиг своих стремлений самым безукоризненным образом. Он это сделал при соучастии целой плеяды воров, которые обворовывали его магазин, покупателей, которые брали исключительно и планомерно в долг, и — по-

жаров, испепелявших те из отцовских товаров, которые не были растащены ворами и покупателями.

Воры, пожары и покупатели долгое время стояли стеной между мной и отцом, и я так и остался бы неграмотным, если бы старшим сестрам³ не пришла в голову забавная, сулившая им массу новых ощущений мысль: заняться моим образованием. Очевидно, я представлял из себя лакомый кусочек, так как из-за весьма сомнительного удовольствия осветить мой ленивый мозг светом знания — сестры не только спорили, но однажды даже вступили в рукопашную, и результат схватки — вывихнутый палец — нисколько не охладил преподавательского пыла старшей сестры Любы.

Так — на фоне родственной заботливости, любви, пожаров, воров и покупателей — совершался мой рост и развивалось сознательное отношение к окружающему.

* * *

Когда мне исполнилось 15 лет, отец, с сожалением распростившийся с ворами, покупателями и пожарами, однажды сказал мне:

— Надо тебе служить.

— Да я не умею, — возразил я, по своему обыкновению выбирая такую позицию, которая могла гарантировать мне полный и безмятежный покой.

— Вздор! — возразил отец. — Сережа Зельцер не старше тебя, а он уже служит!

Этот Сережа был самым большим кошмаром моей юности. Чистенький, аккуратный немчик, наш сосед по дому, Сережа с самого раннего возраста ставился мне в пример как образец выдержанности, трудолюбия и аккуратности⁴.

— Посмотри на Сережу, — говорила печально мать. — Мальчик служит, заслуживает любовь начальства, умеет поговорить, в обществе держится свободно, на гитаре играет, поет... А ты?

Обескураженный этими упреками, я немедленно подходил к гитаре, висевшей на стене, дергал струну, начинал визжать пронзительным

голосом какую-то неведомую песню, старался «держаться свободнее», шаркая ногами по стенам, но — всё это было слабо, всё было второго сорта. Сережа оставался недосягаем!

— Сережа служит, а ты еще не служишь... — упрекнул меня отец.

— Сережа, может быть, дома лягушек ест, — возразил я, подумав. — Так и мне прикажете?

— Прикажу, если понадобится! — гаркнул отец, стуча кулаком по столу. — Черрт возьми! Я сделаю из тебя шелкового!

Как человек со вкусом, отец из всех материй предпочитал шелк, и другой материал для меня казался ему неподходящим.

* * *

Помню первый день моей службы, которую я должен был начать в какой-то сонной транспортной конторе по перевозке кладей⁵.

Я забрался туда чуть ли не в восемь часов утра и застал только одного человека в жилете без пиджака — очень приветливого и скромного.

«Это, наверное, и есть главный агент», — подумал я.

— Здравствуйте! — сказал я, крепко пожимая ему руку. — Как делишки?

— Ничего себе. Садитесь, поболтаем!

Мы дружески закурили папиросы, и я завел дипломатичный разговор о своей будущей карьере, рассказав о себе всю подноготную.

Неожиданно сзади нас раздался резкий голос:

— Ты что же, болван, до сих пор даже пыли не стер?!

Тот, в ком я подозревал главного агента, с криком испуга вскочил и схватился за пыльную тряпку. Начальнический голос вновь пришедшего молодого человека убедил меня, что я имею дело с самым главным агентом.

— Здравствуйте, — сказал я. — Как живете-можете? (Общительность и светскость по Сереже Зельцеру).

— Ничего, — сказал молодой господин. — Вы наш новый служащий? Ого! Очень рад!

Мы дружески разговорились и даже не заметили, как в контору вошел человек средних лет, схвативший молодого господина за плечо и резко крикнувший во всё горло:

— Так-то вы, дьявольский дармоед, заготавливаете реестра? Выгоню я вас, если будете лодырничать!

Господин, принятый мною за главного агента, побледнел, опустил печально голову и побрел за свой стол. А главный агент опустился в кресло, откинулся на спинку и стал преважно расспрашивать меня о моих талантах и способностях.

«Дурак я, — думал я про себя. — Как я мог не разобрать раньше, что за птицы мои предыдущие собеседники? Вот этот — начальник так начальник! Сразу уж видно!»

В это время в передней послышалась возня.

— Посмотрите, кто там? — попросил меня главный агент.

Я выглянул в переднюю и успокоительно сообщил:

— Какой-то плюгавый старичишка стягивает пальто.

Плюгавый старичишка вошел и закричал:

— Десятый час, а никто из вас ни черта не делает!! Будет ли когда-нибудь этому конец?!

Предыдущий важный начальник подскочил в кресле как мяч, а молодой господин, названный им до того «лодырем», предупредительно сообщил мне на ухо:

— Главный агент притащился.

Так я начал свою службу.

* * *

Прослужил я год, всё время самым постыдным образом плетясь в хвосте Сережи Зельцера. Этот юноша получал 25 рублей в месяц, когда я получал 15, а когда и я дослужился до 25 рублей — ему дали сорок. Ненавидел я его, как какого-то отвратительного, вымытого душистым мылом паука...

Шестнадцати лет я расстался со своей сонной транспортной конторой и уехал из Севастополя (забыл сказать — это моя родина) на какие-

то каменноугольные рудники⁶. Это место было наименее для меня подходящим, и потому, вероятно, я и очутился там по совету своего опытного в житейских передрягах отца...

Это был самый грязный и глухой рудник в свете. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь в том, что осенью грязь была там выше колен, а в другое время — ниже.

И все обитатели этого места пили как сапожники, и я пил не хуже других. Население было такое небольшое, что одно лицо имело целую уйму должностей и занятий. Повар Кузьма был в то же время и подрядчиком, и попечителем рудничной школы, фельдшер был акушеркой, а когда я впервые пришел к известнейшему в тех краях парикмахеру, жена его просила меня немного обождать, так как супруг ее пошел вставлять кому-то стекла, выбитые шахтерами в прошлую ночь.

Эти шахтеры (углекопы) казались мне тоже престранным народом: будучи, большей частью, беглыми с каторги, паспортов они не имели, и отсутствие этой неперменной принадлежности российского гражданина заливали с горестным видом и отчаянием в душе — целым морем водки.

Вся их жизнь имела такой вид, что рождались они для водки, работали и губили свое здоровье непосильной работой — ради водки, и отправлялись на тот свет при ближайшем участии и помощи той же водки...

Однажды ехал я перед Рождеством с рудника в ближайшее село и видел ряд черных тел, лежавших без движения на всём протяжении моего пути; попадались по двое, по трое через каждые 20 шагов.

— Что это такое? — изумился я.

— А шахтеры, — улыбнулся сочувственно возница. — Горилку куповали у селе. Для Божьего праздничку.

— Ну?

— Тай не донесли. На місті висмоктали. Ось как!

Так мы и ехали мимо целых залежей мертвецки пьяных людей, которые обладали, очевидно, настолько слабой волей, что не успевали даже добежать до дому, сдаваясь охватившей их глотки палящей жажде там, где эта жажда их застигала. И лежали они в снегу, с черными

бессмысленными лицами, и если бы я не знал дороги до села, то нашел бы ее по этим гигантским черным камням, разбросанным гигантским мальчиком-с-пальчиком на всём пути⁷.

Народ это был, однако, по большей части крепкий, закаленный, и самые чудовищные эксперименты над своим грязным телом обходились ему сравнительно дешево. Проламывали друг другу головы, уничтожали начисто носы и уши, а один смельчак даже взялся однажды на заманчивое пари (без сомнения — бутылка водки) съесть динамитный патрон. Проделав это, он в течение двух-трех дней, несмотря на сильную рвоту, пользовался самым бережливым и заботливым вниманием со стороны товарищей, которые все боялись, что он взорвется.

По миновании же этого странного карантина — был он жестоко избит.

Служащие конторы отличались от рабочих тем, что меньше дрались и больше пили. Всё это были люди, по большей части отвергнутые всем остальным светом за бездарность и неспособность к жизни, и, таким образом, на нашем маленьком, окруженном неизмеримыми степями островке собралась самая чудовищная компания глупых, грязных и бездарных алкоголиков, отбросов и обгрызков брезгливого белого света.

Занесенные сюда гигантской метлой Божьего произволения, все они махнули рукой на внешний мир и стали жить, как Бог на душу положит. Пили, играли в карты, ругались пружестокими отчаянными словами и во хмелю пели что-то настойчивое тягучее и танцевали угрюмо-средоточенно, ломая каблуками полы и извергая из ослабевших уст целые потоки хулы на человечество.

В этом и состояла веселая сторона рудничной жизни. Темные ее стороны заключались в каторжной работе, шагании по глубочайшей грязи из конторы в колонию и обратно, а также в отсиживании в кордегардии⁸ по целому ряду диковинных протоколов, составленных пьяным урядником.

* * *

Когда правление рудников было переведено в Харьков⁹, туда же забрали и меня, и я ожил душой и окреп телом...

По целым дням бродил я по городу, нахлобучив шляпу набекрень и независимо насвистывая самые залихватские мотивы, подслушанные мною в летних шантанах — месте, которое восхищало меня сначала до глубины души...

Работал я в конторе преотвратительно, и до сих пор недоумеваю: за что держали меня там шесть лет, ленивого, смотревшего на работу с отвращением и по каждому поводу вступавшего не только с бухгалтером, но и с директором в длинные, ожесточенные споры и полемику?

Вероятно, потому, что был я превеселым, радостно глядящим на широкий Божий мир человеком, с готовностью откладывая работу для смеха, шуток и ряда замысловатых анекдотов, что освежало окружающих, погрязших в работе, скучных счетах и дрязгах...

* * *

Литературная моя деятельность была начата в 1904 году¹⁰, и была она, как мне казалось, сплошным триумфом. Во-первых, я написал рассказ... Во-вторых, я отнес его в «Южный край»¹¹. И в-третьих (до сих пор я того мнения, что в рассказе это самое главное), в-третьих, он был напечатан!

Гонорара я за него почему-то не получил, и это тем более несправедливо, что едва он вышел в свет, как подписка и розница газеты сейчас же удвоилась...

Те же самые завистливые, злые языки, которые пытались связать день моего рождения с каким-то еще другим праздником, — связали и факт поднятия розницы с началом Русско-Японской войны¹².

Ну да мы-то, читатель, знаем с вами, где истина...

Написав за два года четыре рассказа, я решил, что поработал достаточно на пользу родной литературы, и решил основательно отдохнуть, но подкатился 1905 год и, подхватив меня, закрутил, как щепку.

Я стал редактировать журнал «Штык»¹³, имевший в Харькове большой успех, и совершенно забросил службу... Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал, и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков¹⁴ оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что я немедленно заплачу их из карманных денег.

Я отказался по многим причинам, главные из которых были: отсутствие денег и нежелание потворствовать капризам легкомысленного администратора.

Увидев мою непоколебимость (штраф был без замены тюремным заключением), Пешков спустил цену до ста рублей.

Я отказался.

Мы торговались, как маклаки¹⁵, и я являлся к нему чуть не десять раз. Денег ему так и не удалось выжать из меня!

Тогда он, обидевшись, сказал:

— Один из нас должен уехать из Харькова!

— Ваше превосходительство! — возразил я. — Давайте предложим харьковцам: кого они выберут?

Так как в городе меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желании граждан увековечить мой образ постановкой памятника, — то г. Пешков не захотел рисковать своей популярностью.

И я уехал, успев все-таки до отъезда выпустить 3 номера журнала «Меч»¹⁶, который был так популярен, что экземпляры его можно найти даже в Публичной библиотеке¹⁷.

* * *

В Петербург я приехал как раз на Новый год¹⁸.

Опять была иллюминация, улицы были украшены флагами, транспарантами и фонариками. Но я уж ничего не скажу! Помолчу.

И так меня иногда упрекают, что я думаю о своих заслугах больше, чем это требуется обычной скромностью. А я — могу дать честное слово, — увидев всю эту иллюминацию и радость, сделал вид, что совершенно не замечаю невинной хитрости и сентиментальных, простодуш-

ных попыток муниципалитета скрасить мой первый приезд в большой незнакомый город... Скромно, инкогнито, сел на извозчика и инкогнито поехал на место своей новой жизни.

И вот — начал я ее.

Первые мои шаги были связаны с основанным нами журналом «Сатирикон», и до сих пор я люблю, как собственное дитя, этот прекрасный, веселый журнал (в год 6 руб., на полгода 3 руб.)¹⁹.

Успех его был наполовину моим успехом, и я с гордостью могу сказать теперь, что редкий культурный человек не знает нашего «Сатирикона» (на год 6 руб., на полгода 3 руб.)²⁰.

В этом месте я подхожу уже к последней, ближайшей эре моей жизни, и я не скажу, но всякий поймет, почему я в этом месте умолкаю.

Из чуткой, нежной до болезненности скромности я умолкаю.

Не буду перечислять имена тех лиц, которые в последнее время мною заинтересовались и желали со мной познакомиться. Но если читатель вдумается в истинные причины приезда славянской депутации, испанского инфанта²¹ и президента Фальера²², то, может быть, моя скромная личность, упорно державшаяся в тени, получит совершенно другое освещение...

Аркадий Аверьянов

1. В СВОБОДНОЙ РОССИИ

◆

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ИВАНОВА

◆

Однажды беспартийный житель Петербурга Иванов¹ вбежал, бледный, растерянный, в комнату жены и, выронив газету, схватился руками за голову.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Плохо! — сказал Иванов. — Я левею².

— Не может быть! — ахнула жена. — Это было бы ужасно... Тебе нужно лечь в постель, укрыться теплым и натереться скипидаром.

— Нет... что уж скипидар! — покачал головой Иванов и посмотрел на жену блуждающими, испуганными глазами. — Я левею!

— С чего же это у тебя, горе ты мое?! — простонала жена.

— С газеты. Встал я утром — ничего себе, чувствовал всё время беспартийность, а взял случайно газету...

— Ну?

— Смотрю, а в ней написано, что в Ченстохове губернатор запретил читать лекцию о добывании азота из воздуха...³ И вдруг — чувствую я, что мне его не хватает...

— Кого это?

— Да воздуху же!.. Подкатило под сердце, оборвалось, дернуло из стороны в сторону... Ой, думаю, что бы это? Да тут же и понял: левею!

— Ты б молочка выпил... — сказала жена, заливаясь слезами.

— Какое уж там молочко... Может, скоро баланду хлебать буду!

Жена со страхом посмотрела на Иванова.

— Левеешь?

— Левею...

— Может, доктора позвать?

— При чем тут доктор?!

— Тогда, может, пристава пригласить?

Как все почти больные, которые не любят, когда посторонние подчеркивают опасность их положения, — Иванов тоже нахмурился, засопел и недовольно сказал:

— Я уж не так плох, чтобы пристава звать. Может быть, отойду.

— Дай-то Бог, — всхлинула жена.

Иванов лег в кровать, повернулся лицом к стене и замолчал.

Жена изредка подходила к дверям спальни и прислушивалась. Было слышно, как Иванов, лежа на кровати, левел.

* * *

Утро застало Иванова осунувшимся, похудевшим... Он тихонько пробрался в гостиную, схватил газету и, убежав в спальню, развернул свежий газетный лист.

Через пять минут он вбежал в комнату жены и дрожащими губами прошептал:

— Еще полевел! Что оно будет — не знаю!

— Опять небось газету читал, — вскочила жена. — Говори! Читал?

— Читал... В Риге губернатор оштрафовал газету за указание очагов холеры...

Жена заплакала и побежала к тестю.

— Мой-то... — сказала она, ломая руки. — Левеет.

— Бьгть не может?! — воскликнул тесть.

— Верное слово. Вчерась с утра был здоров, беспартийность чувствовал, а потом оборвалась печенка, и полевел!

— Надо принять меры, — сказал тесть, надевая шапку. — Ты у него отними и спрячь газеты, а я забегу в полицию, заявку господину приставу сделаю.

* * *

Иванов сидел в кресле, мрачный, небритый, и, на глазах у всех, левел. Тесть с женой Иванова стояли в углу, молча смотрели на Иванова, и в глазах их сквозили ужас и отчаяние.

Вошел пристав.

Он потер руки, вежливо раскланялся с женой Иванова и спросил мягким баритоном:

— Ну, как наш дорогой больной?

— Левеет!

— А-а! — сказал Иванов, поднимая на пристава мутные, больные глаза. — Представитель отживающего полицейско-бюрократического режима! Нам нужна закономерность...

Пристав взял его руку, пощупал пульс и спросил:

— Как вы себя сейчас чувствуете?

— Мирнообновленцем!⁴

Пристав потыкал пальцем в голову Иванова:

— Не готово еще... Не созрел! А вчера как вы себя чувствовали?

— Октябристом⁵, — вздохнул Иванов. — До обеда — правым крылом, а после обеда левым...

— Гм... плохо! Болезнь прогрессирует сильными скачками...

Жена упала тестю на грудь и заплакала.

— Я, собственно, — сказал Иванов, — стою за принудительное отчуждение частновладельч...

— Позвольте! — удивился пристав. — Да это кадетская программа...⁶

Иванов с протяжным стоном схватился за голову.

— Значит... я уже кадет!

— Всё левеете?

— Леваю. Уходите! Уйдите лучше... А то я на вас всё смотрю и леваю.

Пристав развел руками... Потом на цыпочках вышел из комнаты.

Жена позвала горничную, швейцара и строго запретила им приносить газеты. Взяла у сына томик «Робинзона Крузо» с раскрашенными картинками⁷ и понесла мужу.

— Вот... почитай. Может, отойдет.

Когда она через час заглянула в комнату мужа, то всплеснула руками и, громко закричав, бросилась к нему.

Иванов, держась за ручки зимней оконной рамы, жадно прильнул глазами к этой раме и что-то шептал...

— Господи! — воскликнула несчастная женщина. — Я и забыла, что у нас рамы газетами оклеены... Ну, успокойся, голубчик, успокойся! Не смотри на меня такими глазами... Ну, скажи, что ты там прочел? Что там такое?

— Об исключении Колобакина...⁸ Ха-ха-ха! — проревел Иванов, шатаясь, как пьяный. — «Отречемся от старого ми-и-и...»⁹

В комнату вошел тесть.

— Кончено! — прошептал он, благоговейно снимая шапку. — Беги за приставом...

* * *

Через полчаса Иванов, бледный, странно вытянувшийся, лежал в кровати со сложенными на груди руками. Около него сидел тесть и тихо читал под нос Эрфуртскую программу¹⁰. В углу плакала жена, окруженная перепуганными, недоумевающими детьми.

В комнату вошел пристав.

Стараясь не стучать сапогами, он подошел к постели Иванова, пощупал ему голову, вынул из его кармана пачку прокламаций, какой-то металлический предмет и, сокрушенно качнув головой, сказал:

— Готово! Доспел.

Посмотрел с сожалением на детей, развел руками и сел писать проходное свидетельство до Вологодской губернии¹¹.

КТО ЕЕ ПРОДАЛ...

I.

Не так давно «Русское Знамя» разоблачило кадетскую газету «Речь»... «Русское Знамя» доказало, что вышеозначенная беспринципная газета открыто и нагло продает Россию Финляндии, получая за это от финляндцев большие деньги¹.

Совсем недавно беспощадный ослепительный прожектор «Русского Знамени» перешел с газет на частных лиц, попал на меня, осветил все мои дела и поступки и обнаружил, что я, в качестве еврействующего журналиста, тоже подкуплен и — продаю свою отчизну оптом и в розницу, систематически ведя ее к распаду и гибели.

Узнав, что маска с меня сорвана, я сначала хотел было увернуться, скрыть свое участие в этом деле, замаскировать как-нибудь те факты, которые вопиюще громко кричат против меня, но — ведь всё равно: рано или поздно всё выльвет наружу, и для меня это будет еще тяжелее, еще позорнее...

Лучше же я расскажу всё сам.

Добровольное признание — это всё, что может если не спасти меня, то, хотя частью, облегчить мою вину...

Дело было так.

II.

Однажды служанка сообщила мне, что меня хотят видеть два господина по очень важному делу.

— Кто же они такие? — любопытствовал я.

— Будто иностранцы. Один как будто из чухонцев, такой белясьий, а другой маленький, косой, черный. Не иначе — японец.

Два господина вошли и, подозрительно оглядев комнату, поздоровались со мной.

— Чем могу служить?

— Я — прикомандированный к японскому посольству маркиз Оцу-па².

— А я, — сказал блондин, небрежно играя финским ножом, — уполномоченный от финляндской революционной партии «Войма»³. Моя фамилия Муляйнен.

— Я вас слушаю, — кивнул я головой.

Маркиз толкнул своего соседа локтем, нагнулся ко мне и, пронзительно глядя мне в глаза, прошептал:

— Скажите... Вы не согласились ли бы продать нам Россию?

Мой отец был купцом⁴, и у меня на всю жизнь осталась от него наследственная коммерческая жилка.

— Это смотря как... — прищурился я. — Продать можно. Отчего не продать?.. Только какая ваша цена будет?

— Цену мы дадим вам хорошую, — отвечал маркиз Оцу-па. — Не обидим. Только уж и вы не запрашивайте.

— Запрашивать я не буду, — хладнокровно пожал я плечами. — Но ведь нужно же понимать и то, что я вам продаю. Согласитесь сами, что это не мешок картофеля, а целая громадная страна. И притом — нужно добавить — горячо мною любимая.

— Ну уж и страна!.. — иронически усмехнулся Муляйнен.

— Да-с! Страна! — горячо вскричал я. — Побольше вашей, во всяком случае... Свыше пятидесяти губерний, две столицы, реки какие! Железные дороги! Громадное народонаселение, занимающееся хлебопашеством! Пойдите-ка, поищите в другом месте.

— Так-то так, — обменявшись взглядом с Муляйненом, возразил японец, — да ведь страна-то разорена... сплошное нищенство...

— Как хотите, — холодно проворчал я. — Не нравится — не берите!

— Нет, мы бы взяли все-таки... Нам она нужна. Вы назовите вашу цену.

Я взял карандаш, придвинул бумагу и стал долго и тщательно высчитывать. Потом поднял от бумаги голову и решительно сказал:

— Десять миллионов.

Оба вскочили и в один голос воскликнули:

— Десять миллионов?!

– Да.

– За Россию?!

– Да.

– Десять миллионов рублей?!

– Да. Именно рублей. Не пфеннигов, не франков, а рублей.

– Это сумасшедшая цена.

– Сами вы сумасшедшие! – сердито закричал я. – Этакая страна за десять миллионов – это почти даром. За эти деньги вы имеете чуть не десяток морей, уйму рек, пути сообщения... Не забывайте, что за эту же цену вы получаете и Сибирь – эту громадную богатейшую страну!

Маркиз Оцупа слушал меня, призадумавшись.

– Хотите пять миллионов?

– Пять миллионов? – рассмеялся я. – Вы бы мне еще пять рублей предложили! Впрочем, если хотите, я вам за пять рублей отдам другую Россию, только поплоше. В кавычках⁵.

– Нет, – покачал головой Муляйнен. – Эту и за пять копеек не надо. Вот что... хотите семь миллионов – и ни копейки больше!

– Очень даже странно, что вы торгуетесь, – обидчиво поежился я. – Покупают то, что самое дорогое для истинного патриота, да еще торгуются!

– Как угодно, – сказал Муляйнен, вставая. – Пойдем, Оцупа.

– Куда же вы? – закричал я. – Постойте. Я вам, так и быть, миллион сброшу. Да и то не следовало бы – уж очень страна-то хорошая. Я бы всегда на эту цену покупателя нашел... Но для первого знакомства – извольте – миллион сброшу.

– Три сбросьте!

– Держите руку, – сказал я, хлопая по протянутой руке. – Последнее слово: два сбрасываю! За восемь. Идет?

Японец придержал мою руку и сосредоточенно спросил:

– С Польшей и Кавказом?

– С Польшей и Кавказом!

– Покупаем.

Сердце мое отчего-то пребольно сжалось.

— Продано! — вскричал я, искусственным оживлением стараясь замаскировать тяжелое чувство. — Забирайте.

— Как... забирайте? — недоумевающе покосился на меня Оцупа. — Что значит, забирайте? Мы платим вам деньги главным образом за то, чтобы вы своими фельетонами погубили Россию.

— Да для чего вам это нужно? — удивился я.

— Это уж не ваше дело. Нужно — и нужно. Так — погубите?

— Хорошо, погублю.

III.

На другой день, поздно вечером, к моему дому подъехало несколько подвод, и ломовики, кряхтя, стали таскать в квартиру тяжелые, битком набитые мешки.

Служанка моя присматривала за ними, записывая количество привезенных мешков с золотом и изредка уличая ломовика в том, что он потихоньку пытался засунуть в карман сто или двести тысяч; а я сидел за письменным столом и, быстро строча фельетон, добросовестно губил проданную мною родину...

Теперь — когда я окончил свою искреннюю тяжелую исповедь — у меня легче на сердце. Пусть я бессердечный торгаш, пусть я Иуда-предатель, продавший свою родину... Но ведь — ха-ха! — восемь-то миллиончиков — ха-ха! — которые у меня в кармане — не шутка.

И теперь, в ночной тиши, когда я просыпаюсь, терзаемый странными видениями, — передо мной встает и меня пугает только один страшный, кошмарный вопрос:

— Не продешевил ли я?!

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

*Посвящается
Мин-ву нар. просвещения*

I.

дин русский студент погиб от того, что любил ботанику.

Пошел он в поле собирать растения. Шел, песенку напевал, цветочки рвал.

А с другой стороны поля показалась толпа мужиков и баб из Нижней Гоголевки¹.

— Здравствуйте, милые поселяне, — сказал вежливый студент, снимая фуражку и раскланиваясь.

— Здравствуй, щучий сын, чтоб тебе пусто было, — отвечали поселяне. — Ты чего?

— Благодарю вас, ничего, — говорил им студент, наклоняясь и срывая какую-то травинку.

— Ты — чего?!!

— Как видите: гербаризацией балуюсь.

— Ты — чего?!?!

Ухо студента уловило наконец странные нотки в настойчивом вопросе мужиков.

Он посмотрел на них и увидел горящие испугом и злобой глаза, бледные лица, грязные жилистые кулаки.

— Ты — чего?!?!

— Да что вы, братцы... Если вам цветочков жалко — я, пожалуй, отдам вам ваши цветочки...

И выдвинулся из среды мужиков мудрейший среди них старик Петр Савельев Неуважай-Корьго.

Был он старик белый как лунь и глупый как колода.

— Цветочки собираешь, паршивец, — прохрипел мудрейший. — Брешет он, ребята! Холеру пуцает².

Авторитет стариков, белых как лунь и глупых как колода, всегда высоко стоял среди поселян...

— Правильно, Савельич!.. Хватай его, братцы.. Заходи оттелева!

Студент завопил.

— Визгани, визгани еще, чертов сын! Может, дьявол — твой батя — и придет тебе на выручку. Обыскивай его, дядя Миняй! Нет ли порошку какого?

Порошок нашелся.

Хотя он был зубной, но так как чистка зубов у поселян села Гоголевки происходила всего раз в неделю у казенной винной лавки, и то — самым примитивным способом, то культурное завоевание, найденное у студента в кармане завернутым в бумажку, с наглядностью удостоверяло в глазах поселян злокозненность студента.

— Вот он, порошок-то! Холерный... Как, ребята, располагаете: потопить парня или так, память?

Обе перспективы показались настолько не заманчивыми для студента, что он сказал:

— Что вы, господа! Это простой зубной порошок. Он не вредный... Ну хотите — я съем его?

— Брешешь! Не съешь!..

— Уверю вас! Съем — и мне ничего не будет.

— Всё равно погибать ему, братцы. Пусть слопает!

Студент сел посредине замкнутого круга и принялся уписывать за обе щеки зубной порошок.

Более сердобольные бабы, глядя на это, плакали навзрыд и шептали про себя:

— Смерть-то какую, болезный, принимает! Молоденький такой, а без покаяния.

— Вось! — сказал студент, показывая пустой пакетик.

— Ешь и бумагу, — решил Петр Савельев, белый как лунь и глупый как колода.

По газетным известиям, насыщение студента остановилось на зубном порошке, после чего его якобы отпустили.

А на самом деле было не так: студент, морщась, проглотил пустой пакетик, после чего его стали снова обыскивать: нашли записную книжку, зубочистку и флакон с гуммиарабиком³.

— Ешь! — приказал распорядитель неприхотливого студенческого обеда, Неуважай-Корыто.

Студент хотел поблагодарить, указавши на то, что он сыт, но когда увидел наклонившиеся к нему решительные бородатые лица, то безмолвно принялся за записную книжку. Покончив с ней, раздробил крепкими молодыми зубами зубочистку, запил гуммиарабиком и торжествующе сказал:

— Видите, господа? Не прав ли я был, утверждая, что это совершенно безопасные вещи?..

— Видимое дело, — сказал добродушный мужик по прозвищу Коровий-Кирпич. — Занапрасну скубенту избидели.

— Темный вы народ, — сказал студент, вздыхая.

Ему бы нужно было, ругнувши мужиков, раскланяться с ними и удалиться, но студента погубило то, что он был интеллигент до мозга костей.

— Темный вы народ! — повторил он. — Знаете ли вы, например, что эпидемия холеры распространяется не от порошков, а от маленьких таких штучек, которые бывают в воде, на плодах и овощах, — так называемых вибрионов, столь маленьких, что на капле воды их гораздо больше, чем несколько тысяч?

— Толкуй! — недоверчиво возразил Петр Савельев, но кое-кто сделал вид, что поверил.

В общем, настроение было настолько благожелательное, что студенту простили даже его утверждение, будто бы молния происходит от электричества и что тучи есть следствие водяных испарений, переносимых ветром с одного места на другое.

Глухой ропот поднялся лишь после совершенно неслыханного факта, что луна сама не светит, а отражает только солнечный свет.

Когда же студент осмелился нахально заявить, что Земля круглая и что она ходит вокруг Солнца, то толпа мужиков навалилась на студента и стала бить...

Били долго, а потом утопили в реке.
Почему газеты об этом умолчали — неизвестно.

II.

Выгнанный за пьянство телеграфист Васька Свищ долго слонялся по полустанку, ища какого-нибудь выхода из своего тяжелого положения.

И совершенно неожиданно выход был найден, в виде измятой кокарды, оброненной между рельсами каким-то загулявшим офицером.

— Дело! — сказал Васька Свищ.

Приладил к своей телеграфистской фуражке офицеру кокарду, надел тужурку, нанял ямщика и, развалившись в кибитке, скомандовал:

— Пшел в деревню Нижняя Гоголевка! Жив-ва!!! Там заплатят.

Лихо звеня бубенцами, подлетела тройка к старостиной избе.

Васька Свищ молодецкато выскочил из кибитки и, ударив в ухо изумленного его парадным видом прохожего мужика, крикнул:

— Меррзавцы!! Запорю!! Начальство не уважаете?? Беспутничаете! Старосту сюда!!

Испуганный, перетревоженный, выскочил староста.

— Чего изволишь, батюшка?

— «Батюшка»? Я тебе, рракалия, покажу — батюшка! Генерала не видишь? Это кто там в телеге едет?.. Ты кто? Шапку нужно снять или не надо? Как тебя?

— Ко... Коровий-Кирпич.

Телеграфист нахмурился и ткнул кулаком в зубы растерявшегося Коровьего-Кирпича...

— Староста! Взять его! Впредь до разбора дела. Я покажу вам!!! Распустились тут? Староста, сбей мне мужиков сейчас: бумагу прочитать.

Через десять минут все мужики Нижней Гоголевки собрались серой испуганной, встревоженной тучей.

— Тихо! — крикнул Васька Свищ, выступая вперед. — Шапки долой! Бумага: вследствие отношения государственной интендантской комис-

сии санитарных образцов с приложением сургучной печати, по соглашению с эмеритурным отделом⁴ Публичной библиотеки — собрать со всех крестьян по два рубля десять копеек тротуарного сбора, со внесением оного в Санкт-Петербургский мировой съезд!.. Поняли, ребята! Виновные в уклонении подвергаются заключению в крепость сроком до двух лет, с заменой штрафом до 500 руб. Поняли?!

— Поняли, ваше благородие! — зашелестели мужицкие губы.

— Благо-о-родие?! — завопил телеграфист. — Мер-завцы!!! Кокарды не знаете?⁵ Установлений казенной палаты на предмет геральдики не читали?! Староста! Взять этого! И этого! Пусть посидят! Тебя как? Не уважай-Корьго? Взять!

Через час староста с поклоном вошел в избу, положил перед телеграфистом деньги и сказал робко:

— Может, оно... насчет бумаги... поглядеть бы... Касательно печати...

— Осел!!! — рявкнул телеграфист, сунул в карман деньги, брезгливо отшвырнул растерянного старосту с дороги и, выйдя на улицу, вскочил в кибитку.

— Я покажу вам, негодяи, — погрозил старосте телеграфист и скрылся в облаке пыли.

Мудрейший из мужиков, Петр Савельев Неуважай-Корьго, белый как лунь и глупый как колода, подошел к старосте и, почесавшись, сказал:

— С самого Петербурху. Чичас видно! Дешево отделались, робята!

ЛЮДИ

Иван Васильевич Сицилистов¹ приподнялся на одном локте и прислушался..

— Это к нам, — сказал он задремавшей уже жене. —

Наконец-то!

— Пойди, открой им. Намокши на дожде, тоже не очень приятно стоять на лестнице.

Сицилистов вскочил и, полуодетый, быстро зашагал в переднюю.

Открыв дверь, он выглянул на лестницу. Лицо его расплылось в широкою, радостную улыбку.

— Ба, ба!! А я-то — позавчера ждал, вчера... Рад. Очень рад! Милости прошу к нашему шалашу.

Вошедший впереди всех жандармский офицер зажмурился от света. Лицо его выражало самое искреннее недоумение.

— Пардон!.. Но вы, вероятно... не поняли. Мы к вам с обыском!

Хозяин залился смехом так, что закашлялся.

— Оригиналы... открыл Америку! Ведь не буду же я думать, что вы пришли со мной в преферанс перекинуться.

Он весело захопотал около пришедших.

— Позвольте пальтецо... Вам трудно снять. Ишь, как оно намокло! Теперь я вам посвечу... Осторожнее: тут порог.

Жандармский офицер и пристав недоумевающе переглянулись, и первый, потоптавшись, сказал нерешительно:

— Разрешите приступить. Вот предписание².

— Ни-ни-ни! И думать не можете! Из-под дождя, с измокшими ногами, прямо за дело — этак не трудно и насморк схватить... А вот мы сейчас застрахуемся! А предписание ваше можете бабушке подарить: неужели порядочный человек не может верить порядочному человеку без предписания? Присядьте, господа! Виноват, ваше имя, отчество?

Офицер пожал плечами, отнеся этот жест к улыбавшемуся уже в усы приставу, и сказал, стараясь придать своим словам леденящий тон:

— Будучи официально уполномочен для производства обыска...

Хозяин замахал на него руками:

— Знаю, знаю!! Ах ты, Господи... Ну неужели обыск от вас уйдет? Разве же я не понимаю! Сам помогу! Но почему нам чуждаться хороших человеческих отношений?.. Не правда ли, Никодим Иванович, кажется?! Да? Хе-хе! Узнал-с, узнал-с!! И никогда не догадаетесь — откуда?! На доньшке фуражки вашей в передней прочел!! Ха-ха-ха!! Так вот... Лизочка! (Это моя жена... Превосходнейшая женщина!.. Я вас познакомлю.) Лизочка, дай нам чего-нибудь, — господам офицерам с дождя погреться!.. Ни-ни! Откажетесь — безумно меня обидите!!

Из соседней комнаты вышла прехорошенькая молодая женщина. Приводя мимоходом в порядок пышные волосы, она улыбнулась и сказала, шуря застанные еще глазки:

— Отказать мужчине вы еще могли, но даме — фи! Это будет не по-джентльменски!

Муж представил:

— Моя жена Елизавета Григорьевна — Никодим Иваныч! Господин пристав... виноват, не имею чести...

Пристав так растерялся при виде вошедшей красавицы, что вскочил и, щелкнув каблуками, преувеличенно громко отрекомендовался:

— Крутилов, Валериан Петрович!

— Да что вы?! Очень рада. У меня сына одного Валея зовут. Лукерья!

Явившейся кухарке она приказала:

— Проведи понятых и городских пока на кухню! Разогрей пирог, достань колбасы, огурцов... Водки там, кажется, есть с полчетверти... Одним словом, займись ими... А я похлопочу насчет их благородий!

Улыбнувшись смотревшему на нее во все глаза приставу, она выпорхнула.

Жандармский офицер, ошеломленный, открыл рот и начал:

— Извините, но...

За дверью послышался шум, возня, детские голоса, и в комнату ворвались два ликующих сорванца лет пяти-шести.

— Обыск, обыск! У нас обыск! — подпевали они в такт прыжкам таким тоном, будто радовались принесенному пирожному.

Один, топя босыми ножонками, подбежал к офицеру и ухватил его за палец:

— Здравствуй! Покатай меня на ноге, так: гоп, гоп!

Отец сокрушенно покачал головой:

— Ах вы, экспроприаторы этакие! Вы уж извините их... Это их в Одессе у меня разбаловали. Обыски у меня бывали чуть не два раза в неделю... ну, для них и не было лучшего удовольствия. Подружились со всеми... Верите — шоколад стали им носить, игрушки...

Видя, что мальчик тянется губками к его рыжим длинным усам, жандармский офицер нагнулся и поцеловал его.

Другой сидел верхом на колене пристава и, рассматривая погоны, деловым тоном спрашивал:

— Сколько у тебя звездочек? А сабля — вынимается? Я в Одессе сам вынимал — ей-Богу!

Вошедшая с подносом, на котором стояли разноцветные бутылки и закуски, мать искусственно-строго заметила:

— Сколько раз я тебе говорила, что божиться — дурная привычка! Он надоедает вам — спустите его на пол.

— Ничего-с... Помилуйте! Тебя как зовут, крыса, а?

— Митей. А тебя?

Пристав рассмеялся:

— Валея. Будем знакомы.

Мать, улыбаясь гостям, наливала в рюмки коньяк и, подвигая офицеру икру, говорила:

— Милости прошу. Согрейтесь! Нам так совестно, что из-за нас вы обеспокоили себя в эту дурную погоду.

— Валя! Дай мне икры, — потребовал Митя, царапая пальцем пуговицу на сюртуке пристава.

Через час жандармский офицер, подперев кулаком щеку, курил предложенную ему хозяином сигару и слушал.

— Разногласие с меньшевиками, — объяснял хозяин, — происходит у нас главным образом из-за тактических вопросов... Затем, наше отношение к террору...

Покачивая на руках уснувшего ребенка и стараясь не шуметь, пристав пытался сесть так, чтоб спящего не раздражал свет лампы.

Городовой Харлампов муслил толстый палец и потом, хлопая картой по столу, говорил:

— А вот мы вашего короля прихлопнем! Теперича дворник — принц, а вы, Лукерья Абрамовна, — королевой будете. Вроде как бы английская Виктория³. Хе-хе!

Лукерья застенчиво улыбалась, наливая пиво в пустые стаканы.
— Тоже ведь придумает эдакое... Уж сказано про вас — бюрократический режим.

ПОЧЕСТИ

В № 11981 «Нового Времени»
Меньшиков написал тысячный фельетон¹.

Меньшиков проснулся рано утром.
Спустил с кровати сухие с синими жилами ноги, сунул их в туфли, вышитые и поднесенные ему в свое время Марией Горячковой², и сейчас же подошел к окну³.

— Погодка, кажется, благоприятствует, — пробормотал он, с довольным видом кивнув головой, — я рад, что погода не помешает народным массам веселиться в радостный для них день юбилея.

Одевшись, он зачерпнул из лампадки горстью масло и обильно смазал редкие, топорщившиеся волосы.

— Для ради юбилея, — прошептал он, ежась от струйки теплого масла, поползшей по сухой согнутой спине.

Через полчаса швейцар суворинского дома открыл на звонок дверь и увидел сидящего, в ожидании, на ступеньках лестницы Меньшикова.

— Ты чего, старичок, по парадным звонишься? — приветствовал его швейцар. — Шел бы со двора.

— День-то какой ноне, Никитушка!

— Какой день? Обыкновенный.

— Никитушка! Да ведь можешь ты понять, тысячный фельетон сегодня идет!

— Так.

— Ну, Никитушка?

— Да ты что, ровно глухарь на току топчешься? Хочешь чего, что ли?

— Поздравь меня, Никитушка.

— Экий ты несообразный старичок... С чем же мне тебя поздравлять?

— Никитушка!.. Тысячный фельетон. Сколько я за них брани и поношения принял...

— Ну так что же?

— Поздравь меня, Никитушка.

— Эх ведь тебя растревожило. Ну, что уж с тобой делать: поздравляю.

— Спасибо, Никитушка! Я всегда прислушивался к непосредственному голосу народа. Вот обожди, я тебе на водку дам... Куда же это я капиталы засунул? Вот! Десять копеечек... Ты уж мне, Никитушка, три копеечки сдачи сдай. Семь копеечек тебе, а три копеечки мне...⁴ Хе-хе, Никитушка...

— На! Эх ты, жила.

— Не благодари, Никитушка... Ты заслужил. Это ведь говорится так — на водку, а ты бы лучше на книжку их в сберегательную кассу снес... Ей-Богу, право. Сам-то — встал?

— Встал. Иди уж. Ноги только вытри.

* * *

— К вам я, Алексей Сергеич...

— Что еще? Говорил я, кажется, что не люблю, когда ты на дом приходишь. Нехорошо — увидеть могут. Если нужно что, можешь в редакции поманить пальцем в темный уголок — попросишь, что нужно.

— День-то какой нынче, Алексей Сергеич!

— А что — дождь?

— Изволили читать сегодня? Тысячный фельетон у меня идет.

— Ну?

— Можно сказать — праздник духа.

— Да ты говори яснее: гривенником больше хочешь за строчку по этому случаю?

— За это я вашим вечным молитвенником буду... А только — день-то какой!

— Да тебе-то что нужно?

— Поздравьте, Алексей Сергеич!

— Удивляюсь... Ну скажи — зачем тебе это понадобилось?

Меньшиков переступил с ноги на ногу.

— Хочу, чтобы как у других... Тоже, если юбилей, то поздравляют.

— Глупости всё выдумываешь! Иди себе с Богом!⁵

* * *

Придя в редакцию, Меньшиков подошел к столу Розанова⁶ и протянул ему руку.

— Здравствуйте, Василь Васильич!

Близорукий Розанов приветливо улыбнулся, осмотрел протянутую руку и повел по ней взглядом до плеча Меньшикова. С плеча перешел на шею, но когда дошел до лица, то снова опустил взгляд на бумагу и стал прилежно писать⁷.

— Я говорю: здравствуйте, Василь Васильич!

— ...Брак не есть наслаждение... — бормотал Розанов, скрипя пером. — Брак есть долг перед вечным...⁸

От напряженного положения протянутая рука Меньшикова стала затекать. Опустить ее сразу было неловко, и он сделал вид, что ощупывает карандаш, лежавший на подставке.

— Странный карандашик... Таким карандашиком неудобно, я думаю, писать...

Меньшиков опустил на стул, рядом со столом Розанова, и беззаботно заговорил:

— А я сегодня тысячный фельетон написал. Ей-Богу. Можете поздравить, Василь Васильич... Много написал. Были большие фельетоны, и маленькие были. Да-с... Сегодня меня, впрочем, уже многие поздравляли: швейцар Никита — этаким славным народным чернозем! Алексей Сергеич поздравляли...

— ...Всякое половое чувство должно быть радостным и извечным... — бормотал, начиная новую страницу, Розанов.

— Я уж так и решил, Василь Васильич: напишу тысячный фельетон о печати! Хе-хе! Изволили читать? Вы где на даче в этом году живете? Впрочем, я думаю, что разговор со мной отвлекает вас? Ухожу, ухожу. Люблю, знаете, с приятелем в беседе старое вспомнить... До свиданья, Василь Васильич...

Меньшиков протянул опять руку, подержал ее минуты три, потом потрогал пресс-папье и сказал одобрительно:

— Славное пресс-папье!

* * *

Старческими шагами побрел к кабинету А. Стольпина⁹.

— Здравствуйте, Александр Аркадьич!

Меньшикову очень хотелось, чтобы Стольпин, хотя бы по случаю юбилея, пожал ему руку. Но старый, усталый мозг не знал — как это сделать?

Постояв минут десять у стола Стольпина, Меньшиков пустился на хитрость:

— А вы знаете — через три минуты будет дождь...

— Вечно ты, брат, чепуху выдумываешь, — проворчал Стольпин.

— Ей-Богу. Хотите пари держать?

Простодушный Стольпин попался на эту удочку.

— Да ведь проиграешь, старая крыса?

Однако руку протянул. Меньшиков с наслаждением долго мял стольпинскую руку. Когда Стольпин вырвал ее, Меньшиков хихикнул и, довольный, сказал:

— Спасибо за то, что поздравили!

* * *

Потом Меньшиков ушел из редакции и долго бродил по улицам, подслушивая, что говорит народ о его юбилее.

Никто ничего не говорил. Только в трамвае Меньшиков увидел одного человека, читавшего «Новое время».

Подсел к нему и, хлопнув по своей статье, радостно засмеялся.

— Что вы думаете об этой штуке?

Читавший сказал, что он думает.

Меньшиков вышел из трамвая и долго шел без цели, бормоча про себя:

— Сам ты старый болван! Туда же — в критику пускается.

* * *

Вечером сидел у кухарки на кухне и рассказывал:

— Устал я за день от всего этого шума, поздравлений, почестей... Начиная от швейцаров — до Столыпина — все как один человек. А Столыпин... чудак, право. Схватил руку, трясет ее, трясет, пожимает — смех, да и только! Старик тоже — увидел меня, говорит: что нужно — проси! Отведи в уголок и проси. Ей-Богу, не вру! Хочешь, говорит, набавить — набавлю. Публика тоже... В трамваях тоже... обсуждают статью.

* * *

Ночью он долго плакал.

РОБИНЗОНЫ

Когда корабль тонул, спаслись только двое:

Павел Нарымский — интеллигент.

Пров Иванович Акациев — бывший шпик.

Раздевшись догола, оба спрыгнули с тонувшего корабля и быстро заработали руками, по направлению к далекому берегу.

Пров доплыл первым. Он вылез на скалистый берег, подождал Нарымского и, когда тот, задыхаясь, стал вскарабкиваться по мокрым камням, — строго спросил его:

— Ваш паспорт!

Гольи Нарымский развел мокрыми руками:

– Нету паспорта. Потонул.

Акациев нахмурился.

– В таком случае, я буду принужден...

Нарымский ехидно улыбнулся.

– Ага... Некуда!

Пров зачесал затылок, застонал от тоски и бессилия и потом, молча, голый и грустный, побрел вглубь острова.

Понемногу Нарымский стал устраиваться. Собрал на берегу выброшенные бурей обломки и некоторые вещи с корабля и стал устраивать из обломков — дом.

Пров сумрачно следил за ним, прячась за соседним утесом и потирая голые худые руки. Увидев, что Нарымский уже возводит деревянные стены, Акациев крадучись приблизился к нему и громко закричал:

– Ага! Попался! Вы это что делаете?

Нарымский улыбнулся.

– Предварилку строю¹.

– Нет, нет... Это вы дом строите! Хорошо-с!.. А вы строительный устав знаете?

– Ничего я не знаю.

– А разрешение строительной комиссии в рассуждении пожара у вас имеется?

– Отстанете вы от меня?..

– Нет-с, не отстану. Я вам запрещаю возводить эту постройку без разрешения.

Нарымский, уже не обращая на Прова внимания, усмехнулся и стал прилаживать дверь.

Акациев тяжело вздохнул, постоял и потом тихо поплелся вглубь острова.

Выстроив дом, Нарымский стал устраиваться в нем как можно удобнее. На берегу он нашел ящик с книгами, ружье и бочонок солонины.

Однажды, когда Нарымскому надоела вечная солонина, он взял ружье и улубился в девственный лес с целью настрелять дичи.

Все время сзади себя он чувствовал молчаливую, бесшумно перебежавшую от дерева к дереву фигуру, прячущуюся за толстыми стволами, но не обращал на это никакого внимания. Увидев пробежавшую козу, приложился и выстрелил.

Из-за дерева выскочил Пров, схватил Нарымского за руку и закричал:

— Ага! Попался... Вы имеете разрешение на право ношения оружия?

Обдирая убитую козу, Нарымский досадливо пожал плечами:

— Чего вы пристааете? Занимались бы лучше своими делами.

— Да я и занимаюсь своими делами, — обиженно возразил Акациев. — Потрудитесь сдать мне оружие под расписку на хранение, впредь до разбора дела.

— Так я вам и отдал! Ружье-то я нашел, а не вы!

— За находку вы имеете право лишь на одну треть... — начал было Пров, но, почувствовав всю нелепость этих слов, оборвал и сердито закончил:

— Вы еще не имеете права охотиться!

— Почему это?

— Еще Петрова дня не было! Закону не знаете, что ли?²

— А у вас календарь есть? — ехидно спросил Нарымский.

Пров подумал, переступил с ноги на ногу и сурово сказал:

— В таком случае, я арестую вас за нарушение выстрелами тишины и спокойствия.

— Арестуйте! Вам придется дать мне помещение, кормить, ухаживать за мной и водить на прогулки!

Акациев заморгал глазами, передернул плечами и скрылся между деревьями.

Возвращался Нарымский другой дорогой.

Переходя по сваленному бурей стволу дерева маленькую речку, он увидел на другом берегу столбик с какой-то надписью.

Приблизившись, прочел:

ЕЗДА ПО МОСТУ ШАТОМ.

Пожав плечами, наклонился, чтоб утолить чистой, прозрачной водой жажду, и на прибрежном камне прочел надпись:

НЕ ПЕЙТЕ СЫРОЙ ВОДЫ!³
ЗА НАРУШЕНИЕ СЕГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ВИНОВНЫЕ ПОДВЕРГАЮТСЯ...

Заснув после сытного ужина на своей теплой постели из сухих листьев, Нарымский среди ночи услышал вдруг какой-то стук и, отворив дверь, увидел перед собою мрачного и решительного Прова Акациева.

— Что вам угодно?

— Потрудитесь впустить меня для производства обыска. На основании агентурных сведений...

— А предписание вы имеете?⁴ — лукаво спросил Нарымский.

Акациев тяжело застонал, схватился за голову и с криком тоски и печали бросился вон из комнаты.

Часа через два, перед рассветом, стучался в окно и кричал:

— Имейте в виду, что я видел у вас книги. Если они предосудительного содержания и вы не заявили о хранении их начальству — виновные подвергаются...

Нарымский сладко спал.

Однажды, купаясь в теплом, дремавшем от зноя море, Нарымский отплыл так далеко, что ослабел и стал тонуть.

Чувствуя в ногах предательские судороги, он собрал последние силы и инстинктивно закричал. В ту же минуту он увидел, как вечно торчавшая за утесом и следившая за Нарымским фигура поспешно выскочила и, бросившись в море, быстро поплыла к утопающему.

Нарымский очнулся на песчаном берегу. Голова его лежала на коленях Прова Акациева, который заботливой рукой растирал грудь и руки утопленника.

— Вы... живы? — с тревогой спросил Пров, наклоняясь к нему.

— Жив. — Теплое чувство благодарности и жалости шевельнулось в душе Нарымского. — Скажите... Вот вы рисковали из-за меня жизнью... Спасли меня... Вероятно, я все-таки дорог вам, а?

Пров Акациев вздохнул, обвел ввалившимися глазами беспредельный морской горизонт, охваченный пламенем красного заката, — и просто, без рисовки, ответил:

— Конечно, дороги. По возвращении в Россию вам придется заплатить около ста десяти тысяч штрафов или сидеть около полутора лет.

И, помолчав, добавил искренним тоном:

— Дай вам Бог здоровья, долголетия и богатства.

ВИЗИТ

Октябрист¹ приблизился к швейцару и, кланяясь, вежливо сказал:

— Здравствуйте, ваше благородие! Христос Воскресе!

Польщенный швейцар улыбнулся:

— Ну какое там благородие: далеко мне².

— Не скажите. Жена, детки — здоровы?

— Сынишка кашляет.

— Что вы говорите! Это ужасно.

— Да... А жена уехала в Выгтегру.

— Что вы говорите?! Прекрасный город Выгтегра. Я слышал, что ваша супруга предостойнейшая женщина... Сами ли вы в добром здорье?

— Что это ты, брат, чудной какой? Уж не Октябрист ли?

Октябрист стыдливо потупился и прошептал:

— Октябрист.

— Ага! Так, так... Ты начальство почитай. А уж мы тебя не забудем... Хе-хе!

Швейцар дружески потрепал улыбающегося Октябриста по животу и спросил:

– Доложить?

– Да-с, господин управляющий.

Через минуту Октябрист входил в приемную его превосходительства...

Маленькая злая собачонка, лежавшая на диване, заворчала, бросилась на вошедшего и укусила его за ногу.

Октябрист улыбнулся и, прищелкивая пальцами, стал звать собачонку:

– Цып-цып-цып!..

– Ах, извините, пожалуйста! Она вам порвала брюки...

– Христос Воскресе, ваше пр-во-с. Ниче-го-с... Они только пошутили, собачки ваши. Насчет же брюк, то в рассуждении вентиляции это даже полезно...

– Но у вас из ноги каплет кровь!

– По совести говоря, ваше пр-во, я бы их, собачончку эту, еще благодарить должен-с. Сложения, я, знаете, апоплексического, а они мне бесплатное кровопускание сделали. Хе-с, хе-с!..

Сели. Октябрист посмотрел в окно и сказал:

– Какая прекрасная погода!

– Что вы! Погода скверная...

– Вы знаете, ваше пр-во, я еще с утра, когда встал, то говорю жене: «Знаешь, Липочка, погода будет неважная». И действительно – погода оказалась скверная!

Октябрист подумал немного и решил сказать хозяину что-нибудь самое приятное:

– Прекрасная у вас собачка! Рублей сто стоит?

– Что вы! Жена ее за пять рублей щенком купила. Ах да! Не хотите ли вы закусить? Пожалуйте к столу.

Проходя к столу, Октябрист задержался около висевшей на стене картины и похвалил ее:

– Прекрасный морской вид. Вообще, Рембрандт в этом отношении не имеет соперников.

– Какой же это Рембрандт? Это Судковский³.

– Но, ваше пр-во, Рембрандт тоже был хорошим художником. Хотя Судковский, конечно...

Октябрист потрогал рукой раму, погладил полотно и значительно сказал:

– Тысяч пятнадцать!

– Триста рублей! Пожалуйста... Вам прикажете налить чего-нибудь?

– Ах, что вы! В рот не беру!.. Я так рассуждаю: разве может человек, любящий родину, отравлять себя алкоголем?!

Но сейчас же, вспомнив о казенной продаже водки, гость сконфузился и покраснел...

– Конечно, те, кто занимается физическим трудом, должны ее пить, потому что, как это говорится: *mens sana in* * Квисисана...⁴ Но напряженный умственный труд, ваше пр-во, требует трезвости.

– А вот я, грешный человек, люблю выпить рюмку-другую.

– Совершенно правильно, ваше пр-во. Я еще читал где-то, что алкоголь в небольших дозах возбуждает энергию и деятельность. А я, в сущности, не пью из-за, извините, печени.

Вошел слуга и доложил, что хозяина вызывают к телефону.

– Извините. Одну минуту.

Оставшись один, Октябрист поправил галстук и строго посмотрел на лежавшую у его ног собачку.

– У-у, дрянь этакая! Чтоб ты лопнула!

Собачонка посмотрела на него равнодушным взглядом.

– Только жаль, что визжать будешь... А то бы я тебе такого пинка дал, что ты к стене отлетишь. Пошла вон!! Черти тебя задери...

Он наклонился и сильно дернул собачонку за ухо.

– Гррр... – громко зарычала она.

– Ну, ну... Собаченочка! Цто ты, цто ты? Ну, кто нас обидел, кто...

Мы нервненькие, правда?

---

* ум здравый в (лат.).

Октябрист прислушался, дрожащей рукой налил себе рюмку рябиновой и, боязливо поглядев на собаку, выпил. Потом взял рукой кусок семги и поспешно засунул ее в рот, торопясь прожевать.

— А вот и я. Позвольте предложить вам чего-нибудь скушать.

Гость сделал вид, что закашлялся, вынул носовой платок и выплюнул в него семгу.

— В сущности, я, ваше пр-во, сыт. Уже завтракал-с.

— В таком случае кофе? Ликеру? Ну, ликеру-то вы со мной выпьете... Легонького. Абрикотину.

— Не смею отказаться.

Гость потянулся за налитой рюмкой. Собачонка от его движения вздрогнула и звонко залаяла. Вздрогнул и гость.

— Ах, Боже ты мой, что я наделал!!

Тоненькая струйка абрикотина поползла по белоснежной скатерти.

— Ваше пр-во! Честное слово, это ваша собачка... Они залаяли...

— Ну, пустяки. Сейчас вытрут.

— Ваше пр-во! Я сам присыплю солью. Тогда пятна не будет.

Гость дрожащей рукой схватил баночку с горчицей и стал трясти ее на пятно.

— Виноват, но ведь это горчица.

— Ваше пр-во!.. Ей-Богу, нечаянно. Позвольте, я ножичком соскоблю горчицу.

— Да не беспокойтесь. Вон вы ножом и разрезали скатерть. Видите, какой вы!..

— Ваше!.. Видит Бог, не хотел я этого... Вы и в Думе знаете меня, я никогда — чтобы кто-нибудь... Можете даже Остен-Сакена спросить...⁵

В смущении и растерянности Октябрист замолол такую дрянь, что даже его пр-во сконфузился.

— Вы, может быть, нездоровы? Тогда не смею удерживать...

— Прощ... щайте, ваше пре...пре... Воистину Воскресе... Прощайте, собачка... Ввввв...

Октябрист не помнил, как добрался домой. Его трясла лихорадка, и жена уложила его спать.

Он метался в кровати, бредил, и в бреду ему чудилась страшная картина: ехидная собачонка, после его ухода, поманила лапой хозяина и, когда тот нагнулся к ней, потихоньку сообщила:

— А этот-то... что был у тебя... Когда ты вышел к телефону — он выпил рюмку водки и спрятал в карман кусок семги. Своими глазами видела.

— Хорошо... — сурово сказал хозяин. — Если так, то завтра же разгоним Думу...⁶

БЕДСТВО

Неожиданный урожай тек. года поставил в большое затруднение — как М-во путей сообщения, так и сельских хозяев, принужденных продавать хлеб почти даром¹.

«Торгово-Промышл. Газета»².

I.

Перед директором департамента стоял чиновник и смущенно докладывал:

— Мы получили самые верные сведения... Сомнений больше нет никаких! Так и лезут из земли.

— Что ж это они так... Недогадели, что ли?

— Да что ж тут доглядывать, ваше пр-во. Дело Божье!

— Конечно, Божье... Но ведь и пословица говорит: на Бога надейся, а сам не плошай. А вы говорите — лезут?! Что же лезет больше?

— Многое лезет, ваше пр-во... Рожь, пшеница...

— Но не понимаю... Теперь, когда агрономическая культура сделала такие шаги, неужели нельзя принять какие-нибудь меры?

— Какие меры, ваше пр-во?

— Чтоб они не лезли, эти самые пшеницы, ржи и прочее.

– Тут уж ничего не поделаешь. Раз полезло из земли — с ним не справишься. Зерно маленькое-маленькое, а силища в нем громадная! Нет, уж видно, судьба такая, чтобы быть урожаю!

– Ну а мужики что?

– Да что ж мужики — плачут. Сколько лет уже, говорят, не было этих самых урожаев, а тут — разгневался Господь — послал.

Директор осмотрел уныло свои ногти и вздохнул:

– Мужиков жаль!

– Да-с. Сюрпризец! Вот уж правду говорят: многострадальный русский народ.

– Э?

– Многострадальный, говорю. И они многострадальные, и мы... Нам-то еще хуже, ваше пр-во! Как начнут это вагоны требовать, пробки разные устраивать³, в газетах нас ругать — чистойшей воды драма.

– А может... еще и недород будет?

– Нет ни малейшей надежды. Я наводил справки. В один голос все — урожай!

– Опять эта кутерьма пойдет: бесплатные столовые, общеземские организации на местах, пострадавших от урожая, крестьянское разорение. Эх ты, русский народ!

В голосе директора послышались лирические нотки.

– Эх ты, русский народ! Кто тебя выдумал, как говорит незабвенный Гоголь...⁴ До того ты темен и дик, что от простого урожая отвертеться не можешь.

– Трудно отвертеться, ваше пр-во. Лезет!

– Кто лезет?

– Всё, что в земле есть. Поверите — в некоторых местах опасаются, что и фрукты могут дать урожай!!

– Что вы говорите! Эх, хорошо говорил покойный Гоголь: урожай, кто тебя выдумал?

II.

Мужик Савельев стоял у межи своего поля и ругался:

— Ишь ты! Ишь ты, подлая! Так и прет! У людей как у людей — или градом побьет, или скот выгопчет, а у нас — хучь ты ее сам лаптем приколачивай!

— Что ты, кум, ворчишь? — спросил, подойдя к Савельеву, мужик Парфен Парфенов.

— Да что, брат дядя, рожь у меня из земли лезет. И не доглядишь, как урожай будет.

— Ну? — сказал Парфен Парфенов. — Влопаешься ты, кум!

— И то! Сколько лет по-хорошему было: и о прошлом годе — недород, и о позапрошлом — недород, а тут — нако-ся! Урожай. Пойти в кусочки потом и больше никаких апельцинов!

— А во, брат, тучка отгеда идет. Помочит, может, — на корню она, подлая, подгниет. Всё лучше, чем потом по двутривенному за пуд⁵ рас-торговываться.

Глаза Савелия Савельева загорелись надеждой.

— Где? Где туча?..

— Во. Гляди, может, градом осыплется.

— Вашими бы устами, Парфен Лукич, — сказал повеселевший Савельев, — да мед пить!

Здрав рыжие бороды кверху, долго стояли кумовья и следили за ползущей тучей.

III.

Газета «Голос Мудрости» писала в передовой статье:

Мы давно призывали общество к более тесному единению и борьбе со страшным бичом русского крестьянина — урожаем! Что мы видим: в нормальное, спокойное время, когда ряд недородов усыпляет общественное внимание, все забывают, что коварный враг не спит и в это же самое время, может быть, продирает ростками землю, чтобы вы-

биться наружу зловещими длинными колосьями, словно рядом бичей, угрожающих нашему сельскому хозяйству. А потом ахают и охают, беспомощно мечась перед призраком бедствия:

— Ах, урожай! Ох, урожай!..

И нищает сельское хозяйство, и забиваются железные дороги пробками, тормозя нормальное развитие отечественной промышленности. Сельские хозяева! Помните:

— Враг не дремлет!

IV.

По улице большого города шел прохожий.

Истомленные оборванные люди, держа на руках двух ребят, подошли к нему и зашептали голодными голосами:

— Господин! Помогите пострадавшим от урожая!

— Неужели вы пострадавшие? Может, вы только симулируете пострадавших от урожая? — спросил сердобольный прохожий.

— Де там! Хворменный был урожай!

— И много у вас уродилось?

— Сам-двадцать!

— Несчастные! — ахнул прохожий. — Натя вам три рубля. Может, поправитесь.

.....
.....

МУЧЕНИК НАУКИ

Провинциальные губернаторы предписали местной полиции следить за внешкольным поведением учащихся.

Когда околоточный¹ входил в комнату, шашка его зацепилась за ручку двери.

Отцепить старались: он сам, Мишка, Мишкин отец и горничная. Все были смущены, и околоточный больше всех.

Он конфузливо потер красные большие руки, для чего-то надул щеки и, с деланной развязностью, сказал:

— Ну, как сынок ваш?

— Ничего, здоров, благодарю вас. Мишка! Оставь нос — по рукам получишь.

Постояли все, помолчали.

— Погодка-то нынче, а?

— Да.

Околоточный подошел к стене и с нескрываемым интересом стал рассматривать картину, изображавшую «Бабушкины сказки»².

— Вы бы присели!

— Благодарю вас. Прекрасная картина!

— Да.

Околоточный сел и опять потер руки.

— Ну, как дела, молодой человек?

Царапая ногтем спинку кресла, Мишка застенчиво ответил:

— Благодарю вас. Ничего.

Околоточный подергал головой, вскочил с кресла и опять подошел к картине.

— Масляными красками?

— Нет, премия к «Ниве»³.

— Ага! Так, так. Хороший журналчик.

— Да.

– Престранная вещь у нас вчера в участке случилась: привели какого-то пьяного, а он по-русски ни слова!

– Поди ж ты! Иностранец, значит, – догадалась мать. – Мишка! По рукам получишь!

– Вы, молодой человек, тово... маменьку слушайте. Они вас кормят.

Мишка в паническом ужасе посмотрел на околоточного и прошеле-стел:

– Я... Слушаюсь.

– Эти картины вообще вещь превосходная. Заплатил семь рублей в год – и Салтыкова тебе какого-нибудь дадут двенадцать книжек, и украшение для гостиной⁴.

– Да.

– В этом году какое приложение дают?

– Не знаю. Мы теперь перестали выписывать.

Околоточный встал и потрогал рукой картину.

– Совершеннейшие масляные краски. Даже удивительно!

Он выгтер холодный пот со лба и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

Сел и снова ее отстегнул.

– Вы, может быть, посмотрели бы, как мальчик занимается?

Околоточный даже икнул от радости.

– Да, да! Это очень интересно.

– Пойдемте в его комнату!

Все встали и пошли через темный коридор.

Идя впереди, околоточный попал в самый конец коридора, и когда открыл преграждавшую ему дальнейший путь дверь, то сейчас же отшатнулся и быстро ее захлопнул.

– Не сюда! Здесь нехорошо, – предупредил отец, а Мишка сзади тихонько хихикнул.

Вошли в небольшую комнату Мишки и сели. Мать села на кровать с таким расчетом, чтобы можно было ногой незаметно пододвинуть вглубь какую-то вещь, которая, поместившись на виду, могла своим видом шокировать благовоспитанный глаз.

Околоточный обвел глазами комнату и с тайным ужасом заметил, что стены были без картин, совершенно голые.

Он обратил свое внимание на стол, закапанный чернилами. Взял истерзанный атлас и стал его внимательно перелистывать.

— Америка... А ну, молодой человек, покажите, где здесь город... Трансвааль⁵, что ли?

Мишка придвинулся к столу и уверенно сказал:

— Трансвааль на три страницы дальше: в Африке.

Околоточный насильственно улыбнулся и неумело подмигнул.

— Ишь ты! Вас не поймаешь... Я-то знал, а вот хотел вас подвести.

И соврал. Решил, на всякий случай, запомнить.

— А историю вы знаете?

— Древнюю или новую?

— Ну да, поновее что-нибудь... Как звали, например, того царя, у которого из живота дерево выросло?

— Это не у него, а у его мамы. Снилось ей. Его звали Кир⁶.

— Вот, вот. А то, представьте, — обратился он к отцу, — был еще такой чудак: взял и высек плетью море⁷. Как вам это понравится?

— Да, вообще... Комичные эти греки были.

Околоточный передвинул чернильницу и спросил Мишку с неожиданною строгостью:

— А Берлин где?

— В Германии.

— Молодец! Ловко угадал. Ну, ты учись тут, слушайся родителей, а я пойду.

Все сразу повеселели.

Отец пожал уходившему руку, а мать приветливо спросила:

— Чаю не хотите?

— Нет-с, не пью, то есть уже пил. Всего лучшего.

Стоя на улице, околоточный долго вытирал платком лоб и щеки и злобно озирался.

Потом, увидя проходившего мороженщика, набросился на него.
– Моррроженое продаешь, рракалия?! Кричишь, мерзавец?! За нарушение тишины, знаешь...
И, закусив белыми зубами губу, он ударил мороженщика в ухо.

СПЕРМИН

Это была самая скучная, тоскливая сессия Думы.
Вначале еще попадались некоторые неугомонные читатели газет, которые после долгого сладкого зевка оборачивались к соседу по месту в трамвае и спрашивали:

– Ну, как Дума?

А потом и эти закоренелые политики как-то вывелись...¹

Голодным, оборванным газетчикам приходилось долго и упорно бежать за прохожим, заскакивая вперед, растопыривая руки и с мольбой в голосе крича:

– Интересная газета!! Бурное заседание Государственной Думы!!

– Врешь ты всё, брат, – брезгливо говорил прохожий. – Ну какое там еще бурное?..

– Купите, ваше сиятельство!

– Знаем мы эти штуки!..

Отодвинув рукой ослабевшего от голода, истомленного нуждой газетчика, прохожий шагал дальше, а газетчик в слепой, предсмертной тоске метался по улице, подкатывался под извозчиков и хрипло, стелая, кричал:

– Интересная газета! На Малой Охте² чухонка любовника топором зарубила!! Купите, сделай милость!

И жалко их было, и досадно.

Неожиданно среди общего сна и скуки, как удар грома, грянул небывалый скандал в Думе.

Скандал был дикий, нелепый, ни на чем не основанный, — но всё ожило, зашевелилось, заговорило, как будто вспрыснутое живительным летним дождиком.

Негодованию газет не было предела.

После долгой спячки — и пережевывания никому не нужной вермишели — Дума наконец проснулась довольно своеобразно и самобытно: правый депутат Карнаухий закатил такой скандал, подобного которому еще не бывало... Встреченный во время произнесения своей возмутительной речи с трибуны общим шиканьем и протестами — Карнаухий выругался непечатными словами, снял с ноги сапог и запустил им в председательствующего... Когда к нему бросились депутаты, он выругал всех хамами и дохлыми верблюдами и потом, схватив стул, разбил голову депутату Рыбешкину. Когда же наконец прекратятся эти возмутительные бесчинства черносотенной своры?! Исключение наглого хулигана всего на пять заседаний должно подлить лишь масла в огонь, т.к. ободрит других и подвинет на подобные же бесчинства! Самая лучшая мера воздействия на подобных господ — суд и лишение депутатского звания!

Газетчики уже не бегали, стеля, за прохожими. Голодное выражение сверкавших глаз сменилось сытым, благодушным...

* * *

Издателю большой ежедневной газеты Хваткину доложили, что к нему явился депутат Карнаухий и требует личного с ним свидания.

— Какой Карнаухий? Что ему надо? — поморщился издатель. — Ну, черт с ним, проси.

Рассыльный ушел. Дверь скрипнула, и в кабинет, озираясь, тихо вошел депутат Карнаухий.

Он подошел к столу, придвинув к себе стул, сел лицом к лицу с издателем и, прищурившись, молча стал смотреть в издательское лицо...

Издатель подпер голову руками, облокотился на стол и тоже долго, будто любуясь, смотрел в красное, широкое лицо своего гостя.

– Ха-ха-ха! – раскатился издатель неожиданным хохотом...

– Хо-хо-хо! – затрясся всем своим грузным телом Карнаухий.

– Хи-хи-хи!

– Го-го-го!

– Хе!

– Гы!

– Да и ловкач же ты, Карнаухий!

Сквозь душивший его хохот Карнаухий скромно заявил:

– Чего ж ловкач... Как условлено, так и сделано. Доне муа того кельк-шозу³, который в той железной щикатулке лежит!

Издатель улыбнулся.

– Как условлено?

– А то ж!

Издатель встал, открыл шкафчик, вынул несколько кредиток и, осмотревшись, сунул их в руку Карнаухому.

– Эге! Да тут четвертной не хватает!

– А ты министрам кулак показывал, как я просил? Нет? То-то и оно, брат. Ежели бы показал, так я, тово... Я честный – получай полностью! А раз не показал – согласишься сам, брат Карнаухий...

– Да их никого и не было в ложе.

– Ну, что ж делать – значит, мое такое счастье!

Карнаухий крикнул, покачал укоризненно головой, сунул деньги в карман и взялся за шапку.

– Постой, брат, – остановил его издатель, потирая лоб. – Ты ведь, тово... Исключен на пять заседаний? Это хорошо, брат... Так и нужно. Пока ты забудешься. А там я б тебе еще работку дал. Скажи... не мог бы ты какого-нибудь октябриста⁴ на дуэль вызвать?

– Так я его лучше просто отдую, – добродушно сказал Карнаухий.

– Ну вот... Придумал тоже! Дуэль – это дело благородное, а то – черт знает что – драка.

Карнаухий пощелкал пальцами, почесал темя и согласился:

– Что ж, можно и дуэль. На дуэль своя цена будет. Сами знаете...

– Не обижу. Только ты какой-нибудь благовидный предлог при-

думай... Подойди, например, к нему и привяжись: «Ты чего мне вчера на пиджак плюнул? Дрянь ты октябристская!» Можешь толкнуть его даже.

— А ежели он не обидится?

— Ну как не обидится? Обидится. А потом, значит, ты сделай так...

* * *

Долго в кабинете слышался шепот издателя и гудящий бас Карнаухова.

Провожая его, издатель сделал страшное лицо и сказал:

— Только ради Создателя — чтобы ни редактор, ни сотрудники ничего не знали... Они меня съедят.

— Эге!

Когда Карнаухий вышел на улицу, к нему подскочил веселый, сытый газетчик и крикнул:

— Грандиозный скандал! Исключение депутата Карнаухова на пять заседаний!!

Карнаухий улыбнулся и добродушно проворчал:

— Тоже кормитесь, черти?!

ОКТЯБРИСТ ЧИКАЛКИН

К октябристу Чикалкину явился околоточный надзиратель¹ и объявил, что предполагавшееся им, Чикалкиным, собрание в городе Битюге² с целью сообщения избирателям результатов деятельности его, Чикалкина, в Думе — не может быть разрешено.

— Почему? — спросил изумленный Чикалкин.

– Потому. Неразрешенные собрания воспрещаются!

– Так вы бы и разрешили!

Околоточный снисходительно усмехнулся.

– Как же это можно: разрешить неразрешенное собрание? Это противозаконно.

– Но ведь, если вы разрешите, оно уже перестанет быть неразрешенным, – сказал, подумавши немного, Чикалкин.

– Так-то оно так, – ответил околоточный, еще раз усмехнувшись бестолковости Чикалкина. – Да как же его разрешить, если оно пока что – неразрешенное? Посудите сами.

– Хорошо, – сказал зловеще спокойным тоном Чикалкин. – Мы внесем об этом в Думе запрос.

– Распишитесь, что приняли к сведению, – хладнокровно кивнул головой околоточный.

* * *

Когда октябрист Чикалкин остался один, он долго, взволнованный и возмущенный до глубины души, шагал по комнате...

– Вы у меня узнаете, как не разрешать! Ладно!! Запрос надо формулировать так: «Известно ли... и тому подобное, что администрация города Битюга своими незаконномер...»

Чикалкин вздохнул и потер бритую щеку.

– Гм. Резковато. За версту кадетом³ несет... Может, так: «Известно ли и тому подобное, что ошибочные действия администр...» А что такое «ошибочные»? Ошибка – не вина. Тот не ошибается, кто ничего не делает. Да что ж я, в самом деле, дурак... Запрос! Запрос! Не буду же я его один вносить. А фракция – вдруг скажет: несвоевременно! Ну конечно, скажет... Такие шутки всегда несвоевременны. Запрос! Эх, Чикалка! Тебе, брат, нужно просто министру пожаловаться, а ты... Право! Напишу министру этакое официальное письмо...

* * *

Октябрист Чикалкин сел за стол.

— Ваше высокопревосходительство! Сим довожу до вашего сведения, что произвол властей...

Перо Чикалкина застыло в воздухе. В столовой гулко пробило два часа.

— ... что произвол властей...

В столовой гулко пробило половину третьего.

— ... что произвол властей, которые...

Рука онемела. В столовой гулко пробило пять.

— ... что произвол властей, которые...

Стало смеркаться.

— Которые... произвол, котор...

И вдруг Чикалкину ударило в голову:

— А что, если...

Он схватил начатое письмо и изорвал его в клочья.

— Положим... Не может быть!.. А вдруг!

Октябрист Чикалкин долго ходил по комнате и наконец, всплеснув руками, сказал:

— Ну конечно! Просто нужно поехать к исправнику и спросить о причине неразрешения. В крайнем случае — припугнуть.

* * *

Чикалкин оделся и вышел на улицу.

— Извозчик! К исправнику! Знаешь?

— Господи! — с суеверным ужасом сказал извозчик. — Да как же не знать-то! Еще позавчерась оны меня обстраховали за езду. Такого, можно сказать, человека да не знать! Скажут такое.

— Что же он — строгий? — спросил Чикалкин, усаживаясь в пролетку⁴.

— Он-то? Страсть. Он, ваше высокоблагородие, будем прямо говорить — строгий человек. И — и! Порох! Чиновник мне один анадьсь сказывал... Ему — слово, а он сейчас ножками туп-туп, да голосом: в Сибирь, говорит, вас всех!! Начальство не уважаете!!

— Что ж он — всех так? — дрогнувшим голосом спросил Чикалкин.
— Да уж такие господа... Строгие. Если что — не помилуют.
Октябрист Чикалкин помолчал.
— Ты меня куда везешь-то? — неожиданно спросил он извозчика.
— Дык сказывали — к господину исправнику...
— «Дык сказывали!» — передразнил его Чикалкин. — А ты слушай ухом, а не брюхом. Кто тебе сказывал? Я тебе, дураку, говорю — вези меня в полицейское управление, а ты к самому исправнику!.. Мало штрафуют вас, чертей. Заворачивай!

* * *

— Да, брат, — заговорил Чикалкин, немного успокоившись. — В полицейское управление мне надо. Хе-хе! Чудаки эти извозчики... ему говоришь туда, а он тебя везет сюда. Так-то, брат. А мне в полицейское управление и надо-то было. Собрание, вишь ты, мне не разрешили. Да как же! Я им такое неразрешение покажу! Сейчас же проберу их хорошенько, выясню, как и что. Попляшут они у меня! Это уж такая у нас полиция — ей бы только придраться. Уже... приехали?.. Что так скоро?

— Старался как лучше.

— Могу я видеть пристава? — спросил Чикалкин, входя. — То есть... господина пристава... можно видеть?

— Пожалуйста.

— Что нужно? — поднялся навстречу Чикалкину грузный человек с сердитым лицом и длинными рыжими усами.

— Я хотел бы этого... спросить вас... Могу ли я здесь получить значок для моей собачки на предмет уплаты городского налога?

— Э, черт! — отрывисто вскричал пристав. — Шляются тут по пустыкам! В городской управе нужно получать, а не здесь. Герасимов, дубина стоеросовая! Проводи.

НЕВОЗМОЖНОЕ

Учитель истории Максим Иванович Тачкин сидел, склонив голову к журналу, и тихо, зловеще перелистывал его.

— Вызовем мы... ну, хотя бы... Синюхина Николая!

Синюхин Николай побледнел, потупил голову, приблизился к кафедре и открыл судорожно искривленный рот.

— Ну-с? — поощрил его Тачкин.

— Я урока не знаю... — смотря в окно, испуганно заявил Синюхин.

— Да? — наружно удивился Тачкин. — Почему? Не можешь ли ты мне объяснить?..

Синюхину Николаю нужно бы было объяснить, что система «от сих до сих» и «повторить то, что было задано в прошлую среду», — настолько сухая система, что она никак не могла заинтересовать Синюхина. Мог бы Синюхин сказать и то, что он пытался несколько раз вчитаться в книгу, несколько раз начинал «от сих», но сухие, не будившие пылко воображения факты путались в голове, рассыпались и своей ненужной громоздкостью мешали Синюхину добраться «до сих», до этих милых, манящих каждого прилежного, зубрящего ученика своим уютом и грядущей свободой — «сих».

Синюхин не хотел откровенничать с учителем.

— У меня голова болела... мама захворала... в аптеку бегал...

— Ой-ой-ой, — засмеялся Тачкин. — Как много! А поставлю-ка я тебе, Синюхин Николай, единицу. А?

Он посмотрел внимательно в лицо ученику Синюхину и, заметив на нем довольно определенное, лишенное двусмысленности выражение, — отвернулся и задумался...

«Воображаю, как он сейчас ненавидит меня. Воображаю, что бы он сделал со мной, если бы я был на его месте, а он — на моем». .....

Держа под мышкой журнал, в класс вошел ученик Николай Синюхин и, вспрыгнув на кафедру, обвел внимательным взором учителей, сидевших, с бледными, испуганными лицами, на ученических партах.

Ученик Николай Синюхин опустился на стул, развернул журнал и, помедлив одну зловещую минуту, оглядел ряд сидящих лиц, в вицмундирах с блестящими пуговицами...

— Ну-с, — сказал он. — Кого же мы вызовем?.. Разве Ихментьева Василия?..

Учитель географии Василий Павлович Ихментьев съежился, обдернул вицмундир и робко приблизился к кафедре.

— Ихментьев Василий? — спросил ученик Синюхин, оглядывая учителя. — Гм... Должен сказать вам, Ихментьев Василий, что ваше поведение и успехи меня не радуют!

— Почему же? — оторопел, спросил учитель. — Почему же, Николай Степаньч? Кажется, я стараюсь...

— Да? — иронически улыбнулся Синюхин. — Стараетесь? Я бы этого не сказал... Видите ли, г. Ихментьев... Я человек не мелочный и не придерживусь к вам из-за того, что у вас вон сейчас оторвана одна пуговица вицмундира и рукав измазан мелом... Это пустяк, к науке не имеющий отношения, и мне до сих пор стыдно за то время, когда за подобные пустяки виновные наказывались уменьшением отметки в поведении. Нет! Не то я хочу сказать, Ихментьев Василий... А позвольте спросить вас... Как вы преподаете?! Как вам не стыдно? Ведь вы получаете деньги не за то, чтобы дуться по ночам в винт, пить водку и потом являться на уроки в таком настроении, при котором никакая география вам и в голову нейдет...

— Я не буду... — тихо пролепетал учитель. — Это... не я... Я не виноват... Это Тачкин Максим приглашал меня к себе на винт... Я и не хотел... а это он всё.

Синюхин сердито хлопнул своей крохотной ладонью по кафедре:

— Имейте в виду, господин Ихментьев, что и шпионства, предательства и доносов на ваших товарищей не допущу! Я не буду этого поощрять, как поощряли это в свое время вы. Стыдно-с! Ступайте на свое место и поразмыслите-ка хорошенько о вашем поступке. Тачкин Максим!

— Здесь! — робко сказал Максим Иваньч.

— Я знаю, что здесь. Пойдите-ка ближе... Вот так. Сейчас один из ваших недостойных товарищей насплетничал на вас, будто бы вы подбивали его играть в карты. Может быть, это и было так, но оно, в сущности, меня не касается. Я не хочу мешаться в вашу частную жизнь и вводить для этого какой-то нелепый внешкольный надзор за учителями¹ — я стою выше этого! Но должен вам заявить, что ваше отношение к делу — ниже всякой критики!

— Почему же, Николай Степаньч, — опустил голову учитель Тачкин. — Кажется, уроки я посещаю аккуратно.

— Да черт ли мне в этой вашей аккуратности! — нервно вскричал Синюхин Николай. — Я говорю об общем отношении к делу. Ваша сухость, ваш формализм убивают у учеников всякий интерес к науке. Стыдитесь! У вас такой интересный, увлекательный предмет — что вы из него сделали? История народов преподается вами как какое-то расписание поездов. А почему? Потому что вы не учитель, а сапожник! Ни дела вашего вы не любите, ни учеников. И будьте уверены — они народ чуткий и платят вам тем же... Ну, скажите... что вы задали классу на завтра?

— От сих — до сих, — прошептал Тачкин.

— Да, я знаю, что от сих до сих! А что именно?

— Я не... помню...

Лицо Синюхина Николая сделалось суровым, нахмуренным. Он сердито вскочил, стал на цыпочки, дотянулся до уха учителя и, нагнув его голову, потащил за ухо в угол.

— Безобразие! — кричал он. — Люди в футлярах!² Формалисты! Сухари! Себя засушили и других сушите! Вот станьте-ка здесь в углу на колени — может быть, это отрезвит немного вашу пустую голову... А завтра пришлите ваших родителей — я поговорю с ними!

Стоя на коленях и уткнув голову в угол, учитель истории Максим Иванович Тачкин горько плакал...

«Если единица, — думал он про себя, — застрелюсь!»

Тачкин улыбнулся себе в усы, поднял от журнала голову и сказал, обращаясь к угнетенному единицей, растерянному Синюхину Николаю:

– Так-то, брат Синюхин. Поставил я тебе единицу. А если мое поведение тебе почему-либо не нравится – можешь и ты мне поставить где-нибудь единицу.

Класс засмеялся удачной шутке.

Учитель поднял голову и устало сказал:

– Молчать! На следующий урок – повторите то, что было задано в прошлую среду.

Где-то ликующе прозвонил звонок...

ЗВЕРИНЕЦ

К вам можно? – повторил я через запертую дверь.
– Кто такой? – послышался изнутри сердитый старческий голос.
– Это я, Михаил Осипович, – пустите. Я вам ничего дурного не сделаю.

Дверь, защелкнутая на цепь, приотворилась, и на меня глянуло испуганное, злое лицо Меньшикова.

– Да ведь вы, небось, драться пришли? – недоверчиво прохрипел он.

– Чего же мне драться... У меня и палки нет.

– А вы, может, руками... а?

– Нет, руками я вас не буду... Право, пустите. Я так, поболтать пришел.

После долгого колебания Меньшиков снял цепь и впустил меня.

– Здравствуйте, коли пришли. Не забываете старика – хе-хе...

– Где вас забыть!

Он привел меня в большую холодную гостиную, с застоявшимся запахом деревянного масла¹, старой пыли и какой-то мяты...

Мы сели и долго молчали.

– Альбомик не желаете ли посмотреть? – придвинул он мне книгу в кожаном переплете с оторванными застежками².

Я развернул альбом и наткнулся на портрет какого-то унылого человека.

— Кто это?

— Большой негодяй! Устраивал сходки разные... Да — шалишь — общил я кому следует... засадили его.

— Гм... А этот?

— Морской чиновник? Вор и растратчик. Я в одной статье такое про него написал, что вверх тормашками со службы полетел.

— Это вот, кажется, очень симпатичное лицо...

— Какое! Бомбист, совершеннейший бомбист! Школьным учителем был. Он, правда, бомб еще не метал, но мог бы метать. Ужасно казался мне подозрительным! В Якутской области теперь³.

— А этот?

— Этот? Просто мерзавец. Вот тут еще есть — жид, зарезавший отца, поджигатель, два расгилителя малолетних... а эти — так себе, просто негодяи.

Он закрыл альбом и, прищурившись, ласково сказал:

— Может, вы свою карточку дадите, а? Я бы вставил ее в альбомчик.

— Гм... после разве, когда-нибудь.

Он сидел со сложенными на животе руками, молча, с любопытством поглядывая на меня.

Потом встал, оправил лампадку и, вытирая замаслившиеся руки об волосы, спросил скрипучим голосом:

— Небось бомбы всё бросаете?

— Нет, не бросаю. Чего же мне их бросать...

— Нынче все бросают.

Узнавши, что я бомб не бросаю, он повеселел и, скорчив лицо в подобие улыбки, хлопнул меня по колену:

— Так уж и быть!.. Показать разве вам мой зверинец?!

Я удивился.

— Зверинец? Разве вы так любите животных?

— Хе-хе... У меня особый зверинец... Совершенно особенный!

Взявши связку ключей, он подмигнул мне и повел через ряд пустынных холодных комнат с тем же запахом.

— Вот мой зверинец, — сказал он, скаля беззубый рот в подобие приветливой улыбки и открывая ключом последнюю дверь.

В небольшой комнате сидели за столом и играли в «шестьдесят шесть»⁴ трое мужчин и одна женщина.

— Ну, как вы тут, ребята? — сказал Меньшиков, подозрительно осматривая всех и похлопывая по ноге откуда-то взявшимся арапником⁵.

— «Раскаявшийся рабочий»! «Раскаявшийся рабочий»!! Ты опять пьян, мерзавец?! — закричал он вдруг, вглядываясь в лицо человека с красным носом и слезящимися глазами. — Ты чего смотрела, «Дама из общества»? А ты, «Осведомленное лицо с Кавказа», — шампур тебе в глотку?! Дармоеды! Всех выгону!!

Кавказец, в истасканном бешмете, встал и, почесав грязной рукой за ухом, хладнокровно сказал:

— Зычем кырчать? Ему водкам давал «Мужичок из деревни».

«Дама из общества» строила мне уже глазки и, подойдя бочком, спросила:

— Парле ву франсе?⁶

— Пошла, пошла, старая грешница, — закричал на нее Меньшиков, грозя арапником.

Потом, видя, что я с удивлением смотрю на всю эту сцену, он мне объяснил.

— Это, видите ли, зверинец. Для статей держу этих дармоедов... Вдохновляют меня. Тут они не все... Некоторых гулять я отпустил. Здесь вы видите «Мужичка из деревни», «Раскаявшегося рабочего», «Осведомленное лицо с Кавказа» и «Даму из общества».

— Она в самом деле из общества? — спросил я, поглядывая на ее толстое накрашенное лицо.

— Да, я ее взял из общества спасения от разврата падших женщин. Дом она какой-то на Лиговке содержала⁷. А это вот — «Мужичок из деревни». Пьяница, каналья и, как напьется, колотит «Даму из общества».

— А «Осведомленное лицо с Кавказа»?

— У Макаева пашлык жарил⁸. Я его к себе сманил. Правильный парень. Тараска! Что нужно жидам делать?

— Резать! — завизжало «Осведомленное лицо».

— Видите!.. Ты куда, мерзавец!! Отдай им бумажник!

Он хватил арапником по руке «Раскаявшегося рабочего» и, отняв у него появившийся откуда-то мой бумажник, возвратил его мне.

— Вы с ним поосторожнее. Что ни увидит, негодяй, всё сопрет. Часы целы ли?

«Дама из общества» тайком ущипнула меня за руку, а «Осведомленное лицо с Кавказа», заметив это, скрипнуло зубами и положило руку на рукоять кинжала.

— Пойдемте! — сказал я.

Меньшиков подмигнул мне и сказал:

— Роман тут у них... Но «дама», кажется, флиртирует, кроме того, с «мужичком из деревни». Впрочем, пойдемте. Воздух у них тут... действительно!

Мы вышли.

Я стал прощаться.

Провожая меня, Меньшиков лукаво подмигнул и сказал:

— А ведь давеча соврали-то, а? Хе-хе... Бомбочки-то ведь бросаете?

Ну, сознайтесь!

Боясь признаться, я поспешно вышел.

ПУТАНИЦА

Радостный трезвон праздничных колоколов — самая предательская вещь... Я не знал ни одного самого закоренелого злодея, который устоял бы против радостного перезвона праздничных колоколов... Были случаи, когда такого закоренелого злодея пытали, мучили, желая вырвать у него хотя бы словечко правды о его преступлении, — он молчал, будто воды в рот набравши... Но стоило

только радостно и празднично зазвонить над его ухом, как он вспоминал свою молодость, каялся, плакал и, рассказавши всю подноготную, обещался вести новую жизнь.

Иногда его даже и за язык никто не тянул — признаваться. Но стоило только потянуть за язык колокола — преступник без промедления вспоминал свою молодость и каялся во всём, разливаясь в три ручья¹.

Таково уж странное свойство праздничного перезвона.

* * *

Старый провокатор, носивший партийное прозвище Волк, — сидел в своей большой неудобной комнате и тревожно прислушивался к радостному перезвону праздничных колоколов.

Он вспомнил свою молодость, мать, ведущую его, маленького, чистенького, в церковь, и этот перезвон — мучительно радостный и ожидаательно-праздничный.

И когда он подумал о своем теперешнем поведении, о своем падении в пропасть предательства — сердце его сжалось и на глазах выступили слезы...

А колокола радостно гудели:

— Бом-бом! Бом-бом!

— Нет! — простонал провокатор. — Больше я не могу!.. Сердце мое разрывается от раскаяния!.. Довольно грешить! Пойду и признаюсь во всём — пусть делают со мной что хотят. Никогда не поздно раскаяться в своих грехах.

Он оделся и вышел из дому.

* * *

Идя по улице, Волк бормотал себе под нос:

— Пойду прямо в полицию и расскажу всё начистоту: как выдавал революционером ее тайны и как я однажды стянул со стола полковни-

ка предписание об обыске у своего знакомого эс-эра². Всё выложу! Пусть сажает в тюрьму, пусть делает со мной что хочет!..

— Бом-бом! Бом-бом! — радовались колокола.

По мере приближения к дому полковника шаги Волка всё замедлялись и движения делались нерешительнее и нерешительнее.

Новое чувство зажигалось в груди старого Волка.

«Куда я иду? — думал он. — Разве мне сюда нужно идти каяться? Кому я делал тяжкий вред? Кого продавал? Товарищей! А они мне доверяли... Ха-ха! Туда и иди, старый Волк! Перед ними и кайся!»

Взор его просветлел.

Он решительно повернулся и зашагал в обратную сторону, по направлению конспиративной квартиры товарища Кирилла.

— Приду и прямо скажу: так и так, братцы! Грешник я великий, за деньги продавал вас — простите меня или сделайте со мной, что хотите.

Он всхлипнул и вытер глаза носовым платком. Ему самому было жаль себя. Вдали показались окна квартиры товарища Кирилла.

— Приду и скажу, — бормотал Волк. — «Обманывал я вас!.. И полицию обманывал, и вас обманывал. Полицию даже больше».

Он замедлил шаг, остановился и задумался:

«Гм... Ведь если я полицию больше обманывал, я перед нею и должен каяться. Ей я и должен признаться, что вел двойную игру. Она не виновата в том, что она полиция, — она исполняет свои обязанности. Бедненький полковник... Сидит теперь дома и думает: “Вот придет Волк, парочку сведений принесет”. А я-то!»

— Бом-бом! Бом-бом! — разливались колокола.

Волчьи глаза увлажнились слезами.

Он решительно повернул и пошел назад.

— ...Сидит он и думает: «Придет Волк, принесет парочку сведений». Хорошо у него, уютно. Лампа горит, на стенах картинки... Тепло. Это не то, что те, которые недавно влопались. Сидят по камерам и скрипят зубами. Поддедюил вас Волк!

Он вздохнул.

— А ведь им теперь, поди, холодно, голодно, в камерах каменные полы. Они мне доверяли, думали — свой, а я... Эх, Волк! Глубока твоя вина перед ними, и нет ей черты предела.

— Бом-бом! — ревели колокола. — Покайся, Волк! Бом-бом!

Схватившись за голову, застонал несчастный и побежал к товарищу Кириллу.

— Всё скажу! Руки их буду целовать, слезой изойду. Где моя молодость? Где моя честность?

* * *

К Кириллу Волк не зашел.

Долго стоял он на улице, раздираемый сомнениями и обуреваемый самыми противоположными чувствами. Ему смертельно хотелось покаяться, никогда так, как теперь, не жаждал он очищения, умиротворения мятущейся души своей, и долго стоял так Волк на распутье:

«Куда идти?»

И не знал.

Мимо него быстро прошел человек, лицо которого показалось Волку знакомым. Отложив на минуту раскаяние, Волк подумал:

«Где я видел этого человека? Да, вспомнил! Это Мотя. Я его часенько встречал в полиции!»

В Волке проснулись профессиональные привычки:

«Куда это он идет? Ба! Да ведь это подъезд товарища Кирилла!..

Неужели...»

Волк догнал Мотю и положил ему руку на плечо. Мотя обернулся, сконфузился и растерянно сказал:

— А, Волк! С праздником вас.

Но сейчас же он оправился, и его пронзительные глаза устремились на Волка.

— Вы... тоже сюда?

— Да, — сказал Волк, а про себя подумал: «Не думает ли он на меня донести, червяк поганый! Хорош бы я был перед Кириллом».

Он переступил с ноги на ногу и сказал:

— Видите ли, Мотя... Мне почему-то хочется быть с вами откровенным: я, в сущности, партийный работник, а в полицию хожу так себе... для пользы дела!

— Вот и прекрасно! — обрадовался Мотя. — Тогда и я буду откровенен: ведь я, признаться, продельваю то же самое!

Но в глазах Моти Волк заметил странно блеснувший огонек, который слишком поспешно был потушен опустившимися веками.

«Эге!» — подумал Волк и, рассмеявшись, дружески хлопнул Мотю по плечу.

— К черту уловки и хитрости! Я вижу — вы парень ой-ой какой! Ведь я насчет партийности-то подшутил над вами. Ну какой я, к черту, партийный работник, когда на днях типографию провалил.

— Ха-ха! — закатился хохотом Мотя. — То-то! Сообразили.

Но смех его показался Волку фальшивым, а глаза опять блеснули и погасли.

«Господи! — подумал, растерявшись, Волк. — Ничего я не разберу. Зачем бы ему являться к Кириллу, если он гласно работает на отделение? С другой стороны... Гм...»

Мотя раздумывал тоже.

Так они долго стояли, в недоумении рассматривая друг друга.

«Пойди-ка, влезь в его душу, — думал растревоженный Волк. — Ну, времечко!»

«Черт его знает, чем он, в сущности, дышит, — досадливо размышлял Мотя. — Ну, времена!»

Постояв так с минуту, оба дружески улыбнулись друг другу, пожали руки и разошлись — Мотя наверх, по лестнице, а Волк на улицу.

Выйдя на воздух, Волк вздохнул и прислушался: колокола перестали звонить.

«Ага! — облегченно подумал Волк. — То-то и оно. А то — каяться!»

Не размышляя больше, зашагал он к полковнику и, вызвав его, сообщил, что Мотя очень подозрителен, что он шатается по конспиративным квартирам и что за ним надо наблюдать.

А Мотя в это время сидел в квартире Кирилла и говорил, опасливо озираясь:

– Подозрителен ваш Волк... Штатается к полковнику, и вообще, не мешало бы за ним наблюдать!..

II. ОКОЛО ИСКУССТВА

ТРУХА

Это было самое веселое, оживленное место предпраздничного рынка... Лавчонка, маленькая, полутемная, была битком набита покупателями, а на улице у входных дверей стоял бойкий, крикливый мальчишка и зазывал еще новую публику.

— Пожалуйста! — кричал он, раскрывая рот так, что углы губ касались концов его громадных ушей. — Эй! К нам пожалуйста! Очень даже прекрасные привидения, покойники, девочки на всякий рост, бесприютные собачки-с! Громадный выбор занесенных снегом странников, волки-с. Только у нас настоящие волки! Эй!

А в лавчонке крику было еще больше.

Приказчик, держа в правой руке за шиворот что-то длинное, одетое в белый саван, с деланным изумлением кричал:

— Это-с, по-вашему, не привидение?! А что же это тогда, по-вашему, такое, если не привидение? Который год торгуем — никогда не было, чтоб сумлевались! Вы, вероятно, ваша милость, не видели никогда настоящего привидения, потому такое и говорите!

— Да оно... не страшное! — робко возражал покупатель и косился на фигуру, беспомощно болтавшуюся в мужественной руке приказчика.

— Это не страшное? — изумлялся приказчик. — Да какие ж тогда страшные бывают?! Обратите внимание на их личико: мертвецкая бледность и глаза, как свечки. Вот эту кнопку только нажать... А голос! Извольте прислушаться!

Приказчик нажал рукой спину привидения. Оно закричало и, захлопав ртом, проревело:

— Ищи документы, раскрывающие тайну твоего рождения — на чердаке, в двойной крышке старого сундука!

Рот захлопнулся, глаза потухли и фигура безжизненно повисла в приказчицких руках.

Покупатель призадумался.

— Ничего... Слова хорошие. Из них можно что-нибудь сделать... Гм... Тайна рождения... Заверните!

— Браку не надо ли? — спросил приказчик, заворачивая попку.

— А что у вас за брак?

— Чиновник один. Раскаивался в ночь под Рождество, что выгнал больную жену с ребенком. А они как раз и пришли в эту ночь, под видом нищих.

— Ну?

— Ну вот. А мальчишка наш лавочный, что орет сейчас у дверей, чтоб ему пусто было, — вынул чиновника из коробки, да и отвертел ему голову. Согласитесь — не может же жена возвращаться к безголовому чиновнику. Целый набор испортил, негодяй. Возьмите! Дешево бы отдал...

— Да куда ж он мне?..

— Ну, можно что-нибудь такое... Жена могла бы держать корчму, пользующуюся дурной репутацией, а муж тоскует по ней и приезжает в рождественскую ночь, желая сделать сюрприз. Его не узнают и убивают. И только после, по отрезанной голове, с которой ей дали поиграть, — дочка узнает черты своего любимого папы. Прекрасный сюжет!

— Пожалуй! — сказал покупатель, раздумывая. — Я в провинцию пошлю, куда-нибудь. Там это любят. Только вы и голову не забудьте положить.

— Помилуйте-с — все здесь, в коробке. Прикажете сверху выюги положить? Копеек на тридцать.

— Разве у вас теперь выюга отдельно продается? — удивился покупатель.

— Да-с. Лучше комбинируется. Можно чиновника — и выюгу, заблудившегося мальчика — и выюгу. Почти что она везде идет.

— Тогда посыпьте чиновнику на двугривенный. Да мне отдельно дайте немножко. Можно просто стихотворение в прозе о выюге сделать. Благодарю вас.

* * *

В лавку вошла дама в очках.

— Здравствуйте! Позвольте мне одного замерзающего мальчика. Поменьше только и похуже одетого.

— Не держим-с, — вздохнул приказчик. — Погоды нынче, как назло, теплые, а товар скоропортящийся.

Дама растерянно посмотрела на приказчика.

— Тогда, может быть, найдется девочка на улице, прильнувшая к оконному стеклу, за которым елка?²¹

— Продали-с. Была одна прильнувшая девочка, и ту для детского журнала взяли. Много не держим, потому из моды выходит. Из новенького чего не пожелаете ли: палач, вешающий родного племянника, экспроприаторы, нападающие в рождественскую ночь на усадьбу, раскаявшийся губернатор? Много теперь идет.

— Что-нибудь с волками нет ли?²² — спросила дама.

— Пожалуйте-с: охотник в лесу и волки, испугавшиеся праздничного колокола; прохожий и волки; заброшенная усадьба и волки; тройка лошадей и волки. Прикажете завернуть?

— Дайте с заброшенной усадьбой. А старые преданные слуги у вас не продаются отдельно? Я бы взяла одного.

— Сделайте одолжение. Только я бы, мадам, посоветовал вам лучше слугу с тройкой взять. А волков отберете отдельно. Усадьба тоже у меня случайная осталась — от экспроприаторов. Один покупатель экспроприаторов забрал, а усадьбу, на которую нападают, оставил. Совсем бы задаром.

* * *

Высокий, представительный беллетрист, обладатель известного имени и целой тучи забранных всюду авансов, стоял у прилавка и безнадежно оглядывал наваленных в беспорядке привидений, волков и экспроприаторов, которых сразу можно было узнать по зверским, размалеванным красным лицам и громадным пистолетам, заткнутым за пояс.

— Всё у вас, почтеннейший, — грустно говорил беллетрист, — одно и то же... Те же волки, раскаявшиеся старики, обсыпанные выюгой, и разные бездомные женщины.

Приказчик развел руками и сказал извиняющимся тоном:

— Трудновато для вас подобрать. Так, мелюзга какая, — всё берет. С руками рвут. Из провинции какой приедет, так он и привидение возьмет, и прохожего старика. Усадьбу с экспроприаторами увидит, и ту возьмет. Волков ему предложишь — и волками не побрезгует. И волков-то дашь ему старых, облезлых, с одышкой. А уж до выюги как доберется, — дорвется до дешевки, — так всю покупку запорошит, что и не разберешь — где усадьба, где волк! Простой народ. Вам, конечно, этого не предложишь.

— Из новенького нет ли чего?

— Особенно — нет. Рождество под тропиками, унесенные льдиной в святую ночь, палач, вешающий племянника. Предложить вам разве рождество на дирижабле?

— Фу, какая пошлятина! — поморщился беллетрист. — Нельзя ли что-нибудь из очень старого? Такого старого — что уже основательно надоело и забыто. Можно стилизацию сделать.

— Спустишь в погреб, пороюсь, — вздохнул усталый приказчик. — Там такое есть, что сорок лет не ворошили.

Через десять минут приказчик вылез с запыленной, облезлой коробкой и бросил ее на прилавок.

— Не подойдет ли? Самая старинная вещь. Антик-с.

— Что это такое? — безразлично поморщился беллетрист, оглядывая коробку.

— Девица в заброшенной бане, гадающая на суженого, который в безвестной отлучке. Вот-с — свечи, два зеркала, девица... Это гроб, ко-

торый отражается. Делается это просто, вот так: сюда — зеркала, тут свечи... девицу садим на эту скамеечку. Теперь стоит только выдвинуть из зеркала этот гроб — трах! Девица падает. Ее находят в обмороке утром, на следующий день. Потом горячка, почтальон, письмо, извещающее о смерти жениха. Старина-матушка! Возьмите!

В глазах писателя читалось колебание...

В лавку вошел высокий, худой гимназист с красными, как гусиные лапы, руками и густо рассыпанными по лицу веснушками. Глаза его смущенно бегали по непривычной обстановке, а сам он робко жался к дверям и говорил страшным шепотом, искусственным басом.

— Нет ли у вас чего для рождественского рассказа? Чтоб недорогое.

— Митька! — крикнул приказчик мальчику. — Покажи им бездомную собачку.

— Нет ли... странника замерзающего? — робко спросил гимназист, умоляюще смотря на приказчика.

— Нет, — сухо отвечал приказчик. — Берите или бездомную собачку, которая ходит под Рождество по улицам, или — елочку, которую срубили для детей и которая тоскует по родному лесу.

Митька повел гимназиста в угол и стал открывать перед его носом маленькие коробочки.

— Вот бездомная собачка. Видите — подавишь ее — она визжит! А это тоскующая елочка.

— А прильнувшей девочки нет? — шепотом спросил гимназист.

— Вышли. Да берите собачку — чего там! Можно огромный рассказище написать. Вьюги дам на три копейки.

Мальчишка завернул гимназисту бездомную собачку, отщипнул от куска клочок вьюги, грязный, уже начавший подтаивать, и сказал:

— Этой штукой перед употреблением посыплете собачку. Сохранять в холодном месте. До свиданья-с.

Беллетрист, следивший с улыбкой за этой сценой, вдруг засмеялся и сказал приказчику:

— Знаете? Я куплю у вас эту собачку и этот кусочек вьюги, но только — вместе с гимназистом.

— Для чего вам? — изумился приказчик.

– Да я из этого прекрасную вещь сделаю: «Первый рождественский рассказ». Гимназист, сочиняющий свою первую вещь – это прелестно!

– Да как же я собачку... с гимназистом продам? – спросил приказчик.

– Да что ж такое! Заверните их вместе и вынесите на извозчика. Подумаешь – церемониться с гимназистом!.. Никто и не узнает.

– Слушаю-с!..

* * *

В лавку ввалилась хохочущая компания.

Один из компании наступил беллетристу на ногу, поставил лежащее на прилавке привидение вверх ногами, к великому веселью товарищей, и крикнул:

– Эй! старичок! Покажи нам свою дребедень!

– Это не дребедень, – обиженно возразил приказчик, – а прекрасные сюжеты для рождественских рассказов. Прошу не держать привидения вниз головой.

– Кто это такие? – спросил беллетрист шепотом.

– Юмористы. Пустейшая и беспардоннейшая публика. Придут, перевернут всё, осмеют и почти ничего не купят³. Прежде юморист хороший был... Солидный. Придет – дай ты ему пьяного визитера, перепутавшего знакомые дома, или чиновника, который не получает ожидаемого ордена, или загулявшего купца. Основательный был юморист⁴. А теперь рассобачились. Эй, господин, господин! Нельзя так делать... Что же вы в одну коробку суете и пожар усадьбы, и замерзшего странника, и детскую елку...

Компания забавлялась тем, что посадила призрака верхом на замерзающего странника и заставила их плясать перед елкой, взявшись за руки со страшными экспроприаторами и худыми рождественскими волками.

Потом свалили всё это в кучу и, найдя коробку вьюги, стали с хохотом бросать ее горстями друг другу в лицо. ....

.....

Я вошел в лавку, обвел всех присутствующих взглядом и сказал приказчику:

— Пришел к вам за сюжетом...

— Сделайте милость! — вежливо изогнулся он. — Что прикажете: палача, вешающего племянника, вьюгу с волками, пожар усадьбы, призрака...

— Старый дуралей! — обиженно закричал я. — Неужели ты не понимаешь, что мне этого мало?! Я беру всё сразу: усадьбу, экспроприаторов, вьюгу, беллетриста, племянника, палача, гимназиста, твоих мальчишек, самого тебя, всю твою бестолковую рухлядь, и я прошу вернуть мне это в бумагу, чтобы я мог унести домой с одним-единственным желанием и целью — сжечь весь этот вздор, эту глупую труху раз и навсегда!.. К черту рождественские рассказы!!

«АПОЛЛОН»

днажды в витрине книжного магазина я увидел книгу...¹ По наружному виду она походила на солидный, серьезный каталог технической конторы, что меня и соблазнило, так как я очень интересуюсь новинками в области техники.

А когда мне ее показали ближе, я увидел, что это не каталог, а литературный ежемесячный журнал.

— Как же он... называется? — растерянно спросил я.

— Да ведь заглавие-то на обложке!

Я внимательно всмотрелся в заглавие, перевернул книгу боком, потом вниз головой и, заинтересованный, сказал:

— Не знаю! Может быть, вы будете так любезны посвятить меня в заглавие, если, конечно, оно вам известно?.. Со своей стороны могу дать вам слово, что если то, что вы мне сообщите, — секрет, — я буду свято хранить его.

— Здесь нет секрета, — сказал приказчик. — Журнал называется «Аполлон», а если буквы греческие, то это ничего...² Следующий номер вам дастся гораздо легче, третий еще легче, а дальше всё пойдет как по маслу.

— Почему же журнал называется «Аполлон», а на рисунке — изображена пронзенная стрелами ящерица?...³

Приказчик призадумался.

— Аполлон — бог красоты и света, а ящерица — символ чего-то скользкого, противного... Вот она, очевидно, и пронзена богом света.

Мне понравилась эта замысловатость.

Когда я издам книгу своих рассказов под названием «Скрежет», то на обложке попрошу нарисовать барышню, входящую в здание зуборачебных курсов...

Заинтересованный диковинным «Аполлоном» — я купил журнал и ушел.

* * *

Первая статья, которую я начал читать, — Иннокентия Анненского — называлась «О современном лиризме»⁴.

Первая фраза была такая:

Жасминовые тирсы наших первых менад примахались
быстро...⁵

Мне отчасти до боли сделалось жаль наш бестолковый русский народ, а отчасти было досадно: ничего нельзя поручить русскому человеку... Дали ему в руки жасминовый тирс, а он обрадовался и ну — махать им, пока примахал этот инструмент окончательно.

Фраза, случайно выхваченная мною из середины «лиризма», тоже не развеселила меня:

В русской поэзии носятся частицы теософического
кокса, этого буржуазнейшего из Антисмертинов...⁶

Это было до боли обидно.

Я так расстроился, что дальше даже не мог читать статьи «О современном лиризме»...

* * *

Неприятное чувство сгладила другая статья: «В ожидании гимна Аполлону»⁷.

Я человек очень жизнерадостный, и веселье бьет во мне ключом, так что мне совершенно по вкусу пришлось предложение автора:

Так как танец — есть прекраснейшее явление в жизни, то нужно сплетаться всем людям в хороводы и танцевать⁸. Люди должны сделаться прекрасными, непрестанно во всех своих действиях, и танец будет законом жизни⁹.

Последующие слова автора относительно зажжения алтарей, учреждения обетных шествий и плясов — привели меня в решительный восторг¹⁰.

«Действительно! — думал я. — Как мы живем... Ни тебе удовольствия, ни тебе веселья. Все ползают на земле, как умирающие черви, уныние сковывает костенеющие члены... Нет, решительно, обетные шествия и плясы — вот то, что выведет нас на новую дорогу».

Дальше автор говорил:

Не случайно происходит за последние годы повышение интереса к танцу...¹¹

«Вот оно! — подумал я. — Начинается!..»

У меня захватило дыхание от предвкушения близкого веселья, и я должен был сделать усилие, чтобы заставить себя перейти к следующей статье:

— «О театре»¹².

* * *

Автор статьи о театре видел единственное спасение и возрождение театра в том, чтобы публика участвовала в действии наравне с актерами¹³.

Идея мне понравилась, но многое показалось неясным: будет ли публика на жалованье у дирекции театра, или актеры будут уравнены с публикой в правах тем, что им придется приобретать в кассе билеты «на право игры»... И как отнесутся актеры к той ленивой, инертной части публики, которая предпочтет участию в игре — простое глаzenie на всё происходящее?..

Впрочем, я вполне согласен с автором, что важна идея, а детали можно разработать после.

* * *

Вечером я поехал к одним знакомым и застал у них гостей.

Все сидели в гостиной небольшими группами и вели разговор о бюрократическом засилье, указывая на примеры Англии и Америки.

— Господа! — предложил я. — Не лучше ли нам сплестись в радостный хоровод и понестись в обетном плясе к Дионису?!

Мое предложение вызвало недоумение.

— То есть?..

— В нашей повседневности есть плясовой ритм. Сплетенный хоровод должен нестись даже в будничной жизни, перейдя с подмостков в жизнь... Позвольте вашу руку, madame!.. Вот так... Господа! Ну зачем быть такими унылыми?.. Возьмите вашу соседку за руку. Что вы смотрите на меня так недоумевающе? Готово? Ну теперь можете нестись в радостном хороводе. Господа... Нельзя же так!..

Гости растерянно опустили сплетенные по моему указанию руки и робко уселись на свои места.

— Почему вам взбрела в голову такая идея — танцевать? — сухо спросил хозяин дома. — Когда будет танцевальный вечер, там молодежь и потанцует. А людям солидным ни с того ни с сего выкидывать козла — согласитесь сами...

Желая смягчить неловкую паузу, хозяйка сказала:

— А поэта Бунина в академики выбрали...¹⁴ Слышали?

Я пожал плечами:

— Ах уж эта русская поэзия! В ней носятся частицы и теософического кокса, этого буржуазнейшего из Антисмертинов...

Хозяйка побледнела.

А хозяин взял меня под руку, отвел в сторону и сурово шепнул:

— Надеюсь, после всего вами сказанного — вы сами поймете, что бывать вам у нас неудобно...

Я укоризненно покачал головой и похлопал его по плечу:

— То-то и оно! Быстро примахались жасминовые тирсы первых наших менад. Вам только поручи какое-нибудь дело... Благодарю вас, не беспокойтесь... Я сам спущусь! Тут всего несколько ступенек...

* * *

По улице я шагал с тяжелым чувством.

— Вот и устраивай с таким народом обетные плясы, вот и води хороводы! Дай ему жасминовый тирс, так он его не только примахает, да еще, в извозничий кнут обратив, тебя же им и оттузит!.. Дионисы!

Огорченный, я зашел в театр.

На сцене стоял, сжав кулаки, городничий, а перед ним на коленях купцы.

— Так — жаловаться?! — гремел городничий¹⁵.

Я решил попытаться провести в жизнь так понравившуюся мне идею слияния публики со сценой.

— ...Жаловаться? Архиплуты, протобестии...

Я встал с места и, изобразив на лице возмущение, со своей стороны, продолжал:

— ...Надувалы морские! Да знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Оказалось, что идея участия публики в актерской игре еще не вошла в жизнь...

Когда околоточный надзиратель¹⁶, сидя в конторе театра, писал протокол, он поднял на меня глаза и спросил:

— Что побудило вас вмешаться в действие пьесы?..
 Я попытался оправдаться:
 — Тирсы уж очень примахались, господин околоточный..
 — Знаем мы вас, — скептически сказал околоточный. — Напьются, а
 потом — тирсы!.. ..
 ..

АМЕРИКАНЦЫ

Издатель журнала «Северное сияние»¹ Роздеришин и секретарь Бильбокеев² составляли объявление о подписке на будущий год.

— С чего начинать-то? — спросил, беря в руку перо, Бильбокеев.

— Ну... как, обыкновенно, начинается...

— Обыкновенно, начинают так, — сказал опытный Бильбокеев. — «Не прибегая к широковещательным рекламам»...

— Это хорошо. Солидно. Только... постойте, дорогой... Что это мы хотим сейчас составить?

— Широковещательную рекламу.

— Ну вот. А пишем — «не прибегая»... Неудобно.

Бильбокеев подумал.

— Существует еще одно хорошее вступление для такого рода объявлений: «Не щадя затрат, наш журнал»...

— Прекрасно! — восхищенно воскликнул Роздеришин. — Именно — «Не щадя затрат»... Так и начните.

Бильбокеев написал «Не щадя затрат» и выжидательно посмотрел на издателя.

— Ну-с?

— Что? — спросил издатель.

— Вот я написал — «Не щадя затрат», — а что же дальше?

— Да это и хорошо. Чего же еще?

— Видите ли... я написал придаточное предложение. Как вам, вероятно, известно — придаточное предложение само по себе, без главного — существовать не может... Где же главное предложение?

— Чивой-то я не понимаю, — сказал Роздеришин, растерянно смотря на секретаря.

— Ах ты, Господи! Вот мы написали: «Не щадя затрат»... Ну а что же дальше?! Нужно так писать: «Не щадя затрат, — мы сделаем то-то и то-то». Ну вот вы и скажите, на что мы обещаем не щадить затрат? Что это такое — то-то и то-то?

Издатель вздохнул.

— Вот оно что! Дальше можно бы написать, что, мол, «идя навстречу интересам многоуважаемых господ подписчиков»...

Секретарь приписал несколько слов и прочел вслух:

— «Не щадя затрат и идя навстречу интересам многоуважаемых господ подписчиков»...

Он остановился.

— Ну-с? А где же главное предложение?

— Неужели главного еще нет? — удивился Роздеришин.

— Конечно! Вот мы не щадим затрат, идем навстречу. А на что не щадим, куда идем?

— Гм... — задумался издатель и даже вытянул губы трубочкой. — Действительно. «Идя навстречу интересам многоуважаемых господ подписчиков»... А ведь они, черти полосатые, разве понимают — какво издателю? Гм... Что бы им такое дальше ввернуть? Разве насчет окраин?..

— Каких окраин?

— Что, мол, журнал будет уделять большое внимание насущным интересам окраин... Некоторые объявляют так.

— Никанор Пальгч! Да ведь это газета может уделять! Какие у нас могут быть интересы окраин? На первой странице какая-нибудь «девочка с яблоком», потом роман «Разными дорогами», опять — «девочка с кошкой», она же, поздравляющая с днем рождения бабушку, «флорентийская цветочница», смесь и в конце та же проклятая девчонка с со-

бакой, под названием «Два друга»³. И так — каждый номер. Где ж тут окраины? Нужно одно из двух: или насчет самого журнала размазать побольше — или насчет премий!

— Что ж насчет журнала... Даем мы, как обыкновенно: 52 номера роскошно иллюстрированного журнала, с произведениями лучших мастеров слова на веленовой бумаге...

— Это мы и в прошлом году писали, и в позапрошлом... Нужно что-нибудь насчет реформ. Вроде что: «1910 год будет годом наших реформ!»

— Да какие же реформы?.. Рассыльного Мотыку я давно собираюсь турнуть, взять на его место — потолковее...

— Ну что вы такое говорите, Никанор Пальгч! В других журналах, как у людей... Вон «Зарницы» как написали: мы, говорят, не щадя затрат, будем печатать некоторые рисунки по способу «дрей фарбен друк!».

Роздеришин с суеверным ужасом посмотрел на секретаря.

— Господи! Что же это?

— Трехцветная печать! А у нас всё одним цветом жарим... Эйн фарбен друк!

— Голубчик! — сказал издатель. — А вы так и напишите... Что, мол, мы с будущего года будем рисунки печатать эйн фарбен друком.

Бильбокеев рассмеялся.

— Не щадя затрат?

— Не щадя. Можно тут же написать: «идя навстречу». А?

— Нет, Никанор Пальгч — не отвёртитесь!.. Придется вам на премии налечь. Что вы предполагали дать?

— У меня тут отмечено: «Альбом красавиц на меловой бумаге — приятное развлечение домашнего очага, полное собрание сочинений знаменитого писателя сороковых годов и книжка портретов членов Государственной Думы»...

Бильбокеев задумчиво качнул головой.

— Недурно. Красавиц штук десять можно дать. Надо в клише порыться. Члены Думы только дорого обойдутся... Фотографии покупать, клише делать...

– Поехали! Может, еще и в три краски печатать? Пороемся в старых клише и довольны.

– Да у нас никаких клише членов Думы и нет!..

– И не надо. Мало ли у нас есть клише вообще. «Свен Геден, путешественник по Тибету», «знаменитый ученый Пастер», «английский министр колоний», «убийца президента Карно» – всех можно пустить в дело⁴. Только по бородам подобрать.

– Как... по бородам?

– Да так. У кого из членов Думы борода – ставить клише с бородой, у кого усы – с усами. А что не похожи будут – пустяки. Подумают – нечаянно перепутали. Съедят.

– Разве что так! – сказал Бильбокеев. – А что это за знаменитый писатель сороковых годов, с полным собранием сочинений? У вас там фамилия не указана.

– Да и сам не знаю. Купил на складе по случаю – тысяч двадцать томов какой-то чепуховины, а чьи – так и не посмотрел. Вы уж его там распишите сами.

– Пойдите! Мы так и продолжим... Значит: «Не щадя затрат и идя навстречу интересам публики, редакция решила дать ряд премий, стоящих в отдельной продаже 27 рублей 55 копеек. 1) «Альбом красавиц». Это изящное издание явится лучшим украшением домашнего очага и своими грациозными формами будет веселить глаз всех любителей женской красоты – лучшего, чем украсила вселенную мать-природа. Перед подписчиком пройдет ряд лучших красавиц, стоящих в отдельной продаже 8 рублей. 2) Полное собрание сочинений знаменитого мастера слова сороковых годов (не забудьте потом фамилию вставить), произведения которого до сих пор перечитываются и заучиваются наизусть. Имя это стоит в плеяде наравне с такими мастерами слова, как Пушкин, Белинский и незабвенный русский сатирик Н.В. Гоголь, сквозь слезы смеявшийся над дореформенной Русью и заклеивший своим талантливым пером взяточничество и отечественную косность. 3) Все подписчики, внесшие деньги до первого января, получают роскошное издание «Наши депутаты». Перед читателем пройдет здесь ряд «лучших людей страны», призванных залечить раны и ухаживать нашу матушку

Россию. Всякий может запечатлеть в сердце дорогие черты, внося деньги до первого января (на год 6 руб., полгода 3 руб. 50 коп.).

Бильбокеев перевел дух.

— Хорошо?

— Здорово. О Гоголе метко сказано. Именно что — не щадя затрат!

Спасибо.

Роздеришин пожал Бильбокееву руку, а тот ухмыльнулся и сказал:

— Все-таки, я думаю сверху написать: «Не прибегая к широковетчательным рекламам»... А?

ПОДМОСТКИ

Я сидел в четвертом ряду кресел и вслушивался в слова, которые произносил на сцене человек с небольшой русой бородой и мягким взглядом добрых ласковых глаз.

— Зачем такая ненависть? Зачем возмущение? Они тоже, может быть, хорошие люди, но слепые, сами не понимающие, что они делают... Понять их надо, а не ненавидеть!

Другой артист, загримированный суровым, обличающим человеком, нахмурил брови и непреклонно сказал:

— Да, но как тяжело видеть всюду раболепство, тупость и косность! У благородного человека сердце разрывается от этого.

Героиня, полулежа на кушетке, грустно возражала:

— Господа, воздух так чист, и птички так звонко поют... В небе сияет солнце, и тихий ветерок порхает с цветочка на цветочек... Зачем спорить?

Обличающий человек закрыл лицо руками и, сквозь рыдания, проstonал:

— Божжже мой! Божжжже мой!.. Как тяжело жить!

Человек, загримированный всепрощающим, тихо положил руки на плечо тому, который говорил «Божже мой!».

— Ирина, — прошептал он, обращаясь к героине, — у этого человека большая душа!

На моих глазах выступили слезы.

Я вообще очень чувствителен и не могу видеть равнодушно, даже если на моих глазах режут человека.

Я смахнул слезу и почувствовал, что эти люди своей талантливой игрой делают меня хорошим, чистым человеком. Мне страстно захотелось пойти в антракте в уборную к тому актеру, который всех прощал, и к тому, который страдал, и к грустной героине — и поблагодарить их за те чувства, которые они разбудили в моей душе.

И я пошел к ним в первом же антракте.

Вот каким образом познакомился я с интересным миром деятелей подмостков...

* * *

— Можно пройти в уборную Эрастова?

— А вы не сапожник?

— Лично я не могу об этом судить, — нерешительно ответил я. — Хотя некоторые критики находили недостатки в моих рассказах, но не до такой степени, чтобы...

— Пожалуйста!

Я шагнул в дверь и очутился перед человеком, загримированным всепрощающим.

— Ваш поклонник! — отрекомендовался я. — Пришел познакомиться лично.

Он был растроган.

— Очень рад... садитесь!

— Спасибо, — сказал я, оглядывая уборную. — Как интересна жизнь артиста, не правда ли?.. Все вы такие душевные, ласковые, талантливые...

Эрастов снисходительно усмехнулся.

— Ну уж и талантливые... Далеко не все талантливы!

— Не скромничайте, — возразил я, садясь.

– Конечно... Разве этот старый башмак имеет хоть какую-нибудь искру? Ни малейшей!

– Какой старый башмак? – вздрогнул я.

– Фиалкин-Грохотов! Тот, который так подло играл роль героя.

– Вы находите, что он не справился с ролью? Зачем же тогда режиссер поручил ему эту роль?

Эрастов всплеснул руками.

– Дитя! Вы ничего не знаете? Да ведь режиссер живет с его женой! А сам он пользуется щедротами купчихи Поливаловой, которая – родственница буфетчика Илькина, имеющего на антрепренера векселей на сорок тысяч.

Я был ошеломлен.

– Какой негодяй! И с таким человеком должны играть вы и эта милая, симпатичная Лучезарская!..

– Героиня? Да ей-то что... Она сама живет с суфлером только потому, что тот приходится двоюродным братом рецензенту Кулдыбину. У нее, впрочем, есть муж и дочь лет двенадцати. Но она своими побоями скоро вгонит девчонку в гроб – я в этом уверен. Впрочем, она не прочь продать девчонку комику Зубчаткину только потому, что у того есть некоторые связи в Н-ом театре, куда она мечтает пробраться...

– Неужели она такая?

– Да, знаете... Готова с каждым первым попавшимся. Покажите ей десять рублей – побежит. Ей комическая старуха Мяткина-Строева давно уже руки не подает!

– Смотрите-ка! Комическая старуха, а какая благородная брезгливость, – изумился я.

– Она не потому. Просто у Мяткиной-Строевой был любовник на выходах – Клеопатров, которого она содержала, а Лучезарская насплетничала, что он в бутафорской шлем украл – его и уволили среди сезона. Вы меня извините, сейчас мой выход минут на пять, если хотите – подождите... Я вернусь, еще поболтаем. Ужасно, знаете, мне с моими взглядами жить среди этой грязи и сплетен. Я сейчас!

Он ушел. Я остался один.

Дверь скрипнула, и в уборную вошел Фиалкин-Грохотов, весело что-то насвистывая.

— Васьки нет? — спросил он благодушно.

— Нет, — ответил я, вежливо раскланиваясь. — Очень рад с вами познакомиться — вы прекрасно играли!

Лицо его сделалось грустным.

— Я мог бы прекрасно играть, но не здесь. Я мог бы играть, но с этим... Эрстовым! Знаете ли вы, что этот человек в диалоге невозможен? Он перехватывает реплики, не дает досказывать, комкает ваши слова и своими дурацкими гримасами отвлекает внимание публики от говорящего.

— Неужели он такой? — удивился я.

— Он? Это бы еще ничего, если бы он в частной жизни был порядочным человеком. Но ведь его вечные истории с несовершеннолетними гимназистками, эта подозрительно-счастливая игра в карты и беспременность в займах — вот что тяжело и ужасно. Кстати, он у вас еще займы не просил?

— Нет. А что?

— Попросит. Больше десяти рублей не одолжайте — всё равно не отдаст. Я вам скажу — он да Лучезарская...

В двери послышался стук.

— Можно? — спросила Лучезарская, входя в уборную. — Ах, извините! Очень рада познакомиться!

— Ну что, голуба? — приветливо сказал Фиалкин-Грохотов, смотря на нее. — Что он там?..

— Ужас что такое! — страдальчески ответила Лучезарская, поднимая руки кверху. — Это такой кошмар... Всё время путает слова, переигрывает, то шепчет, как простуженный, то орет. Я с ним совершенно измоталась!

— Бедная вы моя, — ласково и грустно посмотрел на нее Фиалкин-Грохотов. — Каково вам-то?

— Мне-то ничего... У меня сегодня с ним почти нет игры, а вот вы... Я думаю, — вам с вашей школой, с игрой, сердцем и нервами, после большой столичной сцены... тяжело? О, как мне всё это понятно! Вам

сейчас выходить, милый... Идите!

Он вышел, а Лучезарская нахмурила брови и, наклонившись ко мне, озабоченно прошептала:

– Что вам говорил сейчас этот кретин?

– Он? Так кое-что... Светский разговор!

– Это страшный сплетник и лгун... Мы его все боимся, как огня. Он способен, например, выйти сейчас и рассказать, что застал вас обшаривающим карманы висящего пиджака Эрастова.

– Неужели? – испугался я.

– Алкоголик и морфинист. Мы очень будем рады, если его засадят в тюрьму.

– Неужели? За что?

– Шантажировал какую-то богатую барыню. Теперь всё раскрылось. Я очень буду рада, потому что играть с ним – чистое мучение! Когда он да эта горилла – Эрастов – на сцене, то ни в чем не можешь быть уверенным. Всё провалят!

– Почему же режиссер дает им такие ответственные роли?

– Очень просто! Эрастов живет с женой режиссера, а тому только этого и надо, потому что ему не мешают тогда наслаждаться счастьем с этой распутницей Каширской-Мелиной, которая жила в прошлом году с Зубчаткиным.

Она грустно улыбнулась и вздохнула:

– Вас, вероятно, ужасает наше театральное болото? Меня оно ужасает еще больше, но... что делать! Я слишком люблю сцену!..

В уборную влетел Эрастов и, скрежеща зубами, сказал:

– Душечка, Марья Павловна, посмотрите, что сделала эта скотина с началом второго действия! Что он там натворил...

– Я это и раньше говорила, – пожала плечами Лучезарская. – Эта роль – главная в пьесе и поэтому по справедливости должна была принадлежать вам! Впрочем... Вы ведь знаете режиссера!

* * *

Следующий акт я опять смотрел.

Лучезарская стояла около окна, вся залитая лунным светом, и говорила, положив голову на плечо Фиалкина-Грохотова:

— Я не могу понять того чувства, которое овладевает мною в вашем присутствии: сердце ширится, растет... Что это такое, Кайсаров?

— Милая... чудная! Я хотел бы, чтобы судорога счастья быть любимым вами сразу захватила мое сердце, и я упал бы к вашим ногам бездыханным с последним словом на устах: люблю!

Около меня кто-то вынул платок, задев меня локтем, и, растроганный, вытер глаза.

— Чего вы толкаетесь, — грубо проворчал я. — Болтают тут руками — сами не знают чего!..

ПРОКЛЯТИЕ

днажды Леонид Андреев затосковал¹.

Сначала его забавляли неизвестные молодые люди, приезжавшие к нему по два и по три раза в день, — а потом надоели.

Каждый из них, явившись к Андрееву, уводил писателя в угол и, судорожно вцепившись в пуговицу его бархатной тужурки, подавленным шепотом спрашивал:

— Что вы скажете о мессинском землетрясении?²

И он смотрел на Андреева такими испытующими глазами, что тому делалось ясно: неизвестный молодой человек подозревает его в организации и устройстве этого бедствия.

— А что? — тоже подавленным шепотом спрашивал испуганный Андреев. — Я в то время был у себя на даче... и, клянусь вам...

— Нет, я хочу знать, как вы находите это землетрясение?

— Оно... ужасно... неприятно, — неуверенно отвечал Андреев.

— Да? Очень вам признателен. Я так и напишу: «Леонид Андреев в дружеской беседе высказал свой ужас и возмущение перед загадочными силами природы, которые...» Очень вам благодарен! Бегу.

И он убегал, уступая место другому молодому человеку, такому же симпатичному и юркому.

Второй молодой человек тоже цеплялся за Андреева, как утопающий за соломинку, и с истерическим любопытством спрашивал:

— Какое ваше мнение о Толстом?

— О Толстом? Великий старик, сделавший...

— Благодарю вас. Очень рад был с вами побеседовать! Я так и напишу: «Недавно Андреев в тесном семейном кругу высказал не лишнее оригинальности мнение о Толстом. “Толстой, — сказал писатель, — хотя и велик, но его старость и сопутствующие этой поре жизни немощи лишают его возможности дать вещи, подобные незабвенным прежним — ‘Анне Карамазовой’ и ‘Братьям Карениным’”³. Мерси. Лечу.

Третий молодой человек, стоявший в затылок за вторым, ловким движением ноги отбрасывал второго, уже насытившегося, в сторону и спрашивал Андреева в упор:

— О Метерлинке!⁴ Что скажете?

— Метерл...

— Благодарю вас! Я так и сообщу нашим читателям! Я очень рад, что ваше мнение совпадает с моим. Лечу. Привет супруге.

Постепенно всё это приелось Андрееву.

— Ах, как бы я хотел развеселиться! — говорил он.

— Господи! — удивлялась жена. — Что же может быть легче! В передней есть еще три молодых человека. Позвать? Может, они тебя развеселят...

* * *

Однажды Андрееву пришла в голову лукавая мысль: потихоньку, инкогнито, уехать в Москву и там повеселиться вовсю.

Он остриг волос⁵, надел черные очки и, взявши чемоданчик, поехал в Москву⁶.

Умылся в номере гостиницы, радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую.

Навстречу ему шли две московские барышни.

— Вот Андреев, — сказала одна.

— Леонид, — добавила вторая.

Они остановились и повернули за писателем, смотря на него с изумлением и страхом.

— Идет по улице... — прошептала одна с остолбенелым лицом.

Другая всплеснула руками:

— Смотри, смотри! В калошах... Андреев в калошах!

— Что вам угодно, барышни? — со вздохом спросил Андреев.

— Ай-ай-ай! — взвизгнули обе. — Разговаривает!

И, обезумевши от ужаса, бросились врассыпную.

На Тверскую Андреев не пошел. Накупил газет и, печальный, побрел в свой номер.

В первой газете, которую он развернул, было написано:

Передают из достоверных источников, что Леонид Андреев находится в настоящее время в Антверпене. Писателю город очень понравился. Целыми днями его видят гуляющим по набережной и в гавани.

«А надо будет, в самом деле, когда-нибудь, — подумал Андреев, — проехаться в Антверпен. Вероятно, любопытный город».

Отложил первую газету и взял другую.

На днях в дружеской беседе Леонид Андреев, — сообщалось во второй газете, — восхищался немецким поэтом Бирбаумом⁷. Он считает его одним из лучших представителей немецкой поэзии.

— Бирбаум... — прошептал Андреев. — Странная фамилия. Надо будет почитать что-нибудь Бирбаума...

Встал и, потянувшись, взглянул на часы.

— Ужасно однообразные газеты нынче... Восемь часов... Пойду-ка я куда-нибудь в театр повеселиться.

Вышел, сел на извозчика и сказал:

— Вези меня, братец, в какой-нибудь театр. Смерть хочется повеселиться. Хе-хе...

— В Художественный? — спросил извозчик.

— Можно и в Художественный. Впрочем, нет, брат. Там идет моя «Анатема». Вези куда-нибудь в другое место. К Коршу, что ли⁸.

Приехав в коршевский театр, Андреев купил билет и на цыпочках вошел в зрительный зал.

На сцене стоял актер в студенческом мундире, страстно взывая к актрисе:

— Оль-Оль! Я люблю тебя! Посмотри на эти Воробьевы горы...

— «Дни нашей жизни», — разочарованно прошептал Андреев. — Экая незадача!

Неприятная горечь накоплялась в груди и комком подкатывала к горлу.

Он встал, вышел на улицу и сел на другого извозчика.

— Вези меня, голубчик, в какой-нибудь театр, кроме Художественного и Солодовниковского⁹.

— Пожалуйста!

Подойдя к кассе третьего театра, Андреев взял билет и спросил кассиршу:

— А что сегодня идет?

— «Анфиса» Леонида Андреева. Очень хорошая вещь.

Андреев скомкал билет и со стоном выбежал на улицу.

— Есть еще один театр, — сказал он сам себе, — но у меня и пьеса еще одна есть: «Жизнь человека». Я уверен, что наткнусь именно на нее. И еще один есть театр. Но туда не стоит и показываться: там, я знаю, — «Черные маски».

Во взоре его светилось отчаянье¹⁰.

Громадный равнодушный город катил перед ним тысячные людские волны, громадный город заключал в себе массу развлечений, но — все они были не для него.

— Для всех, кроме него! Ха-ха!

Чем дальше, тем всё больше и больше ему хотелось повеселиться... Взгляд его упал на гигантскую огненную вывеску:

СИНЕМАТОГРАФ
«МОДЕРН»

«Пойду я хоть в синематограф», — подумал несчастный и уныло побрел в иллюминированный подъезд.

Через минуту публика в ужасе шарахнулась от какого-то невысокого черного человека, который со страдальческим воем, расталкивая всех, бросился к выходу.

В синематографе демонстрировали сенсационную картину:

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

У себя на даче.

Только самое короткое время!

Леонид Андреев на моторной лодке.

РЕДКОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

Леонид Андреев и Оскар Норвежский¹
за чаем!

Леонид Андреев говорит в граммофон.
Невозможное стало возможным!

С П Е Ш И Т Ё
СМОТРЕТЬ!

На лице Андреева застыла мертвенная скука; в глазах виднелось страдание. Он махнул рукой и пошел на вокзал написать жене письмо, — что завтра выезжает обратно.

— Открыточку? — спросила его продавщица в вокзальном киоске. — Вот, пожалуйста... Не желаете ли: Леонид Андреев, последний выпуск.

Андреев, шатаясь, отошел от киоска, опустил на колени и, воздев руки кверху, заплакал:

— Господи! За что ты меня проклял?!

ПЕРНАТОЕ

I.

До сих пор мне почти совсем не приходилось думать о жизни африканских дикарей... Занятый своими делами, я совершенно забыл об их существовании и имею основание утверждать, что их отношение ко мне носило такой же характер — полного равнодушия.

В своей жизни я написал целый ряд фельетонов и статей: юмористических, сатирических, ядовитых, полных сарказма и негодования, но едва ли хотя одно мое произведение вызвало на устах африканского дикаря улыбку или заставило его искренно негодовать вместе со мною по поводу всё ухудшающейся жизни на нашей бестолковой планете.

Так мы жили: я — сам по себе, а дикари, под палящими лучами африканского солнца, — сами по себе.

Но однажды, когда я сидел в редакции, освещенной электрическим светом, имея перед собой телефон, сзади — шкаф, битком набитый гениальными творениями, а сбоку — последние телеграммы, сообщавшие мне о различных событиях в самых последних закоулках земного шара, — мне до боли сделалось жаль несчастных, невежественных дикарей, лишенных не только телефона и шкафа, набитого книгами, но даже простой, дешевой, копеечной вечерней газеты!

«Вот, — сказал я сам себе, — ты сидишь здесь, залитый электрическим светом, сильный, всезнающий культурный человек, а в это же самое время где-нибудь у истоков Нила жалкий, тупой дикарь, раздираемый когтями свирепого льва, молча страдает и от когтей, и от отсутствия вечерней газеты, и от своей собственной тупости и невежества...»

Сердце мое болезненно сжалось, и к горлу подкатил тяжелый ком.

Для журналиста — у меня на редкость добрая, отзывчивая душа и широкое, способное на героизм и самопожертвование сердце.

Целую неделю у меня не выходила из головы судьба африканских дикарей, а еще через неделю — я решил поехать к ним, неся с собой

знание, просвещение и истинные культурные начинания, могущие поднять дикаря до меня, всезнающего, разностороннего газетного работника.

Издатель сначала удивился моему решению, потом огорчился, потом выразил опасение — не страдаю ли я тихим помешательством, а потом выдал мне аванс, написал в своей газете, что «редакция, не щадя затрат, решила послать собственного специального корреспондента в центральную Африку»... И я уехал...

II.

Утомившись, после длинного дневного перехода под свирепыми лучами центрального африканского солнца, я, вместе со своими проводниками, остановился на ночлег в тропическом лесу, сплошь состоявшем из лиан, змей и голодных назойливых львов.

Не прошло и часу беспокойного, тяжелого сна, как я услышал крики, беготню, возню и, очнувшись, увидел себя схваченным дюжими черными руками нескольких неизвестных мне людей, очевидно, тех самых, которые так страдали от отсутствия вечерних газет.

Не теряя присутствия духа, я, с помощью знаков, обратился к ним со следующей речью:

— Милостивые дикари! Я, конечно, понимаю, что весь ваш жизненный уклад и дедовские традиции, теряющиеся во тьме прошлых веков, повелевают вам сейчас же без остатка съесть меня, запив чистой ключевой водой. Но я имею мужество сказать, что это будет самым идиотским поступком вашей безграмотной жизни! Вы убьете курицу, могущую нести золотые яйца, уничтожите жемчужину, которая будет самым лучшим украшением короны вашего короля. Из истории мы знаем один пример такой бессмысленной расточительности — когда царица Клеопатра распустила в уксусе жемчужину и проглотила эту отвратительную смесь¹, но ведь это было сделано глупой, истеричной женщиной, а вы — рассудительные, неглупые дикари, с честными, открытыми лицами!..

Известно, что человека можно поймать на самую грубую лесть. Дикари, польщенные моими последними словами и обескураженные указанием на, печальной памяти, пример Клеопатры, — заговорили что-то на своем чернокожем языке, а потом один спросил меня знаками:

— Если бы мы пренебрегли своими священными традициями и оставили тебя несъеденным, что бы ты мог предложить нам взамен этого акта исключительного милосердия?

— Мне гораздо легче указать вам, — гордо отвечал я, — чего я не могу предложить! Я научу вас всему: ваши вигвамы зальются светом электричества! Книгопечатание поднимет ваш умственный уровень, принципы культурной дипломатии расширят ваши границы, а огнестрельное оружие защитит вас от нападений хищных зверей.

Восторженный крик исторгся из нескольких десятков грудей, и обезумевшие от радости дикари потащили меня к королю, куда-то в глубь девственного африканского леса...

III.

Гордо, полный сознания собственного достоинства, стоял я перед чернокожим королем.

— Неужели, ты, один человек, можешь всё знать? — изумленно допрашивал меня простодушный дикарь.

— Я журналист! — отвечал я знаками. — Журналисты должны всё знать. Наша деятельность требует исключительной разносторонности.

— Что ты считаешь самым главным в жизни человеческой? — спросил меня король.

— Печатное слово.

— Можешь ты научить нас этому?

— Господи! — удивился я. — Ничего нет легче.

— Как же это делается?

— Как?

Все окружающие притаили дыхание. Сам король подался вперед, олицетворяя собой воплощенное внимание.

— Делается это просто: приходит мне в голову какая-нибудь мысль... Я сажусь за стол и излагаю ее на бумаге. Затем зову мальчишку...

— Мальчишки у нас есть. Сколько угодно, — вставил король.

— ...зову мальчишку и отсылаю в типографию. Там набирают, печатают и потом это рассыляется по всему свету!

Глаза короля заблистали восторгом.

— Что нужно для того, чтобы устроить типографию? Из чего она делается?

Я подумал.

— Из... железа.

— Железо у нас есть! Эй! Кто там... Дать этому бледнолицему железу, сколько ему понадобится. Пусть десять самых расторопных моих подданных помогают ему.

— Видите ли... — нерешительно сказал я. — Типографские машины бывают нескольких родов: самая сложная — ротационная, для газет, потом бывают плоские, иллюстрационные... Самая простая, так называемая «американка»...

IV.

У моих ног лежала груда разного железа. Меня окружили десять откомандированных мне на помощь дикарей, и все они с рабской готовностью смотрели в мои глаза, ожидая первого жеста, чтобы начать работу.

Я поднял кусок железа и повертел его в руках. Мне часто приходилось видеть типографские машины, но в них было нацеплено столько разных колес, рычагов и винтиков, что я сейчас был в полнейшем недоумении — с чего мне начать.

— Прежде всего, — промямлил я, — мы должны бросить ретроспективный взгляд и проследить дело книгопечатания со времени его возникновения. Один бедный человек, по имени Гуттенберг, родившийся в тысяча... — я пожалел, что со мной не было энциклопедического словаря, — да... родившийся несколько веков тому назад, придумал вместо

рукописных букв вырезанные из дерева. Сначала они вырезывались на целой доске, а потом Гуттенберг стал делать их подвижными...²

Я загнулся и, безнадежно опустив голову, умолк.

Толпа дикарей с жадным доверчивым любопытством окружала меня, ловила каждое мое слово, каждый жест, как величайшее откровение...

— Да... вот таким образом и было изобретено Гуттенбергом книгопечатание... Впрочем, господа, прежде чем начинать устраивать типографию, мы должны заняться бумагой. Знаете ли вы, как делается бумага?

— Мы о ней и не слыхивали, — заявил король.

— Неужели?! — вскричал я, с сожалением оглядев дикарей. — Ведь это такой пустяк! Должен вам сказать, что бумага изготавливается из тряпок, тряпки — из отслужившей свой срок одежды, одежда — из материи, а материя — из льна, который — есть растение!

Я победоносно взглянул на ошеломленных дикарей.

Король робко спросил:

— Не можешь ли ты, о чужестранец, указать мне, какое из растений — есть лен?

Я обвел глазами поросшую травой поляну, но так как, не выезжая всю жизнь из города, никогда не видел живого льна, — то благоразумно ответил:

— Бумагу можно делать также из древесных волокон! Американцы приготавливают так называемую древесную бумагу. Должен вам сказать, что Америка со времени открытия ее Колумбом сделала большие завоевания в технике... Громадные мосты титанической работы, тресты, захватившие в свою власть всю промышленность...

— Нет, нет, — перебил меня король. — Ты расскажи: как делается бумага из дерева?

— Как? — Да очень просто: электричеством!

На лицах дикарей было написано истерическое любопытство.

— Что же это такое электричество? — спросил король. — Можешь ты его сделать?

— Каждый мальчишка в европейской школе проходит физику, — презрительно возразил я. — В жизни культурного человека электричество играет первенствующую роль: по освещенным электричеством улицам то и дело мчатся битком набитые трамваи, на верхние этажи высочайших домов человек попадает в одну минуту с помощью электрического лифта, гигантские синемаграфы запечатлевают все события, и человечество двадцатого века триумфально катит к далекому будущему среди электрических молний, освещенное голубым свет...

— Нет, ты не говори нам так, — нетерпеливо перебил меня король. — Ты расскажи лучше, ну... как устроить синемаграф?!

— Простите, — с достоинством возразил я. — Но я журналист и всякую свою мысль привык облекать в законченную, округленную форму. А синемаграф устраивается с помощью электричества.

— Да как же он устраивается?!!

— Он? Прежде всего, я должен... гм... объяснить вам, что такое электричество... Это таинственная, не исследованная еще как следует сила природы, той природы, которая в своем вечном многообразии...

— Как мы можем получить электричество? — нервно вскричал король. — С чего начать? Ты нам это расскажи!

— Электричество? Существует, видите ли, два рода электричества... Положительное и отрицательное... Так называемые катушки Румкорфа³, состоящие из...

За несколько лет моей писательской работы мне ни разу не приходилось касаться электричества, и всё мое отношение к данному предмету ограничивалось тем, что я однажды заплатил монтеру за починку звонков 4 рубля.

— Так называемый магнитный полюс, — пролепетал я, — который является следствием... Гм... В простейшем своем роде электричество в природе можно вызвать с помощью элементарнейших опытов... Например: вы берете гребенку и проводите ею по волосам... Характеристический треск, который вы слышите, и есть электричество, разряжающееся...

— Он всё врет, — послышался сбоку голос. — Он решительно ничего не знает. Давайте его съедем!

— Я ничего не знаю?! — с негодованием воскликнул я. — Сами вы врете! Я всё знаю! Я могу посвятить вас в создавшуюся политическую конъюнктуру Европы, могу осветить с самой оригинальной точки зрения творчество Ибсена⁴, расскажу вам о возвращении к культу Греции, о танцах будущего⁵, о крушении индивидуализма⁶, о кознях Австрии...

Меня связали и потащили куда-то...

А я говорил:

— Аэропланы — суть аппараты тяжелее воздуха. Различаются — монопланы, бипланы и так называемые геликоптеры.

— А как они делаются? — с любопытством спросил тащивший меня дикарь.

Подробно я этого не знал и потому, помолчав, сказал:

— Скоро человек завоюет воздух, и эти большие белые птицы будут реять в безоблачном небе, которое притихнет, будто изумленное дерзостью во всё проникающего человеческого гения...

— Он будет очень вкусен, — похвалил меня один дикарь, ощупывая голову.

— Он понравился мне с первого взгляда, — сказал другой.

Я слишком культурный человек, чтобы меня могла тронуть эта грубая лесть...

Я промолчал и, брошенный на траву, стал терпеливо ожидать, когда меня зарежут⁷.

«Заявить им разве, — подумал я, — что я знаю, как делаются ружья? Я несколько раз возмущался в печати бесчеловечием пули “дум-дум”⁸, негодовал по поводу отсталости России в деле вооружения артиллерии дальнобойными орудиями, но как всё это делается — пусть меня повесят — не знаю...»

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ

Сей труд автор благоговейно посвящает Н. Ежову... как автору остроумного труда о Чехове, напечатанного в «Историческом Вестнике»¹.

I.

днажды мы с Антоном Павловичем сидели в его саду и тихо беседовали.

— Вас спрашивают... Можно вас видеть? — доложил старый слуга.

Непосредственно за этими словами из-за спины слуги раздался веселый голос:

— Чего там спрашивают?! Хо-хо! Смерть не люблю этих китайских церемоний! Доложи, да прими, да еще, пожалуй, визитные карточки потребуешь — терпеть не могу цирлих-манирлих². Здравствуй, Антоша!

Антон Павлович привстал и недоумевающе посмотрел на веселого господина в лихо надетом набекрень котелке, с жизнерадостными, но немного мутными глазами, и с манерами, красиво развязными и размашистыми.

— Простите... — недоумевая, сказал Антон Павлович.

— Не узнаешь, шельмец?! Славой... как это говорится... обуян? Загордился? Хо-хо! Смерть не люблю, когда эдакое вот... двуногое — нос задирает!!!³

— Не будете ли добры, — мягко сказал Чехов, юмористически взглянув на меня, — назвать себя, чтобы я мог вспомнить. С годами, знаете... память слабеет.

— Хо-хо! Как это говорится: Изабелла — ослабела!⁴ А ты, брат, изменился, похудел. Ну, что твоя чахотка? Небось, кровью харкаешь уже?

— Будьте добры, — вмешался я, выступая вперед, — сказать, кто вы такой, потому что Антон Павлович вас не может узнать.

— А! И вы здесь... господин хороший! Как поживаете? Небось тоже пишете? Много развелось теперь пишущей братии... и всякий о себе мнит, что гений. Правильно, Антоша? Помнишь, как я тебя в былое время называл: Антошка-картошка? Да, брат, было времечко...

Веселый господин сел на мое место и, задумчиво сбивая суковатой палкой головки цветов на куртинах⁵, продолжал:

— Вот видишь, Антоша... ты меня забыл, а я тебя помню. Забыл Колю, шельмец?! А ведь в одной газете работали. Я о кораблекрушениях разных, о бешеных собаках писал, а ты рассказы мастачил. Хо-хо! Ловкач ты, брат! Нос у тебя есть. Потому и выдвинулся, что нос есть. Умеешь по ветру... А я тоже, брат... стал уже разные фельетонные фили-мигли разводить. Читал небось как я на днях отцов города за городские скверы продернул? Ванька Арепьев часто говорил: бойкое у тебя, Коля, перо... Ох, бойкое! Помнишь Ваньку Арепьева?

Чехов наморщил лоб.

— Что-то не помню... Фельетончика вашего о скверах, к сожалению, тоже не читал.

Веселый господин протяжно свистнул.

— Да ты что, Антоша... В самом деле, в знаменитости продираешься? За литературой не следишь, бывших друзей не признаешь... Оттого и вид у тебя такой... туберкулезный! А я, брат, тебе одну штукенцию притащил. Замечательная повесть. Сам и писал, милый Антуан, собственными руками. Прочти и скажи свое вещее слово. Может, в «Русское Богатство»⁶ пристроишь.

Антон Павлович со вздохом взял пожелтевшую, растрепанную, видавшую виды рукопись и развернул ее.

— Она у вас... гм... не обработана.

— Как не обработана? Врешь, брат, до последней запятой обработана!

— Да вот тут... первая же фраза: «К высокому гроту подъехал мужчина, который зиял темным загадочным отверстием...» Кто зиял?

— Конечно, грот. Всякий по смыслу догадается. А я уже вижу, брат, что ты подкапываешься. Нехорошо, Антоша... Неискренно! Конечно, с

таким отношением к товарищу — никакое «Русское Богатство» не печатает. Ну, Бог с тобой! У меня есть к тебе другая дружеская просьба... дай мне пятьсот рублей!

— Как — пятьсот рублей?

— В займы. После сосчитаемся.

— Да у меня такой суммы, право, нет...

— Полно врать-то! Небось в год зарабатываешь в пять раз больше. Ну, нет пятисот, дай триста. Я тебе оставлю мою рукопись... За нее всякий издатель даст в десять раз больше!

— Уверю вас... У меня при себе рублей тридцать-сорок есть. И на те я должен жить всю неделю. Впрочем, половину — могу.

— Эх, Антоша! Засушила тебя слава! Мелок ты стал: товарищам завидуешь, в денежных отношениях потерял широту русской души... Жмешься, брат! А ведь всё равно — кашляешь, кашляешь, да и померьшь скоро... Кому свои миллионы оставишь?

Веселый господин похлопал меня по плечу, как бы призывая в свидетели своего утверждения, покачал головой и, обиженный, исчез так же неожиданно, как явился.

Больше мы с ним не встречались...

II.

Когда в печати появились воспоминания Куприна, Бунина и Горького — о Чехове⁷, веселый господин решил, что настала его очередь.

— Что ж... — подумал он. — Недаром Ванька Арепьев частенько говорил, что у меня бойкое перо. Попробуем!

Веселый господин отодвинул начатый фельетон о непростительном отношении отцов города к водопроводному вопросу и начал:

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ

Должен сказать, что Чехова я знал очень близко... Начинали мы с ним в одной газете, и я, по-приятельски, даже называл его Антошей.

— Эх ты, — говорю, — Антошка-картошка!

Зная его близко, должен сказать, что дружественная критика окружила его совершенно незаслуженным ореолом и каким-то идолопоклонническим отношением...

Мало кому известно, что слухи о доброте и деликатности Антона Петровича были сильно преувеличены. Наоборот, покойный писатель к своим бывшим товарищам по работе относился с невыносимым пренебрежением, еле узнавал их при встрече.

Кроме того, угасший писатель был скупенек и часто, позванивая в кармане сторублевками, отказывал в займе даже своим близким нуждающимся друзьям.

Отличительной чертой незабвенного покойника была грубость, доходящая порой до наглости... Так, например, пишущий эти строки был свидетелем того, как Антон Павлович раскритиковал прекрасную повесть маститого писателя, который находился тут же. Нужно ли говорить, что эта грубая критика была совершенно несправедлива, являясь результатом болезненной зависти к более талантливым коллегам чахоточного писателя...

Покойный, конечно, понимал, что его нудные, тягучие измышления, лишённые элементарного знания жизни, сразу тускнели и терялись рядом с прекрасными, полными жизненной правды произведениями маститого автора. «Чего же спят наши отцы города, не обращая внимания на позорное состояние городской канализации!»

К числу отрицательных свойств дорогого всем покойника нужно отнести также его известную близким — приверженность к алкоголю и полнейшее неумение отличать свое от чужого. (Пишущий эти строки хорошо помнит, как незабвенный писатель обменял свои старые калоши на его новые и спрятал однажды, якобы по рассеянности, вместо носового платка — совсем новенькую салфетку).

В будущем автор настоящих воспоминаний о Чехове постарается глубже и полнее очертить физическую и моральную физиономию писателя, так безвременно угасшего (настолько безвременно, что он забыл возратить автору этих воспоминаний серебряный портсигар и три рубля денег, похищенных тайком знаменитым певцом русских сумерек⁸)...

КРАЙНИЕ ТЕЧЕНИЯ

Сотрудник московск. журнала «Весы»,
декадент Эллис, уличен в похищении листов
и порче книг в Публичной библиотеке.

(Газетн. хроника)¹

I.

-И вам не стыдно? — укоризненно спрашивал судья, смотря на стоявшего перед ним Декадента. — Ну, скажите: пара ли она вам?

— Она из хорошей семьи, — ответил, моргая глазами, Декадент. — Отец ее был предводителем стада и потом жил несколько лет на городской конюшне, а мать получила на выставке медаль.

— Да, но ведь она же — коза!²

— Коза, господин судья.

— Так как же вы так?! А?..

— Я не из расчета, господин судья. Я по любви.

— Что же вы нашли в ней хорошего? Коза — козой и останется. Вот вы говорите, что хотите узаконить вашу любовь браком. Намерение в своем первоисточнике — почтенное. Не спорю. Но подумали ли вы о тех тяжелых осложнениях и инцидентах, которые должны возникнуть потом? Вы из хорошей семьи, у вас есть престарелые родные... Того ли ожидали ваши папа и мама, когда растили вас и качали на коленях, маленького, с кудрявой головкой, о такой ли партии для своего первенца думала ваша уважаемая матушка? Уж не говоря о том, что ваш брак, как противный каноническим правилам, будет только гражданским, подумали ли вы о том, что будет, если ваши родственники, ваши друзья захотят познакомиться с вашей... супругой? Сможете ли вы ввести ее в порядочное общество равноправным членом и не заставит ли она своим бестактным поведением краснеть вас, с первых же шагов ее светской жизни? Я понимаю, конечно, вы скажете: я молод, я ее перевоспитаю, с милым рай в шалаше, ну... и прочее там... Хорошо-с! А о

старости... О старости своей подумали ли вы, молодой человек?! Кто вам – хворенькому, седенькому, слабенькому подаст напиток?! Кто поправит вам подушку и даст в чайной ложечке лекарство? Коза? Коза пригреет вас, приголубит, утешит и облегчит в жизненных неудачах и передрягах?

На глазах престарелого судьи стояли слезы.

Декадент плакал навзрыд.

– Что же мне делать, господин судья? Теперь я и сам вижу, что она мне не пара.

– Гоните ее от себя!

– Она будет очень страдать, – прошептал Декадент, сморкаясь в носовой платок. – Мы так любили друг друга...

– Вы должны ее возненавидеть!

– Спасибо, господин судья. Возненавижу. А тут еще у моего приятеля была собака... Очень красивая. Ее звали – Леди³. Если бы...

– Нельзя, – твердо сказал судья. – Тоже нельзя. Гнать и ненавидеть!

– Тут еще кошку на днях я одну видел, – признался Декадент. – Препикантное создание!..

– Ни-ни! Гоните от себя всякие соблазны... Поселите в своем сердце вместо любви – ненависть.

– Поселю, господин судья, – обещал растроганный Декадент.

II.

– И вам не стыдно? – укоризненно спрашивал судья, смотря на стоявшего перед ним Декадента. – Ну, скажите, разве для воспитанного молодого человека подходящее занятие – давить кошек веревками⁴ и травить собаками?

– А мы потом этих собак кипятком обливали, – попытался оправдаться Декадент.

– Тоже нехорошо. Нет в вас меры. То вы хотите козу осчастливить предложением руки и сердца, то собаку кипятком шпарите. Ведь собака вам ничего дурного не сделала?

Декадент подумал.

— Ничего.

— Так зачем же вы ее кипятком обливаете?

— Да, теперь я и сам вижу, господин судья, что это было лишнее.

— Вот видите. А зачем кошек давить? Существо она чистенькое, никому вреда не приносит, а, наоборот, в хозяйстве полезное — мышшей ловит, — за что же ее убивать?

— На днях у тети моей, — оживился Декадент, — во какую мышшь поймала!

— То-то и оно. И тетенька ваша, наверное, ее любит, молочком за это, печенкой кормит. А вы взяли ее да веревкой удавили! Покличет ваша тетушка свою Машку: Машенька, Машенька, где ты? Ан нет Машеньки... На веревке удушена... Померла! Не нужно ей уже ни молочка, ни печеночки...

Старый судья прослезился.

Декадент тоже плакал.

— Не буду больше, господин судья.

— То-то и оно. Вы бы лучше книжки читали, чем животных мучить...

— Буду книжки читать, господин судья, — пообещал Декадент.

III.

— И вам не стыдно? — укоризненно спрашивал старый судья, смотря на стоявшего перед ним Декадента. — Что дурного сделали вам книжки в Публичной библиотеке, что вы из них выдирали страницы?

— Я полюбил чтение, господин судья.

— Так зачем же страницы выдирать?!

— Я не все. Несколько страничек... И то в толстых книжках. Если тоненькая — я понимаю, что нельзя. Она оттого еще тоньше будет. А толстая — что ей делается?

— Ну, поставьте вы себя на место другого читателя... Приходите вы, берете книгу, разворачиваете, ан от 16-й до 86-й страницы — и нет!

— Как нет? Есть! — возразил Декадент, полез в карман и вынул несколько измятых листков. — Вот они!

— Так это у вас! Поймите, у вас, потому что вы их тайком вырвали... А возьмите вы другого читателя... Ну, ученого какого-нибудь, профессора, скажем, медицины. Нужно ему пополнить какой-нибудь пробел в теории, которая приведет его к открытию лекарства, скажем, от чахотки, поедет он в Публичную библиотеку, возьмет нужную книгу и — что же! Необходимые страницы вырваны. Что тогда получится: средство от чахотки не открыто, больные будут умирать по-прежнему, — и всё это сделали вы!

Декадент заплакал:

— Когда вы так хорошо всё объяснили, то я действительно вижу, что был не прав. Я больше не буду, господин судья! Но что же мне делать, посоветуйте?!

— Боюсь вам и советовать, — сказал судья. — Советовал вам гнать от себя козу, вы стали давить кошек, посоветовал читать — вы стали драть страницы... Разве вот что... начните писать что-нибудь!

— Это невозможно! — рыдая, воскликнул Декадент.

— Почему?

— Я уже пишу! В «Весах»!!⁵

НЕИЗЛЕЧИМЫЕ

Спрос на порнографическую литературу упал.
Публика начинает интересоваться сочинениями
по истории и естествознанию.

(*Книжн. Известия*)¹

Писатель Кукушкин вошел, веселый, радостный, к издателю Залежалову и, усмехнувшись, ткнул его игриво кулаком в бок.

— В чем дело?

— Вещь!

— Которая?

— Ага! Разгорелись глазки? Вот тут у меня лежит в кармане. Если будете паинькой в рассуждении аванса — так и быть, отдам!

Издатель нахмурил брови.

— Повесть?

— Она. Ха-ха! То есть такую машину закрутил, такую, что небо содрогнется! Вот вам наудачу, две-три выдержки.

Писатель развернул рукопись:

... Темная мрачная шахта поглотила их. Три светлые лампочки были видны полная, волнующаяся грудь Лидии и ее упругие бедра, на которые Дремин смотрел жадными взглядами. Не помня себя, он судорожно прижал ее к груди, и всё заверте...

— Еще что? — сухо спросил издатель.

— Еще я такую штучку вывернул: «Дирижабль плавно взмахнул крыльями и взлетел... На руле сидел Маевич и жадным взором смотрел на Лидию, полная грудь которой волновалась и упругие выпуклые бедра дразнили своей близостью. Не помня себя, Маевич бросил руль, остановил пружину, прижал ее к груди, и всё заверте...»

— Еще что? — спросил издатель так сухо, что писатель Кукушкин в ужасе и смятении посмотрел на него и опустил глаза.

— А... еще... вот... Зззз... бавно! «Линеви́ч и Лидия, стесненные тяжестью водолазных костюмов, жадно смотрели друг на друга сквозь круглые стеклянные окошечки в головных шлемах... Сверху них шмыгали пароходы и броненосцы, но они не чувствовали этого. Сквозь неуклюжую, мешковатую одежду водолаза Линеви́ч угадывал полную волнующуюся грудь Лидии и ее упругие выпуклые бедра. Не помня себя, Линеви́ч взмахнул в воде руками, бросился к Лидии, и всё заверте...»

— Не надо, — сказал издатель.

— Что не надо? — вздрогнул писатель Кукушкин.

— Не надо. Идите, идите с Богом.

— Вам... не нравится? У... у меня другие места есть... Внучек увидел бабушку в купальне... А она еще была молодая...

— Ладно, ладно. Знаем! «Не помня себя, он бросился к ней, схватил ее в объятия, и всё заверте...»

— Откуда вы узнали? — ахнул, удивившись, писатель Кукушкин. — Действительно, так и есть у меня.

— Штука нехитрая. Младенец догадается! Теперь это, брат Кукушкин, уже не читается. Ау! Ищи, брат Кукушкин, новых путей.

Писатель Кукушкин с отчаянием в глазах почесал затылок и огляделся:

— А где тут у вас корзина?

— Вот она, — указал издатель.

Писатель Кукушкин бросил свою рукопись в корзину, вытер носовым платком мокрое лицо и лаконично спросил:

— О чем нужно?

— Первее всего теперь читается естествознание и исторические книги. Пиши, брат Кукушкин, что-нибудь там о боярах, о жизни мух разных...

— А аванс дадите?

— Под боярина дам. Под муху дам. А под упругие бедра не дам! И под «все завертелось» не дам!!!

— Давайте под муху, — вздохнул писатель Кукушкин.

Через неделю издатель Залежалов получил две рукописи.
Были они такие:

I БОЯРСКАЯ ПРОРУХА

Боярышня Лидия, сидя в своем тереме старинной архитектуры, решила лечь спать. Сняв с высокой волнующейся груди кокошник, она стала стягивать с красивой полной ноги сарафан², но в это время распахнулась старинная дверь и вошел молодой князь Курбский.

Затуманенным взором, молча, смотрел он на высокую волнующуюся грудь девушки и ее упругие выпуклые бедра.

— Ой ты, гой еси! — воскликнул он на старинном языке того времени.

— Ой ты, гой еси, исполать тебе, добрый молодец! — воскликнула боярышня, падая князю на грудь, и — всё заверте...

II
МУХИ И ИХ ПРИВЫЧКИ
(Очерки из жизни насекомых)

Небольшая стройная муха с высокой грудью и упругими бедрами ползла по откосу запыленного окна.

Звали ее по-мушиному — Лидия.

Из-за угла вылетела большая черная муха, села против первой и, с еле сдерживаемым порывом страсти, стала потирать над головой стройными мускулистыми лапками. Высокая волнующаяся грудь Лидии ударила в голову черной мухи чем-то пьянящим... Простирая лапки, она крепко прижала Лидию к своей груди, и всё заверте...

ЗОЛОТОЙ ВЕК

I.

По приезде в Петербург я явился к старому другу, репортеру Стремглавову, и сказал ему так:

— Стремглавов! Я хочу быть знаменитым.

Стремглавов кивнул одобрительно головой, побарабанил пальцами по столу, закурил папиросу, закрутил на столе пепельницу, поболтал ногой — он всегда делал несколько дел сразу — и отвечал:

— Нынче многие хотят сделаться знаменитыми.

— Я не «многий», — скромно возразил я. — Василиев, чтоб они были Максимычгами и в то же время Кандыбинами, — встретишь, брат, не каждый день. Это очень редкая комбинация!

— Ты давно пишешь? — спросил Стремглавов.

— Что... пишу?

— Ну, вообще, — сочиняешь!

— Да я ничего и не сочиняю.

— Ага! Значит — другая специальность. Рубенсом думаешь сделаться?

– У меня нет слуха, – откровенно сознался я.

– На что слуха?

– Чтобы быть этим вот... как ты его там назвал?.. Музыкантом...

– Ну, брат, это ты слишком. Рубенс не музыкант, а художник.

Так как я не интересовался живописью, то не мог упомянуть всех русских художников, о чем Стремглавову и заявил, добавив:

– Я умею рисовать метки для белья.

– Не надо. На сцене играл?

– Играл. Но когда я начинал объясняться героине в любви, у меня получался такой тон, будто бы я требую за переноску рояля на водку. Антрепренер и сказал, что лучше уж пусть я на самом деле таскаю на спине рояли. И выгнал меня.

– И ты все-таки хочешь стать знаменитостью?

– Хочу. Не забывай, что я умею рисовать метки!

Стремглавов почесал затылок и сразу же сделал несколько дел: взял спичку, откусил половину, завернул ее в бумажку, бросил в корзину, вынул часы и, засвистав, сказал:

– Хорошо. Придется сделать тебя знаменитостью. Отчасти, знаешь, даже хорошо, что ты мешаешь Рубенса с Робинзоном Крузо и таскаешь на спине рояли – это придает тебе оттенок непосредственности.

Он дружески похлопал меня по плечу и обещал сделать всё, что от него зависит.

II.

На другой день я увидел в двух газетах в отделе «Новости искусства» такую странную строку:

Здоровье Кандыбина поправляется.

– Послушай, Стремглавов, – спросил я, приехав к нему, – почему мое здоровье поправляется? Я и не был болен.

– Это так надо, – сказал Стремглавов. – Первое известие, которое сообщается о тебе, должно быть благоприятным... Публика любит, когда кто-нибудь поправляется.

- А она знает – кто такой Кандыбин?
- Нет. Но она теперь уже заинтересовалась твоим здоровьем, и все будут при встречах сообщать друг другу: «А здоровье Кандыбина поправляется».
- А если тот спросит: «Какого Кандыбина?»
- Не спросит. Тот скажет только: «Да? А я думал, что ему хуже».
- Стремглавов! Ведь они сейчас же и забудут обо мне!
- Забудут. А я завтра пушу еще такую заметку:

В здоровье нашего маститого...

Ты чем хочешь быть: писателем? художником?..

– Можно писателем.

В здоровье нашего маститого писателя Кандыбина наступило временное ухудшение. Вчера он съел только одну котлетку и два яйца всмятку. Температура 39,7.

- А портрета еще не нужно?
- Рано. Ты меня извини, я должен сейчас ехать давать заметку о котлете.

И он, озабоченный, убежал.

III.

Я с лихорадочным любопытством следил за своей новой жизнью.

Поправлялся я медленно, но верно. Температура падала, количество котлет, нашедших приют в моем желудке, всё увеличивалось, а яйца я рисковал уже есть не только всмятку, но и вкрутую.

Наконец, я не только выздоровел, но даже пустился в авантюры.

Вчера, – писала одна газета, – на вокзале произошло печальное столкновение, которое может окончиться дуэлью. Известный Кандыбин, возмущенный резким отзывом капитана в отставке Ч*** о русской литературе, дал последнему пощечину. Противники обменялись карточками.

Этот инцидент вызвал в газетах шум.

Некоторые писали, что я должен отказаться от всякой дуэли, так как в пощечине не было состава оскорбления, и что общество должно беречь русские таланты, находящиеся в расцвете сил.

Одна газета говорила:

Вечная история Пушкина и Дантеса повторяется в нашей полной несообразностей стране. Скоро, вероятно, Кандыбин подставит свой лоб под пулю какого-то капитана Ч*. И мы спрашиваем — справедливо ли это? С одной стороны — Кандыбин, с другой — какой-то никому не ведомый капитан Ч***.

Мы уверены, — писала другая газета, — что друзья Кандыбина не допустят его до дуэли.

Большое впечатление произвело известие, что Стремглавов (ближайший друг писателя) дал клятву, в случае несчастного исхода дуэли, драться самому с капитаном Ч*.

Ко мне заезжали репортеры.

— Скажите, — спросили они, — что побудило вас дать капитану пощечину?

— Да ведь вы читали, — сказал я. — Он резко отзывался о русской литературе. Наглец сказал, что Айвазовский был бездарным писакой.

— Но ведь Айвазовский — художник! — изумленно воскликнул репортер.

— Всё равно. Великие имена должны быть святыней, — строго отвечал я.

IV.

Сегодня я узнал, что капитан Ч* позорно отказался от дуэли, а я уезжаю в Ялту.

При встрече со Стремглавовым я спросил его:

— Что, я тебе надоел, что ты меня сплавляешь?

— Это надо. Пусть публика немного отдохнет от тебя. И потом, это шикарно: «Кандыбин едет в Ялту, надеясь окончить среди чудной природы юга большую, начатую им вещь».

— А какую вещь я начал?

— Драму «Грани смерти».

— Антрепренеры не будут просить ее для постановки?

— Конечно, будут. Ты скажешь, что, закончив, остался ею недоволен и сжег три акта. Для публики это канальски эффектно!

Через неделю я узнал, что в Ялте со мной случилось несчастье: взбираясь на горной круче, я упал в долину и вывихнул себе ногу. Опять началась длинная и утомительная история с сиденьем на куриных котлетках и яйцах.

Потом я выздоровел и для чего-то поехал в Рим... Дальнейшие мои поступки страдали полным отсутствием всякой последовательности и логики.

В Ницце я купил виллу, но не остался в ней жить, а отправился в Бретань кончать комедию «На заре жизни». Пожар моего дома уничтожил рукопись, и поэтому (совершенно идиотский поступок!) я приобрел клочок земли под Нюрнбергом.

Мне так надоели бессмысленные мьгарства по белу свету и непроизводительная трата денег, что я отправился к Стремглавову и категорически заявил:

— Надоело! Хочу, чтобы юбилей.

— Какой юбилей?

— Двадцатипятилетний.

— Много. Ты всего-то три месяца в Петербурге. Хочешь десятилетний?

— Ладно, — сказал я. — Хорошо проработанные 10 лет дороже бессмысленно прожитых 25.

— Ты рассуждаешь, как Толстой, — восхищенно вскричал Стремглавов.

— Даже лучше. Потому что я о Толстом ничего не знаю, а он обо мне узнает.

V.

Сегодня справлял десятилетний юбилей своей литературной и научно-просветительной деятельности...

На торжественном обеде один маститый литератор (не знаю его фамилии) сказал речь:

— Вас приветствовали как носителя идеалов молодежи, как певца родной скорби и нищеты, — я же скажу только два слова, но которые рвутся из самой глубины наших душ: «Здравствуй, Кандыбин!!»

— А, здравствуйте, — приветливо отвечал я, польщенный. — Как вы поживаете?

Все целовали меня.

БЕЗ ПОЧВЫ

Многие находят, что катанье на колесных коньках — очень трудная вещь... Конечно, в наш слабый развинченный век, когда многие не умеют даже как следует кататься на простом извозчике — этот спорт представляет некоторые трудности, но, конечно, не такого сорта, чтобы, отправляясь впервые на скетинг-ринг, — попрощаться с родственниками, написать завещание и затвердить наизусть последние предсмертные слова¹.

Я стоял у буфетного столика, опираясь на мягкие перила вокруг асфальтовой площадки, по которой носились с треском и веселым гаммом оживленные парочки, — стоял и думал:

«Только-то и всего? Да ведь суший пустяк — покатиться на этих колесиках! Мне кажется, я открыл главный секрет этого спорта: стоит только стараться не упасть — и дело наполовину сделано. А если вы не рухнули на пол сразу, то последующие шаги не представляют никаких

затруднений... Чтобы сдвинуться с места, необходимо попросить кого-либо из находящихся вблизи толкнуть вас легонько в спину. А коньки уж — такая подвижная штука, что мигом домчат вас до противоположной стороны площадки. Попробуем».

Я подошел к служителю, сел на диван, протянул ноги и сказал тоном лихого, безрассудно смелого спортсмена:

— Парочку коньков! Да получше!! Чтобы они обязательно были на колесиках!

— Да они и так все на колесиках, — возразил служитель, завинчивая какие-то винты на моей ноге.

— Да? — смутился я. — Это прекрасный обычай.

— Готово, господин!

Я опустил на пол оседланные ноги и потихоньку подвигал ими... Увы, твердой земли я не ощутил: мои ноги как будто болтались в воздухе.

— Это... всегда так? — робко спросил я.

— Что всегда?

— Так... скользко.

— А как же: колесики! Пожалуйста на площадку.

Я поднялся с дивана, но нога моя стремительно юркнула куда-то в сторону, и я снова опустился на свое место. Мне часто до того приходилось сидеть на диванах, но никогда я не получал такого искреннего удовлетворения от этого, как теперь.

Никогда бы раньше я не мог поверить, что можно так привязаться и полюбить простую дешевую, набитую шерстью подушку. Ни за какие деньги не хотел бы я расстаться с ней...

— Что же вы? Пожалуйста.

— Хи-хи, — засмеялся я. — Хи-хи... Я, голубчик, еще немножко посижу здесь. Устанешь, знаешь ли, за день... Тут у вас очень мило: тепло, уютно.

Он отошел от меня, а я остался сидеть, томительно вздыхая и изредка осторожно постукивая скользкой ногой по полу.

Рядом со мной надевали коньки господину, который был в таком же положении, как я. Но в этом человеке был дух героя! При Иоанне

Грозном он, вместо Ермака, мог бы завоевать Сибирь; при встрече с тигром он ударил бы его кулаком в темя и, ошеломив этим изумленного зверя, притащил бы его на веревке домой... В этом человеке помещался дух героя! Он не сидел полчаса на диване, не мямлил, как я, а сразу встал, выпрямился смело во весь рост и — грохнулся на буфетный стол всей своей тяжестью.

Если заразительны дурные примеры, то заразительны и хорошие: я встал и, прижимаясь к служителю со всей порывистостью и лаской, на которую способна моя привязчивая натура, — направился к барьеру.

И вот — я остался один, судорожно уцепившись за барьер и делая вид, что меня страшно заинтересовало устройство потолка.

— Отчего же вы не катаетесь? — дружески спросил меня кто-то из сидевших за столиками.

— Да я... катаюсь.

— Вы бросьте барьер! Не держитесь за него — тогда легче.

Я послушался совета. Но мои ноги (никогда я не подозревал в своих собственных конечностях столько хитрости и ехидства) заметили этот маневр и сразу разбежались в обе стороны так далеко, что мне стоило большого труда снова собрать их воедино. При этом я сделал движение, напоминающее самую популярную фигуру в кэж-воке², и снова с судорожною поспешностью уцепился за барьер.

— Смелее, смелее! — кричал мне доброжелатель. — Не льните так к барьеру, как к любимой женщине. Свободнее руки, отъезжайте от барьера.

«Очевидно, он знает, что нужно делать», — подумал я и отъехал от барьера.

И тут я оказался будто висящим в воздухе. Коньки сами ерзали по асфальту, как живые, я откидывался назад, изгибался как угорь и наконец, видя, что позорное падение неизбежно — с молниеносной поспешностью схватил за обе руки какого-то подвернувшегося конькобежца.

— Что такое? — изумился он. — В чем дело?

Стискивая его руки, я тряс их, изгибался и, чтобы загладить свой бестактный поступок, сказал трясущимися губами:

— А, здравствуйте!.. Как поживаете? Вы... меня не узнаете?

— Первый раз вижу. Пустите мои руки!

Он вырвался. Ноги мои не упустили удобного случая сделать гадость их хозяину, разъехали в стороны, и я тяжело опустился боком на асфальт.

— Упали? — участливо спросил мой доброжелатель.

Я сделал вид, что поправляю коньки.

— Нет, это я так сел. Затянул ремни. Они, знаете, от катанья ослабевают.

Повозившись с каким-то ремнем, я тихонько подполз к барьеру и — снова нашел в нем старого, верного, испытанного друга.

— Если вы замечаете, что падаете, — сказал человек, сидевший за столом (теперь я подозреваю, что он был — случайный зритель, впервые зашедший полюбоваться на новый спорт), если вы замечаете, что падаете, — то немедленно поднимайте одну ногу... Равновесие установится, таким образом, сразу.

Снова я с тяжелым сердцем расстался с барьером... Исполнить совет моего доброжелателя было тем легче, что я поскользнулся сразу. И совет был исполнен даже в двойной дозе. Он советовал при падении поднять одну ногу, а я поднял обе. Правда, это было после падения, и для этого пришлось коснуться спиной асфальта, но я увидел, что в падении, в сущности, нет ничего страшного.

Мимо меня пролетел изящный господин, грациозно наклонившись вперед и легко, без усилия скользя по асфальтовой глади.

«Попробую и я так, — подумал я. — Ну, упаду! Эка важность!»

Положив руки назад, я неожиданным ураганом ринулся в толпу катающихся. Я упал всего два раза, но сбил с ног человек десять, опрокинул неизвестного толстяка на барьер и, сопровождаемый разными пожеланиями и комплиментами, усталый, довольный собой отправился снимать коньки.

На второй день я опрокинул всего двух человек и к барьеру прикасался лишь изредка, большей частью покровительственно похлопыв-

---

вая его по упругой спине... На третий день я не опрокинул уже ни одного человека (опрокинули меня — какой-то неуклюжий медведь, — чтоб его черт побрал, — и неизвестная девица, бездарная до обморока), на барьер смотрел с презрением, как на нечто смешное, ненужное, и демонстративно держался подальше от этого пережитка старинной неуклюжести и страха... Пролетая мимо напуганных, искаженных ужасом лиц, кричал им покровительственно: «Смелее!», и теперь — если бы мне предложили приз за катанье, — я взял бы его без всякого колебания, отнекиваний и ненужной скромности.

III. МОИ УЛЫБКИ

◆
ЧЕТВЕРГ
◆

Восемь часов вечера Ляписов заехал к Андромахскому и спросил его:

— Едете к Пылинкиным?

— А что? — спросил, покривившись, Андромахский. — Разве сегодня четверг?

— Конечно, четверг. Сколько четвергов вы у них бывали, и всё еще не можете запомнить.

Андромахский саркастически улыбнулся:

— Зато я твердо знаю, что мы будем там делать. Когда мы войдем, m-me Пылинкина сделает радостно-изумленное лицо: «Господи! Андрей Павлович! Павел Иванович! Как это мило с вашей стороны!» Что мило? Что мило, черт ее возьми, эту тощую бабу, меняющую любовников — не скажу даже, как перчатки, потому что перчатки она меняет гораздо реже! Что мило? То ли мило, что мы являемся всего один раз в неделю, или то — что мы, войдя, не разгоняем сразу пинками всех ее глупых гостей? «Садитесь, пожалуйста. Чашечку чаю?» Ох, эта мне чашечка чаю! И потом начинается: «Были на лекции о Ведекинде?»¹ А эти проклятые лекции, нужно вам сказать, читаются чуть ли не каждый день! «Нет, — скажешь, — не был». «Не были? Как же это вы так?» Ну что если после этого взять, стать перед ней на колени, заплакать и сказать: «Простите меня, что я не был на лекции о Ведекинде. Я всю жизнь посвящаю на то, чтобы замолить этот грех. Детям своим завещаю

бывать от двух до трех раз на Ведекинде, кухарку, вместо бани, буду посылать на Ведекинда и на смертном одре завещаю всё свое состояние лекторам, читающим о Ведекинде. Простите меня, умная барыня, и кланяйтесь от меня всем вашим любовникам!»

Ляписов засмеялся:

— Не скажете!

— Конечно, не скажу. В том-то и ужас, что не скажу. И еще в том ужас, что и она, и все ее гости моментально и бесследно забывают о Ведекинде, о лекциях и с лихорадочным любопытством набрасываются на какую-то босоножку. «Видели танцы новой босоножки?»² Мне нравится». А другой осел скажет: «А мне не нравится». А третий отвечает: «Не скажете! Это танцы будущего, и они мне нравятся. Когда я был в Берлине, в кафешантане...» «Ах, — скажет игриво m-me Пылинкина, — вам, мужчинам, только бы все кафешантаны!» Конечно, нужно было бы сказать ей: «Кафешантаны! А тебе бы всё любовники да любовники?» «Семен Семеньч! Чашечку чаю с печеньицем, а? Пожалуйста! Читали статью о Вейнингере?»³ А чайшко-то у нее, признаться, скверный, да и печеньице тленом пахнет... И вы замечаете? Замечаете? Уже о босоножке забыто, танцы будущего провалились бесследно до будущего четверга, разговор о кафешантане держится две минуты, увядает, осыпается, и на его месте пышно расцветает беседа о новой пьесе, причем одному она нравится, другому не нравится, а третий выражает мнение, что она так себе. Да ведь он ее не видел?! Не видел, уверяю вас, шут этакий, мошенник, мелкий хам!! А ты должен сидеть, пить чашечку чаю и говорить, что босоножка тебе нравится, новая пьеса производит впечатление слабой, а кафешантаны скучны, потому что все номера однообразны.

Ляписов вынул часы:

— Однако уже скоро девять!

— Сейчас. Я в минутку оденусь. Да ведь там только к девяти и собираются... Одну минуточку.

* * *

В девять часов вечера Андромахский и Ляписов приехали к Пылинкиным.

М-ме Пылинкина увидела их еще в дверях и с радостным изумлением воскликнула:

— Боже ты мой, Павел Иваныч! Андрей Павлыч! Садитесь. Очень мило с вашей стороны, что заехали. Чашечку чаю?

— Благодарю вас! — ласково наклонил голову Андромахский. — Не откажусь.

— А мы с мужем думали, что встретим вас вчера...

— Где? — спросил Андромахский.

— Как же! В Соляном Городке⁴. Грудастов читал о Пшибышевском⁵.

На лице Андромахского изобразилось неподдельное отчаяние.

— Так это было вчера?! Экая жалость! Я мельком видел в газетах и, представьте, думал, что она будет еще не скоро. Я теперь газеты вообще мельком просматриваю.

— В газетах теперь нет ничего интересного, — сказал из-за угла чей-то голос.

— Репрессии, — вздохнула хозяйка. — Обо всём запрещают писать. Чашечку чаю!

— Не откажусь, — поклонился Ляписов.

— Мы выписали две газеты и жалею. Можно бы одну выписать.

— Ну, иногда в газетах можно натолкнуться на что-нибудь интересное... Читали на днях, как одна дама гипнотизмом выманила у домовладельца тридцать тысяч?

— Хорошенькая? — игриво спросил Андромахский.

Хозяйка кокетливо махнула на него салфеточкой.

— Ох, эти мужчины! Им бы всё только — хорошенькая! Ужасно вы испорченный народ.

— Ну, нет, — сказал Ляписов. — Вейнингер держится обратного мнения... У него ужасное мнение о женщинах...

— Есть разные женщины и разные мужчины, — послышался из полутемного угла тот же голос, который говорил, что в газетах нет ничего интересного. — Есть хорошие женщины и хорошие мужчины. И плохие есть там и там.

— У меня был один знакомый, — сказала полная дама. — Он был кассиром. Служил себе, служил и — представьте — ничего. Потом познакомился с какой-то кокоткой, растратил казенные деньги и бежал в Англию. Вот вам и мужчины ваши!

— А я против женского равноправия! — сказал господин с густыми бровями. — Что это такое? Женщина должна быть матерью! Ее сфера — кухня!

— Извините-с! — возразила хозяйка. — Женщина такой же человек, как и мужчина! А ей ничего не позволяют делать!

— Как не позволяют? Всё позволяют! Вот одна на днях в театре танцевала с голыми ногами⁶. Очень было мило. Сфера женщины — всё изящное, женственное.

— А по-моему, она вовсе не изящна. Что это такое — ноги толстые, и сама скачет, как козел!

— А мне нравится! — сказал маленький лысый человек. — Это танцы будущего, и они открывают новую эру в искусстве⁷.

— Чашечку чаю! — предложила хозяйка Андромахскому. — Может быть, желаете рюмочку коньяку туда?

— Мерси. Я вообще не пью. Спиртные напитки вредны.

Голос из угла сказал:

— Если спиртные напитки употреблять в большом количестве, то они, конечно, вредны. А если иногда выпить рюмочку — это не может быть вредным.

— Ничем не надо злоупотреблять, — сказала толстая дама.

— Безусловно. Всё должно быть в меру, — уверенно ответил Ляписов.

Андромахский встал, вздохнул и сказал извиняющимся тоном:

— Однако я должен спешить. Позвольте, Марья Игнатьевна, откланяться.

На лице хозяйки выразился ужас.

— Уже?! Посидели бы еще...

— Право, не могу.

— Ну, одну минутку!

— С наслаждением бы, но...

— Какой вы, право, нехороший... До свиданья. Не забывайте! Очень будем рады с мужем видеть вас.

Ласковая, немного извиняющаяся улыбка бродила на лице Андромахского до тех пор, пока он не вышел в переднюю. Когда нога его перешагнула порог — лицо приняло выражение холодной злости, скуки и бешенства.

Он оделся и вышел.

Захлопнув за собой дверь, Андромахский остановился на полутемной площадке лестницы и прислушался. До него явственно донеслись голоса: его приятеля Ляпсова, толстой дамы и m-me Пылинкиной.

— Что за черт?

Он огляделся. Над его головой тускло светило узенькое верхнее окно, выходявшее, очевидно, из пылинкинской гостиной. Слышно было всякое слово — так отчетливо, что Андромахский, уловив свою фамилию, прислонился к перилам и застыл...

— Куда это он так вскочил? — спросил голос толстой дамы.

— К жене, — отвечал голос Ляпсова.

M-me Пылинкина засмеялась.

— К жене! С какой стороны?!

— Что вы! — удивилась толстая дама. — Разве он такой?..

— Он?! — сказал господин с густыми бровями. — Я его считал бы добродетельнейшим человеком, если бы он изменял только жене с любовницей. Но он изменяет любовнице с горничной, горничной — с белошвейкой, шьющей у жены, и так далее. Разве вы не знаете?

— В его защиту я должен сказать, что у него есть одна неизменная привязанность, — сказал лысый старичок.

— К кому?

— Не к кому, а к чему... К пиву! Он выпивает в день около двадцати бутылок!

Все рассмеялись.

— Куда же вы? — послышался голос хозяйки.

— Я и так уже засиделся, — отвечал голос Ляписова. — Нужно спешить.

— Посидите еще! Ну, одну минуточку! Недобрый, недобрый! До свиданья. Не забывайте нашего шалаша⁸.

Когда Ляписов вышел, захлопнув дверь, на площадку, он увидел прислонившегося к перилам Андромахского и еле сдержал восклицание удивления.

— Тссс!.. — прошептал Андромахский, указывая на окно. — Слушайте! Это очень любопытно...

— Какой симпатичный этот Ляписов, — сказала хозяйка. — Не правда ли?

— Очень милый, — отвечал господин с густыми бровями. — Только вид у него сегодня был очень расстроенный.

— Неприятности! — послышался сочувственный голос толстой дамы.

— Семейные?

— Нет, по службе. Всё игра проклятая!

— А что, разве?..

— Да, про него стали ходить тревожные слухи. Получает в месяц двести рублей, а проигрывает в клубе в вечер по тысяче. Вы заметили, как он изменился в лице, когда я ввернула о кассире, растратившем деньги и бежавшем в Англию?

— Проклятая баба, — прошептал изумленный Ляписов. — Что она такое говорит!

— Хорошее оконце! — улыбнулся Андромахский.

— ...Куда же вы?! Посидели бы еще!

— Не могу-с! Время уже позднее, — послышался голос лысого господина. — А ложусь-то я, знаете, рано.

— Какая жалость, право!

На площадку лестницы вышел лысый господин, закутанный в шубу, и испуганно отшатнулся при виде Ляписова и Андромахского.

Андромахский сделал ему знак, указал на окно и в двух словах объяснил преимущество занятой ими позиции.

— Сейчас о вас будет. Слушайте!

— Я никогда не встречала у вас этого господина, — донесся голос толстой дамы. — Кто это такой?

— Это удивительная история, — отвечала хозяйка. — Я удивляюсь, вообще... Представили его мне в театре, а я и не знаю: кто и что он такое. Познакомил нас Дерябин. Я говорю Дерябину, между разговором: «Отчего вы не были у нас в прошлый четверг?» А этот лысый и говорит мне: «А, у вас четверги? Спасибо, буду». Никто его и не звал, я даже и не намекала. Поразительно некоторые люди толстокожи и назойливы! Пришлось с приятной улыбкой сказать: «Пожалуйста! Буду рада».

— Ах ты, дрянь этакая, — прошептал огорченно лысый старичок. — Если бы знал — никогда бы к тебе не пришел. Вы ведь знаете, молодой человек, — обратился он к Андромахскому, — эта худая выдра в интимных отношениях с тем самым Дерябиным, который нас познакомил. Ей-Богу! Мне Дерябин сам и признался. Чистая уморушка!

— А вы зачем соврали там, в гостиной, что я выпиваю 20 бутылок пива в день? — сурово спросил старичка Андромахский.

— А вы мне очень понравились, молодой человек, — виновато улыбнулся старичок. — Когда зашел о вас разговор — я и думаю: дай вверну словечко!

— Пожалуйста, никогда не ввертывайте обо мне словечка. О чем они там сейчас говорят?

— Опять обо мне, — сказал Ляписов. — Толстая дама выражает опасение, что я не сегодня-завтра сбегу с казенными деньгами.

— Проклятая лягушка! — проворчал Андромахский. — Если бы вы ее самое знали! Устраивает благотворительные вечера и ворует все деньги. Одну дочку свою буквально продала сибирскому золотопромышленнику!

— Ха-ха! — злобно засмеялся старичок. — А вы заметили этого кретиновидного супруга хозяйки, сидевшего в углу?..

— Как же! — усмехнулся Андромахский. — Он сказал ряд очень ценных афоризмов: что в газетах нет ничего интересного, что женщины и мужчины бывают плохие и хорошие и что если пить напитков много, то это скверно, а мало — ничего...

Старичок, Ляписов и Андромахский уселись для удобства на верхней ступеньке площадки, и Андромахский продолжал:

— И он так глуп, что не замечал, как старуха Пылинкина подмигивала несколько раз этому густобровому молодцу. Очевидно, дело с маленьким лямиделямезончиком⁹ на мази!

— Хе-хе! — тихонько засмеялся Ляписов. — А вы знаете, старче, как Андромахский сегодня скаламбурил насчет этой Мессалины!¹⁰ она не меняет любовников как перчатки только потому — что не меняет перчаток.

Лысый старичок усмехнулся:

— Заметили, чай у них мышами пахнет! Хоть бы людей постыдились...

Когда госпожа Пылинкина, провожая толстую даму, услышала на площадке голоса и выглянула из передней, она с изумлением увидела рассеявшуюся на ступеньках лестницы компанию...

— Я уверен, — говорил увлеченный разговором Ляписов, — что эта дура Пылинчиха не только не читала Ведекинда, но, вероятно, путает его с «Редерером»¹¹, который она распивает по отдельным кабинетам с любовниками.

— Ну да! — возражал Андромахский. — Станут любовники поить ее «Редерером». Бутылка клюквенного квасу, бутерброд с чайной колбасой — и madame Пылинкина, соблазненная этой царской роскошью, — готова на всё!..

Госпожа Пылинкина кашлянула, сделала вид, что вышла только сейчас, и с деланным удивлением сказала:

— А вы, господа, еще здесь! Заговорились? Не забудьте же — в будущий четверг!

МОЗАИКА

I.

— Я несчастный человек — вот что!
— Что за вздор?! Никогда я этому не поверю.
— Уверю тебя.
— Ты можешь уверять меня целую неделю, и все-таки я скажу, что ты городишь самый отчаянный вздор. Чего тебе недостает? Ты имеешь ровный, мягкий характер, деньги, кучу друзей и, главное, — пользуешься вниманием и успехом у женщин.

Вглядываясь печальными глазами в неосвещенный угол комнаты, Кораблев тихо сказал:

— Я пользуюсь успехом у женщин...

Посмотрел на меня исподлобья и смущенно сказал:

— Знаешь ли ты, что у меня шесть возлюбленных?!

— Ты хочешь сказать — было шесть возлюбленных? В разное время? Я, признаться, думал, что больше.

— Нет, не в разное время! — вскричал с неожиданным одушевлением в голосе Кораблев. — Не в разное время!! Они сейчас у меня есть! Всё!

Я в изумлении всплеснул руками.

— Кораблев! Зачем же тебе столько?

Он опустил голову.

— Оказывается — меньше никак нельзя. Да... Ах, если бы ты знал, что это за беспокойная, хлопотливая штука... Нужно держать в памяти целый ряд фактов, уйму имен, запоминать всякие пустяки, случайно оброненные слова, изворачиваться и каждый день, с самого утра, лежа в постели, придумывать целый воз тонкой, хитроумной лжи на текущий день.

— Кораблев! Для чего же... шесть?

Он положил руку на грудь.

— Должен тебе сказать, что я вовсе не испорченный человек. Если бы я нашел женщину по своему вкусу, которая наполнила бы всё мое

сердце, — я женился бы завтра. Но со мной происходит странная вещь: свой идеал женщины я нашел не в одном человеке, а в шести. Это, знаешь, вроде мозаики.

— Мо-за-ики?

— Ну да, знаешь, такое — из разноцветных кусочков складывается. А потом картина выходит. Мне принадлежит прекрасная идеальная женщина, но куски ее разбросаны в шести персонах...

— Как же это вышло? — в ужасе спросил я.

— Да так. Я, видишь ли, не из того сорта людей, которые, встретившись с женщиной, влюбляются в нее, не обращая внимания на многое отрицательное, что есть в ней. Я не согласен с тем, что любовь слепа. Я знал таких простаков, которые до безумия влюблялись в женщин за их прекрасные глаза и серебристый голосок, не обращая внимания на слишком низкую талию или большие красные руки. Я в таких случаях поступаю не так. Я влюбляюсь в красивые глаза и великолепный голос, но, так как женщина без талии и рук существовать не может — отправляюсь на поиски всего этого. Нахожу вторую женщину — стройную, как Венера, с обворожительными ручками. Но у нее сентиментальный, плаксивый характер. Это, может быть, хорошо, но очень и очень изредка... Что из этого следует? Что я должен отыскать женщину с искрометным прекрасным характером и широким душевным размахом! Иду, ищу... Так их и набралось шестеро!

Я серьезно взглянул на него.

— Да это действительно похоже на мозаику.

— Не правда ли? Форменная. У меня, таким образом, составилась лучшая, может быть, женщина в мире, но если бы ты знал — как это тяжело! Как это дорого мне обходится!..

Со стоном он схватил себя руками за волосы и закачал головой направо и налево.

— Всё время я должен висеть на волоске. У меня плохая память, я очень рассеянный, а у меня в голове должен находиться целый арсенал таких вещей, которые, если тебе рассказать, привели бы тебя в изумление. Кое-что я, правда, записываю, но это помогает лишь отчасти...

— Как записываешь?

— В записной книжке. Хочешь? У меня сейчас минута откровенности, и я без утайки тебе всё рассказываю. Поэтому могу показать и свою книжку. Только ты не смейся надо мной.

Я пожал ему руку.

— Не буду смеяться. Это слишком серьезно... Какие уж тут шутки!

— Спасибо. Вот видишь — скелет всего дела у меня отмечен довольно подробно. Смотри: «Елена Николаевна. Ровный, добрый характер, чудесные зубы, стройная. Поет. Играет на фортепиано».

Он почесал углом книжки лоб.

— Я, видишь ли, люблю очень музыку. Потом, когда она смеется — я получаю истинное наслаждение; очень люблю ее! Здесь есть подробности: «Любит, чтобы называли ее Лялей. Любит желтые розы. Во мне ей нравится веселье и юмор. Люб. шампанск. Ай¹. Набожн. Остерег. своб. рассужд. о религ. вопр. Остерег. спрашив. о подруге Китти. Подозрев., что подруга Китти равнодушн. ко мне»... Теперь дальше: «Китти... Сорванец, способный на всякую шалость. Рост маленький. Не люб., когда ее целуют в ухо. Кричит. Остерег. целов. при посторонн. Из цветов люб. гиацинты. Шамп. только рейнское. Гибкая, как лоза, чудесно танц. матчиш². Люб. засахар. каштаны и ненавид. музыку. Остерег. музыки и упоминания об Елене Ник. Подозрев.»

Кораблев поднял от книжки измученное, страдальческое лицо.

— И так далее. Понимаешь ли — я очень хитер, увертлив, но иногда бывают моменты, когда я чувствую себя летящим в пропасть... Частенько случалось, что я Китти называл «дорогой единственной своей Настей», а Надежду Павловну просил, чтобы славная Маруся не забывала своего верного возлюбленного. В тех слезах, которые исторгались после подобных случаев, можно было бы с пользой выкупаться. Однажды Лялю я назвал Соней и избежал скандала только тем, что указал на это слово, как на производное от слова «спать». И хотя она ни капельки не была сонная, но я победил ее своей правдивостью. Потом уже я решил всех поголовно называть дусями, без имени, благо, что около того времени пришлось мне встретиться с девицей по имени Дуся (прекрасные волосы и крошечные ножки. Люб. театр. Автомоб. ненавидит. Остерег. автомоб. и упомин. о Насте. Подозрев.).

Я помолчал.

— А они... тебе верны?

— Конечно. Так же, как я им. И каждую из них я люблю по-своему за то, что есть у нее хорошего. Но шестеро — это тяжело до обморока. Это напоминает мне человека, который когда собирается обедать, то суп у него находится на одной улице, хлеб на другой, а за солью ему приходится бегать на дальний конец города, возвращаясь опять за жарким и десертом в разные стороны. Такому человеку, так же как и мне, приходилось бы день-деньской носиться как угорелому по всему городу, всюду опаздывать, слышать упреки и насмешки прохожих... И во имя чего?!

Я был подавлен его рассказом. Помолчав, встал и сказал:

— Ну, мне пора. Ты остаешься здесь, у себя?

— Нет, — отвечал Кораблев, безнадежно смотря на часы. — Сегодня мне в половине седьмого нужно провести вечер по обещанию у Елены Николаевны, а в семь — у Насти, которая живет на другом конце города.

— Как же ты устроишься?

— Я придумал сегодня утром. Заеду на минутку к Елене Николаевне и осыплю ее градом упреков за то, что на прошлой неделе знакомые видели ее в театре с каким-то блондином. Так как это сплошная выдумка, то она ответит мне в резком, возмущенном тоне, — я обижусь, хлопну дверь и уйду. Поеду к Насте.

Беседуя со мной таким образом, Кораблев взял палку, надел шляпу и остановился, задумчивый, что-то соображающий.

— Что с тобой?

Молча снял он с пальца кольцо с рубином, спрятал его в карман, вынул часы, перевел стрелки и затем стал возиться около письменного стола.

— Что ты делаешь?

— Видишь, тут у меня стоит фотографическая карточка Насти, подаренная мне с обязательством всегда держать ее на столе. Так как Настя сегодня ждет меня у себя и ко мне, следовательно, никоим образом не заедет, то я без всякого риска могу спрятать портрет в стол.

Ты спросишь — почему я это делаю? Да потому, что ко мне может забежать маленький сорванец Китти и, не застав меня, захочет написать два-три слова о своем огорчении. Хорошо ли будет, если я оставлю на столе портрет соперницы? Лучше же я поставлю на это время карточку Китти.

— А если заедет не Китти, а Маруся... И вдруг она увидит на столе Киттин портрет?

Кораблев потер голову.

— Я уже думал об этом... Маруся ее в лицо не знает, и я скажу, что это портрет моей замужней сестры.

— А зачем ты кольцо снял с пальца?

— Это подарок Насте. Елена Николаевна однажды приревновала меня к этому кольцу и взяла слово, чтоб я его не носил. Я, конечно, обещал. И теперь перед Еленой Николаевной я его снимаю, а когда предстоит встреча с Настей — надеваю. Помимо этого, мне приходится регулировать запахи своих духов, цвет галстуков, переводить стрелки часов, подкупать швейцаров, извозчиков и держать в памяти не только все сказанные слова, но и то — кому они сказаны и по какому поводу.

— Несчастный ты человек, — участливо прошептал я.

— Я же тебе и говорил! Конечно, несчастный.

II.

Расставшись на улице с Кораблевым, я потерял его из виду на целый месяц. Дважды за это время мною получаемы были от него странные телеграммы:

2 и 3 ЧИСЛА НАСТОЯЩЕГО МЕСЯЦА МЫ ЕЗДИЛИ С ТОБОЙ В ФИНЛЯНДИЮ.
СМОТРИ, НЕ ОШИБИСЬ. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ЕЛЕНОЙ СООБЩИ ЕЙ ЭТО.

И:

КОЛЬЦО С РУБИНОМ У ТЕБЯ. ТЫ ОТДАЛ ЕГО ЮВЕЛИРУ, ЧТОБЫ ИЗГОТОВИТЬ
ТАКОЕ ЖЕ. НАПИШИ ОБ ЭТОМ НАСТЕ. ОСТЕРЕГ. ЕЛЕНУ.

Очевидно, мой друг непрерывно кипел в том страшном котле, который был им сотворен в угоду своему идеалу женщины; очевидно, всё это время он как угорелый носился по городу, подкупал швейцаров, жонглировал кольцами, портретами и вел ту странную, нелепую бухгалтерию, которая его только и спасала от крушения всего предприятия.

Встретившись однажды с Настей, я вскользь упомянул, что взял на время у Кораблева прекрасное кольцо, которое теперь у ювелира — для изготовления такого же другого.

Настя расцвела.

— Правда? Так это верно? Бедняжка он... Напрасно я так его терзала. Кстати, вы знаете — его нет в городе! Он на две недели уехал к родным в Москву.

Я этого не знал, да и вообще был уверен, что это один из сложных бухгалтерских приемов Кораблева; но все-таки тут же счел долгом поспешно воскликнуть:

— Как же, как же! Я уверен, что он в Москве.

Скоро я, однако, узнал, что Кораблев действительно был в Москве и что с ним там случилось страшное несчастье.

Узнал я об этом по возвращении Кораблева — от него самого.

III.

.....
— Как же это случилось?

— Бог его знает! Ума не приложу. Очевидно, вместо бумажника жулики выгащили. Я делал публикации, обещал большие деньги — всё тщетно! Погиб я теперь окончательно.

— А по памяти восстановить не можешь?

— Да... попробуй-ка! Ведь там было, в этой книжке, всё до мельчайших деталей — целая литература! Да еще за две недели отсутствия я всё забыл, всё перепуталось в голове, и я не знаю — нужно ли мне сейчас поднести Марусе букет желтых роз, или она их терпеть не может? И кому я обещал привезти из Москвы духи «Лотос» — Насте или Еле-

не? Кому-то из них я обещал духи, а кому-то полдюжины перчаток номер шесть с четвертью... А может — пять три четверти? Кому? Кто швырнет мне в физиономию духи? И кто — перчатки? Кто подарил мне галстук, с обязательством надевать его при свиданиях? Соня? Или Соня именно и требовала, чтобы я не надевал никогда этой темно-зеленой дряни, подаренной — «я знаю кем!» Кто из них не бывал у меня на квартире никогда? И кто бывал? И чьи фотографии я должен прятать? И когда?

Он сидел с непередаваемым отчаянием во взоре. Сердце мое сжалось.

— Бедняга ты! — сочувственно прошептал я. — Дай-ка, может быть, я кое-что вспомню... Кольцо подарено Настей. Значит, «остерег. Елены»... Затем карточки... Если приходит Китти, то Марусю можно прятать, так как она ее знает, Настю — не прятать? Или нет — Настю прятать? Кто из них сходил за твою сестру? Кто из них кого знает?

— Не з-наю, — простонал он, сжимая виски. — Ничего не помню! Э, черт! Будь что будет.

Он вскочил и схватился за шляпу.

— Еду к ней!

— Сними кольцо, — посоветовал я.

— Не сто́ит. Маруся к кольцу равнодушна.

— Тогда надень темно-зеленый галстук.

— Если бы я знал! Если бы знать — кто его подарил и кто его ненавидит... Э, всё равно!.. Прощай, друг.

IV.

Всю ночь я беспокоился, боясь за моего несчастного друга. На другой день утром я был у него. Желтый, измученный, сидел он у стола и писал какое-то письмо.

— Ну что? Как дела?

Он устало помотал в воздухе рукой.

— Всё кончено. Всё погибло. Я опять почти одинок!..

— Что же случилось?..

— Дрянь случилась, бессмыслица. Я хотел действовать на авось... Захватил перчатки и поехал к Соне. «Вот, дорогая моя Ляля, — сказал я ласково, — то, что ты хотела иметь! Кстати, я взял билеты в оперу. Мы пойдем, хочешь? Я знаю, это доставит тебе удовольствие»... Она взяла коробку, бросила ее в угол и, упавши ничком на диван, зарыдала. «Поезжайте, — сказала она, — к вашей Ляле и отдайте ей эту дрянь. Кстати, с ней же можете прослушать ту отвратительную оперную какофонию, которую я так ненавижу». «Маруся, — сказал я, — это недоразумение!»... «Конечно, — закричала она, — недоразумение! Конечно, недоразумение, потому что я с детства — не Маруся, а Соня! Уходите отсюда!» От нее я поехал к Елене Николаевне... Забыл снять кольцо, которое обещал ей уничтожить, привез засахаренные каштаны, от которых ее тошнит и которые, по ее словам, так любит ее подруга Китти... Спросил у нее: «Почему у моей Китти такие печальные глазки?..», лепетал, растерявшись, что-то о том, что Китти — это производное от слова «спать», и, изгнанный, помчался к Китти спасать обломки своего благополучия. У Китти были гости... Я отвел ее за портьеру и, по своему обыкновению, поцеловал в ухо, отчего произошел крик, шум и тяжелейший скандал. Только после я вспомнил, что для нее это хуже острого ножа... Ухо-то. Ежели его поцеловать...

— А остальные? — тихо спросил я.

— Остались двое: Маруся и Дуся. Но это — ничто. Или почти ничто. Я понимаю, что можно быть счастливым с целой гармоничной женщиной, но если эту женщину разрезают на куски, дают тебе только ноги, волосы, пару голосовых связок и красивые уши — будешь ли ты любить эти разрозненные мертвые куски?.. Где же женщина? Где гармония?

— Как так? — вскричал я.

— Да так... Из моего идеала остались теперь две крохотных ножки, волосы (Дуся) да хороший голос с парой прекрасных, сводивших меня с ума ушей (Маруся). Вот и всё.

— Что же ты теперь думаешь делать?

— Что?

В глазах его засветился огонек надежды.

— Что? Скажи, милый, с кем ты был позавчера в театре?? Такая высокая, с чудесными глазами и прекрасной, гибкой фигурой.

Я призадумался.

— Кто?.. Ах да! Это я был со своей кузиной. Жена инспектора страхового общества.

— Милый! Познакомь!

РУБАНОВИЧИ

Есть целый класс людей, с которыми мы часто встречаемся, вступаем в деловые сношения, ведем длинные, горячие разговоры и которых мы, вместе с тем, совершенно не знаем.

Их души, логика, вкусы и стремления совершенно чужды нам, а их профессиональные привычки, действия своею загадочностью и неясностью только раздражают нас.

Это — портные.

— Я хочу заказать себе пиджачный костюм, — говорю я, обращаясь к одному из них, в то время как он, скривив набок голову, внимательно смотрит на мою грудь, руки и плечи.

У всякого портного есть болезненное, странное и ненужное ему стремление — изредка тяжело и неуклюже остричь. Сапожники гораздо сосредоточеннее и серьезнее.

— Вы только хотите? — прищуривается портной. — Так вы уж прямо лучше заказывайте.

— Да, закажи вам, — нерешительно возражаю я. — Ведь вы, небось, сдерете втридорога.

— Я сдеру? Ха-ха! Хорошие шутки, нечего сказать. Ну, хотите — я вам дам десять рублей, если вы найдете другого портного, который взял бы за такой материал и работу — столько же, сколько я. Хотите?

Он прекрасно знает, что я не взвалю себе на плечи эту странную операцию. Если бы даже я и нашел другого такого портного, то мой

портной нашел бы массу поводов отвертеться от уплаты десяти рублей. Костюм бы он признал сшитым прескверно, а материал — дешевым гнильем.

— Хотите? Покажите мне такого другого портного, — презрительно говорит он. — И я плачу вам кровных пятнадцать рублей.

— Нет, не надо. Но только я знаю, что переплачу вам.

— Вы? Переплатите? Ну, хотите, я даю сто рублей, если вы переплатите?!

Сто рублей я у него не возьму. Я прекрасно знаю, что он сдерет с меня больше, чем нужно, и он это прекрасно знает. Мы молчаливо считаем этот вопрос решенным в положительном для него смысле и переходим к дальнейшему.

— Сколько же вы возьмете?

— Сию минуту... Это мы до копейки высчитаем.

Он берет бумажку и пишет на ней ряд каких-то цифр. Значение их ни я, ни он не понимаем. Но цифры имеют гипнотизирующее значение своей абсолютной честностью и безотносительностью. На бумажке стоит два косых 4, одно пошатнувшееся 7, три длинных худощавых единицы и одно громадное 3, похожее на змеиную конвульсию. Впрочем, после некоторого колебания портной переделывает его в 8 и ставит сбоку две пятерки.

Губами он лениво бормочет:

— Семнадцать, да две — двадцать четыре, да сорок пять — итого четырнадцать, отсюда вычитываем шесть, да семь — множимое получается 62.

Он поднимает от бумажки голову и уверенно говорит:

— 71 рубль. Ну, рубль я, как на первый раз, то отбрасываю. Пойдите-ка поищите подобный костюмчик. Я вам сорок рублей положу на это место.

— Семьдесят рублей?! Что вы, голубчик!.. Да вот этот костюм, который на мне, — тридцать два рубля стоил!

Костюм мой, конечно, стоил шестьдесят. Но мы оба забываем всякую меру и перестаем церемониться с цифрами.

Портной берет меня за плечи, подводит к свету и, оглядывая, качает головой:

— Тридцать два? А я думал — восемнадцать. За такой костюм — тридцать два рубля?.. Вот видите — где не нужно, где вас обманывают — вы переплачиваете, а когда вам думают, что вы не будете торговаться, вы...

Он неожиданно схватывает меня за борт пиджака и, с бешеной силой, дергает к себе.

— Это работа?! Вы видите, она трещит, как тряпка... А фасон? Неужели вам было не стыдно носить такую работу? Вы посмотрите, как оно на вас сидит?!

Он хватает меня за бока, дергает вверх брюки, опускает сзади воротник, оттопыривает внизу жилетку так, что она торчит уродливым горбом, и загибает внутрь отвороты пиджака.

— Хорошенький фасончик, — критически говорит он, отходя вдаль и любясь, со скривленной набок головой, — очень хорошенький... Как корова на седле¹. И с вас не смеялись?

Раньше, конечно, мой костюм не вызывал ни в ком веселого настроения. Но умелые руки моего собеседника придали ему такой вид, который, в лучшем случае, испугал бы окружающих.

Я с трудом привожу одежду в порядок, а портной цепляется за рукава и торжествуя кричит:

— Это стоит тридцать два рубля? Это же бумага! Неужели вы не видите? Скверный лодзинский товар!²

Я вспоминаю, что предыдущий портной, который также обрушился на мой предыдущий костюм, — упрекал отсутствующего предшественника, что он подсунул мне лодзинский товар. Я возражал, что материя продана мне как английская, а он не верил и кричал: «Разве этот жулик даст вам английский товар? У меня вы получите английский!»

* * *

Я до сих пор не знаю — что такое «английский товар». Каждый предыдущий портной облакал меня в него, и каждый последующий безжалостно разбивал мои иллюзии.

Теперьшний портной, с которым я веду разговор, тоже побожился, что я хожу, одетый в «чистейшую лодзинскую бумагу», и, чтобы облег-

читать мое положение, принес торжественную клятву употребить в дело всё самое английское...

— Ладно, — соглашаюсь я. — Снимайте мерку. Только брюки шейте так же, как эти. Я люблю такой фасон.

— Эти брюки с фасоном? Дай Бог вашему прежнему портному, чтобы он на том свете ходил в брюках с таким фасоном! Они ведь такие же короткие, как зимний день в Санкт-Петербурге...

— Потому, что вы их слишком давеча подтянули... Вот они так должны быть!

— Так? Ну — поздравляю вас... Они такие же длинные, как рука нашего околоточного...³ С таким фасоном можно каждую минуту запутаться и разбить, извините, нос.

Мне приходилось часто слышать, как актеры отзываются об игре своего коллеги; приходилось узнавать мнение одного беллетриста о другом; но никогда в этих случаях я не замечал столько сконцентрированной ненависти и презрения, как в отзывах портных друг о друге.

В этом с ними могут состязаться только легковые извозчики, для которых каждый другой извозчик — личный враг, и в отношении к нему позволительны все средства: хлестнуть по спине кнутом, стать со своей пролеткой⁴ поперек дороги или, при невозможности сделать всё это — просто крепко и ядовито выругаться...

* * *

Я не знаю, много ли у портного радостей, которые скрашивали бы его монотонную жизнь?.. Может быть, у него нет совсем радостей, кроме одной, которой он предается с диким исступлением, немецким постоянством и ослиным упорством.

Эта единственная, непонятная обыкновенному человеку и заказчику, портняжская радость и удовольствие — не сдать в срок работу.

Можно принимать все меры, пускать в ход угрозы, брать с него клятвы — это всё излишне: ни один человек не получал в срок заказанное платье.

Давая клятву, всякий портной про себя думает:

«Э нет, брат!.. Жизнь слишком скучна и не цветиста, чтобы я ради твоих прекрасных глаз пожертвовал лучшим наслаждением, которое дала нам человеческая культура: не принести работы в обещанный срок...»

Я пробовал пускаться на хитрость: когда мне нужно было получить платье десятого декабря, я назначал пятое, уверив портного, что шестого утром уезжаю в Америку и каждый час промедления принесет мне неисчислимые убытки.

Но портной каким-то образом разгадывал мою тактику, догадывался о десятом числе и приносил заказ двенадцатого...

Он объяснял, что у него заболел мастер, что самому ему пришлось выехать на два дня в другой город и что он долго возился с маленьким сыном, который обварил руку... А в глазах его читалось: «Никуда я не уезжал, и сын здоров, как тыква... Но почему мне не доставить себе маленького невинного удовольствия?..»

* * *

Тот портной, о котором я говорил сначала, принес работу, просрочив только шесть дней. Когда я оделся в новое платье, то сразу увидел, что воротник поставлен невероятно низко, что из-под него видна запонка на затылке, что жилет, собираясь в десятки складок, лезет тихо и настойчиво вверх к подбородку, а брюки так коротки, что весь мир сразу узнает цвет моих чулок...

Но портной восторженно хлопал руками, смотрел в кулак и, подмигивая мне, смеялся счастливым смехом:

— Ага! Это вам не Рубанович...

— Черт знает что, — морщился я. — Брюки коротки, жилет лезет вверх, и воротник сползает на самые лопатки...

— Где? — изумился портной. — Вы посмотрите!

Одной рукой он поднимал кверху воротник, другой оттягивал жилет и в это же время наклонял меня так, что края брюк спускались сантиметра на два ниже.

— Видите? Прекрасно!

— Может быть, — упрямо возразил я, — пока вы держите. Может быть, если вы, не расставаясь со мной всё время, пока я ношу это платье, будете бегать сзади, подтягивать сверху воротник, книзу жилет, при условии, что я скорчусь под прямым углом, — может быть, тогда эти недостатки и не будут заметны! Но что же станется с вашим семейством и заказчиками, если мы год или два будем, как два каторжника, скованы одной цепью — отвратительно сшитым вами платьем?..

Есть случаи, когда портные не понимают юмора.

Он пожал плечами, взял семьдесят рублей и ушел.

Следующий портной оценил этот костюм в двенадцать рублей, заявив, что если бы сказать, что он сделан из лодзинского материала, то это было бы комплиментом (он сделан из белостокской бумаги⁵), и что не нужно иметь никакого стыда, чтобы носить на себе костюм, сидящий, как лошадь на седле коровы...

ЧЕТВЕРО

I.

В купе второго класса курьерского поезда¹ ехало трое: чиновник казенной палаты² Четвероруков, его молодая жена Симочка и представитель фирмы «Эванс и Крумбель» — Василий Абрамович Сандомирский...

А на одной из остановок к ним в купе подсел незнакомец в косматом пальто и дорожной шапочке. Он внимательно оглядел супругов Четвероруковых, представителя фирмы «Эванс и Крумбель» и, вынув газету, погрузился в чтение.

Особенная — дорожная — скука повисла над всеми... Четвероруков вертел в руках портсигар, Симочка постукивала каблучками и переводила рассеянный взгляд с незначительной физиономии Сандомирского

на подсевшего к ним незнакомца, а Сандомирский в десятый раз перелистывал скверный юмористический журнал, в котором он прочел всё, вплоть до фамилии типографщика и приема подписки.

— Нам еще ехать пять часов, — сказала Симочка, сладко зевая. — Пять часов отчаянной скуки!

— Езда на железных дорогах однообразна, чем и утомляет пассажиров, — наставительно отвечал муж.

А Сандомирский сказал:

— И железные дороги невыносимо дорого стоят. Вы подумайте: какой-нибудь билет — стоит двенадцать рублей.

И, пересмотрев еще раз свой юмористический журнал, добавил:

— Уже я не говорю о плацкарте!

— Главное, что скучно! — стукнула ботинком Симочка.

Сидевший у дверей незнакомец сложил газету, обвел снова всю компанию странным взглядом и засмеялся.

И смех его был странный, клокочущий, придушенный, и последующие слова его несказанно всех удивили.

— Вам скучно? Я знаю, отчего происходит скука... Оттого, что все вы — не те, которыми притворяетесь, а это ужасно скучно.

— То есть как мы не те? — обиженно возразил Сандомирский. — Мы вовсе — те. Я как человек интеллигентный...

Незнакомец улыбнулся и сказал:

— Мы все не те, которыми притворяемся. Вот вы — кто вы такой?

— Я? — поднял брови Сандомирский. — Я представитель фирмы «Эванс и Крумбель», сукна, трико и бумазая³.

— Ах-ха-ха-ха! — закатился смехом незнакомец. — Так я и знал, что вы придумаете самое нелепое! Ну зачем же вы лжете себе и другим? Ведь вы кардинал при Папском дворе в Ватикане и нарочно прячетесь под личиной какого-то Крумбеля!

— Ватикан? — пролепетал испуганный и удивленный Сандомирский. — Я Ватикан?

— Не Ватикан, а кардинал! Не притворяйтесь дураком. Я знаю, что вы одна из умнейших и хитрейших личностей современности! Я слышал кое-что о вас!

— Извините, — сказал Сандомирский. — Но эти шутки мне не надо!

II.

— Джузеппе! — серьезно проворчал незнакомец, кладя обе руки на плечи представителя фирмы «Эванс и Крумбель». — Ты меня не обманешь! Вместо глупых разговоров я бы хотел послушать от тебя что-нибудь о Ватикане, о тамошних порядках и о твоих успехах среди набожных знатных итальянок...

— Пустите меня, — в ужасе закричал Сандомирский. — Что это такое?!

— Тссс! — зашипел незнакомец, закрывая ладонью рот коммивояжера. — Не надо кричать. Здесь дама.

Он сел на свое место у дверей, потом засунул руку в карман и, вынув револьвер, навел его на Сандомирского.

— Джузеппе! Я человек предобрый, но, если около меня сидит притворщик, я этого не переносу!

Симочка ахнула и откинулась в самый угол, Четвероруков поерзал на диване, попытался встать, но решительный жест незнакомца пригвоздил его к месту.

— Господа! — сказал странный пассажир. — Я вам ничего дурного не делаю. Будьте спокойны. Я только требую от этого человека, чтобы он признался — кто он такой?

— Я Сандомирский! — прошептал белыми губами коммивояжер.

— Лжешь, Джузеппе! Ты кардинал.

Дуло револьвера смотрело на Сандомирского одиноким черным глазом.

Четвероруков испуганно покосился на незнакомца и шепнул Сандомирскому:

— Вы видите, с кем вы имеете дело... Скажите ему, что вы кардинал. Что вам стоит?

— Я же не кардинал!! — в отчаянии прошептал Сандомирский.

— Он стесняется сказать вам, что он кардинал, — заискивающе обратился к незнакомому господину Четвероруков. — Но, вероятно, он кардинал.

— Не правда ли?! — подхватил незнакомец. — Вы не находите, что в его лице есть что-то кардинальное?

— Есть! — с готовностью отвечал Четвероруков. — Но... стоит ли вам волноваться из-за этого?..

— Пусть он скажет! — капризно потребовал пассажир, играя револьвером.

— Ну хорошо! — закричал Сандомирский. — Хорошо! Ну я кардинал.

III.

— Видите! — сделал незнакомец торжествующий жест. — Я вам говорил... Все люди не те, кем они кажутся! Благословите меня, ваше преподобие!

Коммивояжер нерешительно пожал плечами, протянул обе руки и помахал ими над головой незнакомца.

Симочка фыркнула.

— При чем тут смех? — обиделся Сандомирский. — Позвольте мне, господин, на минутку выйти.

— Нет, я вас не пущу, — сказал пассажир. — Я хочу, чтобы вы нам рассказали о какой-нибудь забавной интрижке с вашими прихожанками.

— Какие прихожанки? Какая может быть интриж...?!

При взгляде на револьвер коммивояжер понизил голос и уныло сказал:

— Ну были интрижки, — стоит об этом говорить...

— Говорите!! — бешено закричал незнакомец.

— Уберите ваш пистолет — тогда расскажу. Ну что вам рассказывать... Однажды в меня влюбилась одна итальянская дама...

— Графиня? — спросил пассажир.

— Ну графиня. «Вася, — говорит, — я тебя так люблю, что ужас». Целовались.

— Нет, вы подробнее... Где вы с ней встретились и как впервые возникло в вас это чувство?..

Представитель фирмы «Эванс и Крумбель» наморщил лоб и, взглянув с тоской на Четверорукова, продолжал:

— Она была на балу. Такое белое платье с розами. Нас познакомил посланник какой-то. Я говорю: «Ой, графиня, какая вы хорошень...!»

— Что вы путаете? — сурово перебил пассажир. — Разве можно вам, духовному лицу, быть на балу?

— Ну какой это бал! Маленькая домашняя вечеринка. Она мне говорит: «Джузеппе, я несчастна! Я хотела бы перед вами причаститься».

— Исповедаться! — поправил незнакомец.

— Ну исповедаться. «Хорошо, — говорю я. Приезжайте». А она приехала и говорит: «Джузеппе, извините меня, но я вас люблю».

— Ужасно глупый роман! — бесцеремонно заявил незнакомец. — Ваши соседи выслушали его без всякого интереса. Если у Папы все такие кардиналы, я ему не завидую!

IV.

Он благосклонно взглянул на Четверорукова и вежливо сказал:

— Я не понимаю, как вы можете оставлять вашу жену скучающей, когда у вас есть такой прекрасный дар...

Четвероруков побледнел и робко спросил:

— Ка...кой ддар?

— Господи! Да пение же! Ведь вы хитрец! Думаете, если около вас висит форменная фуражка, так уж никто и не догадается, что вы знаменитый баритон, пожилавший такие лавры в столицах?..

— Вы ошиблись, — насильственно улыбнулся Четвероруков. — Я чиновник Четвероруков, а это моя жена Симочка...

— Кардинал! — воскликнул незнакомец, переведя дуло револьвера на чиновника. — Как ты думаешь, кто он: чиновник или знаменитый баритон?

Сандомирский злорадно взглянул на Четверорукова и, пожав плечами, сказал:

— Наверное, баритон!

— Видите! Устами кардиналов глаголет истина. Спойте что-нибудь, маэстро! Я вас умоляю.

— Я не умею! — беспомощно пролепетал Четвероруков. — Уверю вас, у меня голос противный, скрипучий!

— Ах-хах-ха! — засмеялся незнакомец. — Скромность истинного таланта! Прошу вас — пойте!

— Уверю вас...

— Пойте! Пойте, черт возьми!!!

Четвероруков конфузливо взглянул на нахмуренное лицо жены и, спрятав руки в карманы, робко и фальшиво запел:

— По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах...⁴

Подперев голову рукой, незнакомец внимательно, с интересом, слушал пение. Время от времени он подщелкивал пальцами и подпевал.

— Хорошо поете! Тысяч шесть получаете? Наверное, больше! Знаете, что там ни говори, а музыка смягчает нравы. Не правда ли, кардинал?

— Еще как! — нерешительно сказал Сандомирский.

— Вот видите, господа! Едва вы перестали притворяться, стали сами собою, как настроение ваше улучшилось и скуки как не бывало. Ведь вы не скучаете?

— Какая тут скука! — вздохнул представитель фирмы «Эванс и Крумбель». — Сплошное веселье.

— Я очень рад. Я замечаю, сударыня, что и ваше личико изменило свое выражение. Самое ужасное в жизни, господа, это фальшь, притворство. И если смело, энергично за это взяться — всё фальшивое и притворное рассеется. Ведь вы раньше считали, вероятно, этого господина коммивояжером, а вашего мужа чиновником. Считали, может быть, всю жизнь... А я в два приема снял с них личину. Один оказался кардиналом, другой — баритоном. Не правда ли, кардинал?

— Вы говорите, как какая-нибудь книга, — печально сказал Сандомирский.

— И самое ужасное, что ложь во всём. Она окружает нас с пеленок, сопровождает на каждом шагу, мы ею дышим, носим ее на своем лице, на теле. Вот, сударыня, вы одеты в светлое платье, корсет и ботинки с высокими каблуками. Я ненавижу всё лживое, обманчивое. Сударыня! Осмелюсь почтительнейше попросить вас — снимите платье! Оно скрывает прекраснейшее, что есть в природе — тело!

Странный пассажир галантно направил револьвер на мужа Симочки и, глядя на нее в упор, мягко продолжал:

— Будьте добры раздеться... Ведь ваш супруг ничего не будет иметь против этого?..

Супруг Симочки взглянул потускневшими глазами на дуло револьвера и, стуча зубами, отвечал:

— Я... нич... чего... Я сам люблю красоту. Немножко раздеться можно, хе... хе...

Глаза Симочки метали молнии. Она с отвращением посмотрела на бледного Четверорукова, на притихшего Сандомирского, энергично вскочила и сказала, истерически смеясь:

— Я тоже люблю красоту и ненавижу трусость. Я для вас разденусь! Прикажете только вашему кардиналу отвернуться.

— Кардинал! — строго сказал незнакомец. — Вам, как духовному лицу, нельзя смотреть на сцену сцен. Закройтесь газетой!

— Симочка... — пролепетал Четвероруков. — Ты... немножко.

— Отстань, без тебя знаю!

Она расстегнула лиф, спустила юбку и, ни на кого не смотря, продолжала раздеваться, бледная, с нахмуренными бровями.

— Не правда ли, я интересная? — задорно сказала она, улыбаясь углами рта. — Если вы желаете меня поцеловать, можете попросить разрешения у мужа — он, вероятно, позволит.

— Баритон! Разреши мне почтительнейше прикоснуться к одной из лучших женщин, которых я знал. Многие считают меня ненормальным, но я разбираюсь в людях!

Четвероруков молча, с прыгающей нижней челюстью и ужасом в глазах, смотрел на страшного пассажира.

— Сударыня! Он, очевидно, ничего не имеет против. Я почтительнейше поцелую вашу руку...

Поезд замедлял ход, подходя к вокзалу большого губернского города.

— Зачем же руку? — болезненно улыбнулась Симочка. — Мы просто поцелуемся! Ведь я вам нравлюсь?

Незнакомец посмотрел на ее стройные ноги в черных чулках, обнаженные руки и воскликнул:

— Я буду счастлив!

Не сводя с мужа пылающего взгляда, Симочка обняла голыми руками незнакомца и крепко его поцеловала.

Поезд остановился.

Незнакомец поцеловал Симочкину руку, забрал свои вещи и сказал:

— Вы, кардинал, и вы, баритон! Поезд стоит здесь пять минут. Эти пять минут я тоже буду стоять на перроне с револьвером в кармане. Если кто-нибудь из вас выйдет — я застрелю того. Ладно?

— Идите уж себе! — простонал Сандомирский.

Когда поезд двинулся, дверцы купе приоткрылись, и в отверстие просунулась рука кондуктора с запиской.

Четвероуков взял ее и с недоумением прочел:

Сознайтесь, что мы не проскучали... Этот оригинальный, но действительный способ сокращать дорожное время имеет еще то преимущество, что всякий показывает себя в натуральную величину. Нас было четверо: дурак, трус, мужественная женщина и я — весельчак, душа общества. Баритон! Поцелуйте от меня кардинала...

ЛЕКАРСТВО

I.

В глаза я называл ее Марьей Павловной, а за глаза — Марусей, Мэри и Мышоночком... Сегодня, когда я ехал к ней, то думал: «Соберусь с духом и скажу!.. Если она ответит “да” — в груди моей запоют птицы и жизнь раз навсегда окрасится приятным розовым светом. Если — “нет”... я ничего не скажу, повернусь и выйду из комнаты... И никто никогда не услышит обо мне ни слова. Только, может быть, через несколько лет до нее и всех ее знакомых дойдет слух о странном монахе, известном своей суровой отшельнической жизнью, который поселился в пустыне, одинокий, таинственный, со следами красоты на изможденном лице, благоволящий мужчинам и отворачивающийся от женщин...»

Это буду я.

Я вошел к Марье Павловне с сосредоточенно-сжатыми губами и лихорадочным блеском в глазах.

— Что это вы такой? — удивленно спросила она.

— Я... должен иметь с вами один... очень важный для меня разговор!

В глазах ее засветились два огонька и — погасли.

— Хорошо. Только я раньше должна съездить в два места... Надеюсь, вы меня проводите?

— Конечно! Как можно задавать такие вопросы?..

— Я сейчас оденусь, заедем в мануфактурный магазин и потом к портнихе. Ладно?

— Хотя бы к двум портнихам!.. — поклонился я.

Она призадумалась.

— К двум? Мне бы, собственно, нужно было к двум, да я не знаю адреса одной. Посидите. Я скоро оденусь. Даша!! Сбегай-ка за дворником!

— Зачем это вам дворник понадобился? — изумился я.

— Не могу же я выйти на улицу в одном платье?!

— А разве дворник...

— Это длинная история! Жена дворника, которая служит у каких-то квартирантов, имеет сестру, работающую у той самой портнихи, которой я отдала переделать свою ротонду¹. Так вот, если жена дворника сообщит сейчас мужу адрес, где работает ее сестра, — я и пошлю Дашу туда за ротондой.

— Так, так. Это и есть тот адрес — один из двух, — которого вы не знаете?

— Что вы путаете! Это тот адрес, который я знаю. Как же иначе я бы нашла его?

— Смешные вы, женщины! — улыбнулся я.

Она показала мне язык и убежала в другую комнату.

Я уселся, взял газету и прочел ее от начала до конца. Марья Павловна одевалась. Я пересмотрел альбом, взял какую-то книгу, прочел три главы. Марья Павловна одевалась! После шестой главы я имел совершенно точные данные, что Марья Павловна еще не совсем одета, а девятая глава заставила ее выглянуть из комнаты и спросить меня:

— Нет ли у вас крючка для застегивания ботинок? Я не могу найти свой. Целый час ищем!.. Почему вы не носите с собой крючка?

— Хорошо, — кротко отвечал я. — Теперь я буду носить его с собой. Во избежание задержек на будущее время я буду также теперь захватывать с собой щипцы для завивки волос, ротонду и головные шпильки. Если вам нужно еще что-нибудь — вы предупредите.

Она, очевидно, не поняла меня, потому что отвечала:

— Нет, щипцы у меня есть. А вот головные шпильки, если бы вы носили, — я иногда брала бы у вас, потому что они страшно теряются.

Вошла Даша и спросила:

— Не видали, барин, крючка для ботинок? Он тут где-то.

— Не знаю. Я пересмотрел альбом — его там не было. И в книге нет. Может быть, спросить того дворника, который имеет сведения о ротонде?..

И Даша меня тоже не поняла.

— Демьян! — закричала она, выбегая в переднюю. — Не видел барышнинного крючка?

Я вошел в ту комнату, где одевалась Марья Павловна, и сказал:

— Придется мне поискать.

Из деликатности я старался не смотреть на причесывающуюся Марью Павловну, но она воскликнула:

— Только, ради Бога, не смейте на меня смотреть!

Не посмотреть было уже неловко. Я взглянул на нее, на стоящую около нее пару крошечных ботинок, и спросил:

— Вы эти ботинки и хотите надеть?

— Да... только вот крючка нет.

— Крючок можно купить, — отвечал я. — Его можно сделать, найти, украсть, но — увы — он будет вам бесполезен.

— Почему?!

— Потому что ботинки ваши не на пуговицах, а на шнурках.

Она засмеялась.

— Да? А ведь и в самом деле! Даша! Не ищи крючка... А вы, сударь, уходите пока.

Я вышел и от скуки опять взялся за газету. Выглянула Даша и спросила:

— Барин, не видели барышниной брошки?

— Не знаю, где она. Впрочем, вы можете взглянуть на крышу соседнего дома. Не зацепилась ли она каким-нибудь образом за дымовую трубу.

Даша с озабоченным видом взглянула в окно, развела руками и ушла обратно в комнату барышни.

— Там нет... Под ковром смотрели?

— Смотрела. И в умывальнике нет.

— Ах ты ж, Господи!

Я нервно вошел в их комнату и спросил:

— Куда вы ее обыкновенно кладете? Какого она вида?

— Обыкновенно она у меня на груди. А вид у нее такой... знаете, что у лошадей на лапах бывает!

— На каких лапах?

- Ну, такое... Копыто называется...
- Я не помню у вас такой брошки-копыта. Вероятно, подкова?
- Да, да... Такое, знаете, что стучит.
- Так бы вы прямо и сказали!.. Такое, что стучит – это всякий догадается. Подкову я помню. Ювелир, значит, уже вставил бирюзу, которая выпала? Помните, мы на той неделе вместе отдавали?
- Нет еще.
- Так она, значит, у ювелира? Скажите, сколько времени затрачиваете вы обыкновенно на поиски в этой комнате вещи, находящейся в другой улице?
- Действительно, она у ювелира! Даша, глупая, не ищи: я совсем и забыла.

Так как я был признан дамами очень сообразительным, толковым парнем, то меня оставили на всякий случай присутствовать при завершении туалета.

Все пошло гладко, если не считать того, что дамы тщетно пыгались открыть флакон с духами, проклиная тугую пробку. Мне не стоило большого труда убедить их, что открывать его не имеет смысла, так как он совершенно пуст, и что, вероятно, можно достигнуть больших результатов, если открыть другой флакон, стоявший тут же и по горло наполненный духами.

II.

Когда мы приехали в магазин, приказчик галантно поклонился нам, но сейчас же побледнел и взглядом, полным ужаса, уставился на розовую, улыбающуюся Марию Павловну.

– Покажите мне что-нибудь новенькое на блузку. Только – самое новое. Я всегда бываю у вас, и вы всегда показываете мне старое.

«Какой негодяй!» – подумал я.

Приказчик полез на какую-то лестницу и стал сбрасывать на прилавок целый водопад разных разноцветных тряпок, – с таким видом, будто бы он хотел устроить между собой и покупательницей крепкую надежную баррикаду, за которой можно укрыться.

В глазах его виднелось отчаяние и покорность судьбе.

— Вот это, сударыня... Прелестный рисунок.

— Этот? Вы смеетесь надо мной! Это бабы платки такие носят.

— Тогда вот! Самый последний крик делямод².

— Этот? Нет, вы, право, надо мной смеетесь!

Я никогда не видел, чтобы так смеялись. На лбу приказчика выступил пот, а губы пересохла и нервно дрожали... Куски материй съпались с полок дождем, развертывались, забраковывались, скрывались под свежей струей новых материй, которые, отверженные, в свою очередь стонали под тяжестью всё новых и новых кусков, которые то были «аляповаты», то слишком в крупную, то слишком в мелкую клетку... А одна материя подверглась суровому осуждению даже за то, что клетка на ней оказалась слишком средней.

— Вот эта мне нравится, — робко сказал я, указывая на какой-то желтый угол, торчавший снизу.

Приказчик с благодарностью взглянул на меня, но потом вздохнул и сказал:

— Это не материя. Это оберточная бумага из середины куска. Вот это очень недурно, кажется.

— Это? — в искусственном восхищении вскричал я. — Это великолепно!

— Покажите еще что-нибудь в этом роде, — ласково попросила моя спутница.

Приказчик уже не стоял за прилавком, а лежал где-то наверху на огромной груде измятых скомканных кусков. Мы должны были задирать головы, чтобы видеть этого доброго человека, который хриплым голосом кричал нам сверху:

— Вот тоже... рекомендую... Дернье крик делямод...³

Образ действий приказчика меня изумлял.

Что могло удержать его от одного незаметного жеста руки, которым можно было бы опрокинуть на голову покупательницы часть этой груды «чего-нибудь на блузку»... Откапывание погребенной под развалинами покупательницы и вся последующая веселая суматоха дали бы приказчику некоторую возможность передохнуть и собраться с силами,

а покупательница на собственной голове и плечах убедилась бы, что бывает очень неудобно, когда «что-нибудь на блузку» — весит от восьми до десяти пудов⁴.

Последние «крики делямод», доносившиеся сверху, делались всё тише и тише. Я понял, почему приказчик, увидев мою спутницу, побледнел от ужаса, а моя спутница в это время мягким, как серебряный бубенчик, голосом говорила:

— Этот цвет немного темен или, вернее, слишком для меня светел... Кажется, ничего я не подберу.

Она вздохнула и встала, ласково кивнув головой извивавшемуся где-то наверху телу приказчика.

— Мы уходим? — спросил я. — В таком случае, заверните мне, господин приказчик, вот этот кусок и этот... и этот!

— Для чего это вам? — изумилась Марья Павловна.

Я хотел сказать ей, что приказчик в самом худшем случае заслужил не этой бессмысленной для меня покупки трех кусков, а пожизненной пенсии и воспитания детей на казенный счет. Впрочем, едва ли ему нужна была пожизненная пенсия, так как, по своему наружному виду, бедняга мог дотянуть не дольше, чем до конца текущей недели⁵.

III.

Мы вышли из магазина — я, нагруженный громадным свертком, она, пустая, с победоносно веселым видом, — и сели на извозчика.

— Ну? — спросил я.

— Ну?

— Куда же ехать?!

— Да к портнихе. Ведь я же говорила.

— Извозчик, к портнихе.

— На какую улицу прикажете?

— На какую улицу? — спросил я, оборачиваясь к своей спутнице.

— Такая... длинная. Я позабыла, право, как она называется.

— А, длинная! Так бы вы и сказали. Вероятно, еще по бокам стоят дома и у каждого ворот сидит дворник? Да?

— Да, да. Что-то в этом роде. Там еще есть четырехэтажный дом с такими воротами.

— С какими?

Она выгнула вперед пальцы и неопределенно пошевелила ими.

— Вот с такими, знаете?..

— Ах, вот такие ворота? Очень красивые. А улицы вы так и не знаете?

— Да я знала, да позабыла. Помню, сейчас нужно вправо завернуть.

— Извозчик! Направо.

— Да куда он едет?! Не туда! Направо!

— Он и едет направо!!

— Тогда, значит, налево.

— Эти извозчики вечно пугают, — сурово проворчал я. — Дело в том, что у извозчиков и у прочих мужчин правая сторона случайно совпадает с правой рукой, а у женщин она совпадает — с левой! И мужчины так тупы, что не могут к этому привыкнуть.

— Вообще вы, мужчины... — критически сказала Марья Павловна и улыбнулась с сознанием собственного превосходства.

Мы повернули на какую-то улицу и поскакали по ней, причем я бросал пронизательные взгляды на все дома с «такими» воротами. А моя спутница в это время украдкой перекрестилась.

— Что это на вас напала такая богомольность? — пожал я плечами. — Не хотите ли вы посвятить себя Богу?

— Нет, — сказала она. — Я так узнаю, где правая сторона.

— То есть... как же это?

— Да ведь крестятся правой рукой! Я перекрещусь и думаю: «Ах, вот она где, правая сторона»⁶.

— Изумительно просто! И дорогу можно находить, и грехи в то же время замаливать. Если бы все знали этот остроумный способ — не было бы заблудившихся и грешных людей.

— Вы льстите мне! — кокетливо хлопнула она меня перчаткой по руке. — Да это и не я придумала. Подруга.

— Богато одаренная натура, — одобрительно сказал я.

IV.

Ввиду громадного количества домов с «такими воротами» — портниху мы не нашли.

Когда через час ехали обратно, Марья Павловна вспомнила:

— А что вы мне хотели сказать такое серьезное? Помните, давеча дома говорили? Еще говорили, что это для вас очень важно!..

И я не назвал ее мысленно ни Мэри, ни Мышонком, а зевнул и сказал:

— Ах, да! Я хотел спросить только: где вы покупаете такое прекрасное печенье к чаю?

И с этого момента пустыня лишилась одного из лучших отшельников, которые когда-либо спасались в ней...

ЛОЖЬ

Трудно понять китайцев и женщин.

Я знал китайцев, которые два-три года терпеливо просиживали над кусочком слоновой кости величиной с орех. Из этого бесформенного куска китаец с помощью целой армии крохотных ножичков и пилочек вырезывал корабль — чудо хитроумия и терпения: корабль имел все снасти, паруса, нес на себе соответствующее количество команды, причем каждый из матросов был величиной с маковое зерно, а канаты были так тонки, что даже не отбрасывали тени, — и всё это было ни к чему... Не говоря уже о том, что на таком судне нельзя было сделать самой незначительной поездки, — сам корабль был настолько хрупок и непрочен, что одно легкое нажатие ладони уничтожало сатанинский труд глупого китайца.

Женская ложь часто напоминает мне китайский корабль величиной с орех: масса терпения, хитрости — и всё это совершенно бесцельно, безрезультатно, всё гибнет от простого прикосновения.

* * *

Чтение пьесы было назначено в 12 часов ночи.

Я приехал немного раньше и, куря сигару, убивал ленивое время в болтовне с хозяином дома адвокатом Лязговым.

Вскоре после меня в кабинет, где мы сидели, влетела розовая, оживленная жена Лязгова, которую час тому назад я мельком видел в театре сидящей рядом с нашей общей знакомой Таней Черножуковой.

— Что же это, — весело вскричала жена Лязгова. — Около двенадцати, а публики еще нет?!

— Подойдут, — сказал Лязгов. — Откуда ты, Симочка?

— Я... была на катке, что на Бассейной¹, с сестрой Тарского.

Медленно, осторожно повернулся я в кресле и посмотрел в лицо Серафимы Петровны.

Зачем она солгала? Что это значит?

Я задумался.

Зачем она солгала? Трудно предположить, что здесь был замешан любовник... В театре она всё время сидела с Таней Черножуковой и из театра, судя по времени, прямо поехала домой. Значит, она хотела скрыть или свое пребывание в театре, или — встречу с Таней Черножуковой.

Тут же я вспомнил, что Лязгов раза два-три при мне просил жену — реже встречаться с Черножуковой, которая, по его словам, была глупой, напыщенной дурой и имела на жену дурное влияние... И тут же я подивился: какая пустяковая, ничтожная причина — может иногда заставить женщину солгать...

* * *

Приехал студент Конякин. Поздоровавшись с нами, он обернулся к жене Лязгова и спросил:

— Ну, как сегодняшняя пьеса в театре... Интересна?

Серафима Петровна удивленно вскинула плечами.

— С чего вы взяли, что я знаю об этом? Я же не была в театре.

— Как же не были? А я заезжал к Черножуковым — мне сказали, что вы с Татьяной Викторовной уехали в театр.

Серафима Петровна опустила голову и, разглаживая юбку на коленях, усмехнулась:

— В таком случае я не виновата, что Таня такая глупая; когда она уезжала из дому, то могла солгать как-нибудь иначе...

Лязгов, заинтересованный, взглянул на жену:

— Почему она должна была солгать?

— Неужели ты не догадываешься? Наверное, поехала к своему поэту!

Студент Конякин живо обернулся к Серафиме Петровне.

— К поэту? К Гагарову? Но этого не может быть! Гагаров на днях уехал в Москву, и я сам его провожал.

Серафима Петровна упрямо качнула головой и с видом человека, прыгающего в пропасть, сказала:

— А он все-таки здесь!

— Не понимаю... — пожал плечами студент Конякин. — Мы с Гагаровым друзья, и он, если бы вернулся, первым долгом известил бы меня.

— Он, кажется, скрывается, — постукивая носком ботинка о ковер, сообщила Серафима Петровна. — За ним следят.

Последняя фраза, очевидно, была сказана просто так, чтобы прекратить скользкий разговор о Гагарове.

Но студент Конякин забеспокоился.

— Следят?! Кто следит?

— Эти вот... Същики.

— Позвольте, Серафима Петровна... Вы говорите что-то странное: с какой стати същикам следить за Гагаровым, когда он не революционер и политикой никогда не занимался?!

Серафима Петровна окинула студента враждебным взглядом и, проведя языком по запекшимся губам, раздельно ответила:

— Не занимался, а теперь занимается. Впрочем, что мы всё: Гагаров да Гагаров. Хотите, господа, чаю?

Пришел еще один гость — газетный рецензент Блюхин.

— Мороз, — заявил он, — а хорошо! Холодно до гадости. Я сейчас часа два на коньках катался. Прекрасный на Бассейной каток!

— А жена тоже сейчас только оттуда, — прихлебывая чай из стакана, сообщил Лязгов. — Встретились?

— Что вы говорите?! — изумился Блюхин. — Я всё время катался и вас, Серафима Петровна, не видел.

Серафима Петровна улыбнулась.

— Однако я там была. С Марьей Александровной Шемшуриной.

— Удивительно... Ни вас, ни ее я не видел. Это тем более странно, что каток ведь крошечный — всё как на ладони.

— Мы больше сидели всё... около музыки, — сказала Серафима Петровна. — У меня винт на коньке распатался.

— Ах так! Хотите, я вам сейчас исправлю? Я мастер на эти дела. Где он у вас?

Нога нервно застучала по ковру.

— Я уже отдала его слесарю.

— Как же это ты ухитрилась отдать слесарю, когда теперь ночь? — спросил Лязгов.

Серафима Петровна рассердилась.

— Так и отдала! Что ты пристал? Слесарная, по случаю срочной работы, была открыта. Я и отдала. Слесаря Матвеем зовут.

* * *

Наконец явился давно ожидаемый драматург Селиванский с пьесой, свернутой в трубку и перевязанной ленточкой.

— Извиняюсь, что опоздал, — раскланялся он. — Задержал прекрасный пол.

— На драматурга большой спрос, — улыбнулся Лязгов. — Кто же это тебя задержал?

— Шемшурина, Марья Александровна. Читал ей пьесу.

Лязгов захлопал в ладоши.

– Соврал, соврал драматург! Драматург скрывает свои любовные похождения! Никакой Шемшуриной ты не мог читать пьесу!

– Как не читал? – обводя компанию недоуменным, подозрительным взглядом, вскричал Селиванский. – Читал! Именно ей читал.

– Ха-ха! – засмеялся Лязгов. – Скажи же ему, Симочка, что он попался с поличным: ведь Шемшурина была с тобой на катке.

– Да, она со мной была, – кивнула головой Серафима Петровна, осматривая всех нас холодным взглядом.

– Когда?! Я с половины девятого до двенадцати сидел у нее и читал свою «Комету».

– Вы что-нибудь спутали, – пожала плечами Серафима Петровна.

– Что? Что я мог спутать? Часы я мог спутать, Шемшурину мог спутать с кем-нибудь или свою пьесу с отрывным календарем?! Как так – спутать?

– Хотите чаю? – предложила Серафима Петровна.

– Да нет, разберемся: когда Шемшурина была с вами на катке?

– Часов в десять, одиннадцать.

Драматург всплеснул руками.

– Так поздравляю вас: в это самое время я читал ей дома пьесу.

Серафима Петровна подняла язвительно одну бровь.

– Да? Может быть, на свете существуют две Шемшуриных? Или я незнакомую даму приняла за Марью Александровну? Или, может, я была на катке вчера... Ха-ха!..

– Ничего не понимаю! – изумился Селиванский.

– То-то и оно, – засмеялась Серафима Петровна. – То-то и оно! Ах, Селиванский, Селиванский...

Селиванский пожал плечами и стал разворачивать рукопись.

Когда мы переходили в гостиную, я задержался на минуту в кабинете и, сделав рукой знак Серафиме Петровне, остался с ней наедине.

– Вы сегодня были на катке? – спросил я равнодушно.

– Да. С Шемшуриной.

– А я вас в театре сегодня видел. С Таней Черножуковой.

Она вспыхнула.

– Не может быть. Что же, я лгу, что ли?

– Конечно, лжете. Я вас прекрасно видел.

— Вы приняли за меня кого-нибудь другого...

— Нет. Вы лжете неумело, впутываете массу лиц, попадаетесь и опять нагромождаете одну ложь на другую... Для чего вы солгали мужу о катке?

Ее нога застучала по ковру.

— Он не любит, когда я встречаюсь с Таней.

— А я сейчас пойду и скажу всем, что видел вас с Таней в театре.

Она схватила меня за руку, испуганная, с трясущимися губами.

— Вы этого не сделаете?!

— Отчего же не сделать?.. Сделаю!

— Ну, милый, ну, хороший... Вы не скажете... да? Ведь не скажете?

— Скажу.

Она вскинула свои руки мне на плечи, крепко поцеловала меня и, прижимаясь, прерывисто прошептала:

— А теперь не скажете? Нет?

* * *

После чтения драмы — ужинали.

Серафима Петровна всё время упорно избегала моего взгляда и держалась около мужа.

Среди разговора она спросила его:

— А где ты был сегодня вечером? Тебя ведь не было с трех часов.

Я с любопытством ждал ответа. Лязгов, когда мы были вдвоем в кабинете, откровенно рассказал мне, что этот день он провел довольно беспутно: из Одессы к нему приехала знакомая француженка, кафе-шантанная певица, с которой он обедал у Контана², в кабинете, после обеда катались на автомобиле, потом он был у нее в Гранд-Отеле³, а вечером завез ее в «Буфф»⁴, где и оставил.

— Где ты был сегодня?

Лязгов обернулся к жене и, подумав несколько секунд, ответил:

— Я был у Контана. Обедали. Один клиент из Одессы с женой француженкой и я. Потом я заехал за моей доверительницей по Усачевскому делу, и мы разъезжали в ее автомобиле — она очень богатая — по делу об освобождении имения от описи. Затем я был в Гранд-Отеле

у одного помещика, а вечером заехал на минутку в «Буфф» повидаться с знакомым. Вот и всё.

Я улыбнулся про себя и подумал:

«Да. Вот это ложь!»

ВИЗИТЕР

(Опыт характеристики)

Всякий, кому приходилось видеть визитера в начале его хлопотливой деятельности, знает — какое это чистенькое, надушенное, сверкающее белизной белья и лаком ботинок существо!

Перед выходом из дому визитер долго стоит у зеркала и приглаживает несколько волосинок, отставших у уха; он долго возится над тем, чтобы кончик его белого галстука не заскакивал за край жилета, и заботливо удаляет крошечную невинную пылинку, развязно усевшуюся на носке ботинка. Пушинка на рукаве фрака приводит его в нервный трепет. Она сбрасывается с рукава так энергично, что даже производит при падении легкий стук. Двумя пальцами вытаскивается из жилетного кармана маленький кончик красного шелкового платочка — ровно настолько, чтобы на общем фоне черного и белого алело необходимое декоративное пятнышко.

Вот что проделывает визитер, собираясь уходить.

Нет нужды, что на пятом визите фрак его будет обсыпан пудрой, вымазан горчицей, и на носке ботинка уютно прикурнет прилипшая головка кильки; а на десятом визите галстук лихо передвинется набекрень, и пряжка его будет весело болтаться на мужественной груди визитера, а в красном шелковом платочке, засунутом за жилет, будет завернут плохо прожеванный кусок колбасы, не могший проползти в сузившееся визитерово горло.

Нет нужды! Визитер, одеваясь дома, о будущем не думает. Все его мысли и мироощущение — в настоящем.

Явившись в знакомый дом, визитер первым долгом бросается всех целовать, преисполненный нежной любви и ласки к прекрасному человечеству.

Мужчины, по большей части, переносят поцелуи визитера стойче. Лишь некоторые отрывают визитера после первого же поцелуя, так что следующие два — приходятся в воздух.

Визитер этим не смущается: воздух так воздух — он поцелует и воздух. И воздух хороший человек.

С дамами визитеру приходится повозиться.

— Ах, я, простите, не целуюсь.

— Да почему?

— Ах, нет, нет — как можно.

— Помилуйте, такой праздник... Нужно обязательно поцеловаться.

— У меня принцип — не целоваться. Ах, ах!

У многих дам единственный принцип в жизни — не целоваться на Пасху. Во всё остальное время их легкомысленной жизни они целуются без всякого порядка и смысла¹, и тому же визитеру легче добиться прикосновения женских губ зимой, осенью и летом, чем на Пасху.

Если дама продолжает отказываться, визитер, обуреваемый высокими порывами, набрасывается на даму и, скрутив ей руки, целует ее в лопатку, в гребенку, торчащую из волос, и в тот же безропотный воздух.

Обыкновенно неприхотливый визитер удовлетворяется этим слабым выражением христианской любви, и его немедленно ведут к столу.

— Закусите-ка... Рюмку рябиновой?

В первые два визита визитер обыкновенно разбирается в напитках и закусках чрезвычайно тонко: он сначала выпьет померанцевой и закусит кусочком икры; потом зубровки и — ветчины; напоследок — рюмку коньяку и отведаёт кулича.

От коньяку поморщится, а кулич похвалит.

Следующие визиты усыпляют в визитере чувство излишней изысканности: сначала он пьет какой-нибудь ликер, закусывает омаром, а потом переходит на простую водку, заедая ее сахарным розаном с кулича.

И чем дальше — тем вкус его делается менее изысканным, но более прихотливым, идя рука об руку с рассеянностью.

Налитое по ошибке, вместо белого вина, прованское масло он хочет закусить ветчиной, но рука его попадает немного дальше, отщипывает кусок разноцветной бумажной бахромы с окорока и отправляет это красивое произведение хозяйского сынишки — в рот.

— Хорошая семга, — одобрительно кивает головой визитер, прожевывая бумагу. — По... чем продавали?

Потом он неистово хохочет сам над собой, объясняя всем, как он ошибся, сказав вместо «покупали» — «продавали»...

Он замечает свои ошибки и спешит сознаться в них. Это его бесспорное достоинство. И хохочет он с открытым ртом, из которого торчит полусъеденная разноцветная бумага, а галстук уже успел передвинуться, и пружка как живая пляшет на груди, в такт смеху веселого хозяина.

На первых визитах хозяева дома еще делают кое-какие попытки завязать с визитером беседу.

Прием один и тот же:

— В какой церкви были у заутрени?

— В соборе².

— А где разговлялись?

— Дома.

— А хорошие у вас куличи вышли?

— Хорошие.

— А летом вы на даче?

— На даче.

- Как вообще поживаете?
- Да ничего. Ну, мне пора.
- Да посидите еще.
- Нет, нет, что вы!

Последующие визиты делают визитера человеком очень оригинальным, полным свежих неожиданностей, но вести с ним обыкновенную светскую беседу делается чрезвычайно затруднительным.

На вопрос:

- Где были у заутрени?

Он, зрело обдумав свой ответ, говорит:

- Четырнадцать. Да еще восемь позавчера.
- Что восемь?
- Высокий такой блондин. Живи, говорит, у меня – чего там!
- Что?

– Вот вам и что! Его из печки выгнали, а он пополам. Тесто жидко замесили, что ли. Вы позволите еще рюмочку ветчины?..

На самом последнем визите визитер уже не говорит, а только иронически и подозрительно посматривает на всех исподлобья.

В этот период своей жизни он легко и безболезненно отвергает все завоевания тысячелетней культуры и цивилизации, с такой любовью созданной предками. Он может неожиданно расхохотаться; или начнет с апшетитом раскусывать хрустальный бокал; или будет пытаться влезть в рояль, с категорической, не допускающей возражений просьбой.

Разбудить его в половине шестнадцатого.

Закончив все визиты, визитер долго бродит по улицам, полный смутных, неопределенных мыслей. Редко кому приходилось видеть визитера в таком переходном состоянии, но автору этой статьи однажды удалось подсмотреть, как вел себя в вышеприведенном случае визитер.

Он брел неверными шагами вдоль улицы, изредка одобрительно похлопывая по стенам и заглядывая в отверстия водосточных труб.

Он был в таком состоянии, что на главное не обращал внимания... Вызывали к себе его интерес только пустяки.

Шагая по улице, он увидел лежащую на своем пути спичку. Он изумленно остановился над ней и застыл в напряженной позе.

Потом, осторожно подняв ее, подошел к дремавшему дворнику у ворот.

— Человек! Где у вас склад ненужных отбросов?

— Чего-с?

— Укажите такое место, где бы я мог положить этот предмет, мешающий правильному движению пассажиров.

— Да бросьте ее, — сказал, засмеявшись, дворник. — Чего там.

Он взял из рук визитера спичку и бросил ее на землю.

— Нет, милый дворник, ты этого не делай. Зачем ты это делаешь? Это делать нехорошо.

— Да кому же она мешает? — сказал дворник.

— Тут люди ходят. Зацепится кто-нибудь, упадет, сломает ногу. Ему больно будет... Умрет... без... миропомазания...

Он нагнулся, поднял снова спичку, вырыл под воротами пальцем ямку, положил в нее спичку и засыпал ямку, облегченно вздохнул.

— Так-то оно и спокойнее... Прощайте, Никифор.

Визитер побрел дальше, остановился у какого-то подъезда и сел на ступеньку.

Рассеянный взгляд его упал на ботинок, на котором присохла оброненная им в предпоследнем доме килька.

Визитер снял ее с ботинка и положил на ладонь.

— Беденькая! — сказал он, глотая слезы. — Неужели ты уже умерла? Нет! Ты еще будешь жить. Я тебя возьму к себе, и там, в тепле и холе, ты проживешь остаток дней твоих. О, жестокие, безнравственные люди!.. Господи, Боже ты мой! За что, спрашивается? За что?

И он, раскачиваясь, баюкал пыльную кильку на руках, гладил ее, целовал и отогревал своим дыханием.

Потом вынул шелковый платочек, разостлал его на коленях, положил в него кильку и, с трудом поднявшись, сунул всё это в карман белого жилета.

Побрел, пошатываясь, и я потерял его из вида.

Один знакомый рассказывал мне прелюбопытную историю, касающуюся пасхальных визитов.

Она совершенно достоверна, так как знакомый этот служит чиновником в Пробирной палатке и имеет в Петербурге двухэтажный дом³.

Я не думаю, что такой человек мог бы выдумать свою историю или раздуть ее, или изукрасить.

Да он был и слишком глуп для этого.

Кто знает хорошо институт пасхальных визитов — тому эта история не покажется особенно странной и небывалой.

Вот что он рассказал.

Однажды перед Пасхой пришлось ему поехать по делам из Петербурга в Харьков.

Город этот был незнаком ему, и он всю страстную субботу проскучал. На другой день утром, когда проснулся, солнце светило в окно и около его кровати лежал тщательно вычищенный фрак.

Чиновник Пробирной палатки сладко и радостно потянулся на кровати и сказал сам себе:

— Нынче нужно делать визиты — первый день Пасхи, слава Богу! Пора бы одеваться.

Он встал, оделся, побрился и вышел на улицу. На улице сторговался с извозчиком, сел в пролетку⁴, вынул записную книжку с разными адресами и заглянул в нее.

— Вези меня на Дворянскую, номер 7.

Приехал на Дворянскую, отыскал, как и значилось в книжке, квартиру номер 4 — и позвонил.

— Дома? — спросил он горничную. — Принимают? Христос Воскресе.

— Пожалуйте-с! Воистину.

Чиновник был радостно встречен хозяином дома, расцеловался с ним и подошел к хозяйке с протянутыми губами.

— Да я не христосуюсь с мужчинами, — кокетливо заявила хозяйка.

— Да почему?

— Ах, нет, нет — как можно!

Чиновник все-таки поцеловал сначала какой-то рюш у нее на шее, потом серьгу в ухе, потом воздух, а потом все трое, весело смеясь, направились к столу...

— Рюмочку зубровки! Попробуйте нашего кулича — нынче, кажется, удачные.

— Попробую! Да, кулич прекрасный.

— Где были у заутрени? — спросила хозяйка.

— В университетской церкви.

— А где разговлялись?

— Дома.

— Летом на даче думаете?

— На даче. Ну, мне пора.

— Да посидите еще! В кои-то веки соберетесь.

— Нет, нет, что вы.

Чиновник вышел, сел на извозчика и заглянул в книжку.

— Московская, 12, квартира 20.

Извозчик привез. Чиновник позвонил, похристосовался с плутовой горничной, расцеловался с хозяином, был несказанно удивлен отказом хозяйки от христосования и потомпил допель-кюммель⁵.

— Где были у заутрени?

— В университетской церкви.

— Летом на даче?

— Да, ну, мне пора. До свиданья-с.

— Куда же вы?

Третье место, куда поехал извозчик, было:

— Ивановская, 9, квартира 6.

После обычного христосования и двух рюмок коньяку хозяйка спросила:

— Где были у заутрени?

— В университетской. Хотел было в Исаакиевский собор⁶, да далеко, знаете, от меня.

— Я думаю, — сказала хозяйка.

— Да, — подтвердил чиновник. — Минут сорок нужно ехать.

— Откуда?!!

— Да от меня!

— Помилуйте, что вы говорите!.. Как же от Харькова до Петербурга сорок минут езды?

Чиновник встал, потрясенный до самого дна.

— Это... какой город?

Хозяйка засмеялась.

— Вот тебе раз! Человек в Харькове сидит на Ивановской улице у Сверчковых, — да не знает, что это за город.

— Так вы Сверчковы? — вскричал чиновник. — А у меня в книжке записан такой адрес: Ивановская, 9, квартира 6 — Чапльгины. Вы, значит, не Чапльгины?

— Да нет же — мы Сверчковы.

— Тогда извините, — растерялся чиновник. — Всего лучшего. Я уж пойду.

— Куда же вы — посидите!

— Понимаете, — говорил мне, рассказывая об этом случае, чиновник, — экая чепуха получилась. И в Петербурге, и в Харькове есть и Московская, и Дворянская, и Ивановская. Я по петербургским адресам и ездил.

— Да как же они вас принимали, незнакомого? — спросил я удивленно.

— Да им-то что?.. Приехал визитер, во фраке, христосуетя, был у заутрени, пьет водку — значит, всё как нужно, всё как следует... А мое

тоже положение — разве все знакомые лица упомнишь? Не разговорись я об Исаакии — так бы никто ничего и не заметил.

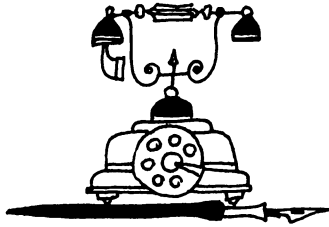

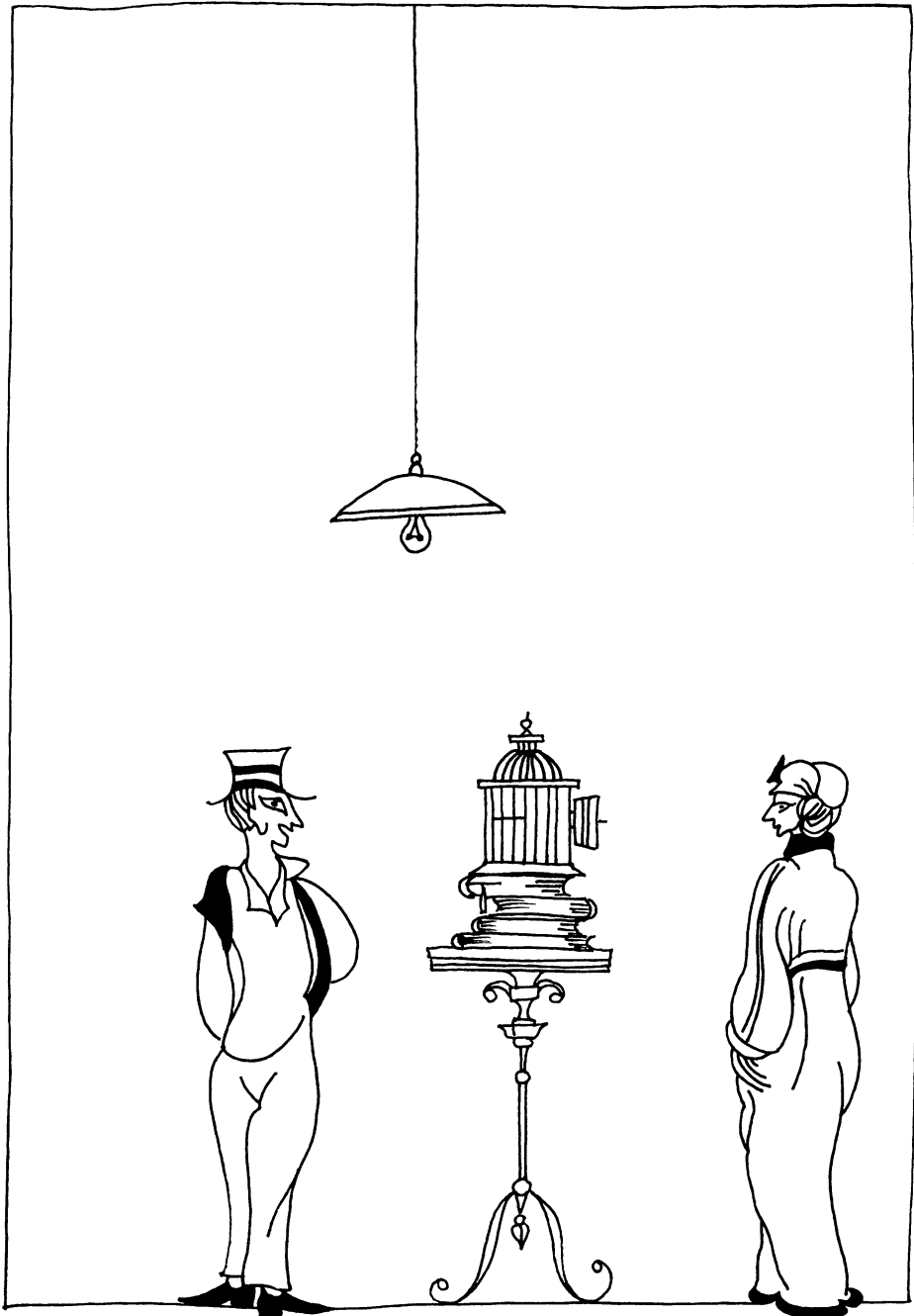
Жизнь посылает нам удивительные хитросплетения и устраивает самые замысловатые комбинации.

Если история, рассказанная выше, и кажется невероятной, то повторю: не мог же чиновник Пробирной палатки, владелец двухэтажного дома, выдумать ее?!

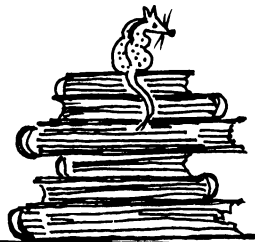

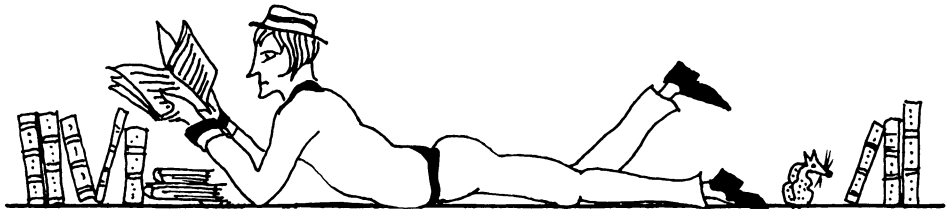

ПЕРВЫЕ
КНИГИ
АВЕРЧЕНКО
В КРИТИКЕ
И ВОСПОМИНАНИЯХ

НИКОЛАЙ АРХИПОВ

[Рецензия на издание:]

Аркадий Аверченко.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ.

СПб., 1910

«Я сейчас стою на соборной колокольне, смотрю на движущиеся по улице кучки серых людей, напоминающих муравьев, которые сходятся, расходятся, сталкиваются и опять без всякой цели и плана расплозаются во все стороны, — и смеюсь, смеюсь...»¹

Так говорит Аверченко в одном из своих рассказов.

Мы не верим, что он действительно стоял на колокольне (да еще «соборной») и чтобы оттуда именно сделал наблюдения для книжки.

Наоборот, вся книжка говорит за то, что автор наблюдает жизнь вовсе не с таких возвышенных мест, а находится где-то поближе к жизни. Ибо так тонко подмечать смешные стороны ее, так улавливать тончайшие нюансы можно только на самом близком расстоянии к рассматриваемому предмету.

И, конечно, автор находится в самой гуще жизни и именно здесь улавливает жертвы своего сатирического дарования.

Аверченко, несомненно, талантлив, в этом убеждает нас целый ряд лиц и положений из его книжки; так метко зарисовать их мог только писатель, не лишенный таланта.

Нельзя, однако, не сознаться, что в предлагаемой книжке автор не сумел еще сочетать таланта с чистотой и целомудрием формы.

Аверченко очень любит «словечки» и часто, в жертву им, грешит против строгого художества.

Это почти единственный недостаток первой его книжки.

Хорошо изданный томик прочитывается залпом, несмотря на то, что в него не вошли лучшие рассказы автора, известные нам по «Сатирикону»².

У нас так любят трагические гримасы и так мало смеются, что остается пожелать широкого распространения веселой книжке Аверченко.

СЕРГЕЙ АУСЛЕНДЕР

[Рецензия на издание:]

Аркадий Аверченко.

РАССКАЗЫ.

Изд. «Шиповник». 1910 г.

Мы просто и не умеем смеяться, и отвыкли от простодушного громкого смеха. Над чем смеяться? Над кем?

Все дачные мужья, зубные врачи, нервные дамы, все смешные нелепости и пошлости уже осмеяны; смешное становится уже не смешным, а страшным, мучительным, кошмарным. Скептик едва заметно улыбнется, мечтатель печально вздохнет, энтузиаст возмутится; посмеяться уже некому и не над чем.

С некоторым предубеждением открывали мы книгу Аркадия Аверченко. Что этот «испытанный остряк»¹, смеющийся по заказу каждую субботу в «Сатириконе», да еще на неделе раза два пишет в газетах. Как это должно быть вымучено, неинтересно и старо...

Прочитываешь один, два, три рассказа: какие странные! Какие-то нелепые несуразности: чудовищные тройни в бельевых корзинах;² люди постоянно вываливаются из пятых этажей;³ фантастические лентяи;⁴ это кошмарный «специалист», который берется за всё и всё коверкает, уничтожает, портит⁵.

Наконец, приходишь до «Славного ребенка». Рассказ останавливает внимание. Это не только бойкий фельетонист, это настоящий и сильный художник. Уж не стоит ли под рассказом забытой и милой подписи Чехонте...

Впрочем, находясь под некоторым влиянием Чехова, Аверченко во многом иной, очень своеобразный. Его смех не добродушная, мягкая, иногда чуть-чуть печальная веселость Антоши — его смех громкий, во всё горло, скорее грубый и какой-то колючий.

Всё преувеличено, всё утрировано, но почти нигде не перейдены границы художественного правдоподобия; нарочитость чувствуется очень редко. Иногда рассказы Аверченко переходят в вольную и открытую фантастику: так, например, этот помощник счетовода Матвей Петрович Химиков⁶, воображающий себя странствующим рыцарем, совершающий в своем плаще с кинжалом в руках (который оказался ножом для разрезывания книг) столько страшных преступлений и прекрасных подвигов. Новый вариант старой истории рыцаря печального образа из Ламанча⁷.

Две опасности грозят современному юмористу: стать тривиальным, повторять затасканные остроты, как старый ленивый клоун выкидывает всё те же давно известные штучки, которым еще может в тысячный раз аплодировать галерка; или стараться быть ни на кого не похожим, напряженно выдумывать каждую неделю новое и оригинальное и, в конце концов, потерять всякую возможность смеяться, так как смех всегда должен быть свободным, незамысловатым и несложным.

Аверченко выходит с достаточной честью из обоих затруднений. Он не боится быть иногда обыкновенным, рассказывает немудреные анекдоты о дачных спектаклях⁸, о Саре Фрейберг, которая на последние 15 рублей повела сына к доктору и только в приемной заметила, что впопыхах из своих семерых чад захватила не того⁹, которого следовало; о чиновнике Плюмажеве, захотевшем полюбоваться на купающуюся наяду, отдающем гимназисту за бинокль всё свое движимое имущество (котелок, папиросы, перочинный ножичек) для того, чтобы увидеть свою собственную жену в купальном костюме¹⁰.

Рассказывая всё это, Аверченко умеет находить неожиданно-забавные детали, не переходить границ художественности и, наконец, полно выявляет все свои способности неплохого рассказчика.

С другой стороны, постоянное влечение Аверченко к фантастическому преувеличению, к умному и часто злому шаржу, дающему иногда интересные и остроумные гротески, делают его книгу любопытной и своеобразной.

ВЯЧЕСЛАВ ПОЛОНСКИЙ

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

СМЕХ И ГОРЕЧЬ.

**I. ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ Л. АНДРЕЕВА
И А.И. КУПРИНА.**

II. ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ А. АВЕРЧЕНКО

[I.]

Удивительно непохож твеновский юмор¹ на наш российский, отечественный юмор. Да и был ли у нас таковой? Не считать же юмористами Гоголя да Салтыкова-Щедрина, источавших порой слезы горечи или негодования. Смех сквозь слезы или слезы сквозь смех — юмор ли это? И уж конечно не приходится венчать лаврами какого-нибудь банальнейшего Лейкина², уже всеми забытого. Вообще говоря, юмор в нашей литературе почти что не представлен. Нам было не до смеха. Смех казался странным, так не идущим нам свойством. И даже в эпохи, когда расцветала журналистика «сатиры и юмора» — последнего было мало. Мне пришлось недавно просматривать листы знаменитой «Искры»³ — я искал в ней смеха, просто смеха, веселого и заразительного, — но не нашел. Попалось несколько прекрасных стихотворений в юмори-

стическом духе (Курочкина, Вейнберга, Жемчужникова, Алмазова⁴, но и только), но зато какими редкими исключениями были они! Вся же сила ума и чувства, всё богатство красок, сравнений, эпитетов — ушло в сатиру, всё было обращено в яд, которым смазывались острые наконечники сатирических стрел. А о сатирической журналистике недавнего времени — 1905—06 гг. и говорить не приходится⁵. К тому же она у всех на памяти. <...>

В литературе нашей свободного смеха не было. Что же касается до юмористических куплетов, сцен и анекдотов, которые с избытком можно встретить в любом сборнике «для сцены», — то это в счет не идет, разумеется. Всё это остается за пределами литературы, пропадает бесследно, как пропадут и мастерские порой рассказы Горбунова⁶ или тухлые повести Лейкина. Чехов? Его превосходные рассказы первого периода? Но кому же не известно, куда пришел чеховский «юмор»? Да не был ли и этот юмор смехом сквозь слезы, ибо какой печалью веет от всего Чехова, от его милого облика, и можно разве говорить о Чехове, авторе «Пестрых рассказов», позабыв Чехова, автора «Дяди Вани» и «Вишневого сада»?⁷

Да, что говорить, не везло смеху на Руси. Стоило ему появиться на чьих-нибудь устах, как фатальным образом перерождался он в слезы, радость — превращалась в горе, веселье — в уныние <...>.

II.

Но, дочитав последнюю страницу, он [читатель] с удивлением увидит, что так весело, беззлобно и искренне он давно уже не смеялся.

Я боюсь быть пристрастным к этому писателю, боюсь преувеличить размах и глубину его таланта. Но, право, перечитывая его рассказы уже не первый раз (большая часть их печаталась в «Сатирикон» и др. изданиях), я убеждаюсь, что книжки эти представляют крупное литературное явление. Обе они — одна, изданная «Сатириконом» («Юмористические рассказы») и другая — «Шиповником» («Рассказы», книга первая), говорят об авторе как крупной литературной силе, ко-

торой, быть может, суждено стать русским Твенем, если... если климат этому не помешает. Юмор г. Аверченко имеет много общего с юмором веселого американца: он так же беззлобен и заразителен. И что всего пленительнее — это удивительное разнообразие сюжетов, неистощимаая фантазия, находчивость, изобретательность, рискованность, — и всё это непринужденно, и всё с замечательной легкостью, и редким тактом, и большой убедительностью, а главное — весело, смешно, остроумно. И обратите внимание: в большей части его рассказов нет каких-нибудь особенно смешных событий, юмористических сюжетов, всего того, что характерно для анекдота. В том-то и сказывается природный юмор г. Аверченко, что во многих, столь обычных и естественных для нас поступках, фразах, привычках он без натяжки ухитряется увидеть смешную сторону и, главное, показать нам это смешное так, что и мы не можем не смеяться и удивиться: как мы сами этого раньше не замечали? И к чести писателя нужно сказать, что в обеих книжках пока смешливость его не перешла в простое зубокальство, а это говорит о большом художественном такте. И что ценнее всего: в двух небольших книжках Аверченко дает целую галерею живых, незабываемых людей, нелепых, диковинных, порою невероятных, иногда милых и нежных, и с таким искусством на протяжении нескольких страниц раскрывает человеческую душу, и так вероятно и правдоподобно совершаются у него невероятные и неправдоподобные вещи, — что с восхищением любуешься этим мастерством, лаконическим и красочным, в котором нет ничего лишнего, где всё у места.

Из правдоподобных, но всё же невероятных персонажей г. Аверченко на меня особенно сильное впечатление произвел трагичный в своей юмористичности помощник счетовода мещанин Матвей Петрович Химиков⁸. <...> Химиков — невероятная фигура, и всё же это живой, движущийся человек, словно выхваченный из жизни. И вообще, интересной чертой г. Аверченко следует признать способность его создавать убедительные и правдоподобные сцены из неправдоподобных, в сущности, положений. В этом-то именно и заключается комизм многих его рассказов. При чтении многих из них не является и тени подозрения

в выдуманности, неправдоподобности рассказываемого, и, лишь отложив книжку и уйдя из-под гипноза авторского дарования, начинаешь соображать, что ведь, собственно говоря, это невероятно, это просто фантазия, выдумка, что взято это автором из своей богатейшей головы, создано из ничего, и только силою своей мастерской кисти он заставляет нас верить ему и не замечать выдумки. И как просто и легко это дается ему. <...>

И каждый из персонажей г. Аверченко — а их в обеих книжках чрезвычайно много, — вполне индивидуален и непохож на других, и живет своей, собственной жизнью, и говорит своим, собственным языком, будет ли это пьянчуга, приведенный в ужас монотонным гудением фонаря⁹, или молодой «готтентот» — Коля Кинжалов, — целиком умецающийся в одну фразу: «Пардон-с, пардон-с, позвольте даме пройти вперед»¹⁰, или «славный ребенок», способный довести до бешенства своими проказами;¹¹ и у каждого своя душа, своя психология — и много раз приходится дивиться разнообразию физиономий, мелькающих в книжках, и богатству наблюдений, меткости языка, выразительно-лаконичного и свободного.

И интересная черта! На книжках г. Аверченко нет и следа «политики», ни в узком, ни в широком смысле. Как будто жизнь его героев протекает где-то в счастливой Аркадии¹², где о политике нет ни слуху ни духу и где жизнь до краев наполнена мелкими, повседневными интересами, такими занимательными для них и такими забавными для автора. Вообще же следует заметить, что в рассказах г. Аверченко нет «идей», красной нитью проходящих по страницам, и вокруг которых располагаются и лица, и действия, — как это часто бывает у многих беллетристов. Это-то отсутствие заранее вложенных «идей» и придает рассказам г. Аверченко особую живость. Выведя первую строку рассказа, г. Аверченко не знает, каков будет конец его. Всё подбирается и располагается в процессе работы, всё является неожиданно и случайно, непредвиденно, — именно так, как часто бывает в самой жизни. И в рассказах его виден скорее инстинкт художника, чем воля, направленная к определенной, заранее поставленной цели. Всё случайно, неожиданно, и, таков уж дар автора, смешно, и потому-то рассказы его могут

быть названы кристаллами смеха, до того они все отчетливы и красивы. <...>

Русская жизнь не терпит, не переносит юмора. Какими-то неведомыми путями юмор наш до сих пор превращался в свою противоположность. И если такая же судьба грозит и г. Аверченко, будет очень больно. Светлое дарование его так необходимо русскому читателю и так много радостных переживаний способно доставить ему, что было бы крайне досадно потерять его, тем более что, помимо всех своих положительных сторон, смех представляет из себя и могучее орудие в борьбе со всяческой пошлостью, узостью, передононовщиной¹³, чего так много в нашей мрачной действительности. Достаточно, например, прочесть миниатюру г. Аверченко «Воздухоплавательная неделя в Коркине»¹⁴, чтобы без рассуждений, чуть ли не инстинктивно, нутром почувствовать убожество и ничтожность обывательских, мещанских душ, в которых всё так мелко и пошло, которых, правда, нельзя обвинять, но над которыми нельзя не смеяться, уже тем самым вооружаясь против пошлости.

Но это, так сказать, непредвиденный результат, которого автор, пожалуй, и не добивался, зарисовывая всё это просто потому, что очень уж забавны эти маленькие «современные человечки»¹⁵, со своими маленькими страстишками, заботами, интересами. Глаз г. Аверченко как бы защищен некоторым приспособлением, охраняющим его от трагичного в жизни. Он замечает лишь то, что смешно, а над смешным — как же не посмеяться! «Я сейчас стою на соборной колокольне, — пишет он в одном из рассказов, — смотрю на движущиеся на улице кучки серых людей, напоминающих муравьев, которые сходятся, расходятся, сталкиваются и опять без всякой цели и плана расползаются во все стороны. И смеюсь, смеюсь»¹⁶.

Но вот вопрос: удастся ли и впредь нашему юмористу благополучно не заметить того, что есть в жизни не смешного, а грустного, ужасного, возмутительного, что вызывает уже не смех, не «добродушную улыбку на приятном лице», а гнев, негодование, гримасу боли и желание не добродушно и весело смеяться, а «словами свирепо-солдатскими долго и грубо ругаться», как пишет молодой поэт Саша Черный в сво-

их «Сатирах»?¹⁷ Книжки г. Аверченко пока ответа на этот вопрос не дают. Но жизнь, но действительность внушает на этот счет некоторые опасения, ибо как странно, но парадоксально звучало бы: «В России в мрачайшую эпоху ее истории процветал добродушный и беззлобный юмор».

НИКОЛАЙ АРАТОВ

[Рецензия на издания:]

Арк. Аверченко.

«ЮМОРИСТ. РАССКАЗЫ».
Изд. «Шиповник». СПб. 1910.

Тэффи.

«ЮМОР. РАССКАЗЫ».
Изд. «Шиповник». СПб. 1910.

На книжном рынке появились четыре юмористических книжки А. Аверченко и одна талантливая книга юмор. рассказов Тэффи¹. Это подало повод заговорить в газетах о «возрождении» русской юмористики². Кое-кто не постыдился потревожить тень Чехова³. Итак, два автора и пять книжек — не мало ли этого для «возрождения»?

Рассказы А. Аверченко все изготовлены по одному трафарету, и в них удручающая суть, ибо автор не художник, а *анекдотист*. У него есть *чувство анекдота*, и он рассказывает, стараясь, чтобы вышло смешно. Это жанр не высокой марки. Ни единой художественной черточки в рисунке обстановки и персонажей не мелькнет у Арк. Аверченко. Плодовитый, как Лейкин⁴, он начинает так, как Лейкин кончал: пустым, быстро забываемым анекдотом, к которому никаких литературных требований не предъявляется.

Книга г-жи Тэффи литературней и интересней: здесь чувствуются проблески художественности, виден рисунок и есть те неожиданности,

те интересные экспромты, на которые способен писатель с изощренным вкусом и тонким пером. Вещицы г-жи Тэффи живут самостоятельной жизнью, как особый род литер. произведений, маленькие гротески, где затейливо смешано уродливое, смешное и жалкое.

М. КУЗМИН

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ.

Аркадий Аверченко:

«ВЕСЕЛЫЕ УСТРИЦЫ»

(СПб. Библиотека «Сатирикона», издание Корнфельда)

<...> г. Аверченко проявляет явную склонность к американизму, чем он основательно отличается от г-жи Тэффи, практикующей юмор чисто русский. Не знаем, этому ли американизму следует приписать и скоропалительность писаний даровитого автора, чем объясняется далеко не ровный состав его книг, особенно последней, где наряду с вполне законченными и тонкими очерками вроде «Автобиография», «Труха», — попадаются кое-какие кусочки, не заслужившие перепечаток, и даже совершенно выпадающие из принятого автором американского тона бытовые сцены вроде «Визитера», принадлежащие к типу рассказов, несколько осмеянному самим же г. Аверченко. Жаль, потому что таким образом раздробляется и как-то засоряется не талант автора, но его книга, и мы надеемся, что, однажды попытавшись сосредоточить и тщательно процедить свое дарование, г. Аверченко сможет дать нам вполне серьезные (не по тону, ради Бога, не по тону!) и не совсем слыханные в России произведения.

ВЛАД. АЗОВ

[Рецензия на издание:]*Аркадий Аверченко.***ВЕСЕЛЫЕ УСТРИЦЫ**

Ни такого писателя, как Аверченко, ни такого журнала, как «Сатирикон», в России никогда еще не было. Наши весельчаки или были безнадежно пошлы, или смеялись тем горьким смехом, от которого мороз подирает по коже. У нас совершенно не было того смеха, о котором Свифт говорил, что он «укрепляет здоровье»¹. Наш смех разбивал нервы и вел к истерической зевоте. Россия стала здороветь, русские люди стали вылезать из своих футляров², русские юноши начали играть в футбол. Несколько лет назад веселых ребят из «Сатирикона» не впустили бы в большую литературу. Скабичевский³ вышел бы на пороге с огненным мечом в поднятой правой руке и обрушил бы его на голову главаря этой веселой банды. Нынче весельчаки — желанные гости в нашей литературе. Мы поняли, что все жанры хороши, кроме скучного, и крылатое словечко, дерзкая шутка, задорная выходка не кажутся нам кощунственными. Ах, нам надо поправиться здоровьем, а смех так хорошо отвлекает мысли от терзающей нас зубной боли.

Темы рассказов г-на Аверченко очень разнообразны. В каждом доме есть смешное — надо только уметь его найти. А этим даром — находить смешное, извлекать его на свет Божий, — г. Аверченко обладает в совершенстве. <...>

Лучше всего удаются Аверченко рассказы о несуществующих, конечно, в русской природе «настоящих парнях»⁴ — о беспечной молодежи, любящей смех и шутку, дерзкой, задорной, неунывающей, скорой на выдумку и на выпивку.

[АНОНИМ]

[Рецензия на издание:]*Аверченко Аркадий.***ВЕСЕЛЫЕ УСТРИЦЫ.****Юмористические рассказы. СПб., 1910**

Автору «Веселых устриц» нельзя отказать в известной доле художественного дарования и юмора, и некоторые из его рассказов читаются с удовольствием. Но наряду с неподдельным юмором А. Аверченко обнаруживает и некоторое безвкусие, и примесь эта очень портит его произведения. Первый отдел его книжки, носящий заглавие «В освобожденной России», представляет ряд плохих фельетонов, подобных тем, которые в свое время — все на одну статью и масть — печатались десятками в разных «Понедельниках»¹. Это — худшая часть его «Рассказов». Остальные рассказы значительно лучше, и в них чувствуется юмор и настроение. Но и в них встречаются черты шутовства, которое автор, по-видимому, довольно плохо отличает от настоящего юмора. Грубейшим шутовством исполнена и предшествующая рассказам «Автобиография», которая к тому же и нескромна, ибо автор не стесняется в ней отзываться о себе с большой похвалой². Нескромно также снабжать книгу рассказов портретом³.

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

«САТИРИКОН»**(Силуэт)****Аркадию Аверченко**

<...> Был он — особенно в первые годы — совсем молодой (только что взрезанный, холодный ломоть арбуза) — и потому свежий: всё ви-

дел по-своему, по-новому. Там, где мы притерпелись, присмотрелись, где для нас были слитные, привычные контуры, там он — неожиданно и легко — видел простое и смешное. И был его смех беззлобен. Благословлял жизнь, черпал ее любя, а она стекала, щедрая, серебряными струями, жемчугами и смеялась, и ответно плескалась. <...>

От его красочных, широких сатириконских страниц сразу повеяло иным запахом — просторным, свежим. Порой задорным. Часто беззаботным. Но иногда — на страницах Ре-Ми, в его «Гримасах города»¹ — горестным и дрожащим. Но иногда — в едких каплях кислоты у Черно-го² — непрощающим и жгучим. Таков был его новый «Сатирикон». А сам он — сатириконский батька — был свежим и хрустящим. <...>

И этою-то свежестью, хохлацкою, с «катерынославщины»³, со степей привезенною усмешкой над всем нарочитым и пустым — этой здоровой немудрящею молодостью — умел он притягивать, объединять. «Расклейка»⁴ номеров «Сатирикона» была радостью. Блещущим смехом. Маленький Монмартр⁵ на Неве. Тонкая, умная Тэффи:⁶ два-три штриха по бумаге, меткое словцо, сощуренные глаза — смех, пробежавший, затаившийся в уголках рта. И над всем этим легким тюлем, воздушными волнами бегущее меж строк ее очарование. И — тогда еще не седой, точно купоросом по жизни гравирующий Саша Черный. И весь в «Копере», в «розанах», в хрустящем свежем «ситчике» — тогда еще свежий Петр Потёмкин⁷. Сочный и непревзойденный карандаш Ре-Ми. Узенькое отточенное острие Мисс, рисовавшей боскеты, лужайки, маркиз и гран-сеньоров⁸. Невольно подражавший «батьке» Бухов:⁹ уж очень заражал тот всех. И еще несколько сочленов крепкой, слитой группы, тянувшихся к своему центру — к Аверченко.

И посредине он сам — с малоросскою ленцой, но усидчивый и плодовитый, как будто занятый только собой, но мягкий и ласковый, — любящий товарищ, стойкий человек. Это мы узнали много спустя, когда пришли злые сумерки и потушили смех на Руси.

Беззаботному, свежо и вкусно, как ломоть арбузный, надкусывающему жизнь «батьке» там не было места. И он не стал приспособливаться. Он — ушел. И ушел, непримиримо резко и ясно очертив то место, куда стал. И мы узнали, что его смех не был легким, скользким: он был «честным», идущим из глубин здоровой и солнечной цели-

ны. Когда ее не стало, и не стало здоровья, и в испарениях скрылось русское солнце — стало труднее и смеху. Этот «хохол», наш «батька», не умел быть злым, и последние годы ему было труднее.

П. ПОТЁМКИН

ОБ АРКАДИИ АВЕРЧЕНКО

В 1907 году понемногу рассеивалась туча бесконечного количества сатирических и юмористических журналов, созданных революцией 1905 года¹.

Первый из них по времени, «Зритель»,² стал и последним. Поле битвы осталось за испытанными в боях стариками, нашедшими себе опору в пивных всея Руси, за журналами «Стрекоза», «Будильник» и «Осколки»³.

Ни никому уже, кроме посетителей пивных, не были интересны эти журналы, а потребность в настоящем сатирическом и юмористическом журнале была уже привита. Жизнь требовала его.

И в это время к молодому издателю «Стрекозы», только что унаследовавшему печальную необходимость продолжать существовавший, но уже никому не интересный журнал, явился молодой человек в цилиндре и, отрекомендовавшись «Аверченко», оставил рукопись⁴.

Через неделю по напечатании рукописи в «Стрекозе» Аверченко уже был секретарем приотвистшего его журнала и посоветовал издателю закрыть тридцатилетний журнал «за ветхостью и ненужностью»⁵.

Совет был поддержан работавшими уже в то время в «Стрекозе» А. Радаковым⁶ и Н. Ремизовым⁷, и в конце концов издатель последовал ему.

1 апреля 1908 года скончалась «Стрекоза»⁸ и ее секретарь в цилиндре, и родился «Сатирикон» и Аркадий Аверченко (он же Фома Опискин, Медуза-Горгона, Ave).

После выхода первых трех или четырех номеров, редактировавшихся А. Радаковым, во главе «Сатирикона», его не только редакто-

ром, но и буквальной душой, стал Аркадий Аверченко и оставался им до самой смерти журнала, последовавшей на одиннадцатом году жизни в 1918 году, от руки большевиков.

Жизнь «Сатирикона» — почти равняется жизни Аверченко. Покуда был жив «Сатирикон», дотоле жил и расцветал Аверченко, умер «Сатирикон» — и выбитый из седла Аверченко начал умирать.

«Сатирикон» умер и не воскреснет более, ибо умер Аверченко⁹. Теперь можно говорить о нем хладнокровно и беспристрастно.

«Сатирикон» в русской литературе сыграл роль не меньшую, чем когда-то «Искра» Курочкина¹⁰. «Сатирикон» создал направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху. Это заслуга Аверченко.

Сатира иероглифов, юмор планетарной тещи, царствовавшие до «Сатирикона» во всех «веселых» журналах, с его появлением кончили свою жизнь.

Аверченко сумел найти живые источники юмора в быте, новые методы (так сказать, усовершенствованный Марк Твен¹¹) выявления его в литературе.

Его первые книги рассказов прозвучали откровением. Их тираж был в свое время рекордным и превзошел самые смелые ожидания не только издателя, но и автора. Почему?

Да потому, что читатель русский, измученный пессимизмом и нытьем, царившими в литературе в начале XX-го столетия, набивший себе оскомину на фантастических купцах Лейкина¹², нашел наконец в Аверченко то, к чему потаенно стремился, нашел в нем юмор быта, смех живой жизни, современной ему, смех не задним числом, как у Лейкина, старавшегося породить его, пережевывая давно умершее и уже непонятное, а свежий смех сегодняшнего дня, смех, рождавшийся от описания многих углов жизни, а не только одного Замоскворечья.

После смерти «Сатирикона» смех Аверченко изменился. Он стал негодующим смехом политической вражды и ненависти. Трудно смеяться, ненавидя, трудно быть оторванным от базы своего смеха. Аверченко в эмиграции не всегда был прежним Аверченко.

Книги А.Т. — их бесконечное количество, на всех языках мира. Аверченко переведен и на китайский язык.

Слава Аверченко — сейчас она почти всемирна.

Жизнь Аверченко — ее сейчас нет, но была она так же широка, как поток его рассказов и острот.

Он играл, увлекался, шил, любил, беспрестанно шутя, и ради шутки жертвовал всем. Он был большим ребенком в своих страстях, и недаром так любили его дети и так любил он детей (знаменитый в детской литературе, не менее долголетний, чем «Сатирикон», журнал «Галченок»¹³ родился не без стараний Аверченко).

Он был талантлив — русским неровным талантом, но ведь он был русским писателем и писал о России и для России.

Он родился, как сам часто говорил, под звон колоколов в праздничный день (день восшествия на престол Александра III)¹⁴, он умер тоже в праздник, в день годовщины русской революции, 12 марта нового стиля¹⁵.

Но Бог с ними, с символами и с символистикой.

Правда — одно, правда — то, что Аверченко умер.

А.И. КУПРИН

АВЕРЧЕНКО И «САТИРИКОН»

Всё это было перед первой малой революцией, совсем анемичной по сравнению со второй — великой и бескровной.

Тогда, как грибы-поганки после дождя, начали ежедневно расти в большом количестве юмористические и сатирические журналы. Правда, большинство из них не успевало прожить более недели, самые названия их канули в вечность, и погибали они скорее от невнимания перегруженной публики, чем от цензурных утеснений. Помню шебуевский «Пулемет»¹, арцыбушевский «Зритель»², еще «Скорпион»³, «Бич»⁴, «Плеть»⁵, «Комар»⁶, «Живчик», «Езоп», «Пощечина», «Жало»⁷, «Рвач»⁸

и т. д. до сотен трех⁹. Параллельно с ними распускались махровым цветом порнографические издания.

Совсем недурно затеял Зиновий Гжебин два последовательных журнала: «Адская почта» и «Жупел»¹⁰. Но их задавил своим крутým и тяжким авторитетом Максим Горький¹¹. Судьба одарила этого страшного писателя несомненным умом и подлинным большим талантом, но совсем обидела его вкусом, мерою и юмором.

Забуду ли я первое редакционное заседание сотрудников «Жупела» на квартире художника Билибина?¹² Горького мы долго ждали. Приехал он не один, а с каким-то долговязым парнем в черном сюртуке до пят, с золотыми очками на бержераковом носу¹³. «Познакомьтесь, господа, — сказал Горький. — Это А.В. Луначарский¹⁴. Он любезно согласился прочесть нам, в виде руководящего пути, сообщение о юморе и сатире...»

Прошло полчаса. Сначала я видел, как мои, прежде такие веселые, коллеги зевали ноздрями, судорожно стискивая челюсти, и таращили глаза, чтобы разлепить ресницы. Потом я сам лениво поехал, качаясь, на ныряющей спине верблюда по плоской пустыне... И вдруг обернулся влево. Из прихожей меня манил пальцем хозяин дома, Иван Яковлевич.

Я на цыпочках, бесшумно вышел к нему.

— П-послушайте, — шепнул мне на ухо Билибин. — Единственное средство не скончаться преждевременно от ск-к-куки — это удрать.

И мы постыдно, вероломно сбежали: я, хозяин и его прекрасный сеттер Волга. И превесело провели время. Помните, Иван Яковлевич?

В этот день я ясно понял, что ни теоретически, ни по старым рецептам, ни нахрапом нового юмористического журнала не создать.

Не помню твердо, кто (кажется, П.П. Потёмкин), вспоминая об Аверченко, рассказал, что первые его дебюты были в «Стрекозе», в журнале, который тогда уже никто не читал, кроме как в пивных¹⁵.

Вот, именно в пивной лавке на углу Чернышова пер. и Фонтанки, где обычно заседали старые писари, специалисты писать на Высочайшее имя, и где весьма искусно варили раков¹⁶, там я и прочитал впервые в «Стрекозе» один из прелестных маленьких рассказов

Аверченко, а прочитав, взволновался, умилился, рассмеялся и обрадовался.

Надо очень любить литературу и все ее роды, чтобы понять, какая это радость — найти, унюхать, открыть, конечно без гида и без критической указки, — обрести только для себя свежий и новый талант. Может быть, эту радость знают еще охотничьи собаки и страстные коллекционеры?

Необходимо сказать, что русская читающая публика — очень диковинная публика. Низы ее бросаются жадно на «Разбойника Чуркина»¹⁷, и на «Макарку Душегуба»¹⁸, и на Вербицкую, и на Бебутову¹⁹, и на Ната Пинкертон²⁰. Сознательные, партийные верхи и до сих пор еще склонны пожевать роман «Что делать?»²¹, а также сочинения Засодимского²² и Златовратского²³. Это они, руководящие верхи, упорно отворачивали свой благосклонный решающий взгляд от молодого прекрасного Чехова. «Помилуйте, рассказышки короче воробьиного носа. И потом, говорят, писал в каких-то там лейкиных “Осколках”²⁴ Мы, конечно, принципиально этих журнальчиков не читаем, всё равно как принципиально не пошли бы в цирк. И потому бросим говорить о вашем Чехове».

Однако есть среди русских читателей какая-то очень большая, но почти неуловимая середина — умная и независимая, — которая руководствуется лишь здоровым инстинктом и никогда не ошибается в выборе и оценке молодого автора. О Бунине еще никогда не писали, а его две первые книжки уже широко раскупались²⁵.

Андреева Москва сделала известностью в один-два месяца после выпуска его первого томика, а о нем еще никто не ведал в Петербурге²⁶. Спустя же полгода, 6-го декабря, Н.К. Михайловский²⁷, в день своих именин, принял его с тем дружеским радушием, с которым этот большой человек встречал истинные таланты.

Спросите у Тэффи, помнит ли она момент, когда она почувствовала общее ею восхищение, неизъяснимую атмосферу благодарности, преданности и доверия? Ручаюсь, не помнит. Однако этот таинственный момент пришел незаметно еще в Петербурге, где о Тэффи ни словом не заикнулся ни один присяжный Стародум²⁸ из тех, которые

прочили юному Чехову смерть под забором. Впрочем, и до сих пор о замечательном, драгоценном таланте Тэффи нет не только дельной книги, но и основательной, серьезной статьи²⁹. Что поделаешь? Смех, видите ли, одна из самых низших эмоций.

Впрочем, у нас нет стоящей литературы даже об Успенском³⁰, не говоря уже о Дорошевиче³¹ и об Аверченко. Но здесь есть и утешение: Аркадий Тимофеевич был избавлен от неприятной обязанности делать признательные улыбки и поклоны и выслушивать покровительственное «это я тебя, братец, в люди вывел».

Аверченко сразу нашел самого себя: свое русло, свой тон, свою марку. Читатели же — чуткая середина — необыкновенно быстро открыли его и сразу, из уст в уста, сделали ему большое и хорошее имя. Тут был и мой, не писательский, а читательский голос.

Признаться, в те дни, когда издатель Корнфельд сменил ветхие одежды «Стрекозы» на новый задорный костюм «Сатирикона»³², я подумывал, что публика не пойдет. Во-первых, у нее, как у лошади, тяга к привычной кормушке. Во-вторых, в ту пору, как я уже говорил, развелось такое пестрое множество сатирических журналов и так они часто лопались, что всякое доверие к этим мыльным пузырям пропало³³.

Однако своя добрая, верная публика дружно и быстро вытянула «Сатирикон» в гору, а там уже он сам весело покатился по углаженной дороге. Молодой, яркий талант Аверченко, его популярность, его легкая рука и его беззаботная энергия сделали здесь очень много. Но и то сказать, какая славная семья сотрудников его. Увы! «Одних уж нет, а те далече»³⁴, а те еще дальше, по ту сторону колючей проволоки...³⁵

Счастьем для таланта Аверченко было то, что его носитель провел начало своей жизни не в Петербурге, в созерцании, сквозь грязный туман, соседнего брандмауэра³⁶, а побродил и потолкался по свету. В его памяти запечатлелось ставшее своим множество лиц, говоривших, метких слов и оборотов, включая сюда и неуклюже-восхитительные капризы детской речи. И всем этим богатством он пользовался без труда, со свободой дыхания.

Беззлобен, чист был его первый смех, и легкие уколы не носили в себе желчного яда. Всего труднее определить характер юмора. Надо

сказать, что от гоголевского юмора у нас не осталось наследия. Шестидесятые и семидесятые годы передали нам лишь кривую, презрительную, саркастическую усмешку. Сатириконцы первые засмеялись простодушно, от всей души, весело и громко, как смеются дети. В то смутное, неустойчивое, гиблое время «Сатирикон» был чудесной отдушиной, откуда лил свежий воздух.

«Сатирикон» совсем неотделим от Аверченко. Он ему и сделал большую и заслуженную славу. Книги Аверченко шли потоками по всей России. Ими зачитывались и в Сибири, и в черте оседлости, и, во многих переводах, за границей.

Но не один только смех знал покойный Аркадий Тимофеевич. Еще до октября 1917 года он зорко увидел дьявольскую сущность наступающего большевизма, а до самого того дня, когда «Сатирикону» приказали умереть, он, как истинный рыцарь, боролся с насильниками родины.

Тогда перо его умело наносить и тяжкие, беспощадные удары, перенести и забыть которые трудно.

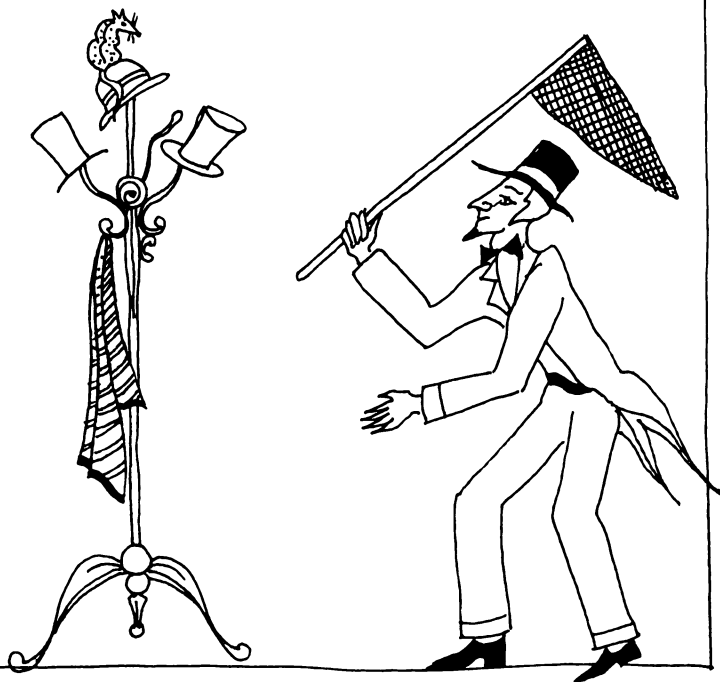
Умер он в среднем возрасте, который отпущен русскому литератору, — 43-х лет³⁷, — но знал много жизненных радостей и сам дарил другим радость щедрыми пригоршнями. С нежной признательностью поклонимся его праху.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д.Д. Николаев

«ТАКОГО ПИСАТЕЛЯ... В РОССИИ НИКОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛО»

(АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО И ЕГО ПЕРВЫЕ КНИГИ)

1910 год стал знаменательным для русской юмористики. Изданные в течение этого года книги Аркадия Аверченко пользовались феноменальным успехом у читателей и перевернули укоренившиеся в России представления о комическом. Четыре сборника рассказов Аверченко и вышедшие в том же году «Юмористические рассказы» Надежды Тэффи и «Сатиры» Саши Черного заставили говорить о расцвете юмористики как об одном из главных итогов литературного года. «Сейчас у нас в большом почете юмористика: подошла для нее благодатная и счастливая полоса», — утверждал в сентябре 1910 года Виктор Гофман (Новый Журнал для Всех. 1910. № 23. Сентябрь. С. 120). «Весельй “Сатирикон” и отдельные книжки гг. Аверченко, Тэффи, Саши Черного расшевелили российского читателя. Юмористика пошла в ход», — подчеркивали в конце 1910 года «Биржевые Ведомости» (Смех жизни // Биржевые Ведомости. 1910. № 12081. 18 (31) декабря. Веч. вып. С. 3).

Всплеск интереса к юмористике вызывал положительные эмоции далеко не у всех критиков. Для некоторых это было сродни недавнему увлечению «пинкертоновщиной» — и то, и другое они объясняли невзыскательным читательским вкусом, а произведения Аверченко и других юмористов считали «однодневками». Однако время показало, что читатели не ошиблись. Книги, впервые изданные в 1910 году, читаются и сейчас, в наши дни. Веселье юмористические рассказы Аверченко, как и произведения других выдающихся юмористов — Марка Твена, Джерома К. Джерома, О. Генри, П.-Г. Вудхауза, — оказались долговечнее многих «серьезных» сочинений.

Написать по-настоящему смешной юмористический рассказ, тем более рассказ, комизм которого сохраняется на протяжении ста с лишним лет, — великое искусство. Развеселить читателя часто гораздо сложнее, чем вызвать у него слезу или напугать его. Сам Аверченко отмечал в юмористическом руководстве «Как писать рассказы»:

Рассказ юмористический. Это самый трудный род рассказов, и хотя шаблон великое дело, но и он не спасет всякого начинающего от затруднений. Легко заставить шевелиться волосы на голове читателя от описания зарезанного призрака, легко довести до истерики рассказом о страданиях замерзающего шарманщика, но попробуйте рассмешить читателя так, чтоб он, даже много времени спустя, усмеялся и говорил, крутя готовой:

— Ах, чтоб тебя! Ну и написал...

Медуза-Горгона [Аверченко А.Т.] Как писать рассказы. (Опыт руководства) // Сатирикон. 1908. № 22. 6 сентября. С. 7

Руководство это было напечатано в «Сатириконе» в сентябре 1908 года, когда и Аверченко, и журнал только начинали свой путь к славе... Известных писателей-юмористов в России до Аверченко было немало, но их не хотели пускать даже на порог так называемой «большой» литературы — подчеркнуто серьезной, если и признающей смех, то только бичующий социальные пороки. А у тех, кого признавали классиками, юмористические произведения считали чем-то вторичным, менее значительным, «шалостями пера». Исключением не стал даже А.П. Чехов, которого превратили в «певца русских сумерек», — этот штамп Аверченко не раз высмеивал в своих произведениях.

Аверченко удалось сделать, казалось бы, невозможное: он заставил признать, что смешить — настоящее искусство, что очищение радостью ничуть не менее действенно, чем очищение состраданием или страхом. «Смех по традициям доброй старой русской литературы был строго-настрога запрещен. Смеяться можно было только “сквозь слезы”, предварительно четырежды прочитав, — вспоминала Надежда Тэффи. — И вдруг засмеялся Аверченко. Пришел из далекой провинции, веселый, здоровый, широкоплечий. Удивились все, смутились» (*Тэффи Н.А.* Об Аркадии Аверченко // *Звено.* 1925. № 111. 16 марта. С. 2). Впрочем, дело, конечно, было не в провинциальном происхождении. Начало творческого пути Аверченко достаточно традиционно для юмориста, дебютировавшего в начале XX века. Эпизодические публикации в провинциальных газетах и журналах, активное сотрудничество в сатириче-

ских изданиях эпохи «свободы печати» (1905–1907 гг.), переезд в Петербург, работа в ежедневной и еженедельной прессе...

К Аверченко пришла слава, но нельзя сказать, что она досталась ему легко: путь к литературному успеху оказался долгим. Первая книга писателя вышла в начале марта 1910 года — можно сказать, что такой подарок Аверченко получил или, точнее, сделал себе сам на 30-летие. Он родился в Севастополе 15 (27) марта 1880 года. Правильный год рождения был установлен сравнительно недавно. В.Д. Миленко обнаружила в севастопольском архиве данные из метрики Петропавловской церкви за 1880 год (см.: Миленко 2003; см. также: Миленко 2010). Сам писатель, его друзья и коллеги по «Сатирикону» (в основном со слов Аверченко) указывали иные данные. В одной из публикаций Аверченко сообщал, что родился в 1882 году. Аркадий Бухов считал, что год его рождения — 1883-й, а Ефим Зозуля, описывая первую встречу с Аверченко в 1914 году, замечал: «На вид он казался лет 34–35-ти. Да так ему примерно и было»¹. На установленном на могиле писателя в Праге памятнике выбито: «Род. 6.Ш.1884 в Севастополе». По словам Петра Потёмкина, Аверченко часто повторял, что появился на свет «под звон колоколов в праздничный день (день восшествия на престол Александра III)» (*Потёмкин П.* Об Аркадии Аверченко // *Последние новости.* 1925. № 1500. 15 марта. С. 2; с. 709 наст. изд.) — то есть в 1881 году. Подтверждение этому мы находим и в юмористической «Автобиографии», опубликованной в сборнике «Веселье устрицы»:

Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но — я до сих пор не понимаю — при чем здесь еще какой-то праздник?

С. 524 наст. изд.

Но «Автобиография» Аверченко — это художественный текст, который нельзя рассматривать как достоверный биографический источник. А от прямого ответа на вопросы о своем возрасте Аверченко явно уклонялся. «Сколь-

---

¹ Воспоминания Е. Зозули здесь и далее цитируются по публикации Д. Неустроева в журнале «Русская жизнь» (2008. № 9–12).

ко вам лет? — Не знаю. — То есть как не знаете?! — Так и не знаю. Когда был совсем маленьким, не умел считать, а вырос — сбился» (Аркадий Аверченко (Интервью) // Эхо. 1923. № 6 (682). 9 января; Виленское Утро. 1923. № 492. 20 февраля) — вот фрагмент из интервью, опубликованного в январе 1923 года в прибалтийских газетах.

Свидетельств о жизни Аверченко до конца 1907 года немного, и мемуарные заметки тех, кто встречался или якобы встречался с Аверченко в его молодые годы, мало что проясняют. «Аркаша Аверченко был высокий, худой как жердь, молодой человек. Помню его в черном зимнем пальто, с барашковым воротником и каракулевой шапке. Служил он тогда счетоводом в конторе некоего Рабиновича, помещавшейся на Рьмарской улице, напротив театра Коммерческого клуба. Вывеска на доме гласила: “Соляно-промышленное предприятие Рабиновича”» (Левицкий 1973: 48), — рассказывая о событиях более чем пятидесятилетней давности, антрепренер Л. Леонидов приводит множество деталей, но вот насколько они точны?

Аверченко не любил вспоминать о своей молодости, хотя и использовал наблюдения тех лет в художественных произведениях. А.И. Куприн отмечал:

Счастьем для таланта Аверченко было то, что его носитель провел начало своей жизни не в Петербурге, в созерцании, сквозь грязный туман, соседнего брендмауэра, а побродил и потолкался по свету. В его памяти запечатлелось ставшее своим множество лиц, говорюв, метких слов и оборотов, включая сюда и неуклюже-восхитительные капризы детской речи. И всем этим богатством он пользовался без труда, со свободой дыхания.

Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон» // Сегодня. 1925. 29 марта. № 72. С. 10; с. 712 наст. изд.

Время от времени у Аверченко встречаются прямые отсылки к былым временам, однако правду от вымысла отличить практически невозможно. Так, портреты родных — отца, матери, братьев, сестер — создаются и в «Автобиографии», и в ряде рассказов («Отец», «Одинокий Гржимба»), но Аверченко демонстративно сохраняет противоречия в текстах, подчеркивая, что перед читателем художественные образы, а не документальные свидетельства.

Возможно, Аверченко немного стеснялся и своего происхождения, и своего «конторского» прошлого (службы сначала писцом в транспортной конторе в Севастополе, а затем в Акционерном обществе Брянских каменноугольных копей), хотя сам с готовностью иронизировал на данную тему:

Работал я в конторе преотвратительно и до сих пор недоумеваю: за что держали меня там шесть лет, ленивого, смотревшего на работу с отвращением и по каждому поводу вступавшего не только с бухгалтером, но и с директором в длинные, ожесточенные споры и полемику.

Вероятно, потому, что был я превеселым, радостно глядящим на широкий Божий мир человеком, с готовностью откладывая работу для смеха, шуток и ряда замысловатых анекдотов, что освежало окружающих, погрязших в работе, скучных счетах и дразгах...

С. 531 наст. изд.

По словам художника Николая Ремизова, друзьям Аверченко рассказывал разве что о бурных холостяцких вечеринках, в которых принимал участие в юношеские годы: «Однажды, во время такой пирушки, когда ее участники уже были сильно навеселе, осколок разбитого стекла попал в глаз Аверченко и вызвал повреждение, оставшееся на всю жизнь» (Левицкий 1973: 41). Правда, по версии, которую излагает Ефим Зозуля, глаз выбило осколком, когда «психически заболевший человек ударил палкой в стеклянную дверь, за которой стоял Аверченко»... А Николай Брешко-Брешковский утверждал, что Аверченко «потерял глаз на родном юге, вступившись за женщину, с которой познакомился за пять минут до того, как она стала жертвой нападения» (*Брешко-Брешковский Ник.* А.Т. Аверченко: К 10-летию со дня смерти русского юмориста // *Иллюстрированная Россия*. 1935. № 13. С. 15).

В предисловии к сборнику «Рассказы (юмористические). Книга вторая», известном — по заглавию на обложке — как «Зайчики на стене», Аверченко писал:

Когда я выпустил свою предпоследнюю книгу, кое-кто задал мне вопрос: не слишком ли много я пишу? Не много ли это — в один год три книги?

Я тогда промолчал, потому что знаю хороший тон, потому что знаю — не принято автору вступать в полемику со строгими угрюмыми критиками.

Теперь же — возражая критикам в настоящем предисловии, я не рискую заслужить упрек в бестактности, потому что начинаю *первый*...

И вот мои возражения:

Если все мои книги и выпущены в текущем году, то писались они в течение трех лет.

С. 179–180 наст. изд.

Отвечая строгим критикам, автор в данном случае немного погрешил против истины: использовал слово «писались» там, где надо было бы сказать «печатались». Включенные в четыре первых сборника Аверченко рассказы действительно в течение трех лет — с 1908 по 1910 год — публиковались на страницах периодических изданий. Но вот работать над некоторыми из них Аверченко начал раньше — еще в пору пребывания в Харькове. Кое-что из своих прежних произведений он затем перепечатал в столице — без указаний на то, что это перепечатки, кое-что из них использовал при создании новых. И изданные в 1910 году книги нужно рассматривать как итог не трех лет, а всего предшествующего творческого пути писателя. За этими сборниками стоят почти десять лет работы и поиска своего стиля, вне их остались сотни написанных к тому времени рассказов и фельетонов, которые автор по разным причинам не считал нужным включать в книги.

О своих первых публикациях в провинциальной прессе Аверченко предпочитал не вспоминать. В автобиографии он указывал, что дебютировал рассказом «Праведник» (см. с. 531 наст. изд.), хотя перед этим некоторые рассказы Аверченко уже печатались в харьковских изданиях. В 1902 году в журнале «Одуванчик» появляется рассказ «Уменье жить», а 31 октября 1903 года в газете «Южный Край» — рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь».

«Праведник» — первая публикация Аверченко в столичной прессе. Рассказ напечатал в 1904 году петербургский «Ежемесячный Журнал для Всех». «С переходом к В.С. Миролюбову журнал очень оживился и привлек к себе лучшие новые литературные силы — Чехова, Горького, Леонида Андреева, Вересаева, Чирикова, Бальмонта и мн. др.» — отмечалось в 1905 году в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ 1890—1907/1а доп.: 761). Но при относительной дешевизне номеров заполнять их исключительно произведениями известных писателей, требовавших серьезные гонорары, было для журнала затруднительно. Именно поэтому издатель В.С. Миролюбов и редактор П.В. Голяховский уделяли значительное внимание работе с начинающими литераторами, которым можно было почти ничего не платить. Качество материалов при этом не должно было страдать, поэтому отбор велся весьма строгий — и не только Аверченко, но и некоторые другие знаменитости впоследствии указывали в качестве первой или одной из первых публикации в миролюбовском журнале. Конечно, не все из тех, кого открывал для широкой публики «Ежемесячный Журнал для Всех», обрели потом популярность,

но всё же подбору авторов — и уже известных, и дебютантов — могло позавидовать любое другое издание².

В указателе содержания журнала за 1904 год, приложенном к декабрьскому номеру, первым — по алфавиту — шел именно Аверченко. Ну а в четвертом, апрельском, номере, где опубликован «Праведник», с его рассказом соседствовали стихи А.М. Фёдорова, Ю.К. Балтрушайтиса, Allegro, Л.М. Василевского, С.К. Маковского, А.А. Блока, рассказы Allegro, А.С. Серафимовича, Д.Я. Айзмана, Скитальца, К.М. Фофанова, В. Бобринской, И.Д. Сургучёва — для последнего это, кстати, также стало дебютом в столичной прессе.

Номер был не простой: вполне подходящий по названию рассказ Аверченко редакция включила в ряд произведений, так или иначе связанных с великопостной тематикой. В результате «Праведник» был воспринят слишком «всерьез». Впоследствии Аверченко в рассказе «Мальчик с затекшим глазом» высмеял критиков, рассуждавших о «глубокой безысходной трагедии», что разыгрывается на протяжении нескольких страниц «презабавного», по мнению автора, юмористического рассказа (см. с. 347 наст. изд.), но так ли уж виноваты были критики? Их восприятие предопределил контекст. Вряд ли был расположен смеяться человек, перед этим прочитавший, к примеру, стихотворение Блока «Из газет», заканчивавшееся в журнальном варианте так: «— Мамочке не больно, милье детки, | Мамочка сама на рельсы легла. <...> Доброму человеку, толстой соседке | Спасибо, спасибо. Мама не могла. | Мамочке хорошо. Мама умерла» (С. 196).

Кроме того, по своей стилистике рассказ Аверченко не выделялся на общем фоне. Написанный в традиционной манере, он напоминал бытовую зарисовку. Стремление к правдоподобию, повествование в настоящем времени (что, например, у Н.А. Лейкина — популярнейшего русского писателя-юмо-

---

² В 1904 г. там печатались стихи А. Блока, Н. Минского, С. Маковского, Н. Абрамовича, К. Фофанова, Л. Андрусона, Скитальца, П. Соловьёвой (Allegro), Г. Галиной, А.М. Фёдорова, В. Брюсова, М. Пожаровой, К. Бальмонта, И. Бунина, А. Белого, В. Башкина, М. Бескина, А. Рославлева, Л. Семёнова, З. Гиппиус, В. Гофмана, Н. Крандиевской и др., повести, рассказы, очерки и статьи Н. Тимковского, Д. Мамина-Сибиряка, И. Наживина, С. Гусева-Оренбургского, А.Ф. Кони, С. Маковского, А. Кизветтера, Е. Чирикова, Б. Лазаревского, М. Арцыбашева, К. Баранцевича, С. Елпатьевского, Н. Крашенинникова, С. Елеонского, А. Зарина, Н. Данарова, П. Пильского, Е. Лундберга, И. Сазанова, М. Первухина, С. Сергеева-Ценского, А. Чеботаревской, Д. Философова и др.

риста последней трети XIX – начала XX века – подчеркивало достоверность изображаемого), обилие подробностей, бытовых деталей заслоняло комизм. Приведем для сравнения финальные строки «Праведника» Аверченко и ряда других рассказов, опубликованных в номере:

Людно, но тихо в подвале. С важным, прекрасным лицом лежит в гробу Рыжик, склонив на груди прозрачные, застывшие руки.

Священник в серебряной ризе молится об упокоении души новопреставленного раба Божия Бориса, и над гробом, вместо мрачных и давящих измученную душу погребальных молитв, раздаются великие радостные слова света и жизни:

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...»

Allegro. Светлая ночь (С. 202)

В спальне, уставившись большими глазами в открытую дверь, женщина уныло качала головой.

Д. Айзман. Мечты (С. 210)

Псаломщик, склонившись на плечо к старику и закрыв лицо руками, рыдал, и странно было видеть, как его большая, косматая голова вздрагивала от всхлипываний.

И. Суфгучёв. Горе (С. 216)

Через минуту Фома Еремеич, еще более похудевший и печальный, шагает по улице. Во впадинах под глазами сверкает по слезинке и губы дрожат от недавней обиды.

Он бросает взгляд на залитую холодным лунным светом улицу, на прозрачное звездное небо и шепчет сокрушенно:

– Такой широкий мир, и так мало правды... Боже ты мой!..

А. Аверченко. Праведник (С. 219)

Из этой публикации Аверченко сделал необходимые выводы. В дальнейшем он стремится исключить возможность сопереживания, подчеркивая «выдуманность» описываемых событий за счет активного использования гиперболы, буффонады, явной неправдоподобности ситуаций. Пристальное внимание обращает он и на контекст, сознавая, что опубликованное в газете, журнале или в составе сборника произведение воспринимается читателем в

определенном ряду. Кстати, рассказ «Праведник» Аверченко перепечатывает в 1909 году в «Сатириконе» практически без изменений, словно доказывая, что контекст влияет на восприятие текста. А вот включая «Праведника» в сборник — первую книгу «Рассказов (юмористических)», — Аверченко заменяет финальное «Боже ты мой!..» на «Гм... Даже странно!», тем самым заметно снижая пафос.

«Праведник» — не единственное произведение харьковского периода, впоследствии перепечатанное писателем в столичной прессе. На страницах «Стрекозы» появляется целый ряд миниатюр из харьковских журналов Аверченко «Штык» и «Меч». Фактическим редактором, а заодно и главным автором и художником этих изданий Аверченко был в годы первой русской революции. Можно сказать, что Аверченко принадлежит к поколению литераторов, по-настоящему заявивших о себе в период цензурных послаблений, связанных с объявлением Манифеста 17 Октября. В 1920 году, в рассказе «Фокус великого кино» Аверченко называет день, когда народу были дарованы свободы слова, печати, союзов и собраний, «самым счастливым моментом во всей нашей жизни».

В 1905–1907 годах юмористика резко отходит на второй план. Настает время политической сатиры. За два с небольшим года в России было издано свыше трехсот сатирических журналов общим тиражом приблизительно в 40 миллионов экземпляров. В них принимали участие многие известные писатели, в том числе и далекие ранее от политики и от сатиры. Появилось и немало новых имен. Молодежь получила возможность широко издаваться, поскольку многочисленным сатирическим журналам требовались авторы. Символистов и знаньевцев, маститых и совсем юных, газетных фельетонистов и «серьезных» писателей объединили общие оппозиционные настроения. При этом популярностью пользовались произведения как «традиционалистов», так и «новаторов».

Именно возможности, открывшиеся после объявления «свободы печати», сыграли решающую роль в том, что Аверченко стал профессиональным писателем и журналистом. В юмористической «Автобиографии» он так описывает этот период своей жизни:

Написав за два года четыре рассказа, я решил, что поработал достаточно на пользу родной литературы, и решил основательно отдохнуть, но подкатился 1905 год и, подхватив меня, закрутил меня, как щепку.

Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех, и совершенно забросил службу...

С. 531–532 наст. изд.

«Журнал сатирической литературы и юмора с рисунками» «Штык» начал выходить в Харькове в сентябре 1906 года. Строгую периодичность соблюдать не удавалось — как по финансовым, так и по цензурным соображениям. «По не зависящим от редакции причинам, настоящий № “Штыка” выходит в свет после значительного перерыва», — сообщила редакция в пятом номере, а всего в 1906 году вышло 6 номеров. Редакция и контора журнала располагались в доме Рапп в Харинском переулке — он сохранился до наших дней. В качестве издателя выступал Е.Ф. Тихонович, а редактором сначала был А.И. Бахмач, которого с четвертого номера сменил Аверченко. Сквозная нумерация была продолжена в 1907 году, в начале которого удалось выпустить еще три номера. На смену «Штыку» пришел «сатирический журнал» «Меч» (его редактором-издателем значилась уже Е.А. Тихонович).

«Как будто кроваво-красная ракета взвилась в 1905 году, — вспоминал Аверченко в 1913 году. — Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью» (Новый Сатирикон. 1913. № 28. С. 6). Данное им определение — «кроваво-красные» — отражает не только внешний облик изданий, в оформлении которых любили использовать красный цвет. «В революционные годы смеялись кровавыми слезами, — вспоминал впоследствии П.Я. Рысс в статье “О смехе”. — Была сатира, но не было смеха» (День. 1914. 22 февраля. № 51. С. 3). Некоторые из журналов, по сути дела, вообще не являлись сатирическими, несмотря на то, что объявляли себя таковыми. В других сатира соседствовала с гражданской лирикой, с призывами к восстанию, с бытовыми зарисовками. На мортальную стилистику сатирических журналов обращал внимание и Аверченко в очерке «Memento mori», опубликованном в девятом номере «Штыка»:

Я успеваю нарисовать их в день около десятка...

Я хочу успевать рисовать их в день около двух десятков!

И во всё время работы я предвкушаю хороший гонорар от редактора.

У меня много способов рисовать их:

Просто череп (спереди, сзади, сбоку)...

Череп рядом с бомбой.

Череп с нагайкой в зубах.
Череп с косой.
Череп с кинжалом, воткнутым в глаз!
Это, по-нынешнему, называется «виньеткой».

Теперешних редакторов хлебом не корми — дай им только череп в вышеперечисленных или других каких-нибудь комбинациях.

Большой спрос также на целые скелеты, но это уже считается не виньеткой, а рисунком...

И мы, скромные труженики, поневоле должны следовать этим погребальным вкусам...

Тщетно я и один мой коллега пытались всучить рисунки на более оживленные темы (драка зятя с тещей, мальчишка с собакой, попойка друзей)...

Отсутствие черепа губило эти мирные, скромные произведения.

Они безжалостно отвергались! <...>

Потом и я постепенно втянулся в эту работу и теперь считаюсь одним из специалистов по черепам.

Целые скелеты также мне удаются, и я даже стал придавать им некоторую индивидуальность...

Штык. 1907. № 9. С. 6–7.

Подписано: *Аркадий А.*

Спустя год с небольшим Аверченко напишет об этом уже в «Сатириконе», в очерке «В дни свободы. Мемуары»:

Редактору юмористического журнала не было лучшего удовольствия, как получить от сотрудника-художника пару-другую черепов для издания.

Редактор ходил целый день как именинник.

Иногда внезапно вырастал спрос на целые скелеты, но это уже называлось не виньеткой, а рисунком.

Сатирикон. 1908. № 18. 9 августа.

С. 14

В харьковских журналах Аверченко действительно множество скелетов и черепов, а вот веселый смех, с которым привыкли потом связывать имя писателя, встречается редко. В то же время их содержание определяли именно особенности дарования Аверченко. Как правило, в сатирических журналах эпохи первой революции значительную часть каждого номера занимали иллюстра-

ции, а литературный отдел заполнялся произведениями сверхмалых жанров и стихами. Рассказы и прозаические фельетоны появлялись сравнительно редко. В «Штыке» всё было наоборот: хотя Аверченко писал и стихи, и даже рисовал карикатуры, виньетки и проч., всё же основу выпусков составляла проза. Это могли быть сценки, рассказы, фельетоны, сказочки, а также всевозможные «мелочи».

В журналах помещались преимущественно материалы на общественно-политические темы, но наряду с этим Аверченко рисовал шаржи на Горького, иронизировал над «бесконечной полемикой» Чуковского с Баранцевичем по поводу того, идет лошадь или едет, писал театральные обозрения. В шестом номере «Штыка», в фельетоне «Около Мельпомены», появляется образ «театральной крысы», который писатель впоследствии использует, давая название одному из своих сборников в дешевой юмористической библиотеке «Сатирикона» — «Записки театральной крысы» (см.: Штык. 1906. № 6. С. 10. Подписано: А.).

А в седьмом номере журнала сообщалось:

Начиная с настоящего номера, редакция решила дать серию юмористических рассказов, не имеющих отношения к текущей злобе дня.

Первый рассказ из серии — «Из-за презренного металла» — помещен в конце этого номера.

№ 7. С. 3³

Излишне, наверное, пояснять, что юмористический рассказ — или, как было обозначено в журнальной рубрике, «юмористический фельетон» — принадлежал перу Аверченко (см.: *Аверченко А. Из-за презренного металла* // Штык. 1907. № 7. С. 10–12). В последнем, девятом, номере «Штыка» опубликован еще один «юмористический фельетон» Аверченко — «Дорогой подарок» (см.: С. 11–12).

Аверченко чувствовал, что вкусы аудитории изменились: читатели устали от бесконечных черепов и обличений депутатов Государственной Думы. О происходивших переменах он написал затем в очерке «В дни свободы. Мемуары»:

---

³ Отметим попутно, что схожего рода объявления, отражавшие аналогичные перемены, помещались затем еще в двух журналах, тесно связанных с Аверченко, — петроградском «Барабане» и парижемском «Биче». Подробнее об этом см.: Николаев 2017а.

Началось это с того, что редакторы стали сначала равнодушными, потом мхурыми, а потом как-то один из них заметил мне:

– Неужели вам еще не надоела эта дрянь?

– Какая дрянь?

– Эти вот ваши скелеты и черепа.

– Но ведь у нас свобода!

– Перестаньте болтать глупости, нарисуйте что-нибудь веселенькое... Ну хотя негра, танцующего матчиш, что ли...

Сатирикон. 1908. № 18. 9 августа. С. 15

«Штык» пользовался популярностью не только в Харькове, но и за его пределами. Сперва отделения журнала появились в Петербурге («Книжно-газетная экспедиция Эммануил Голомб и К°») и в Москве («Московское газетное и книжное агентство А.А. Ярцев и К°»), затем – в Екатеринославе («Книгоиздательство “Эхо” Сандомирского»), Харбине («Книгоиздательство газеты “Новый Край”»), Полтаве, Баку и Красноярске. «Контора редакции просит г.г. комиссионеров и представителей журн. “Штык” в других городах сообщить свои полные адреса для помещения в публикуемом списке представительств», – указывала редакция в объявлении о готовящемся к изданию десятом выпуске (Штык. 1907. № 9. С. 13). Однако история «Штыка» закончилась на девятом номере, десятый так и не вышел. В «Автобиографии» Аверченко так описал завершение харьковского периода своей жизни:

Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу их из карманных денег.

Я отказался по многим причинам, главные из которых были: отсутствие денег и нежелание потворствовать капризам легкомысленного администратора.

Увидев мою непоколебимость (штраф был без замены тюремным заключением), Пешков спустил цену до ста рублей.

Я отказался.

Мы торговались, как маклаки, и я являлся к нему чуть не десять раз. Денег ему так и не удалось выжать из меня!

Тогда он, обидевшись, сказал:

— Один из нас должен уехать из Харькова!

— Ваше превосходительство! — возразил я. — Давайте предложим харьковцам: кого они выберут?

Так как в городе меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желании граждан увековечить мой образ постановкой памятника, — то г. Пешков не захотел рисковать своей популярностью.

И я уехал, успев все-таки до отъезда выпустить 3 номера журнала «Меч», который был так популярен, что экземпляры его можно найти даже в Публичной библиотеке.

С. 532 наст. изд.

Итогом короткого, но очень яркого периода расцвета сатирической журналистики стали, во-первых, возросший интерес читателей к комическому, а во-вторых, изменение отношения к сатире и юмору. Долгие годы в сознании и писателей, и читателей стараниями прежде всего «публицистической» критики юмор утверждался как «второсортная» форма комического, по своим задачам заведомо уступающая сатире, а обличительный пафос считался важнее эстетической ценности произведения. Сатирическая журналистика 1905–1907 годов показала, что само по себе обличение, если оно не сочетается с художественным мастерством, лежит за пределами литературы. Среди трехсот журналов лишь малая часть действительно являлась органами «художественной сатиры» — выделялись «Зритель», «Адская Почта», «Жупел», «Леший», «Сигнал» («Сигналь»), «Маски», еще несколько изданий. Содержание же большинства остальных сводилось к набору дежурных «обличений», виршам на актуальные темы и рисункам, выполненным на самодеятельном уровне.

Крайне важным оказалось и то, что практически устранены были цензурные ограничения; исчез «порог дозволенности», и уже невозможно было кого-либо привлечь смелостью в выборе объекта для сатиры. После того, как мишенью для сатирических стрел стал сам Николай II, выпады в адрес более мелких «угнетателей» уже не вызывали большого интереса. И журналы по большей части прекращали свое существование вовсе не из-за цензурных гонений, а из-за отсутствия спроса. Огромным успехом любые сатирические издания пользовались лишь в первое время, когда они воспринимались как нечто новое, сенсационное, ранее запретное, когда на их страницы выплеснулось всё, что было накоплено за годы вынужденного молчания.

Харьковские журналы «Штык» и «Меч» показали способность Аверченко «чувствовать» аудиторию, раскрыли его писательский и редакторский талант и одновременно убедили самого Аверченко в том, что литературная и журналистская деятельность могут быть средством заработка. Однако в Харькове реализовать свой потенциал Аверченко не мог, и он отправляется в Петербург. Впоследствии в юмористическом очерке «Мы за пять лет. (Материалы)» Аверченко вспоминал:

Последние искорки ракеты гасли постепенно еще в 1906 году, а 1907 год был уже годом полной тьмы, мрака и уныния.

С горизонта, представляемого кожаной сумкой газетчика, исчезли такие пышные бодрящие названия, как: «Пулемет», «Заря», «Жупел», «Зритель», «Зарево», — и по-прежнему заняли почетное место загнанные до того в угол тихие, мирные «Биржевые Ведомости» и «Слово».

В этот период все успевшие уже привыкнуть к смеху, иронии и язвительной дерзости «красных» по цвету и содержанию сатирических журналов снова остались при четырех прежних стариках, которым всем в сложности было лет полтора: при «Стрекозе», «Будильнике», «Шуте» и «Осколках». Когда я приехал в Петербург (это было в начале 1908 года), в окна редакций уже заглядывали зловещие лица «тещи», «кушца, подвыпившего на маскараде», «дачника, угнетенного дачей» и тому подобных персонажей русских юмористических листков, десятки лет питавшихся этой полусгнившей дрянью.

Пир кончился...

Опьяневших от свободных речей гостей развезли по участкам, по разным «пересыльным», «одиночкам»; и остались сидеть за залитым вином и заваленным объедками столом только безропотные: «дачный муж», «злая теща» и «купец, подвыпивший на маскараде».

То, что называется — бедные родственники.

Таким образом, я приехал в столицу в наиболее неудачный момент — не только к шапочному разбору, но даже к концу этого шапочного разбора, — когда уже почти все получили по шапке.

Новый Сатирикон. 1913. № 28. С. 7

Аверченко рассчитывал устроиться в какой-нибудь юмористический журнал, но «Стрекозу» — один из старейших петербургских юмористических еженедельников, в редакцию которого он нанес первый визит, выбрал, по собственному признанию, скорее случайно. В столице в это время издавалось четыре

больших юмористических журнала — «Шут», «Осколки», «Стрекоза» и «Серый Волк», но редакции первых двух располагались «на далеких незнакомых улицах, где-то в глубине большого незнакомого города», а вот «Стрекоза» и «Серый Волк» находились в центре: «Стрекоза» — на Невском проспекте, а «Серый Волк» — на Мойке.

— Пойду я сначала в «Стрекозу», — решил я. — По алфавиту.

Вот что делает с человеком обыкновенный скромный алфавит: я остался в «Стрекозе».

Помню, провели меня в кабинет издателя М.Г. Корнфельда (редактор — маститый И.Ф. Василевский-Буква — в Петербурге не жил)...

Меня встретил совсем молодой бритый господин с ласковыми глазами и очень хорошими манерами. <...>

Мы разговорились.

— Материал принесли?

— Да, кое-что. Мелочи и рассказ.

— Вы работаете где-нибудь?

— Не... нет. Я недавно из Харькова.

— А там писали?

— Да, — с некоторой гордостью мотнул я головой. — Даже издавал сатирический журнал.

— И хорошо он шел?

— Не особенно. Три тысячи печатал.

— Ого! — искренне изумился издатель.

— Что «ого!»? — простодушно переспросил я. — Много, что ли?

— Конечно. У нас журнал старый, известный, издается в Петербурге, и то идет он не больше, чем вдвое против вашего.

Новый Сатирикон. 1913. № 28. С. 7

Действительно ли всё обстояло именно так или Аверченко что-то домыслил, мы не знаем, но выбор оказался удачным. Аверченко вспоминал, что уже на втором редакционном заседании он «предложил парочку тем для рисунков», а через неделю «был приглашен в качестве секретаря редакции и торжественно вступил в исполнение своих обязанностей» (Там же).

Произведения, которые без сомнения принадлежат Аверченко, появляются в 1908 году на страницах «Стрекозы», начиная с четвертого номера, датированного 27 января. Это короткие диалоги «По Горькому» (подписано: *Ave*),

«В недалеком будущем» (подписано: *Арк. А.*), «Операция» (подписано: *Ave*), а также немногим более объемные «Происшествия» (подписано: *Ave*).

До этого в конце 1907 — начале 1908 года в «Стрекозе» публиковались материалы, подписанные псевдонимами, которые использовал прежде Аверченко, но так же подписывались некоторые другие юмористы начала XX века. К примеру, редактор журнала И.Ф. Василевский (Буква) использовал в «Стрекозе» псевдоним «Азь» — именно так он подписывал, в частности, обзор «Матушка-провинция». Такой же псевдоним Аверченко мы встречаем в 1906 году в журнале «Штык». В журналах «Штык» и «Меч» писатель также пользовался псевдонимом «Мимоза», графически практически сливающимся с псевдонимом Бенедикта Адольфовича Катловкера — Шимоза⁴.

Надо сказать, что сперва Аверченко активно печатал в «Стрекозе» старый материал — тексты, уже публиковавшиеся прежде в Харькове, благо его провинциальные журналы новые столичные знакомые не читали⁵.

Первый рассказ Аверченко в «Стрекозе» — «Дебютант» — напечатан в седьмом номере (см.: С. 14–15). «Дебютантом» писатель впоследствии откроет свой первый сборник, словно подчеркивая, что его настоящая литературная карьера началась именно с данной публикации в «Стрекозе», тем более что и название у рассказа соответствует ситуации.

Отметим, что рассказ был опубликован с подзаголовком «шарж» — автор и редакция сочли нужным подчеркнуть тем самым степень «искажения». Дело в том, что заведомая неправдоподобность изображаемого в юмористическом рассказе могла вызвать возмущение критиков, да и значительной части читателей, привыкших к «объективированной» манере, доминировавшей в русской юмористике в конце XIX века — во многом под влиянием натурализма и тяготения к жанру очерка. Именно поэтому происходившие в рассказах

---

⁴ С псевдонимами Аверченко в «Сатириконе» были схожи два постоянных псевдонима Катловкера — Шимоза и Фальстаф.

⁵ Диалог «В недалеком будущем» прежде публиковался — под тем же названием и с подписью «Такой-то» в журнале «Штык» (см.: № 5. С. 5), а «Операция» — с подписью «Мимоза» (см.: № 7. С. 11). 3 февраля в пятом номере печатаются два диалога под общим названием «Процессы» за подписью «Мимоза» и диалог «Привычка», подписанный «Ave» (см.: С. 4). Последний печатался без подписи под названием «По привычке» в журнале «Штык» в составе подборки «Нечто о носках» (см.: № 5. С. 9). На с. 14 появились «Досадные опечатки (из газет)», подписанные «Ave», ранее опубликованные без подписи в журнале «Штык» (см.: № 7. С. 11).

невероятные события часто в финале объяснялись сном героя, над чем год спустя Аверченко иронизировал в рассказе «Загадка природы»:

Например, в нижеследующем рассказе я пишу о таких невероятных вещах, что всякий здравомыслящий читатель ни крошки не поверит, что это правда... Зная об этом, мои презренные коллеги прибегают в таких случаях к невероятно пошлому и навязшему в зубах приему: они разглагольствуют о самых небывалых, невозможных вещах в продолжение всей повести и в самом конце вскользя упоминают об очевидце рассказанной им чепухи:

— Но тут он... проснулся!

Подумаешь, будто читатель без этого поверил бы всем выдуманым ими нелепостям. И автор, полагающий, что он — крайне хитрый, себе на уме человек, в тысячный раз ставит между «но тут он» и «проснулся» многоточие. Он уверен, что читатель, прочтя «но тут он», всё еще будет думать обо всём рассказанном, как о голой правде, и слово «проснулся» застанет его врасплох, — изумленным и не подготовленным к ошеломляющему разоблачению автора.

Сатирикон. 1909. № 21. 23 мая. С. 4–5;
с. 135–136 наст. изд.

На протяжении нескольких десятилетий в русской юмористике акцент делался на подчеркнутой достоверности изображаемого, тексты преподносились читателям как зарисовки с натуры. Долгие годы самым известным и популярным русским юмористом по праву считался Н.А. Лейкин, под редакцией и при ближайшем участии которого выходил в Петербурге журнал «Осколки». Затем лучшие из своих рассказов и сценок Лейкин собирал в книги, которые тоже пользовались большой популярностью: многие из них регулярно переиздавались. «Первый газетный увеселитель и любимый комик петербургской публики» — так характеризовал его А.В. Амфитеатров (Амфитеатров [б. г.]: 285).

Лейкин продолжал активно работать и в начале XX века. Его рассказы и сценки печатались регулярно — из года в год, из номера в номер. Писатель почти не отклонялся от сезонно-бытового круговорота тем, каждый год начиная круг заново⁶. В творчестве Лейкина мы сталкиваемся прежде всего с социальными типами: многие его герои почти не индивидуализированы, они —

---

⁶ Например, миниатюра под заглавием «В чистый понедельник» публикуется в № 8 за 1901 г. Через год в восьмом номере новая сценка под тем же названием, а в 1904 г. о том, что случилось «в чистый понедельник», мы узнаём в № 7.

как в классицистической комедии — являются носителями определенной ярко выраженной социальной или психологической черты, своего рода «образами-понятиями». Очень часто профессия персонажа выносится в название («Баба-селедочница», «Кучер», «Гадалка», «Дворник», «Поэт», «Антрепренер и актер» и т. д.), что лишний раз подчеркивает типичность создаваемого характера. Персонажами произведений Лейкина обычно были «гостинодворцы» — купцы, приказчики, дворники и т. д.

Лейкин смеялся над покупателями и продавцами («В нотном магазине», «При покупке провизии», «В мясной лавке», «При покупке дров», «На аукционе вин» и т. д.), постоянно возвращался к ситуациям найма на работу («Наем репетитора», «Наем садовника», «Гувернантку ищет» и т. д.), поиска дачи («Дачу ищет», «При найме дачи», еще раз «При найме дачи», еще раз «Дачу ищет», «Дачу смотрят» и т. д.), рекрутского набора («Вынул жребий», в 1904 году — сразу две сценки под названием «Перед солдатским жребием» и т. д.). Большинство рассказов и сенок Лейкина в «Осколках» описывали «социальные» ситуации. Писатель почти не касался тех, кто состоял на службе у государства, — военных и чиновников, не обличал государственное устройство, но в остальном все сферы социальных отношений находили свое отражение в его творчестве.

Московским «двойником» Лейкина считался И.И. Мясницкий (Барышев). В журнале «Исторический Вестник» А.В. Крутлов отмечал:

Мясницкий — это московский Лейкин; как юморист он нисколько не уступит петербургскому. Он пишет не так много, как тот, и потому его талант сохранил большую свежесть. И.И. [Мясницкий] превосходно знает москвича и в особенности купца. Знает не только с внешней стороны, относительно лексики на его смешных слов; он изучил и его «душу», его психологию.

1895. № 12. С. 793

В целом к большинству произведений Мясницкого можно отнести почти всё, сказанное выше о Лейкине, — тот же круговорот тем, те же названия, те же герои... И у Лейкина, и у Мясницкого важную роль играет диалог, манера повествования, как правило подчеркнута объективная, почти не используется комизм авторской речи, редко встречаются подробно разработанные сюжеты, рассказы с динамичным развитием действия. Юмористы стараются максимально дистанцироваться от своего текста. Этому помогает и использование настоящего времени повествователем, и то, что основная нагрузка ложится не

на сюжет, а на высказывания персонажей, и фрагментарность изображения, построенного, как правило, на подробном рассказе либо об одном типе, либо об одной ситуации.

В 1907 году продолжавшие регулярно выходить ведущие русские сатирико-юмористические еженедельники — «Будильник», «Шут», «Осколки», «Стрекоза» и «Развлечение» — по-прежнему ориентировались преимущественно на традиционную манеру. Направление этих изданий в основном определяли «ветераны» — Н.А. Лейкин, И.И. Мясницкий, В.В. Билибин, И.Ф. Василевский (Буква), которые в целом сохраняли и старый круг тем, и прежний набор типов, хотя для многих читателей их герои, словно пришедшие из середины века девятнадцатого, уже не были срисованными с натуры и воспринимались как «пережиток прошлого».

Казалось бы, после 1905–1906 годов всё постепенно вернулось «на круги своя», но на самом деле за годы «свободы печати» перемены произошли кардинальные — и прежде всего значительно изменилась потенциальная читательская аудитория сатирико-юмористических журналов. В эпоху первой революции возрос престиж сатирических еженедельников: часто они затрагивали темы, недоступные более авторитетным «толстым» журналам, и поэтому на их страницах появились имена «серьезных» писателей, до этого зачастую «брезговавших» подобными изданиями. Среди сатирических журналов были такие, которые не только читались представителями самых образованных слоев русского общества, но и создавались (как, например, «Жупел» и «Адская Почта») в расчете на них. Публика получила возможность познакомиться и с целым рядом новых авторов, причем одно произведение могло принести известность, ведь тираж некоторых номеров существенно превосходил совокупный разовый тираж всех старых журналов.

Можно сказать, что именно благодаря бурному всплеску сатиры в период первой русской революции затем началось не менее бурное развитие русской юмористики. 1908 год стал переломным — отсюда надо вести начало нового этапа развития русской комической литературы, и связано это начало с возникновением нового сатирико-юмористического журнала.

Опыт, мастерство, стилевое многообразие творчества писателей и художников «новой волны» — всё это позволяло им создать свой еженедельный журнал и «бросить вызов» представителям старой школы. Но годы первой революции показали, что с признанными изданиями соперничать очень трудно: отдельные номера могут пользоваться популярностью, однако собрать до-

статочное количество подписчиков не удастся. И здесь как нельзя кстати оказалось желание нового владельца «Стрекозы» реформировать полученный в наследство журнал. В годы первой революции почти все старые журналы сменили хозяев, но лишь в «Стрекозе» во главе предприятия стал человек, ранее далекий от литературы и журналистики, не скованный групповыми и вкусовыми пристрастиями. И появление в редакции Аверченко, имевшего опыт руководства харьковскими журналами и одновременно способного наполнять литературный отдел своими произведениями, сыграло в трансформации «Стрекозы» в «Сатирикон» важную роль.

Создатель «Стрекозы» Г.К. Корнфельд умер 27 ноября 1904 года. «Со дня выхода в свет первого номера “Стрекозы” (1-го декабря 1875 года) и вплоть до составления им последнего, сорок восьмого, номера (28-го ноября нынешнего года), покойный отдавал журналу всё свое время, все свои труды и даже все свои досуги», — подчеркивалось в опубликованном в журнале некрологе (Стрекоза. 1904. № 49. С. 1).

До конца 1904 года и первые 12 номеров 1905 года за издателя номер подписывают «наследники Г.К. Корнфельда», а с № 13 в качестве издателя значится Э.М. Корнфельд, однако фактическим руководителем журнала становится сын Г.К. Корнфельда — М.Г. Корнфельд. В своих воспоминаниях он писал:

Когда после смерти моего отца я принял решение продолжать его издательское дело, я в первую очередь имел в виду заняться преобразованием «Стрекозы», привлечь новых сотрудников, имея перед глазами окруженный ореолом недостижимости образец: мюнхенский «Симплициссимус». События 1905 и 1906 годов изменили мои первоначальные планы, которые, впрочем, не отличались большой отчетливостью. Сквозь туман стали намечаться конкретные проблемы, требующие спешных решений. Между тем старые юмористические журналы продолжали прозябать. Я же решил не спеша приступить к фактической реорганизации одного из них: находящейся в моем распоряжении «Стрекозы», начиная с перемен в личном составе.

Корнфельд 1990: 269–270

Нужно отметить, что процесс реформирования действительно шел «не спеша». Открывшиеся в 1905 году возможности и возрастающая конкуренция со стороны новых изданий повлекли за собой определенные перемены, хотя редактором журнала оставался И.Ф. Василевский (Буква), руководивший «Стре-

козой» фактически с момента ее появления. В конце года меняется оформление журнала. С ноября он именуется в подзаголовке уже не «художественно-юмористический журнал», а «еженедельный политико-сатирический и художественный журнал», а в рекламном объявлении «Стрекозу» представляют как «орган самосознания, трезвой русской правды и литературного массажа» (№ 46. С. 14). В том же году в журнале появляются будущие сатириконцы — начиная с № 41, где помещен шарж «М. Горький и его тень», в «Стрекозе» регулярно печатается Ре-Ми, публикуются произведения Вилли (В.Е. Турок). В 1906 году в «Стрекозе» в № 13 помещается рисунок еще одного из будущих лидеров «Сатирикона» — художника А.А. Юнгера (Баяна). В № 45 появляется цветная обложка — прежде журнал был черно-белым. «Стрекоза» стремится сочетать юмор и сатиру, не касаясь, правда, каких-то особо существенных тем. О содержании журнала в это время можно судить по названиям постоянных рубрик: «Матушка-провинция», «Текущие дела и делишки», «Заметки современника», «Театральный сезон», «Почтовый ящик “Стрекозы”». В рекламном объявлении, опубликованном в № 10 за 1907 год, редакция заявляет: «Журнал, вполне сохраняя свой основной темперамент веселого собеседника и трезвого философа, — посвятил себя политике, потому что наши дни это — время политического безвременья» (С. 2).

В январе 1907 года умирает ведущий художник «Стрекозы» А.А. Лабуц (Овод). В том же году в журнале начинают печататься А.В. Ремизова (Мисс), А.А. Радаков, А.Е. Яковлев, Н.Н. Герардов. Кстати, имена будущих сатириконов появлялись прежде и на страницах других юмористических еженедельников-«долгожителеев». Радаков печатал свои стихи и рисунки в «Шуте» в 1903 году, там же в 1906 году сотрудничал Вилли. В 1901 году «Шут» опубликовал ряд стихотворений «из античного мира» Ал. Кондратьева. В «Стрекозе» его стихотворение «Афродита» появилось 16 декабря 1907 года, в № 50 в качестве подписи к полосному рисунку Я.Я. Бельзена, а впоследствии именно стихи Кондратьева разместили на обложке первого номера «Сатирикона».

В 1907–1908 годах в «Стрекозе» в целом выдерживалась жесткая структура номера, причем в беллетристическом отделе преимущество отдавалось сверхмалым формам и обзорениям. На обложке традиционно помещалась большая карикатура. Вторую полосу занимало фельетонное обзорение «Текущие дела и делишки», складывающееся из отдельных «пунктов», — оно могло переходить и на третью страницу. Оставшаяся часть третьей и четвертая-пятая страницы составлялись из стихотворений и прозаических мелочей (иногда сгруппированных) — анекдотов, диалогов и т. д., плюс около трети каж-

дой полосы занимала карикатура. Шестая страница отводилась под рубрику «Театр». Окончание театральной рецензии, проиллюстрированной шаржами и зарисовками, могло помещаться на седьмой странице, а оставшуюся ее часть заполняли мелочи, стихи и карикатура. На центральном развороте — страницы 8 и 9 — часто публиковалась серия рисунков с подписями (в № 46 за 1907 год — «Провинциальные картинки», в № 49 — «Высшие меры наказания», в № 50 — «2-й вечер Айседоры Дункан», в № 51 — «Сон в Рождественскую ночь» Радакова, и др.). Страницы 10–12 отдавались под рекламные объявления. Если сторонних объявлений было много, то реклама самой «Стрекозы» — объявление о подписке — переносилась на страницу 13, которую в прочих случаях целиком занимала карикатура. На последнем развороте размещались еще одна карикатура, «Почтовый ящик» и большая рубрика «Матушка-провинция», состоявшая, как и обозрение «Текущие дела и делишки», из отдельных фрагментов. Заднюю страницу обложки вновь целиком занимал рисунок.

Разумеется, в конечном счете содержание номера в каждом случае зависело от материала, но, когда объявлений не доставало или не было разворотного рисунка (серии рисунков), освободившиеся полосы также заполнялись преимущественно набором стихов, мелочей и иллюстраций. Достаточно объемные сценки или рассказы в журнале стали регулярно помещать лишь в конце 1907 года: в № 46 «Стрекоза» опубликовала перевод сценки немецкого писателя Оскара Блументаля «Американки», в № 47 — рассказ Вилли «Отчет», в № 48 — сценку с натуры Б.А. Катловкера «Приемный день» (подписано: *Шимоза*), в № 49 — рассказ «Стерлядка» (подписано: *Точка*), в № 50 — рассказ Михаила Клёнского «Полезьа комбинации».

С наступлением 1908 года — именно тогда, когда в редакцию пришел Аверченко, — в «Стрекозе» начался решающий период преобразований. К тому времени журнал уже из черно-белого превратился в цветной, в два раза увеличилось количество страниц, появились новые рубрики, улучшилось оформление, а в 1908 году Корнфельд принципиально изменил и дизайн обложки. Если прежде «Стрекоза» представлялась как «еженедельный политико-сатирический и художественный журнал» с указанием здесь же в подзаголовке: «выходит под редакцией И.Ф. Василевского (Буквы)», то на обложке первого номера 1908 года значилось просто: «Журнал сатиры и юмора».

В 1913 году, в статье «Мы за пять лет», Аверченко вспоминал:

Чуть ли не на втором же заседании с моим участием снова поднялся сотрудниками вопрос об изменении заголовка «Стрекозы» на какой-нибудь другой...

Самым затруднительным было — провести эту реформу так деликатно, чтобы не испугать консервативных подписчиков, привыкших уже за десятки лет к старому заглавию, как привыкают к старому, во всех местах протертому халату, но который мил именно этой своею знакомостью, мил своими складками, раз навсегда принявшими форму тела носителя халата.

Новый Сатирикон. 1913. № 28. С. 7

Название «Сатирикон» придумал Радаков, и в начале февраля было принято окончательное решение о создании нового журнала. Ко времени появления в «Стрекозе» Аверченко там уже сотрудничали практически все будущие ведущие художники «Сатирикона»: Н.В. Ремизов (Ре-Ми), А.А. Юнгер (Баян), А.А. Радаков, А.В. Ремизова (Мисс), А.Е. Яковлев, Н.Н. Герардов. Печатались в «Стрекозе» и некоторые из поэтов «Сатирикона», пусть и не из числа тех, кто впоследствии будет наиболее тесно связан с редакцией нового журнала — Вилли, А.А. Кондратьев, К.М. Антипов (Красный). С первого номера за 1908 год начинают там появляться стихи тогда еще не переехавшего в столицу Василия Князева⁷. Еще до прихода Аверченко были в «Стрекозе» и постоянные рубрики, перешедшие затем в «Сатирикон», — «Театр» и «Почтовый ящик». Театральному разделу «Сатирикона» в наследство достался даже нарисованный Ре-Ми заголовок.

И всё же «Стрекоза» до появления в ней Аверченко мало походила на будущий «Сатирикон». И причина в том, что «Сатирикон» отражает особенности дарования Аверченко. Такая «личностная» связь была в традициях русской (да и мировой) сатирико-юмористической журналистики. Речь идет не только об «авторских» сатирических журналах XVIII века, но и о, к примеру, «Осколках» Н.А. Лейкина, и даже о самой «Стрекозе», лицо которой на протяжении десятилетий определял И.Ф. Василевский (Буква). «“Сатирикон” совсем неотделим от Аверченко», — подчеркивал А.И. Куприн (*Куприн А.И. Аверченко и «Сатирикон»*. С. 10; с. 713 наст. изд.). «“Сатирикон” в русской литературе сыграл роль не меньшую, чем когда-то “Искра” Курочкина. “Сатирикон” создал направление в русской литературе и не забываемую в ее истории эпоху. Это заслуга Аверченко», — писал в некрологе П.П. Потёмкин — и там же, чуть ранее, отмечал: «Жизнь “Сатирикона” — почти равняется жизни Аверченко. Покуда был жив “Сатирикон”, дотоле жил и расцветал Аверчен-

⁷ С подписью: «Перевел: В. Кн.»: «Бедняк. (Из ненаписанных песен Беранже)» (см.: № 1. С. 3), «Супруги Машины. (Из ненаписанных песен Беранже)» (см.: № 2. С. 7) и т. д.

ко, умер «Сатирикон» — и выбитый из седла Аверченко начал умирать» (*Потёмкин П.* Об Аркадии Аверченко // *Последние Новости.* 1925. № 1500. 15 марта. С. 2; с. 708 наст. изд.)⁸.

Очевидно, что только благодаря общей заинтересованности группы людей — издателей, художников, писателей и даже читателей — можно было сделать сатирико-юмористический еженедельник нового типа. И всё же Аверченко играл в «Сатириконе» роль исключительную. До его появления в «Стрекозе» у Корнфельда не было человека, готового в полной мере взять на себя функции И.Ф. Василевского, то есть стать и редактором, и главным автором журнала. На место редактора планировался Радаков, который им в итоге и выступал в первых номерах «Сатирикона». Но Радаков, хотя и значился в списке сотрудников и художником, и писателем, прежде всего был художником, а в начале 1908 года существенного обновления требовал литературный отдел, в котором Аверченко почти сразу занял ведущие позиции.

«С марта настоящего года в Петербурге начнет выходить журнал художественной сатиры и юмора «Сатирикон», типа мюнхенского «Simplicissimus». К участию приглашены лучшие литературные и художественные силы. Среди последних — Билибин, Добужинский, Ремизов, Радаков, Юнгер (Баян) и др.», — сообщала 11 февраля 1908 года газета «Свободные Мысли» (№ 40. С. 4). С восьмого номера изменилась верстка издания, а печатание его перевели из типо-литографии наследников А.М. Менделевича на Садовой улице в более современную типографию «Т-ва Р. Голике и А. Вильборг» на Звенигородской. Выбор был не случаен: именно в типографии Голике и Вильборг печатался в 1906 году лучший в художественном отношении журнал эпохи первой русской революции — «Адская Почта».

В «Стрекозе» объявление о том, что вскоре выйдет в свет «Еженедельный Литературно-Художественный журнал сатиры и юмора «Сатирикон»», впервые появилось 23 марта (№ 12. С. 12). В заявленном списке постоянных сотрудников значились художники Б. Анисфельд, Л. Бакст, И. Билибин, М. Добужинский, Б. Кустодиев, Е. Лансере, А.П. Остроумова-Лебедева, А. Радаков, Н. Ремизов (Ре-Ми), А. Юнгер (Баян), А. Яковлев, писатели А. Аверченко, Вл. Азов, И.М. Василевский, Л.М. Василевский, Б. Вилли, К. Ангишов (Зарницын), Яков Годин, Сергей Городецкий (Сатир), О.Л. Д'Ор, П. Потёмкин,

---

⁸ О «сатириконском» периоде творчества Аверченко см. также в изд.: Евстигнеева 1968; Спиридонова 1977.

А. Радаков, Саша Черный, Тэффи, Н. Шебуев, В. Уманов-Каплуновский, А. Яблоновский, Федор Сологуб и др.

Необходимо отметить, что наряду с информацией о предстоящем издании «Сатирикона» «Стрекоза» продолжала помещать и собственные полосные объявления о подписке, так что изначально — по крайней мере внешне — речь шла о параллельном существовании двух разных журналов, каждый из которых требовалось наполнять самостоятельным материалом. Вскоре после прихода Аверченко в редакцию «Стрекозы» его произведения уже составляли значительную часть некоторых номеров⁹, а с началом издания «Сатирикона» он усердно пишет для обоих журналов.

Информация о том, что вышел первый номер нового журнала, появилась в газетах в самом конце марта, но в редакции решили, что днем рождения «Сатирикона» нужно сделать 1 апреля. В первом номере «Сатирикона» перу Аверченко принадлежит большая часть текстов. Они помещены на третьей («Шестая часть света». Подписано: *Ave*), четвертой-пятой («Трудное заглавие». Подписано: *Аркадий Аверченко*) и десятой («Самобытность». Подписано: *Ave*) страницах. Из прозаических произведений в номере есть еще рассказ Тэффи «Из дневника заточенного генерала» и редакционное обращение «Вместо предисловия (диалог)», автором которого также, по-видимому, является Аверченко. Обратим внимание на то, что рубрики «Театр» и «Почтовый ящик» в первом номере «Сатирикона» отсутствуют: они пока остаются в «Стрекозе»,

---

⁹ В шестом номере (10 февраля) Аверченко заполняет большую часть четвертой страницы. Здесь опубликован занимательный полполосы его очерк «Человек» (подписано: *Аркадий Аверченко*), а также мелочи: диалог черносотенца и кадета «Тоже розница» (подписано: *Ave*) и цикл «Попавши в рай», впервые подписанный «Аркадий Азь». В седьмом номере (17 февраля) на пятой странице печатаются «Пословицы» (подписано: *Ave*) и «Исторический анекдот» (подписано: *Аркадий Азь*). В № 8 (24 февраля) на с. 3 опубликована миниатюра «Безвыходное положение» (подписано: *Ave*). В этом номере Аверченко также впервые подписывает публикацию в рубрике «Театр» — под отзывом о постановке пьесы «Ренессанс» в Малом театре стоит: «Аркадий А.» (С. 6). Текстами Аверченко заполнена и практически вся следующая полоса (с. 7; на ней также есть рисунок Якоко). Половину ее занимает «Случай (в 20-ти блинах)» (подписано: *Мимоза*), а также опубликованы диалоги «Веселятся» (подписано: *Ave*), «Две старухи» и «Persona grata» (под последним стоит подпись: *Мимоза*). 2 марта в № 9 на с. 3 печатаются диалоги Аверченко «Без квитанции» (подписано: *Мимоза*), на с. 5 — диалог «На съезде "союзников"» (подписано: *Ave*), а в рубрике «Театр» — его фельетон «Аполло. Петербургское кафе-трюшоба Шарля Тюрина» (см.: С. 6. Подписано: *Аркадий А-0*).

где их заполняет всё тот же Аверченко. В четырнадцатом номере «Стрекозы», вышедшем через несколько дней после первого номера «Сатирикона», 6 апреля, Аверченко в рубрике «Театр» пишет о гастролях братьев Адельгейм в театре «Буфф» (см.: С. 6. Подписано: *Аркадий Ав-о*). Также он печатает два мини-диалога «Редкость» и «Драamodelы» (см.: С. 3. Подписано: *Мимоза*) — и это только точно атрибутируемые произведения.

Во втором номере «Сатирикона» Аверченко вновь является автором большей части прозаических произведений. Это «День Думбадзе» (см.: С. 2. Подписано: *Ave*), мелочи «Живая хронология», «Апатия» и «Государство в государстве» (см.: С. 2. Подписано: *Арк...*), «Сказочка» (см.: С. 5. Подписано: *Аркадий Счастливцев*), «Патриот» (см.: С. 10–11. Подписано: *Аркадий Аверченко*). В вышедшем 13 апреля номере «Стрекозы» (№ 15) опубликованы его рассказ «Освежение репертуара» (см.: С. 4. Подписано: *Аркадий Аверченко*), стихотворение «Весна старой девы» (см.: С. 13. Подписано: *Аркадий А.*) и очередная порция «мелочей», подписанных «Ave» (см.: С. 13).

Подобным образом Аверченко работает вплоть до того момента, когда принимается решение об объединении двух журналов. 1 июня 1908 года издательство помещает в «Стрекозе» следующее обращение к подписчикам и читателям:

Все, кто в последнее время следил за журналом «Стрекоза», обратили, конечно, внимание на те более или менее заметные реформы, которые постепенно вкладывались в основу нашего журнала. Изменение формата, печатание многокрасочных рисунков, приглашение заметных художественных и литературных сил — вот тот путь, по которому мы, однажды ставши, — неуклонно шли до сего времени.

Идеалом наших стремлений было — дать журнал, который по художественности, интересному содержанию и изяществу занял бы первое место в ряду русских изданий этого типа. <...> И вот, реформируя неуклонно «Стрекозу», мы параллельно сделали опыт в широком смысле — основали новый журнал «Сатирикон». С чувством полного удовлетворения мы можем сказать, что опыт этот удался блестяще. Сочувственные отзывы газетной критики и широкий интерес публики к «Сатирикону» доказали полную осуществимость наших стремлений. В настоящее время, ввиду всё растущего успеха «Сатирикона», мы решили с 1-го июня объединить оба издания и дать русской публике (и подписчикам «Стрекозы» в частности) новый журнал, большего, чем «Стрекоза», размера, с художественными многокрасочными рисунками, выдающимися

литературными именами и, главное, тем общим духом любви к делу и его совершенствованию, который царит между руководителями «Сатирикона».

№ 22. С. 2

Шестого июня вышел первый «объединенный» номер «Стрекозы», на сей раз отличавшийся от соответствующего — девятого — номера «Сатирикона» только названием и другими «формальными» признаками (общими были и рекламные полосы). У журналов были по-прежнему заявлены разные издатели (Э.М. Корнфельд — в «Стрекозе», М.Г. Корнфельд — в «Сатириконе»). А вот редактор теперь был один и тот же. Если в № 22 «Стрекозы» им еще значился И.Ф. Василевский, а в № 8 «Сатирикона» — А.А. Радаков, то с № 23 «Стрекозы» и параллельного № 9 «Сатирикона» в качестве редактора и там, и там указывали уже А.Т. Аверченко.

Содержавшееся в издательском обращении упоминание «выдающихся литературных имен» в «Сатириконе» сегодня нам не кажется преувеличением. В «Сатириконе» и сменившем его «Новом Сатириконе» действительно печаталось множество выдающихся писателей. Но в первой половине 1908 года большая часть авторов журнала знаменитостями еще не являлась. К таковым можно было отнести разве что Ф.К. Сологуба, фамилия которого была удалена из списка сотрудников уже во втором номере «Сатирикона» (см.: С. 5). Постепенно в числе сотрудников появлялись новые, в том числе и достаточно известные, но всё же не из ряда «выдающихся» по табели о рангах 1908 года: в этот перечень добавились М. Кузмин, А. Кугель (Homo Novus) и Н.И. Фалеев (Чуж-Чуженин), затем А. Измайлов, С. Маршак, А. Рославлев, Скиталец (Яковлев), граф Алексей Толстой, В. Сладкопевцев, А. Блок и др.

Лишь 20 сентября 1908 года публиковавшийся в журнале список сотрудников возглавил Л.Н. Андреев, оттеснив Аверченко на второе место (см.: № 24. С. 13). В том же номере на с. 15 было помещено специальное объявление, в котором говорилось, что «в ближайших номерах журнала «Сатирикон» будут помещены юмористические рассказы Леонида Андреева» (С. 15). А еще спустя две недели, 4 октября, в списке появился А.И. Куприн (см.: № 26. С. 13), что вновь особо подчеркивалось в объявлении на предпоследней странице: «В ближайших номерах журнала «Сатирикон» будут помещены рассказы Леонида Андреева и юмористические стихотворения А.И. Куприна» (С. 15).

Однако участие в «Сатириконе» Андреева и Куприна было эпизодическим. Корнфельд приглашал их в 1908 году, чтобы привлечь подписчиков: книги знаменитостей обещали в качестве премии на 1909 год. Специально для «Сатирикона» Андреев писать ничего не стал: напечатанный в журнале с рисунками Радакова рассказ «Слабый пол» был впервые опубликован еще в 1902 году, когда писатель выступал в периодике под псевдонимом «Джемс Лич» — на что, надо сказать, честно указала редакция (см.: Сатирикон. 1908. № 28. 18 октября. С. 8–9).

Славу журналу в первый год его существования создавали всё же не Андреев и не Куприн, а писатели-юмористы «новой волны», представители так называемой «малой прессы», те, кого не допускали в авторитетные «толстые» журналы, те, кто мог лишь мечтать об издании сборника своих произведений, а о собрании сочинений не мог и мечтать. Л.М. Василевский по этому поводу замечал:

Пренебрежительного, высокомерного отношения к смеху всегда также держались — как, впрочем, держатся и теперь — наши толстые журналы. Вопреки мудрому правилу о том, что плохо только скучное искусство, они предпочитают даже самую бесспорную скуку самому лучшему, самому яркому юмору. Наши журналы помещали какой-нибудь тягучий, пресный, сдобренный прописями немецкий роман вместо того, чтобы дать брызжащий юмором и сочными, яркими красками этюд Твена.

Василевский Л.М. Реабилитация смеха // Речь. 1910. № 174. 28 июня (11 июля). С. 3

Формируя литературный отдел, редакция «Сатирикона» во многом ориентировалась на опыт «Свободных Мыслей» И.М. Василевского (Не-Буквы). Эта еженедельная газета, выходившая по понедельникам (так называемый «понедельник»), пользовалась большой популярностью, что приносило и заметную финансовую отдачу. Строилась она, в отличие от ежедневных газет, не на информации и ее интерпретации с претензией на объективность, а на подчеркнуто авторских оценках происходящего в политике, общественной жизни, искусстве, литературе. «Свободные Мысли» позволяли себе то, чего не могли себе позволить другие издания, — и это привлекало читателей. «Писали все на политические темы, и газету штрафовали еженедельно, но, чем больше штрафовали, тем больше газета читалась, — замечал один из постоянных сотрудников «Свободных Мыслей», а впоследствии и «Сатирикона» О.А. Д'Ор. — Ти-

раж был большой и объявления были хорошие. Убытки от штрафов покрывались с лихвой» (Оршер 1930: 79).

Главенствующую роль в «Свободных Мыслях» играла рубрика «Маленький фельетон», занимавшая большую часть разворота. Такая рубрика была постоянной во многих русских газетах начала XX века. В ней, как правило, помещались небольшие произведения «на злобу дня» — прозаические или стихотворные. Но в обычных газетах «Маленький фельетон» рассматривался преимущественно как «довесок» к основным материалам — информационным или публицистическим, средство оживления номера. У Василевского же именно через серию таких фельетонов (их печаталось всегда несколько, разных авторов) давалась панорама жизни. По объему произведения в данной рубрике также были обычно совсем не «маленькие»: для газеты писали полноценные сатирические или юмористические рассказы или пародии.

Излюбленной жанровой формой в газете были рассказы-фельетоны — художественные произведения, в которых в качестве персонажей выводились реальные люди — политики, общественные деятели, журналисты и т. п. «Понедельник» создал новую форму фельетона: полубеллетристика-полупублицистика», — отмечал О.Л. Д'Ор (Там же: 82). Эта форма соединяла художественные возможности рассказа и публицистичность, злободневность, конкретную направленность сатиры, характерные для фельетона. Персонажами обычного в структурном отношении рассказа, сохраняющего иллюзию объективности повествования, сюжет, завязку и развязку, диалоги и т. д., становились реальные люди, прекрасно известные читателям. Автор оставлял фамилию, внешность, привычки, манеру разговаривать, взгляды и заставлял героя действовать так, чтобы проявилась сущность его характера, выносил на первый план пороки и недостатки — чаще всего это были произведения сатирические.

В то же время к стилистическому единообразию в газете Василевского не стремились, давая каждому автору проявлять особенности своего таланта. Достаточно сказать, что именно в «Свободных Мыслях» впервые опубликованы такие рассказы Тэффи, как «Переоценка ценностей» и «Покаянное». Разнообразие достигалось и за счет достаточно широкого круга авторов. Среди тех, кто печатался в «Свободных Мыслях» в 1907–1908 годах, — П.Д. Боборыкин, А.Н. Будищев, А.А. Измайлов, Л.М. Василевский, Н.А. Тэффи, П.М. Пильский, Дух Банко (Д.И. Гликман), О.И. Дымов (Каин), Д.С. Мережковский, С. Горный, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.С. Рославлев, К.И. Чуковский, В.Г. Тан (Богораз), Скиталец, Саша Черный и др.

Было в газете и своего рода «ядро» — те, кто публиковался из номер в номер, давая в иную неделю сразу по несколько произведений. О.Л. Д'Ор вспоминал:

Мы, сотрудники понедельничных «Свободных мыслей», и были даже отчасти похожи на «беспризорников». Определенной газеты ни у кого из нас в то время не было: все сотрудники были вновь приезжие в Петербург и только начинали свою газетно-журнальную карьеру. Были мы вольные налетчики, по понедельникам собирались гурьбой, как теперь «беспризорные» в Охотном ряду, и совершали налеты на царских министров, на сановников, на лидеров Государственной думы, на Государственный совет и т. д. Мы — это были: Тэффи, Осип Дымов, Н. Рахманов, О.Л. Д'Ор, Вилли, впоследствии Аркадий Аверченко и многие другие, имена которых потом были довольно хорошо известны в старой газетной России.

Оршер 1930: 79

На самом деле далеко не все из сотрудников газеты И.М. Василевского были начинающие и «вновь приезжие», да и для «определенных» изданий некоторые писали — в этом отношении О.Л. Д'Ор не прав, но вот «своими» для них эти «определенные» издания действительно не были: а в «Свободных Мыслях» представители новой волны юмористики могли чувствовать себя достаточно свободно, поскольку успех газеты строился именно на необычности, оригинальности, часто даже на скандальности.

Круг авторов «Свободных Мыслей» был хорошо знаком Аверченко. В эту компанию «налетчиков» он попал вскоре после своего приезда в Петербург. С начала марта 1908 года произведения Аверченко появляются на страницах газеты почти каждую неделю. 3 марта в № 43 публикуется фельетон «Слуга отечества» (см.: С. 3), 10 марта в № 44 — «Дуэль. Посвящается репортерам малой прессы» (см.: С. 2–3), 24 марта в № 46 — «Большой день российского парламента» (см.: С. 3), 31 марта в № 47 — «Политическая смерть» (см.: С. 2–3), 7 апреля в № 48 — «Каникулы» (см.: С. 2), 15 апреля в № 49 — «Человеческое» (см.: С. 3), 21 апреля в № 50 — «Дипломаты» (см.: С. 2), 28 апреля в № 51 — «Потрявоженные тени (Творимая легенда)» (см.: С. 3), 19 мая в № 54 — «Жертва партийного выступления» (см.: С. 3), 26 мая в № 55 — «Мертвые души» (см.: С. 3). Среди них есть и те самые рассказы-фельетоны, о которых шла речь выше. Героями Аверченко становятся не только реальные люди — Тимошкин, Меньшиков, Мельник, Тесленко, Крушеван, Пуришкевич, Кру-

пенский, Чхеидзе, — но и персонажи классических литературных произведений, перенесенные в 1908 год. В рассказе «Мертвые души», к примеру, представитель ведомства Павел Иванович Чичиков беседует с октябристским депутатом Собакевичем по вопросу об увеличении депутатского жалования. Создает Аверченко, разумеется, и другие образы, — например, октябриста Мамашкина и крайне правого Расшибаева, заставляющего вспомнить о чеховском унтере Пришибееве.

Конечно, нельзя говорить, что при подборе сотрудников в «Сатириконе» ориентировались исключительно на «Свободные Мысли». Далеко не все, кто печатался у Василевского, оказались затем в числе сатириконцев, и в то же время одним из ведущих поэтов журнала стал Петр Потёмкин, о котором И.М. Василевский в своей газете 25 февраля 1908 года пренебрежительно написал: «Потёмкиных много. И как-то оно так случилось, что Потёмкины умудрились заслонить собою литературу» (№ 42. С. 1). Кстати, статья, в которой в оскорбительных тонах оценивалось творчество Потёмкина, называлась «Модные знаменитости. (О департаменте “Вены”»». И именно «Вена» — знаменитый петербургский ресторан — стала излюбленным местом сборищ сатириконцев, тем более что Аверченко жил совсем рядом. Саша Черный, который в мае 1908 года из номера в номер печатался в «Свободных Мыслях», в «Стрекозе» дебютировал намного раньше — 16 марта (см.: *Саша Черный*. На открытии выставки // № 11. С. 5), и в «Сатириконе», как и Потёмкин, печатался с первого — первоапрельского — номера (см.: Все в штанах, скроенных одинаково... // С. 10).

И всё же, вероятно, именно «Свободные Мысли» помогли Аверченко найти точки сближения с Тэффи, О.Л. Д’Ором, Осипом Дымовым. Рассказ Тэффи появился уже в первом номере «Сатирикона», а затем — в четвертом (см.: Даровой конь // С. 8), О.Л. Д’Ора — во втором (см.: Записки амура // С. 4) и третьем (см.: Пасхальные рассказы // С. 5). В третьем номере были напечатаны и «Мысли философа» Василевского (Не-Буквы) (см.: С. 9), хотя последний в итоге в круг сатириконцев не попал.

Основным принципом подбора авторов в «Сатириконе» стала «новая» манера письма. По воспоминаниям О.Л. Д’Ора, в реформируемой «Стрекозе» даже Амфитеатрова и Дорошевича считали мастерами «старой фельетонной формы» (Оршер 1930: 90), хотя к последнему сатириконцы относились с безусловным уважением, вместе выступали на различных вечерах и признавали «королем фельетона». В опубликованном на страницах журнала 6 марта 1910 года отчете о бале «Сатирикона» Аверченко подчеркивал: «Был среди

присутствовавших и дорогой для «Сатирикона» гость — юморист и «король фельетона» — Влас Дорошевич (*Аве [Аверченко А.Т.]*. Бал «Сатирикона». Шаржи Ре-Ми // 6 марта. С. 6—7). Произведения Амфитеатрова после революции 1917 года появлялись в «Новом Сатириконе», но прежде он резко противопоставлял себя и свое поколение сатириконцам. Нужно принимать во внимание и то, что на раннем этапе Амфитеатров и Дорошевич были слишком дорогими сотрудниками для М.Г. Корнфельда, а Дорошевич еще и связан обязательствами с И.Д. Сытиным. Тем не менее, очень существенно, что стиливая манера явилась одним из главных критериев подбора писателей.

Аверченко стремился объединить в одном издании всё самое примечательное, что существовало в новой русской юмористике, и продолжал собирать вокруг себя лучших из лучших на протяжении десяти лет. Реалисты и символисты, акмеисты и футуристы, сотрудники дешевых газет и изысканного журнала «Мир Искусства» — здесь они были прежде всего сатириконцами. Но хотя в «Сатириконе» и пришедшем ему на смену «Новом Сатириконе» сотрудничало много знаменитых писателей и художников, эти журналы связывают прежде всего с именем Аверченко. «В своем «Сатириконе» он был не только центральной фигурой редактора, не только создателем нового журнального типа, но и основой редакционной спайки, строителем редакционной семьи, ее цементом, ее душой, символом ее единства, взаимодоверия и слитности», — справедливо утверждал П.М. Пильский (*Пильский П. А.Т.* Аверченко // Сегодня. 1925. № 60. 15 марта. С. 3).

Сатириконцы действительно ощущали себя одной семьей, и в этом — заслуга Аверченко. Потом, когда многие из них оказались в эмиграции, старая, многолетняя дружба стала особенно значимой. Смерть каждого из бывших сотрудников «Сатирикона» вызывала серию некрологов, лейтмотивом которых было: «Ушел еще один из нас». «Сиротеет семья сатириконцев! — восклицал Валентин Горянский после смерти Петра Потёмкина. — К могилам Аверченко, Рославлева и Сергея Михеева прибавилась еще одна» (*Горянский В.* Петр Потёмкин // Возрождение. 1926. 28 октября. № 513. С. 3). Единство сатириконцев проявилось и в 1913 году, в момент разрыва с издателем М.Г. Корнфельдом. Заявление о выходе из состава сотрудников они подписали *in corpore* (см.: Русская Молва. 1913. 19 мая (1 июня). № 155. С. 6), тут же основав свой журнал, издаваемый «Товариществом «Новый Сатирикон»», и редакцию возглавил, естественно, Аверченко.

Из старой «Стрекозы» Аверченко сумел сделать не просто хороший юмористический журнал, но журнал новой юмористики, своеобразный журнал-

манифест нового поколения писателей и художников-юмористов. Интерес древнеримского писателя Петрония к быту и человеческим характерам должен был сочетаться в «Сатириконе» с сатирическим обличением пороков. Но в заглавии еженедельника скрывался и иной смысл. Переосмысление роли сатиры и юмора в литературе было связано с новейшими европейскими учениями, и прежде всего с философией Ф. Ницше, воспринятой в качестве философии самоиронии и комического приятия мира. «Смех признал я священным; о высшие люди, научитесь же у меня — смеяться!» — клич дионисийского чудовища Заратустры нашел отклик и в России. Признание комического в качестве высшего синтеза привело к тому, что комическая литература перестала восприниматься как нечто второсортное. «Сатирикон», «Аполлон» и «Маски» — эти журналы выступали единым фронтом, заставляя по-новому взглянуть на понятие художественного. Переосмысление роли комического сказалось на отношении к сатире и юмору читателей, издателей, критиков и — что важнее всего — на отношении писателей к своему творчеству. Господствовавшим во второй половине XIX века взглядам было противопоставлено, по сути, новое направление в литературе, для которого главным в комическом была не возможность отрицания, а возможность утверждения. И во главе этого направления встал Аркадий Аверченко (подробнее об этом см.: Николаев 1993).

Аверченко являлся не только редактором, но и основным автором «Сатирикона»: его произведениями, подписанными собственным именем и различными псевдонимами — Ave, Медуза-Горгона, Волк, Фома Опискин и др., — заполнялась значительная часть каждого номера. Кроме того, Аверченко регулярно печатался и в других периодических изданиях — как столичных, так и провинциальных. На первых порах это было во многом связано с тем, что начинающему писателю нужно было просто зарабатывать: гонорары тогда еще мало кому в Петербурге известного юмориста были далеки от доходов таких маститых авторов, как, скажем, Дорошевич, который получал у Сытина в «Русском Слове» 24 000 рублей в год. Правда, судя по воспоминаниям Тэффи, Аверченко довольно быстро удалось выйти на уровень Дорошевича — спустя несколько лет он уже «выгонял» около 2000 рублей в месяц.

После того как «Сатирикон» приобрел популярность, а Аверченко стал заметной фигурой в литературном мире, его сотрудничество в других изданиях чаще определялось иным. Конечно, иногда дело было по-прежнему в гонорарах — теперь уже Аверченко мог выступать в роли приглашенной знамени-

тости. Но основной причиной являлось то, что далеко не всё из написанного Аверченко могло быть напечатано в «Сатириконе». Иногда проблема заключалась в объеме конкретного произведения, иногда — в повторении уже отработанной темы, определенную роль играли и цензурные соображения: Аверченко-редактор не имел права рисковать, публикуя слишком резкие произведения Аверченко-писателя. Именно поэтому некоторые рассказы на политические темы Аверченко отдавал в газеты: в газетном контексте они выглядели иначе, да и свой журнал под удар он в таком случае не ставил.

Ну и еще одной причиной сотрудничества во многих изданиях являлось то, что «Сатирикон» просто не мог вместить всего написанного Аверченко. В 1908 году его произведения регулярно публикуют сменявшие друг друга «понеделничные» издания — «Свободные Мысли», «Утро», «Эпоха», «Межа». В 1909 году Аверченко сотрудничает в петербургской газете «Речь». Именно там 12 (25) января публикуется один из самых известных рассказов писателя, вошедший потом в сборник «Веселые устрицы», — «Робинзоны» (см.: № 11. С. 3). Подписан он был псевдонимом «А. Брусилов», который, скорее всего, появился против воли автора. В данном случае мы имеем дело с ошибкой наборщика, который искажил псевдоним «Аркадий Грустилов» — эта подпись стоит под другими рассказами Аверченко, появлявшимися в течение года в рубрике «Маленький фельетон» (см.: Мягкое сердце // № 24. 25 января (7 февраля). С. 3; По протекции // № 28. 29 января (11 февраля). С. 2; Ликвидация // № 50. 21 февраля (6 марта); История одной поездки // № 52. 23 февраля (8 марта). С. 3 и др.).

В московских и провинциальных изданиях имя Аверченко начинают использовать для привлечения подписчиков, часто — без его согласия. Где-то перепечатывают его рассказы, где-то включают имя в список сотрудников. Так, в рекламном объявлении о подписке на 1909 год на «большую беспартийную, общественно-политическую и литературную газету» «Руль», выходившую в Москве по понедельникам и послепраздничным дням, сообщалось, что в каждом номере будут помещаться очередные фельетоны Аркадия Аверченко, Джона Браунинга, Диры, Осипа Дьмова (Каина), О.Л. Д'Ора, Квидама (Кутель), Лоло, Тэффи, Н. Шебуева и др. Была, однако, и провинциальная газета, в которой Аверченко печатался регулярно, отдавая туда специально для нее написанные произведения, — это «Одесские Новости».

Аверченко публиковался даже в изданиях, которые могли рассматриваться в качестве потенциальных конкурентов «Сатирикона». Он становится одним из сотрудников литературно-художественного юмористического ежене-

дельника «Солнце России»: редактором этого журнала был Л.М. Василевский. Но «Солнце России» печатает то, что по каким-либо соображениям — по объему или по жанру — не подходило «Сатирикону»: очерк «Марк Твен» (см.: 1910. № 12. С. 4) или большие рассказы «Яд» (см.: 1910. № 11. Апрель. С. 3–4) и «Геракл» (см.: 1910. № 25. Июль. С. 6–7). А рассказ «Без почвы» Аверченко в 1910 году пишет для столичного еженедельного спортивного литературно-художественного и юмористического журнала «Скэтинг-Ринк», которому текст идеально подходит по тематике.

С появлением «Сатирикона» начался новый этап в развитии русской комической литературы, но сатириконское направление долгое время существовало параллельно с «традиционалистским» — и в 1908–1909 годах для человека, не читающего регулярно сатирико-юмористические журналы, особой разницы между «Сатириконом» и, условно говоря, «Осколками» не было. Те, кто давно и успешно писал в традиционной манере, по-прежнему пользовались популярностью или, по крайней мере, продолжали пожинать плоды былой славы. У многих из них были изданы сборники юмористических рассказов, что, по крайней мере формально, переводило «газетную дрянь» (вспомним слова Чехова) в плоскость «настоящей» литературы. А на публикации в газетах и иллюстрированных еженедельниках критики обычно не обращали внимания, если, конечно, речь не шла о каких-то значимых произведениях маститых авторов.

Впрочем, сатириконцам и здесь удалось прорвать завесу: о них упоминали в прессе, подводя итоги 1909-го литературного года, пусть с извинениями за столь необычные художественные пристрастия. Корней Чуковский отмечал:

И — признаться ли? — радовал меня заодно (пусть груда книг так грудой и остается!) и юмористический журнал «Сатирикон», может быть, единственный у нас сейчас журнал, где есть молодость, творчество, таланты, надежды... Бог весть, откуда взялась эта дружная артель даровитейшей молодежи — с такой обостренной чуткостью ко всякой пошлости, с таким заразительным смехом! Во главе их беллетрист Аркадий Аверченко, которого давно пора «открыть», так как в иных его вещах больше наблюдательности и таланта, чем во всём, напр., Арцыбашеве, с Виктором Муйжелем в придачу...

Чуковский К. Русская литература // Речь. 1910. 1 (14) января. № 1 (1239). С. 10

Аверченко, Азов, О.Л. Д'Ор, Тэффи были к 1910 году уже хорошо известны публике, но воспринимались преимущественно в «газетно-журнальном» контексте — не как писатели, а как сотрудники периодических изданий. На представителей «новой волны» русской комической литературы делали ставку не только сменявшие друг друга «понедельничные» издания, но и крупнейшие российские ежедневные газеты. Аверченко, как уже было сказано, печатался в «Речи» и «Одесских Новостях», Владимир Азов регулярно писал для газет «Речь» и «Русское Слово», О.Л. Д'Ор также сотрудничал в «Речи», Тэффи стала одним из ведущих авторов «Русского Слова» (где она фактически сменила Азова) и т. д. И всё же произведения, появлявшиеся только в «малой прессе», рассматривались обычно как тексты-однодневки. По-настоящему «открыть» Аверченко мешало отсутствие у него изданных книг: без них стать признанным писателем, пусть даже по разряду «юмористов», было практически невозможно.

До 1910 года не только у Аверченко, но и у других ведущих сатириков не было опубликовано ни одной книги. Справедливости ради надо сказать, что в 1907–1909 годах сегмент юмористической литературы вообще не слишком привлекал издателей. Конечно, отдельные книги выходили, но рассчитаны они были, скорее, на читателей старшего поколения. Выпускались очередные переиздания наиболее известных сборников скончавшегося 6 (19) января 1906 года Н.А. Лейкина, переиздания и новые сборники И.И. Мясницкого¹⁰ (он умер 15 июня 1911 года). В 1907 году «Юмористические рассказы» В.М. Дорошевича вышли в качестве шестого тома его собрания сочинений в издании «Товарищества И.Д. Сытина». М.Г. Корнфельд в 1909 году выпустил в качестве премии для годовых подписчиков «Сатирикона» юмористические произведения Л.Н. Андреева и А.И. Куприна. Бесплатное приложение рассылалось всем подписчикам при № 23 журнала (см.: 6 июня. С. 2).

Можно назвать еще несколько книг писателей менее известных, но ни один из сборников — за исключением, возможно, юмористики Леонида Андреева — серьезного внимания читателей и критики не привлек. Да и в последнем случае интерес вызывало в первую очередь само громкое имя — Андреев в это время находился на пике популярности (над чем, в частности, иронизировал и Аверченко в рассказе «Проклятье»). Оценивали ранние юмористиче-

¹⁰ См., напр.: Мясницкий 1908.

ские произведения Андреева рецензенты не слишком высоко. Л.Н. Василевский в «Одесских Новостях» отмечал:

Как биографический материал в широком смысле этого слова книжка этих «Юмористических рассказов» окажет несомненно серьезные услуги, но взятая сама по себе, без отношения к тому «Джемсу Линчу» 1900–1902 гг., из которого впоследствии вырос Андреев, она в большей своей части не возвышается над расхожим газетным остроумием мелких обывательских тем, вдобавок трактуемых с нарочитой поверхностностью и бойкостью. Тот же чистый юмор и смех, какие здесь имеются при всей своей забавности и порою изяществе, лишены настоящего блеска и остроты.

Василь А. Эмбриональный Андреев
(Юмористические рассказы Л. Андреева, изд. «Сатирикона») //
Одесские Новости. 1909. 12 (25) июля. № 7863. С. 3

Ситуация в корне изменилась лишь в 1910 году. Сначала на книжных прилавках появились книги поэтов-сатириков, хотя о первенстве здесь можно говорить весьма условно. В январе вышел сборник переводов А. Зарницына (Конст. Антипова) «Новые немецкие поэты», который рекламировали на страницах «Сатирикона» (см.: № 4. 23 января. С. 11), хотя книга не имела отношения к сатире и юмору. В начале февраля поступили в продажу «Сатирические песни» В. Князева. 20 февраля «Сатирикон» объявил, что в ближайшие дни в издании М.Г. Корнфельда выйдут «Сатиры» Саши Черного (см.: № 8. С. 13), а 27 февраля в журнале появилась информация о первой книге Аркадия Аверченко. Рекламное объявление в девятом номере гласило:

На днях выходит в свет новая книга: Саша Черный «Сатиры».

Печатается новая книга «ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ» АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО.

№ 9. С. 8

Поступили в продажу сборники Аверченко и Саши Черного практически одновременно: об этом сообщалось в «Сатириконе» 6 марта (см.: № 10. С. 10). В изданную Корнфельдом книгу Аверченко вошел 31 рассказ плюс четыре миниатюры, объединенные общим названием «Виньетки». Нужно отметить, что писатель очень серьезно относился к отбору рассказов для включения в сборники. Это касается всех книг Аверченко, но самым ярким примером являются именно «Юмористические рассказы». Достаточно сказать, что из

огромного количества написанных в 1908 году произведений — а их более сотни — в первый сборник вошло лишь 19 (включая одну из «Виньеток» под названием «Экономия»). За пределами книги остались не только рассказы-фельетоны или театральные фельетоны, которые могли быть отсеяны по жанровому признаку, но и многие юмористические рассказы — такие, к примеру, как «Трудное заглавие» (см.: Сатирикон. 1908. № 1. С. 4—5), «Гениальный человек» (см.: Сатирикон. 1908. № 16. 26 июля. С. 14—15), «Семейная радость» (см.: Сатирикон. 1908. № 26. 4 октября. С. 4—5).

Спустя менее чем два месяца, 8 мая 1910 года «Сатирикон» сообщал: «Книга Аркадия Аверченко “Юмористические рассказы” распродана, за исключением небольшого количества, оставшегося в киосках на станциях железных дорог» (№ 19. С. 11). Тут же рекламировалось готовящееся к печати второе издание, однако у Корнфельда оно, по-видимому, так и не вышло, во всяком случае, выявленных экземпляров такой книги нет. В 1911 году сборник «Юмористические рассказы» был выпущен издательством «Шиповник» в качестве третьей книги «Рассказов (Юмористических)» и под этим названием переиздавался и в дальнейшем. Очевидно, что второму изданию сборника у Корнфельда могли воспрепятствовать обязательства Аверченко перед «Шиповником» — договоренность с этим издательством автор заключил еще в феврале.

22 февраля (7 марта) 1910 года газета «Речь» сообщала о том, что готовится издание двух книг сатириконцев — «Сатир» Саши Черного у Корнфельда и «Юмористических рассказов» Аверченко в «Шиповнике». «Сатирикон» же впервые написал о предстоящем выходе книги в издательстве «Шиповник» 3 апреля 1910 года — в номере, посвященном дню рождения «Сатирикона» (№ 14). В «Почтовом ящике “Сатирикона”» редакция отвечала некоему «М.П.»: «Рассказы Арк. Аверченко, о которых вы спрашиваете, в первый том не вошли. Появятся они в изд. “Шиповника”» (С. 11). Интересно, что в данном случае, как и при следующем упоминании сборника в «Почтовом ящике», акцент делался именно на распределении рассказов Аверченко по сборникам.

Издательство «Шиповник», которое в 1906 году в Санкт-Петербурге основали З.И. Гржебин и С.Ю. Копельман, добилось серьезного коммерческого успеха за счет выпуска литературно-художественных альманахов, начавших выходить в 1907 году. В первые годы своего существования «Шиповник» юмористических книг не издавал, хотя сам Гржебин прежде выпускал знаме-

нитые журналы «Жупел» (где он значился редактором) и «Адская Почта», а в мае 1906 года «Шиповник» напечатал две серии «открытых писем» «на социально-политические темы», нарисованных художниками «Simplicissimus'a» — Т.-Т. Гейне, Р. Вильке, Бруно Паулем и др. В создании третьей серии должны были принять участие художники «Адской Почты»: Б.И. Анисфельд, И.Я. Билибин, М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере, Б.М. Кустодиев, сам Гржебин и др.

Обратить внимание на юмористику совладельцев «Шиповника» заставил шумный успех сатириконецв, и в 1910 году под юмористические сборники было отведено специальное место в издательском каталоге. В течение 1910—1911 годов «Шиповник» издал три книги «Рассказов (юмористических)» Аверченко, две книги «Юмористических рассказов» Тэффи, два тома Саши Черного — «Сатиры» и «Сатиры и лирика», «Избранные рассказы» М. Сафира в переводах под редакцией Саши Черного, две книги «Избранных рассказов» Джером К. Джерома и три книги «Юмористических рассказов» М. Твена. И первая книга «Рассказов (юмористических)» Аверченко открывала этот ряд.

В объявлении, появившемся на первой странице газеты «Речь» 8 (21) мая 1910 года, «Шиповник» рекламировал новые книги: седьмые тома собраний сочинений Федора Сологуба и Г.-Д. Уэллса, пятый том собрания сочинений Г. д'Аннунцио, двенадцатый выпуск альманаха издательства «Шиповник», в котором приняли участие Борис Зайцев, Алексей Толстой, Николай Минский и Федор Сологуб, четвертый выпуск «Библиотеки современной философии». В этом перечне — как раз посередине, между д'Аннунцио и альманахом «Шиповника», — значилась и первая книга Аверченко, названная в объявлении «Юмористические рассказы».

В связи с выходом книг Аверченко и Тэффи газета «Речь» писала:

На протяжении каких-нибудь двух месяцев — целых три тома юмористических рассказов; это уже само по себе знаменательно. Но еще знаменательнее, что из этих трех томов только один издан присяжным юмористом «Сатириконом», а остальные два — серьезным, даже слегка чопорным «Шиповником». Можно ли было бы представить себе всего пять-шесть лет назад, чтобы крупное, командующее на рынке и солидное издательство, вроде «Знания», издавало юмористов? В трех десятках вышедших его «Сборников» зеленая обложка таит наряду с значительным и ценным много самого очевидного мусора, самой

заурядной посредственности — и ни одной страницы юмора, ни одной строчки смеха! До этого «Знание» не «унизились» ни разу.

Василевский Л.М. Реабилитация смеха // Речь. 1910. № 174. 28 июня (11 июля). С. 3

Во второй сборник Аверченко вошло 30 рассказов — и принцип построения здесь не такой, как в дебютной книге. Большая часть отобранных произведений появлялась на протяжении 1909 года на страницах «Сатирикона» — но в иной, нежели в книге, последовательности. Продолжительно «по подшивке» Аверченко идет лишь в середине сборника: рассказ «Дачный театр» печатался в № 26 и 27 «Сатирикона» (см.: 27 июня. С. 6; 4 июля. С. 6), «Два мира» — в № 30 (см.: 25 июля. С. 7–8), «Еврейский анекдот» — в № 35 (см.: 29 августа. С. 7–8), «Преступники» — в № 37 (см.: 12 сентября. С. 6–7), «Нервы» — в № 39 (см.: 26 сентября. С. 7–8), «Нюночка» — в № 42 (см.: 17 октября. С. 7–8). Но и в этот ряд «вклинивается» впервые напечатанный в № 38 рассказ «Приключение номера 24345» (см.: 19 сентября. С. 7–8), помещенный вслед за рассказом «Два мира». Также в сборник вошли четыре рассказа, появившиеся в журнале уже в 1910 году в январе и начале февраля. Это «Апостол» (см.: № 4. 23 января. С. 7–8), «Кривые углы» (см.: № 5. 30 января. С. 7–8), «День человеческий» (см.: № 6. 6 февраля. С. 10–11) и «Веселый вечер» (см.: № 3. 16 января. С. 7–8).

Успеху сборника, выпущенного «Шиповником», не помешала ни невзрачно-серая обложка, ни то, что определение «юмористические» было стыдливо поставлено в скобки и набрано шрифтом гораздо более мелким, чем название издательства. В итоге до конца года «Шиповник» успел выпустить второй том «Рассказов (юмористических)» Аверченко, стартовый тираж которого был на тысячу экземпляров больше, а в 1911 году, как уже было сказано, и третий.

«Его первые книги рассказов прозвучали откровением, — вспоминал Петр Потёмкин. — Их тираж был в свое время рекордным и превзошел самые смелые ожидания не только издателя, но и автора» (*Потёмкин П.* Об Аркадии Аверченко // *Последние Новости.* 1925. № 1500. 15 марта; см. с. 708 наст. изд.). М.Г. Корнфельд не собирался отдавать открытую им «золотую жилу» другим издателям. Он договорился с Аверченко о публикации сборника «Веселые устрицы: Юмористические рассказы», который в «Сатириконе» стали регулярно рекламировать начиная с 3 июля 1910 года. В объявлениях, которые

печатались из номера в номер, сообщалось: «В непродолжительном времени издательство “Сатирикон” выпускает в свет новую книгу юмористических рассказов Аркадия Аверченко “Веселые устрицы” с портретом автора работы художн. Ре-Ми и автобиографией». Приводилось и содержание книги, причем особо подчеркивалось, что «в книгу «“Веселые устрицы” не вошел ни один из рассказов Арк. Аверченко, напечатанных в “Сатириконе”» (№ 27. 3 июля. С. 11). Наконец, 31 июля «Сатирикон» сообщил: «Вышла в свет и поступила в продажу новая книга юмористических рассказов Аркадия Аверченко “Веселые устрицы”» (№ 31. С. 13).

Сборник «Веселые устрицы» вызвал самый большой читательский интерес. И по количеству переизданий, и по совокупному тиражу он опережает все другие книги Аверченко. Нельзя сказать, что это самый лучший сборник Аверченко: и его недостатки, и его достоинства определялись тем, что собранные там рассказы писались не для «Сатирикона». В этом сборнике довольно много «политики», рассказов «на общественные темы», что вызывало дополнительный интерес. Кроме того, в год своего появления, когда широкая публика еще не привыкла к книгам сатириконцев, «Веселые устрицы» привлекали своей большей традиционностью — по крайней мере, композиционной. В сборнике три части. В первой — «В свободной России» — собраны сатирические рассказы и фельетоны на политические темы. Во второй — «Около искусства» — рассказы на литературные, театральные и т. п. темы. И, наконец, в третьей — «Мои улыбки» — всё остальное. Структура книги с выделением тематических разделов является необычной для Аверченко, хотя подобное построение сборников часто использовали другие авторы (в том числе и некоторые сатириконцы). В дальнейшем до революции Аверченко придерживался иного принципа, сделав исключение лишь раз — в сборнике «Сорные травы», который вышел под именем Фомы Опискина. Там произведения сгруппированы в три раздела примерно по такому же принципу, что и в «Веселых устрицах».

«Ни такого писателя, как Аверченко, ни такого журнала, как “Сатирикон”, в России никогда еще не было. Наши весельчаки или были безнадежно пошлы, или смеялись тем горьким смехом, от которого мороз подирает по коже. У нас совершенно не было того смеха, о котором Свифт говорил, что он “укрепляет здоровье”. Наш смех разбивал нервы и вел к истерической зевоте», — подчеркивал в рецензии на сборник «Веселые устрицы» Владимир Азов (Речь. 1910. 27 сентября (10 октября). № 265 (1503). С. 3; с. 704 наст. изд.).

Примечательно, что новаторство Аверченко признавал «коллега по цеху», один из самых популярных юмористов рубежа 1900–1910-х годов:

Россия стала здороветь, русские люди стали вылезать из своих футляров, русские юноши начали играть в футбол. Несколько лет назад веселых ребят из «Сатирикона» не впустили бы в большую литературу. Скабичевский вышел бы на пороге с огненным мечом в поднятой правой руке и обрушил бы его на голову главаря этой веселой банды. Нынче весельчаки — желанные гости в нашей литературе. Мы поняли, что все жанры хороши, кроме скучного, и крылатое словечко, дерзкая шутка, задорная выходка не кажутся нам кощунственными. Ах, нам надо поправиться здоровьем, а смех так хорошо отвлекает мысли от терзающей нас зубной боли.

Там же; с. 704 наст. изд.

Скабичевский в рецензии упомянут, разумеется, не случайно. Один из самых влиятельных русских критиков был известен пренебрежительным отношением к творчеству Чехова, которого Скабичевский попрекал, в частности, газетной работой и стремлением рассмешить — и то, и другое он считал делом, недостойным настоящего писателя. В своей «Истории новейшей русской литературы» Скабичевский отмечал:

Ежедневные газеты, равно как и иллюстрированные еженедельные издания, выработали мало-помалу особенного рода литературный жанр мелких рассказов, эскизов, очерков, словно нарочно по своей миниатюрности приуроченных к размерам газетных столбцов, тяготящихся обширными произведениями, которые тянулись бы в десятках номеров. Содержание таких рассказов калейдоскопически разнообразное: на трех-четырех столбцах вы можете встретить здесь то мелкую житейскую сценку, эпизод, анекдот, то трагедию, которой хватило бы на большой роман. Главное условие подобного рода беллетристики — необыкновенная сжатость и краткость; всё искусство и вся трудность заключаются в том, чтобы выставить существенное и дать читателю возможность догадаться об остальном.

Скабичевский 1891: 415

Признавая закономерность появления жанровой формы, Скабичевский не случайно выбирает в качестве определения слово «мелкий»: оно отражает не

только размер произведения, но и отношение критика к такого рода литературе в целом.

«Самым главным мастером» и «создателем такого жанра» Скабичевский называет Чехова, но и ему, по сути, отказывает в признании, считая задачу рассмешить читателя «эфемерной работой»:

Произведения Чехова, при всей их фельетонной скороспелости, обнаруживают очень сильный талант, блестят художественностью и юмором. Но в них один существенный недостаток — полное отсутствие какого бы то ни было объединяющего идейного начала. Автор весь отдается мимолетным впечатлениям, спеша поскорее выразить их в нескольких стах газетных строчек. Вследствие этого и выходит, что рядом с потрясающею драмою, которою случается Чехову обмолвиться мимоходом, вы встречаете у него ряд анекдотов водевильного характера, не имеющих иной цели как лишь посмешить читателей газеты. <...> Трудно сказать, газетная ли скороспелая работа, не давая Чехову ни над чем серьезно задуматься, выработала подобного рода поверхностность и бесцельность его творчества, или же такой уж у него талант, который наиболее пригоден именно к такого рода эфемерным работам.

Скабичевский 1891: 415–416

Впрочем, прежде и подобный отзыв Скабичевского можно было считать признанием: в большинстве своем критики «эфемерную работу» юмористов вообще игнорировали. А феноменальный успех первых книг сатириконцев заключался не только в том, что на них, как вспоминала Тэффи о своем дебютном сборнике юмористических рассказов, «отозвались сердца читателей от восьми до восьмидесяти лет» (цит. по: Ковалевский 1957: 31). Эти книги обратили на себя внимание критиков, тем самым признавших, что в русской литературе произошло заметное событие.

Про Аверченко писали повсюду — в газетах «Речь» и «Новое Время», в «Биржевых Ведомостях» и в «Аполлоне», во «Всеобщем Ежемесячнике» и в «Современном Мире», в «Новом Журнале для Всех» и в «Современном Слове». На появление сборников откликнулись критики, придерживавшиеся разных политических и эстетических взглядов, и отзывы были в основном положительные. Вячеслав Полонский утверждал:

Я боюсь быть пристрастным к этому писателю, боюсь преувеличить размах и глубину его таланта. Но, право, перечитывая его рассказы уже не первый раз

(большая часть их печаталась в «Сатириконе» и других изданиях), я убеждаюсь, что книжки эти представляют крупное литературное явление. Обе они — одна, изданная «Сатириконом» («Юмористические рассказы»), и другая — «Шиповником» («Рассказы», книга первая), говорят об авторе как крупной литературной силе.

Полонский В. Из литературы и жизни. Смех и горечь // Всеобщий Ежемесячник. 1910. № 7. Июль. С. 102; с. 698–699 наст. изд.

«У нас так любят трагические гримасы и так мало смеются, что остается пожелать широкого распространения веселой книжке Аверченко», — заключал другой рецензент, Николай Архипов (Новый Журнал для Всех. 1910. № 19. Май. С. 123; с. 695 наст. изд.). Весной 1910 года ни он, ни кто-либо другой не мог предположить, насколько широким окажется это «распространение».

Всего за несколько месяцев Аверченко стал одним из самых читаемых русских прозаиков. Людям нравилось «соединение простого здравого смысла с веселым характером, наблюдательностью и любовью к жизни», так привлекавшее самого Аверченко в творчестве М. Твена (*Аверченко А.* Марк Твен // Солнце России. 1910. № 12. С. 4). Уставшие от стилистической однородности читатели оценили и умение писателя быть «разнообразным», его стремление находить каждый раз новый поворот темы, использовать различные средства создания комического. Именно широту творческих возможностей Аверченко в рецензии на первые книги прозаика отмечал (хотя почему-то с неодобрением) В.П. Кранихфельд: «Что ни рассказ, то иная форма, иной стиль, как будто книгу писал не один Аркадий Аверченко, а вся его семья, состоящая по крайней мере из пяти-шести юмористов разных темпераментов и вкусов» (Современный Мир. 1910. № 9. Отд. II. С. 171).

Обратили внимание на сборники Аверченко и модернистские критики. Сергей Ауслендер признавал:

Две опасности грозят современному юмористу: стать тривиальным, повторять затасканные остроты, как старый ленивый клоун выкидывает всё те же давно известные штучки, которым еще может в тысячный раз аплодировать галерка; или стараться быть ни на кого не похожим, напряженно выдумывать каждую неделю новое и оригинальное и, в конце концов, потерять всякую возможность смеяться, так как смех всегда должен быть свободным, незамысловатым и несложным.

Аверченко выходит с достаточной честью из обоих затруднений. <...> Аверченко умеет находить неожиданно-забавные детали, не переходить границ художественности и, наконец, полно выявляет все свои способности неплохого рассказчика.

Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3;
с. 696 наст. изд.

А Михаил Кузмин в «Аполлоне» в «Заметках о русской беллетристике» предполагал, что «г. Аверченко сможет дать нам вполне серьезные (не по тону, ради Бога, не по тону!) и не совсем слыханные в России произведения» (1910. № 10. С. 27; с. 703 наст. изд.).

Подобной реакции на первые книги молодого писателя-юмориста ранее никогда в России не было. Ни Лейкин, ни Мясницкий, ни Дорошевич, ни даже Чехов не смогли вызвать столь пристальный интерес. Чем же юмористика Аверченко поразила критиков? Прежде всего — своей непохожестью на других. Юморист не стремился к правдоподобию. Он любил странные, удивительные происшествия и характеры. Комическое у него строилось на нарушении нормы, причем часто на нарушении резком, практически нереальном. О «ненормальных» с точки зрения повседневного поведения обычного человека событиях автор рассказывал зачастую от первого лица, создавая иллюзию достоверности, что само по себе подчас дает комический эффект. Аверченко часто использовал гиперболизацию, доводил комическое до абсурда, до эксцентрики, но буффонада при этом была не самоцелью, а средством, позволяющим ярче раскрыть характеры, заострить конфликт, увлечь читателя. «Всё преувеличено, всё утрировано, но почти нигде не перейдены границы художественного правдоподобия; нарочитость чувствуется очень редко, — отмечал Ауслендер. — Постоянное влечение Аверченко к фантастическому преувеличению, к умному и часто злому шаржу, дающему иногда интересные и остроумные гротески, делают его книгу любопытной и своеобразной» (Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3; с. 697 наст. изд.).

В 1908 году Аверченко противопоставил «Сатирикон» старым еженедельникам, довольно резко охарактеризовав конкурентов:

«Будильник»: старичок с дрожащими руками, подслеповатый, хихикающий скрипучим беспричинным смехом. Выходит в старческом халатике с яркими разводами, и если этот халатик распахнуть, то, как у Плюшкина, видно, что под халатиком ничего нет.

«Шут»: некогда блиставший на фоне тоскливых бесцветных изданий, сам превратился в убогого клоуна, без малейших признаков оригинальности и остроумия. Теперь его дряхлость преждевременна и вид уныл до чрезвычайности.

«Осколки»: был честный симпатичный журнал, в котором при Лейкине работали Чехов, Будищев и др. Теперь это — кокотка, павшая на склоне дней своих, размалеванная копеечными красками, безрадостная, со своим примитивным обольщением с помощью скверно нарисованной ноги или лихо выведенного женского бедра.

Сатирикон. 1908. № 34. 29 ноября. С. 5–6

«Шут» в ответ на вышеприведенную характеристику обвинил сатириконцев в подражательности — М. Твену, «Симплициссимусу», О. Гульбранссону, Т.-Т. Гейне, а в выпаде Аверченко усмотрел «самую обиденную рыночную хватку — оплевать соседа ради своей выгоды» (Ответ «Сатирикону» // Шут. 1908. № 50. Подписано: *Старый «Шут»*).

Юмор Аверченко не раз называли «американским», но в этом определении на самом деле отразилось лишь стремление подчеркнуть отличие манеры Аверченко от традиционной «очерковой» стилистики. Об американском юморе судили главным образом по подборке лучших рассказов М. Твена. Но те же приемы в русской литературе встречаются в отдельных произведениях Чехова, Дорошевича, ряда других предшественников Аверченко. Существовало даже жанровое определение «американский рассказ», которое использовали в русских сатирико-юмористических журналах. Откровенно вымышленные сюжеты есть, к примеру, у Мясницкого в рассказе «Шиворот-навыворот. (Из записок российского гражданина)» (см.: Развлечение. 1904. № 16). В его цикле под общим заглавием «В 1955 году. (Рассказы, сценки, шаржи)», который печатался в московском журнале «Развлечение» в 1905 году за подписью «Будущий внук И. Мясницкого», действие переносится на много лет вперед. В 1904 году Мясницкий публикует в «Развлечении» два рассказа «из американских нравов» — «13» (№ 40) и «Реклама» (№ 43), а также миниатюру «Справедливость. (С турецкого)» (№ 18).

На резкой гиперболизации, фантастике, гротеске строятся многие произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. К этой линии тяготел даже Лейкин в своих ранних произведениях — прежде чем он начал отдавать откровенное предпочтение «бытовым наблюдениям» и в русской юмористике стали доминировать натуралистические тенденции.

Подчеркнутое преувеличение часто использовал Влас Дорошевич. В его рассказах постоянно чувствуется «присутствие автора», который активно «вторгается» в действительность. В отличие от Лейкина, Мясницкого и других представителей «традиционной» школы юмористики, Дорошевич не стремился объективизировать повествование, наоборот — подчеркивал оригинальность своего взгляда на вещи. Задачи, которые ставил перед собой Дорошевич, не сводятся к фиксации внешне смешного: он работал над техникой не воспроизведения, а создания комического. Искусство не в том, чтобы подметить на улице смешную ситуацию, а затем максимально точно воспроизвести ее на бумаге; искусство в том, чтобы найти комическую сторону в любом явлении. «Его манера писать была великим искусством преподносить серьезную мысль в доступной, занимательной, остроумной форме», — утверждал в некрологе Ю. Волин (Экран. 1922. № 25. С. 6).

Как и Чехов, Дорошевич сознавал, «что игриво и легко можно писать не только о барышнях, блинах и фортепьянах», «что оригинальность автора сидит не только в стиле, но и в способе мышления» (Чехов 1974—1983/20: 32), добавим, во многом и определяющем стиль. Уже будучи маститым литератором, Дорошевич отмечал:

Непременное условие фельетона:

- Остроумие мысли.
- Самой мысли, а не слова.
- Очень ловкая, яркая, выпуклая ее постановка.

Цит. по: ПК 1916: 216.

Аверченко воспринимали как приверженца «американской» манеры письма, но та жанровая форма, которая называлась в русской юмористике «американский рассказ», в первых сборниках Аверченко почти не встречается. Даже в рассказах «Рыцарь индустрии» и «Поэт» скорее нужно говорить о вторжении образа из «американского рассказа» (поэт, Цацкин) в достаточно устойчивый мир русской бытовой юмористики.

Новаторство Аверченко в первую очередь было связано не с влиянием извне, а с теми общими изменениями, которые происходили в русской литературе начала XX века, и связь манеры Аверченко с русскими традициями комического гораздо прочнее, чем представлялось многим его современникам. В произведениях Аверченко мы находим прямые отсылки к Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Достоевскому, Чехову, Горбунову и др.

Американский юмор (вернее, то, что так называли) всё же в большей степени строится на внешнем комизме, «комедии положений» в чистом виде (по принципу «торт — это всегда смешно!»). У Аверченко же — и в этом он продолжает развивать русские традиции — в центре внимания остается комический характер. Для него первична не ситуация, заставляющая любого вести себя определенным образом, а тот или иной человеческий тип, вокруг которого вырастает цепочка ситуаций. «Американизм» же — если использовать данное слово — проявлялся у Аверченко в стремлении ориентироваться на максимально широкую аудиторию, писать для всех, а не для какой-то определенной группы читателей. В 1925 году рижская газета «Сегодня» отмечала:

Имя Аркадия Тимофеевича Аверченко было, может быть, одним из самых популярных литературных имен последних десятилетий. Его знали не только любители литературы, не только профессиональные читатели, но и самые широкие круги. И это было результатом не потакания вкусам толпы, не погони за популярностью, а последствием действительно подлинного своеобразного таланта.

М.Г. Аверченко А.Т. // № 58. 13 марта. С. 1

Аверченко старался сделать рассказ или фельетон равно смешным для людей с разным уровнем образования, с различными взглядами и жизненным опытом. Кого-то должна была рассмешить ситуация, кого-то характеры, кто-то получал удовольствие от языковой игры, интонации, иронии. Ну а «идеальный» читатель мог прочувствовать комическое на всех уровнях — и по достоинству оценить не просто художественное, а высокохудожественное произведение!

Аверченко отказывается от принципа «экономии» комического, которым руководствовались большинство его предшественников. Лейкину для сценки хватало одного смешного слова — второе он приберегал для следующей публикации. Аверченко, наоборот, старается добиться максимальной концентрации комического. Смешно должно быть всё — сюжет, характеры, реплики, текст от автора... Как удавалось писателю, столь «расточительно» относившемуся к своему остроумию, на протяжении десяти лет публиковать по несколько произведений в каждом номере «Сатирикона» («Нового Сатирикона»), регулярно печататься при этом в других периодических изданиях да еще ежегодно издавать книги?

Когда в течение 1910 года Аверченко выпустил сразу несколько сборников, его стали обвинять в многописании. «Упрек в многописании — если в него вдуматься — упрек, не имеющий под собой никакой солидной почвы. И вот почему: я пишу только в тех случаях, когда мне весело. Мне часто очень весело. Значит, я часто и пишу» (с. 180 наст. изд.), — ответил критикам Аверченко. Подтверждение его слов находим и в воспоминаниях М.Г. Корнфельда: «Когда я познакомился поближе с Аркадием Тимофеевичем, я убедился, что юмор был его природной стихией и что он воспринимал и комментировал любой факт, любую ситуацию не иначе как в плане безмятежного юмора» (Корнфельд 1990: 271).

К оценке издателя «Сатирикона» можно добавить лишь то, что Аверченко не только добродушно посмеивался над человеческими недостатками, но и «бичевал общественные пороки». Он мгновенно реагировал на всё, что заслуживало насмешки. Общественная жизнь и литература, театр и коммерция, путешествия и бытовые заботы, семья и школа, история и современность — от его остроумного взгляда ничего не ускользало.

«От сердца чистого смеется | (Смеяться, право, не грешно!) | Над всем, что кажется смешно» — эти карамзинские строки как нельзя лучше подходят для характеристики Аверченко. Дружеские отношения сатириконцев и редакции «Аполлона» не помешали Аверченко иронизировать над началом программной статьи Иннокентия Анненского в первом номере «Аполлона» («Жасминовые тирсы наших первых менад примахались быстро...»). «Мне отчасти до боли сделалось жаль наш бестолковый русский народ, а отчасти было досадно: ничего нельзя поручить русскому человеку... — откликнулся он в миниатюре “Аполлон”. — Дали ему в руки жасминовый тирс, а он обрадовался и ну — махать им, пока примахал этот инструмент окончательно» (с. 595 наст. изд.).

Если мы пролистаем подшивку «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», то увидим среди пародируемых и высмеиваемых многих из тех, кто печатался в журнале — часто в соседних номерах, а то и на соседних страницах. Подобная позиция — человека «объективного», смеющегося над всем, что смешно, невзирая на дружеские связи, — позволяла Аверченко сохранять хорошие отношения со многими из тех, кому доставалось на страницах «Сатирикона». Тэффи вспоминала:

Обиженные и осмеянные им относились к нему без злобы. Еще недавно один банкир сказал мне: «Треплет меня Аверченко без конца!» Я ему говорю:

«Оставьте вы меня, наконец, в покое!» А он говорит: «Не могу! Обидно такую хорошую тему не использовать. Уж вы не сердитесь». — «Ну, что поделаешь! Я уж и не сержусь».

Мало кто из русских юмористов работал с такой интенсивностью, как Аверченко. Его «комический» взгляд на вещи позволял превращать в юморески случайные наблюдения, отдельные фразы, газетные заметки, выводить в качестве персонажей и своих знакомых, и известных всей стране людей; он использовал малейшую возможность иронического комментария, пародировал литературные и театральные произведения, учебники и путеводители.

«Глаз г. Аверченко как бы защищен некоторым приспособлением, охраняющим его от трагичного в жизни. Он замечает лишь то, что смешно, а над смешным — как же не посмеяться!» — подчеркивал один из рецензентов (Всеобщий Ежемесячник. 1910. № 7. С. 102). Аверченко действительно выделялся уникальным умением подмечать комическую сторону явлений. Но он вовсе не был огражден от трагического: просто в своих произведениях он рассматривал и показывал жизнь именно с юмористической точки зрения. Тэффи однажды очень точно сказала, что каждый ее смешной рассказ, «в сущности, маленькая трагедия, юмористически повернутая» (цит. по: Одоевцева 1989: 93). Конечно, человеческие недостатки в любой момент могут привести к трагедии, но нельзя всё время жить в ожидании катастрофы. И положения, в которых оказываются персонажи Аверченко, вызывают у нас не страх, не желание их спасти, защитить. Писатель заставляет героев перейти границу, до которой еще возможно сострадание. Они не просто выглядят смешно, но и сами виноваты в этом.

К традиционному набору главных героев — дураков, растяп, неудачников — у Аверченко прибавляется новый. Он олицетворяет собой столь любимый писателем Здравый Смысл. Именно в столкновении с ним отчетливо проявляются глупость, пошлость, серость. И Аверченко не только «замечает» то, что смешно, он придумывает дурацкие положения. Но самая неожиданная ситуация с безупречной логикой вырастает из характера персонажа: писатель доводит до конца ту линию, которую в жизни чаще всего прерывают на полпути. И он, писатель, не собирается проявлять снисхождение и сочувствовать тем, кто сочувствия не достоин.

«Иногда мне приходит в голову: уж не Байрон ли — редактор нашего “Сатирикона”? Уж не Генрих ли Ибсен? Быть может, это только пишется “Аркадий Аверченко”, а читать належит “Фридрих Ницше”? — задавался вопросом

Корней Чуковский в марте 1911 года в начале статьи “Устрицы и океан”. — В самом деле, вы только подумайте, какая гордая ненависть к среднему, стертому, серому человеку, к толпе, к обывателю, к жителям долин и низин — у этого великолепного журнала» (Речь. 1911. 20 марта (2 апреля). № 77 (1673). С. 3). Но ненависти в творчестве Аверченко еще не было, она появится позже — в эмиграции. И это будет ненависть к тем, кто теряет человеческий облик и уничтожает всех, стремящихся оставаться людьми. А до революции Аверченко скорее не ненавидел, а удивлялся. «К вам пришел человеческий гений, явился настоящий Здравый Смысл — и вы готовы, убогий вы человек, надавать ему оплеух!!» — в недоумении восклицал он в миниатюре 1911 года, названной «Под лучом здравого смысла» и напечатанной с посвящением «Человечеству» (Аверченко 1911б: 50).

Желание растормошить окружающих, заставить их задуматься над происходящим не оставляет писателя. Если люди не желают прислушаться к голосу Здравого Смысла, тогда автор попробует придать новый смысл их существованию: они пригодятся для того, чтобы над ними посмеяться. Ведь волшебная сила юмора заключается в том, что пороки и недостатки из источника потенциальной опасности превращаются в источник радости, заставляют окружающих не страдать, а веселиться.

Аверченко любит парадоксы, но многие из них — лишь кажущиеся. На самом деле он восстанавливает естественную связь вещей, помогает увидеть за повседневной суетой суть происходящего. Люди не желают вновь обрести Истину, всячески противодействуют тем, кто напоминает им о Здравом Смысле. «Люди хотят бродить во тьме, хотят быть слепыми, беспомощными, глупыми щенками, и горе тому, кто попытается показать им ослепительный свет истины, — с сожалением констатирует писатель в рассказе “Стакан чаю”. — Что ж... как им угодно» (Аверченко 1912г: 19). Довольно самонадеянно для юмориста — говорить об «ослепительном свете истины»? Конечно, Аверченко иронизирует, но если мы сейчас, через сто лет после появления первых книг писателя, сравним его рассказы с произведениями многих так называемых «серьезных» авторов, то увидим: за иронией часто скрывается та самая Истина — с большой буквы.

Во многих рассказах Аверченко действуют люди сильные, способные превозмочь и себя, и обстоятельства. Их можно сравнить с персонажами О. Генри или Марка Твена, но можно и с удачливыми обманщиками из народных

сказок, с виртуозно преодолевающими все преграды героями комедий и водевилей. Комическая ситуация у Аверченко часто разрешается вполне благополучно — и это ощущение победы над глупостью, пошлостью или над жутким стечением обстоятельств передается читателям. Они смеются над рассказами и радуются жизни. Даже поражение не оставляет ощущения тупиковости, беспросветности. Уже то, что нашелся человек, способный в трудной ситуации смеяться, и нашлись тысячи, десятки тысяч, миллионы, способные хохотать вместе с ним, вселяет убежденность, что жизнь гораздо лучше и выше той дряни, которая в ней — увы — существует.

Юмор Аверченко, юмор «Сатирикона» по самой сути своей — жизнеутверждающи. Преломляясь сквозь призму юмористического восприятия, то мелкое и гадкое, что есть в жизни, перестает раздражать, вызывать огорчение. В мире, который создавал в своих довоенных произведениях Аверченко, не было зла — только какая-то безумная путаница, невероятным образом захватывающая людей. Он регулярно высмеивал политиков и общественных деятелей, но и те не представляли как реальная угроза, превращались в персонажей, избавиться от которых по воле автора можно, казалось бы, одним росчерком пера. Как писал пражский журнал «Студенческие Годы», «бесконечно ценно и, может быть, ценнее всего у Аверченко — непосредственная радость жизни, приятие ее со всеми ее недостатками и утехами, обостренное стремление постичь ее во всех ее проявлениях, как можно больше чувствовать и переживать» (Вл. Л. [Лазаревский Вл.] А.Т. Аверченко // 1925. № 2 (19). Март–апрель. С. 16–17; цит. по: ТАОС 2014: 408).

Аверченко стремился быть в самой гуще жизни, он любил жизнь и заражал своим жизнелюбием всех вокруг. «Автор наблюдает жизнь вовсе не с таких возвышенных мест, а находится где-то поближе к жизни. Ибо так тонко подмечать смешные стороны ее, так улавливать тончайшие нюансы можно только на самом близком расстоянии к рассматриваемому предмету», — подчеркивал Николай Архипов в рецензии на первую книгу Аверченко (Новый Журнал для Всех. 1910. № 19. Май. С. 123; ср. с. 695 наст. изд.). О том же самом писал Петр Потёмкин в 1925 году:

<...> читатель русский, измученный пессимизмом и нъгтем, царившими в литературе в начале XX-го столетия, набивший себе оскомину на фантастических купцах Лейкина, нашел, наконец, в Аверченко то, к чему потаенно стремился, нашел в нем юмор быта, смех живой жизни, современной ему, смех не задним

числом, как у Лейкина, старавшегося породить его, пережевывая давно умершее и уже непонятное, а свежий смех сегодняшнего дня, смех, рождавшийся от описания многих углов жизни, а не только одного Замоскворечья.

Потёмкин П. Об Аркадии Аверченко //
Последние Новости. 1925. № 1500. 15 марта. С. 2;
с. 708 наст. изд.

Определение «смех живой жизни» точно отражает суть происходивших в это время в литературе перемен — и не только в сфере комического. На рубеже 1900—1910-х годов, по сути, возникает новое направление, бросающее вызов и традиционному критическому реализму, и модернизму начала века. Началом, объединяющим новейшие течения, становится не критика жизни, а декларативное ее приятие. «Живая жизнь не может быть определена никаким конкретным содержанием. В чем жизнь? В чем ее смысл? В чем цель? Ответ только один: в самой жизни. Жизнь сама по себе представляет высочайшую ценность, полную таинственной глубины» (Вересаев 1991: 85), — утверждал Викентий Вересаев. Первая часть его книги «Живая жизнь», которая стала своего рода манифестом, вышла практически одновременно с дебютными сборниками Аверченко, Тэффи, Саши Черного¹¹.

Отношение к жизни — вот что привлекало читателей в творчестве Аверченко. За его легкостью скрывалась настоящая глубина — глубина постижения человеческих характеров, взаимоотношений, самого смысла Бытия. В то время как общественники искали суть происходящего в производительных силах и производственных отношениях, в социальном противостоянии и государственной политике, Аверченко помогал каждому увидеть, насколько комичны бывают наши поступки, суждения, стремления, когда мы забываем о том, кто даровал нам жизнь, и о том, ради чего мы живем. Помогал увидеть, посмеяться и измениться.

«Он был здоров. В нем не было “измов”, городских изломов, “тонкостей, меткостей, едкостей”, по слову одного из “сатириконских” поэтов. Картина была любопытная: в среду, заполненную спорами об извивах, всяких “фокусах-покусах” по Пшибышевскому и Тетмайеру, о последних “изысках” Вячес-

¹¹ В 1904 г. в январской книжке «Ежемесячного Журнала для Всех» был напечатан очерк Н. Тимковского с тем же названием «Живая жизнь», где давалось иное ее понимание. Там «живая жизнь» противопоставлялась жизни «ничтожной», которая ничем не лучше смерти.

лава Иванова, в среду, разъединенную спорами о “мистическом анархизме” Чулкова, дуэлями задорно-упругого Петра Пильского с коллективом “Литературного Распада” – в такую среду вдруг сваливается откуда-то из харьковских “бахчей”, с какой-то станции Алмазной, из неторопливой, по-доброму хитрой и по-хитрому умной Хохландии – какой-то молодой, с белыми, крепкими зубами, с голосом вкрадчивым и порой мягко (этот недостаток к нему “шел”) спотыкающимся, еле приметно заикающимся. Детина, талантливая в сердцеvine, в корне, в соку, внутри? – вспоминал Сергей Горный. – Аверченко не декламировал. Ему было некогда. Здоровый, сильный, простой (он в жизни, в быту – переоценил свою силу, перегрузил ее), он писал крепкие, ядреные, как огородный огурец, вещи и знать не хотел о Пшибышевском. <...> Живое отрицание “мистического анархизма”. Здоров, весел, ярок. Полон солнца и звенящей бездумной капли. И не верхогляд. И не потрафляющий зубоскал. Не Лейкин в ухудшенном издании. Совсем нет. Настоящий, Божьей милостью, талант. Видящий, как-то по-своему, грани и глыбы жизни. И приемлющий мир. Любящий его нежно и сыновне. <...> сочный, масляный, полный благодарности Творцу за благодать жизни.

Аверченко оздоравливал нас. Он был живым доказательством того, что можно расти, покорять, приобретать известность и не копать “бесшумно, чуть слышно” в чешере и рокфоре тогдашнего литературного быта. Можно, оказывается, и без Чулкова, и без Фриче, и без споров об “оргазме”.

Оказывается, главное не это. Главное в тебе самом, внутри» (*Горный С.* Аркадий Аверченко: К годовщине смерти // Возрождение. 1926. 5 апреля. № 307. С. 2).

В 1910 году четко обозначились существенные изменения в русской литературе в целом. З.Н. Гиппиус утверждала в декабрьском номере «Русской Мысли» за 1910 год, что «последний год не дал нам ничего, почти ничего», что это «не год исполнений и даже не год надежд, а вернее всего – предчувствий». Но Гиппиус в данном случае не желала замечать прорыв литературных оппонентов: в действительности 1910 год стал именно «годом исполнений», во многом определивших дальнейшее развитие русской литературы. Не случайно на страницах того же журнала еще в марте Л. Гуревич указывала на то, что литература находится «на грани нового периода», правда, рассчитывая скорее на «преодоления себя» создателями периода декадентского (№ 3).

То, что на протяжении предшествующих лет оформлялось в виде «надежд» и «предчувствий» на страницах газет и журналов, в 1910 году было за-

фиксировано в книгах — достаточно перечислить некоторые издания этого года. В январе и апреле «Скорпион» выпускает «Первую книгу рассказов» (она датирована еще 1909 годом) и «Вторую книгу рассказов» М.А. Кузмина (отметим заодно и то, что в январском номере «Аполлона» печатается программная статья Кузмина «О прекрасной ясности: Заметки о прозе»). А в апрельском номере «Аполлона» Вяч. Иванов называет Кузмина — «очаровательного и единственного в своем роде фабулиста-прозаика» — «новым словом в нашей литературе». В апреле же в издательстве «Скорпион» выходит книга Н.С. Гумилёва «Жемчуга: Стихи». Издательство «Земля» выпускает первый том «Рассказов» А.С. Грина, «Знание» в октябре издает первый том «Рассказов» И.Д. Сургучёва, а в ноябре — первый том «Рассказов» И.С. Шмелёва, «Шиповник» в октябре — первый том «Сочинений» А.Н. Толстого, а «Гриф» в декабре — его книгу «За синими реками» (обе датированы 1911 годом). В 1910 году громко заявляют о себе футуристы — выходит первый сборник «Садок судей», в котором принимают участие Каменский, Бурлюк, Хлебников, Гуро, а также первый сборник «Студия импрессионистов», включивший произведения Хлебникова, Евреинова, Бурлюка и др. Кстати, именно в этом сборнике Хлебников печатает свое «Заклятие смехом».

В течение 1910 года издаются и книги тех, кто определял лицо русской литературы в 1900-е, к примеру, «Собрание стихов. 1883–1910» Д.С. Мережковского (СПб.: Просвещение) и «Собрание стихов. Книга вторая. 1903–1909» З.Н. Гиппиус (М.: Мусагет), о которой, кстати, Кузмин резко отозвался в «Аполлоне»: поэт «без очарования, без певучести, с мыслями скорее рассудочными, чем поэтическими» (№ 8. Май–июнь. Хроника. С. 61). В альманахах и сборниках за этот год публиковались, к примеру, «Городок Окуров» и «Васса Железнова» М. Горького, «У последней черты» М.П. Арцыбашева. Наконец, в 1910 году сначала в журнале «Современный Мир», а затем и отдельным изданием в «Московском Книгоиздательстве» выходит «Деревня» И.А. Бунина.

Как видим, с точки зрения сегодняшней говорить, что 1910 год «не дал почти ничего», нельзя, но ни заслуженные уже писатели, ни новаторы и тогда не могли заслонить «ворвавшихся» в русскую литературу юмористов. «Смех реабилитирован, и этого нельзя не поставить в актив нашему немощному, бездейственному времени, — писал Л.М. Василевский в статье, которая так и была озаглавлена — «Реабилитация смеха». — Вернее, впрочем, будет сказать, что смех реабилитировал сам себя, и в значительной степени благо-

даря нынешнему официальному представителю русского смеха, журналу «Сатирикон». Молодая редакция его, с А. Аверченко во главе, сумела необычайно быстро облагородить и утончить русский смех, значительно расширить объекты его ведений, углубить его содержание и захват» (Речь. 1910. № 174. 28 июня (11 июля). С. 3).

Однако желанными гостями сатириконцы были далеко не для всех. В роли Скабичевского пробовали выступать Владимир Кранихфельд, Владимир Боцяновский, Зинаида Гиппиус. Кранихфельд в журнале «Современный Мир» сначала раскритиковал сборник Аверченко, а затем обрушил свой гнев на всех юмористов в целом, опубликовав статью под названием «В подполье» — она, кстати, появилась в том же номере, где и окончание бунинской «Деревни». Критик уподоблял Аверченко, Тэффи, Венского, Гуревича, Архипова, Шолом-Алейхема «подпольному человеку» Достоевского и противопоставлял их произведения тем, что были созданы в годы первой революции:

Характеризуя содержание и небывалый раньше подъем и успех нашей юмористики, я подчеркивал ее огромное общественное значение. Перед ней стояла тогда определенная общественная задача, которую она выполняла с достоинством и мужеством. Для современного юмориста характерно прежде всего то, что, всеми средствами стараясь насмешить и позабавить читателя, сам он скучает. Безнадежно скучает.

Кранихфельд Вл. Литературные отклики. В подполье // Современный Мир. 1910. № 11. Ноябрь. Отд. II. С. 63–64

Для критика не имело ни малейшего значения, что та якобы «юмористика», которая выполняла «общественную задачу» в 1905–1906 годах, на самом деле либо была сатирой, либо, что встречалось гораздо чаще на страницах так называемых сатирико-юмористических журналов тех лет, вообще лежала вне сферы комического. Кранихфельд не считал нужным различать сатиру и юмор — последний для него просто не существовал.

Ударили по юмористам и из противоположного лагеря. Зинаида Гиппиус (под псевдонимом Антон Крайний) в 1910 году в «Русской Мысли» не только узрела на произведениях юмористов «общую нашу литературную печать: нигилизма», но и прямо указала, что место Аверченко, Тэффи, Саше Черному — в газете «около объявлений» (*Крайний А.* Разочарования и предчувствия

(1910 год) // Русская Мысль. 1910. Декабрь. Отд. П. С. 182). Гиппиус утверждала также, что «нынешние возрожденные смешители необыкновенно портят язык»: «Думали, должно быть, вначале, что, чем коверканнее, тем смешнее, — а потом привыкли. Или им так свойственно» (Там же).

Несправедливость подобных упреков очевидна: достаточно прочитать эту книгу, чтобы понять — языком Аверченко владел виртуозно, чувствуя тончайшие нюансы смысла, интонации, — как и Тэффи, и Саша Черный. Не случайно Зошенко писал о Тэффи: «Во всех ее рассказах какой-то удивительный и истинный юмор ее слов, какая-то тайна смеющихся слов, которыми в совершенстве владеет Тэффи, между тем как содержание ее рассказов часто бывает вовсе не смешным и даже трагичным» (Зошенко 1974: 140–141).

Примечательно, что явное неприятие первых книг сатириковцев выказали представители направлений полярных, но равно при этом далеких от идеи «живой жизни». И столь же показательно, что среди сотрудников «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» были многие из тех, кто утверждал в 1910-х годах новые взгляды и новую эстетику, — М.А. Кузмин и О.Э. Мандельштам, С.М. Городецкий и Н.С. Гумилёв, В.В. Маяковский и В.В. Каменский. И это далеко не все имена.

Совсем уж неожиданно звучали претензии Владимира Боцяновского, выражавшего недовольство тем, что сотрудники журнала сатиры и юмора стремятся развеселить читателя: «Большое несчастье для “Сатирикона” — это неизбежное желание смешить и увеселять во что бы то ни стало. И когда я читаю хотя бы рассказы того же Аверченко, мне всегда бывает досадна именно эта их сторона» (*Боцяновский Вл.* Литературные странички // Утро России. 1911. 30 июня). (Это обвинение тем более странно, что оно абсолютно беспочвенно: в «Сатириконе» публиковались и совсем невеселые произведения — к примеру, таковы многие стихотворения А. Рославлева.)

Подобную критику удавалось выдержать далеко не всем. Безапелляционные заявления литераторов, не допускающих самой возможности существования высокохудожественного юмора, погубили в России не одно комическое дарование. Л.М. Василевский подчеркивал:

Нельзя достаточно сильно пожалеть об этом упорном пренебрежении к смеху, об этом странном против него предубеждении. Его не сломила даже всё разбившая, на всё посягавшая полоса «дней свободы»: во время самого пышного расцвета родной сестры юмора, сатиры, когда казнившие бичом смеха, листки

и журналы возникали десятками, — толстые журналы до конца оставались в стороне от этого потока, гордо запирали свои двери перед сатириками и юмористами. Повторилась — и увы! — повторится и теперь! — та же бесконечно грустная цепь причин и условий, какие гнали когда-то Антошу Чехонте на задворки литературы...

Василевский Л.М. Реабилитация смеха // Речь. 1910. 28 июня (11 июля). № 174. С. 3

Людям, не обладавшим подлинным чувством юмора и воспринимавшим смех как нечто исключительно низменное, не способным постичь «тайну смеющихся слов», не мог противиться даже Чехов. Да и Саша Черный отошел от «Сатирикона» во многом под воздействием такого рода публикаций. Но Аверченко выстоял.

«Они смешат — а нам не смешно!» — заявляла Гиппиус. Вопрос только: кому — нам? Судя по тому, что книга «Веселые устрицы» выдержала в течение полугода несколько изданий, читателям было смешно! В 1910 году стала выходить «дешевая юмористическая библиотека “Сатирикона”», которая открылась, естественно, книгой Аверченко, и, судя по начальным тиражам книжек — 40 000 экземпляров! — читателям было очень смешно! И всё возрастающие популярность и — что немаловажно — влияние «Сатирикона» показывали, что число тех, кому было очень смешно, постоянно увеличивалось.

Прежде юмористов читали в основном «от нечего делать»: не случайно в ходу был даже специальный термин «вокзальная литература» — то есть та, которую покупают в привокзальном киоске, чтобы занять себя в пути. А теперь еженедельник, да еще специализирующийся на сатире и юморе, цитировали с трибуны Государственной Думы, на него ссылались в передовых статьях серьезных общественных газет, о нем, в конце концов, писали обычно не замечающие всякую «мелочь» важные «толстые» журналы.

Аркадий Бухов напоминал в 1925 году:

Кто не читал Аверченко? Его читали и любили все, потому что его талант доходил до любого сердца. Разве это не показательно для размаха его необычайной популярности, что даже после революции, когда уже вокруг его имени начало раздаваться шипенье «исписался», мы натываемся на такие, с трудом обобщаемые факты: одну из старых книг Аверченко нашли в Екатеринбургe,

в комнате расстрелянного царя, а более свежую в кабинете только что умершего Ленина!

Бухов Арк. Умер Аверченко // Эхо. 1925. 14 марта. № 67 (1446)

Свою статью о первых книгах юмористических рассказов Аверченко, опубликованную в 1910 году в газете «Биржевые Ведомости», писатель и критик А.А. Измайлов озаглавил «Цветы невинного юмора». Но завершалась эта статья неожиданными сомнениями в том, что Аверченко удастся и дальше оставаться столь же веселым: «Сохранит ли Аверченко веселый смех дальше — вопрос. Дай Бог! Пока нотки задумчивости редки в его рассказах. Или уж таков удел русских юмористов, что они всегда неизбежно кончают глубоким пессимизмом?» (*Измайлов А. Цветы невинного юмора. (Юмористические рассказы А. Аверченко) // Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1910. 21 июня (4 июля). № 11774. С. 3.*)

Позиция писателя действительно начинает меняться во время Первой мировой войны. Чтобы понять это, достаточно сравнить названия некоторых его книг: «Рассказы для выздоравливающих» (СПб., 1912), «О хороших, в сущности, людях» (СПб., 1914) — и «Волчьи ямы» (Пг., 1915), «Караси и шуки: Рассказы последнего дня» (Пг., 1917). Тональность фельетонов Аверченко становится жестче. Писатель ненавидит всё, что лишает человека облика человеческого, — «звериное в людях» (так называется один из рассказов 1916 года; см.: Новый Сатирикон. 1916. № 15. С. 11–12). В написанной в том же году миниатюре «Корова, которую нужно повесить. (Басня прозаического содержания)» Аверченко выступает сторонником самых радикальных мер: «Мораль та, что если сделать попытку повесить одну-другую скотину, то о дороговизне никто и не вспомнит». «Сейчас война, — заключает он. — Не до сантиментальностей» (Новый Сатирикон. 1916. № 38. С. 2–3). Впрочем, новые сборники Аверченко соседствуют на прилавках с его первыми книгами, которые продолжают регулярно переиздаваться до революции, а значит, по-прежнему пользуются успехом у читателей. Сборник «Веселые устрицы» остается рекордсменом среди всех книг Аверченко: в 1916 году в Петрограде появилось 24-е издание книги. В том же году выходит 10-е издание второй книги «Рассказов (юмористических)», а в 1917-м — 12-е издание первой книги «Рассказов (юмористических)».

В 1917 году сатириконцы под предводительством Аверченко восторженно приветствуют свержение монархии, несмотря на то, что среди пришедших

к власти были многие из тех, кого раньше высмеивали на страницах «Нового Сатирикона». С семнадцатого номера, вышедшего семнадцатого марта, рядом с заглавием журнала, там, где раньше — с начала мировой войны — была надпись «Война!», теперь появляются слова «Да здравствует республика!». Перепечатавшая Манифест об отречении Государя Императора, редактор «Нового Сатирикона» в конце добавляет: «Прочел с удовольствием — Аркадий Аверченко» (1917. № 17. С. 2). Рядом публикуется редакционное заявление, не оставляющее сомнений в том, какую позицию занимают сотрудники журнала:

Цепи сброшены.

Здравствуй, радостный свободный русский читатель!

Приветствуя тебя, свободные сатириконцы дают аннибалу клятву и впредь черное называть черным и всякого негодя торжественно короновать венком из крапивы и чертополоха.

Только теперь мы будем делать это иначе: подгнившие веревки лопнули, руки освободились, и мы, откусив в собственном рту опостылевший Эзопов язык, радостно выплевываем его в страшную святочную харю рухнувшего романовского строя.

И отныне заговорим свободно, без уверток, намеков и подмигиваний — да здравствует свободное, в муках рожденное Российское Слово!

Новый Сатирикон. 1917. № 17. С. 2

О мартовских настроениях — своих, своих друзей, своих читателей — Аверченко вспомнит потом в Белом Крыму, в Севастополе, когда в «старой шкатулке» обнаружится записка, датированная первым марта:

«Итак, друг Аркадий — свершилось! Россия свободна!! Пал мрачный гнет, и новая заря свободы и светозарного счастья для всех грядет уже! Боже, какая прекрасная жизнь впереди. Задыхаюсь от счастья!! Вот теперь мы покажем, кто мы такие. Твой Володя».

Да... показали.

Опускаю усталую голову на еще не разобранный груды, и — нет слез, нет мыслей, нет желаний — всё осталось позади и тысячько насмешливых глаз глядит на нас, бедных.

Рассказ «Моя старая шкатулка» из сборника «Нечистая сила»;
цит. по: Аверченко 1999/1: 132.

Ожидания Аверченко не оправдываются, и в середине 1917 года характер его творчества претерпевает еще более резкие изменения. В рассказах и фельетонах мы теперь находим ужас и боль, страдание и презрение, злость и тоску, но уж никак не ту «беспредметную веселость», которой любили прекать юмориста критики. Перелом, произошедший в душе писателя, очень точно отражает диалог из его миниатюры: «Слушайте, отчего же вы не смеетесь?.. — Спасибо. Я уже года два как не смеюсь» (рассказ «Артистка образца 1922 года» из сборника «Двенадцать портретов (в формате «будуар»); цит. по: Аверченко 1999/1: 328). Одним из самых убежденных и последовательных оппонентов сначала Временного правительства (с середины 1917 года), а затем большевиков, не жалевшим ни сил, ни времени, рисковавшим, не смирившимся до самой смерти, оказался юморист, чьи миниатюры на протяжении десяти лет заставляли хохотать всю Россию.

«Беззаботному, свежо и вкусно, как ломоть арбузный, надкусывающему жизнь “батьке” там не было места. И он не стал приспособляться. Он — ушел, — писал Сергей Горный о тех временах, “когда пришли злые сумерки и потушили смех на Руси”. — И ушел непримиримо резко и ясно очертив то место, куда стал. И мы узнали, что его смех не был легким, скользящим: он был “честным”, идущим из *лубин* здоровой и солнечной целины. Когда ее не стало, и не стало здоровья, и в испарениях скрылось русское солнце — стало труднее и смеху. Этот “хохол”, наш “батька”, не умел быть злым, и последние годы ему было труднее (*Горный С.* «Сатирикон» (Силуэт) // *Руль.* 1925. № 1301. 14 марта. С. 3; с. 706–707 наст. изд.).

Раньше Аверченко писал о тех, кого свергла революция, и о тех, кого она привела к власти, теперь — пишет о самой революции, и вовсе не в тех восторженных тонах, что звучали в его произведениях сразу после свержения монархии, и прозвучат вновь — правда, уже с многочисленными оговорками — в предисловии к книге «Дюжина ножей в спину революции». Революция заслонила всё остальное, заставила многих забыть о России — но к Аверченко возвращается «здравый смысл», и он пытается образумить людей, напомнить им о главном — о России и об ответственности, которую несут они перед страной, перед Родиной, пред собой:

Сейчас мы все — тот же доктор у постели тяжело больной России толчемся. И если мы ее только 8-ю часами небрежного ленивого труда лечить будем, — скоро она, матушка, протянет ноги от такого лечения.

А то еще завели моды — даже самые первейшие министры — твердить к месту и не к месту преглупую фразу:

— Мы должны стоять на страже революции. Спасайте революцию.

Россию вы, голубчики, спасайте, а не революцию. Что она за цаца такая, ваша революция? Революция — это болезнь, это жестокая лихорадка, которую переживает Россия.

О спасении больной, милые мои, думайте, а не о сохранении лихорадки.

Хороши те доктора, которые тычутся близорукими лицами в термометр, вынутый из-под мышki больной, и шепчут встревоженными голосами:

— У нее лихорадка. Ради Бога, спасайте лихорадку! Поддерживайте лихорадку!

Новый Сатирикон. 1917. № 31. С. 10

В сентябре со страниц «Нового Сатирикона» исчезает лозунг «Да здравствует демократическая республика!», а на обложке первого октябрьского номера появляются новые — горькие и страшные слова: «Отечество в опасности». «Хочется отбросить ко всем чертям бессильное маленькое перо и завывать в горе и ужасе, — пишет Аверченко. — Почему это перо не доска, утыканная гвоздями, доска, которой можно прошибить ваши каменные, налитые свинцом головы?!» (№ 35. С. 4). В конце лета 1917 года еще сохранялись какие-то надежды на изменения к лучшему. «Нет-с, голубчики: не такая страна Россия, чтобы погибнуть! Выплывем. В худших положениях бывали, выкручивались», — успокаивал и себя, и читателей Аверченко (Новый Сатирикон. 1917. № 31. С. 11). Но октябрьские события окончательно развеяли все иллюзии. В декабре 1917 года сатириконцы выпускают «Траурный номер» (№ 43). «За гробом матери» — так называется опубликованный в нем фельетон Аверченко. «Мы не можем смеяться, — пишет он от имени сатириконцев. — Мы могли бы плавать в смехе, в этом чудовищном бурлящем океане смеха, а мы, беспомощные, лежим на берегу этого океана на песке и только судорожно открываем рот».

Редактор знаменитого юмористического еженедельника обращается к читателям со словами: «Плачьте, русские!»

Грустный парадокс — из всех уцелевших периодических изданий «Новый Сатирикон» с наибольшей силой и трагизмом передает ощущение свершившейся катастрофы:

Креп на руке, проклятие убийцам на устах, открытая рана в сердце.

Плачьте, русские!

Жизнь показала, насколько беспочвенны были обвинения Крапихфельда, упрекавшего русских юмористов, и в том числе Аркадия Аверченко, в «беспредметной веселости» и веселости «“подпольного человека” Достоевского», и Амфитеатрова, писавшего о сатириконцах в 1914 году: «Им нечего сказать читателю, потому что они сами не знают, во что они верят, на что надеются, за что они готовы положить живот свой, чего им держаться» (Амфитеатров 1914: 3).

Аверченко искренне веселился, глядя на суету «сереньких людей», забывших о своем божественном происхождении, превративших жизнь в клубок из мелких страстишек, высосанных из пальца проблем и пустых условностей. Но веселиться можно было, когда речь шла о пустяках, «мелочах», теперь же гибнет Россия — и гнев и негодование звучат в произведениях бывшего «весельчака». Аверченко уже не снимет траурной повязки, не смолкнут проклятия, не затянется рана в сердце, не высохнут слезы, и надолго исчезнет прежний веселый, беззаботный, радостный, вдохновенный смех. Читая книги Аверченко, мы будем чувствовать грань, рубеж, разлом — 1917 год: «Плачьте, русские!»

«Самое важное» — так называется фельетон Аверченко, опубликованный в первом номере «Нового Сатирикона» за 1918 год. Политика властно вторгается в жизнь простых растерявшихся людей, и они уже сами не ведают, что творят. Они уже не люди — они кадеты и социал-демократы, имперцы и федералисты, правые и левые... Доктор, прежде чем лечить маленькую девочку, придирчиво расспрашивает отца о его политических взглядах — как тот смотрит на отделение Украины, за какой список голосовал в Учредительное; влюбленные ссорятся, потому что ему нравится Керенский, а ей — большевики (см.: С. 10–11).

Писателю хочется верить, что вот-вот остановится русский человек, схватится за голову, прогоняя пьяный угар. Тяжелым будет похмелье, но всё же закончится наконец бессмысленное буйство:

Сейчас русский человек еще спит... Спит, горемыка, тяжким похмельным сном.

Но скоро откроет заплывшие глаза, потянется и, узрев в кривом зеркале мятое, заспанное, распухшее лицо — истошным голосом заорет:

— Человек! Бутылка сельтерской! Послушай, братец, где это я?

В произведениях Аверченко всё чаще звучит безысходность. Миниатюра «Человек! Бутылку сельтерской» состоит из двух частей, и если начало второй части, процитированное выше, сулит надежду, в финале настроение меняется:

Широка, ой как широка натура у русского человека...

Разойдется — соловьев на шпильках в каминах жарит, стерлядь кольчиком вместо галстука носит, а проспится, придет в себя — только ладонями об полы хлопает.

— Мать честная, чего ж я тут надрызгал?!

Да поздно уж.

Вон там, в туманной дали уж и счет за выпитое, съеденное и поперченное — несут...

— Видишь?

Новый Сатирик. 1918. № 8. С. 8—9

Еще в пору основания «Сатирикона» его сотрудники отказались верить в спасительность теорий, перестали считать пороки социально детерминированными. По их мнению, каждый человек ответствен за свои поступки. Отказавшись от «общеобязательной любви к младшему дворнику» (Саша Черный), они искали корень зла не в тяжелых социальных условиях, а в человеке. Во включенном в сборник «Веселые устрицы» рассказе «История болезни Иванова» появляется «беспартийный житель Петербурга Иванов» — своеобразный обобщенный тип простого, далекого от политики, российского гражданина. Читая в газетах о творящихся в стране беззакониях, он «левеет» не по дням, а по часам. Вновь мы встречаемся с этим персонажем в 1918 году в миниатюре «Слабая голова». Болезнь, которой русское общество заразилось десять лет назад, привела к трагической развязке. Проснувшись однажды утром весной послереволюционного года, понял вдруг Иванов, что *«России больше нет»*:

«Ничего теперь нету в России, — шептал, наклонившись к уху Пушкина и лихорадочно дрожа, Иванов. — Ни тихих закатов, ни душистых степных трав, ни воскресного радостного звона колоколен, ни задумчивых девушек у старых каменных ворот помещицкой усадьбы, ни лихих гусарских ротмистров, ни золотистых пшеничных кренделей в окне булочной, ни благородства и смерти за родину, ни московской селянки, ни уютных волжских пароходов, ни гуртов

овец, гонимых усталым, но довольным гуртовщиком по жаркой пыльной проселочной дороге...»

Новый Сатирикон. 1918. № 15. С. 13

«Озлобленным почти до умопомрачения белогвардейцем» назвал В.И. Ленин Аркадия Аверченко (цит. по: ТАОС 2014: 392). Действительно, как не помутиться разуму, когда мужички расстреливают Манилова за саботаж, генерал Петрищев торгует газетами на Невском, «Ермолай с голодухи сожрал Валетку», Селифан с Петрушкой выбились в руководители – первый возглавляет Тульский исполком, а второй – театральную секцию Пролеткульта. Только кто же на самом деле сошел с ума?..

«Александр Сергеич, верьте совести, – завопил Иванов, прижимая к груди. – Верьте совести – нет России. Будем стонать мы, русские! Не зальются больше соловьи в густых курских садах, не заревет Днепр мощным голосом, не зазвучит русская песня, когда выйдут косцы косить высокую сочную траву! Хам пляшет на пожарище, воронье каркает над падалью, и горько рыдает родимая над сыном, расстрелянным за саботаж и контрреволюционные мысли. Трещит и ломается Россия, отваливаются огромные куски – нынче вольная Сибирь, завтра роскошный Кавказ, цветущий Крым, хлебородная Бессарабия, Украина, Польша, Литва, Белоруссия...

Новый Сатирикон. 1918. № 15. С. 13

Русский человек, задумавшийся о судьбе России, попадает в сумасшедший дом. «Все там будем», – с грустью заключает Аверченко (Новый Сатирикон. 1918. № 15. С. 13).

В 1918 году Аверченко сравнительно мало пишет, пытаясь осмыслить происходящее. Веселый смех сатириконцев смолк, но это время Аверченко впоследствии будет вспоминать с гордостью: «Смеялся мой “Сатирикон”, смеялся мой “Барaban”, смеялся “Бич” Аркадия Бухова, и от каждой нашей улыбки, от каждой смешинки – на упитанном большевистском теле оставались розовые, долго не заживавшие царапины» (*Аверченко Арк.* Безглазое, безбровое лицо: Фельетон // Юг России. 1920. № 94 (287). 21 июля (3 августа). С. 2). Большевики не собирались долго терпеть враждебную прессу, да и само пребывание в Петрограде становилось небезопасным. 18 июля 1918 года «Новый Сатирикон» запретили.

В сентябре 1918 года Аверченко покидает Петроград. День отъезда становится для писателя новой точкой отсчета; в своих рассказах, обращаясь к прошлому, именно сентябрь 1918-го он вспоминает как грань, как рубеж («Фокс великого кино», «Моя старая шкатулка»). Закончилась, оборвалась жизнь любимца всей российской читающей публики, баловня судьбы, короля русского юмора. Началось... Что же началось в тот день, когда Аверченко оставил столицу? Сам он с горькой иронией ответил на этот вопрос эпиграфом к книге «Записки Простодушного»: «Ехать так ехать», — добродушно сказал попугай, которого кошка выгнала из клетки» (Аверченко 1999/2: 6). Ту же мысль — только гораздо резче — Аверченко повторяет и в рассказе с «говорящим» названием «Хомут, натягиваемый клещами»: «Ехать так ехать», как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал его с моста в воду» (Аверченко 1999/2: 142).

«Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей России, как соленого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова — в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять... Севастополь», — вспоминает Аверченко в своем втором «Приятельском письме Ленину» (Зарницы. 1921. № 15. С. 4), написанном в Константинополе в 1921 году (первое было напечатано в «Новом Сатириконе», еще когда писатель мог надеяться на иной исход событий). В той же миниатюре он рассказывает, что уехал из Петрограда в Москву за два дня до того, как был отдан приказ о его аресте. Выбраться из Москвы Аверченко помогли антрепренеры — его и Тэффи, — организовавшие гастрольную поездку на Украину и юг России. Аверченко, Тэффи и актрисы, которые должны были разыгрывать скетчи, выехали из Москвы вместе. Подробное описание этого «путешествия» содержится в книге Тэффи «Воспоминания» (см.: Тэффи 1932; ср.: Тэффи 2002: 215–273). Увиденное и пережитое осталось и в памяти Аверченко. Один из самых страшных эпизодов он вспоминает в том же «Приятельском письме Ленину»:

Выезжая из Унечи, я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная нейтральная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. Потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все, вообще, кому не лень.

В начале 1919 года Аверченко приезжает в Севастополь — город, в котором прошло его детство и в котором ему суждено было прожить последние полтора года, проведенные на родине. Там он активно участвовал не только в литературной, но и в «общественной» жизни Белого Крыма. Произведения Аверченко с радостью печатали крупнейшие периодические издания, выходявшие в городах, неподконтрольных большевикам, его портреты появлялись на страницах журналов. «Опекавшаяся» Аверченко газета «Юг» («Юг России») являлась, по свидетельству А.А. Валентинова, «наиболее распространенной» в Крыму, «читавшейся также и за границей» (Валентинов 1922: 52). На роль газеты в жизни Белого Крыма указывал в своих мемуарах и П.Н. Врангель (см.: Врангель 1992/2: 42), высоко ценивший талант Аверченко, несмотря на то, что «прогрессивный» характер издания часто вызывал нарекания официальных кругов.

Аверченко постоянно выступал с чтением своих рассказов, принимал участие в театральных постановках. В связи с предстоящим выступлением Аверченко газета «Таврический Голос» писала:

Революция разлилась таким необозримым морем крови и грязи, что все, кто спасся от ее зловещих волн, сгрудились на одной скале, в Крыму, точно потерпевшие кораблекрушение на острове в океане; поэтому здесь «прижалось друг к другу» столько больших людей и громких имен, известных всему грамотному миру. Когда в другое время мы, симферопольцы, могли бы увидеть такого закоренелого петербуржца, как писатель Аркадий Аверченко, каждое лето проводивший или в благословенной Венеции на Лидо или Биаррице? Увы, — далеко теперь Биарриц...

Без подписи. Аркадий Аверченко // Таврический Голос. 1920. № 259 (409). 23 июня (5 июля). С. 2

Для одних зрителей Аверченко был непримиримым противником большевиков и их приспешников, сатириком, своими произведениями не дающим успокоиться, забыть, привыкнуть, призывающим к продолжению борьбы за Россию. Для других встреча с Аверченко была напоминанием о том блаженном времени, когда веселый, заразительный смех звучал громко и естественно, когда в кошмарном сне не могли привидеться ни страшная мировая война, ни мрачная братоубийственная бойня, когда изгнанные из своих домов и загнанные в угол беженцы не скорбели о погибших и пропавших друзьях

и близких, о растерзанной Родине. Рецензент газеты «Таврический Голос» писал:

И весь вечер в театре была улыбка и легкий, мягкий, милый петербургский смех. Это был вечер тонкого юмора и петербургской улыбки. Сам автор рассказывал свои новые вещи. И хорошо рассказывал. Будил мягкую улыбку и ласковый добрый русский смех. Рассказывал сдержанно, просто, как рассказывали добрые, хорошо просоленные юмором истории в петербургских гостиных...

Зритель. Петербургская улыбка // Таврический Голос. 1920. № 261 (411). 25 июня (7 июля). С. 2

Первые книги, подготовленные Аверченко после отъезда из Петрограда, — сборники политической сатиры. Начиная с 1905 года Аверченко постоянно писал сатирические произведения, но до 1917 года они занимали второстепенное место в его творчестве. Политика для юмориста не была чем-то особым, сверхважным, он рассматривал ее просто как еще один источник комического, наряду с бытом, семьей и т. д. Иногда даже трудно понять, против кого направлен текст, казалось бы остросатирический. Жандарм, цензор, губернатор, лидер партии, министр переставали в рассказах Аверченко быть воплощением социальной силы; традиционно понимаемое столкновение свободной личности и враждебного государства превращалось в столкновение личностей.

В круг интересов дореволюционного Аверченко входила не политика сама по себе, а ситуация «человек и политика». Политика выступала в качестве силы, враждебной человеку, вторгающейся в его жизнь, мешающей жить по-человечески. Повествователь же старался дистанцироваться от происходящего, встать «над суетой».

«Иногда так приятно поглядеть на людские страсти, поступки и стремления — со стороны, не будучи совершенно заинтересованным в происходящем. Созерцающий человек кажется самому себе выше других, ибо он имеет право, не волнуясь, с доброй, немного иронической улыбкой, следить за всем происходящим, и, если он мудр, такое созерцание должно доставить ему громадное наслаждение, — писал Аверченко в рассказе “Язык”. — Не напоминает ли он тогда сам себе доброго, прекрасного Бога, который также беспристрастно следит за смешной суетней и курьезным столпотворением в человеческом муравейнике» (Аверченко 1912а: 44).

Ситуация Гражданской войны не позволяла оставаться сторонним наблюдателем, и задачи политической борьбы во многом определяли в дальнейшем пути развития творчества Аверченко. Большевики для него стали воплощением зла, смертельными врагами. Написанный в 1918 году фельетон «Моя симпатия и сочувствие Ленину» (см.: Новый Сатирикон. 1918. № 12. С. 2–3) — это еще предложение одуматься, «попытка» пробудить человеческие, естественные чувства. В рассказе «Наваждение» Аверченко предстает совершенно иным:

И когда при мне какой-нибудь слащавый многодумец скажет:

— Что ни говорите, а Ленин и Троцкий замечательные люди...

Мне хочется спихнуть его со стула и, дав пинка — ногой в бок, вежливо согласиться с ним:

— А что вы думаете! Действительно, замечательные люди! Такие же, как один из учеников Спасителя мира — тоже был замечательный человек: самого Христа предал.

Так уж если Христа, самого Бога, человек предал, то предать глупую, доверчивую Россию куда легче.

Аверченко 1999/1: 111

Этот рассказ вошел в сборник «Нечистая сила», впервые изданный в 1920 году в Севастополе. Рецензент газеты «Юг России» писал о книге:

Саркастическая улыбка Аверченко, с которой мы так сроднились, минутами изменяет ему, когда он чутко прислушивается и приглядывается к шалостям «Нечистой силы», заполонившей русскую землю. Не то чтобы Аверченко боялся шутить со страшными вещами — отнюдь нет: Аверченко — вполне бесстрашный человек. Он умеет шутить и с чертом, и с дьяволом. Но глубокая боль за Россию, возмущение творящимися ужасами часто берут в плен жизнерадостного юмориста — и он подчас не столько смеется, сколько бичует. Если гоголевский смех мы называем «смехом сквозь слезы», то смех Аверченко последней формации, это — смех сквозь проклятие.

М.Б. Аркадий Аверченко. «Нечистая сила» // Юг России. 1920. № 123 (316). 26 августа (8 сентября). С. 2

Король русского юмора объявил войну новым королям Совдепии и боролся с ними, пока оставался хотя бы малейший шанс на победу.

Противопоставление России и Совдепии, старого и нового, живого и мертвого становится ключевым мотивом творчества Аверченко. Чаще всего писатель сталкивает две реальности — до революции и после. Иногда, как в рассказе «Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина», он умело отбирает факты, почти ничего не домысливая. Практически любое сопоставление — будь то сравнение ресторанного меню с содержимым ростовских помойных ям («Петерс») или старого фрака и новых пальто с иголки («Старый Сакс и Вертгейм») — дает необходимый сатирический эффект. Вернуть прошлое для писателя — значит вернуть подлинное, истинное.

«Вот пишу я, пишу — а, спрашивается, — с какой целью? Не с суетной же целью получить гонорар за это, или с еще более суетной целью усыпить от знакомого читателя комплимент: “А здорово вы это изобразили, прямо, можно сказать, ахнули”», — задавал себе в 1920 году Аверченко вопрос, предвеляя публикацию фельетона «Финансовые курьезы», и отвечал: «Нет. Цель у меня более возвышенная. Более благородная». Писатель уподобляет себя летописцу, сохраняющему для потомков отрывки настоящего, и даже своему фельетону дает подзаголовок «Отрывки из летописи».

В начале 1917 года Аверченко опубликовал миниатюру под названием «Новый Нестор летописец» (см.: Новый Сатирик. 1917. № 13. С. 2–4), но тогда он даже предположить не мог, что за летопись ему придется вести. Тем же, кто изумится и откажется верить в правдивость изображенного, Аверченко заранее готовит ответ и предрекает, как произнесет из-за гроба его вещей голос, обращаясь к трудолюбивому монаху, прочитавшему его труды: «Возьми глаза в зубы, святой отче, и прочти всю историю русской горе-революции. Ведь вся она сплошь кажется бесшабашной выдумкой и, однако, все это — самая тошнотворная правда!» («Indicateur du commerce, des finances et de la navigation» // Издание товарищества «Русское Эхо». 1920. № 4. 11 апреля (29 марта). С. 2). Из дня в день, из месяца в месяц, из года в год создавал писатель свою «правдивую летопись», и о жизни русских людей, спасающихся от русской революции — в Петрограде, в Севастополе, в Константинополе, — мы сейчас узнаём, открывая книги Аверченко.

Исторические события не позволили Аверченко оставаться «в сфере чистого юмора». Король русского юмора стал и одним из самых ярких русских сатириков XX века. Но опасения А.А. Измайлова не оправдались: глубоким пессимистом Аверченко не сделался. Неприятие того, что искажает жизнь, не по-

мешало ему до конца дней сохранить любовь к самой жизни. Свой последний сборник (изданный уже после кончины писателя) Аверченко назвал «Рассказы циника» (Прага, 1925). И в этом немного провокационном названии отразилось именно стремление автора продолжать смеяться веселым смехом. «Цинизм» заключался в том, что он вновь предлагал радоваться жизни — несмотря ни на что! Аверченко включает в книгу юмористические рассказы, написанные еще в России, в ней нет сатирического обличения большевиков, и даже рассказ о Первой мировой войне, который так и называется «Война», — на самом деле о преодолении войны, о том, что объединяет, а не разъединяет людей.

«Многие считали Аверченку русским Твенем. Некоторые в свое время предсказывали ему путь Чехова. Но он не Твен и не Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрывов и смеха сквозь слезы. Место его в русской литературе свое собственное, я бы сказала — единственного русского юмориста, — писала в 1925 года в статье памяти Аверченко Н.А. Тэффи. — Место, оставленное им, наверное, долгие годы будет пустым» (*Тэффи*. Аркадий Аверченко // Сегодня. 1925. № 66. 22 марта. С. 9).

«Аверченко при жизни достиг большой мировой славы. Он за шестнадцать лет своей литературной деятельности занял единственное в своем роде место в русской и мировой литературе. Но умер он всё же если и оцененным, то, во всяком случае, оцененным не вполне, не так, как заслуживает и он сам, и его литературное творчество, — утверждал К. Бельговский. — Аверченко был чересчур самобытным, чересчур новым явлением в русской литературе, а к нему подходили с старой шаблонной меркой. Его критиковали, сравнивая, тогда как нужно было сравнивать с Аверченко, ибо он сам создал свой жанр, он сумел в короткий чеканный по стилю и форме веселый рассказ вложить глубокое психологическое содержание» (Студенческие Годы. 1925. № 2 (19). Март—апрель. С. 17).

«Аверченко ходил меж нас, солнечный увалень, с душой, словно вечно шурящейся от смеха. Увалень — он никогда не “толкался”. Не “работал локтями”. В театре ли, в родной ли “вогчине” — “Сатириконе” уже на отлете, в Крыму или на тычке в Константинополе — он был со всеми ровно деликатен. Подлинно “прощал” всех. Этот смех, этот дар видеть смешное в неожиданных гранях жизни — может быть, и помогал ему относиться к людям мягко, незлобно. Имейте в виду: *не* снисходительно! У него этого *не было*. Никогда, в самую горячую пору, в громкую пору известности, когда одна за другой вы-

ходили эти крепкие переплетенные “Круги по воде” и “Веселые устрицы”, когда одно его появление в ложе Литейного театра (там непрерывно шли его пьесы) вызывало искренние, благодарные аплодисменты зрительного зала (Аверченку любили), — и тогда он не “генеральствовал”. До самых последних, — так неожиданно, так жестоко наступивших — “последних” дней он был одинаково ровен, мягок, добр. Деликатен к жизни, — признавался Сергей Горный в очерке “Аркадий Аверченко: К годовщине смерти”. — Его смех — это и была его ласка к жизни» (Возрождение. 1926. 5 апреля. № 307. С. 2).

Д.Д. Николаев

ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫХ КНИГ АВЕРЧЕНКО

В течение 1910 года в Санкт-Петербурге было издано четыре сборника юмористических рассказов А.Т. Аверченко: два — в издании М.Г. Корнфельда: «Юмористические рассказы» и «Веселые устрицы: Юмористические рассказы», еще два — в издательстве «Шиповник»: «Рассказы (юмористические). Книга первая» и «Рассказы (юмористические). Книга вторая». Первый сборник вышел в самом начале марта, а четвертый — в середине октября.

Четыре книги были напечатаны в течение семи месяцев. Работа над ними велась преимущественно последовательно, хотя при составлении книги «Веселые устрицы» определяющим был формальный критерий, связанный с местом первой публикации — неактуальный для других сборников. Книги выходили в разные «сезоны», однако Аверченко не делал этот фактор определяющим при отборе текстов, как поступали многие его предшественники. Для Аверченко важнее было тематическое разнообразие книг, поэтому схожие по тематике рассказы он старался распределить по разным сборникам (есть и исключения — если произведения могут дополнять друг друга, как в случае с рассказами «Коса на камень» и «Камень на шее» из книги «Юмористические рассказы»).

В книги Аверченко включил 119 рассказов и четыре «виньетки» — из нескольких сотен произведений, опубликованных им в течение 1908–1910 годов в столичных и провинциальных периодических изданиях.

Композиция первой книги — «Юмористические рассказы» — показывает, что при ее составлении изначально Аверченко отталкивался от «журнальной

подшивки». Но при этом существовали достаточно жесткие критерии отбора, касающиеся не только тематики и художественного уровня рассказов, но и их места в структуре сборника. Книга формировалась писателем как художественная целостность, а не как простой свод опубликованных прежде в периодике произведений¹.

Первые рассказы в сборнике опубликованы в той же последовательности, в которой они появлялись в периодике. Открывающий сборник «шарж» «Дебютант» впервые был напечатан в пятом номере журнала «Стрекоза» 3 февраля 1908 года (см.: С. 14–15), следующая за ним сценка «Корень зла» — также в «Стрекозе», 4 мая 1908 года (см.: № 18. С. 6), идущий третьим рассказ «Коса на камень» — в шестом номере «Сатириконе» в мае 1908 года (см.: С. 10–11), стоящий следом рассказ «Сплетня» — в двадцать втором номере «Стрекозы» 1 июня 1908 года (см.: С. 6–7); затем рассказы публиковались в «Сатириконе»: пятый по счету — «Дурак» — 21 июня (см.: № 11. С. 13–14), шестой — «Измена» — 28 июня (см.: № 12. С. 13–14), седьмой — «Жалкое существо» — 5 июля (см.: № 13. С. 14–15), восьмой — «Друг» — 3 августа (см.: № 17. С. 14–15), девятый — «Люди четырех измерений» — 20 сентября (см.: № 24. С. 4–5), десятый — «Новоселье» — 27 сентября (см.: № 25. С. 6–7) и т. д. Строгая журнальная последовательность нарушается лишь на идущем в сборнике шестнадцатым рассказе «Служитель муз». Он был впервые напечатан раньше, чем его «соседи»: 12 июля 1908 года в «Сатириконе», причем под другим названием — «От Чехова до наших дней» (см.: № 14. С. 14–15). Такая хронологическая перестановка вызвана, по-видимому, желанием поставить этот текст перед идущим вслед «по подшивкам» рассказом «История одной картины. Из выставочных встреч». Это, кстати, первый рассказ в сборнике не из «Стрекозы» и «Сатириконе». «История одной картины» впервые была опубликована в газете «Речь» 14 (27) марта 1909 года (см.: № 71. С. 3). Затем Аверченко вновь возвращается к хронологической последовательности. Первая часть рассказа «Настоящие парни», правда, появилась в «Сатириконе» еще 8 марта 1909 года (см.: № 10. С. 7–8), но главы вторая и третья печатались 15 и 28 марта соответственно (см.: 1909. 15 марта. № 11. С. 7–8; 28 марта. № 13. С. 7–8). Завершается первая часть книги, в основе которой лежит «хронологическая» подборка, рассказом «Катка», который был опубликован в «Сатириконе» 4 апреля 1909 года (см.: № 14. С. 6–7).

¹ Подробнее о книгах «сатириконцев» см.: Николаев 1999.

Во второй части сборника (формально никак не отделенной от первой) Аверченко помещает произведения, прежде появлявшиеся в «Стрекозе» и «Сатириконе» в произвольном порядке. Здесь есть и те, что были опубликованы прежде «Катки», и те, что позже. Самый ранний из них — «В ресторане» — был напечатан в «Стрекозе» 27 апреля 1908 года (см.: № 17. С. 4). Последним по времени в периодике появился рассказ «Дитя». Это единственное произведение в сборнике, опубликованное в журнале в 1910 году — в первом номере «Сатирикона», который датирован 2 января (см.: С. 10–11). Таким образом, можно утверждать, что в январе 1910 года работа над составом первой книги Аверченко была завершена. Также можно предположить, что впервые о подготовке сборника Аверченко задумался еще в апреле 1909-го, когда и был проведен «первый просев». Затем были добавлены как новые рассказы, так и некоторые из отсеянных на первом этапе.

При окончательном формировании состава «Юмористических рассказов» Аверченко мог приберегать некоторые рассказы для другого сборника, имея уже соответствующие договоренности с издательством «Шиповник». Книга, озаглавленная «Рассказы (юмористические): Книга первая» — чтобы не повторять название сборника, изданного Корнфельдом, — поступила в продажу в июле 1910 года.

Основу третьего сборника Аверченко, который был назван «Веселые устрицы» и вышел в 1910 году, составили произведения, публиковавшиеся в 1909–1910 годы в газете «Одесские Новости». Однако самый ранний по времени создания текст — «Робинзоны» — был впервые опубликован в другом издании — петербургской газете «Речь» 12 (25) января 1909 года (см.: № 11. С. 3). Завершающий сборник рассказ «Визитер (Опыт характеристики)» впервые был напечатан в «Одесских Новостях» 22 апреля (5 мая) 1910 года (см.: № 8096. С. 2) — через несколько дней после того, как в этой газете было заявлено о готовящейся книге.

Как и при подготовке сборников, включавших произведения из «Сатирикона», Аверченко тщательно подходит к отбору текстов, оставляя «за бортом» многие рассказы и фельетоны, опубликованные не только в других периодических изданиях («Речи» и «Свободных Мыслях» в первую очередь), но и в «Одесских Новостях». Главными критериями отбора являются сохраняющаяся актуальность и «веселость» — в газетах Аверченко публиковал преимущественно тексты сатирические, привязанные к теме момента и достаточно резкие с точки зрения обличительного пафоса. В то же время писатель не отка-

зывается от отсылок к конкретным событиям, с которыми связано появление того или иного произведения. Значительная часть публиковавшихся в «Одесских Новостях» рассказов имела эпиграфы «из газет», привязывающие тексты к злобе дня, и Аверченко сохраняет их в книге.

Четвертый сборник Аверченко, изданный в 1910 году, — это выпущенная «Шиповником» вторая книга «Рассказов (юмористических)». Она известна еще — по названию на обложке — как «Зайчики на стене». Именно так ее представил «Сатирикон», сообщивший 23 октября 1910 года, что «вышла в свет и поступила в продажу новая книга юмористических рассказов Аркадия Аверченко “Зайчики на стене”» (№ 43. С. 11). В этот сборник включены предисловие, написанное специально для книги, и 26 рассказов, которые ранее печатались в периодике. Большая часть появлялась впервые на страницах журнала «Сатирикон» — 15 рассказов. 9 текстов прежде публиковались в газете «Одесские Новости», два — в журнале «Солнце России»: «Яд» (см.: 1910. № 11. Апрель. С. 3–4) и «Геракл» (см.: 1910. № 25. Июль. С. 6–7). Самая ранняя публикация датируется 31 октября 1909 года. В этот день вышел сорок четвертый номер «Сатирикона», в котором был помещен рассказ «По ту сторону...» (см.: С. 6). По датировке он мог оказаться и в первой книге «Рассказов (юмористических)», равно как и еще три рассказа, опубликованных в «Сатириконе» до конца февраля 1910 года, когда закончилось формирование состава этого сборника: «Магнит» (см.: № 2. 9 января. С. 10–11), «Исчадие города» (см.: № 8. 20 февраля. С. 7–8) и «Сухая масленица» (см.: № 9. 27 февраля. С. 6–8). Остальные одиннадцать «сатириконских» рассказов вышли в журнале до 10 июля 1910 года: три в марте («В зеленой комнате (послеобеденные разговоры)» (см.: № 10. 6 марта. С. 7–9), «Ихневмоны» (см.: № 11. 13 марта. С. 10–11), «Отец» (см.: № 12. 20 марта. С. 6–8)), два — в апреле («Городовой Сапогов» (см.: № 14. 3 апреля. С. 10–11), «Чудеса» (см.: № 16. 18 апреля. С. 9–12)), три — в мае («Жена» (см.: № 18. 1 мая. С. 6–8), «Одинокий Гржимба» (см.: № 19. 8 мая. С. 6–8), «Незаметный подвиг» (см.: № 22. 29 мая. С. 6–8)), один — в июне («Петухов» (см.: № 25. 19 июня. С. 6–8)) и два — в июле («Два преступления господина Вопягина» (см.: № 27. 3 июля. С. 11), «Случай с Патлецовыми» (см.: № 28. 10 июля. С. 6–8)). При этом последовательность журнальных публикаций в сборнике автор не сохраняет.

Из «Одесских Новостей» Аверченко также берет ряд текстов, которые могли бы по времени быть напечатаны и в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы». В этой газете включенные в сборник рассказы появи-

лись в промежуток с 7 (20) марта по 15 (28) августа 1910 года – в иной, нежели в книге, последовательности. «Граф Калиостро» был напечатан 23 мая (5 июня) (см.: № 8123. С. 2), «Альбом» – 26 июля (7 августа) (см.: № 8174. С. 3); «Шутка» – 21 марта (3 апреля) (см.: № 8071. С. 3), «Анекдоты из жизни великих людей» – 24 апреля (7 мая) (см.: № 8098. С. 3), «Дурная наследственность» – 16 (29) мая (см.: № 8117. С. 2), «Вино» – 7 (20) марта (см.: № 8059. С. 3–4), «Аргонавты» – 4 (17) апреля (см.: № 8082. С. 3), «Смерть девушки у изгороди» – 30 мая (12 июня) (см.: № 8128. С. 3) и «Мальчик с затекшим глазом» – 15 (28) августа (см.: № 8191. С. 3). Последний по времени публикации в периодике рассказ является заключительным и в книге – так что можно утверждать, что формирование состава было завершено в середине августа по старому стилю.

В 1911 году сборник «Юмористические рассказы» был выпущен как третья книга «Рассказов (юмористических)» Аверченко «Шиповником». Эти три книги затем регулярно переиздавались до революции, так же как и «Веселые устрицы». Отдельные рассказы из этих книг в дальнейшем включались Аверченко в состав других авторских сборников, а также публиковались в сборниках формата «Чтец-декламатор» и в провинциальной прессе. Большая часть перепечаток осуществлялась без согласия автора, а иногда и без указания его имени. После смерти писателя тексты включались в подборки избранных произведений, в частности, в многочисленные сборники, выпущенные советскими издательствами в «дешевых» юмористических библиотечках. В 1928 году в «Библиотеке сатиры и юмора» издательства «Земля и Фабрика» (М.; Л.) вышла книга под названием «Веселые устрицы» с предисловием А. Старчакова.

В советских и постсоветских изданиях тексты Аверченко перепечатывались и перепечатываются до сих пор с существенными искажениями, которые выявлены нами уже в первых осуществленных посмертно публикациях середины 1920-х годов. Затем они были оттуда перенесены во многие последующие издания, вплоть до вышедших в последние годы собраний сочинений – шеститомник 2006 года (М.: ТЕРРА-Книжный клуб) и продолжающееся собрание сочинений, которое выпускает издательство «Дмитрий Сечин». Оба собрания подготовлены С.С. Никоненко, который указывал, что тексты воспроизведены по изданиям 1916 года (см.: Никоненко 2012а: 453, 469; Никоненко 2012б: 451, 454). Однако не все тексты соответствуют исходным изданиям, причем внесенные изменения в комментариях никак не оговариваются.

К примеру, в рассказе «Ниночка» в предложении «Начальник службы тяти старик Мишкин пригласил в кабинет ремингтонистку Ниночку Ряднову и, протянувши ей два черновика, просил ее переписать их на машинке начисто» слово «просил» заменено на «попросил», а слова «на машинке» убираются (см.: Аверченко 1927: 77; Аверченко 2012/1: 358), из предложения «Когда Мишкин передавал эти бумаги, то внимательно посмотрел на Ниночку и, благодаря яркому солнечному свету, впервые разглядел ее, как следует» убирается слово «яркому» (см.: Аверченко 1927: 77; Аверченко 2012/1: 359), в предложении «— Почему же? — удивилась Ниночка. — Я за это получаю жалованье» меняются местами слова «получаю» и «жалованье» (см.: Аверченко 1927: 77; Аверченко 2012/1: 359), в предложении «Волосы у нее сбились в сторону, и правая рука, выше локтя, немилосердно ныла» «правая» заменяется на «левая» (см.: Аверченко 1927: 78; Аверченко 2012/1: 359).

В рассказе «Два преступления господина Вопягина» вместо «Вопягин поклонился и повернулся к дверям» ошибочно печатается «Вопягин повернулся и пошел к дверям» (см.: Там же/2: 73), а в предложении «Вы перейдете мост, г. судья, пройдете мимо поваленного дерева, от которого идет узкая тропинка к берегу, а на берегу высокие, очень удобные кусты...» слово «узкая» заменяется на «маленькая» (см.: Там же).

Существенные искажения вносятся в рассказ «Случай с Патлецовыми». В предложении «Однажды летом в одиннадцать часов вечера супруги Патлецовы сидели на ступеньках парадной лестницы в трех шагах от дверей своей квартиры — и ругались» убирается слово «дверей». В предложении «— В конце концов, — бормотал Патлецов, — это даже удивительно: стоит только поручить что-нибудь женщине — и она приложит все усилия, чтобы исполнить поручение как можно хуже и глупее!..» тире заменяется на запятую, «что-нибудь» — на «что-либо», а «поручение» — на «это». В предложение «Госпожа Патлецова хлопнула кулаком по молчаливому слушателю мужа и, энергично обернувшись, спросила <...>», напротив, вставляется слово «своего» — «своего мужа». Предложение «А та заперла черный ход — она, значит, и виновата!» отсутствует целиком, слово «пропивавшие» в предложении «Говорили, что в трактире гнездились разные темные личности, жулики не у дел и карманщики, пропивавшие здесь дневную добычу» меняется на «проживавшие», слово «подумал» в предложении «Сначала то, о чем подумал Патлецов, показалось ему невероятно глупым, чудовищным <...>» на «думал», слово «скисшего» в предложении «Теплый, влажный, пропитанный невыносимым запахом скис-

шего пива и старых закусок воздух окутал Патлецова <...> » на «прокисшего». В предложении «Мы бы с женой были вам очень благодарны...» слова «были» и «вам» меняются местами. Выпадают слова «супругов», «тоже», «утомленно-го», «светлом» в предложениях «— Это английский лобзик, — стал объяснять польщенный вниманием супругов Мишка», «И сам Патлецов был тоже неизменно заинтересован», «Патлецов посмотрел на собиравшего свои инструменты утомленного Саматоху и сказал ему», «Саматоха уже хотел напомнить о себе деликатным стуком в дверь, как она распахнулась, и в ее освещенном светлом четырехугольнике показались Патлецов, дворник и городской». Наконец, целиком выпадает предложение «Он чем-то повертел в дверной щели, дернул, потряс ручкой двери и, наконец, быстро, эффектным театральным жестом радостно, как дитя смеясь, толкнул ее ногой» (см.: Аверченко 1927: 34—41; Аверченко 2012/1: 129—135).

Слова не только вычеркиваются, но и, наоборот, вставляются: иногда появляются целые предложения, которых нет в исходном тексте. Список примеров можно продолжить, но и приведенных фрагментов достаточно, чтобы понять масштаб искажений, внесенных в рассказы Аверченко при переизданиях. При этом правка первых сборников в переизданиях советского времени носит произвольный характер и никак не обусловлена идеологическими или иными цензурными соображениями. Определяющей здесь является неряшливость издателей, а возможно, и сознательное стремление редакторов «улучшить» текст, обусловленное пренебрежительным отношением к юмористике как к литературе «второго сорта».

Между тем, текстологический анализ первых книг Аверченко показывает, насколько тщательно писатель работал над «отделкой» своих рассказов. Полностью опровергают сборники Аверченко и представление о том, что связанные с еженедельной, тем более с ежедневной, прессой сатирики и юмористы пишут в номер, наспех, а затем — если у них появляется возможность издать книгу — просто перепечатывают в ней слово в слово тексты из периодики, а потому и художественные достоинства этих книг заведомо уступают текстам «серьезных» авторов из «толстых» журналов. О том, насколько ответственно подходил Аверченко к своим юмористическим сборникам, мы можем судить по характеру отбора произведений и по той правке, которая вносилась автором в прежде опубликованные в периодике тексты при подготовке их к печати в книгах.

Н.А. Тэффи писала в рассказе «Оминиатюрные»:

В миниатюре взвешено каждое слово, каждое движение. Оставлено только самое необходимое. Миниатюра процеживается автором, режиссером, актером и публикой. Если заметят на репетиции, что фраза тяжеловата или длинна, ее сокращают, вычеркивают. Если заметят, что публика в продолжение целой минуты не реагирует на действие, это место выбрасывают или изменяют, потому что было бы чудовищно давать публике в продолжение целой минуты слова, на которые она не отвечает. Это уже скука, неудача, провал. Потому что вся драма-миниатюра идет двенадцать минут, и каждая из минут должна быть на счету.

Тэффи 1998–2005/5: 351

То, что здесь сказано о пьесах, может быть в полной мере отнесено и к маленьким юмористическим рассказам и фельетонам — тем жанровым формам, которые были основными в творчестве Аверченко. Разрушить комический эффект в таком произведении может любое неточно подобранное слово, неверная интонация, ненужный оборот... Именно поэтому, включая в свои первые сборники уже готовые произведения, Аверченко выверяет каждый рассказ, исправляя то, что кажется недостаточно совершенным. Сопоставление газетных и журнальных публикаций с текстами в сборниках показало, что Аверченко при подготовке книг тщательно работал над опубликованными прежде в периодике произведениями. Правка весьма значительна (по объему в ряде текстов она сопоставима с той, что делает, к примеру, И.А. Бунин²) и вносится в подавляющее большинство произведений. То же самое касается и состава сборников: один-два неудачных или просто не совсем подходящих по общей тональности рассказа могут испортить впечатление от книги. Аверченко руководствуется принципом «избранного», тщательно отбирая сочетающиеся друг с другом произведения (см.: Николаев 1999).

При подготовке текстов были изучены все имеющиеся печатные издания вошедших в книги текстов, сделанные с ведома и согласия автора. Это первые публикации в газетах и журналах, значительная часть которых выявлена

---

² Об этом см., напр.: Николаев 2015.

впервые, все имеющиеся в доступности издания первых сборников, а также переиздания включенных в первые сборники рассказов в составе других прижизненных книг писателя: «Избранные рассказы» ([СПб.:] Издание редакции журнала «Пробуждение», 1913), «О маленьких — для больших: Рассказы о детях» (Пг.: Издание журнала «Новый Сатирикон», [1916]) и др. Авторские рукописи или машинописи произведений, вошедших в первые книги Аверченко, не сохранились. Дореволюционные архивы Аверченко, журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», издательства М.Г. Корнфельда и издательства «Шиповник» считаются утраченными, поэтому мы не всегда можем точно определить, в каких случаях речь идет об авторской редакции текста, а в каких — об исправлении ошибок набора, особенно когда дело касается изменений в пунктуации. Тем не менее, в большинстве случаев вносимые исправления отражают общие тенденции работы Аверченко над текстами, а потому могут быть признаны авторскими.

Объем правки в рассказах, разумеется, различается. Это могут быть единичные исправления, свидетельствующие, тем не менее, о доработке текста. Так, например, в открывающем сборник «Рассказы (юмористические): Книга первая» рассказе «Поэт» Аверченко (см.: Сат. № 9. 1 марта. С. 8–9) в предложении «За десертом — в передней позвонили и вызвали меня...» вставляет отсутствовавшее в журнальной публикации тире, чтобы подчеркнуть необходимую паузу. В рассказе «Нервы» (см.: Сат. 1909. № 39. 26 сентября. С. 7–8) Аверченко заменяет в предложении «<...> один попал на подзеркальник, сваливши хрустальный пульверизатор» «сваливши» на «свалив». В рассказе «Еврейский анекдот» (см.: Сат. 1909. № 35. С. 7–8) в предложении «Охо-хо. Бог всё видит!» в журнальной публикации нет слов «Охо-хо». В рассказ «Дачный театр» вносятся небольшие пунктуационные изменения. В первой публикации (см.: Сат. 1909. № 26. С. 6; № 27. С. 6) в конце предложения «<...> не знают, куда до вечера деть свои досуги» стоит многоточие, а в сборнике точка, в предложении «<...> остаток билетов и коробку из-под гильз с деньгами — и обращается к господину в первом ряду <...>» в «Сатириконе» нет тире.

Есть и произведения, которые подвергаются существенному редактированию. К примеру, в юмористическую «Автобиографию» Аверченко вносит значительное число исправлений: их, в сравнении с текстом газетной публикации «Моей автобиографии», более 30! Для небольшого по объему произведения весьма существенная цифра.

Наибольший объем исправлений фиксируется в текстах, включенных в третью книгу «Рассказов (юмористических)», выпущенную издательством

«Шиповник». Несмотря на свой порядковый номер, это фактически первый сборник Аверченко, поскольку, как уже было отмечено выше, «Шиповник» переиздает опубликованную прежде М.Г. Корнфельдом книгу — «Юмористические рассказы». Именно поэтому к вошедшим туда рассказам писатель относится с особым вниманием. Они подвергаются правке дважды — сперва при подготовке сборника «Юмористические рассказы», а затем — при подготовке издания «Шиповника».

Текст рассказа «Дебютант», которым открывается сборник (первого из вышедших в «Стрекозе» рассказов Аверченко), в журнальной публикации во многом отличается (если помнить, что речь идет о рассказе-миниатюре) от того, что вошел в третью книгу «Рассказов (юмористических)» как окончательный вариант. Вместо «В качестве театрального режиссера» в журнальной публикации было напечатано «В качестве режиссера», вместо «Он встал, заложил одну руку за борт сюртука, а другой небрежно взъерошил себе волосы» в журнале было «Он встал и, заложивши одну руку за борт сюртука, другой рукой элегантно взъерошил себе волосы», а в сборнике «Юмористические рассказы»: «Он встал, заложил одну руку за борт сюртука, а другой элегантно взъерошил себе волосы». Дважды претерпело изменение и предложение «Бросив на него беглый взгляд, я, без всякого колебания, поспешил сказать, что лично против него ничего не имею». В «Стрекозе» было: «Без всякого колебания я поспешил сказать, что лично против него ничего не имею», в «Юмористических рассказах»: «Бросив на него беглый взгляд, я, без всякого колебания, поспешил сказать, что лично против него — ничего не имею». В предложении «Выраженное мною горькое сожаление и опасение, что подобные ужасные случаи, вероятно, не единичны, — заставили его ободриться» в «Стрекозе» напечатано «горькое сожаление и боязнь», также в журнале и в сборнике «Юмористические рассказы» между словами «вероятно» и «не единичны» стоит тире.

В журнале и в книге «Юмористические рассказы» предложения «Головокружительная быстрота, с которой посетитель перескочил к материальной стороне предполагаемой сделки, немного испугала меня... Я вкрадчиво заметил <...>» были объединены в одно: «Головокружительная быстрота, с которой посетитель перескочил к материальной стороне предполагаемой сделки, немного испугала меня, и я вкрадчиво заметил <...>», фрагмент «Вы Помидоровых знаете? Нет? Изумительно!» заканчивался восклицанием «Удивительно!» вместо «Изумительно!», в характеристике «делая над собой некоторые усилия, чтобы сохранить серьезный деловой вид» вместо определения «некоторые»

использовано «гигантские». Вместо «и за ужином, среди своих мыслей, неожиданно засмеялся» в «Стрекозе» было «и за ужином, среди своих мыслей, неожиданно для окружающих, расхохотался», в «Юмористических рассказах»: «и за ужином, среди своих мыслей, неожиданно расхохотался».

Вместо слова «актеры» («Полусонные, задыхающиеся от жары актеры <...>») прежде было использовано слово «артисты», предложение «— Для удобства, в смысле парика, — пояснил он мне после, поглаживая голову» в «Стрекозе» и в сборнике «Юмористические рассказы» заканчивается на слове «после». Характеристика «преувеличенно-восторженно» в журнальной публикации дается через запятую: «Я встретил его преувеличенно, восторженно <...>». В предложении «На первый раз я одену и загримирую вас» в журнале иной порядок слов: «Я на первый раз одену и загримирую вас», а в предложении «Вы, вероятно, знаете, что самый некрасивый жест на сцене, — когда артист нелепо взденет руки кверху» нет тире.

В издании «Шиповника» восклицание «И потом, это жертва святому искусству!» сокращено до «Жертва святому искусству!», слово «уныло» в предложении «Его оживление стало пропадать, и он уныло согласился со мною» заменено на «нерешительно». Вместо «и пот стекал с пылающего лица обильными ручьями» в журнале было «и с пылающего лица пот стекал обильными ручьями», вместо «Он любовался на себя в зеркало» — «Он любовался в зеркало».

В предложении «Натянувши на него громадный рыжий парик <...>» в третьей книге «Рассказов (юмористических)» «Натянувши» исправлено на «Натянув». В сборниках из текста журнальной публикации убраны слова «обещается» («Он страдальчески улыбнулся и прохрипел, что обещается не ударить») и «была» («<...> где стена была наиболее накалена беспощадным солнцем». В характеристику «был совершенно удовлетворен видом ужасающей горы платья» в издании «Шиповника» добавлено отсутствовавшее прежде слово «совершенно». Предложение «Первый и второй акт я был занят по горло, но перед третьим, заглянувши в угол, был совершенно удовлетворен видом ужасающей горы платья, наверху которой, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо, с которого ручьи пота смыли весь грим...» Аверченко в сборниках разделяет на два, убирая повтор «которой/которого»: «Первый и второй акт я был занят по горло, но перед третьим, заглянувши в угол, был совершенно удовлетворен видом ужасающей горы платья... Наверху этой го-

ры, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо, с которого ручьи пота смыли весь грим...» В предложении «Всю эту галиматю бухгалтер добросовестно повторил <...> перед опущенной занавесью, — чего он даже не заметил» в журнальной публикации нет тире, а вопрос «Слышите, какие аплодисменты?» в «Стрекозе» и в «Юмористических рассказах» завершается конкретизацией «вам»: «Слышите, какие аплодисменты вам?»

В рассказе «Корень зла» при подготовке сборника «Юмористические рассказы» в текст журнальной публикации внесен ряд изменений, сохранившихся и в издании «Шиповника». «Он увидел себя <...> якобы любовавшегося на гаснущий закат» исправлено на: «Он увидел себя <...> якобы любовавшегося гаснущим закатом»; конец предложения «Это ведь не то, что взять, да и выпить бутылку воды из канала» изменен на «да и выпить бутылку этой зловонной воды»; перед предложением «Затем, это волнение так подозрительно...» вставлен отсутствовавший в журнале вопрос: «Что вы говорите?», из предложения «Но какого черта вам нужно искать другого места» убрано слово «нужно». В предложении «А тащиться куда-то, где вас всегда могут выгнать, это, — простите, — даже глупо» в журнальной публикации отсутствуют тире. В вопросе «Но, скажите откровенно, для чего вам понадобилось, чтобы я утонул именно здесь?» вместо «для чего» в «Сатириконе» было «зачем». В предложении «Репортер ударил себя ладонью в грудь» в журнале отсутствует слова «ладонью», а в предложении «Просто я стоял на месте, где мне никто не мешал, и хотел выжать тему для нового фельетона» был использован другой предлог («в месте»). Правка была продолжена при подготовке третьей книги «Рассказов (юмористических)». Реплика «За это теперь и ответить можно...» исправлена на «За это теперь отвечают!..»; «Меланхолия! — торжествуяще подумал репортер» — на «Меланхолия! — подумал репортер»; «Фить!» — на «Фюить!», «Вы знаете, я, кажется, буду вам очень благодарен...» — на «Вы знаете, я, кажется, должен быть вам очень благодарен...», «Я хотел лично видеть всё это» — на «Хотел лично видеть всё это», «Позвольте пожать вашу руку» — на «А-а!.. Позвольте пожать вам руку».

Некоторые фрагменты правились дважды. В предложении «Пойти разве и сказать одному правому депутату, что другой депутат назвал его идиотом» в журнальной публикации было «Пойти разве и сказать <...>, что другой правый депутат его идиотом назвал»; в «Юмористических рассказах»: «Пойти разве и сказать <...>, что другой правый депутат назвал его идиотом». В вос-

кликации «Га! Восторг, что такое!!» в журнальной публикации было: «Роскошь, что такое!!», в «Юмористических рассказах»: «Восторг, что такое!!»

Из этих примеров видно, сколь велико количество исправлений не только при подготовке рассказов для сборника, но и при редактировании уже готовой и изданной книги «Юмористических рассказов».

Если говорить об общих тенденциях работы Аверченко над уже опубликованными в периодике текстами, то в первую очередь надо отметить, что работа ведется в основном над стилем и усилением комического эффекта и правку писатель вносит преимущественно «внутри» предложений. Случаи добавления/исключения предложений целиком есть, но они немногочисленны. Так, в первой книге «Рассказов (юмористических)» в журнальной публикации в рассказе «Славный ребенок» (см.: Сат. 1909. № 28. 11 июля. С. 7–8) отсутствует предложение «Да, уж он такой, — подтверждает мать». В рассказе «Два мира», напротив, в «Сатириконе» за словами «— Давай-ка его сюда. Да чего ты боишься? Подойди ближе» следуют еще две реплики, отсутствующие в книжных изданиях:

— Да зачем же — берите так.

— Вот чудачка! Ты подойди ближе.

Сат. 1909. № 30. 25 июля. С. 7–8

В рассказе «Лекарство» из сборника «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» в газетной публикации (см.: ОН. 1909. № 7992. 15 (28) декабря. С. 4) нет предложения «— Какой негодяй! — подумал я», а в рассказе «Мозаика» (см.: ОН. 1909. № 8065. 14 (27) марта. С. 2–3) — предложения «Поеду к Насте».

В текст большинства рассказов вносится несколько исправлений, часть из которых касается пунктуации. Пунктуационную правку необходимо рассматривать как важную часть работы Аверченко над текстом — в рассказе-миниатюре задаваемые автором ритм и интонация играют очень большую роль. С помощью знаков препинания Аверченко стремится регулировать размер пауз, добавляя или убирая запятые и тире или заменяя одно на другое. Этой же цели служит объединение предложений или, напротив, их разъединение, а также изменение разбивки на абзацы. Кроме того, Аверченко часто меняет интонацию, заменяя конечные знаки препинания в предложениях. Любит он

использовать и составные конечные знаки препинания, передающие всю гамму эмоций или преобладание вопросительной либо восклицательной интонации.

С точки зрения функциональной к этому же типу исправлений нужно отнести перестановки слов (здесь встречаются и ошибки набора). Так, в рассказе «Лентяй» (см.: Сат. 1909. № 17. 25 апреля. С. 6, 8) фраза «Помогите его отнести в квартиру» исправлена в первой книге «Рассказов (юмористических)» на более естественное с точки зрения разговорной речи: «Помогите отнести его в квартиру». В рассказе «Специалист» (см.: Сат. 1909. № 14. 4 апреля. С. 7–8) в журнале было: «Однажды он вечером сидел у нас <...>», в сборнике стало также более естественно: «Однажды вечером он сидел у нас <...>». Меняется порядок слов и в рассказе «Сухая масленица» (см.: Сат. 1910. № 9. 27 февраля. С. 6–8). В «Сатириконе» было: «<...> стараясь изо всех сил взять тон залихватского ловеласа <...>» Во второй книге «Рассказов (юмористических)» стало: «<...> изо всех сил стараясь взять тон залихватского ловеласа <...>»

Необходимостью изменить ритм текста вызваны исправления и в синтаксических конструкциях – в частности, замена деепричастных оборотов. Так, в первой книге «Рассказов (юмористических)» Аверченко убирает деепричастный оборот в рассказе «Большое сердце (Рождественский рассказ)» (см.: Сат. 1909. № 52. 25 декабря. С. 11–12). В журнале было: «Около него остановилась собака и, уткнув нос в его галоши <...>». В сборнике стало: «Около него остановилась собака, уткнула нос в его галоши <...>». В рассказе «Русская история» (см.: ОН. 1909. № 7882. 4 (17) августа. С. 2–3) в газете было: «Более сердобольные бабы, глядя на это, плакали навзрыд, шепча про себя <...>». В сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» стало: «Более сердобольные бабы, глядя на это, плакали навзрыд и шептали про себя <...>». От деепричастного оборота Аверченко отказывается и в рассказе «Робинзоны». В газете «Речь» было: «<...> и быстро заработали руками, направляясь к далекому берегу». В сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» стало: «<...> и быстро заработали руками, по направлению к далекому берегу». В рассказе «Проклятье» (см.: ОН. 1909. № 7943. 18 (31) октября. С. 4) в газетной публикации было: «Умывшись в номере гостиницы, Андреев радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую». В сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» стало: «Умылся в номере гостиницы, радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую».

Убирая деепричастные обороты с обстоятельственным их значением, Аверченко избавлялся от излишней описательности, а однородные сказуемые, напротив, придавали текстам большую динамичность и подчеркивали скорое развитие действия. Есть, впрочем, и случаи обратной замены. Так, в рассказе «Визитер (Опыт характеристики)» (см.: ОН. 1910. № 8096. 22 апреля (5 мая). С. 2) в газетной публикации были использованы однородные сказуемые: «Потом, осторожно поднял ее и подошел к дремавшему дворнику у ворот», а в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» — деепричастный оборот: «Потом, осторожно поднимая ее, подошел к дремавшему дворнику у ворот».

В целом ряде случаев Аверченко меняет эмоциональную характеристику поведения героя. Для этого может использоваться замена слов. Так, в сборнике «Рассказы (юмористические): Книга первая» Аверченко в двух случаях иначе характеризует действия повествователя в рассказе «Здание на песке» (см.: Сат. 1909. № 23. 6 июня. С. 7–8). «Я радостно киваю головой» он заменил на «Я одобрительно киваю головой», а в предложении «— Послушай! — закричал я, отскочив в смятении» «в смятении» исправил на «в страхе». В рассказе «Специалист» в журнальной публикации в предложении «— Милый мой, — с легким стоном возразил я» была иная эмоциональная оценка: «— Милый мой, — грустно возразил я». В рассказе «День госпожи Спандиковой» (см.: Сат. 1909. № 18. 2 мая. Весенний номер. С. 10–11) в «Сатириконе» вместо «Извозчик категорически заявил, что считает ее чертовой куклой <...>» было: «Извозчик сообщил, что считает ее чертовой куклой <...>». В «Моей автобиографии» (см.: ОН. 1910. № 8094. 18 апреля (5 мая). (Пасхальный номер). С. 4) в «Одесских Новостях» было: «Старая лисица! — отвечал я, с трудом открывая один глаз, — ты играешь наверняка», а в «Автобиографии» в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» стало: «Старая лисица! — подумал я, внутренне усмехнувшись, — ты играешь наверняка». В том же сборнике в рассказе «Визит» (см.: ОН. 1909. № 7777. 29 марта (11 апреля). Пасхальный номер. С. 6) читаем: «Октябрист стыдливо потупился и прошептал <...>», в то время как в «Сатириконе» напечатано: «Октябрист застенчиво потупился и прошептал <...>». В рассказе «Подмостки» (см.: ОН. 1909. № 7906. 8 (16) сентября. С. 2–3) нейтральное «заинтересовался» в предложении «Какой старый башмак? — заинтересовался я» в сборнике заменяется на резкое «вздрогнул». Подчеркивается эмоциональная реакция персонажа и в рассказе «Исчадие города» (см.: Сат. 1910. № 8. 20 февраля. С. 7–8). В «Сатириконе» использовано нейтраль-

ное «подумал»: «“Конец! — подумал Сверкалов <...>». В сборнике «Рассказы (юмористические): Книга вторая» эмоционально насыщенное «заскрежетал зубами»: «“Конец!” — заскрежетал зубами Сверкалов».

В ряде случаев с той же целью — усилить эмоциональную окраску происходящего — Аверченко использует добавление слов. Так, в рассказе «Городовой Сапогов» из сборника «Рассказы (юмористические): Книга вторая» в журнальной публикации не было слов «с интересом» в предложении: «Сапогов встал, с наслаждением расправил могучие члены и с интересом потянулся к аппарату <...>». В рассказе «Исчадие города» в журнале в репликах «“Конец! — по своей привычке охнул Сверкалов. — Гибель!”» и «“Теперь — конец!.. Гибель!”» — нет слова «Гибель!» В рассказе «Случай с Патлецовыми» Аверченко во второй книге «Рассказов (юмористических)» добавляет слово «снисходительно», которого не было в «Сатириконе»: «— Инструменты, сударыня, — снисходительно улыбнулся Мишка Саматоха».

Замена слов в сборниках может быть связана с разной степенью конкретизации, причем единой направленности здесь нет. В журнальной публикации рассказа «Здание на песке» на первое предлагалась окрошка, а в первой книге «Рассказов (юмористических)» упоминается не столь конкретный «суп» (вместо «— Окрошка, на второе голубцы, а потом — крем» стало: «— Суп, на второе — голубцы, а потом — крем»). В рассказе «Преступники» (см.: Сат. 1909. № 37. 12 сентября. С. 6–7) Аверченко, напротив, стремится к большей конкретности: в предложении «...сказал, обращаясь к картине в золотой раме <...>» в сборнике «Рассказы (юмористические): Книга вторая» «картине» заменяется на «портрету». В рассказе «Веселый вечер» (см.: Сат. 1910. № 3. 16 января. С. 7–8) вместо «И вдруг в голове мелькнула ужасная, потрясающая мысль <...>» в «Сатириконе» читаем «<...> у нее мелькнула ужасная, потрясающая мысль <...>». В «Моей автобиографии» в «Одесских Новостях» герой «старался «держаться свободнее», шаркая ногами по обоям», а в «Автобиографии» в книге «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» — «шаркая ногами по стенам». В рассказе «Невозможное» (см.: ОН. 1910. № 8074. 25 марта (7 апреля). С. 3) из того же сборника в газете вместо «Ваша сухость, ваш формализм убивают у учеников всякий интерес к науке» было «Ваша сухость, ваш формализм убивают у учеников всякий интерес к предмету»; а вместо «нагнув его голову, потащил за ухо в угол» — «нагнув его голову, потащил за собой в угол». В рассказе «Пернатое» (см.: ОН. 1909. № 7967. 15 (28) ноября. С. 4) вместо «но как всё это делается — пусть меня убьют — не знаю...»

в книге стало: «<...> но как всё это делается — пусть меня повесят — не знаю...».

Замена слов связана также с желанием немного изменить созданный образ. В рассказе «Два мира» (см.: Сат. 1909. № 30. С. 7–8) в журнале герой говорит: «Сейчас же лечу, как вихрь», а в сборнике: «Сейчас же лечу, как молния». В журнале лицо у главной героини в рассказе «Ниночка» (см.: Сат. 1909. № 42. 17 октября. С. 7–8) было «розовое», а в сборнике оно становится «белым». В рассказе «Мозаика» «можно было бы с удобством выкупаться» заменяется на «можно было бы с пользой выкупаться», а заявление «Но шестеро — это тяжело до самоубийства» на не столь экспрессивное «Но шестеро — это тяжело до обморока».

Употребление нового глагола меняет характеристику создаваемой писателем сцены, иногда даже на противоположную. В рассказе «Исчадие города» условность, которая была задана глаголом в журнале («Сейчас же показалось, что вопрос <...>»), исправляется в сборнике «Рассказы (юмористические): Книга вторая» на абсолютную ясность: «Сейчас же стало ясно, что вопрос <...>». Приведем еще два примера из того же сборника. В рассказе «Чудеса» (см.: Сат. 1910. № 16. 18 апреля. Пасхальный номер. С. 9–12) вопрос «Стесняетесь от молодого человека деньги получать?» в журнальной публикации звучал иначе: «Стесняетесь от молодого человека деньги брать?» В рассказе «Магнит» «перечел» во фразе «<...> внимательно перечел ее и подошел к телефону» в книге заменено на «прочитал».

Смена глаголов может корректировать авторское и читательское видение одного и того же по сути действия. В рассказе «Ниночка» героиня в журнале «вбежала в общую комнату», а в книге уже «выбежала в общую комнату». В рассказе «Лекарство» в газете «Вышла Даша и спросила <...>», а в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» «Вошла Даша и спросила». Обратим внимание на то, что глаголы в двух последних случаях схожи по звучанию. Можно привести еще примеры замен слов на близкие по написанию и звучанию. В рассказе «Городовой Сапогов» Аверченко заменяет «медлительно опустил веки» на «медленно опустил веки». В таких случаях нельзя исключать, что мы имеем дело с ошибками набора.

Добавление слов также связано с необходимостью прояснить суть созданного образа. Так, в рассказе «Незаметный подвиг» (см.: Сат. 1910. № 22. 29 мая. С. 6–8) в предложении «вкатила по ошибке несчастной тетке двойную, смертельную дозу какого-то лекарства» в журнальной публикации не было

слов «по ошибке». Здесь мы имеет дело с образом второстепенным — и тем не менее Аверченко стремится устранить саму возможность заподозрить, что речь идет о предумышленном убийстве.

Некоторые исправления носят уточняющий характер. В рассказе «Два мира» в журнале в предложении «<...> Ивану Григорьевичу во время сна заполз в ухо маленький таракан, а жена его заперла, когда уходила» нет слов «когда уходила». В рассказе «Лентяй» в сравнении «<...> и моего Лентяя, — безмольного, мокрого, как умирающая мышь» в журнальной публикации не было слова «умирающего» и тире. В другом месте в этом рассказе Аверченко, напротив, прибегает к сокращению. Из предложения «— Так отчего же вам не пойти! — вскричал я, пораженный до глубины души» вычеркиваются слова «до глубины души». В рассказе «Спермин» (см.: ОН. 1910. № 8018. 17 (30) января. С. 5) в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» Аверченко добавляет в предложение «Это была самая скучная, тоскливая сессия Думы» отсутствовавшее прежде уточнение «Думы», а в рассказе «Кто ее продал» (см.: ОН. 1910. № 8070. 20 марта (2 апреля). С. 2) меняет «количество принесенных мешков» на «количество привезенных мешков». В рассказе «Одинокий Гржимба» (см.: Сат. 1910. № 19. 8 мая. С. 6—8) из второй книги «Рассказов (юмористических)» в «Сатириконе» в предложении «При появлении слуги он схватил его за руку, оттащил от порога, а дверь снова запер на ключ» вместо «оттащил от порога» было «толкнул от дверей», а во фразе «окруженную малорослыми победившими его городовыми» было «пигмеями-городовыми».

При подготовке сборников идет поиск более точных слов. В «Автобиографии» в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» Аверченко использует глагол «расташены»: «<...> те из отцовских товаров, которые не были расташены ворами и покупателями «<...>», в то время как в газетной публикации было слово «расхищены». В «Лекарстве» в том же сборнике словом «благоволящий» заменяется использованное в «Одесских Новостях» слово «благодворящий» («<...> благодворящий мужчинам и отворачивающийся от женщин «<...>»). Слово может переставляться в другое место в тексте. В рассказе «Пернатое» в фразу «всё ухудшающейся жизни на нашей горемьгной планете» вместо «горемьгной» вставлено «бестолковой», а из предложения «это будет самым идиотским поступком вашей бестолковой жизни!» «бестолковой», напротив, убрано и заменено на «безграмотной».

С желанием исправить стилистические ошибки и неточности и с работой над стилем в целом связана существенная часть правки. Выше уже отмеча-

лось, что в рассказе «Нервы» Аверченко заменяет «сваливши» на «свалив». Это сквозное исправление. В первых книгах писатель старательно избавляется от «вшей», которых немало в его ранних публикациях в периодике. «Вши» встречаются уже в рассказе «Дебютант (Шарж)» (см.: Стрекоза. 1908. № 5. 3 февраля. С. 14–15) — первом из опубликованных в «Стрекозе» после переезда в Петербург: «Он встал и, заложивши одну руку за борт сюртука, другой рукой элегантно взъерошил себе волосы»; «Натянувши на него громадный рыжий парик <...>» Первое предложение Аверченко исправляет в сборнике «Юмористические рассказы», используя однородные сказуемые: «Он встал, заложил одну руку за борт сюртука, а другой элегантно взъерошил себе волосы», а во втором вставляет форму без «вшей» уже при подготовке переиздания в «Шиповнике»: «Натянув на него громадный рыжий парик <...>».

В рассказе «Дурак» в журнальной публикации (см.: Сат. 1908. № 11. С. 13–14) «вши» встречаются несколько раз. Одно исправление, меняя «обнявши» на «обняв» в предложении «Но Дурак был уже в пальто, обнявши руками своих раков <...>» Аверченко делает в сборнике «Юмористические рассказы», второе — «побледневши» на «побледнев» в предложении «Дурак сидел, побледневши как мертвец <...>» — при подготовке переиздания в «Шиповнике». При этом форма с «вши» во фразе «внимательно осмотрел рака и, оторвавши хвост, стал, по одной, отламывать клешни и лапы» остается неизменной. В первой книге «Рассказов (юмористических)» того же типа замена производится в рассказе «Душевная драма (Жизнь человека)» (см.: Сат. 1909. № 8. 22 февраля. С. 10). В предложении «<...> забывши, что простыня не может нести двойную службу <...>» «забывши» меняется на «забыв».

Отметим, что больше всего «вшей» устранено в сборнике «Юмористические рассказы». Первые книги позволяют проследить, как писатель постепенно избавляется от привычки использовать подобные формы. В сборниках «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» и второй книге «Рассказов (юмористических)» издательства «Шиповник» у Аверченко уже нет необходимости вносить такие исправления.

Вносятся корректировки в употребление слов с приставками по-/на-. В рассказе «Городовой Сапогов» использованная в журнальной публикации форма с «по-»: «<...> странным доскам и камням, в беспорядке поваленным во всех углах» заменяется в сборнике на «наваленным». В рассказе «Большое сердце (Рождественский рассказ)», напротив, слово «повисло» в предложении «Серое, темное небо повисло над землей...» в сборнике заменяется на «нависло». В рас-

сказе «Еще воспоминания о Чехове» (см.: ОН. 1909. № 7895. 21 августа (3 сентября). С. 3) в газете было: «Чехов поморщил лоб», в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» стало: «Чехов наморщил лоб».

Аверченко устраняет также замеченные им повторы. Так, в рассказе «Ниночка» убирается повтор «опустилась/опустив» в предложении «Ниночка опустилась на кровать и, опустив глаза, еще раз повторила <...>». В сборнике слово «опустив» заменено на «потупив». При подготовке книги «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» в «Автобиографии», убрав повтор «все/весь» в фразе «все они махнули рукой на весь внешний мир», Аверченко оставил просто «на внешний мир». В рассказе «Проклятье» в предложении «Он махнул рукой и пошел на вокзал написать жене письмо, — что завтра он выезжает обратно» снято второе местоимение «он».

Убираются смысловые повторы и плеоназмы. В «Моей автобиографии» в газете было «освежало окружающих, погрязших в работе, скучных счетах и цифрах <...>», а в «Автобиографии» в книге «цифры» заменяются на «дрязги» («погрязших в работе, скучных счетах и дрязгах <...>»). В рассказе «Четверо» (см.: ОН. 1909. № 7913. 22 ноября (5 декабря). С. 3) из предложения «Многие считают меня ненормальным, помешанным, но я разбираюсь в людях!» в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» вычеркивается слово «помешанным». В рассказе «Пернатое» из фраз «мы должны бросить ретроспективный взгляд назад и проследить» и «— Он всё врет, — посыпался сбоку меня голос» убраны слова «назад» и «меня». В рассказе «Мозаика» из фразы «и спасала от крушения и гибели всего предприятия» в сборнике вычеркнуто «и гибели».

Нужно отметить и прослеживающееся при анализе правки стремление добиться большей «литературности» языка, с отказом от «словечек», характерных для русской юмористической традиции, связанной с творчеством Н.А. Лейкина и И.И. Мясницкого³. В рассказе «Подмостки» герой хотел «поблагодарить их за те струны, которые они разбудили» в его душе, а в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» «струны» заменяются на «чувства».

В нескольких текстах писатель корректирует индивидуальную речевую манеру персонажей в сторону большей или меньшей литературности. В «Приключении номера 24345» (см.: Сат. 1909. № 38. 19 сентября. С. 7–8) Аверченко

³ Подробнее об этом см.: Николаев 1998.

вносит целый ряд изменений в стилистическую окраску речи извозчика. В журнале было: «Как есть я теперь богатый человек»; «Што ж мы не люди, или что?»; «Нешто я что...», в первой книге «Рассказов (юмористических)» стало соответственно: «Как есть я нынче богатый человек»; «Что ж мы не люди, или как?»; «Разве я что...». В рассказе «Пуганица» (см.: ОН. 1909. № 8005. 31 декабря (13 января). С. 3) простонародное «садит» в предложении «Пусть садит в тюрьму, пусть делает со мной, что хочет!..» Аверченко в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» заменяет на «сажает». В рассказе «Труха» (см.: ОН. 1909. № 8001. 25 декабря (7 января). С. 3–4) в газетной публикации вместо «Это гроб, который отражается» было: «Это гроб, который отражающийся». Есть и произведения, где писатель, напротив, усиливает элементы простонародной маркированности речи. В рассказе «Рубановичи» (см.: ОН. 1910. № 8053. 28 февраля (13 марта). С. 2) портной в газетной публикации говорит: «И над вами не смеялись?», а в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы»: «И с вас не смеялись?». В рассказе «Городовой Сапогов» в репликах героя «Как же это оно так получается?» заменяется во второй книге «Рассказов (юмористических)» на «Как же это оно так случается?», а «вкусная вещь» на «скусная вещь».

В маленьком рассказе важную роль играет любая мелочь, а потому у Аверченко фиксируется многочисленная правка, связанная с вводными словами и оборотами, наречиями, предлогами, союзами, местоимениями, междометиями, частицами. Систематический характер носит у Аверченко добавление «хехеканья». В журнальной публикации «Хе-хе» отсутствует в рассказе «Широкая масленица» в фрагменте «Чайную? Хе-хе. Подымайте выше», в газетной публикации рассказа «Четверо» в фразе «Немножко раздеться можно, хе... хе...». В рассказе «Проклятье» в «Одесских Новостях» отсутствуют «Хе-хе...» и «Ха-ха!» в фрагментах «Смерть, хочется повеселиться. Хе-хе...» и «— Для всех, кроме него! Ха-ха!».

В рассказе «Визит» из сборника «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» мы находим пример фактической правки, связанной с различием между провинциальной газетной аудиторией, на которую были главным образом ориентированы «Одесские Новости», и столичным читателем, которому Аверченко в первую очередь адресовал свою книгу. В сборнике переиначивается ставшая крылатым выражением строка из десятой сатиры Ювенала «Mens sana in corpore sano» — в переводе с латинского: «В здоровом теле здоровый дух»: «— Конечно, те, кто занимается физическим трудом, должны ее

пить, потому что, как это говорится: *mens sana in "Квисисана"...*» Обыгрывается название известного столичного ресторана «Квисисана». В газете же персонаж просто перевирает выражение, и отсылки к петербургским реалиям нет: «— Конечно, те, кто занимается физическим трудом, должны ее пить, потому что, как это говорится: в здоровом корпусе должно быть здоровое тело».

Схожего плана изменения вносятся писателем и в «Автобиографию», где в сборнике появляются отсутствовавшие в газетном тексте пародийно-рекламные призывы подписываться на «Сатирикон». В предложении «Первые мои шаги были связаны с основанным нами журналом «Сатирикон», и до сих пор я люблю, как собственное дитя, этот прекрасный, веселый журнал (в год 6 руб., на полгода 3 руб.)» в «Одесских Новостях» отсутствует фрагмент в скобках, а также вообще нет абзаца «Успех его был наполовину моим успехом, и я с гордостью могу сказать теперь, что редкий культурный человек не знает нашего «Сатирикона» (на год 6 руб., на полгода 3 руб.)».

Отдельно необходимо сказать об исправлениях имен собственных — таких примеров в первых книгах Аверченко довольно много. Больше всего таких корректив в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы». В «Четверге» вместо «<...> эта дура Пылинчиха <...>» в газете было напечатано «<...> эта дура Пыльчиха <...>»; в «Бедствии» в предложении «Мужик Савельев стоял у межи своего поля <...>» в газетной публикации указаны имя и фамилия («Мужик Савелий Савельев стоял у межи своего поля <...>»). Полные формы имени и отчества, которые были в «Одесских Новостях», в сборнике Аверченко заменяет на краткие в рассказах «Почести» («До свиданья, Василий Васильч...» вместо «До свиданья, Василь Васильч...») и «Американцы» («Нет, Никанор Павлович — не отвертитесь!..» вместо «— Нет, Никанор Пальч — не отвертитесь!..»). В рассказе «Одинокий Гржимба» происходит обратное. Во фразе «Да, признаться, есть в нем немного и Егора Васильча...» во второй книге «Рассказов (юмористических)» отчество дается в полном варианте: «Егора Васильевича». В первой книге «Рассказов (юмористических)» в рассказе «Славный ребенок» исправлена явная опечатка в предложении «До отхода ко сну нужно успеть еще зайти к Григорию Ивановичу <...>», который в «Сатириконе» был ошибочно назван «Алексеем Ивановичем», а в рассказе «Веселый вечер» Аверченко решает заменить имя одного из главных героев. В журнальном варианте Гусева зовут не «Вика» — «Виктор Петрович», а «Вася» — «Василий Петрович». Самая же интересная корректировка вносится в рассказ «Еще воспоминания о Чехове». В газетной публикации автор «воспо-

минаний» в одном из предложений именовал Чехова «Антоном Панкратьевичем»: «<...> пишущий эти строки был свидетелем того, как Антон Панкратьевич раскритиковал прекрасную повесть маститого писателя <...>». «Ошибка» в отчестве писателя, которую допускал герой рассказа, рассказывающий о своих панибратских отношениях с Чеховым, должна была, по замыслу Аверченко, показать, что на самом деле персонаж Чехова практически не знал. Но, вероятно, прием этот не был воспринят читателями и в незнании или небрежности могли упрекнуть самого Аверченко и издательство. В результате, в сборнике «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» Чехову «возвращается» правильное отчество: «<...> пишущий эти строки был свидетелем того, как Антон Павлович раскритиковал прекрасную повесть маститого писателя <...>».

Стоит выделить еще ряд исправлений, связанных с оборотами с упоминаниями Бога и чёрта. Наиболее важную роль такая замена играет в рассказе «Праведник» из первой книги «Рассказов (юмористических)», где писатель заменяет финальное «Боже ты мой!..» на «Гм... Даже странно!», тем самым заметно снижая пафос высказывания и придавая ему комический оттенок: «— Такой широкий мир, и так мало правды... Гм... Даже странно!»⁴ В рассказе «Здание на песке» из того же сборника, напротив, упоминания Бога нет в журнальной публикации («Зачем он это делает, не знаю»), а в книге оно появляется: «Зачем он это делает, Бог его знает». В рассказе «Веселый вечер» в фрагменте «— Ой, нет, нет, спасибо... Ради Бога, не надо, я сама... Ой, нет, нет — не надо» Аверченко добавляет в сборнике последнее предложение, которого не было в журнальной публикации. А в рассказе «Лентяй» Аверченко, убирает «черта»: в «Сатириконе» было: «— Э, чорт! — подбежал он к окну», а в сборнике стало: «— Э, проклятый! — подбежал он к окну».

Таким образом, мы можем утверждать, что вносившаяся писателем в текст газетных и журнальных публикаций правка носит системный характер. Он не просто совершенствует конкретные произведения, а работает над своим стилем в целом.

Наибольшее количество изменений Аверченко вносит в тексты при подготовке своего первого сборника и при последующей переработке его для из-

---

⁴ Подробнее об этом см.: Николаев 20176.

дания «Шиповником» в качестве третьей книги «Рассказов (юмористических), а наименее существенные исправления фиксируются в 1910 году во второй книге «Рассказов (юмористических)». То, что меньше всего стилистических исправлений вносится в рассказы, написанные в 1910 году, показательно: книги фиксируют сформировавшийся к этому времени идиостиль автора.

При последующих переизданиях первых книг и включенных в них рассказов в тексты было внесено минимальное количество изменений. Часть последующих изданий сборников носила стереотипный характер, то есть воспроизводился тот же набор, и изменения сводились к корректировкам на титульном листе (порядкового номера издания и года). В тех случаях, когда производился перенабор, в текстах фиксируются опечатки и некоторые исправления, возможно также связанные с ошибками набора, — к таковым в первую очередь относятся пунктуационные коррективы, а также изменения слов, связанные с единичной заменой или добавлением букв в слово, использованное в первом издании.

В настоящем издании в основном корпусе тексты печатаются по первым изданиям сборников «Рассказы юмористические (Книга первая)» (1910), «Рассказы юмористические (Книга вторая)» (1910), «Рассказы юмористические (Книга третья)» (1911), в разделе «Дополнения» — по первому изданию сборника «Веселые устрицы: Юмористические рассказы (1910)». Из изменений, сделанных при переизданиях этих сборников, в основной текст вносятся те, которые можно безоговорочно считать авторскими или не противоречащими авторской воле. Это исправления явных фактических, смысловых и стилистических ошибок, к примеру, замена в «Автобиографии» ошибочно указанного в первом издании 1905 года в предложении «Литературная моя деятельность была начата в 1905 году» на правильный 1904-й. Авторской может считаться также фактическая правка, обусловленная переменами во внешнем мире, например, замена в конце «Автобиографии» подписной цены «Сатирикона» и названия журнала на «Новый Сатирикон» в связи с изменившимися реалиями. Подобная правка в основной текст не вносится, но оговаривается в комментариях. Также в комментариях указываются значимые лексические и пунктуационные расхождения, происхождение которых может быть обусловлено как сторонним вмешательством при перенаборе, так и авторской волей.

Изменения, сделанные в текстах рассказов при их издании в других сборниках, оговариваются в комментариях, но не вносятся в основной текст, по-

скольку эта правка в книги «Рассказы (юмористические)» автором не переносилась.

В настоящем издании первые книги А.Т. Аверченко впервые после 1917 года публикуются без искажений. В максимальной степени сохраняются особенности авторского текста, в том числе ряд элементов графического оформления, поскольку оно играет существенную роль в читательском восприятии рассказа-миниатюры. В начале XX века создание визуального образа текста является важной составляющей творческой манеры ряда писателей — от Власа Дорошевича с его «короткой строкой» до футуристов. Аверченко также использует в своих произведениях задающую ритм прочтения текста разбивку на абзацы (в том числе и в рамках высказывания одного персонажа), а также различные способы выделения — разрядку и курсив, которые могут иметь разную смысловую нагрузку (в частности, при совмещении их в одном тексте). Для визуализации паузы в печатном тексте часто служит тире — с точки зрения функции пунктуационных знаков юмористический рассказ-миниатюра в начале XX века вообще сближается с поэтическим текстом.

Современные нормы не привносятся в тех случаях, когда они могут исказить интонационное восприятие текста (к примеру, сохраняется обособление слова «вообще»), особенности передачи автором разговорной речи, а также связаны со спецификой реалий начала XX века (использование заглавных букв в написании названий). Не раскрываются сокращения «г.» «г-н» и т. п., употребление которых у Аверченко в рамках художественного текста направлено на достижение дополнительного комического эффекта, равно как и использование цифр и символов. Сохраняются авторские написания междометий и звукоподражательных слов («бррр», «тсс» и т. п.)

В разделе «Примечания» фиксируются все значимые исправления, включая пунктуационные, внесенные в тексты газетных и журнальных публикаций рассказов при подготовке их для сборников, а также правка, сделанная в тексте сборника «Юмористические рассказы» при подготовке его переиздания в качестве третьей книги «Рассказов (юмористических)». Для удобства восприятия в примечаниях к третьей книге «Рассказов (юмористических)» последовательно вносившиеся в тексты рассказов изменения сведены в таблицы.

В примечаниях не указываются явные опечатки и ошибки наборщика (к примеру, «изворачиваешься» вместо «изворачиваться» в газетной публикации рассказа «Мозаика»), расхождения в употреблении прописных и строчных букв (к примеру, в «Автобиографии») («Моя автобиография») в газетной пуб-

ликации: «русской-японской войны», в книге: «Русской-Японской войны»). Не оговариваются особо орфографические расхождения в публикации в периодике и в разных изданиях сборников и без дополнительных оговорок исправляется написание слов, допускавших вариативность: «десерт» – «дессерт», «синематограф» – «кинематограф» («Поэт») «околодочный» – «околочный» («Городовой Сапогов», «Одинокий Гржимба»), «шеколад» – «шоколад» («Городовой Сапогов»), «имянин» – «именин» («Исчадие города»), «корридор» – «коридор» («Одинокий Гржимба»), «кавалер» – «ковалер» («Сухая масленица»), «галстух» – «галстук» («Жена») и проч.

Примечания

Основной корпус текстов составляют три книги «Рассказов (юмористических)» А.Т. Аверченко, которые были опубликованы издательством «Шиповник» в Санкт-Петербурге в 1910–1911 годах. В качестве дополнения публикуется книга Аверченко «Веселые устрицы: Юмористические рассказы», впервые изданная в 1910 году М.Г. Корнфельдом под маркой «Сатирикона» и примыкающая хронологически к трем книгам «Рассказов (юмористических)». Вышедшая первой в 1910 году в издании М.Г. Корнфельда книга Аверченко «Юмористические рассказы» в дальнейшем издавалась «Шиповником» в качестве третьей книги «Рассказов (юмористических)» и в качестве таковой включена в настоящий том. Таким образом, в нем представлены четыре первые книги Аверченко, издание которых знаменовало начало нового этапа в развитии комического в русской литературе.

При составлении примечаний учитывалась специфика комического текста, ориентированного на заданное аудитории жанровое восприятие и соответствующий контекст. Это восприятие определялось либо вынесенным в заглавие или подзаголовок книги определением «юмористические», либо жанровым определением или названием рубрики в газетной публикации (фельетон, маленький фельетон и т. д.), либо спецификой издания (журнал сатиры и юмора), либо, в конце концов, устойчивой связью имени автора с комическим отражением действительности в его произведениях. На необходимости восприятия «смешного» рассказа именно как рассчитанного на смех акцентировал внимание и сам Аверченко (подробнее об этом см.: Николаев 20176).

Комическое отражение действительности предполагает определенный угол преломления, проявляющийся как в характере отбора явлений, так и в их оценках, а потому эти формально заданные отклонения — при изображении, к примеру, реальных исторических лиц, ошибочной интерпретации персонажами известных фактов, явного незнания героями азбучных истин — дополнительно не оговариваются и не комментируются.

Рассказы Аверченко рассчитаны на достаточно образованного, «культурного», но всё же массового читателя, а потому с точки зрения авторской установки и, соответственно, заданного читательского восприятия не предполагают углубленного знания истории, техники, литературы, искусства и т. д. Это определяет и подход к фактическому комментарию. Не комментируются общеизвестные топонимы, имена писателей и литературных героев в том случае, если упоминание предполагает знание читателем только самых общих сведений (Борисоглебск — провинциальный город, Толстой, Писемский, Чехов, Виктор Гюго, Эдгар По — писатели, Дон-Жуан — герой-любовник и т. п.)

Многочисленные переиздания сборников Аверченко на протяжении 1910–1917 годов показывают, что в основе отобранных для них писателем произведений лежит не сиюминутный комизм исторического момента (даже если произведение связано со «злостью дня»): источником комического в них является типическое, что позволило сохранить комический эффект вплоть до настоящего дня. В то же время при публикациях в периодических изданиях Аверченко предполагал определенное читательское восприятие с учетом специфики контекста того журнала («Стрекоза», «Сатирикон», «Солнце России», «Скэтинг-Ринк») или той газеты («Утро», «Речь», «Одесские Новости»), для которых произведение писалось. Поэтому в комментариях особое внимание уделяется конкретному журнальному и газетному контексту изданий, в которых впервые печатались рассказы Аверченко.

Для адекватного восприятия нюансов комического современному читателю требуется и знание конкретно-исторического и литературного контекста начала XX века. Важны как переключки с произведениями других писателей, в первую очередь сатириков и юмористов, так и масштаб отклонения от них, поскольку неожиданный по сравнению с зафиксированной в читательском сознании традиционной моделью ход, новый сюжетный поворот или новая интерпретация привычного образа сами по себе способны вызывать комический эффект. Комическое в произведениях Аверченко часто основано на нарушении нормы (см.: Николаев 1993), и это нарушение нормы может быть и

отклонением от привычной литературной схемы. В сатирико-юмористической литературе, особенно когда она связана с ежедневной или еженедельной прессой, такие связи — не с конкретным произведением, а именно с общим мотивно-образным контекстом — играли важную роль. С одной стороны, это было обусловлено особенностями творческого процесса, зачастую носившего — на уровне выбора тем и сюжетов — коллективный, редакционный характер, с другой — со спецификой формирования круга авторов и читателей данных изданий, их постоянной погруженностью в соответствующий контекст. Под мотивно-образным контекстом понимается ряд возможных связей: те произведения, которые могли знать автор и его читатели и связь с которыми — не обязательно осознанная — могла влиять на процессы создания и восприятия рассказа. В то же время очертить в рамках комментариев весь мотивно-образный контекст, в котором мог восприниматься читателями каждый из рассказов Аверченко, не представляется реальным из-за ограниченного объема. Воссозданию контекста лишь одного встречающегося у Аверченко мотива — падающего на голову кирпича — и лишь на уровне самых явных мотивных связей — классических произведений и произведений текущего момента — посвящена специальная статья (см.: Николаев 2016). При этом мотив «кирпича на голову» встречается в литературе гораздо реже, чем, к примеру, образ пьяного визитера, число которых исчисляется тысячами, или ревнивого мужа, которым вообще несть числа. На «изношенность» тем и образов обращал внимание и сам Аверченко. В частности, он писал: «С тех пор как земной шар с утомительным однообразием вращается вокруг своей оси, написан, по крайней мере, миллион рассказов на разных языках из цирковой жизни» (*Ave* [Аверченко А.Т.]. Цирк Чинизелли // Сат. 1908. № 31. 8 ноября. С. 6).

Отсылки к другим художественным произведениям приводятся в случае ярких текстуальных соответствий и прямых сюжетных параллелей, а также когда речь идет о классической литературе, знакомой автору и значительной части читателей, и о пользовавшихся популярностью комических произведениях конца XIX — начала XX века. Подчеркнем, что, когда мы говорим о мотивно-образном контексте, речь не идет о прямых заимствованиях или о конкретных устойчивых аналогиях, определяющих авторский замысел и предполагаемое автором читательское восприятие — такие связи в примечаниях оговариваются в обязательном порядке.

Творчество Аверченко — и вошедшие в настоящий том сборники в первую очередь — оказало существенное влияние на русскую литературу последу-

ющего времени, но позднейшие параллели, отсылки к произведениям Аверченко и заимствования у него в примечаниях не указываются.

Псевдонимы не раскрываются в случае, если писатели или художники известны именно под этими псевдонимами (И.И. Мясницкий, Н.А. Тэффи, Ре-Ми, К.И. Чуковский и т. п.), в противном случае указывается использованная при публикации подпись и подлинная фамилия.

Перепечатки, осуществленные без согласия Аверченко, в комментариях не указываются. К таковым относятся дореволюционные републикации в провинциальной прессе, а также публикации разных лет в «пиратских» изданиях, в том числе и в СССР. Не указываются также перепечатки в сборниках формата «Чтец-декламатор»*.

Подписи, поставленные под первыми публикациями произведения, указываются в том случае, если Аверченко использовал псевдоним. Если подпись не указана, то текст был подписан настоящей фамилией. Разные печатные варианты указания подлинного имени автора (Аркадий Аверченко, Арк. Аверченко, А. Аверченко) не оговариваются.

Аркадий Аверченко
РАССКАЗЫ
(ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)

КНИГА ПЕРВАЯ

На обложке первого издания указано: «Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Книга первая. Изд. Шиповник. СПб. Обложка работы Сергея Чехонина». На титульном листе указано: «Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Книга первая. Изд. Шиповник. СПб. 1910. На обороте титула: Типография журнала «Сатирикон». С-Петербург, Лештуков пер., 4».

---

* К примеру, рассказы Аверченко «Тихое помешательство», «Двойник» и др. были включены в составленный И.Д. Шемакиным «литературно-художественный сборник стихотворений и рассказов, пригодных для чтения с эстрады» «Полный чтец-декламатор» (см.: ПЧД [6. г.]/2: 489–495). В «литературно-художественный сборник» «Новый чтец-декламатор», составленный С.В. Каратыгиным, вошло три рассказа Аверченко, в том числе рассказ «Люди четырех измерений» (см.: НЧД 1911: 537–541).

В сборник включено 30 рассказов. В первом издании 206 с. и две страницы рекламного каталога издательства «Шиповник».

О подготовке сборника юмористических рассказов Аверченко в издательстве «Шиповник» газета «Речь» сообщила 22 февраля (7 марта) 1910 года (см.: № 52 (1290). С. 3). В «Сатириконе» информация о предстоящем выходе книги появилась 3 апреля 1910 года — в номере, посвященном дню рождения журнала (№ 14). В разделе «А» «Почтового ящика “Сатирикона”» (Петербург) под номером 52 был напечатан ответ некоему «М.П.»: «Рассказы Арк. Аверченко, о которых вы спрашиваете, в первый том не вошли. Появятся они в изд. “Шиповника”» (С. 11). Отметим, что «Почтовый ящик» в этом номере был подписан не постоянным псевдонимом Аверченко, а инициалами «Н.Д.». Та же подпись стояла под «Почтовым ящиком» в «Пасхальном номере» «Сатирикона» (см.: 1910. № 16. 18 апреля), в котором издание «Шиповника» упоминалось в ответе на письмо из Москвы: «№ 2714. — эти расск. войдут в изд. “Шиповник”» (С. 12).

В дальнейшем в «Сатириконе» информация об этой книге не печаталась, поскольку журнал рекламировал предстоящее издание сборника «Веселые устрицы: Юмористические рассказы» (подробнее об этом в примечаниях к сборнику «ВУ» и в статье, на с. 758 наст. изд.). Однако 31 июля в разделе «Горошины (мелочи журналистики)» «Сатирикон» отреагировал на критические отклики, появившиеся в прессе после выхода сборника (см.: № 31. С. 8). Материал не был подписан, но его стиль позволяет с большой долей уверенности утверждать, что автором был сам Аверченко (подробнее см. в статье, на с. 762–763 наст. изд.).

8 (21) мая 1910 года издательство «Шиповник» поместило в газете «Речь» объявление «Новые книги», в котором значился сборник Аверченко «Юмористические рассказы. Книга первая» (см.: № 124 (1362). С. 1).

Тираж первого издания 2300 экз. Основой для ряда последующих изданий стал набор первого издания, о чем свидетельствуют как точное совпадение набора по строкам и страницам, так и повторяющиеся опечатки (в частности, «мена» вместо «меня» на с. 18). Неправильное указание страницы «221» вместо «122» в восьмом издании свидетельствует о том, что в связи со сменой типографии набор делался заново: вышедшее в 1912 году восьмое издание печаталось уже в «Типо-литографии “Двигатель”» (Казначейская, б). Десятое издание вышло в Петрограде в 1915 году (Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Книга первая. Издание десятое. Изд. Шиповник Петроград. 1915). На

задней сторонке обложки одиннадцатого издания, вышедшего в 1916 году, есть указание на дату цензурного разрешения: «Дозволено военной цензурой 27 февраля 1916 г.». Последнее выявленное издание сборника — двенадцатое — вышло в Петрограде в 1917 году. При очередном перенаборе текста уменьшилось количество страниц в сборнике: в последних изданиях 188 с.

Поэт

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 9. 1 марта. С. 8–9.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены минимальные изменения: в предложении «За десертом — в передней позвонили и вызвали меня...» вставлено тире, подчеркивающее необходимую паузу.

Осаждающие редакторов и редакции самодеятельные писатели — постоянные герои юмористических произведений. Н.А. Лейкин написал на эту тему рассказы «Приемный час редактора» (см.: Лейкин 18796: 16–18), «Поэтесса» (см.: Лейкин 18806: 121–124). В рассказе И.И. Мясницкого «Горе-сочинители» изображены посетители редакции одной из газет:

Редакционный секретарь, бледный молодой человек, с папироской в зубах, разбирает корреспонденцию, вскрывая письма, и ворчит себе под нос. <...>

— Поэты просто одолели! Из 20 писем — 19 непременно со стихами!.. «Господин редактор! Прошу поместить стих моего собственного сочинения: цену сему стиху 15 рублей, и то только для вас, как я состою подписчиком вашей газеты».

Мясницкий 1894: 233–234

Аверченко также не раз обращался к этой теме; см., напр., рассказ «Служитель муз» («РЮЗ»).

¹ — *Господин редактор...* — Рассказчик в данном случае мог напрямую отождествляться с Аверченко, который являлся редактором журнала «Сатирикон», где впервые был напечатан рассказ. В то же время у редактора-персонажа есть жена и четырехлетний сын Володя, а у Аверченко семьи не было.

² *Хотел бы я ей черный локон | Каждое утро чесать | И, чтоб не гневался Аполлон, | Ее власы целовать...* — Строки из стихотворения, процитированные ранее Аверченко в «Почтовом ящике “Сатирикона”». В № 9 за 1908 г. (с это-

го номера в качестве редактора журнала значился Аверченко) в разделе «Б. Провинция» «Почтового ящика “Сатирикона”» был помещен следующий ответ:

(12). Двинск. — Поэту Надькину. — Ваши желания:

«Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать!»

Чудно! Чудно! Нам лично нравятся два поэта: Сюлли-Прюдом и Надькин. Последний даже побойчей будет.

С. 15. Подписано: *Ave*.

В дальнейшем образ поэта Надькина не раз использовался в «Сатириконе». В 1908 г. Аверченко в «Почтовом ящике “Сатирикона”» отвечал:

92. — В пространство. — Крестьянину.

Э, нас не обманете. Какой вы крестьянин? Вы телеграфист Надькин (см. Почтов. ящ. «Стрекозы»), мы вас узнали. К вам у нас нет жалости: вы пишете скверно, пошло, безграмотно и нелепо. Вот вам!

№ 18. 9 августа. С. 15. Подписано: *Ave*

В 1909 г. Аверченко вновь вспоминал в «Почтовом ящике “Сатирикона”»: «Был поэт-телеграфист Надькин... Когда редакция “Сатирикона” уличила его в этом <...>» (№ 6. С. 11).

В 1910 г. образ телеграфиста Надькина появился у Аверченко в театральном фельетоне, посвященном постановке оперетты Ф. Легара «Граф Люксембург» (пер. И.Г. Ярова и Л.Л. Пальмского) в «Зимнем Буффe» (см.: Сат. 1910. № 7. 13 февраля. С. 6–7. Подписано: *Ave*). В том же году в специальном «провинциальном» номере «Сатирикона» была помещена серия рисунков А. Радакова «Почтовый ящик “Сатирикона” (В иллюстрациях)». Художник изобразил «Телеграфиста Надькина», «Самуила Абрамовича», «Эльвиру Плешакову», «Истукария Гробоедова». Каждый рисунок сопровождался подписью. При этом редакция подчеркивала: «Подписи цитированы подлинные. Материалом послужили письма, полученные редакцией из провинции. Ред.» (№ 40. 2 октября. С. 5). Также у Аверченко есть рассказ «Телеграфист Надькин»,

включенный в сборник «О хороших, в сущности, людях» (см.: Аверченко 1914б: 183–190). В.Б. Шкловский вспоминал:

Полный уверенности, мучил он всенародно в “Почтовом ящике” бедного телеграфиста Надькина, который присылал ему стихи всё лучше и лучше.

Телеграфист – загнанный, маленький человек – был аттракционом в «Са-тириконе».

Шкловский 1966: 281

Здание на песке

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 23. 6 июня. С. 7–8.

В «РЮ1» в текст был внесен ряд изменений по сравнению с журнальной публикацией. В двух случаях Аверченко поменял эмоциональную окраску поведения повествователя: вместо «Я радостно киваю головой» стало «Я одобрительно киваю головой», а в предложении «– Послушай! – закричал я, отскочив в смятении» «в смятении» заменено на «в страхе». В предложении «– Суп, на второе – голубцы, а потом – крем» в «Сат.» вместо «Суп» было «Окрошка». В предложении «Зачем он это делает, Бог его знает» не было упоминания «Бога» («Зачем он это делает, не знаю»). Также внесены изменения в пунктуацию: в конце предложения «<...> и такой вопрос задавался им просто из праздного любопытства» вместо точки прежде стояло многоточие; в предложении «Видишь ли, пока что – я лишился всех своих сорочек <...>» не было тире; в предложении «Это жалкое, пошлое творение, когда очнется – попросит показать ей ребенка, а которого я ей предъявляю?» вместо тире стояла запятая.

¹ *Свивальничек* (уменьш. от свивальник) – длинная узкая полоса ткани, которой оборачивали младенца поверх пеленок.

² *Пуд* – русская мера веса, равняющаяся 16,3804964 кг.

Лентяй

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 17. 25 апреля. С. 6, 8.

При подготовке «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. Из предложения «– Так отчего же *вам* не пойти! – вскричал я,

пораженный, до глубины души» убраны слова «до глубины души». В вопросе «— Что это вы?» в «Сат.» отсутствовало слово «это», а в предложении «Через пять минут мы уже вытаскивали <...> Ленгтя, — безмолвного, мокрого, как умирающая мышь» — определение «умирающая». В предложении «— Э, проклятый! — подбежал он к окну» в «Сат.» герой вместо ругательства «проклятый» произносил «чорт», а в предложении «Помогите отнести его в квартиру» прежде был иной порядок слов: «Помогите его отнести в квартиру».

К теме «лени» на рубеже 1910-х годов обращаются и другие русские юмористы. Н.А. Тэффи, к примеру, предлагает иную интерпретацию темы, описывая лень в одноименном рассказе как двигатель прогресса и «мать всей культуры» (см.: Тэффи 1998–2005/1: 311–315).

¹ *Александровский сад* — парковый комплекс в Санкт-Петербурге, открытый в 1874 г. и расположенный около Главного Адмиралтейства.

² *Портабак* — корбочка для ношения с собой табака.

³ — *Да... знаете, Реомюра, такой никелиро...* — В России до Октябрьской революции пользовались преимущественно термометрами с шкалой Реомюра, а не Цельсия, как сейчас. В созданном в 1730 г. французским натуралистом Рене Антуаном Реомюром (1683–1757) спиртовом термометре один градус был равен 1/80 разности температур кипения воды (80 °R) и таяния льда (0 °R).

Специалист

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 14. 4 апреля. С. 7–8.

При подготовке «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены два изменения. В «Сат.» в предложении «— Милый мой, — с легким стоном возразил я» была иная эмоциональная оценка: «— Милый мой, — грустно возразил я», а в предложении «Однажды вечером он сидел у нас <...>» — иной порядок слов: «Однажды он вечером сидел у нас <...>».

¹ *Парикмахеры, как авгуры, делают то, во что сами не верят.* — В Древнем Риме авгурами назывались жрецы, прозревавшие волю богов, наблюдая за полетом и пением птиц, погодными явлениями и другими приметами: «В Риме вначале народ верил авгурам, да и сами они верили в свое знание, но в последние годы быггия империи авгуры бесстыдно морочили легковерных и, по сло-

вам историка, без смеха не могли смотреть друг на друга» (Каратыгин 1869–1872/5: 82). Сравнение с смеющимися (хохочущими) авгурами – образом, заимствованным из Цицерона, – используется, в частности, А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин» и М.Ю. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени». Образ современного «земского авгура» создает М.Е. Салтыков-Щедрин в самом начале «Дневника провинциала в Петербурге» (1872):

Кайданов удостоверяет, что древние авгуры не могли удерживаться от смеха, встречаясь друг с другом. Быть может, на первых порах оно так и было; но впоследствии, когда интерес новизны исчез, эти встречи должны были возбуждать не смех, а взаимное озлобление. Скажите, можно ли без злобы ежеминутно встречаться с человеком, которого видишь насквозь, со всем его нутом! Помилуйте! да от этого человека за тридевять земель бежать надобно, а не то что улыбаться ему!

Легко сказать, бежать! Вы бежите – а он за вами! Он, этот земский авгур, населяет теперь все вагоны, все гостиницы! Он ораторствует в клубах и ресторанах! он проникает в педагогические, экономические, сельскохозяйственные и иные собрания и даже защищает там какие-то рефераты. Он желанный гость у Елисеева, Эрбера и Одинцова, он смотрит Патти, Паску, Лукку, Шнейдер. Словом, он везде. Это какой-то неугомный дух, от вездесущия которого не упасть нигде...

Салтыков-Щедрин 1965–1977/10: 272

Образ клоуна-авгура создан в стихотворной «сатире-шутке» В.М. Днепрова «Цирк»: «Я авгур и главный клоун, | Просветитель у зверей, | Смехотворец у людей». Это стихотворение вошло в книгу «Песни, думы и сатиры Днепрова» (с. 19–23), изданную в Харькове в тот период, когда там жил Аверченко, – в 1906 г.

² *...вывести камфарным маслом пятно с бархатной скатерти.* – Камфорное масло извлекалось из древесины камфорного дерева и использовалось преимущественно в лекарственных целях; как любое масло, оно само оставляло пятна.

³ *Аршин* – русская мера длины, равняющаяся 0,7112 м.

⁴ *...по чайной ложке брауншвейгской зелени на костяном наваре...* – Комизм основан на путанице, связанной с омонимией. Герой полагает, что речь идет о растениях, которые можно употреблять в пищу, хотя на самом деле браун-

швейгская (или бременская) зелень — это минеральная зеленая краска, изготовленная из медного купороса, мышьяковой кислоты, поташа (карбоната калия) и известкового молока.

⁵ *Верста* — русская мера расстояния, равняющаяся пятистам сажениям, или тысяче пятистам аршинам, то есть 1066,8 м.

⁶ *Перед обедом прогулка — так, три-четыре квадратных версты...* — Квадратные единицы измерения используются при определении не расстояния, а площади; кроме того, герой называет слишком большую дистанцию.

Славный ребенок

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 28. 11 июля. С. 7–8.

Рассказ также вошел в сборники Аверченко «Избранные рассказы» (см.: Аверченко 1913а: 113–124) и «О маленьких — для больших: Рассказы о детях» (см.: Аверченко 1916б: 31–37). В последнем издании рассказ разделен не на шесть частей, а на пять: отсутствует обозначение части IV, предшествующее словам «До обеда еще далеко». Соответственно, часть V обозначена как часть IV, а часть VI как часть V.

При подготовке «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» нет предложения «Да, уж он такой, — подтверждает мать». В предложении «А за что-нибудь серьезное, вроде позавчерашнего дела с пуговицами, — она только переплетала свои пухлые пальцы <...>» и в реплике квартиранта «Нет, ничего, — помилуйте» в журнале нет тире. В предложении «До отхода ко сну нужно успеть еще зайти к Григорию Ивановичу ~ за то, что толкнула» в «Сат.» была ошибка в имени героя: «к Алексею Ивановичу». В сборнике «ОМДБ» в предложении «Полюбовавшись двугривенным, Сашка вернулся к своим утренним делишкам» слово «Полюбовавшись» заменено на «Налюбовавшись». В сборнике «ИР» в предложении «Съев котлету, Сашка с головой окунается в омут мелких и крупных дел» использовано уменьшительное «котлетку», а в предложении «За обедом Сашке — сплошной праздник» отсутствует тире.

Рассказ «Славный ребенок» в своей рецензии особо выделял Сергей Ауслендер: «Наконец, доходишь до “Славного ребенка”. Рассказ останавливает внимание. Это не только бойкий фельетонист, это настоящий и сильный художник. Уж не стоит ли под рассказом забойгой и милой подписи Чехонте...» (Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3; см. с. 696 наст. изд.)

Название рассказа иронически обыгрывает распространенную формулу, зафиксированную на рубеже XVIII–XIX веков в переводе с французского Л.А. Цветаевой названия книги Анн-Франсуа-Жоаким Фревиля (1749–1832) «Жизнь славных детей: С присовокуплением похвальнейших примеров любви к родителям, прилежания к наукам, мужества и прочих добродетелей в детях, для чтения и наставления юношества» (М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800). В 1898 году в Москве в издании «Г-ва И.Д. Сытина» был издан сборник рассказов «Славные дети».

¹ ...вымазать саами все стальные перья... — Покрытыми жиром стальными перьями для чернильных ручек невозможно писать.

Праведник

Впервые опублик. в изд.: Ежемесячный Журнал для Всех. 1904. № 4. Апрель. С. 218–219. Перепечатано в изд.: Сат. 1909. № 19. 9 мая. С. 5.

В текст журнальных публикаций при подготовке рассказа для «РЮ1» были внесены изменения. По большей части правка носила стилистический характер: вместо «<...> такое пение пропишу, что тебе по нотам...» стало «<...> такое пение пропишу, что как по нотам...»; вместо «И никаких намеков, достойно я ему отвечаю, нет <...>» — «И никаких намеков, скромно я ему отвечаю, нет <...>»; вместо «Нет дыма без огня» — «Нет дыму без огня»; вместо «Каковой очень много на свете...» — «Каковой о-чень много на свете...»; вместо «Уходи, пока я не распался!» — «Уходи, пока я не распатался!». Исключением являются изменения, внесенные в заключительную реплику героя. Здесь Аверченко заменяет финальное «Боже ты мой!..» на «Гм... Даже странно!», тем самым заметно принижая пафос высказывания и придавая ему комический оттенок.

Типы грешников в рассказе определяются выбранным социально-бытовым контекстом, но при этом они связаны и с общим представлением о греховности и грехах. Тип «праведника» также встраивается в литературную традицию. Само имя закладывает цепочку возникающих ассоциаций (апостол Фома, Фома Аквинский и т. д.). Сочетание «Фома Еремеич» на бытовом уровне воспринимается как комическое, обыгрывающее фольклорную пару Фома и Ерема. Если мы обратимся к литературным соответствиям, то обнаружим и прямые совпадения, к примеру, в книге С.М. Максимова «Лесная

глушь» (1871) есть носящий данное имя персонаж. Но, вероятнее всего, в данном случае Аверченко намекает на другого знаменитого «праведника» русской литературы — Фому Фомича Опискина из повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Эта аналогия напрашивается еще и потому, что Аверченко использовал подпись «Фома Опискин» как один из своих постоянных псевдонимов и даже издал под ним книгу «Сорные травы» (см.: Фома Опискин 1914). Рассказ о дочери хозяина, сбежавшей с проезжим офицером, — это отсылка к повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» (1830).

В рассказе есть переключки с опубликованным в 1884 году рассказом А.П. Чехова «Из огня да в полымя» (см.: Чехов 1974—1983/3: 56—61), а также с опубликованным в 1890 году рассказом «Гусев» где Павел Иваныч рассказывает:

— Да, я всегда говорю в лицо правду... Я никого и ничего не боюсь. В этом отношении между мной и вами — разница громадная. Вы люди темные, слепые, забытые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вам говорят, что ветер с цепи срывается, что вы скоты, печенег, вы и верите; по шее вас бьют, вы ручку целуете; ограбит вас какое-нибудь животное в енотовой шубе и потом швырнет вам пятиалтынный на чай, а вы: «Пожалуйста, барин, ручку». Парии вы, жалкие люди... Я же другое дело. Я живу сознательно, я всё вижу, как видит орел или ястреб, когда летает над землей, и всё понимаю. Я воплощенный протест. Вижу произвол — протестую, вижу ханжу и лицемера — протестую, вижу торжествующую свинью — протестую. И я непобедим, никакая испанская инквизиция не может заставить меня замолчать. Да... Отрежь мне язык — буду протестовать мимикой, замуравь меня в погреб — буду кричать оттуда так, что за версту будет слышно, или уморю себя голодом, чтоб на их черной совести одним пудом было больше, убей меня — буду являться тенью. Все знакомые говорят мне: «Невыносимейший вы человек, Павел Иваныч!» Горжусь такой репутацией. Прослужил на Дальнем Востоке три года, а оставил после себя память на сто лет: со всеми разругался. Приятели пишут из России: «Не приезжай». А я вот возьму, да на зло и приеду... Да... Вот это жизнь, я понимаю. Это можно назвать жизнью.

Там же/7: 333

Образ «праведника» схож также с главным героем рассказа К.С. Баранцевича «Резонер» (см.: Баранцевич 1891: 184—189). Подробнее о рассказе «Праведник» см. в статье, на с. 722—725 наст. изд.; см. также: Николаев 2017.

¹ — *Известно, необразованность... — вздыхает хозяин.* — «Известно, необразованность» — ставшая популярной фраза из рассказа Н.А. Лейкина «Получение медали (Святочные сцены)» (см.: Лейкин 1871б: 24) и соответствующей его пьесы «Медаль: Шуточные сцены в одном действии» (см.: Лейкин 1872а: 14; Лейкин 1872б: 58).

² *Консисторский* — то есть служащий в консистории, учреждении, управляющем епархией. В Русской Православной Церкви духовные консистории существовали в 1725—1918 гг.

³ *Я, может, страдал, как в аду, два года; а ты... конфетки!* — Аверченко подчеркивает связь с повестью А.С. Пушкина «Станционный смотритель», включая в текст «Праведника» указание на аналогичный отрезок времени; ср. у Пушкина: «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху, ни духу» (Пушкин 1937—1959/8.1: 104—105).

Двойник

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 22. 30 мая. С. 7—8. Подзаголовок: (Из серии «Совпадения»).

В журнальной публикации текст дополнительно разделен на части отбивками с чертой: (1) после слов «колесакиновыми приятелями»; (2) после слов «Золотые слова. До свиданья». При подготовке «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. Слово «считали» в предложении «Прияттели считали его забавником» исправлено на «называли», «провинциального городка» — на «провинциального города». Убрано тире в предложении «Моему двойничку инженеру — живется, очевидно, превесело», а в предложении «Когда ехал в поезде ~ беспечный юмор потускнел и съежился...» последние слова заменены на «беспечное веселье потускнело и съежилось...»

На данный сюжет Аверченко написана также пьеса в 2-х действиях «Двойник», которая входила в репертуар Литейного театра в Санкт-Петербурге (см.: Аверченко 1916в: 3—22). При работе над ней автор существенно расширил сюжетное пространство рассказа, в котором всё «вращалось» вокруг Колесакина. Его двойник — инженер Вадим Григорыч Зайцев — в рассказе не появлялся (он, собственно, и не был нужен, поскольку пощечина, полученная на вокзале, делала историю законченной). Однако в пьесе Аверченко в полной мере использовал возможности, которые дает появление двойника на театральной сцене. Первое действие соотносится с сюжетом рассказа, а второе

показывает нам уже инженера Зайцева, вынужденного выпутываться из ситуаций, в которые он попал из-за Колесакина. Между первым и вторым действиями, как указано в авторских пояснениях, «проходит несколько часов» (см.: Аверченко 1918в: 4). Подобная трансформация текста позволяет ярко проявить себя актеру, выступающему сразу в двух ролях — Павлуши Колесакина и его двойника, которого теперь зовут не Вадим Григорьевич, а Юрий Николаевич. В перечне действующих лиц специально оговаривается, что обе роли — инженера (одетого в форму) и проезжего молодого человека в штатском платье, очень похожего лицом и фигурой на Зайцева, — «играет одно и то же лицо». При этом на первое место в списке выносятся именно Зайцев, которого в числе персонажей рассказа не было. Колесакин, которому в начале рассказа давалась авторская характеристика, теперь характеризуется через собственную реплику и возникающую в связи с ней театральную аналогию с гоголевским Хлестаковым:

Колесакин (*задумчиво*)

Вот я уж и не знаю: удрать ли мне сейчас, от стакана чаю, или потребовать чего-нибудь покрупнее и удрать от большого счета. Гм!.. За стаканом чая могут и не погнаться, а если большой счет... Гм!.. Да... положение. А впрочем — черт с ним, рискнем, всё равно: сегодня утром приехал, сегодня вечером уезжаю — ни одна собака меня в этом паршивом городе не знает... Никогда я тут не бывал, никогда больше и не буду.

Затем перед зрителем проходит вереница персонажей, принимающих Колесакина за инженера Зайцева. Сперва это ресторанный слуга (который, собственно, и наводит героя на мысль воспользоваться сходством), затем два раскланивающихся с ним господина, подрядчик Шишингин, у которого Колесакин берет деньги, еще один прохожий, молодая девушка Валя и, наконец, Пальцев, дающий Колесакину пощечину. Финальная реплика первого действия перекликается со сценой на перроне в рассказе:

Колесакин (*падает на стул, сидит, потирая щеку*)

Вот тебе... (*Пауза.*) Бедный Зайцев!.. Получил.

Однако ситуация получает развитие во втором действии, которое происходит в кабинете инженера Зайцева. Сперва туда приходит Колесакин, решающий обворовать инженера, а затем домой возвращается Зайцев. Вводятся и

другие персонажи, отсутствующие в рассказе, — старый слуга Зайцева Сергей и его жена (ей ресторанный слуга вручает счет за кутеж Колесакина в ресторане, подтверждая, что там был именно Зайцев). Затем в доме появляется и Валя...

Развязка рассказа превращается в пьесе в мнимую развязку. А пьеса завершается сценой с участием всё того же Пальцева, который на этот раз приходит извиниться:

Пальцев

Сегодня... в саду, около ресторана... Я дал вам, извините, пощечину... За то, что вы распустили обо мне сплетню... А теперь я узнаю, что вы тут ни при чем.

Зайцев (*весело*)

Постойте, постойте... Так вы сегодня дали мне в саду пощечину?

Пальцев

Да-да... Вы понимаете, что я...

Зайцев (*потирая руки*)

Хорошо, хорошо... и скажите, — здоровую пощечину?

Пальцев

Да уж, знаете, что было силы... Вы извините, я... <...>

Зайцев

Милый! Спасибо! Дайте я вас за это поцелую. (*Обнимает его.*) Ф-фу! (*К публике.*) Верите ли, господа: единственное утешение за весь этот проклятый день...

Таким образом, в пьесе Зайцев, на самом деле пощечины не заслуживший, в конце обретает черты положительного персонажа. В рассказе было наоборот. А человека, который крадет бумажник, портсигар, бриллиантовую булавку, ножик для разрезания книг и маленькие столовые часы, вряд ли могла серьезно потрясти пощечина, — так что если Колесакин из первого действия пьесы еще как-то мог соотноситься с Колесакиным из рассказа, то начало второго действия полностью меняет его восприятие (подробнее об этом см.: Николаев 2019а).

Название рассказа и мотив двойничества отсылают не только к повести Ф.М. Достоевского «Двойник» (1845—1846), но и к традициям русского юмористического рассказа. Так, в «Двойнике» К.С. Баранцевича герой встречает в

Таврическом саду человека, необычайно с ним схожего. В финале выясняется, что к этому «двойнику» от героя уходит его жена (см.: Баранцевич 1891: 117–123).

В одноименном рассказе Н.Г. Шебуева герой застаёт жену с двойником, который, в свою очередь, считает двойником героя, а жена не может разобраться, кто же её настоящий муж:

Секретарь «Ребуса», когда я ему рассказал о моем неподдающемся объяснению приключении, с усмешкой пожал плечами и пробормотал:

– Что же... – бывает... Ну, а с тройником вам не приходилось иметь дело?

Черт возьми! По его мнению двойник уж такая обиденная вещь, что не стоить об нем и разговаривать!

Цит. по: ВЮАГБ 1901: 53–54.

В отличие от Баранцевича и Шебуева Аверченко в рассказе не показывает столкновение «двойников», а использует построенную на двойничестве путаницу.

Свое развитие на рубеже 1910-х годов тема получает в рассказе Тэффи «Двойники», где утверждается, что «у каждого человека есть свой двойник» (Русское Слово. 1911. 6 (19) февраля. № 29. С. 4; Тэффи 1998–2005/1: 348–351).

А.А. Измайлов в статье о первых книгах Аверченко начинал характеристики отдельных рассказов именно с «Двойника»:

У человека есть двойник. Он этого не знает сам до одного дня. Но вот встречается с ним незнакомый толстяк, говорит, как с хорошим знакомым, именуется инженером Зайцевым, вспоминает, что должен ему 300 руб., и тут же вручает их.

Прехорошенькая девушка принимает его за того же кавалера, и Колескин совершенно неожиданно «срывает цветы удовольствия».

В лучшем ресторане за ним, как за старым и почтеннейшим посетителем, ухаживает метрдотель, и он кутит, требует шампанского и барабанщицу, попадает бутылкой в трюмо, разбивает кулаком пианино:

– Молчите, проклятые струны!

Как хорошо иметь двойника, когда так везет!.. Но, увы, не вечно везет.

<...>

И в финале герой рассказа, воспринявший все блага за инженера Зайцева, воспринимает в этой пощечине и тернии инженерского положения («Двойник»).

Это немножко манера Марка Твена, немножко старьёй Чехонте. В этом наложении неправдоподобных и смешных положений одного на другое Аверченко большую часть хватает естественности и чувства меры. Это никогда не глупо и никогда не скучно, хотя, разумеется, в конечном итоге, это — не более как «цветы невинного юмора». Критику публицистического оттенка нечего было бы делать над этим материалом, как нечего было бы делать философу обществу.

Измайлов А. Цветы невинного юмора. (Юмористические рассказы А. Аверченко) // Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1910. 21 июня (4 июля). № 11774. С. 3

¹ *Колесакин.* — Фамилия главного героя напоминает о персонаже пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба» (1833) Подколесине.

² — *Молчите, проклятые струны!* — Строка, повторяющаяся рефреном в стихотворении А.Н. Майкова (1821–1897) «Менестрель. (Провансальский романс)» (1869):

Жил-был менестрель в Провансальской земле,
В почете он жил при самом короле...
«Молчите, проклятые струны!»
Король был не ровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...
«Молчите, проклятые струны!»
И дочь он, красавицу Берту, имел...
Смотрел лишь на Берту певец, когда пел...
«Молчите, проклятые струны!» — и т. д.

Майков 1884/2: 168–170

А.А. Блок поставил строку Майкова эпиграфом к стихотворению «Друзьям» (1908).

Дачный театр

Впервые с разбивкой на две части, в рубрике «Театр», опубликовано в изд.: Сат. 1909. № 26. 27 июня. С. 6; со слов: «В день спектакля...» — в изд.: Сат. 1909. № 27.

4 июля. С. 6. Подписано: *Ave*. В № 26 есть указание на планируемое продолжение рассказа: «См. след. №», а в №27 в сноске на полосе дана отсылка к первой части рассказа: «см. “Сатирикон” № 26».

В «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. Обусловленная в журнале спецификой рубрики «Театр», в которой впервые был помещен рассказ, обобщающая формула «Мы знаем случай» заменена в сборнике на личное: «Я знаю случай». Вместо «направлены обыкновенно к тому» в журнале было «направлены обыкновенно на то». В предложении «Но на самом деле читатели встречают на последней газетной полосе такие строки, напечатанные нонпарелью» в журнале нет слов «напечатанные нонпарелью». Внесена также пунктуационная правка: в конце предложения «Укоренившийся обычай ~ натываясь на дремлющего рыболова...» в «Сат.» стоит точка, а в конце предложения «В день спектакля ~ куда до вечера деть свои досуги», напротив, вместо точки было многоточие. Слова «в первом ряду» в предложении «Представитель прессы сидит тут же в первом ряду и на всё бросает <...> взгляды» в «Сат.» выделены запятыми. В предложении «Потный, озабоченный кассир входит ~ таща за собой, во избежание кражи, остаток билетов и коробку из-под гильз с деньгами — и обращается к господину в первом ряду» в «Сат.» не было тире.

Дачная тематика занимала важное место в журнальном «сезонном» круговороте тем и, соответственно, есть десятки произведений на дачные темы Н.А. Лейкина, А.П. Чехова, И.И. Мясницкого, К.С. Баранцевича и др. К примеру, в «Осколках» в 1901 году печатались рассказы Н.А. Лейкина «Перед дачей» (№ 17), «Первые дачники» (№ 18), «Дачу ищет» (№ 19), «С дачи съезжают» (№ 35), В.В. Билибина (И. Грэка) «Наставления переезжающим с дачи» (№ 33), в 1902 году — рассказы Н.А. Лейкина «При найме дачи» (№ 18), «При приезде» (№ 20), «В майские холода» (№ 22), «В ясный день на даче» (№ 25), «Из-за дождливого лета» (№ 27), «Шутник» (№ 31) и т. д. В «Развлечении» в 1904 году публиковались «дачные сценки» И.И. Мясницкого «Как будто того» (№ 20), «Комар» (№ 23), «Ураган (дачный случай)» (№ 25), «На охоту собрались» (№ 26), «С дичью» (№ 27), «Клумба, кот, собака и петух» (Дачная басня в письмах) (№ 28), рассказ «Грибы» (№ 29), «Без фонаря» (№ 31), «Дачные итоги. (На выдержку)» (№ 32). Рассказы на дачные темы занимали значительную часть ряда юмористических сборников, из них были даже составлены целые книги (см.: Лейкин 1897; Лейкин 1900 и др.).

Аверченко в данном случае объединяет дачную тему с еще одной распространенной темой — любительских театральные постановки. О таких по-

становках писали, напр., Н.А. Лейкин (см.: Актер-любитель // Лейкин 1880б: 43–47; Лейкин 1891) и И.И. Мясницкий (см.: Господа любители // Мясницкий 1903а: 82–92). А.П. Чехов изображает участников дачного любительского спектакля в рассказе 1886 года «Лишние люди» (см.: Чехов 1974–1983/5: 198–204).

¹ ...встречают на последней газетной полосе такие строки, напечатанные *нон-парелью*... — Имеются в виду сообщения о самых незначительных событиях, публикуемые в конце номера и набранные *нонпарелью* — мелким типографским шрифтом.

² *Инженю-драматик* — театральное амплуа: исполнительница ролей молодых, наивных девушек, переживающих гамму серьезных чувств.

³ ...искусства *Мельпомены*. — То есть театрального искусства (в древнегреческой мифологии Мельпомена была музой трагедии).

Два мира

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 30. 25 июля. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» за словами «— Давай-ка его сюда. Да чего ты боишься? Подойди ближе» следуют еще две реплики, отсутствующие в книжных изданиях:

- Да зачем же — берите так.
- Вот чудачка! Ты подойди ближе.

Также в журнале в предложении «А с Колопытковыми — ты не поверишь, какой случай ~ жена его заперла, когда уходила» нет слов «когда уходила», а в предложении «Сейчас же лечу, как молния» вместо слова «молния» использовано слово «вихрь».

Идея рассказа связана с ответом Аверченко одному из корреспондентов в «Почтовом ящике “Сатирикона”» в 1908 году:

216. — Новозыбков. — М. Н. В-ву.

Вы просите прислать вам с наложенным платежом «Кодак получше» и «что-нибудь поинтереснее Леонида Андреева».

Не желаете ли, дорогой провинциал, «Сатирикон» вышлет вам ящик копченой салакушки и фунт вяземских пряников от Конради.

Сат. 1908. № 30. 1 ноября. С. 13. Подписано: *Аве*

Явная отсылка к просьбе М. Н. В-ва содержится в одном из писем героя рассказа: «Голубчик, большая к тебе просьба: заезжай в какой-нибудь магазин фотографических принадлежностей и узнай — сколько стоит “Кодак” <...> не родственник ли Леонид Андреев купцу нашему Николаю Андрееву?»

Схожий прием — столкновение «двух миров» только что приехавшего в Петербург из деревни Микиты и его бывшего деревенского приятеля, ныне столичного лавочника, — использован в рассказе К.С. Баранцевича «Искатель»:

Но только что он вошел в лавку и остановился в дверях, как уже почувствовал некоторую робость. Приятель совершенно не походил на того деревенского приятеля, простоватого парня, каким помнил его Микита. Он был в пиджаке, надетом поверх русской рубахи навывпуск, с серебряной цепочкой через шею, и с роскошными, выхоленными, дипломатическими бакенбардами. Он довольно холодно поздоровался с Микитой и, как тому показалось, не совсем-то одобрительно отнесся к его появлению.

Баранцевич [6. г.]: 70

У Баранцевича (как и в рассказе Аверченко) к Миките, который прожил пару лет в городе и превратился к тому времени в Никиту Ивановича Ловцова, приезжает очередной земляк, намеренный искать лучшей судьбы в столице: «Земляк полез целоваться. Никита Иванович, хотя и отвык от публичного проявления чувств, тем не менее вынужден был заключить того в объятия» (Там же: 95). Судьба Микиты складывается иначе, чем у героев рассказа Аверченко, — скорее драматически, несмотря на заявленный юмористический характер рассказа: ему так и не удается устроиться в городе, и в финале он отправляется обратно в деревню.

¹ *Чугуев* — в нач. XX в. уездный город в 50 км от Харькова (ныне входит в состав Харьковской области Украины).

² *Стрелка* — мыс в восточной части Васильевского острова в Петербурге, излюбленное место прогулок петербуржцев.

³ «*Аквариум*» — сад с рестораном и летним театром в Петербурге. Аверченко неоднократно писал о постановках в «Аквариуме». Так, в 1908 г. под

рубрикой «Театр» в журнале «Стрекоза» был опубликован очерк «Театр и сад “Аквариум”», в котором Аверченко писал:

Фарс был скучный.

Фарс был скучный и нелепый.

Состав исполнителей, заботясь, в целях нравственности, о том, чтобы публика никогда, вообще, на будущее время не смотрела фарсов, делал его скучным, нелепым и гнусно-однообразным. <...>

«4 Ловебирдс» — состояло в том, что группа девиц неизвестного вероисповедания надела на ноги деревянные и с унылым, сосредоточенным видом выстукивала ими по полу. Похлопали и им за тщательное и серьезное выполнение принятых на себя обязанностей.

Комический элемент театра был представлен какой-то госпожой Сививаль с супругом, который имел непомерно длинный нос и ел стеариновую свечу, утащенную из подсвечника пианино. Жена его за это колотила и, в общем, было пресесело. <...>

Смотрели мы и на открытую сцену... По массе животных, наводнивших ее, она походила скорее на библейский Ноев ковчег, тем более что недалеко, в буфете можно было увидеть и абсолютно упившихся Ноев.

Было там по семь пар чистых и нечистых животных: слоны, собаки, лошади, кошки, обезьяны и прочие млекопитающие.

№ 21. С. 6. Подписано: *Аркадий Аве*

⁴ *Правильно сказал великий психолог Гоголь: скучно жить на этом свете, господа!* — Заключительная фраза «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) Н.В. Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!» (Гоголь 1937—1952/2: 276). Персонаж Аверченко воспроизводит скорее не текст Гоголя, а реплику Маши из второго действия драмы А.П. Чехова «Три сестры»: «У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!» (Чехов 1974—1983/13: 147).

⁵ *«Вестник Моды»* — иллюстрированный журнал моды, хозяйства и литературы, издавался в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1885—1918 гг.

⁶ *...магазин Бурхардта...* — Торговавший грампластинками магазин А.Ф. Бурхардта в Санкт-Петербурге на Невском проспекте (д. 6) имел также отделение на ул. Гоголя (д. 4). Бурхардт также выпускал пластинки под собственной маркой и принадлежности для граммофонов. Рекламные объявления его магазина печатались, в частности, в петербургской газете «Речь».

⁷ ...у меня есть ложа на *Крестовский*... — Имеется в виду Крестовский сад на Крестовском острове в Санкт-Петербурге, где давались театральные представления и ставились программы варьете. В 1908 г. в журнале «Стрекоза» Аверченко опубликовал в рубрике «Наши рецензии» очерк «Крестовский сад... пыток», в котором высмеивал программу одного из таких представлений:

Стоя у кассы, я долго ожидал очереди, с интересом прислушиваясь к спору, который вели два моих спутника.

Первый довольно удачно старался утилизировать данную им Богом способность речи, доказывая полную необходимость для нас зрелища, именуемого «Моралью пани Дульской».

Второй, не будучи приверженцем морали вообще, указывал на массу приятных сторон в «одном маленьком столике у буфета», за которым можно было бы пить, есть и слушать оркестр.

Когда мы отошли от кассы, они еще спорили, упрекая друг друга в ханжестве и моральном падении.

— Излита ли вами, — спросил я, — вся та желчь, которая припасена для этого случая.

— Почти.

— Тогда я вас помирю: мною взяты билеты не на «Мораль пани Дульской», не на «один маленький столик у буфета», а в третье место, которое по программе звучит гордо: *grande représentation variée*.*

Через минуту мы уже сидели во втором ряду партера и задумчиво смотрели на какую-то иногороднюю певицу, делавшую самые рискованные усилия казаться пикантной француженкой.

№ 19. С. 6.

Подписано: *Аркадий Аве*

⁸ *Ты едешь завтра в Павловск?* — Павловск был конечной станцией Царскосельской железной дороги, открытой в 1837 г.

⁹ *Николаевский вокзал* — вокзал в Санкт-Петербурге; в 1923 г. переименован в Октябрьский, с 1930 г. называется Московским. Николаевская железная дорога связывала Санкт-Петербург и Москву.

¹⁰ *«Отель де Франс»*. — Имеется в виду гостиница «Франция», располагав-

---

* большое разнообразное представление (*фр.*).

шаяся с середины 1860-х годов и до 1917 г. в Санкт-Петербурге по адресу: Большая Морская улица, 6.

¹¹ *Биоскоп*. — Так назывался прообраз кинотеатра, использующий систему кинопроекции, изобретенную в 1895 г. братьями Эмилем и Максом Складановскими: двойной проектор с двумя склеенными полосами целлулоидной пленки, которая соединялась в кольцо длиной 1,5 м и демонстрировалась с частотой 8–10 кадров в секунду. «Биоскоп» на рубеже XIX–XX вв. какое-то время успешно конкурировал с «синематографом» братьев Люмьер.

¹² *...заезжай в какой-нибудь магазин фотографических принадлежностей и узнай — сколько стоит “Кодак”*. — Фотоаппараты «Кодак» получили широкое распространение в России в нач. XX в. Рекламные объявления фирмы публиковались в том числе в журналах «Стрекоза» и «Сатирикон». См., напр., объявление в журнале «Стрекоза»:

КОДАКИ дают возможность каждому насладиться удовольствием, какое не доставляется ни одним из других развлечений, представляя собой способ фотографирования, обеспечивающий успех с самого начала. В фотографировании Кодак Вам предоставляются легкие, портативные камеры, заряжающиеся при дневном свете пленками вместо тяжелых пластин, и способ дневного проявления, совершенно устраняющий темную комнату и одобренный наивысшими авторитетами.

Ни один из прочитавших это объявление не должен быть без Кодака в этом году.

1908. № 18. С. 7

Первую полосную рекламу Кодак в журнале «Сатирикон» см. в изд.: Сат. 1908. № 15. С. 2.

¹³ *Андреев Леонид Николаевич (1871–1919)* — русский прозаик и драматург, сотрудничал с «Сатириконом» и был дружен с компанией сатириконцев (подробнее об этом см. в статье, на с. 744–745 наст. изд.). Статья Аверченко памяти Леонида Андреева была опубликована в газете «Юг» 17 сентября 1919 г. (см.: № 42. С. 2). Аверченко также писал в «Сатириконе» о театральных премьерах пьес Андреева. В номере от 15 ноября 1908 г. за подписью «Ave» в разделе «Театр» была опубликована его рецензия на постановку в Санкт-Петербурге «Новым театром» пьесы в 4-х действиях «Дни нашей жизни» (см.: № 32. С. 6). См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «Почести» («ВУ»).

Приключение номера 24345

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 38. 19 сентября. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В «Сат.» в слове «иначе» на «а» стоит знак ударения, убранный в книге. Предложение «Номер 24345 неожиданно встал» исправлено на «Номер 24345 неожиданно для себя встал»; в предложении «Судья потер затылок, обвел глазами свидетелей, истца-буфетчика и, улыбнувшись в усы сказал <...>» в «Сат.» не было слов «в усы». Во фрагменте «Не беспокойтесь. И вы, извозчик, не беспокойтесь. Гм... А дело о нарушении тишины за... гм... недоказанностью — прекратить!» в журнальной публикации не было слов «И вы, извозчик, не беспокойтесь. Гм...» Также в «РЮ1» вносятся изменения в стилистическую окраску речи извозчика: «Как есть я нынче богатый человек» вместо «Как есть я теперь богатый человек»; «Что ж мы не люди, или как?» вместо «Што ж мы не люди, или что?»; «Разве я что...» вместо «Нешто я что...» В предложении «Она всё время вертится, суетится около нас <...> вашим, плохо защищенным шляпой, теменем» двоеточие заменено на точку с запятой. В предложении «Номер 24345 задергал вожжами, зачмокал — и скоро Колесников ехал <...>» в журнале не было тире. Пунктуация меняется и в финале рассказа: в конце последнего предложения в «Сат.» стояло многоточие.

В отличие от Лейкина и Мясниного, Аверченко редко делал главными героями представителей простонародья и городских «низов». Из рассказов, включенных в первые сборники писателя, к таковым можно отнести только «Приключение номера 24345», «Шутку» и, с некоторыми оговорками, «Еврейский анекдот».

Центральный образ извозчика — это юмористическое переосмысление одного из типичных персонажей «трогательных рассказов», высмеянных Аверченко в миниатюре «Как писать рассказы. (Опыт руководства)»: «Голодный чиновник без места, находящийся на улице 100 000 рублей и доставляющий их в ближайший участок» (Сат. 1908. № 22. 6 сентября. С. 7. Подписано: *Медуза-Горгона*).

¹ ...забежит вперед, отстанет и некоторое время держится позади; взвьется кверху и, сдернувши с карниза строящегося дома кирпич, укажет ему линию полята, кончающуюся внизу вашим, плохо защищенным шляпой, теменем. — Мотив

падающего на голову кирпича многократно встречается в литературе XIX в. (у И.А. Тургенева, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.И. Шестова и др.). С большой долей вероятности можно утверждать, что Аверченко знал пародийное рассуждение на эту тему М. Твена, у которого в «Истории старого барана» («The Story of the Old Ram»; 1872) Джим Блэн говорит:

Не говорите мне, что так случайно вышло, что его сварили. На свете нет такой штуки, как случайность. Когда мой дядя Лем однажды прислонился к «лесам» (он был, кажется, болен или пьян, или что-то в этом роде), какой-то ирландец с «козой», наполненной кирпичами, упал прямо на него с третьего этажа и переломил старику спину в двух местах. Людская молва говорила, что это случайность. Велика случайность, нечего сказать! Он и не знал, дядя-то мой, чего ради он туда попал, а между тем он туда попал с доброй целью: для того именно он там и случился, чтобы ирландец не мог бы разбиться насмерть. Никто и ни за что на свете не может заставить меня верить во что-либо другое. И собака дяди Лема была тут же; ну почему бы этому ирландцу не свалиться на собаку? Да потому, что эта самая собака заметила бы вовремя, что он валится, и отошла бы прочь. Вот почему для этой цели не была намечена собака. Не может же пес быть избран орудием Провидения! Помяните вы мои слова: так уж было предопределено, а случайностей не бывает на свете, право же, ребята!

Твен 1896–1899/9: 62–63.

Пер. А.А. Богавеской

Аверченко на рубеже 1910-х годов неоднократно использует мотив «кирпича на голову». Удар кирпичом по голове находится в центре сюжета рассказа Аверченко «Люди четырех измерений», опубликованного в «Сатириконе» 20 сентября 1908 г. (см.: № 24. С. 4–5) и впоследствии включенного в «РЮЗ». Напрямую с высшей силой падающий на голову кирпич связывается в театральном фельетоне, напечатанном в № 33 «Сатирикона» в августе 1909 г. (см.: С. 6. Подписано: *Ave*). Кирпич здесь выступает в роли кары Господней, обрушивающейся на бесталанного автора. Рассказывая о постановке в Новом летнем театре оперетты в 3-х действиях «Мальчик или девочка» (русский текст И.Л. Норина, муз. В. Гронштетена), Аверченко пишет: «Я уверен, что Господь уже покарал одного из них каким-нибудь кирпичом, свалившимся несчастному бесталанному виновнику этого удивительного произведения на разгоряченную славой голову». 27 марта 1910 г. в «Сатириконе» печатается рассказ Аверченко «Животное» (см.: № 13. С. 6–8), в котором в роли бросающего на голо-

ву кирпич выступает «любой дом». Это утверждает повествователь в диалоге со своим другом, студентом Ушкуйниковым:

– Ты можешь ударом кулака раздробить мне голову, но ведь эту же операцию может произвести и любой дом, который уронит с карниза мне на голову кирпич. Какая же между вами тогда разница?

– Между мной и домом? – спросил притихший студент.

– Да-с. Между тобой и домом. Теперь уже пора бросить это!.. Раньше, конечно, когда любовь женщины добывали дубиной, и пищу добывали дубиной, и честь свою защищали дубиной – тогда физическая сила была хороша... А теперь, когда мы идем по гладкому тротуару, мимо целой тучи городских, навстречу вежливо извиняющимся при невольном толчке проходим, – кому и на что нужны твои рекорды, бицепсы и твое примитивное «да брось...»

Рассуждения повествователя воспринимаются как «философия», во всяком случае именно так их иронически характеризует Ушкуйников: «Поехала! – засмеялся Ушкуйников. – Это уже, брат, философская отвлеченность. Шопенгауэр!»; «Да брось, – сказал Ушкуйников. – Философия. Гегель»; «Эммануил Кант, – прошептал Ушкуйников»; «Он улыбнулся, погрозил мне пальцем, сказал: – Барух Спиноза!»

Менее чем через месяц, 18 апреля 1910 г. падающие на голову кирпичи упоминаются в опубликованном в «Сатириконе» рассказе «Чудеса» (см.: № 16. С. 9–12). В нем нет «философского» осмысления этого мотива, но связь с высшими силами не исключается здесь полностью. Конкретные метатели – повествователь и сопровождающий его извозчик – бросают кирпичи на головы «врагам» с колокольни. Кроме того, впервые рассказ был опубликован в тематическом, «Пасхальном» номере «Сатирикона» (№ 16), а значит, контекст номера и контекст происшествия побуждали соотносить происходящее с присутствием высшей силы (см. текст рассказа в «РЮ2», на с. 301–310 наст. изд.).

13 (26) июня 1910 г. в газете «Одесские Новости» печатается рассказ Аверченко «Черные дни». Здесь падающие кирпичи встраиваются в ряд других неприятных происшествий или несчастных случаев (accidents):

Я с самого раннего детства слышал эту фразу:

– Надо откладывать на черный день! <...>

Один знакомый спросил меня:

– Сколько вы зарабатываете?

Я сказал.

– Ого! Много откладываете на черный день?

– Да ничего не откладываю.

– Это безрассудно! – сказал строго знакомый – Сейчас вы молоды, здоровы, сильны и, работая много, зарабатываете еще больше. Но вдруг вы заболаете? Вдруг потеряете трудоспособность? Да что там болезнь?.. В один прекрасный день вы попадаете под автомобиль, калечитесь и – что с вами будет?

Я опечалился... Призадумавшись, тихо отвечал:

– Я.. буду стараться... ходить по тротуарам.

– Да я насчет автомобиля к примеру сказал. А на тротуаре вам на голову сверху свалится кирпич и пробьет череп, как спелый орех.

Сердце мое похолодело... Положение было отчаянное, безвыходное: на мостовой меня подстерегали страшные, бешеные автомобили, а на тротуарах кирпичи валялись именно с таким расчетом, чтобы изувечить мою бедную, никому не делавшую вреда, голову.

№ 8139. С. 3

К мотиву «кирпича на голову» Аверченко обращается и в драматургии. Среди произведений, включенных в сборник его пьес «Миниатюры и монологи для сцены», есть миниатюра «Власть Рока», шедшая, в частности, на сцене Литейного театра в Санкт-Петербурге. Начинается пьеса прологом, в котором на сцену выходит Рок во фраке и цилиндре. В самом начале своего монолога Рок объясняет зрителям, что падающий на голову кирпич – это он, Рок, «загримированный кирпичом»:

Я – Рок. Вы, вероятно, будете немного удивлены тем, что я появляюсь перед вами в таком необычном для Рока виде – во фраке, с цилиндром на голове и в перчатках... Я, собственно говоря, не понимаю вашего удивления. Вы, кажется, должны бы были понять, что я могу являться во всех видах, формах и положениях. Сегодня, например, одному из вас падает на улице на голову кирпич с карниза недостроенного дома... Это падаю я, Рок, загримированный кирпичом. Завтра на вас налетит лошадь, под копытами которой вы найдете преждевременную, а иногда и запоздалую смерть. Это все-таки будет не лошадь, а я, Рок, загримированный лошадыю.

Вот почему я и прошу вас не придавать значения моей форме и внешности.

Аверченко 19126

Подобнее об этом см. также: Николаев 2016.

² *Околоточный* — в Российской империи полицейский, ведавший минимальной частью полицейского участка — околотком; подчинялся приставу.

³ *Пролетка* — легкий открытый экипаж, обычно одноконный, рассчитанный на двух пассажиров.

⁴ *Трактир «Перепутье путников»*. — В названии трактира, возможно, обыгрывается название собрания стихотворений В.Я. Брюсова «Пути и перепутья» (в 3 т.), изданного «Скорпионом» в Москве в 1908–1909 гг. Этот сборник не раз высмеивался сатириконтцами. Ср. также с заглавием драматического эскиза в 4-х картинах Н.Н. Ходотова «На перепутье» (СПб.: Комис. бюро при Союзе драм. и муз. писателей, [1909]).

Еврейский анекдот

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 35. 29 августа. С. 7–8.

Рассказ перепечатан без изменений в сборнике Аверченко «Избранные рассказы» (см.: Аверченко 1913а: 37–46). В книжных изданиях, в том числе в сборнике «ИР», обозначение шестой части пропущено: за римской V сразу следует VII.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации было внесено одно изменение: в «Сат.» в предложении «Охо-хо. Бог всё видит!» нет слов «Охо-хо».

Еврейская тема была распространена в юмористике второй половины XIX века: связанные с ней анекдоты и монологи входили в репертуар ряда популярных рассказчиков-исполнителей. Однако в начале XX века эта форма не пользовалась популярностью: рассказ Аверченко лишь отчасти можно рассматривать как попытку стилизации, поскольку элементы традиционного «еврейского анекдота» сохраняются только в сюжете и индивидуальной речевой характеристике персонажей.

Сергей Ауслендер приводит в рецензии этот рассказ в качестве одного из примеров рассказанных Аверченко «немудреных анекдотов», но не вкладывает в данную характеристику какого-то негативного смысла (см.: Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3; см. также с. 696 наст. изд.).

¹ *Выркино*. — Деревня с таким названием располагалась в Тверской губернии, но оснований связывать текст Аверченко с изображением конкретного

места нет. Скорее, он связан с рассказом Е.П. Летковой «Бабы», действие которого также происходит в деревне Выркино (см.: Русское Богатство. 1903. № 11; Леткова 1913: 135–156). Аналогии в текстах указывают на то, что Аверченко был знаком с рассказом Летковой, делавшей акцент на православной вере.

² *Если бы Бог с высоты небес посмотрел на мокрую от осеннего дождя землю ~ Бог всё видит!*» — Ср. с финалом рассказа Е.П. Летковой «Бабы»:

— Скажи ты мне, матушка, по правде: есть ведь Царство Небесное?

— Должно быть, есть, — с улыбкой ответила барыня.

— Нельзя не быть, — с уверенностью и громко сказала старуха. — И первые — мы, бабы православные, попадем туда... Вот как я полагаю, что нас даже без суда отведут в него; довольно, скажут, вы на белом свете помыгтарились, довольно поплакали, пожалуйста, успокойтесь...

— С такой верой и умирать не страшно — сказала барыня.

— Умирать? — с испутом повторила старуха. — Ой, не хочца умирать ...

Еще хоть немного пожить... Хоть бы Наську замуж выдать...

Она обняла девочку и из ее потухших, мутных глаз покатались крупные слезы.

Леткова 1913: 156

Преступники

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 37. 12 сентября. С. 6–7.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в предложениях «Потому я так рассуждаю: ежели ты оскорбил мое начальство, господина пристава — имею я право твоему щенку уши пооборвать?» и «<...> там, говорят, есть или нет, а мы без расчета — Васьки не отпустим» не было тире, а слово «Не-уже-ли?» писалось без разбивки, слитно. В предложении «Оставшись один, Савелий поднял недоуменно брови и сказал, обращаясь к картине в золотой раме» в «РЮ1» «к картине» заменено на «к портрету». В 10-м издании вместо «для тебя жидята не нападут» напечатано: «для тебя жиденята не напасут».

А.А. Измайлов приводил этот рассказ первым в ряду примеров «жанра рассказов Аверченки, где он прямее всматривается в русскую жизнь, подмечает в ней мрачный или тупоумный тип, присматривается к той несусветной русской чепухе, которая каждый день и каждый час разыгрывается у нас

наяву и питает провинциальные отделы в газетах» (*Измайлов А.* Цветы невинного юмора. (Юмористические рассказы А. Аверченко) // Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1910. 21 июня (4 июля). № 11774. С. 3).

¹ *...пристав 2-го стана...* — В дореволюционной России несколько волостей объединялись в один полицейско-административный округ — стан, во главе которого стоял становой пристав.

² *Волостной старшина* — выборная должность руководителя волости, нижней единицы административно-территориального деления в России.

³ *Десятский*. — В подчинении станового пристава (см. выше, примеч. 1) находились выполнявшие полицейские обязанности сотские и десятские (названия были образованы от числа дворов, так как должности носили выборный характер).

⁴ *Армячок* (уменьш. от армяк) — верхняя мужская одежда, долгополая прямого кроя и из грубого сукна, которую носили преимущественно крестьяне, а в городах — извозчики.

⁵ *Эрфуртская программа* — программа социал-демократической партии Германии, принятая на съезде в Эрфурте в 1891 г. Ср. в юмореске «Семь смертных грехов (Кошмар)»: «Челазк! Какие у вас тут... увеселения?! Что? Программка? Нне хочю... простой программы! Давай мне эр... фуртскую!!.» (Сат. 1908. № 3. С. 8).

⁶ *Лиддит, меленит* — различные названия одного и того же взрывчатого вещества.

⁷ *Нитроглицерин* — взрывчатое вещество, входит в состав динамита.

Нервы

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 39. 26 сентября. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» Аверченко вносит в текст журнальной публикации единичное стилистическое исправление, заменив «сваливши» в предложении «Он сел на стул <...>, сваливши хрустальный пульверизатор» на «свалив».

Навязчивая реклама средств от неврастения, публиковавшаяся в том числе и на страницах «Сатирикона» (см. преамбулу к примечаниям к рассказу «Спермин» («ВУ»)), сделала тему нервных расстройств популярной на рубеже

1910-х годов. Ср., напр., схожий подход к теме в стихотворении Саши Черного «Лаборант и медички»:

Свист горелок. Тишина.
Ноет муха у окна.
Где Юпитер? Где Минервы?
Нервы, нервы, нервы, нервы...

Сат. 1909. № 49. 5 декабря. С. 7

¹ *Пролетка*. — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345».

² *Пуд*. — См. примеч. 2 к рассказу «Здание на песке».

³ «*Домашние обеды*». — Распространенной формой питания в нач. XX в. были так называемые домашние обеды, аналоги табльдотов (от *фр.* table d'hôte — «хозяйский стол»). Их устраивали в частных домах или квартирах для съемщиков, а также для тех, кто жил и работал поблизости. По своей форме и меню они напоминали советский «комплексный обед» или современный «бизнес-ланч», где блюда не выбираются по меню, а готовятся на всех одни и те же, что позволяет существенно снизить стоимость. Как правило, на таких обедах все ели за одним столом в определенное время и оплачивали это ежемесячно.

⁴ *Контрольная палата* — административное учреждение, занимавшееся контролем счетов государственных учреждений.

⁵ — *Людишки дрянь!* — слова героя исторической повести М.Н. Загоскина «Кузьма Рощин» (1836) Сергея Филипповича: «Да и то сказать, что за народ у этого князя Владимира Павловича: дворецкий соня, людишки — дрянь!» (Загоскин 1902: 22–23).

⁶ *Но странные наши уголовные законы: если я убью Льва Толстого или эту бесполезную старую кошку — наказание мне будет одинаковое...* — Рассуждение Царапова можно рассматривать как отклик на размышления Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865–1866).

⁷ *Матчиш* — мелодия популярного танца (см. также примеч. 2 к рассказу «Мозаика» («ВУ»)).

Ниночка

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 42. 17 октября. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В предложении «Красивое розовое лицо ее было спокойно <...>» определение «розовое» заменено на «белое», во фразе «и вбежала в общую комнату» слово «вбежала» заменено на «выбежала». В предложении «Любопытно посмотреть на эти следы... гм... культуры» в «Сат.» отсутствовало «гм...» В предложении «Ниночка закусил губу и, вставая, упрямо сказала <...>» опущено слово «снова». В предложении «Ниночка опустилась на кровать и, опустив глаза, еще раз повторила» слово «опустив», чтобы избежать повтора «опустилась / опустив», заменено на «потупив».

Сюжет рассказа использован также в пьесе «Женская доля» (см.: Аверченко 1913б). В пьесе меняется место действия (всё происходит в меблированных комнатах), фамилия студента (он теперь не Ихневмонов, а Куницын) и развязка: Ниночка признаётся Куницыну в любви, тот сознаёт, что она ему тоже нравится, в конце герои целуются.

¹ *Служба тяги*. — В управлении железными дорогами существовали три главных службы (то есть основных подразделений): пути и зданий, подвижного состава, эксплуатации и тяги.

² *Ремингтонистка* — то же, что и машинистка; слово образовано от названия первой и самой распространенной серийно производимой пишущей машинки «Ремингтон».

³ — *Вот вам — друзья человечества!* — Формула «друг человечества» часто использовалась сентименталистами и романтиками. Так, хрестоматийную известность получило определение «друг человечества» из стихотворения «Деревня» (1819) А.С. Пушкина:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Пушкин 1937–1959/2.1: 90

Линию от «друга человечества» к «людоеду человечества» проводит герой романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1867–1869) Лебедев:

Но друг человечества с шагостию нравственных оснований есть людоед человечества, не говоря о его тщеславии; ибо оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения, — впрочем, так же точно, как и всякий из нас <...>.

Достоевский 1972–1990/8: 312

⁴ *Фарисеи* — здесь: лицемеры.

⁵ *Ихневмонов*. — Фамилия образована от названия млекопитающего рода мангустов — ихневмон. Ранее другой персонаж с такой же фамилией — «Солидный обыватель Ихневмонов» — появлялся в рассказе-фельетоне Аверченко «Ликвидация» (см.: Речь. 1909. № 50. 21 февраля (6 марта). С. 3. Подписано: *Аркадий Грустилов*). Ср. также с названием рассказа Аверченко «Ихневмонь» («РЮ2»).

Большое сердце (Рождественский рассказ)

Впервые без подзаголовка опубликовано в изд.: Сат. 1909. № 52. 25 декабря. С. 11–12. Подзаголовок «Рождественский рассказ» в этом же номере журнала встречается у Н.А. Тэффи: «Страшный ужас (Рождественский рассказ)» (С. 4–5). В номере использованы и другие подзаголовки: «Страшное издание (Святочный рассказ)» (С. 2–3); «Рождественский мальчишка (Сказочка)» (С. 6–7).

При подготовке сборника «РЮ1» в текст первой публикации были внесены изменения. В предложении «Серое, темное небо нависло над землей...» в «Сат.» было использовано слово «повисло», а у предложения «Около него остановилась собака, уткнула нос в его галоши <...>» была другая синтаксическая конструкция: «Около него остановилась собака и, уткнув нос в его галоши <...>». В конце предложения «С каких пор успел нарезаться!...» в журнальной публикации стоит просто восклицательный знак.

Рождественские и святочные рассказы относятся к числу жанровых форм, становление и развитие которых связано с ежегодным сезонно-быто-

вым тематическим круговоротом (наряду с пасхальными, масленичными и т. д.). Сюжеты таких рассказов в сатирико-юмористической периодике часто строились на сочетании традиционных мотивов и штампов с неожиданной развязкой, на столкновении в тексте умиленно-восторженной или сострада-тельной интонации «серьезных» рассказов с бытовой травестировкой, мисти-ческой атмосферы таинственности с прозаическим банальным объяснением. Ср., к примеру, опубликованный в 1884 году «святочный рассказ» А.П. Чехова «Страшная ночь», в котором гробовщик, чтобы скрыть свое имущество от кредиторов, решает «припрятать самые лучшие гробы» и рассылает их знако-мым (см.: Чехов 1974—1983/3: 139—145). См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «Труха» («ВУ»).

¹ *Серое, темное небо нависло над землей...* — Схожим образом начинается рассказ Ивана Петровича Панихидина в «Страшной ночи» А.П. Чехова: «Тем-ная, беспросветная мгла висела над землей» (Чехов 1974—1983/3: 139).

² *...детей, этих — по выражению поэта — цветов жизни...* — Высказывание возводится к произведениям М. Сафира и А.М. Горького, но у обоих писате-лей фразы звучат иначе: «Цветы — дети царства растений, дети — цветы цар-ства людей» (Сафир 1893: 94); «Дети — живые цветы земли, но на Въезжей улице они имели вид цветов, преждевременно увядших» (Горький 1949—1956/3: 185).

³ *Кацавейка* — простонародная женская одежда, короткая теплая кофта, часто подбитая мехом.

Еропегов

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 43. 24 октября. С. 6—7.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в предложении «Ну, как это так вдруг, ни с того ни с сего, явиться к незнакомому человеку знакомиться!» между «так» и «вдруг» стоит тире, во фразе «<...> непосредственно за тем перенес их на грудь <...>» нет местоимения «их».

¹ *...в «Славянском Базаре»...* — Имеется в виду ресторан, находившийся в Москве на Никольской улице.

² *Новоузенский уезд* — административно-территориальная единица в составе

Саратовской губернии; образована в 1835 г. с центром в городе Новоузенске; упразднена в 1928 г.

Апостол

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 4. 23 января. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В предложении «Он вскочил и бросился ко мне в объятия» «ко мне» исправлено на «в мои»; в предложении «<...> после его смерти я получил тощий засаленный пучок кредиток — так, тысячи три» добавлено отсутствовавшее в «Сат.» слово «так». В журнале в предложении «В вашей чистой совести!» в конце стоит точка, в предложении «Ты прямолинейнее и, значит, — лучше меня» отсутствует тире, а во фрагменте «Потом его срубили злые лесники. Мильй мой!» между предложениями стоит тире.

Вегетарианство стало широко распространяться в России с 1890-х годов. Издавались пособия по вегетарианству и специальные поваренные книги, в крупных городах создавались вегетарианские общества. Наряду с этим публиковались и труды противников вегетарианского питания (см., напр.: Енько 1893). Авторы, рассматривавшие вегетарианство с православной точки зрения, утверждали, что необходимо «призывать к воздержанию непременно во имя христианских идеалов жизни» (Струженцов 1900: 58). В 1908–1909 годах наблюдался очередной всплеск интереса к вегетарианству: в частности, был издан и переиздан целый ряд книг и брошюр на эту тему, среди которых — подготовленный Л.Н. Толстым и включавший его собственные суждения сборник «Безубойное питание, или Вегетарианство» (см.: БПВ 1909).

Увлечение вегетарианством не раз высмеивалось в юмористических произведениях. Завязка рассказа «Апостол» прямо переключается с сюжетом рассказа И.И. Мясницкого «Вегетарианцы» (см.: Мясницкий 1900б: 3–26), в котором главный герой, получив письмо от дяди, помещика Чертополохинского уезда, отправляется к нему погостить и обнаруживает, что в поместье дяди все вегетарианцы:

— Я? — поднял руки кверху дядя. — Ах, да я и забыл совсем, что ты погряз в столичных искушениях и судишь по себе обо всех. Я должен сказать тебе, друг мой, что мы, т. е. я и вся моя семья, давно уже не употребляем в пищу говядины.

— Вот как?

— Да. Мы давно пришли к тому заключению, что мясная пища вредно влияет как на физическую, так и на моральную сторону человека.

Мясницкий 19006: 10

Далее сюжет у Мясницкого развивается иначе: комизм связан с тем, что все члены семьи тайком друг от друга едят запретную пищу и пьют алкогольные напитки — и по очереди угощают приехавшего героя:

Нет надобности, кажется, говорить, что мы с дядей в течение каких-нибудь полчаса времени уничтожили и балык, и жареную курицу, и очень почтенный по своему возрасту понге-канэ.

Расстались мы с дядей друзьями и расцеловались чуть не до слез. <...>

А на другой день тетка после обеда, залучив меня к себе под каким-то предлогом, угостила такою чудною жареной осетриной и такою ароматною мадерой, что я спал, как убитый, вплоть до ужина.

Там же: 25–26

¹ *Всякий вдумчивый, наблюдательный человек уже заметил, вероятно, что богатство дядюшек прямо пропорционально расстоянию, которое отделяет их от племянников.* — Образ оставляющего наследство «дядюшки», иронически осмысленный А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин», являлся весьма популярным в русской юмористике. К примеру, в рассказе Н.Г. Шебуева «Каприз любви» герой получает приглашение приехать погостить от тамбовского дяди, на наследство которого он рассчитывает:

Не могу сказать, чтобы это приглашение улыбалось мне: провести лето в тамбовской глуши с семидесятилетним стариком *en deux** — перспектива не из важных...

Но дело в том, что не принять приглашения — значит обидеть дядюшку, на которого у меня все надежды: он богат, как будто бы был «из Америки», и не имеет, кроме меня, наследников.

ВЮАГБ 1901: 129–130

---

* вдвоем (*фр.*).

В 1908 г. в театре «Фарс» была поставлена «шутка в 3-х действиях» Л.Л. Пальмского и И.Г. Ярона «Симбирский дядюшка». В очерке о ней Аверченко писал:

Заметьте, что ни один современный фарс или оперетка без дядюшки не проживут, и отсутствие этого симпатичного родственника быстро сводит их в могилу. Но фарсовые повара, стряпая свое кушанье целиком из дядюшки, всегда подают это обычное заурядное блюдо под другим, шикарно звучащим соусом... Блюдо называется «Под звуки Шопена», а сквозь незатейливый гарнир так и сквозит жирное брюшко и простодушная наивность дядюшки... На афише мы читаем «Мадам Шерри», а на сцене видим безраздельно царящего того же дядюшку, хитрого, благочестивого, немного обжору, немного труса. Пальмский же и Ярон протянули друг другу руки и с благородной откровенностью решили: если мы делаем окрошку из дядюшки, — пусть кушанье называется, — «Симбирский дя...»

Сат. 1908. № 9. С. 6;

Стрекоза. 1908. № 23. 6 июня. С. 6.

Подписано: *Аркадий Аве*

Ироническую характеристику комедийных образов дядюшек и племянников Аверченко также дает в рецензии на постановку комедии-буфф в 4-х действиях П.С. Фейдо «Амалия... И так далее» (в переводе С.Ф. Сабурова) показанную московской группой Сабурова в ходе гастролей в Санкт-Петербурге в театре «Пассаж» в 1908 г.:

В обыкновенной жизни, если человек имеет племянников, он просто, решивши умереть, оставляет им без дальних околичностей всё, что у него есть.

Фарсовый дядюшка раньше, чем оставить наследство, должен натешиться и наиздеваться над несчастными наследниками досыта.

Заявляет, например:

— Не дам денег, пока племянник не женится!

— Да зачем это вам?

— А вот так.

И упрется как бык, скверный, глупый старикашка!

Конечно, племянник идет искать себе суженую, и так как в Париже кокотки составляют большую часть народонаселения, то несчастный и попадает в лапы одной из них.

А потом выходит целая путаница, а автор делает из этого пьесу, а публика смотрит и ругается. Ну что хорошего!

Сат. 1908. № 23. 13 сентября. С. 7.

Подписано: *Медуза-Горгона*

У самого Аверченко подобный персонаж появляется также в рассказе «Я и мой дядя», включенном в сборник «Круги по воде: Рассказы» (см.: Аверченко 1912а: 88–95).

Вечером

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 8. 22 февраля. С. 10.

При подготовке «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в реплике «— У тебя милая, спрос превьщает предложение. Это нехорошо. Расскажи лучше ты мне» не было слов «Это нехорошо»; вместо «жалкого» («старого, жалкого дядьку») употреблена характеристика «толстого»; в реплике «— Лида! Знаешь ты, что это — плагиат? Стыдись!» отсутствовало восклицание «Стыдись!»; в предложении «Пожав плечами, сажусь за “Революцию”»; углубляюсь в чтение» использован союз «и», а не точка с запятой; вместо «Тишина... Оглядываюсь» было: «Потом оглядываюсь».

Рассказ также вошел в сборник Аверченко «О маленьких — для больших: Рассказы о детях» (см.: Аверченко 1916б: 47–51). В сборнике «ОМДБ» в конце предложения «И в глазах ее сияет неподдельное изумление и любопытство перед неразрешимой загадкой природы...» стоит точка.

¹ *Посвящаю Лиде Терентьевой.* — Имеется в виду племянница Аверченко, дочь его старшей сестры Марии Тимофеевны.

² *...я углубился в «Историю французской революции» и забьл всё на свете.* — В нач. XX в. было издано сразу несколько книг с таким или похожим названием:

- двенадцатитомное издание «История французской революции 1789 года» Луи Блана (СПб.: [б. и.], 1907–1909; сер. «Историческая библиотека»);
- «История французской революции» В. Блоса (СПб.: Энергия, 1906);
- «История французской революции» Минье (СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1906);

- «История французской революции и второй республики» Луи Эритье (СПб.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907);
- «История Великой французской революции» Жана Жореса (СПб.: Издание Н. Глаголева, 1907); и др.

³ *Жирондисты* — одна из ведущих политических сил эпохи Французской революции, названа так, потому что ее ядро изначально составили депутаты законодательного собрания от департамента Жиронда (Gironde), расположенного на юго-западе Франции.

⁴ *Вий* — персонаж повести Н.В. Гоголя «Вий», вошедшей в книгу «Миргород» (1835). Иллюстраторы изображали его страшилищем, основываясь на описании, данном Гоголем:

И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно отступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное.

Гоголь 1937–1952/2: 217

Одним из наиболее известных дореволюционных изображений является иллюстрация В. Штейна, сделанная им для «народного издания» повести А.Ф. Марксом (см.: Гоголь 1894: 76).

⁵ *Вершок* — русская мера длины, равняющаяся 1/16 аршина, то есть 4,445 см.

Душевная драма (Жизнь человека)

Впервые опубликовано в изд.: Сат. 1909. № 8. 22 февраля. С. 10.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. «Моей» в предложении «Начало моей печальной и трагической истории такое» заменено на «этой»; «забывши» в предложении «<...> забывши, что простыня не может нести двойную службу <...>» — на «забыв». В предложении «И вспомнил молодой господин свои давешние планы <...>

семейной жизни на манер виденной в третьем этаже — и тяжело сжалось его сердце» вместо «на манер виденной в третьем этаже <...>» стало «на манер третьего этажа». Середина фразы «После всего виденного, жить дальше и глупо, и мучительно <...>» исправлена на «После всего виденного, — жить больше не стоит: это и глупо, и мучительно <...>».

В подзаголовке рассказа содержится отсылка к пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека», премьера которой состоялась в Московском Художественном театре 12 декабря 1907 года.

4 сентября 1910 года Аверченко опубликовал в «Сатириконе» миниатюру «История одной жизни. (В трех звуках)». Она построена по схожему принципу, но жизнь в ней развивается в пределах одной квартиры:

I

Однажды в одной из квартир столицы раздался крик новорожденного: это появился на свет герой нашего романа Иванов.

II

...В одной из квартир столицы раздался звук разбившейся полоскательной чашки: это жена Иванова ударила мужа чашкой по голове.

III

...В одной из квартир столицы раздался револьверный выстрел... Когда сбежались домашние — Иванов был мертв.

№ 36. С. 6.
Подписано: Волк

Широкая Масленица

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1909. № 6. Масленичный номер. 8 февраля. С. 10–11.

В журнальной публикации во фрагменте «Чайную? Хе-хе. Подымайте выше» отсутствует «Хе-хе», а интонация реплики «Бла-агороднейшая дама!» передана иначе графически: «Благороднейшая дама!»

Из-за традиционного сезонно-бытового тематического круговорота «масленичные» рассказы во второй половине XIX века стали устойчивой жанровой формой, практически обязательной для сатирико-юмористических жур-

налов. Темой таких произведений чаще всего были застольные блинные традиции. По своей структуре они стояли в одном ряду с пасхальными юмористическими рассказами, в которых обыгрывалась тема визитов (см. прерамбулу к примечаниям к рассказу «Визитер» («ВУ»)). Образ объедающего хозяина визитера, который использует Аверченко, не раз встречается в русской юмористике, поэтому в данном рассказе акцент переносится на характер хозяина.

Рыцарь индустрии

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 33. С. 7–8. В СССР рассказ печатался также под названием «Господин Цацкин» (см.: Аверченко 1926: 5–7).

31 октября 1903 года Аверченко опубликовал в харьковской газете «Южный Край» рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь» (см.: № 7896. С. 2), начало которого использовано в «Рыцаре индустрии» (подробнее об этом см. в статье, на с. 722 наст. изд.).

На тот же сюжет Аверченко написал одноименную пьесу (см.: Аверченко 1911а). В пьесе Аверченко меняет финал: измученный хозяин дома соглашается купить всё, что предлагает Цацкин:

Хозяин

Записывайте: мигренин, попитр, прибор для рашения ушей, панцирь от жен, дверные ручки для пресс-папье и катафалк на две персоны с разбрызгивателем... Всё! Всё! Всё давайте. Всё покупаю... Слышите?.. *(Злобно рычит.)*

Цацкин *(записывая)*

Ну, вот, видите... Я же говорил, что вам нужно.....

Там же

Юмористическое изображение торговых и страховых агентов связано с американской традицией. Уставшего от нашествия продавцов покупателя и одного из таких агентов описывает М. Твен в рассказе «Человек с портфелем» («The Canvasser's Tale»; 1876):

Бедный, меланхолически выглядывающий чужеземец! Было что-то особенное в его смиренном выражении, в его усталом взгляде, в его потертом, но когда-то дорогом платье, и это «что-то» возбуждало во мне жалость. <...>

— Виноват, одну минуту, — сказал я. — Друг мой, у меня от разных афишеров и факторов сегодня не было ни минуты покоя. Я купил швейную машину, которая мне не нужна, я купил географическую карту, полную ошибок; я купил часы, которые не желают ходить; я купил отраву для моли, которая им, однако, нравится лучше всякой другой пищи; я купил бессчетное количество всяких бесполезных изобретений, и пока с меня довольно всех этих глупостей. Мне не надо ни одного из ваших эхо даже в подарок. Я взбешен на всякого, кто мне только предлагает купить что-нибудь. Видите ли вы это ружье? Соберите же ваши планы и поспешите убраться; не доводите дело до кровопролития.

Он, однако, только улыбнулся — это была меланхолическая, нежная улыбка — и вынул новые планы. Вы знаете эту историю: раз вы открыли двери фактору, вы всегда окажетесь побежденным.

Твэн 1896—1899/1: 249, 254.

Петр. В.О.Т.

Соответствующий фрагмент есть и в другом переводе того же рассказа, напечатанном под названием «История проходимца» (см.: Там же/8: 123).

В 1904 году И.И. Мясницкий печатает в журнале «Развлечение» (№ 43) рассказ «Реклама» с подзаголовком «Из американских нравов». При переносе на отечественную почву в русской юмористической традиции агрессивная навязчивость заполняющих всё страховых агентов связывается в первую очередь с Одессой. Мир, населенный сплошь страховыми агентами, изображает В.М. Дорошевич в рассказе «Одесса через сто лет»:

Не успел я, однако, выйти из подъезда, как меня схватил за горло какой-то господин.

— Кошелек или жизнь!

— Кто вы такой? — еле-еле прохрипел я.

— Агент страхования жизни. Вы еще не застрахованы, но вы должны быть застрахованы. Застраховать свою жизнь — долг каждого честного, порядочно-го, благородного человека. Ваши родные...

— Но, милостивый государь, у меня нет родных. Я проспал сто лет, и в это время все мои родные успели умереть.

— Всё равно. Вы можете оставить деньги на благотворительные учреждения. Но вы должны застраховаться! Я вас не выпущу живым из рук, и вы умрете нераскаянным, не застрахованным грешником. О, ужас! Ужас! Ужас!

Я поспешил заплатить, сколько следовало, и только что успел получить полис, как меня схватил за шиворот другой господин.

— Агент страхования...

— Милсдарь, вы опоздали схватить меня за шиворот. Меня только что другой схватил за горло, и, благодаря этому, я уже застрахован.

— Ничего не значит! У меня вы застрахуете приданое вашей дочери.

— Но у меня нет никакой дочери...

— Нет — так будет. Вы еще достаточно молоды и, судя по вашему виду, у вас может быть дочь...

— А если у меня будет сын?

— Не рассуждать, сорок чертей и одна ведьма! Если у вас будет сын — тем хуже для вас. Молчать и застраховаться!

Я поспешил застраховать приданое дочери, которой не имеется еще и в проекте.

В ту же минуту третий господин схватил меня за полу.

— Стойте! Вы не страховались еще от огня!

— Но у меня нет никакой ни движимости, ни недвижимости!

— Ничего не значит, вы страхуете самого себя. Вы курите?

— Курю.

— Вы можете по рассеянности положить в пиджак непогашенную папиросу, — на вас вспыхнет пиджак, вы сгорите, — и обязаны застраховаться.

Не успел я уплатить сколько с меня следовало, как меня схватил за фалды четвертый господин.

— А от градобития!

— Что-о-с?

— Вы не застрахованы от градобития! Смотрите, какая собирается туча.

Пойдет град, испортит вам цилиндр.

Я заплатил, но меня схватил за ногу пятый господин.

— Стойте! Вы забыли о самом главном. Вы не застрахованы от увечья.

— Но я не собираюсь драться!

— А конка? Вам может отрезать ногу!

Господин сунул под следующий вагон свою руку.

Руки как не бывало.

— Что вы будете тогда делать?!

— Ха, ха, ха! — залился гомерическим хохотом подлетевший шестой господин. — Для привлечения клиентов он прибегает к обману! У него искусственные руки и ноги! Застраховывайтесь у меня, в моем обществе! У нас без обма-

на! Видите мою голову?! Настоящая голова! Хотите, я ее сейчас подложу под конку в доказательство, что конка может отдавить и голову? Только застраховывайтесь у меня, — пусть моя жена и дети получают комиссионные, которые будут следовать за вашу страховку. Хотите?

Я кинулся бежать от них.

— Страхователь бежит! — раздался крик на всю улицу, и изо всех ворот, дверей и окон вылетело по страховому агенту.

Толпа неслась за мной с гиком и свистом.

Чтоб спастись, я юркнул в первую попавшуюся лавочку.

Толпа, не заметив этого, пронеслась мимо.

Я был спасен.

— Кому обязан я жизнью? — спросил я, горячо пожимая руку хозяина лавочки.

— Вы находитесь под защитой конторы страхования...

Дорошевич 1895: 68–71

¹ ...он, вылетев из окна второго этажа, пролетел мимо окна первого этажа, где я в то время жил, и — упал на мостовую. — В юмористических рассказах и анекдотах преувеличенная навязчивость страховых и торговых агентов вызывает соответствующую гиперболизированную реакцию тех, к кому они пристают и кто хочет от них отвязаться: агентов бьют, спускают с лестницы и т. д. Ср., напр., опубликованную в «Сатириконе» шутку «Агент по страхованию жизни»:

— Господин клиент! Не бросайте меня так далеко с лестницы... Я хочу и во втором этаже кое-что предложить!

1908. № 6. С. 4.
Подписано: Блюи

Ср. также с анекдотом, опубликованным в «Сатириконе» в 1909 г. без подписи:

— Боже ты мой! Кого это так беспощадно бьет тот господин? Пойдем, вступимся.

— Он бьет агента по страхованию жизни.

— Ага! Так его, так!! Пойдем, прибавим.

№ 16. С. 7

² ...средство, которое несет собою радость каждому меланхоличному мужчине. — Подобные средства широко рекламировались в периодике нач. XX в. Здесь и далее в высказываниях Цацкина пародируются многочисленные рекламные объявления, которые размещались в том числе и на страницах «Стрекозы» и «Сатириконе».

³ *Вершок*. — См. примеч. 5 к рассказу «Вечером».

⁴ «*Мигренин*» — лекарство от головной боли, в которое входили лимонная кислота, феназон («Антипирин») и кофеин.

⁵ *Я вынул из ящика письменного стола револьвер ~ Одна штука восемнадцать рублей, две — дешевле, а три — еще дешевле. Прошу вас убедиться!..* — Ср. с пародийной рекламой револьверов из юмористической подборки «Из заграничных объявлений», помещенной в «Сатириконе» в 1908 г. на странице «Немецкая пресса» в специальном номере, посвященном русской периодике: «Пустите себе пулю в лоб... но только из револьвера нашей патентованной системы. При револьвере — сотня патронов в изящной упаковке» (№ 34. 29 ноября. С. 12).

День госпожи Спандиковой

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 18. 2 мая. Весенний номер. С. 10–11.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» вместо «Извозчик категорически заявил, что считает ее чертовой куклой <...>» было: «Извозчик сообщил, что считает ее чертовой куклой <...>», а в предложении «Из Галочки, сахара, цветка, Кольки и госпожи Спандиковой осталось двое <...>» отсутствовало слово «цветка».

Вторая часть сюжета рассказа использована затем Аверченко в пьесе «Обручальное кольцо: Сцена в 1-м действии», которая входила в репертуар Троицкого театра в Санкт-Петербурге (см.: Аверченко 1916в: 51–60). В пьесе отбрасываются другие части рассказа, а выбранный фрагмент разворачивается в полноценную «историю». При этом меняется развязка. В пьесе Иван Николаевич отказывается искать кольцо, предпочитая посидеть под мостиком и посмотреть в бинокль, как на берегу дачницы купаются. Финал, правда, вновь отсылает к концовке рассказа:

Соседка (к публке)

Вот тебе и примета. Без покойника, правда, обошлись, так зато поссорились хуже чего не надо!..

Аверченко 1916в: 60

Весной в рамках устойчивого сезонного-бытового тематического круговорота в русских сатирико-юмористических журналах начинала разрабатываться дачная тема (см. преамбулу к примечаниям к рассказу «Дачный театр»). Одной из тематических моделей таких рассказов являлось описание поездки из города на дачу.

¹ ...*чертовой куклой*. — В читательском сознании нач. XX в. это выражение связано с названием романа З.Н. Гиппиус «Чертова кукла», однако роман Гиппиус был опубликован позже, в 1911 г. — сперва в журнале «Русская Мысль», а затем, летом, отдельным изданием (см.: Гиппиус 1911). В нач. 1890 г. в журнале «Русская Мысль» была опубликована первая часть романа Н.С. Лескова «Чертовы куклы». Ругательство «чертова кукла» достаточно часто встречается в литературных произведениях, в том числе и в комической литературе. У Н.А. Лейкина в очерке «Карповка» из цикла «Наше дачное прозябание» герои пререкаются:

- Молчи, чертова кукла!
- Чертова кукла, да вот не для тебя!

Лейкин 1881: 133

Трехполонов в комедии-шутке гр. А. Жасминова (В.П. Бурёнина) «Всё хорошо, что хорошо кончилось» ругается: «Ах она, чертова кукла!» (см.: Жасминов 1894: 23). Жандармы называют «чертовой куклой» Чичикова в сатирических «Последних похождениях Чичикова», которые печатались с продолжением в журнале «Заноза» в 1906 г. (см.: № 4. С. 30).

Страшный человек

Впервые части I–IV опубл. в изд.: Сат. 1909. № 45. 7 ноября. С. 6–7; остальные части — шесть разделов с заново начинающейся нумерацией, под названием «Конец Химикова», — в изд.: Сат. 1909. № 46. 14 ноября. С. 7–8. К началу рас-

сказа в № 46 отсылает сноска, поставленная к названию: «См. № 45». Текст в № 46 начинается со слов «Помощник счетовода Химиков, благородный авантюрист, рыцарь и искатель приключений <...>», знакомящих тех, кто не читал рассказа в предыдущем номере, с героем. Это предложение сохранено и в книжной публикации.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации была внесена существенная правка. В предложении «<...> ребра, распиравшие бока Химикова с таким упорством, которое характеризует ребра всех тощих людей» вместо «с таким упорством, которое» в «Сат.» было «с такой стремительностью, которая». В предложении «Слуга в изумлении смотрел на него и потом, приняв прежний апатичный вид, шел заказывать яичницу» не было деепричастного оборота «приняв прежний апатичный вид». В «РЮ1» из предложения «Покончив с яичницей и пивом, он расплачивался <...>» убрано местоимение «он», предложение «Было ему девять лет, и он каждый вечер с нетерпением ждал той минуты <...>» разделено на два: «Было ему девять лет. Каждый вечер с нетерпением ждал он той минуты <...>». В предложении «Устал я после всех этих передрыг» в «Сат.» иной порядок слов: «Я устал после всех этих передрыг». В реплике «Позвольте быть вам проводимой мною» в «Сат.» отсутствовало «вам». Вместо «Ишь, чего захотели!» в журнале героиня обращалась на «ты»: «Ишь, чего захотел!» «Химикова, оставшегося с девицей» исправлено на «Химикова, оставшегося около девицы»; слово «нелепую» в предложении «<...> сказал Химиков, снимая свою черную нелепую шляпу <...>» заменено на «странную»; во фрагменте «<...> удалился, закутанный в свой длинный плащ» в журнальной публикации нет слова «длинный». В конце предложения «<...> он был слишком поэтичной натурой, чтобы обратить на это внимание...» в «Сат.» стоит точка. Вместо «Химиков зажал в кулак двугривенный <...>» стало: «Химиков зажал в кулак всунутый ему в руку двугривенный <...>». Из предложения «<...> и так странно окончившийся грабеж наполнил его сердце обидой» убрано местоимение «его». В предложении «Жди, когда придут к тебе трое людей в красных плащах с винтовками в руках, — тогда начинайте действовать» в журнальной публикации нет тире. В конце предложения «Засни, Красный Матвей!» в журнальной публикации стоит два восклицательных знака.

На связь образа Химикова с Дон-Кихотом Сервантеса указывал в рецензии на сборник Сергей Ауслендер:

Иногда рассказы Аверченко переходят в вольную и открытую фантастику: так, например, этот помощник счетовода Матвей Петрович Химиков, воображающий себя странствующим рыцарем, совершающий в своем плаще с кинжалом в руках (который оказался ножом для разрезывания книг) столько страшных преступлений и прекрасных подвигов. Новый вариант старой истории рыцаря печального образа из Ламанча.

Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3;
с. 696 наст. изд.

Главного героя рассказа Химикова особо выделял критик Вяч. Полонский в статье «Из литературы и жизни. Смех и горечь», вторая часть которой была посвящена сборникам Аверченко «Юмористические рассказы» и «Рассказы (юмористические). Книга первая»:

Из правдоподобных, но всё же невероятных персонажей г. Аверченко на меня особенно сильное впечатление произвел трагичный в своей юмористичности помощник счетовода мещанин Матвей Петрович Химиков. <...> Химиков — невероятная фигура, и всё же это живой, движущийся человек, словно выхваченный из жизни.

Всеобщий Ежемесячник. 1910. Июль. № 7. С. 99–100;
с. 699 наст. изд.

¹ Пуд. — См. примеч. 2 к рассказу «Здание на песке».

² ...кутался в плащ и шел, озираясь, в трактир «Черный Лебедь». — Это название ассоциировалось в нач. 1910 г. с только построенной для Н.П. Рябушинского по проекту архитекторов В.Д. Адамовича и В.М. Маята виллой Черный Лебедь в Петровском парке около Москвы (сейчас — Нарышкинская аллея, д. 5, стр. 1). Трактир, который называется «Черные лебеди», упоминается в рассказе Н.А. Лейкина «Театромания» (см.: Лейкин 1871а/1: 351; Лейкин 1880а: 259).

³ *Деревянное масло* — низший сорт оливкового масла, а также его имитации, в частности — производившееся Ю.И. Давыдовым «гарное масло», которое в розничной торговле часто именовалось деревянным маслом 2-го сорта, или лампадным маслом, поскольку использовалось преимущественно в лампадах и осветительных приборах. В 1885 г. Давыдов получил привилегию на изготовление «гарного» масла, включавшего:

- 63% очищенного сурепного, деревянного, кунжутного и других масел, смешанных с кокосовым маслом в пропорции 3: 2;
- 35% вазелинового масла, содержащего 1% древесного спирта;
- 2% смоляного, или пекового, масла для устранения нагара.

Загадка природы

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 21. 23 мая. С. 4–5.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в предложении «Я вскочил с глазами, готовыми от ужаса выпрыгнуть на пол, и обернулся к скелету» нет слов «на пол»; в предложении «У меня есть к вам важная просьба: расскажите мне что-нибудь о загробной жизни!» нет слова «что-нибудь», во фрагменте «<...> что в этом сезоне носят?» нет выделения разрядкой. Вместо «Только и вы должны сообщить мне кое-что...» в «РЮ1» стало: «Только... гм... и вы должны сообщить мне кое-что...». Вместо «Ну, узкие рукава в моде? || — Ах, так! Да, бывают и узкие, — неопределенно ответил я» стало: «Ну, узкие рукава — в моде? || — Ах, так! Да, бывают узкие, — неопределенно ответил я». «Что?» перед восклицанием «Не перебивайте!» в «РЮ1» заменено на «Ну?». В предложении «Какой-то толстый сказал: “Обнажим, — говорит, — наши головы перед прахом этого молодого человека”...» в «Сат.» не было вводного «говорит». В журнале заключительная часть (со слов «Потом долго <...>») не отделена отбивкой, в предложении «<...> читатель без этого поверил бы всем выдуманым ими нелепостям» между словами «этого» и «поверил» стоит тире, в конце предложения «<...> краешек таинственной завесы загробной жизни» стоит не точка, а многоточие, в реплике скелета «Ах! — что вы... — сконфузился скелет» нет тире.

Увлечение спиритизмом не раз становилось предметом осмеяния в русской юмористике — общение с загробным миром считали выдумкой. Общение с духами высмеивал, в частности, Н.А. Лейкин в повести «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова» (см.: Лейкин 1874: 256–458) и в рассказе «Спирит» (см.: Лейкин 1880: 243–247). См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «По ту сторону...» («РЮ2»).

¹ — *Но тут он... проснулся!* — Этот прием использовали, чтобы избежать обвинений в неправдоподобности, в том числе и в юмористике. К примеру,

В.М.Дорошевич в конце рассказа «Одесса через сто лет» заставляет повествователя проснуться:

Это известие так поразило меня, что я подпрыгнул в сетке и... проснулся.

Всё это был сон! 1995-й год, крытые рынки, пассажиры, которых заставляют на конке править за кучеров, агенты похоронных контор, которые являются к здоровым людям, — всё это сон, злой страшный сон.

Я живу в 1895-м году в городе, где домовладельцы, слава Богу, ходят еще почти во всех принадлежностях туалета, где агенты похоронных контор заходят только к больным, а отнюдь не к здоровым людям, где на конке работают всего только по 18 часов в сутки, где иногда даже светят по ночам фонари.

Дорошевич 1895: 95–96

Поскольку прием воспринимается как штамп, он используется при создании иронической жанровой модификации, в которой происходящее соотносится с возникающим в связи с ним литературным контекстом. Так, у Аверченко в рассказе «Кошмар» описан сон депутата-октябриста (см.: Сат. 1908. № 13. С. 2–3). Обратная концовка, построенная на разрушении стереотипных читательских ожиданий, использована Аверченко в рассказе «Тривиальный визит», в котором к автору поздним вечером в канун нового года является «измызганный старикашка» — старый, 1908 год:

Конечно, звонко пробили часы...

И вы, конечно, думаете, я проснулся? Чего же мне проспать, когда я не спал...

Сат. 1909. № 1. С. 2–3.

Подписано: *Медуза-Горгона*

² *Глубокой ночью сидел я в своем тихом уютном кабинете и писал для оккультного журнала статью о загробной жизни.* — В нач. XX в. оккультизм был широко распространен в России; выходил ряд периодических изданий, посвященных этой и близкой темам, в частности, журналы «Ребус», «Вестник оккультных наук», «Вестник теософии», «Изида», «Ментализм», «Спиритуалист», газета «Оттуда» и т. д. Случаи сотрудничества Аверченко в подобных изданиях не выявлены. К оккультизму он относился иронически и неоднократно высмеивал веру в возможность общения с загробным миром. В 1917 г. в качестве приложения к журналу «Новый Сатирикон» вышло пародийное

пособие «Оккультные науки. Графология. Хиромантия». А в сборник «Записки Простодушного» Аверченко вошел рассказ «Оккультные тайны Востока», в котором изображается мошенник-хиромант — характер, впервые появившийся в его рассказе 1910 г. «Одураченный хиромант» (см.: Сат. 1910. № 17. 24 апреля. С. 6—8).

Кривые Углы

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 5. 30 января. С. 7—8.

Рассказ также вошел в сборник Аверченко «О маленьких — для больших: Рассказы о детях» (см.: Аверченко 1916б: 81—88).

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В предложении «Схватив Поползухина за рукав, он потащил его во внутренние комнаты; в столовой они наткнулись на нестарую женщину в темной кофте, с бантом на груди» в «Сат.» использован союз «причем»: «Схватив Поползухина за рукав, он потащил его во внутренние комнаты, причем в столовой они наткнулись на нестарую женщину в темной кофте с бантом на груди»; в предложении «После очистите» вместо слова «очистите» использовано слово «отчистите», в предложении «Госпожа Плантова за обедом подкладывала Поползухину лучшие куски <...>» вместо слова «подкладывала» — слово «накладывала».

Тема репетиторства была широко распространена в русской юмористике конца XIX — начала XX века. К ней обращались А.П. Чехов (см.: Репетитор // Чехов 1974—1983/2: 336—338), Н.А. Лейкин (см.: Наем репетитора // Осколки. 1901. № 44), Н.А. Тэффи (см.: Репетитор // Тэффи 1998—2005/1: 182—187) и др.

¹ *Салоп* — широкое длинное женское пальто или накидка; в нач. XX в. слово часто использовалось для обозначения любой верхней женской одежды, полностью скрывавшей фигуру.

² *Сажень* — русская мера длины, равняется 2,1336 м.

День человеческий

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 6. 6 февраля. Специальный номер «О пошлости». С. 10—11.

В журнальной публикации вместо «Семь человек окружили <...>» напечатано «Семь человек окружали <...>».

Тайна

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 5. 31 января. С. 8–9.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. «У меня, вероятно, такая душа» исправлено на «У меня, вероятно, такая душа тянуться ко всему красивому...». В вопросе «Так, сажень на 60 высоты?» предлог «на» заменен на «в», в предложении «— Вот видишь, какой ты — молодец» убрано тире, из предложения «Я бы сообщил тебе парочку-другую превосходных тайн...» убрано определение «превосходных». Вместо «Когда мы вошли в гостиную, хозяйка дома встретила нас <...>» стало: «Мы вошли в гостиную, и хозяйка дома встретила нас <...>». В предложении «Я тихонько хихикал и смущенно крутил пуговицу на жилете: || — Ах, оставьте» изменена синтаксическая конструкция. Стало: «Я тихонько хихикал, смущенно крутя пуговицу на жилете: || — Ах, оставьте». В предложении «Вася Мимозов с искаженным страхом лицом приблизился и хрипло воскликнул: || — Это не он!» в «Сат.» не было слова «страхом».

Сюжет Аверченко использовал также в своей пьесе в одном действии «Ольга Николаевна», которая была входила в репертуар Троицкого театра (см.: Аверченко 1916в: 23–34). Текст пьесы существенно отличается от рассказа. В пьесе нет фрагмента, с которого начинается рассказ («Он уверял меня ~ Спасибо»). Контрастный переход от задушевно-лирической интонации к «суровой прозе жизни», который Аверченко часто использовал в рассказах, в пьесе оказывается не нужен. Действие сразу начинается в будуаре Ольги Николаевны. Аверченко меняет и имена героев, хотя они могут корреспондироваться с именами из рассказа «Тайна» (Вася Мимозов превращается в Незабудкина). «Я» повествователя обретает не только имя, отчество и фамилию, но и характеристику в списке действующих лиц: «Виктор Михайлович Разлетаев — красивый brunet, голос громкий, манеры развязные».

Различия связаны не только с требованиями сценичности. В рассказе ситуация не проигрывается до конца, а в пьесе Аверченко коренным образом перестраивает середину, разворачивая полноценное действие, и снабжает его неожиданной развязкой, принципиально отличающейся от развязки рассказа. В «дураках», если так можно выразиться, в конечном итоге оказывается не

Мимозов-Незабудкин, а Разлетаев. Незабудкин, пережив крушение идеала, говорит:

Незабудкин

Сегодняшний вечер многое убил во мне и сделал из меня совсем другого человека. И вот этот новый другой человек говорит тебе: если всё на свете только красивый обман, фатамаргана [*sic!*], — то ты обязан (*другим тоном*) вернуть мне тридцать четыре рубля, которые я заплатил за букет. Гони монету.

Разлетаев (*стоит ошеломленный*)

Поэт... Вот тебе и поэт.

Там же: 34

Подробнее об этом см.: Николаев 2019а.

¹ *Сажень*. — См. примеч. 2 к рассказу «Кривые Углы».

² *Это маленькое и ужасное слово — никогда. Never-more*. — Отсылка к знаменитому стихотворению американского писателя Эдгара Аллана По (1809–1849) «Ворон» («The Raven»; 1845), где рефреном (одиннадцать раз) звучит слово «Nevermore».

³ *Пролетка*. — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345».

Веселый вечер

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 3. 16 января. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В журнальной публикации Гусева зовут не «Вика» — «Виктор Петрович», а «Вася» — «Василий Петрович». Также в «Сат.» в предложении «И вдруг в голове мелькнула ужасная, потрясающая мысль: || “Ее серьезно приняли за даму из общества!”» вместо «в голове» напечатано «у нее», а во фрагменте «— Ой, нет, нет, спасибо... Ради Бога, не надо, я сама... Ой, нет, нет — не надо» нет последнего предложения.

Мотив уличного знакомства с девушками (дамами) часто встречался в русской юмористике: комическая ситуация основывалась в том числе и на том, что за даму легкого поведения принимали порядочную девушку. Этот сюжетный прием использовал, к примеру, Н.А. Лейкин в рассказе «Насто-

ящая и подложная» (см.: Лейкин 1882: 231–236). Персонажи Аверченко в данном случае «разворачивают» отработанную уже в юмористических рассказах ситуацию, делая вид, что приняли проститутку за «даму из общества».

¹ ...к *Контану!* — Один из самых известных и дорогих ресторанов в Петербурге; располагался в здании гостиницы «Россия» (набережная реки Мойки, 58).

Дружба

Впервые опубликовано в изд.: Сат. 1909. № 26. 27 июня. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ1» в текст журнальной публикации были внесены пунктуационные изменения. В «Сат.» в предложениях «Пока разберут — вы скандалу не оберетесь» и «Он уцепился за Мурочкину руку, свел Мурочку вниз, одел и, показав язык какому-то господину, смотревшему, не сводя глаз, на красивую Мурочку, — сел с нею на извозчика» нет тире, а вопрос «А что?!» завершается еще и многоточием.

¹ *Сак* — здесь: широкое женское пальто.

Красивая женщина

Впервые опубликовано в изд.: Сат. 1909. № 29. 18 июля. Специальный номер «Купальный». С. 11.

Рассказ также вошел в сборник Аркадия «О маленьких — для больших: Рассказы о детях» (см.: Аверченко 1916б: 127–132). В «ОМДБ» вместо: «Гимназист, не отнимая от глаз бинокля, отрицательно замотал головой <...>» напечатано «Гимназист замотал головой <...>».

Сюжет рассказа использован в одноименной пьесе Аверченко (см.: Аверченко 1911а).

Мотив подглядывания за купающимися был одним из постоянных в юмористических рассказах на дачные темы. Схожую интерпретацию сюжета прежде дал К.С. Баранцевич в рассказе «Дачные развлечения в праздник». Герой Баранцевича, как и персонаж Аверченко, сетует на отсутствие бинокля, а затем его постигает схожее разочарование:

Дачники шли к речке, где издали виднелась группа нагих женщин; Петр Платонович всё расхваливал торсы, а Иван Семенович выражал искреннее сожаление, что не захватил с собою бинокля.

Пришли. Вместо «торсов» оказались две пожилые бабы с увядшими прелестями. Бабы подняли визг и стали кидать в дачников грязью.

Баранцевич 1902: 42–43

Аверченко разрабатывает данную тему также в рассказе «Два преступления господина Вопягина» («РЮ2»).

Приводя в рецензии рассказ «Красивая женщина» в качестве одного из примеров рассказанных Аверченко «немудреных анекдотов», Сергей Ауслендер не вкладывает в данную характеристику неодобрительного смысла (см.: Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3; см. также с. 696 наст. изд.).

¹ *Плюмажес*. — Такую же фамилию носит герой рассказа Аверченко «Случай с Симеоном Плюмажесым» (см.: Фома Опискин 1914: 169–173) и в пьесе «Трудный случай» (см.: Аверченко 1914а: 5–14).

КНИГА ВТОРАЯ ЗАЙЧИКИ НА СТЕНЕ

Сборник издан в середине октября 1910 года. Информация о том, что «вышла в свет и поступила в продажу новая книга юмористических рассказов Аркадия Аверченко “Зайчики на стене”», появилась на страницах журнала «Сатирикон» 23 октября 1910 года (см.: № 43. С. 11). Название сборника «Зайчики на стене» обозначено на обложке и отсутствует на титульном листе. На обложке книги указано: «Аверченко Аркадий. Зайчики на стене. Изд. Шиповник. СПб». В маркировке рисунка на обложке стоят подпись художника и год: «Ре-Ми 1910 г.». На рисунке изображены солнечные зайчики, хотя по поводу интерпретации художником названия Аверченко иронизировал в предисловии «От автора» к сборнику «Крути по воде»:

Нет более прямолинейных и стремительных людей, чем художники. Попробуйте поручить одному из них нарисовать, не объяснив, как следует, зайчики на стене. Будьте уверены, что он аккуратно развесит на стене, головой вниз, десяток мертвых зайцев и будет утверждать потом, что тут есть тоже аллегория.

Аверченко 1912а: 5

На титульной странице книги указано: «Аверченко Аркадий. Рассказы (юмористические). Книга вторая. Изд. Шиповник. СПб. 1910».

Тираж 3300 экз. В сборник включено 26 рассказов и предисловие. В оглавлении предисловие не указано.

Последнее из выявленных изданий – 10-е. На титульной странице указано: «Аверченко Аркадий. Рассказы (юмористические). Книга вторая. Издание десятое. Изд. Шиповник Петроград. 1916».

На обороте титула приводятся данные цензурного разрешения (Петроград. Дозволено военной цензурой 1 марта 1916 г.), а также название и адрес типографии: «Типо-лит. Акц. О-ва “Самообразование”. Петроград, Забалканский пр., 75». На задней сторонке обложки значится иная дата цензурного разрешения: «Петроград. Дозволено военной цензурой 2 марта 1916 г.». Предисловие указано в оглавлении.

¹ *Светлomu моему другу – Софье Наумовне.* – Книга посвящена Софье Наумовне Меттер, которая стала женой художника Ре-Ми (Николая Владимировича Ремизова-Васильева); подробнее о ней см.: Вульфина 2017. В июне 1917 г. Чуковский записал в дневнике:

Ре-Ми, карикатурист. <...> Возле него, как жаба, его старая жена Софья Наумовна, жившая с Аверченко и еще с кем-то, ненавидящая Ре-Ми и вышедшая за него ради денег, о чем она сама говорит. Она боится его и при нем притворяется любящей, нежной женой, но без него говорит о нем цинично и грубо, мне кажется, она может его зарезать при случае.

Чуковский 2012–2013/11: 207

При оценке достоверности характеристик Чуковского следует учитывать, что к тому времени отношения между ним и Аверченко (и рядом других сатириков) были скорее неприязненные. «Женой писателя Аверченко» Чуковский называет Софью Наумовну и в письме к И.Э. Грабарю (см.: Там же/15: 271). Впрочем, по мнению Ю. Сыгчёвой, это может быть опiskой – следствием того, что автор портрета, о котором идет речь в письме, И.Е. Репин, путал Аверченко и Ре-Ми:

В «Чукоккале» нет портрета жены писателя Аверченко, но есть написанный Репиным портрет художника Ре-Ми, Софьи Наумовны. Именно он датирован 29-ым марта 1915 года, то есть той самой датой, которая названа в письме Гра-

барю. Можно предположить, как именно произошла эта ошибка. Дело в том, что Репин, знавший и Аверченко и Ре-Ми, долгое время пугал их. Это видно по его переписке с Чуковским. В одном из писем Репин просит передать привет Ре-Ми и ставит в скобках, как если бы указывал настоящую фамилию Ре-Ми, «Аверченко». В другой раз заводит разговор о Ре-Ми, но ошибается и пишет сначала «Аверченко», потом зачеркивает, исправляет на «Ре-Ми» и помещает на полях «Я всё путаю». Очевидно, когда К.И. писал письмо Грабарю, он вспомнил об этой путанице и, как это часто бывает, когда человек пишет об одном, а вспоминает о другом, рука машинально вывела «портрет жены писателя Аверченко» вместо «портрет жены художника Ре-Ми»^{*}.

Предисловие

¹ *Когда я выпустил свою предпоследнюю книгу, кое-кто задал мне вопрос: не слишком ли много я пишу? Не много ли это — в один год три книги? —* Имеются в виду вышедшие в 1910 г. сборники Аверченко «Веселые устрицы: Юмористические рассказы», «Юмористические рассказы» и «Рассказы (юмористические)». Книга первая» (подробнее об этом см. в статье, на с. 754–758 наст. изд.).

² *Если все мои книги и выпущены в текущем году, то писались они в течение трех лет.* — В изданные в 1910 г. книги Аверченко вошли главным образом рассказы и фельетоны, написанные и опубликованные в периодических изданиях в 1908–1910 гг.

Отец

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 12. 20 марта. С. 6–8.

В 10-м издании в предложении «Как всё в отце было оригинально, так же была оригинальна и необычна его страсть — покупать редкие вещи» слово «необычна» заменено на «необычайна».

Схожий образ отца Аверченко создает в «Автобиографии» («ВУ»). Ср. также с характеристикой отца в рассказе «Одуроченный хиромант»:

— Пожалуй, это и верно, — задумчиво сказал я. — Ежели Севастополь считать в отношении Центральной Африки севером, то оно так и выйдет. Что

---

^{*} URL: <http://www.chukfamily.ru/Guestbook/otzyv.htm> (дата обращения: 18.10.2020).

же касается отца, то вы, называя его аристократом, ни капельки не польстили покойнику: он щедро раздавал всем окружающим деньги, полученные от торговли в бакалейной лавке, презирал мелочность и был, по моему, настоящим аристократом духа.

Сат. 1910. № 17. 24 апреля. С. 7;
Аверченко 1912в: 112–118

В то же время отождествлять образы отца и семьи из этого рассказа с настоящим отцом Аверченко — купцом 2-й гильдии Тимофеем Петровичем Аверченко — и настоящей семьей писателя не следует. Автор подчеркивает это, используя вымышленные имена: мать героя зовут Варя, а мать Аверченко звали Сусанна Павловна, сестры Лизы у писателя не было, два его брата — Константин и Алексей — умерли в младенчестве.

¹ *Мы брали трехлетнюю сестренку Олю...* — Одну из сестер Аверченко действительно звали Ольгой.

Городовой Сапогов

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 14. 3 апреля. Номер, озаглавленный «День рождения “Сатирикона”». С. 10–11.

Рассказ также вошел в сборник Аверченко «Избранные рассказы» (см.: Аверченко 1913б: 89–99).

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В «Сат.» в предложении «Сапогов встал <...> и с интересом потянулся к аппарату» нет слов «с интересом», в предложении «Или так, — сами по себе?» нет тире. Фраза «Мало чего ты там сделаешь, в этой комнате...» в журнальной публикации начинается со слов «Мало что». В предложении «Сапогов стоял <...> в беспорядке наваленным во всех углах» в «Сат.» вместо «наваленным» было «поваленным», в предложении «Как же это оно так случается?» вместо «случается» было «получается», в предложении «<...> как же оно так из твердого пятака может такая скусная вещь выйти?» вместо «скусная» — «вкусная», в предложении «Старик <...> медленно опустил веки» — вместо «медленно» — «медлительно». В 10-м издании «РЮ2» в предложении «На другой день Шепшелевич и Голдин со своими домочадцами — уезжали на первом отходящем из Ялты пароходе» опущено тире. В сборнике

«ИР» в конце предложения «Голову чуть-чуть набок <...> рот можно закрыть!» вместо восклицательного знака стоит точка, а вместо «Выдумают же люди» напечатано «Выдумают тоже люди».

Фамилия городского — Сапогов — связывает его с образами полицейских Свистунова, Пуговицына и Держиморды из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1835). Городовой Сапогов упоминается и в других произведениях Аверченко. См., напр., финал рассказа «На разных языках»: «Вот каким образом у житомирцев понятие о строении вселенной осталось прежнее: именно, что земля держится на трех китах — полицеймейстере Расшибалове, квартальном Держиморде и городовом Сапогове» (Фома Опискин 1914: 188). Образ городского Сапогова появляется у Аверченко в рассказе «Люди», опубликованном впервые в газете «Утро» 18 августа 1908 года (см.: № 12. С. 2), но при подготовке текста этого рассказа для сборника «ВУ» Аверченко изменяет фамилию городского на Харлампов (см. с. 546–550 наст. изд.).

В предшествующем номере «Сатирикона» была опубликована написанная на ту же тему миниатюра Аверченко «Ремесло»:

Один губернатор отдал приказ: проверить — занимается ли каждый еврей тем ремеслом, к которому он приписан.

Какой-то еврей, встретившись с этим губернатором в театре, храбро заговорил с ним на эту тему:

— Скажите, ваше превосходительство... А если кто-нибудь начнет проверять в а ш е ремесло... Усумнится — губернатор вы или нет?..

— Как ты смеешь?! — сердито вскричал губернатор. — В двадцать четыре часа!! Сейчас же из губернии вышло!! В Сибирь!

— Хорошо! — сказал еврей. — Чего вы кричите? Теперь я вижу, что вы, действительно, занимаетесь вашим ремеслом!

1910. № 13. 27 марта. С. 9.

Подписано: Волк

¹ *...занимается ли каждый еврей ремеслом... которое давало такому еврею драгоценное, хрупкое право жить среди чудесной ялтинской природы...* — В Российской империи территория, где могли постоянно жить лица иудейского вероисповедания, была ограничена чертой оседлости. За ее пределами право жительства давалось в виде исключения, в частности, некоторым ремесленникам. Крым в целом входил в черту оседлости, но Ялта и Севастополь имели особый статус.

Граф Калиостро

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8123. 23 мая (5 июня). С. 2.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации в двух местах была внесена стилистическая правка: «— Зверство и жестокость!» исправлено на «— Зверства и жестокости!»; «смотря куда-то в угол» заменено на «глядя куда-то в угол». В 10-м издании в предложении «Обыватель гордится своим фельетонистом, восхищается им...» многоточие заменено на точку.

Над громкими именами сотрудников периодических изданий в «Сатириконе» в 1910 году иронизировали в рубрике «Горошины (Мелочи журналистики)»:

А в газете «Копейка» Наполеон Бонапарт пишет. В публикациях о подписке всякий может прочесть это:

...За первое полугодие напечатаны статьи следующих авторов: Дмитрия Цензора, А.С. Грузинского, М.К. Первухина, Наполеона Бонапарта, М. Арцыбашева и т. д.

Sic transit...*

Можно вообразить, как гордится Дмитрий Цензор таким товарищем по перу и какие построчные получает в «Копейке» известный завоеватель!

№ 34. 24 августа. С. 3

Схожие характеристики провинциальных журналистов давались в 1910 году в специальном «провинциальном» номере «Сатирикона» в подписях Аверченко к серии рисунков А. Радакова под названием «Провинция. Шестая держава»:

Фельетонист

Первый газетный любовник. Пишет короткими строчками, в редакции держится независимо, презирает немного репортера и имеет среди обывателей уйму поклонников. Мечтает о Петербурге.

Пишет под такими псевдонимами: «Граф Люксембург», «Злая шпилька», «Принц Оранский», «Виконт Грегуар» или просто — «Змей Горыныч».

---

* Так проходит [слава людская] (*лат.*).

Фельетоны свои о недостаточной поливке улиц или о неустройствах в городской управе — пересыпает цитатами: «“Всякое бывало”, как говорил Бен-Акиба» и «“Жестокие, сударь, у нас нравы”, как говорил Островский».

А сам он говорит так:

— В водопроводе мы воды не имеем, а в речах гласных ее сколько угодно.

За что и имеет от обывателей титул злого остряка и смехотворника, которому опасно попасться на зуб...

№ 40. 2 окт. С. 6.

Подписано: Волк

О графе Калиостро см. также примеч. 1 к рассказу «Дурак» («РЮЗ»).

¹ *«Известно ли... кому это надлежит ведать, что ямы, выкопанные для посадки деревьев, залило водой и затянуло грязью?»* — Про подобный речевой оборот Аверченко пишет в очерке «Гололедица», опубликованном в 1910 г. в «Сатириконе»: «А те, кому это знать надлежит, и в ус себе не дуют <...> От частого повторения фраза сделалась совершенно бессмысленной, и вникнуть в нее сделалось чрезвычайно трудно» (№ 5. 30 января. С. 2–3. Подписано: Аве).

² *«...в городе Мымрах борется с городскими скотобойнями граф Калиостро, в Звенигороде бичует думские порядки суровый, непреклонный князь Серебряный, а Елабугу защищает от натиска тьмы и спячки Железная Маска, или какой-нибудь Марк Аврелий, или граф Монте-Кристо...»* — Аверченко не имеет в виду конкретных фельетонистов, хотя подобные псевдонимы действительно использовались в периодической печати, в том числе и достаточно известными писателями. Так, псевдонимом «Граф Калиостро» подписывался, в частности, Лиодор Иванович Пальмин (1841–1891), псевдонимом «Железная Маска» — Алексей Петрович Сухов (1839–1876), издавший даже под этим именем книгу «Типы темного царства. Полное собрание повестей и очерков Железной Маски» (М.: Тип. Ф.Б. Миллера и А.П. Сухова, 1872), и т. д.

³ *Глубокую истину высказал великий Островский: || «Жестокие, сударь, у нас нравы».* — Слова Кулигина из второго явления первого действия комедии А.Н. Островского «Гроза» (1859): «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие!» (Островский 1973–1980/2: 214) часто цитировались и в провинциальной, и в столичной прессе. К примеру, они повторялись в очерке Г.И. Успенского

«Канцелярщина общественных отношений в народной среде» из цикла «Без определенных занятий», опубликованном в журнале «Отечественные Записки» в 1881 г.: «— Жестокие, сударь, у нас нравы! — скажем мы словами Кулигина...» (Успенский 1941—1954/7: 220) В рассказе можно также усмотреть выпад в адрес М.О. Меньшикова, который являлся постоянным объектом насмешек Аверченко (см. примеч. 1 к рассказу «Почести» («ВУ»)). Меньшиков использовал эти строки в статье «Завоевание России» (1903): «Нет сомнения, что продолжительный мир повел бы к смягчению наших “жестоких” нравов (“Жестокие, сударь, у нас нравы!”)» (Меньшиков 1998: 60).

⁴ *Всякое бывало, как говорит Бен-Акиба.* — Речь идет об иудейском мудреце, законоучителе, авторе сборника «Мишна рабби А.» Бен-Акиба (ок. 50—135), сыгравшем важную роль в установлении канона Ветхого Завета. Его образ немецкий писатель Карл Гуцков (1811—1878) создал в пьесе «Уриель Акоста» («Uriel Acosta»; 1847), которая не раз переводилась на русский язык и постоянно шла на русской сцене (наибольшей популярностью в нач. XX в. пользовался перевод П.И. Вейнберга). Аверченко в данном случае имеет в виду именно высказывание персонажа пьесы.

Псевдонимом «Бен-Акиба» подписывал свои фельетоны, опубликованные в белградской газете «Политика» Бранислав Нушич (1864—1938). В качестве названия первого из них, опубликованного 1 декабря 1905 г., Нушич поставил ту же повторяющуюся в пьесе Гуцкова фразу иудейского мудреца: «Всё это уже было когда-то» (см.: Жуков 1989). Пьеса Гуцкова не раз вызывала отклик и в русской юмористике. Так, рассказ «Уриэль Акоста» есть у Н.А. Лейкина (см.: Лейкин 1880а: 255—259); у Саши Черного в стихотворении «Культурная работа», впервые опубликованном в газете «Эпоха» 22 сентября 1908 г., Уриэль д'Акоста называется в числе популярных тем для разговора:

Поплелся к приятелю в гости,
Говорил о холере, добре,
Гучкове, Урьеле д'Акосте —
И домой пришел на заре.

⁵ *«Выфыта заступом яма глубокая...»* — Первая строка написанного в 1860 г. стихотворения И.С. Никитина (1824—1861).

⁶ *«Холодно, холодно, холодно», — как говорили три сестры в пьесе Чехова того же названия.* — На самом деле это слова не из пьесы «Три сестры» (1900), а

из пьесы А.П. Чехова «Чайка» (1895—1896), где в первом действии Нина Заречная произносит монолог из пьесы Треплёва:

Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно.

Чехов 1974—1983/13: 13

⁷ *«Негр сделал свое дело, негр может уходить»*... — Ставшая крылатым выражением заключительная реплика «четвертого выхода» третьего действия «республиканской трагедии в пяти действиях» Фридриха Шиллера (1759—1805) «Заговор Фиеско в Генуе» («Die Verschwörung des Fiesco zu Genua»; 1783): «Der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen». В переводе Н.В. Гербея реплика звучит так: «Мавр сделал свое дело — мавр может убираться» (Шиллер 1863/2: 254); в переводе В.А. Крылова — следующим образом: «Мавр сделал свое дело, мавр может идти» (Шиллер 1901—1902/1: 304).

⁸ *«Мало слов, а горя реченька»*, — как говорил популярный певец гражданской скорби Н.А. Некрасов. — Цитируется предпоследняя строка стихотворения Н.А. Некрасова (1821—1878) «Орина, мать солдатская» (1863): «Мало слов, а горя реченька. | Горя реченька бездонная!..» (Некрасов 1981—2000/2: 164)

⁹ *«В Москву, в Москву»*, — как говорили три сестры Чехова в пьесе того же названия. — Цитируется реплика Ирины, завершающая второе действие пьесы А.П. Чехова «Три сестры» (1900): «В Москву! В Москву! В Москву!» (Чехов 1974—1983/13: 156)

¹⁰ *...пытается играть Лизу в нашушевшей в свое время пьесе драматурга Грибоедова...* — Имеется в виду роль служанки Лизаньки в пьесе А.С. Грибоедова (1875—1829) «Горе от ума» (1824).

Яд

(ИРИНА СЕРГЕЕВНА РЯЗАНЦЕВА)

Впервые опубл. в изд.: СР. 1910. № 11. Апрель. С. 3—4. В содержании книги подзаголовков не указан.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В предложении «<...> говорила тихо, дрожащим предсмертным голосом <...>» в «СР» нет слова «дрожащим», вместо «Мучай меня» в журнале напечатано «Мучь меня». Также в «СР» в предложении «<...> сподобы ласки — диковинные и на сцене мною не замеченные <...>» нет тире, отсутствует «а» в предложении «Дрянь это, а не панталоны!», а вместо «<...> вы мне ее попортили!» напечатано: «<...> вы его мне попортили!» Во фрагменте «— Ирина! — шептал я. — Настоящая Ирина» в журнале нет слов «— Настоящая Ирина».

¹ *Недавно мне случилось видеть в театре пьесу «Без просвета»...* — Пародирова театральный репертуар, Аверченко использует вымышленные имена авторов пьес, названия произведений и цитаты из них. При этом можно найти и подлинники пьесы с такими же заглавиями, поскольку писатель высмеивает банальность и стереотипность драматургии. Так, в нач. XX в. ставилась пьеса «Без просвета» Анисима Зиновьевича Сулова (наст. фамилия: Резников; 1857–1929), режиссера, драматурга, актера, антрепренера, выступавшего в 1894–1909 гг. с собственной труппой. В 1909 г. на экраны вышел фильм А.О. Дранкова «Тарас Бульба», в котором А. Сулов играл главную роль.

² *...решившей отравиться куртизанки из драмы «Лучше поздно, чем никогда»...* — Русские пословицы и поговорки во втор. пол. XIX в. часто использовались в качестве названий пьес; ср., к примеру: «Свои люди — сочтемся», «Не в свои сани не садись» и др. пьесы А.Н. Островского; «Милые бранятся — только тешатся», «Пришла беда — растворяй ворота» и др. пьесы К.А. Тарновского и проч. Подобные названия давались и переделкам иностранных пьес (ср., напр.: Тарновский 1874); «Дама с камелиями» А. Дюма шла на русской сцене под названием «Как поживешь, так и просльвешься». Этот прием использовал и Аверченко, назвав одну из своих пьес «Коготок увяз — всей птичке пропасть» (см.: Аверченко 1914а: 89–100). Название «Лучше поздно, чем никогда» также использовалось драматургами и переводчиками (см.: Розье 1846; Куманин 1882).

³ *Гранд-коклет* (от фр. grandes coquettes) — театральное амплуа: исполнительница ролей красивых, изящных светских женщин.

⁴ *Неужели ты забыла четвертый акт «Птиц небесных», 7-е явление?* — В шедшей в нач. XX в. на русской сцене пьесе польского драматурга Зигмунта Пшибыльского (С. Пржибыльского) (1856–1909) «Птицы небесные» только

три действия (см.: Пржибыльский 1906). Название «Птица небесная» дал также одному из сборников своих юмористических рассказов К.С. Баранцевич (см.: Баранцевич 1900).

Незаметный подвиг

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 22. 29 мая. С. 6–8.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В «Сат.» в предложении «Это был город Калиткин — местопребывание загадочного <...>» было напечатано отдельно «место пребывания»; предложение «Вы не поехали в Петербург!..» и слово «могло» в предложении «Ведь он говорил то, что могло бы быть...» напечатаны разрядкой; с предложения «Вы знаете, господа, что во время драки <...> влетело бы больше всех!» начинался новый абзац. В журнале в предложении «— Предположим... Но... При чем же здесь Россия? — презрительно усмехнулся Барабанов» отсутствуют слова «Предположим... Но...»; в предложении «Через полчаса <...> вкатила по ошибке несчастной тетке двойную, смертельную дозу какого-то лекарства» нет слов «по ошибке»; вместо «я приехал по делу» напечатано «я и приехал по делу».

¹ *Ему, бедняге, и в голову не приходило, что его барину, в конце концов, поставят на каждой свободной площади по памятнику.* — В связи с установкой в Москве памятника Н.В. Гоголю газета «Речь» отмечала:

Памятник Н.В. Гоголю, только что открытый в Москве, является по счету девятым. Первый памятник был открыт в 1881 г. в Нежине, работы скульптора Н. Забелло. Второй находится в С.-Петербурге, в Александровском саду и сооружен в 1896 г. Третий, выстроенный в 1902 г., находится на станции Миргород, Моск.-Киево-Воронежск. ж. д. Четвертый — в виде бюста — открыт в Тифлисе в 1903 г. Пятый — в Харькове, открыт в день юбилея, т. е. 20 марта 1909 года.

Шестой, седьмой и восьмой — представляют собой мраморные доски на тех зданиях, которые чем-нибудь связаны с памятью Н.В.: в Москве, на Никитском бульваре, в Сорочинцах и в Нежине, на здании историко-филологического института.

В «Сатириконе» был опубликован целый ряд материалов, связанных с 200-летием со дня рождения Н.В. Гоголя. В 1909 г. вышел даже «Гоголевский специальный номер» (см.: № 12. 19 марта). Объектом постоянных насмешек сатириконцев был памятник Гоголю в Москве, созданный скульптором Н.А. Андреевым и установленный в 1909 г. на Пречистенском (ныне — Гоголевском) бульваре (в 1952 г. перемещен во двор дома-музея Гоголя на Никитском бульваре) (см., напр.: *Перепёлкин В.* Гусак и лебедь. (Непроизнесенная речь Д.С. Мережковского на — хотя бы — открытии памятника Гоголю) // Сат. 1909. № 23. 6 июня. С. 5).

Установка этого памятника вызвала целую волну негативных выступлений в прессе. В газете «Речь», в частности, писали:

Новый памятник Гоголю, воздвигнутый в Москве, нашел себе достойную оценку и в заграничной печати. В одном из последних номеров женевской «La semaine littéraire» ему посвящены между прочим следующие строки:

«Бывает, что скульптор, запечатлевая на граните образ той или иной знаменитости, намеренно сглаживает наиболее резкие черты образа, диссонансирующие с жизнью и деятельностью увековечиваемого. И никто в таких случаях не упрекнет скульптора, не обвинит его в извращении истины. Но не слышно было до сих пор, чтобы где-либо, увековечивая память заслуженного лица, намеренно потешались над его природными внешними недостатками. А новый московский монумент носит все признаки глумления над тем, что было смертного в авторе “Ревизора” и “Мертвых душ”».

1909. 25 мая (7 июня). № 140 (1025). С. 5

² ...а так как в то время русским министрам иностранных дел был человек бездарный, бестактный, напыщенный и грубый, — ненавистник немцев, — то дело немедленно получило бы страшный для России оборот. — С апреля 1897 г. и до своей кончины 8 (21) июня 1900 г. министром иностранных дел России был граф Михаил Николаевич Муравьев (1845—1900), известный своими антигерманскими настроениями.

Геракл

Впервые опубли. в изд.: СР. 1910. № 25. Июль. С. 6—7. В журнале указано место написания: «Петербург».

Рассказ также вошел в сборник Аверченко «Избранные рассказы» (см.: Аверченко 1913а: 101–112).

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений. В «СР» во фрагменте «— Э... Гм... Чего он плачет?» нет «Э...», вместо слов «пренесчастного вида» во фразе «оживился худой, пренесчастного вида борец Муколяйнен» использовано определение «унылый». Характеристика «пыхтя и отдуваясь» в предложении «— Господин Заскакалов, — смущенно спросил Костя, пыхтя и отдуваясь» в «РЮ2» исправлена на «покашливая и ненатурально отдуваясь»; «вежливо» в предложении «Заскакалов вежливо улыбнулся» заменено на «снисходительно». В вопросе «<...> и весь вопрос только в том — с какою целью?» в «СР» нет слова «только». В предложении «Пей мою кровь, скорпиён проклятый!» у слова «скорпиён» в журнале обычное написание: «скорпион». В «РЮ2» «смотря» в предложении «Мы сидели и, смотря на Махаева <...>» исправлено на «глядя»; «затылке» в предложении «<...> ощущая в спине и затылке сильную боль» заменено на «левом ухе»; во фрагменте «очень скупыми сухими словами» изменен порядок слов: стало «очень сухими скупыми словами»; «двенадцатиминутной» («После двенадцатиминутной борьбы <...>») изменено на «двадцатиминутной». В «СР» в предложении «Он сидел в пивной “Медведь”, раскрасневшийся, оживленный и с худо скрытым хвастовством говорил товарищам» нет названия пивной — «Медведь» — и слова «товарищам», а вместо «поцеловал оживленного Костю» напечатано «поцеловал оживленно Костю».

В предложении «— Господи! за что?» в «СР» три буквы «с» в слове «Господи» и запятая вместо восклицательного знака: «— Госссподи, за что?»; в 1-м издании книги — ошибочно без знака препинания после слова «Госссподи»: «— Госссподи за что?» В «СР» и в 1-м издании в предложении «Потом пришли к убеждению, что у репортера есть свой человек на место Кости» использовано уменьшительное «человечек», после реплики «Будьте покойны!..» нет восклицательного знака, а вместо слова «меланхолическая» напечатано «меланхоличная». В 10-м издании текст разделен на две подглавки: там, где в наст. изд. начинается третья, стоит римская цифра II.

В сборнике «ИР» вместо «<...> и снова зашагал, пытливо смотря на небо» напечатано: «<...> и снова зашагал, пытливо смотря в небо»; в предложении «Ясно было, что грубый, наглый репортер ведет самую циничную кампанию против безобидного Кости Махаева, и весь вопрос только в том — с какою целью?» опущено слова «самую», а конец изменен на «в том — с какой это

целью?»; после реплики «Чего там!» стоит точка, а слово «шелковый» заменено на «шелковым»: «он сразу станет шелковым».

«Стрекоза», а затем «Сатириконе» регулярно обращались к теме борцовских соревнований. В конце 1907 года в издании журнала «Стрекоза» вышла серия из 10 открыток с шаржами в красках Ре-Ми «Борцы-кумиры» (Аберг, Збышко-Цыганевич, Лурих, Мурзук, Поль-Абс II, Саракики-Жиндорфу, Циклоп-Беньковский, Эскалье). В 1908 году в «Сатириконе» был опубликован цикл эпиграмм К.М. Антипова «Фарс (Чемпионат борцов)», часть которых прямо перекликается с характеристиками в рассказе Аверченко. Ср. у Антипова:

Мурзук

Я пою тебе осанну,
Сын Туниса, воин ражий,
Аполлон, принявший ванну
Из голландской сажии...

Нурла

Геркулес, но не со шкурой,
А в потрепанном трико,
Ты пошел бы далеко
Со своей мускулатурой,
Если б не были так робки,
Милый мой,
Полушария в коробке
Черепной!..

№ 11. С. 4.

Подписано: *Красный*

Аверченко и сам неоднократно писал о выступлениях борцов (см.: Театр и сад «Фарс». Борьба // Сат. 1908. № 12. 28 июня. С. 6. Подписано: *Аркадий Аве*; Лурих борется (Шарж) // Сат. 1908. № 16. 26 июля. С. 6. Подписано: *А.*; Борьба. Лебедев // Сат. 1908. № 17. 2 августа. С. 4–5. Подписано: *Аве*; Фарс. Театр «Летний фарс» // Сат. 1910. № 3. 24 июля. С. 6–7. Подписано: *Аве*; и др.). В его же очерке «Михайловский манеж. Борьба» упоминается борец Костя, «сибирский богатырь», с которым повествователь был знаком в провинции:

Полудикари, полудети — они живут такой странной, нелепой жизнью, что, при ближайшем с ними ознакомлении, только руками разводишь.

Сантиментальность идет их десятипудовым, внушительным тушам, как корове седло.

Но они все — сантиментальны.

Беззаботная, шумная и внешне красивая жизнь должна делать их веселыми и жизнерадостными.

Они унылы, печальны и часто от безысходной тоски не находят себе места.

Боятся мышей, вида крови, нервничают, как институтки, и, подвыпивши, долго и неотвязно рыдают на плече случайного знакомого, которого называют другом и «единственным человеком».

В провинции я был знаком с одним «сибирским богатырем» Костей, который по вечерам гнул разную железную дрянь, носил на своих плечах весь скудный наличный персонал цирка, занимая даже кое-кого для этой цели из публики, боролся с быком и, подбрасывая перед своей физиономией массивную гирию, подставлял под нее широкую волосатую грудь, которая гудела от удара, как пустая бочка.

А после представления приходил ко мне, садился в уголку и, склонив набок голову, жалостно и тоскливо смотрел в одну точку.

— Ты что, Костя?

— Скучно мне.

— С чего же это ты так?

— Ничто мне не мило, Аркадий. К чему это всё — эти почести и слава?!

(В тот вечер почитатели поднесли ему какой-то вышитый пояс и жиденько аплодировали.)

Вздыхая, он вставал, подходил к письменному столу и, трогая медвежьей лапой ажурный нож для разрезания книг, заявлял:

— Дал бы ты мне почитать в (так! — *Д.Н.*) книжку...

— Зачем тебе? Какую книжку?

— Ну, вот ту желтую. что ли. Тоска у меня какая-то, а чего — неизвестно.

Помру я, брат, скоро... Не жилец я!

За ужином, после водки, он плакал на моей груди и вспоминал молодость.

— Ты бы влюбился, Костя.

— Не могу. С тех пор, как невеста в Варшаве померла, я свято храню это чувство!

— А отчего же она умерла??

— От телефона.

— Заразилась?

Опечаленный, он долго смотрел в темное окно.

— Нет. Я как-то прихожу к ней и слышу, что она по телефону назначает свидание другому. Я оторвал телефон от стены и ударил ее по голове. Она и скончалась. В тюрьме скверно, брат, упражняться нельзя. Два года сидел, а потом сразу в чемпионат пригласили. Боролся.

А однажды он рассказал мне ровным, неторопливым голосом, как в каком-то приволжском городке один захудалый борец не лег под другого, как было условлено, а сам положил его. Товарищи на другой день пригласили захудалого борца кататься в лодке и, выехав на средину Волги, утопили его.

Сат. 1909. № 5. 31 января. С. 6. Подписано: *Аве*

Сравнения борцов с античными богами и героями, римскими гладиаторами и т. п. часто встречались в журналистике и литературе начала XX века Н.Н. Брешко-Брешковский выпустил книги «В мире атлетов» (см.: Брешко-Брешковский 1908; Брешко-Брешковский 1909a) и «Гладиаторы: Роман из жизни борцов-атлетов» (см.: Брешко-Брешковский 1909b). Пьеса Н.Н. Брешко-Брешковского и Р. Лободы «Гладиаторы: Сцены из жизни борцов-атлетов, в 7 картинах» была поставлена в 1909 году в Екатерининском театре. Аверченко писал об этой постановке в «Сатириконе» в рубрике «Театр» (см.: № 48. 28 ноября. С. 6. Подписано: *Аве*). В январе 1910 года в Петербурге шла новая пьеса Н.Н. Брешко-Брешковского и М.А. Смирнова «Гладиаторы наших дней».

В 1909 году внимание к закулисной стороне соревнований по борьбе привлек разгоревшийся в Москве скандал. В московской газете «Руль» была опубликована «разоблачительная» заметка «За кулисами борьбы», написанная со слов «обиженного» борца И. Шемякина:

Москва увлекается борьбой. Одновременно в трех местах устраиваются борьбы. Публика с упоением следит за ловкими «bras armés» Ван-Рилли, рукоплещет железному Мурзуку, восторгается непобедимыми масками.

В своем преклонении перед красотой и мощью человеческого тела она и не подозревает, что индивидуальные качества борцов играют крайне незначительную роль в общем итоге разыгрывающегося на ее глазах состязания.

Она далека от мысли, что все роли и победы уже давно заранее распределены ловкими руководителями.

Руль. 1909. №179. 29 июня. С. 3. Подписано: *Я.Э.*

Тема была продолжена в следующем номере «Руля», где были опубликованы «Вызов на борьбу» борца Вольдемара Фридриховича Балгала и очерк «За кулисами борьбы», подписанный псевдонимом «Свой», в котором, в частности, говорилось и о постоянно проводимых в прессе аналогиях с временами античности:

В Зоологическом саду — борьба.

В «Ренессансе» тоже борьба.

Открывается чемпионат борьбы в «Олимпии» и в «Аквариуме».

Везде слышатся громкие фразы о высоком значении спорта, о культе тела, о Греции и гладиаторах.

№ 180. 6 июля. С. 3

Такие очерки о борьбе публиковались и на страницах газеты «Руль»:

Звучит его знаменитое «parade alles», звучат звуки у всех навязшего в зубах марша, и на арене появляются они — герои дня, гладиаторы XX века, morituri* современного Рима. <...> В Риме он был бы трибуном, во Франции — Маратом, и у нас он устраивает «всемирный чемпионат».

Як. Львов. Московский фельетон. На борьбе // Руль. 1909. № 199. 9 ноября. С. 3

Непосредственным источником пародирования явились, вероятно, написанные в данной стилистике репортажи о соревнованиях борцов, которые публиковались в 1910 году в газете «Биржевые Ведомости» в рубрике «Спорт» и были подписаны псевдонимом «Гржимба» (это имя Аверченко использовал в своем рассказе «Одинокий Гржимба» («РЮ2»)): «По обыкновению подбадривая себя криками, маньчжурский зверь Муханура победил Кажатца» (На борьбе в «Фарсе» // 24 мая (6 июня). Веч. вып. № 11729. С. 6); «“Чухонский бог”, герой гладиаторских романов, легендарный чемпион — Лурих со своими недостатками и достоинствами едва ли не главный виновник интереса к борьбе, разросшегося в последние годы в столь широкие размеры» (На борьбе в «Фарсе» // 28 мая (10 июня). Веч. вып. № 11735. С. 6); ср. также:

---

* идущие на смерть (лат.).

С торжественностью в осанке и лице проходит победоносный Лурих в параде... картинно и грациозно!..

Скромно и приземисто выступают рядом с самоуверенным Лурихом его «товарищи-противники...»

Вчерашней очередной жертвой этой блестящей примадонны чемпионата был корректный Джиованни.

Изгибаясь, кокетничая и манерничая, то с обезьяньими увертками, то пластическими балетными движениями, Лурих ошеломляет неуклюжего рядом с ними противника фейерверком эффектных приемов, завлекает его в свои усовершенствованные «французские силки» и не дает бедному Джиованни ни отдыху, ни сроку.

Наконец, он ослепляет, обмахивая, точно веером, лицо Джиованни танцующими в воздухе руками и, перебросив через себя, решительно прижимает Джиованни к земле. Неожиданный прием публики покрывает восторженными аплодисментами.

На эту победу Луриху понадобилось 13 м. 55 с.

В борьбе Аннибал — Иогансон, спокойной и умеренной, одерживает верх над противником холодный африканец. <...>

Розентольд кладет бородатого Эмиля — этого «честного труженика» чемпионата, с благородным, добрым лицом и нежными глазами.

Но кто же все-таки явится серьезным опасным противником Луриху среди этой серой плеяды борцов?..

Кто этот... Герострат...

На борьбе в «Фарсе» // 29 мая (11 июня). Веч. вып. № 11737. С. 6

¹ ...летнего сада «Тиволи»... — Аверченко имеет в виду общественный сад «Тиволи» в Харькове, открытый для публики в 1881 г. и названный (по аналогии со знаменитым парком Тиволи в Копенгагене) в честь построенной в Италии в XIV в. виллы. В саду располагался летний двухъярусный крытый театр, предназначенный для цирковых представлений. Аверченко неоднократно посещал выступления борцов в этом театре, когда жил в Харькове. На то, что действие рассказа происходит в Харькове, косвенно указывает и образ борца Кости (см. об этом выше, в преамбуле к примечаниям).

² *Партнерные акробаты*. — То есть артисты, выступающие непосредственно на цирковом «ковре» без применения дополнительного реквизита. Одним из

основных элементов партерной акробатики являются силовые трюки, часто выполняющиеся парой — верхним и нижним.

³ *...борьба этого древнегреческого Антиноя — Махаева...* — Корреспондент сравнивает борца с прекрасным юношей Антиномом (ок. 111—130), которого приблизил к себе император Адриан. После гибели юноши Адриан провозгласил его богом и создал культ Антиноя (его именем назвали созвездие, возвели город Антинополь, создали множество скульптурных изображений), с которым позже боролась христианская Церковь. Связь Адриана и Антиноя многие считали предосудительной, поэтому сравнение с Антиномом могло быть воспринято неоднозначно и в том случае, если бы персонаж рассказа знал, кто это такой.

⁴ *Пракситель* — древнегреческий скульптор IV в. до н. э.

⁵ *Вчера негра назвал эбеновым деревом...* — Эбеновым деревом называют древесину черного цвета.

⁶ *...на прошлой неделе про него же написал: сын Тимбукту...* — Тимбукту — город в Африке, куда долгое время был закрыт доступ европейцам. В читательском сознании образ Тимбукту укоренился, в частности, потому, что он упоминается в произведениях Ж. Верна. Через него проходит, к примеру, маршрут путешествия в романе «Le tour du monde en quatre-vingts jours» (1872), который назывался в русском переводе в издании А.С. Суворина «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней» («Вокруг света в восемьдесят дней» — в издании И.Д. Сытина, «80 дней вокруг света» — в издании П.П. Сойкина или «Вокруг света за восемьдесят дней» — в издании М.О. Вольфа). В романе «Воздушный корабль» (так — в пер. Е. Киселева; *фр.* «Robur-le-Conquérant») Верн пишет:

Около двух часов пополудни показался город, расположенный на излучине большой реки. Река была Нигер, а город — Тимбукту.

Теперь наши американцы по возвращении домой имели полное право похвастаться, что видели город, привлекающий столько знаменитых путешественников.

Инженер не упустил случая отметить факт, что его гости любовались царицею Судана:

— Тимбукту, господи!

⁷ *Фидий* (ок. 490 — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий скульптор, создатель статуи Зевса в Олимпии (одного из Семи чудес света), а также — предположительно — нескольких изображений бога красоты Аполлона.

⁸ *Обратный пояс* — прием, при котором борец захватывает туловище соперника и переворачивает его через себя.

Сухая Масленица

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 9. 27 февраля. С. 6—8.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» во фразе «<...> изо всех сил стараясь взять тон залихватского ловеласа <...>» был иной порядок слов: «стараясь изо всех сил взять тон»; в предложении «Я прекрасно изучила на вечерах, где вы выступали на эстраде <...>» вместо слова «выступали» использовано слово «читали». Во фрагменте «Дербалызнем там. Эх, вы!!» в журнале нет «Эх, вы!!»; в предложении «<...> усадила бы в покойное кресло и спросила <...>» вместо «и» стоит запятая; в восклицании «Одын ужин — и ныкаких Перезвонов!» нет тире. В предложении «Не нужно забывать, что нынче Масленица и многое дозволено» в 10-м издании вместо «и» стоит тире.

¹ *...нынче Масленица и многое дозволено*. — Русская масленичная неделя являлась аналогом карнавалов в Западной Европе. До революции традиционное празднование Масленицы предполагало не только поедание блинов и сжигание чучел Масленицы, но и устройство балов-маскарадов, карнавалов и т. п. См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «Широкая Масленица» («РЮ1»).

² *...милий Иван Алексеевич...* — Имя и отчество Перезвонова напоминали читателям об Иване Алексеевиче Бунине (1870—1953), который незадолго до публикации рассказа, в ноябре 1909 г., был избран почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности.

³ — *Ой, не плачь, Маруся — ты будешь моя! | Кончу мореходку, женюсь я на тебя...* — Эту песню Аверченко цитирует и в рассказе «Кулич», вошедшем в сборник «Дети»:

Рубль казался богатством, и я, переходя Большую Морскую, с некоторым даже презрением оглядел двух матросов: шли они, пошатываясь, и во всё горло распевали популярный в севастопольских морских сферах романс:

Ой, не плачь, Маруся,
Ты будешь моя,
Кончу мореходку —
Женюсь на тебе.

И кончали меланхолично:

Как тебе не стыдно, как тебе не жаль,
Что мне сменила на такую дрянь!

Аверченко 1922: 67–68;
Аверченко 1999/1: 193–198

По ту сторону...

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1909. № 44. 31 октября. С. 6. Подписано: *Медуза-Горгона*. В оглавлении сборника многоточие опущено.

При подготовке книги «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» вместо «пытливо взглянув в лицо» было «пытливо взглянув мне в лицо»; в предложении «<...> на меня смотрело бородатое, старообразное лицо с длинными усами и морщинами на щеках» нет разрядки. Из предложения «На все вопросы у меня только и хватило силы пролепетать <...>» в книге убрано слово «силы». Исправления в предложении «Новолуния не было, привидение действительно не появилось» изменили его смысл. В журнале было: «Но в новолуние привидение действительно не появилось».

По схожей схеме построен написанный в 1886 году рассказ А.П. Чехова «Страхи» (см.: Чехов 1974–1983/5: 186–191). Но у Чехова неочевидные причины странных происшествий раскрываются, а у Аверченко, напротив, очевидное для читателя остается примером действия потусторонних сил для героя.

Поводом к написанию рассказа Аверченко могли послужить газетные публикации 1909 года, в которых известные спириты делились своим личным опытом общения с потусторонним миром. Примером таких публикаций явля-

ются переведенные на русский язык статьи английского спирита Вильяма (Уильяма) Стэда (1849–1912). 8 июня 1909 года в московской газете «Руль» была напечатана статья В. Стэда «Как я убедился в существовании жизни за гробом». Публикация предварялась редакционной заметкой «Зачем приезжал Вильям Стэд?», в которой, в частности, говорилось: «В иностранной печати на днях появилась помещенная нами ниже сенсационная статья Вильяма Стэда, озаглавленная “Как я убедился в существовании загробной жизни?”» (№ 176. С. 2–3). 29 июня 1909 года «Руль» поместил еще один текст В. Стэда, заголовок которого напоминал название юмористического рассказа — «Бюро для сношений с загробным миром» (см.: № 179. С. 2–3).

См. также преамбулы к примечаниям к рассказам «Загадка природы» («РЮ1») и «Первый дебют» («РЮ3»).

¹ *Пролетка*. — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

Магнит

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 2. 9 января. С. 10–11.

При подготовке книги «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в предложении «Если это была чья-либо шутка, то такие шутки обыкновенно не доставляли мне радости, покоя и скромного веселья» иной порядок слов: «не доставляли мне веселья, покоя и скромной радости»; в предложении «Я поднял бумажку, внимательно прочитал ее и подошел к телефону» вместо слова «прочитал» использовано слово «перечел».

С начала 1880-х годов, когда в России заработали первые телефонные станции, обзаведение домашним телефоном регулярно использовалось в юмористике как источник комических ситуаций. На эту тему написаны, в частности, рассказы А.П. Чехова «У телефона» (см.: Чехов 1974–1983/4: 312–314), Н.А. Лейкина «Телефон поставлен» (см.: Лейкин 1903: 321–337), сцена Гулливера (К.А. Михайлова) «Телефон. (Водевиль из действительной жизни)» (см.: Будильник. 1901. № 17).

В рассказе И.И. Мясницкого «Завели!» жена купца Тетерькина пытается поговорить по только установленному телефонному аппарату:

— Что? — чуть не кричала сама. — Вы мужа моего не знаете? Ну, уж это вы, мадам, врете и даже жестоко ошибаетесь... да!.. Он вас знает, а вы его нет!.. Какая глупая с вашей стороны увертка... Что? Я вас за кого принимаю? Да вы кто такая? А? Телефонистка? Отец, ты когда же это с телефонистками сплюхаться успел? Ящик только повесили, а ты уж на телефоне свой человек... Хвачу я вот этой подлой трубкой тебя по проплешине... <...> Ну, всё равно, мне соединение нужно... с Аграфеной Семеновной меня соедините... А? Номер? Какой номер? С чего вы это взяли, что Аграфена Семеновна в номерах живет? В номерах сейчас живут которые особы путаные, а Аграфена Семеновна дама семейная и в своем доме спокон веку...

— Она про номер телефона тебя спрашивает. Скажи, что у нас списка абонентов еще нет... по фамилии пусть найдет...

Мясницкий 1900а: 22–24

Сам Тетерькин также не может дозвониться, всё время попадая не туда: «Тетерькин звонил, кричал, ругался, а из телефона поминутно выскакивали то товарная станция, то какая-то аптека, то пивоваренный завод» (Там же: 29).

В рассказе Аверченко источником конфликта становится более сложная ситуация: герою, у которого устанавливают телефон, передают номер, прежде закрепленный за другим абонентом.

¹ *Клеманс сказала, что она франкая кошка.* — Француженка Клеманс появляется в 1910 г. на страницах «Сатирикона» также в подписи к рис. А. Яковлева:

ВОПРЕКИ ПОСЛОВИЦЕ

— Говорят, что твой муж строит француженке Клеманс куры... даже разоряется из-за нее??

— Да!.. Это именно такие куры, которые клюют деньги!

№ 14. 3 апреля. С. 6

Также француженка Клеманс как дама полусвета упоминается в рассказе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Депеша», впервые опубликованном в газете «Приднепровский край» 21 февраля и 3 марта 1899 г. (№ 407 и 416) и вошедшем в его цикл «Сибирские рассказы»:

Благодаря болтливости кучеров, швейцаров и разных служащих Иван Андреич отлично знал все шашни молодого барина и смотрел на многое сквозь пальцы. Например, немка Берта еще ничего, можно терпеть. Француженка Клеманс — ну, эта похуже. Эту рубашками да кофточками не утетишь, а больше по ювелирной части. А хуже всех англичанка Свен — та прямо потребовала дачу в Павловске, полный выезд и прочую сервировку, какая полагается на ихнем гусарском положении. Тоже, хоть и девицы, а своя служба, в этом роде...

Сочетание «француженка Клеманс» приобрело характер нарицательного благодаря широкой известности скандального гражданского брака знаменитого московского купца Козьмы Терентьевича Солдатенкова (1818—1901) и француженки Клеманс Карловны Дюпюи (1822—1908), родителей популярнейшего юмориста И.И. Мясницкого (подробнее о нем см. в статье, на с. 735—736 наст. изд.).

Ихневмоны

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 11. 13 марта. С. 10—11.

В текст журнальной публикации при подготовке сборника «РЮ2» были внесены изменения. В «Сат.» билетный контролер говорит не «Да», а «Та», не «— Уходите? Погуляли бы еще. Эх, господин!», а «— Уходите? Погуляли бы еще. Ах, господин!». В конце фрагмента «Картина это? Картина?!» отсутствует восклицательный знак; в восклицании «— А не всё ли равно!» вместо «ли» стоит «то»; в предложении «<...> в ней есть одно высокое качество — перечислено несколько имен» нет слова «высокое». В предложении «Молодой господин вздохнул, молча общипывая хризантему на своей узкой провалившейся груди...» в журнале было: «Молодой господин, молча, общипывал хризантему на своей узкой провалившейся груди...»

Аверченко и «Сатирикон» не раз обращались к теме современного искусства, откликаясь на выставки новейших художественных объединений. Так, в 1908 году в журнале «Стрекоза» была опубликована карикатура Ре-Ми «Выставка нового общества художников и детская выставка»: автор «перемешал» на журнальной полосе «детские» рисунки и «копии» рисунков современных художников — Б.М. Кустодиева, К.Ф. Богаевского, А.А. Экстер и др. Подпись гласила: «Имена наших читателей, отдававших, которые из помещенных

здесь картин висят на выставке нового об-ва художников или на детской выставке будут помещены в следующем номере» (№ 8. С. 4).

В 1909 году в «Сатириконе» был напечатан фельетон Аверченко «Выставки. Союз русских художников»:

— Смотрите, — сказал я. — Вот Переплётчиков. От богатых родственников он получил в наследство залежи лиловой краски. Поэтому все его картины лиловые. Будем ждать, пока не перемрут у Переплётчикова родственники других цветов, дабы он мог поразнообразить лиловую краску.

— Вы не с той стороны подходите к картине, — наставительно заметил мне художник.

Я постарался подойти к другой картине «с той стороны» и заметил:

— Ага! Здесь есть и прикладные искусства...

— Какие?

— Разрисованные подносы.

— Ваша радость беспочвенна. Это — картины Судейкина!

Я покачал головой.

— Не за это ли Дегаев и ухлопал его?

Как раз в это время мы стояли перед странной штукой Локкенберга «Ли-хач». Я тайком решил поддельваться под технические выражения моих спутников и стал прислушиваться.

— Станный тон, не правда ли?

Я щегольнул слышанным мною ранее выражением:

— Очень вкусное пятно! Колорит лепится.

— Молчали бы вы лучше.

Я посмотрел в кулак.

— В таком случае это очень безвкусное пятно... Лиловая ерунда! Искалеченная лошадь! Искалеченный художник!!

...Кажется, что я нащупал подходящий профессиональный тон. Выбравив, как следует, Локкенберга, я обрушился на безобидного Сапунова. <...>

Около серовских портретов я попробовал опять щегольнуть «вкусным пятном» и «рискованной гаммой синего и красного». «Вкусное пятно» провалилось, а «рискованная гамма» имела некоторый успех.

Я ободрился и решил про себя, выбрав свободное время, засесть за писание истории искусств.

На закуску мы смотрели Чурляниса.

Дуговой фонарь написан с большим вкусом («Рех»). Попросят публику не смешивать эту фирму с электрич. фирмой «Лух»). И задача мореплавания

разрешена блестяще: корабли у Чурляниса под водой, на воде и над водой. Мильй Чурлянис! Я долго искал его на выставке, желая пожать честную руку, состряпавшую эти арткили.

№ 11. 15 марта. С. 5.
Подписано: *Аве*

См. также рассказ «История одной картины. Из выставочных встреч» («РЮЗ») и преамбулу к примечаниям к нему. О названии «Ихневмоны» см. примеч. 5 к рассказу «Ниночка» («РЮ1»).

¹ — *Сегодня открывается выставка картин нео-новаторов, под маркой «Ихневмон».* — В марте 1910 г. в Петербурге открылись две выставки художников, которые можно отнести к «нео-новаторам». Это выставка «Союза молодежи» с участием Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова, В.Д. и Д.Д. Бурлюков, Д.И. Митрохина, И.И. Машкова, А.А. Экстер, К.С. Петров-Водкина, и «Треугольник» — выставка последователей Н.И. Кульбина, членов группы «Венок», с участием Д.Д. Бурлюка, Н.И. Кульбина, Н.Н. Евреинова, А.А. Экстер, Е.Г. Гуро, М.В. Матюшина. В последней с рисунками-автографами принимали участие С.М. Городецкий, регулярно печатавшийся в «Сатириконе», и В.В. Каменский, бывший одно время соседом Аверченко по квартире. Также в марте в Пассаже на Невском открылась выставка «Товарищества художников».

² *Колыбянский.* — Фамилия пародирует настоящую фамилию русского поэта-символиста Эллиса (Льва Львовича Кобылинского; 1879—1947). См. о нем также примеч. 1 к рассказу «Крайние течения» («ВУ»).

³ *Гоген Поль* (1848—1903) — французский художник-постимпрессионист.

⁴ *Зулоага* (Сулоага) Игнасио (1870—1945) — баскский художник.

⁵ *Манэ* (Мане) Эдуард (1832—1883) — французский художник, один из родоначальников импрессионизма.

⁶ *...он уже пугает возможностью возрождения культа Биллитис...* — Гречанка Бил(л)итис, близкая Сафо — мистификация французского писателя Пьера Луиса (наст. фамилия: Луи; 1870—1925), выпустившего в 1894 г. книгу «Песни Билитис» («Les Chansons de Bilitis»), якобы перевод с древнегреческого эротических стихотворений в прозе. Русский перевод Ал. Кондратьева был издан Товариществом Р. Голике и А. Вильборг в Петербурге в 1907 г. В 1911 г. «Товарищество М.О. Вольфа» в Петербурге выпустило второе издание «Песен Билитис».

⁷ «Выставка Ихневмон» ~ шепчущего ей свою напевную, одному ему известную, прозрачную, без намеков, сказку. — Одним из объектов пародии Аверченко стал, вероятно, опубликованный 28 февраля (13 марта) 1909 г. в газете «Речь» отчет М. Симоновича о выставке «Нового общества художников», в котором, помимо прочего, отмечалось:

Богаевский — не мистик, не «визионер». То мгновенное, до боли яркое обнажение каких-то мистических сущностей, что так убедительно подчас в безумных творениях Врубеля, в уродливых подчас созиданиях Кузнецова, никогда не нарушит спокойной гармонии этих безукоризненно изящных, безукоризненно красивых вещей. Потому и не волнует он, что лишь конструирует, что нужно прозреть, потому что в нем лишь рационально творимая легенда, рациональные построения на тему «вечность». Совсем иначе подходит к вещам Кончаловский, как-то вплотную, не рассуждая, не анализируя, беря их лишь на определенные красочные моменты при том беспощадном освещении, где нет места ни тонким нюансам, ни легким теням. С какой-то наивной непосредственностью дикаря располагает он друг после (так! — Д.Н.) друга элементарные и яркие тона, не сочетая, не комбинируя. В его этюдах совершенно нет гармонии, не скажешь — красивы ли они, но как-то веришь в его яркость. Это еще сырой материал, несомненно — остов будущего здания, и трудно предугадать, каким оно будет в законченном виде.

Зато несомненно завершение в «Портрете» Кржижановского. Из того жесткого аккорда, глубокого, черного, темно-желтого, ярко-красного, который невольно приковывал внимание к его портретам на прошлогодней выставке, он извлек более мягкое сочетание, отбросив фанфарный красный тон — *и т. д.*

№ 57. С. 3

В рассказе также пародируется стилистика некоторых «Художественных писем» Александра Бенуа — они печатались в газете «Речь» в качестве постоянной рубрики. К примеру, в очерке о выставке «Венок» Бенуа пишет:

Старший из братьев Бурлюк рядом с Лентуловым кажется чересчур методичным, но сколько зато в нем пытливого всматривания. Картины его имеют в себе что-то тяжелое, известковое. Но они полны большого чувства природы и своеобразно передают грандиозное уныние степного простора.

1909. 22 марта (4 апреля). № 79. С. 3

Жена

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 18. 1 мая. С. 6–8.

В 10-м издании в предложении «Я получил от одного из своих друзей подарок ко дню рождения: бриллиантовую булавку — для галстука» опущено тире.

В 1908 году в «Сатириконе» был опубликован без подписи диалог на схожую тему под названием «Как понять»:

Муж

Я сейчас, дорогая моя, застраховал себя на случай смерти в твою пользу!

Жена

О! За это я готова немедленно задушить тебя в своих объятиях.

№ 31. 8 ноября. С. 14

¹ — Почему здесь инициалы «Б. Я.», когда мои инициалы — «А. А.»? — Аверченко использует в рассказе собственные инициалы, хотя он не был женат, а в опубликованном в журнале «Сатирикон» номером ранее рассказе «Одураченный хиромант» обыгрывался тот факт, что повествователь, который также мог отождествляться с Аверченко, холост.

² Монблан — гора в Западных Альпах, на границе Франции и Италии; считается высшей точкой Европы (4810 м).

Альбом

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8174. 26 июля (7 августа). С. 3.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» фрагмент в скобках «(дело было в ноябре)» выделен в отдельное предложение в скобках; в предложении «Он судорожно вцепился в альбом <...>» не было слова «судорожно»; во фрагменте «Кто?.. Тетя?» после «Кто» стоит только вопросительный знак; в предложении «<...> я обнаружил на полке у одного торговца разной рухлядью <...>» иной порядок слов: «<...> я обнаружил у одного торговца разной рухлядью на полке <...>». В предложении «Эта вещь могла занять моих гостей часа на два, что давало мне возможность свободно вздохнуть, и я поэтому радовался, как ребенок» в сборнике

«РЮ2» добавлено отсутствовавшее в «ОН» пояснение «что давало мне возможность свободно вздохнуть». В предложении «Гости пожимали плечами, а некоторые (самые нахальные) осмелились даже хихикать» в «ОН» вместо фрагмента в скобках использовано слово «наглецы».

Рассказ Аверченко с небольшими переделками был без ведома автора перепечатан в московском журнале «Кривое Зеркало» за подписью «Гамма». По этому поводу Аверченко писал в «Сатириконе» в постоянной рубрике «Волчьи ягоды. (Мелочи журналистики)»:

КРАЖА АЛЬБОМА

У скромно проживающего в Петербурге Арк. Аверченко совершено похищение его «Альбома», напечатанного в «Одесск. новостях» и вошедшего потом в книгу «Зайчики на стене».

Обстоятельства дела заключаются в следующем: в журнале «Кривое зеркало», издающемся в Москве, напечатан рассказ под заглавием «Фамильная Гордость» за подписью «Гамма».

Этот рассказ не должен быть фамильной гордостью упомянутого Гаммы, потому что он утащен почти целиком у Аверченко.

Здоровье пострадавшего плохо, т. к. в украденном рассказе он наткнулся на такую фразу:

— Как-то, бродя по Сухаревке, Филареткину попался под руку кожаный альбом.

Как мог кожаный альбом бродить по Сухаревке? Неужели альбомы обладают способностью передвижения? Куда он брел? Зачем??

Эти тяжелые вопросы вконец расстроили слабое здоровье добродушного писателя.

Нельзя так.

1910. № 44. 30 октября. С. 3

¹ Мнение, что альбом фотографических карточек — семейная реликвия, сокровище воспоминаний и дружбы, — совершенно ошибочно. Альбомы выдуманы для удобства хозяев дама. — Альбом с photographиями изображается как средство занять гостей и в других произведениях Аверченко (см. рассказ «Зверинец» («ВУ»)) и его предшественников, напр., в рассказах Н.А. Лейкина: «Собралось общество, козыряют, винтят, сплетничают, но больше скучают. Пересмотрены все иллюстрированные журналы, раскритикованы все фотографические

карточки в альбомах, выложенных для развлечения гостей на столе в гостиной» (В пользу голодающих // Лейкин 1882: 160); «Девичам и трем юнцам из хозяйских племянников еще скучнее. Ими пересмотрены в десятый раз все альбомы с фотографическими карточками родственников и знакомых, раскритикованы их позы, перелистаны иллюстрированные журналы» (На святках // Лейкин 1901: 81).

² *Ревель* — официальное название города Таллина до 1919 г.

³ — *Вот что здесь написано: «Пелагея Косых, по прозвищу Татарка. Родилась в 1880 году. В 1898 году за воровство присуждена к месяцу тюрьмы. В 1899 году занялась хипесничеством. Рост средний, глаза синие, за правым ухом — родинка».* — Правоохранительными органами создавались специальные альбомы с фотографиями и описаниями особых примет преступников, которые использовались для опознания.

Два преступления господина Вопягина

Впервые опубликовано в изд.: Сат. 1910. № 27. 3 июля. Специальный номер «Купальный». С. 11. Подписано: *Медуза-Горгона*.

В 10-м издании из предложения «— 17 июня я вышел из дому с ружьем рано утром и, бесплодно проштатавшись так до самого обеда, вышел к реке» было убрано слово «так», а из предложения «Вы перейдете мост <...>, а на берегу высокие, очень удобные кусты...» — слово «очень».

Мотив подглядывания Аверченко использует и в других произведениях (см., напр., рассказ «Красивая женщина» («РЮ1») и преамбулу к примечаниям к нему).

Шутка

Впервые опубликовано в изд.: ОН. 1910. № 8071. 21 марта (3 апреля). С. 3.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены два изменения: в характеристике «бессмысленно удивилась госпожа Нестеренкова» слово «удивилась» заменено на «прищурилась», а в предложении «Старуха села ~ что ей нужно...» «смотря ему в лицо» исправлено на «глядя ему в лицо».

«Диктовка» письма домой неграмотной прислугой, приехавшей в город из деревни, — одна из распространенных тем в русской юмористике конца XIX — начала XX века. Например, в рассказе И.И. Мясницкого «Письмо» лавочник пишет любовное письмо по просьбе горничной (см.: Мясницкий 1903а: 253—265), а в рассказе К.С. Баранцевича «Господин Петров» изображается «деспотизм» тех, кто диктует письма:

Гораздо больше возни г. Петрову с письмами в деревню. Каждый из клиентов чувствует себя в этом деле настолько самостоятельным, что дерзает не только указывать г. Петрову, что именно нужно писать, но еще по несколько раз заставляет его перечитывать написанное, вставлять пропущенное, словом, ведет себя вполне деспотически.

— Ну, дяде Митрию поклон написал? — говорит ломовой извозчик, с ног до головы покрытый мукою, которую он только что отвез по назначению. — Ладно! Таперя пиши тетке Лукерье, двоюродному братцу Сосипатру, двоюродной сестрице Алене Тимофеевне, а что насчет овса, то отпиши что таперя, мол, не при деньгах, в Вознесенье вышлю беспременно! Потом отпиши, что ежели избу хотят, то чтобы дешево не продавали, потому покупателей...

— Постой! — сердито отмахивается г. Петров. — Ты говоришь, а я пишу, — кому легче? Чего гонишь? Нужно по порядку!

— Ну, ладно, по порядку! — соглашается клиент. — Поклоны написал?

— Написал! Теперь про овес...

— Ну, напиши еще деверю, Гурию Ивановичу. Не следовало бы ему, хромому черту, ну да уж пиши! Заодно писать-то! Да еще жене, Аграфене Петровне, отпиши, что который у нее холст припасен, так чтобы...

И т. д., и всё в этом роде. Мука с этими письмами, тем не менее, писание их более чем что-либо иное делает г. Петрова популярным человеком в околотке.

Баранцевич 1902: 103–104

¹ — *Я не пью водки с красной головкой. В ней сивуха. || — Можно с белой головкой...* — Водка в бутылках с белой сургучной пробкой была выше качеством и стоила дороже, чем водка в бутылках, запечатанных сургучом красного цвета.

² *Фиксатуар* — восковая помада в палочках для фиксации волос.

В зеленой комнате
(Послеобеденные разговоры)

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 10. 6 марта. С. 7–9.

Исчадие города

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 8. 20 февраля. С. 7–8.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в конце предложения «Не буду же я ревновать тебя к Ликишиной» стоит не точка, а многоточие; вместо «Сейчас же стало ясно, что вопрос <...> неуместен» напечатано «Сейчас же показалось, что вопрос <...> неуместен»; в репликах «Конец! — по своей привычке охнул Сверкалов. — Гибель!» и «Теперь — конец!.. Гибель!» нет слова «Гибель!»; в предложении «Конец! — заскрежетал зубами Сверкалов» вместо «заскрежетал зубами» использовано слово «подумал»; в реплике «Не думайте!.. Не ду-у-у...» нет слов «Не ду-у-у...»

Анекдоты
из жизни великих людей

Впервые (без посвящения памяти Марка Твена) опубл. в изд.: ОН. 1910. № 8098. 24 апреля (7 мая). С. 3.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены изменения: «<...> не припомню ли я?» исправлено на «<...> не помню ли я?»; вместо реплики «— Ну?» поставлен двойной вопрос «— Ну? Ну-ну?»; реплика «— Да это и есть анекдот» расширена: «— Тут же. Это и есть анекдот». В предложении «<...> еле удерживаясь от смеха, заявил другой знакомый <...>» «удерживаясь от смеха» заменено на «сдерживая улыбку». «Я застенчиво молчал» изменено на «Я скромно молчал»; «даже мертвых заставит расхохотаться» — на «даже мертвого заставит расхохотаться». В реплике «для вас, говорит, всегда найдется теплый угол» не было слова «говорит»; в реплике «— Ну да! Вы для Америки были тем же Робинзоном Крузо, который, попав на необитаемый остров, первый возделал и украсил этот остров» отсутствова-

ло восклицание «Ну да!»; во фразе из «анекдота» о Гоголе «И тут же повесил мокрый плащ на гвоздик» не было слова «мокрый».

Пародийные воспоминания или анекдоты из жизни знаменитостей являлись распространенной жанровой формой. А.П. Чехов опубликовал в «Будильнике» в 1885 году «две маленькие были» «Кое-что об А.С. Даргомьжском» (см.: Чехов 1974–1983/3: 440–441). Пародировался и жанр в целом (см., напр.: *Абеляр (Михайлов К.А.)*. Как пишется история // Будильник. 1901. № 34), и публикации в конкретных изданиях, например, в журнале М.И. Семевского «Русская старина» (повесть Н.А. Лейкина «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова»; см.: Лейкин 1874: 256–458).

Аверченко и другие сатириконцы опубликовали ряд произведений, написанных по схожей модели, пародирующих популярные в русской и зарубежной прессе «анекдоты из жизни великих людей» (рассказ Аверченко «Еще воспоминания о Чехове» («ВУ»), «Анекдоты о Толстом» О. Л. Д'Ора (см.: Сат. 1910. № 22. 29 мая. С. 3), и др.).

¹ *Памяти Марка Твена*. — Марк Твен умер 21 апреля (по новому стилю) 1910 г. Сообщение о смерти писателя было помещено в «Пасхальном номере» «Сатирикона» 18 апреля 1910 г. (см.: № 16. С. 7). Текст, помещенный в траурную рамку, гласил: «Весь культурный мир постигло тяжкое, искреннее горе — УМЕР МАРК ТВЕН». В следующем номере были напечатаны некролог и большая — на полполосы — фотография Марка Твена (см.: № 17. 24 апреля. С. 2). Подписи под текстом нет, но стиль указывает на авторство Аверченко. Также Аверченко написал очерк о Марке Твене, опубликованный в журнале «Солнце России» (см.: 1910. № 12. С. 4) и в качестве предисловия в собрании сочинений М. Твена, выпущенном издательством М.Г. Корнфельда в 1910–1913 гг.

² — *После смерти Марка Твена в печати появилось несколько анекдотов из его жизни. Все газеты перепечатывают их, а читатели покатываются со смеху*. — Русская периодическая печать откликнулась на смерть М. Твена большим количеством публикаций. Так, в «Одесских Новостях» памяти Твена были посвящены очерки А.И. Куприна «Умер смех» и значительный фрагмент постоянной рубрики Лознгринга (П.Т. Герцо-Виноградского) «Зигзаги» — в номере от 10 (23) апреля 1910 г., где сообщалось о смерти писателя (см.: № 8087. С. 5), — а также статья «Марк Твен и наши юмористы» (см.: 1910. 15 (28) апреля. № 8091. С. 4. Подписано: *Н.Г.*). В газете «Речь» был опубликован

очерк К.И. Чуковского «Марк Твен» (см.: 1910. 10 (23) апреля. № 98 (1336). С. 3), там же печатались афоризмы М. Твена (см.: 1910. 12 (25) мая. № 128 (1364). С. 5).

³ *Однажды Твен и его приятель совершали загородную прогулку на велосипедах ~ Но зато портрет, кажется, вдребезги!* — Ср. с миниатюрой, опубликованной в «Сатириконе» в 1909 г.:

ОСТРЯК

Велосипедист налетает нечаянно на камень и с размаху падает вместе с велосипедом.

Его спутник соскакивает около упавшего и, как спортсмен, первым делом задает вопрос относительно велосипеда:

— Ну, что? Рама-то цела?

— Рама цела... А вот портрет, кажется — вдребезги!

№ 49. 5 декабря. С. 3

⁴ *У него на всю жизнь был один Пятница...* — В романе Дэниэла Дефо (1660—1731) «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим» (1719) Робинзон Крузо дает спасенному им дикарю прозвище «Пятница».

⁵ *Ради заработка я изредка сочиняю анекдоты о великих людях.* — Ср. с началом опубликованного в «Сатириконе» в 1910 г. рассказа Аверченко «Новое о Чехове»:

Не так давно редактор, подойдя ко мне (он человек не гордый и иногда запросто беседует с сотрудниками), сказал:

— Не можете ли вы, Фальстаф, достать что-либо новое об Антоне Павловиче Чехове?.. Пусть это будет вещь не юмористическая — всё равно. Незабвенный писатель так дорог нам всем, что даже случайные воспоминания о нем, обрывки воспоминаний — будут бесконечно близки нашему сердцу.

№ 4. 23 января. С. 3—4.

Подписано: *Фальстаф*

⁶ ...я пускаю в оборот следующие вещи, тем не менее приводящие невзыскательную публику в восторг ~ Вот что я пишу и печатаю о великих людях. — Ср. приведенные в этом фрагменте «анекдоты», к примеру, с фрагментом заметки «Как живет Арцыбашев», опубликованной в газете «Одесские Новости» в том же номере, что и фельетон Аверченко «Ялтинская картинка», а потому, вероятно, знакомой писателю:

Можно по совести сказать, что среди современных писателей Арцыбашев самый нравственный человек и идеальный семьянин. В конце июля умер его отец, глубокий старик.

— Скоро увидимся... — сказал по этому поводу Арцыбашев.

1909. 19 августа (1 сентября). № 7893. С. 4

Дурная наследственность

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8117. 16 (29) мая. С. 2.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены небольшие изменения: «упавши в кресло» исправлено на «упав в кресло»; из второй части предложения «Подумали ли мы о том, какую наследственность даем мы своему ребенку?» убрано повторяющееся местоимение «мы»; «дописывал четвертое действие» изменено на «дописал четвертое действие», а «опустили над ним люк» — на «опустили под ним люк».

¹ «Маменька! Извините... меня, но я буду писать драму!» — Аверченко развивает мотив, ранее использованный им в 1908 г. в рассказе «Злой волшебник»:

Падая всё ниже и ниже, я, в конце концов, написал пьесу.

Конечно, с моей стороны это было очень дурно, и никто меня за это по головке не погладит, но — я привык мужественно сознаваться в своих тайных пороках и недостатках.

Я написал пьесу.

Я сделал хуже — переписал ее, и даже <...> лелеял сумасшедшую мысль — поставить ее на сцене.

Межа. 1908. 3 (16) ноября. № 3. С. 2

Сюжет «Дурной наследственности» мог быть подсказан началом рассказа А.П. Чехова «Правила для начинающих авторов» (1885):

Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» Если же, несмотря на такую экзекуцию, онный младенец станет проявлять писательские наклонности, то следует попробовать ласку. Если же и ласка не поможет, то махните на младенца рукой и пишите «пропало». Писательский зуд неизлечим.

Путь пишущего от начала до конца усыпан тернием, гвоздями и крапивой, а потому здравомыслящий человек всячески должен отстранять себя от писательства. Если же неумолимый рок, несмотря на все предостережения, толкнет кого-нибудь на путь авторства, то для смягчения своей участи такой несчастный должен руководствоваться следующими правилами...

Чехов 1974—1983/3: 205

² *Окончив драму, молодой человек завернул ее и, крадучись, пошел в цензурный комитет.* — В рассказе Аверченко «Злой волшебник» (см. пред. примеч.) сюжет строится вокруг процедуры получения автором цензурного разрешения.

Одинокий Гржимба

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 19. 8 мая. С. 6—8.

Рассказ также вошел вошел в сборник Аверченко «Избранные рассказы» (см.: Аверченко 1913а: 59—74).

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» в предложении «<...> разглядеть на другой же день в вашем знакомом или даже в себе самом <...>» вместо «в себе самом» напечатано «в вас самом»; вместо «Егора Васильевича» — «Егора Васильича»; вместо «оттащил от порога» в предложении «При появлении слуги он схватил его за руку, оттащил от порога, а дверь снова запер на ключ» — «толкнул от дверей». В сборнике «РЮ2» из предложения «И его увели, — эту тяжелую пыхтящую гору, окруженную малорослыми победившими его пигмеями-городовыми» убрано «пигмеями». В предложении «И так бродит из города в город одинокий Гржимба — таинственный осколок чего-то непонятого нам — того, что, может быть, было несколько тысяч лет тому назад» в «Сат.» иные

пунктуационные знаки, согласно которым определение «таинственный» относится к другому слову: «И так бродит из города в город одинокий Гржимба — таинственный, осколок чего-то, непонятого нам — того, что, может быть, было несколько тысяч лет тому назад». В сборнике «ИР» начало предложения «— Вот тебе раз <...>» исправлено на «Вот тебе и раз»; в предложении «За дверью послышалось урчанье, брань, — и ключ повернулся в дверях» отсутствует тире; в предложении «И его увели — эту тяжелую пыхтящую гору, окруженную малорослыми победившими его городовыми» вставлен союз «и» между определениями: «тяжелую и пыхтящую гору».

Об истоках фамилии «Гржимба» см. преамбулу к примечаниям к рассказу «Геракл».

¹ *Когда мне было 10 лет — мать моя держала гостиницу и меблированные комнаты в небольшом провинциальном городке на берегу широкой реки.* — В рассказе Аверченко содержатся многочисленные отсылки к первым главам романа Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894) «Остров сокровищ» («Treasure Island»; 1883), в которых описывается появление и пребывание в трактире «Адмирал Бенбоу» Билли Бонса.

² *...трефаришинного роста.* — См. примеч. 3 к рассказу «Специалист» («РЮ1»).

³ *Окалоточный.* — См. примеч. 2 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

Вино

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8059. 7 (20) марта. С. 3—4.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены изменения. «Федосей Иваныч» заменено на «Федосей Иванович», перед словами «столичной звезды» вставлено тире. Восклицательный знак в конце предложения «Там уж и пообедаем!» в книге исправлен на точку, «стихийные художественные формы» — на «стройные художественные формы», «даже через платье» — на «даже сквозь платье». Во фрагменте «Пиши, о чем хочешь и когда хочешь... Гм...» в «ОН» отсутствовало «Гм...», а в предложении «Завтра можете меня ругать, бить по лицу, унижать <...>» не было слово «унижать». В предложении «Вам, как врачу, не грозит никакая ответственность» в газете использована другая падежная форма: «Вам, как врачу, не грозит никакой ответственности». Исправлен и ряд очевидных опечаток (в частности, вместо

«Зарезал литератор!» в «ОН» было набрано «Зарычал литератор!»). В конце заключительного предложения в газете стояла точка.

¹ *Перекусалов так обрадовался встрече с Бондаревым, что от него даже немного запахло вином.* — Отсылка к характеристике, которую в первом действии комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» Ляпкин-Тяпкин дает заседателю: «Нет, этого уже невозможно выпнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла и с тех пор от него отдает немного водкою» (Гоголь 1937—1952/4: 14).

² — *Красота — это страшная сила!* — Цитата из стихотворения Семена Яковлевича Надсона (1862—1887) «Дурнушка» (1883):

Бедный ребенок, — она некрасива!
<...>
Зло над тобою судьба подшутила:
Острою мыслью и чуткой душой
Щедро дурнушку она наделила, —
Не наделила одним, — красотой!..
Ах, красота — это страшная сила...

Надсон 1887: 301

Чудеса

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 16. 18 апреля. Пасхальный номер. С. 9—12.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения: «никакие театры не играют» исправлено на «ни в каких театрах не играют»; многоточие во фрагменте «Вот... Получите!» заменено на точку; слово «братъ» в предложении «Стесняетесь от молодого человека деньги братъ?» — на слово «получать». В предложении «Какая-то тихая, неопределенная грусть вползала в душу» в 1-м издании «РЮ2» напечатано «вползла», в журнальной публикации и в ряде последующих изданий — «вползала».

¹ *Армяк.* — См. примеч. 4 к рассказу «Преступники» («РЮ1»).

² — *Ах, так?.. А что идет? — Эта... Сирано де Бержерак.* — Имеется в виду пьеса французского писателя Эдмона Ростана (1868—1918) «Сирано де Берже-

рак» («Сугано de Bergerac»; 1897). Первая ее постановка на русском языке состоялась в 1898 г.

³ *Потому что на нем грубый армяк и что он крестьянин? А Кольцов? А Никитин?* — Герой вспоминает знаменитых русских поэтов Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842) и Ивана Саввича Никитина (1824—1861) (второго из них считали «литературным наследником» первого). В.Г. Белинский в предисловии к посмертному изданию стихотворений Кольцова отмечал, что кроме песен, созданных самим народом, до Кольцова «у нас не было художественных народных песен»:

Кольцов родился для поэзии, которую он создал. Он был сыном народа в полном значении этого слова. Быт, среди которого он воспитался и вырос, был тот же крестьянский быт, хотя несколько и выше его. Кольцов вырос среди степей и мужиков.

Белинский 1846: LIII—LVI

Интерес к творчеству Кольцова возрос в связи с столетием со дня рождения поэта, которое широко отмечалось в 1909 г. Необходимо отметить, что в газетах писали и о том, что Кольцов на самом деле был потомком дворянского рода (см.: Поэт Кольцов — дворянин. (Генеалогическая справка) // Руль. 1909. № 195. 12 октября. С. 2).

⁴ *Пролетка*. — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

Петухов

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 25. 19 июня. С. 6—8. Под подписью указано место написания: «Севастополь».

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения. В «Сат.» вместо «И, прижимая ее к себе, он чувствовал, как часто-часто под его рукой билось ее сердце» было: «Рукой он сжимал ее талию и чувствовал, как часто-часто под этой рукой билось ее сердце». Во фрагменте «Ты, едучи даже в кабинет ресторана, твердишь о муже и сама же чувствуешь всю бесцельность этих слов. Не правда ли?» в журнале отсутствовало второе предложение. В предложении «Он — не будь дурак — сейчас тебе <...>» в «Сат.» «не будь дурак» обособлено запятыми, в книге — тире и запяты

ми. Пунктуация изменена также в конструкциях «Берегись, Леля!» (было: «Берегись, Леля!..»), «но — кто, кто мне поклянется» (было: «но — кто! Кто мне поклянется»). Во фрагменте «Так и надо. Так и надо!» в журнальной публикации нет нарастающего эффекта: в обоих предложениях стоят восклицательные знаки.

Фамилию «Петухов» Аверченко использовал прежде в рассказе «Гениальный человек», где появлялся «популярный овражский меломан, чиновник контрольной палаты Автоном Петухов» (Сат. 1908. № 16. 26 июля. С. 14–15).

¹ *Скетинг-ринг* — площадка для катания на роликовых коньках. См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «Без почвы» («ВУ»).

² *Сын Марса*. — То есть военный (Марс в древнеримской мифологии был богом войны).

Случай с Патлецовыми

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1910. № 28. 10 июля. С. 6–8.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст журнальной публикации были внесены изменения: «не смутился этим и продолжал» исправлено на «не смутился молчанием собеседника и продолжал», «за углом этой большой улицы, где они жили» — на «за углом той большой улицы, где они жили», «Ой, что это?» — на «О-ой, что это?». В предложениях «На первый взгляд ~ равнялись по стоимости — порции рубленых котлет» и «Так — открыть» в «Сат.» нет тире, а в предложении «— Инструменты, сударья, — снисходительно улыбнулся Мишка Саматоха» — слова «снисходительно». Во фразе «с увлечением объяснял достоинства новой системы буравчика» в журнальной публикации использовано единственное число — «достоинство». В предложении «<...> так как никого другого поблизости не было <...>» в журнальной публикации и в 1-м издании был вариант «никого другого», исправленный в последующих изданиях.

На тот же сюжет написана пьеса Аверченко «Без ключа» (см.: Аверченко 1911а). В пьесе фамилия «Патлецовы» заменена на «Плюмажевы», исключен эпизод в трактире, так как всё действие происходит на верхней площадке парадной лестницы, вместо выпавших с этим эпизодом персонажей введены другие — Пьяный жилец и Молодой жилец.

¹ *Что может быть хорошего из Назарета?* — Евангельская цитата, слова, произнесенные Нафаналом из Вифсаиды, будущим апостолом, когда он впервые услышал об Иисусе Христе. Ср. в синодальном переводе: «<...> из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1: 45—46).

Аргонавты

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8082. 4 (17) апреля. С. 3.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены изменения: «два худых унылых господина» изменено на «два худых грустных господина», в вопрос «Что такое?» добавлено графическое выделение замешательства: «Что т-такое?». В «ОН» во фразе «и тот одобрительно, полный радужных перспектив, захохотал» нет слов «полный радужных перспектив», в предложении «Всякий писатель, давая вещь для печати, еще раз получает аванс» — слов «для печати», в предложении «Да что, в самом деле, — стихи да стихи!» — слов «в самом деле», в предложении «<...> робко заглянул в подсунутые мне бумаги...» — слов «подсунутые мне», во фрагменте «Этот редактор знает, что он делает. Он с расчетом делает» — предложения «Он с расчетом делает». По-новому выглядит фрагмент «— Ну, идем. || — Ну, идем. || — Возьмите еще аванс, — крикнул я, хватая Бенциона за руку». В «ОН» было: «— Пойдем, Абрам. || — Идем, Бенцион. || — Возьмите еще аванс, — схватил я Бенциона за руку».

Есть также ряд пунктуационных исправлений. В газете первый цитируемый стихотворный отрывок завершался восклицательным знаком: «Не давал нам гулять по горам!», слова «конторой» и «грубоватый» были разделены не тире, а запятой, в конце реплики «— Мы должны» стояла на точка, а многоточие.

В 10-м издании в предложении «<...> мне приходилось ежедневно просматривать уйму рукописей, присылаемых со всех концов России» опущено слово «России», а также по недоразумению устранены умышленно введенные автором ошибки в приводимых им цитатах из стихов героев: «в славе своих ранних творений» — на «к славе своих ранних творений» и «Готов отважиться на подвиг я опасный <...>» — на «Готов отважиться на подвиг я опасный <...>» (последняя отсутствовала и в газетной публикации, где рифмовалось «опасный» — «ужасный»).

Вскоре после своего прихода в «Стрекозу» Аверченко стал вести одну из постоянных рубрик журнала — «Почтовый ящик “Стрекозы”», в которой давались ответы на письма, полученные редакцией. Чаще всего это были отзывы о присланных на рассмотрение для публикации произведениях писателей-любителей. Иногда редакция сообщала о том, что материал подошел и будет опубликован, но чаще отвергала подобные сочинения, сопровождая отказ саркастическими комментариями. Из «Стрекозы» эта рубрика после объединения журналов перешла в «Сатирикон» (подробнее см. на с. 744 наст. изд.).

¹ *Мотивы присылки рукописей были, по большей части, одни и те же, и излагались они всегда в начале препроводительного письма...* — Подлинные фрагменты из присланных писем были также использованы в 1910 г. в «Сатириконе» в качестве подписей к серии карикатур А. Радакова «Почтовый ящик “Сатирикона” (В иллюстрациях)» (№ 40. 2 октября. С. 5).

² *Скоро вспомнил я зимнее время, | Как гулял с тобой по горам, | Кругом снег, пелену растилая, | Не давал нам гулять по горам.* — В рассказе использованы стихотворения, присланные в редакцию «Сатирикона». Данное стихотворение цитируется в «Почтовом ящике “Сатирикона”» 23 мая 1909 г.:

А. Петербург. <...> 148. *Уральская ул.* — *Якову Леву.* — Стихи Якова Лева, благодаря интригам, не попавшие в «Альманах Семнадцати»:

Скоро вспомнил я зимнее время,
Как гулял я с тобой по горам,
Кругом снег пелену растилая,
Не давал нам гулять по ночам.
Будет осень, но будет не время
Скажут мильй знакомиться с ней,
С той красивой, хорошей девчуркой,
Чей глазки печальны как ночь...

Г. Яков Лев! Одно из двух: бросьте писать стихи!

№ 21. С. 10

³ *...из каких-то Степанцов...* — Село с таким названием находилось в Каневском уезде Киевской губернии.

⁴ Я думаю, все согласятся с нами, что самое лучшее для вас — это забросить ваши степанцовские дела и приехать в Петербург, чтобы такие гениальные дарования развивались и совершенствовались в благоприятных условиях. — 6 декабря 1908 г. в «Почтовом ящике “Сатирикона”» Аверченко цитировал письмо, автор которого выражал готовность переехать в Петербург, если его стихи будут приняты к печати. В ответ Аверченко саркастически рекомендовал тому переехать в какой-нибудь другой город:

Симферополь. — К. То-янцу. — «Если мои стихи понравятся, — предлагаете вы, — я мог бы переехать в Петербург»...

— Да зачем же в Петербург... Мало городов разве? Лондон, Мельбурн, Капштадт...

№ 35. С. 11.
Подписано: *Аве*

⁵ ...к *Контану*... — См. примеч. 1 к «Веселый вечер» («РЮ1»).

Смерть девушки у изгороди

Впервые опубликовано в изд.: ОН. 1910. № 8128. 30 мая (12 июня). С. 3.

В текст газетной публикации при подготовке сборника «РЮ2» были внесены изменения: «они бегают» исправлено на «глаза эти бегают», «сидел на краю постели, наблюдая» — на «сидел на краю постели и наблюдал», «возмущения по отношению к хитрому, нахальному незнакомцу» — на «возмущения, вызванного во мне хитрым, нахальным незнакомцем». В «ОН» в предложении «Высовывала язык, дергала его, будто убеждаясь, прочно ли он сидит в своем гнезде <...>» нет слов «в своем гнезде», а в предложении «— Луша, — спрашивала горничную жившая у меня женщина <...>» нет слова «горничную». В «ОН» в конце предложений «Я оценю твое благородство!» и «Ты обманывала меня <...> с посторонними мужчинами!» стоят не восклицательные знаки, а точки; предложение «К черту приборы для внимания попавших в глаз соринки!» завершается восклицательным знаком с многоточием, а в восклицании «Это не деревня!..», напротив, многоточие отсутствует. В предложении «Через две недели я <...> любовницей и женой» нет было тире; во фрагменте «— Вдруг вы... будете с ней встречаться? А?!» отсутствовало «А?!»

Схожее противопоставление столичных и «деревенских» девушек есть, к примеру, в рассказе Н.Г. Шебуева «Каприз любви», где герой так рассуждает о деревенской горничной Наде:

Быть может, это-то мне и нравилось в ней больше всего. Когда я смотрел на ее высокую грудь, я думал, вот какую должна быть грудь девушки, не искалеченная корсетом, и мне вспоминались худосочные или препарированные на вате и пластинках китового уса бюсты тех, кого я оставил в Москве...

Когда я смотрел ей в глаза, которые и не подозревали, что они могут нравиться, что их можно «строить», что они могут метать стрелы, жечь, пронизывать и производить тысячи подобных этим адских пыток, я думал: вот глаза, которые можно целовать не боясь, что испачкаешь губы, и мне вспоминались лихорадочные, блестящие блеском искусственных брильянтов глаза, — гордость Карнатца и других карандашных фабрикантов.

Цит. по: ВЮАГБ 1901: 132.

¹ «*Modes et robes*» — традиционная вывеска магазинов модной одежды.

Мальчик с затекшим глазом

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8191. 15 (28) августа. С. 3.

При подготовке сборника «РЮ2» в текст газетной публикации были внесены изменения. Во фразе «пресыщенным подобными удовольствиями» в «ОН» отсутствовало слово «подобными», вместо «окно которого пострадало от камня» было «окно которого оказалось разбитым», в конце реплики «— Молчи, сволочь...» стоял восклицательный знак с многоточием. В вопросе «Отчего бы тебе не написать повесть из фабричного быта?» «повесть» в «РЮ2» исправлено на «повести»; «тупой косный человек» заменено на «тупой косный индивидуум», «бросания камня с закрытыми глазами» — на «бросания камнями с закрытыми глазами».

Заглавие рассказа перекликается с названием «разговора в одном явлении» М.Е. Салтыкова-Щедрина «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» (1880). В фельетоне Е.Н. Чирикова «Мальчик без штанов» образ мальчиков в штанах и без штанов используется при характеристике литературы и театра. Фельетон был опубликован в понедельник газете «Эпоха», в кото-

рой сотрудничал и Аверченко (см.: 1908. 22 сентября (5 октября). № 2. С. 1). Фрагмент из фельетона Саша Черный поставил в качестве эпиграфа к опубликованному в «Сатириконе» стихотворению «Шутка» — своего рода ответу Чирикову (см.: 1908. № 27. 11 октября. С.2).

¹ *Первую книгу моих рассказов критика встретила с некоторым интересом и отметила появление ее целым рядом статей.* — Отклики на первую книгу Аверченко появились в ряде газет и журналов («Речь», «Биржевые Ведомости», «Новое Время», «Всеобщий Ежемесячник», «Новый Журнал для Всех» и т. д.). Подробнее об этом см. в статье, на с. 760–762 наст. изд.; тексты некоторых рецензий см. в разделе «Первые книги Аверченко в критике и воспоминаниях», на с. 694–703 наст. изд.

² *Запомнились мне несколько статей...* — Аверченко пародирует критические отзывы, сохраняя при этом общий пафос некоторых критических оценок. Он достраивает ряд действительно упоминавшихся в связи с его книгами писателей (А.П. Чехов, М. Твен, Джером К. Джером, Н.А. Лейкин, И.Ф. Горбунов), доводя сравнения до абсурда.

³ *Автор усилненно подражает Мопассану и Горбунову.* — Горбунов Иван Федорович (1831–1896) — русский актер и писатель, исполнитель рассказов, сенок и монологов собственного сочинения; упоминался в статье В. Полонского «Из литературы и жизни. Смех и горечь» (см. с. 698 наст. изд.). В нач. XX в. авторов небольших рассказов и монологов часто обвиняли в подражании Горбунову или Мопассану (в последнем упрекали и А.П. Чехова). Но Горбунов и Мопассан настолько различаются по манере письма, что подражать им одновременно было невозможно.

⁴ *Спрашивается — похож ли он по манере письма на Чехова? Нисколько.* — Цельный ряд критиков сравнивал Аверченко с Чеховым, степень сходства их произведений оценивалась при этом по-разному. С.А. Ауслендер в газете «Речь» утверждал, что, «находясь под некоторым влиянием Чехова, Аверченко во многом иной, очень своеобразный» (1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3; с. 696 наст. изд.). А.А. Измайлов в «Биржевых Ведомостях», отмечал, что «в своих рассказах Аверченко более всего ученик Чехова первой фазы, автора “Пестрых рассказов” — того Чехова, из которого молодое веселье, вульгарно выражаясь, так и перло» (Веч. вып. 1910. 21 июня (4 июля). № 11774. С. 3).

⁵ *Октав Мирбо* (1848–1917) — французский писатель, популярный в России

в нач. XX в.; в 1907—1911 гг. в Москве в издательстве В.М. Саблина вышло его «Полное собрание сочинений». Мирбо упоминался в опубликованном в «Сатириконе» стихотворении С. Городецкого «Tout Beaux»:

Юные девицы,
Почитав Мирбо,
Без передовицы
Знают, что tout beaux.

1908. № 12. С. 4.

Подписано: *Сатир*

⁶ *Я до самой своей смерти не прощу ему случая с моим рассказом «Праведник».* — См. текст рассказа на с. 37—42 наст. изд. Подробнее о его публикации см. также в статье, на с. 722—725 наст. изд.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В издательстве «Шиповник» данный сборник публиковался как «книга третья», хотя фактически «Шиповник» переиздал первый сборник Аверченко. В информации о предстоящем издании сборника «РЮО1» Аверченко «Шиповником» отмечается: «Рассказы Арк. Аверченко, о которых вы спрашиваете, в первый том не вошли. Появятся они в изд. “Шиповника”» (Сат. 1910. 3 апреля. № 14. С. 11). Под первым томом здесь имеется в виду сборник Аверченко «Юмористические рассказы», выпущенный в начале 1910 года М.Г. Корнфельдом.

Объявление о том, что печатается книга Аверченко «ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ», с изображением обложки было опубликовано в «Сатириконе» 27 февраля 1910 года (см.: № 9. С. 8). В следующем номере журнала сообщалось, что книга вышла и поступила в продажу (см.: № 10. 6 марта. С. 10). На титульной странице сборника указано: «Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. С.-Петербург. Типография журнала “Сатирикон” М.Г. Корнфельда Лешгуков, 4 1910». Тираж книги 3500 экз.

* «Всё прекрасно» (*фр.*).

СЕМЬЯ
И ЮНЫЕ ГОДЫ

Ил. 1
Аркадий Аверченко
Фотограф не установлен
Нач. XX в.

СЕМЬЯ И ЮНЫЕ ГОДЫ

Ил. 2
Сусанна Павловна Аверченко,
мать писателя
Севастополь, фотоателье Мазура
1910-е годы

Ил. 3
Артиллерийская слобода
Фотограф не установлен
Нач. XX в.

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

№ 5.

Цѣна 8 коп.

ШТЪКЪ

Телеграмма директора Пулковской Обсерваторіи:
„Крупная звѣзда первой величины, ярко блестящая въ
прошломъ году въ Америкѣ и ясно наблюдавшаяся нами
17-го Октября того же года, вновь появилась на небосклонѣ“.

Ил. 4

Журнал «Штык»
(1906. № 5).

Передняя сторона обложки

— Стой! Кто сюда идетъ!?
— Свои.

ВОЛШЕБНЫЕ фонари отъ 1 руб. съ 24 картинами и дв. **КИНЕМА** тографы—волшебные фонари и карти-
и также и картины къ волшебн. фонарямъ. ны къ нимъ.

СТЕРЕОСКОПЫ и картины къ нимъ разныхъ сюжетовъ: жанровыя и досто-
примѣчательныя мѣста разныхъ странъ свѣта.

МОДЕЛИ паровые, заводные и электрическіе двигатели, паровозы, пароходы и
проч., научно-образовательныя игрушки и предм. для всяк. возр. для подарковъ.

Получено въ большомъ **„ЖЕНЕВА“** Московская ул., № 5, про-
выборѣ въ магазинѣ тивъ ресторана „Метрополь“.

Редакторъ А. Т. АВЕРЧЕНКО.

Издатель Е. О. ТИХОНОВИЧЪ.

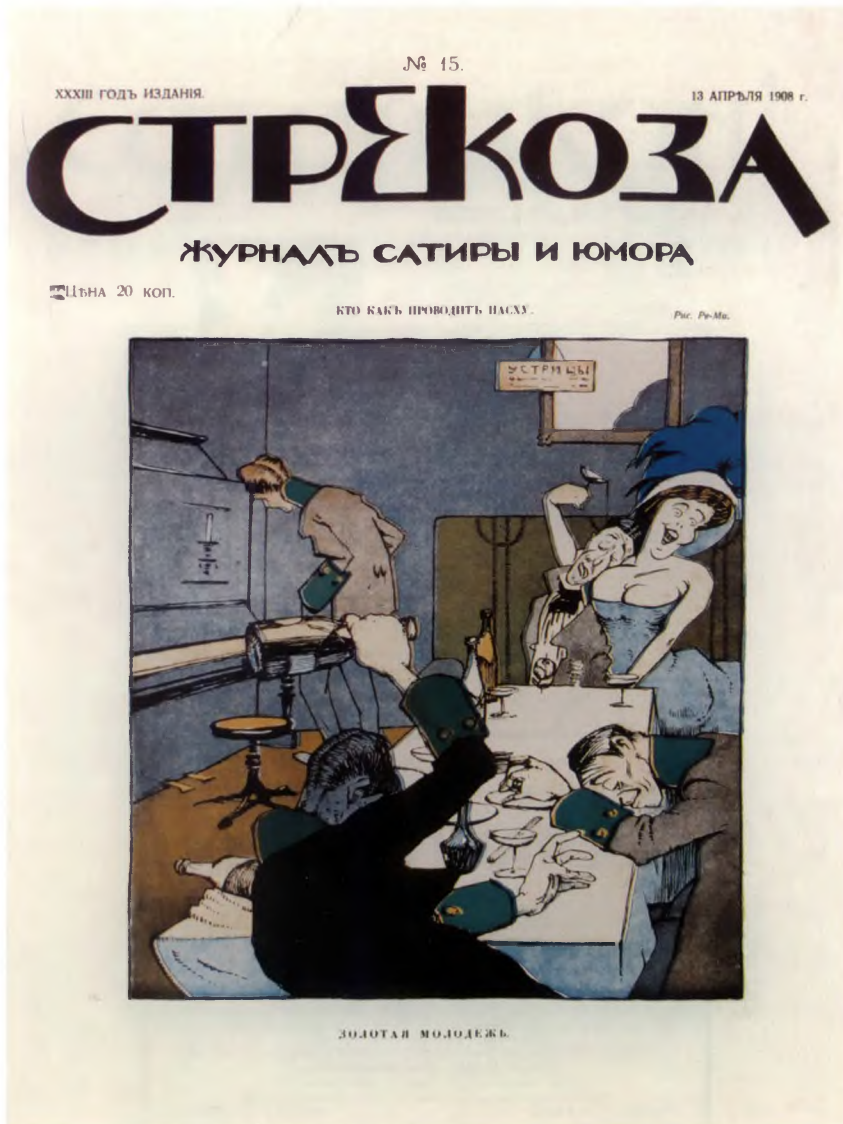
Харьковъ. Типо-Литогр. „Художественный Трудъ“ Р. Радомысльскаго, Пушкинская, № 1.

Ил. 5

Журнал «Штык»
(1906. № 5).

Последняя страница

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

Ил. 6
Журнал «Стрекоза» (1908. № 15).
Передняя сторона обложки
Худ. Ре-Ми

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

ц 10 к

САТИРИКОН

1908

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ

№ 1

ПОСВЯЩАЕТСЯ БОЛЬШИМЪ И МАЛЫМЪ ЗВЕЗДАМЪ.

Л. Бакст.

— Тряжѣ бугъ проклятіе жаліе смертнѣ люди!
Тщсно перуѣ мечу, сѣбѣвнѣиѣ злобой я гѣбѣмѣ.
Пойнѣи шлѣвѣкѣи нѣхъ, нѣдѣлѣиѣ вѣ Лѣшу оиѣ...
Круто янѣтѣиѣ аѣперѣ, нѣнѣ, богѣнѣ оланнѣнѣнѣиѣ!

Ил. 9

Первый выпуск «Сатирикона» (1908. № 1).

Передняя сторона обложки

Худ. Л. Бакст

«СТРЕКОЗА» И «САТИРИКОН»

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Г. ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Рис. Ре-Ми.

— Вы, держаще въ рукахъ номеръ «Сатирикона», смотрите на этотъ портретъ и слушайте! Вотъ передъ вами пройдетъ полжизни человека... Объялъ онъ маленькимъ — такимъ маленькимъ судебнымъ репортеромъ... никто не зналъ его. Но заглянулъ однажды въ «Обзори» и навсегда ужасъ засіялъ въ глазахъ его. И смѣялся съ тѣмъ поръ онъ только дегенерировавъ кровъ «Краснымъ смѣхомъ». Смѣялся въ «Три» и въ заревъ пожаровъ «Царя-Голода»... Смѣялся наваливъ себя на плечи задачу большого, смѣшного, нанимаго великана — отстрадать за все человечество! Дауилесь, вы, держаще въ рукахъ номеръ «Сатирикона!» Дауилесь, что такой человекъ — вашъ современникъ...

Т-во Р. Голицы и А. Вильборга. Спб. Запорожская, 11.

Ил. 10
Первый выпуск «Сатирикона» (1908. № 1).
Последняя страница
с портретом Л.Н. Андреева
Худ. Ре-Ми

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

№ 2

№ 17

№ 34

№ 36

Ил. 11–14
Передние сторони обложек журнала «Сатирикон». 1908 г.

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

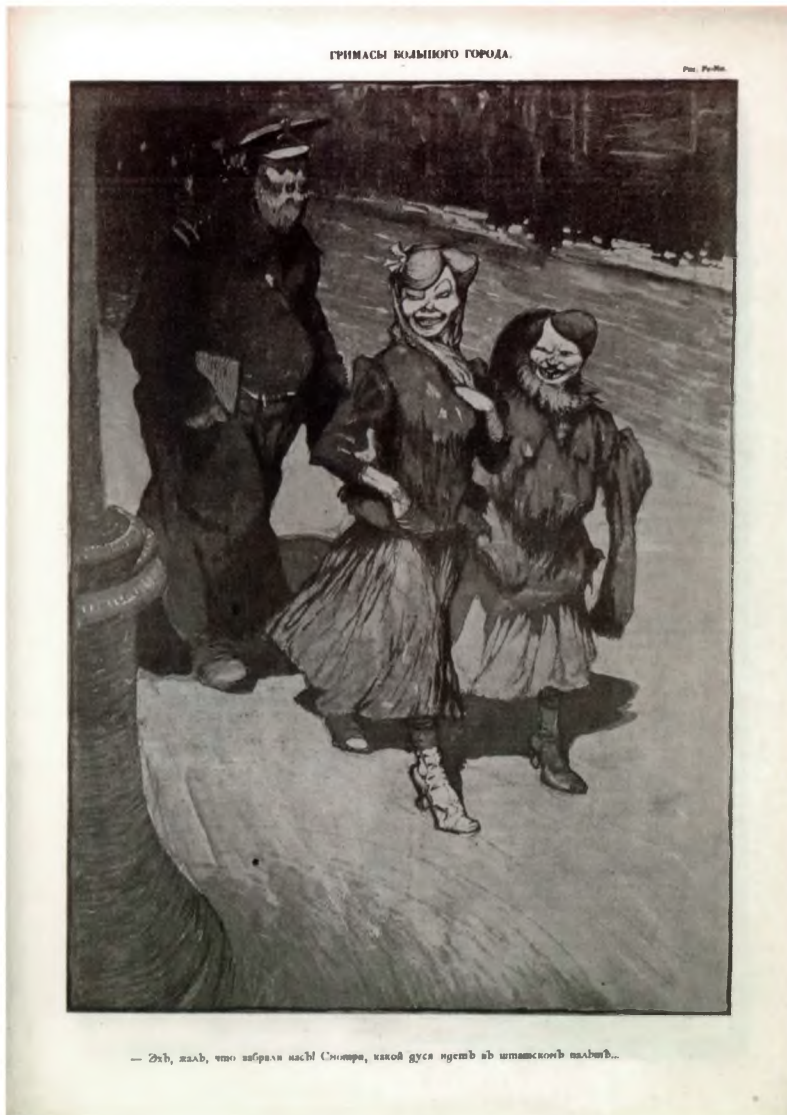
Ил. 16
«Сатирикон» (1908. № 29. С. 12).
Карикатура «Наши критики»
(Корней Чуковский, Петр Пильский и Максимилиан Волошин)
Худ. Ре-Ми

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

Ил. 17
Николай Ремизов (Ре-Ми)
Худ. И.Е. Репин
1917 г.

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

Ил. 18
«Сатирикон» (1908. № 30. С. 9).
Рисунок «Гримасы большого города»
Худ. Ре-Ми

«СТРЕКОЗА»
И «САТИРИКОН»

Открыта подписка на 1909 год

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОНЪ

Всѣ годовые подписчики получаютъ въ видѣ БЕСПЛАТНОЙ ПРЕМІИ, роскошно изданные юмористическіе рассказы

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

и А. И. КУПРИНА,

съ иллюстраціями известнѣйшихъ русскихъ художниковъ-картинистовъ. Изданіе это, являясь единственнымъ въ русской юмористической литературѣ, въ отдѣльную продажу не поступитъ и помимо журнала «САТИРИКОНЪ» приобрести быть не можетъ. Подписчикамъ, внесшимъ подписную плату за годъ полностью, безплатная премія «Юмористическіе рассказы» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА и А. И. КУПРИНА будетъ разослана въ началѣ подписнаго года.

«САТИРИКОНЪ» надается по образцу лучшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ сатирическихъ журналовъ.

«САТИРИКОНЪ» печатается въ нѣсколько красокъ.

«САТИРИКОНЪ» превосходитъ размѣромъ всѣ существующіе журналы этого типа—12—16 стр. больш. журн. формата in folio 37×26 сант.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Амелинъ, Л. Бентъ, Александръ Бенуа, И. Битовъ, Н. Герасимъ, Овдій Гуляевъ, (Москва), М. Добрянскій, Б. Кустовъ, Г. Лавровъ, Дж. Митрополъ, В. Невскій, А. П. Петровъ, (Либавъ), А. Радковъ, Н. Рымовъ, (Бѣль), С. Шарокинъ, А. Шугеръ (Бѣль), А. Яковлевъ и другіе.
ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Амурской (Анг.), В. Азовъ, Александръ Блокъ, И. М. Виноградовъ (не-Буква), Л. М. Высокоскій, С. Василъ, К. Арсеньевъ (Саратовъ), Николай Гоголь, Сергей Герасимъ, Сергей Герасимовъ (Саратовъ), А. Измайловъ, В. Князь, М. Кузнецъ, А. Кутерьма (Ново-Ночны), А. И. Купринъ, В. Лихачевъ, С. Маршакъ, О. Л. Доръ, Печенинъ, А. Радковъ, Саша Черный (д. Гамбургъ), Александръ Родаданъ, Соловьевъ (Облаковъ), и Соловьевъ, графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Шабуръ, В. В. Ушаковъ-Калужскій, Н. И. Фаддеевъ (Угрюм-Чужевскій), А. Шапоновскій и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб. На полгода **3** руб. На три мѣс. **1 р. 50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ «САТИРИКОНА» (С.-Петербургъ, Невскій просп., 9) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Въ Москвѣ и провинціи 12 коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій просп., 9.

ОТДѢЛЕНИЯ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Москва.—П. С. Арсеньевъ, Б. Дмитровка, д. № 13. Одесса.—Б. Е. Сидорова, Екатерининская ул., 4. Греческій рынокъ, Киевъ.—С. П. Давыдовъ, Варшавы.—Контрагентство Е. А. Морозова и Е. Горюхова, Вильна.—И. Н. Градскій, Вильскій, 13.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: 40 коп. за строку поппарели въ 1/4 стр.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Ил. 19

«Сатирикон» (1908. 31. С. 13).
Объявление о подписке на 1909 год

ПЕРВЫЕ КНИГИ
АВЕРЧЕНКО

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
новая книга:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО
„ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ
РАЗСКАЗЫ“.

Цѣна 1 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ и на станціяхъ жел.
дорогъ. Выписывающіе изъ глав-
наго склада за пересылку не пла-
тятъ. — Выписывающіе нолож.
платежемъ платятъ на 20 коп.
дороже.

Главный складъ изданія:
Соб., Фонтанка, 88. Котора журналы „Сатирикон“.

Ил. 20

Анонс выхода первой книги Аверченко
«Юмористические рассказы»

Ил. 21

Передняя сторона обложки
сборника А. Аверченко «Рассказы (юмористические)» (СПб., 1910)

ПЕРВЫЕ КНИГИ
АВЕРЧЕНКО

Передняя сторона обложки

ПЕРВЫЕ КНИГИ
АВЕРЧЕНКО

Фронтиспис
с портретом Аверченко
Худ. Ре-Ми

Ил. 22–23
«Веселые устрицы»
(СПб., 1913)

«НОВЫЙ САТИРИКОН»

Ил. 24
Аркадий
Аверченко.
Шарж
Худ. М. С. Линский
1916 г.

Ил. 25
Редакция
«Нового
Сатирикона»
Фотограф
не установлен
1916 г.

Третий
справа —
А.Т. Аверченко

«НОВЫЙ САТИРИКОН»

1914. № 42

1915. № 8

1917. № 14

1917. № 43

Ил. 26–29

Передние сторони обложек журнала «Новый Сатирикон»

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ АВЕРЧЕНКО

Передняя сторона обложки

Титульная страница

Ил. 30, 31
«Шалуны и ротозеи» (Пг., 1916)

«Дальше
18-го декабря
я уже
не пошел»
(с. 443 наст. изд.)

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ АВЕРЧЕНКО

«Какой это идиот набросал здесь
апельсиновых корок!»
(с. 445 наст. изд.)

«Какой ужас! Сломал руку старый
генерал...»
(с. 446 наст. изд.)

Ил. 32–34

Иллюстрации к рассказу «Солидное предприятие»
(из сборника «Шалуны и ротозеи»)

Худ. А. Радаков

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ АВЕРЧЕНКО

Ил. 35
«Черным по белому»
(СПб., 1913)

Ил. 36
«Рассказы для выздоравливающих»
(СПб., 1913)

Ил. 37
«Три случая [и др. рассказы]»
(СПб., 1914)

Ил. 38
«Караси и щуки»
(СПб., 1917)

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ АВЕРЧЕНКО

Ил. 39
Дюжина ножей в спину революции
(Париж, 1921)

Ил. 40
«Сердце под скальпелем»
(М.; Л., [б. г.]

Ил. 41
«День делового человека»
(М., 1926)

Ил. 42
«Веселые устрицы»
(М.; Л., 1928)

ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ил. 43
Аверченко в Севастополе
Фотограф не установлен
1920 г.

Одна из последних фотографий писателя в России

Ил. 44
Могила Аверченко
на Ольшанском кладбище в Праге
Фотограф Д.Д. Николаев

В сборник вошел 31 рассказ и четыре миниатюры, объединенные общим названием «Виньетки». В содержании сборника «Юмористические рассказы» названия отдельных «виньеток» не указывалось.

8 мая «Сатирикон» информировал читателей о том, что книга «Юмористические рассказы» «распродана, за исключением небольшого количества, оставшегося в киосках на ст. железных дорог» и сообщал, что готовится к печати 2-е издание (№ 19. С. 11). Новое издание вышло уже под другим названием — как третья книга «Рассказов (юмористических)» в издании «Шиповника». Этот сборник по своему составу в точности повторяет сборник «Юмористические рассказы». При подготовке издания «Шиповника» рассказы были заново отредактированы автором.

На титульной странице книги значится: «Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Книга третья. Второе издание. Изд. Шиповник СПб. 1911». На обороте титула указано: «1, 12 и 13 л.л. печатаны в типографии “т-ва В. Андерсон и Г. Лойцинский” СПб., Вознесенский пр. 53, а 2—11 л.л. в типографии журнала «Сатирикон», Бассейная, 3—5».

Последним из выявленных изданий является восьмое. На титульной странице указано: «Аркадий Аверченко. Рассказы (юмористические). Книга третья. Восьмое издание. Изд. Шиповник Петроград. 1916». На задней сторонке обложки указано: «Петроград. Дозволено военной цензурой 24 марта 1916 г.» В содержании сборника помимо общего названия — «Виньетки» — приведены и названия объединенных миниатюр: «Тщеславие», «Была пора, когда...», «Измена», «Экономия». В содержании пропущено название рассказа «Первый дебют», вместо названия «Жалкое существо» указано «Жалкое существование», в названии «Служитель Муз» второе слово напечатано с прописной литеры (в сборнике «ЮР» — с строчной), а вместо «Пинхус Розенберг» ошибочно напечатано «Пинхус Роземберг».

Дебютант

Впервые опубл. в изд.: Стрекоза. 1908. № 5. 3 февраля. С. 14—15.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст, опубликованный в журнале, были внесены существенные изменения.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
В качестве режиссера <...>	В качестве театрального режиссера <...>	В качестве театрального режиссера <...>
Он встал и заложивши одну руку за борт сюртука, другой рукой элегантно взъерошил себе волосы.	Он встал, заложил одну руку за борт сюртука, а другой элегантно взъерошил себе волосы.	Он встал, заложил одну руку за борт сюртука, а другой небрежно взъерошил себе волосы.
Без всякого колебания я поспешил сказать, что лично против него ничего не имею.	Бросив на него беглый взгляд, я, без всякого колебания, поспешил сказать, что лично против него — ничего не имею.	Бросив на него беглый взгляд, я, без всякого колебания, поспешил сказать, что лично против него ничего не имею.
<...> Выраженное мною горькое сожаление и боязнь <...>	<...> Выраженное мною горькое сожаление и опасение <...>	<...> Выраженное мною горькое сожаление и опасение <...>
Выраженное мною горькое сожаление и опасение, что подобные ужасные случаи, вероятно, — не единичны, — заставили его ободриться.	Выраженное мною горькое сожаление и опасение, что подобные ужасные случаи, вероятно, — не единичны, — заставили его ободриться.	Выраженное мною горькое сожаление и опасение, что подобные ужасные случаи, вероятно, не единичны, — заставили его ободриться.
Головокружительная быстрота, с которой посетитель перескочил к материальной стороне предполагаемой сделки, немного испугала меня, и я вкрадчиво заметил <...>	Головокружительная быстрота, с которой посетитель перескочил к материальной стороне предполагаемой сделки, немного испугала меня, и я вкрадчиво заметил <...>	Головокружительная быстрота, с которой посетитель перескочил к материальной стороне предполагаемой сделки, немного испугала меня... Я вкрадчиво заметил <...>
Вы Помидоровых знаете? Нет? Удивительно!	Вы Помидоровых знаете? Нет? Удивительно!	Вы Помидоровых знаете? Нет? Изумительно!
<...> делая над собой гигантские усилия, чтобы сохранить серьезный деловой вид.	<...> делая над собой гигантские усилия, чтобы сохранить серьезный деловой вид.	<...> делая над собой некоторые усилия, чтобы сохранить серьезный деловой вид.

<...> и за ужином, среди своих мыслей, неожиданно для окружающих, расхохотался.

Полусонные, задыхающиеся от жары артисты <...>

— Для удобства, в смысле парика, — пояснил он мне после.

Я встретил его преувеличенно, восторженно <...>

Я на первый раз одену и загримирую вас.

Вы, вероятно, знаете, что самый некрасивый жест на сцене, когда артист нелепо взденет руки кверху.

И потом, это жертва святому искусству!

Его оживание стало пропадать, и он уныло согласился со мною.

<...> и с пылающего лица пот стекал обильными ручьями.

Натянувши на него громадный рыжий парик <...>

Он любовался в зеркало <...>

<...> и за ужином, среди своих мыслей, неожиданно расхохотался.

Полусонные, задыхающиеся от жары артисты <...>

— Для удобства, в смысле парика, — пояснил он мне после.

Я встретил его преувеличенно-восторженно <...>

На первый раз я одену и загримирую вас.

Вы, вероятно, знаете, что самый некрасивый жест на сцене, — когда артист нелепо взденет руки кверху.

И потом, это жертва святому искусству!

Его оживание стало пропадать, и он уныло согласился со мною.

<...> и пот стекал с пылающего лица обильными ручьями.

Натянувши на него громадный рыжий парик <...>

Он любовался на себя в зеркало <...>

<...> и за ужином, среди своих мыслей, неожиданно засмеялся.

Полусонные, задыхающиеся от жары актеры <...>

— Для удобства, в смысле парика, — пояснил он мне после, поглаживая голову.

Я встретил его преувеличенно-восторженно <...>

На первый раз я одену и загримирую вас.

Вы, вероятно, знаете, что самый некрасивый жест на сцене, — когда артист нелепо взденет руки кверху.

Жертва святому искусству!

Его оживание стало пропадать, и он нерешительно согласился со мною.

<...> и пот стекал с пылающего лица обильными ручьями.

Натянув на него громадный рыжий парик <...>

Он любовался на себя в зеркало <...>

Он страдальчески улыбнулся и прохрипел, что обещается не ударить.	Он страдальчески улыбнулся и прохрипел, что не ударит.	Он страдальчески улыбнулся и прохрипел, что не ударит.
<...> где стена была наиболее накалена беспощадным солнцем.	<...> где стена наиболее накалена беспощадным солнцем.	<...> где стена наиболее накалена беспощадным солнцем.
<...> был удовлетворен видом ужасающей горы платя...	<...> был удовлетворен видом ужасающей горы платя...	<...> был совершенно удовлетворен видом ужасающей горы платя...
<...> видом ужасающей горы платя, наверху которой, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо <...>	<...> видом ужасающей горы платя... Наверху этой горы, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо <...>	<...> видом ужасающей горы платя... Наверху этой горы, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо <...>
<...> перед опущенной занавесью, чего он даже не заметил.	<...> перед опущенной занавесью, — чего он даже не заметил.	<...> перед опущенной занавесью, — чего он даже не заметил.
Слышите, какие аплодисменты вам?	Слышите, какие аплодисменты вам?	Слышите, какие аплодисменты?

Кроме того, строка «— Теперь я вас загримирую... Садитесь» выпала из набора в «РЮЗ» и восстановлена в наст. изд. по «ЮР» и журнальной публикации.

Подзаголовок с жанровым определением «шарж» Аверченко в 1908 году использовал еще раз в «Сатириконе» в рубрике «Театр»: «Лурих борется (Шарж)» (см.: № 16. 26 июля. С. 6. Подписано: А.). Если в случае с «Дебютантом» подзаголовок должен был скорее объяснить необычную для «Стрекозы» поэтику юмористического рассказа, то «Лурих борется» действительно может рассматриваться как литературный «шарж», поскольку в качестве главного героя там выведен конкретный и хорошо известный человек — борец Георг Лурих (1876–1920).

Схожая ситуация лежит в основе сюжета рассказа Н.А. Лейкина «Актриса-любительница», где изображается пришедшая к антрепренеру и желающая «сыграть какую-нибудь роль, но только роль получше» дебютантка (см.: Лейкин 1888: 111–116).

¹ *Тамберлик Энрико* (1820–1889) — знаменитый итальянский певец-тенор, выступавший в течение нескольких лет в России.

² *Я у них два раза играл на любительских спектаклях!! Успех колоссальный!!!* — Схожим образом рекомендует себя начинающая актриса в рассказе Н.А. Лейкина «Актриса-любительница»: «Играть не играла, а в живой картине стояла, но обидно, что пришлось с пьяным кавалером стоять. Я-то выдержала, а он вдруг руками начал махать, покачнулся и упал на четверинки» (Лейкин 1888: 112).

³ *«На пороге великих событий»* — комедия-шутка в 4-х действиях Николая Даниловича Павлова (1855/1856–1908) и Александра Ивановича Сумбатова-Южина (1857–1927) (М.: Лит. Моск. театр. б-ки Е.Н. Рассохиной, ценз. 1889).

⁴ *«Простодушная и ветреная»*. — Возможно, пародируется название комедии в 1-м действии Виктора Александровича Рышкова (1862–1924) «Желанный и неожиданный».

⁵ *Гаррик* (Гэррик) Дэвид (1717–1779) — знаменитый английский актер и театральный деятель, реформатор театрального искусства, настаивавший на том, что актер должен вживаться в создаваемый им образ.

⁶ — *Раздевайтесь! У нас сегодня идет «Ревизор», и вам, кажется, есть ролька. Вы помните пьесу? ~ Да-да... Ре...ревизора! Помню... но очень смутно!* — Ср. у Н.А. Лейкина в рассказе «Актриса-любительница»:

— Ну-с, давайте выбирать пьесу... — сказал антрепренер. — В чем же бы вы хотели дебютировать?

— Ах, Боже мой! Не дебютировать, а играть... Дебютировать — ведь это значит, чтобы что-нибудь такое простое, бессловесное... А я этого вовсе не желаю. Я желаю, чтобы мне говорить, много говорить, три раза, а то четыре раза переодеться, потом утопиться или упасть с горы и пусть меня вынесут мертвую на сцену... — отвечала молодая женщина. — Мертвую и в дезабилье, и с распущенными волосами. У меня косы свои, и отличные косы, — прибавила она.

— Хорошо-с, хорошо-с, но пьесу-то надо выбрать. В какой бы вы, например, пьесе желали играть? — задал вопрос антрепренер.

— В какой? Вот видите ли, я пьес много видела, но все их названия перезабыла...

— Желаете в Островском себя попробовать?

— А что это за пьеса такая «Островский»?

— Не пьеса, сударыня, а писатель, который написал много пьес. Как же вы хотите играть на сцене и не знаете об Островском!

— Почем же мне знать? Он ко мне не ездит. Да и никогда я с ним не встречалась. Как мне знать писателя?.. Писатели все такие... такой народ...

Лейкин 1888: 113–114

⁷ *Вы будете играть отца Хлестакова...* — В пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» нет такого персонажа.

⁸ *Зипун* — короткий суконный крестьянский кафтан.

⁹ *Каратыгин*. — Персонаж Аверченко использует знаменитую актерскую фамилию, прославленную Василием Андреевичем (1802–1853) и Петром Андреевичем (1805–1879) Каратыгиными.

¹⁰ *Наверху этой горы, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо, с которого ручьи пота смыли весь грим...* — В рассказе Н.А. Лейкина «Дебютант», где речь идет о дебюте в столице провинциального актера, также описывается постановка «Ревизора» и обыгрывается ситуация с гримом и жарой:

В клубе спектакль. Идет «Ревизор». Роль Хлестакова играет дебютант, приезжий из провинции актер, считающий себя провинциальной знаменитостью. Кончился второй акт. Антракт. Дебютант сидит в уборной перед зеркалом и машет себе в лицо носовым платком, говоря: «Фу, как жарко!» <...>

— Фу, как жарко! — повторяет он. — Боюсь, как бы гримировка не облягала на сцене, а у меня эта роль главным образом на гримировке и построена. Пот так и льет.

Лейкин 1882: 147

¹¹ *Армяк*. — См. примеч. 4 к рассказу «Преступники» («РЮ1»).

Корень зла

Впервые с подзаголовком «(Негативы)» опубликовано в изд.: Стрекоза. 1908. № 18. 4 мая. С. 6.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации были внесены изменения.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Что ты, скотина, с ним брудершафт пил, что ли?!	Что ты, скотина, с ним брудершафт пил, что ли?	Что ты, скотина, с ним брудершафт пил, что ли?
Кондуктор, кондуктор, меня здесь оскорбляют!..	Кондуктор, кондуктор, меня здесь оскорбляют.	Кондуктор, кондуктор, меня здесь оскорбляют.
Па-азвольте!!	Па-аз-вольте!!	Па-аз-вольте!!
Не птица — не полетишь!	Не птица — не полетишь!	Не птица, не полетишь!
А как эти, стало быть, гимназисты...	А как эти, будем говорить, гимназисты...	А как эти, будем говорить, гимназисты...
А я-то причем!	А я-то причем!	Ну! А я-то причем!
Но для истины должен сказать <...>	Но для истины должен сказать <...>	Но для восстановления истины должен сказать <...>
<i>(указывает на плохо одет. господина)</i>	<i>(указывает на плохо одет. господина)</i>	<i>(указывает на плохо одетого господина)</i>
<i>(<...> устремляет строгий взгляд на пл. одет. госп.).</i>	<i>(<...> устремляет строгий взгляд на пл. одет. госп.).</i>	<i>(<...> устремляет строгий взгляд на плохо одет. госп.).</i>
Вы эс-эр или эс-дек?..	Вы эс-эр или эс-дек?..	Вы эс-эр или эс-дек?

Кроме того, в журнальной публикации и сборнике «ЮР» слова каждого героя отделены от его «наименования» с помощью тире.

Комические ситуации, связанные с конкой, многократно использовались в русской юмористике: ср., напр., рассказы Н.А. Лейкина «В вагоне конно-железной дороги» (см.: Лейкин 1874: 142–145), «По конке» (см.: Лейкин 1879а: 152–158), «Вред и польза конно-железки» (см.: Лейкин 1879б: 63–65), «На вышке в конно-железке» (см.: Там же: 130–133), «Отрицатель» (см.: Лейкин 1890: 135–139), К.С. Баранцевича «Кондуктор» (см.: Баранцевич 1894: 46–54), И.И. Мясницкого «На конке» (см.: Мясницкий 1900б: 173–186). Персонаж рассказа К.С. Баранцевича «Низкий человек», построенного на изображении находящихся в замкнутом пространстве пассажиров конки и кондуктора, объясняет:

Прелюбопытню бывает иногда проехаться по «конке»! Едешь себе ни тихо, ни шибко, «ни шатко, ни валко, ни на сторону», сидишь, покойно глазеешь на вывески, да от нечего делать разные наблюдения делаешь. Очень интересное занятие, а что самое главное, безобидное и вполне, можно сказать, современное.

Баранцевич [б. г.]: 44

¹ *Опорки* — изношенные сапоги с отрезанными по щиколотку голенищами.

² *Эс-эф* — член партии социалистов-революционеров или человек, поддерживающий ее платформу.

³ *Эс-дек* — член партии социал-демократов или человек, поддерживающий ее платформу.

Коса на камень

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1908. № 6. 17 мая. С. 10—11.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
За это теперь и ответить можно...	За это теперь и ответить можно...	За это теперь отвечают!..
<...> что другой правый депутат его идиотом назвал.	<...> что другой правый депутат назвал его идиотом.	<...> что другой депутат назвал его идиотом.
<...> якобы любовавшегося на гаснущий закат.	<...> якобы любовавшегося гаснущим закатом.	<...> якобы любовавшегося гаснущим закатом.
Роскошь, что такое!!	Восторг, что такое!!	Га! Восторг, что такое!!
Меланхолия! — торжествуяще подумал репортер.	Меланхолия! — торжествуяще подумал репортер.	Меланхолия! — подумал репортер.
Тем лучше.	Тем лучше!	Тем лучше.
<...> да и выпить бутылку воды из канала.	<...> да и выпить бутылку этой зловонной воды.	<...> да и выпить бутылку этой зловонной воды.

Затем, это волнение так подозрительно...	Что вы говорите? Затем, это волнение так подозрительно...	Что вы говорите? Затем, это волнение так подозрительно...
Но какого черта вам нужно искать другого места.	Но какого черта вам искать другого места.	Но какого черта вам искать другого места.
Фигь!	Фигь!	Фюить!
<...> это, простите, даже глупо.	<...> это, — простите, — даже глупо.	<...> это, — простите, — даже глупо.
— Вы знаете, я, кажется, буду вам очень благодарен...	— Вы знаете, я, кажется, буду вам очень благодарен...	— Вы знаете, я, кажется, должен быть вам очень благодарен...
Но, скажите откровенно, зачем вам понадобилось, чтобы я утонул именно здесь?	Но, скажите откровенно, для чего вам понадобилось, чтобы я утонул именно здесь?	Но, скажите откровенно, для чего вам понадобилось, чтобы я утонул именно здесь?
— Я хотел лично видеть всё это.	— Я хотел лично видеть всё это.	— Хотел лично видеть всё это.
Репортер ударил себя в грудь.	Репортер ударил себя ладонью в грудь.	Репортер ударил себя ладонью в грудь.
Позвольте пожать вашу руку.	Позвольте пожать вашу руку.	— А-а!.. Позвольте пожать вам руку.
Просто я стоял в месте, где мне никто не мешал <...>	Просто я стоял на месте, где мне никто не мешал <...>	Просто я стоял на месте, где мне никто не мешал <...>

Кроме того, в 8-м издании сборника «РЮЗ» во фразе «<...> проведенный на этой бессердечной земной коре <...>» ошибочно опущено слово «земной», без которого теряется смысл фрагмента.

В названии рассказа есть переключка с другим рассказом Аверченко на схожую тему — «Камень на шее» («РЮЗ»).

Сюжет является интерпретацией распространенного мотива юмористических произведений. К примеру, в написанном в 1885 году рассказе А.П. Чехова «Два газетчика (Неправдоподобный рассказ)» вешается сотрудник газеты «Начихать вам на головы!» Рыбкин, а присутствующий при этом сотрудник газеты

«Иуда предатель» Шлёпкин сначала отговаривает приятеля от самоубийства, но, в конце концов, садится писать целую серию статей и заметок на эту тему:

Рыбкин накинул себе петлю на шею и с удовольствием повесился. Шлёпкин сел за стол и в один миг написал: заметку о самоубийстве, некролог Рыбкина, фельетон по поводу частых самоубийств, передовую об усилении кары, налагаемой на самоубийц, и еще несколько других статей на ту же тему. Написав всё это, он положил в карман и весело побежал в редакцию, где его ждали мзда, слава и читатели.

Чехов 1974–1983/4: 158

Ср. также с рассуждением репортера у М. Твена в книге «Выдержал, или Попривык и вынес» («*Roughing It*»; 1872):

Когда снова сделался застой в приключениях и не о чем было писать, какой-то сорви-голова убил в одной гостиной человека; я обрадовался и никогда в жизни еще не чувствовал себя настолько счастливым. Я мысленно говорил убийце:

— Сэр, вы мне чужой и неизвестный, но вы оказали мне такую услугу сегодня, которой я никогда не забуду. Если несколько лет признательности могут быть вам некоторым вознаграждением, то примите их. Я был удручен заботами, и вы облегчили мне труд именно в то время, когда всё вокруг казалось темно и неприглядно. Позвольте мне с сегодняшнего дня считаться вашим другом, так как я не такой, чтобы забыть когда-нибудь сделанную мне услугу.

Если я в действительности не обратился к убийце с такими словами, то чувствовал большую потребность это сделать. Я описал убийство и обратил внимание на все подробности, и когда окончил статью, то сожалел об одном, а именно о том, что тут же на месте не повесили моего благодетеля, чтобы я мог теперь приняться за него.

Твен 1896–1899/8: 328.

Пер. Н.Н. Панютиной

Схожий мотив звучит в напечатанном в «Сатириконе» через две недели после публикации рассказа Аверченко рассказе Скитальца «Из записок Крамольникова»:

В зале было множество коллег. Они сидели с утрюмыми, усталыми лицами и — мне показалось, что каждый с тайным вожелением смотрит на ближайшего соседа — и думает:

«Ах, черт возьми, — а, может быть, он застрелится! У него такой печальный вид! Что ему стоит застрелиться? Строк на 200 бы набежал! А если он женат, так я бы жену проинтервьюировал — и закатил бы, пожалуй, и все 300! Неужели же он не застрелится, черт его побери!!»

№ 8. 31 мая. С. 2

¹ *...ваши утки большей частью дамощенные.* — Обыгрывается выражение «газетная утка» — то есть опубликованная в газете заведомо ложная, выдуманная информация.

² — *Хорошо бы депутатов сравить на драку... Потом — впечатлений, интервью, показаний очевидцев — рублей на сорок.* — Этот мотив (депутат устраивает скандал по заданию издателя газеты) Аверченко затем использовал в рассказе «Спермин», опубликованном 17 (30) января 1910 г. в газете «Одесские Новости» и включенном в сборник «ВУ».

³ *Фонтанка* — река в центре Санкт-Петербурга.

⁴ *Резон д'этр* (фр. *raison d'être* — букв.: «смысл жизни») — французский фразеологизм, обычно используемый в значении: весомая причина, достаточное основание.

⁵ *Передовик* — в данном случае: автор передовых (то есть печатающихся под заголовком на первой полосе и отражавших редакционную позицию) статей в газете.

Сплетня

Впервые опубл. в изд.: Стрекоза. 1908. № 22. 1 июня. С. 6–7.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> из воды четко показывалась высокая пышная грудь <...>	<...> из воды четко показывалась высокая пышная грудь <...>	<...> из воды отчетливо показывалась высокая пышная грудь <...>
Ну, штука!	Ну, и штука!	Ну, и штука!
Вот бы поехать!	Вот бы поехать!	Туда-то бы поехать!

<...> и говорит ему, что за границей так принято...	<...> и рассказывала ему, что за границей так принято...	<...> и рассказывала ему, что за границей так принято...
<...> целомудренно потупилась Петровна.	<...> целомудренно потупилась Петровна.	<...> застенчиво потупилась Петровна.
<...> а то — на-ко здесь разврат заводит!	<...> а то — на-ко здесь разврат заводит!	<...> а то — на-ко здесь разврат заводят!
Украдет у тетки деньги, вот и всё!	Скрадет у тетки деньги, вот и всё!	Скрадет у тетки деньги, вот и всё!
Весь город шепчется об этом!	Весь город шуршит об этом.	Весь город шуршит об этом.
Рассказывай: с кем, как и когда?..	Рассказывай: с кем, как и когда?..	Рассказывай: с кем и когда?..
Ведь я теперь уволен со службы...	Вот я теперь уволен со службы...	Вот я теперь уволен со службы...
Как вам известно, тетенька, я не женат.	Как вам известно, тетенька, я не женат.	Как вам известно, тетенька, — я не женат.

В рассказе развиваются «купальные» мотивы дачной темы (см. также рассказы «Красивая женщина» («РЮ1») и «Два преступления господина Вопягина» («РЮ2»)).

¹ *Федор Иванович Аквинский*. — В имени и фамилии героя содержится явная отсылка к имени канонизированного итальянского богослова и философа Фомы Аквинского (1225–1274).

² *Ривьера* — французско-итальянское побережье Средиземного моря, где расположен ряд известных европейских курортов (Ницца, Канны и т. д.).

³ *Пакауз* — крытый склад для краткосрочного хранения грузов.

⁴ — *Что с вами, Милитриса Кирбитьевна?* — Образ Милитрисы Кирбитьевны, королевны из сказки о Бове-королевиче, встречается при характеристике горничной у Н.С. Лескова в «Соборях» (1872): «В Москву и в Питер покойница езжали, никогда горничных с собою не брали... Изволят, бывало, говорить: “Все эти Милитрисы Кирбитьевны квохчут, да в гостиницах по коридорам расхаживают, да знакомятся...”» (Лесков 1956–1958/4: 139). Также

его использовали персонажи романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859) («<...> а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне» (Гончаров 1997–2017/4: 116)) и комедии А.Н. Островского «Красавец-мужчина» (1883), где во втором явлении третьего действия Лотохин говорит: «А вот какие: я дворянин, там, или чиновник и кавалер такой-то, обязуюсь жениться на мещанке такой-то слободы, девице Милитрисе Кирбитьевне, в чем и даю сию расписку» (Островский 1973–1980/5: 319), и др. В юмористике эти имя и отчество использовались как комическое обращение. Ср. у И.И. Мясницкого в рассказе «Трагик»:

– Сортэ?! Жа-а-мэ!! – воскликнул трагически «ахтеришко». – Царица души моей, Милитриса Кирбитьевна!

– А ты мне эдаких богопротивных слов не смей говорить... не царица я и на твою душу плевать хочу... вот что!

Мясницкий 1894: 210–211

⁵ ...заменить домашний очаг неизбежным винтом или *chemin de fer*⁵ом. – Имеются в виду распространенные карточные игры.

⁶ *Отелло* – главный герой трагедии У. Шекспира «Отелло, венецианский мавр» («The Tragedy of Othello, The Moor of Venice»; 1604), убивающий из ревности жену.

Дурак

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1908. № 11. 21 июня. С. 13–14.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
«Барон Мюльгаузен».	«Барон Мюльгаузен».	– Барон Мюнгаузен!
<...> – и был, очевидно, сильно польщен <...>	<...> будучи, очевидно, сильно польщен <...>	<...> будучи, очевидно, сильно польщен <...>
<...> не зная, куда деть завернутую в бумагу сотню живых раков <...>	<...> не зная, куда деть завернутую в бумагу сотню живых раков <...>	<...> не зная, куда девать завернутую в бумагу сотню живых раков <...>

– Что это у вас в бумаге?

– Можно посмотреть?

Дурак нагнулся и снизу заглянул в глаза говорившему <...>

Однако тот был невозмутим, сохраняя в лице выражение угнетенной невинности.

И, выпалив эту галиматью, Подходцев гордо оглядел компанию.

Ясно, что внутри пружина!

– Так сломаем его, и я вам докажу!

<...> я, желая развеселить его, превратился в любезного хозяина <...>

<...> в каждом таком деле нужна логика.

Дурак сидел, побледневши как мертвец <...>

<...> пробку от горчицы <...>

Но Дурак был уже в пальто, обняв руками своих раков <...>

<...> внимательно осмотрел рака и, оторвавши хвост, стал, по одному, отламывать клешни и лапы.

– Что это у вас в бумаге?

– Можно посмотреть?

Дурак нагнулся и снизу заглянул в глаза говорившему <...>

Однако тот был невозмутим, сохраняя в лице выражение оскорбленного человека.

И, проговорив эти странные слова, Подходцев гордо оглядел компанию.

Ясно, внутри пружина!

– Так сломаем его, и я вам докажу!

<...> я, желая развеселить его, превратился в любезного хозяина <...>

<...> в каждом таком деле нужна логика.

Дурак сидел, побледневши как мертвец <...>

<...> пробку от горчицы <...>

Но Дурак был уже в пальто, обняв руками своих раков <...>

<...> внимательно осмотрел рака и, оторвавши хвост, стал, по одной, отламывать клешни и лапы.

– Что у вас в бумаге?

– Гм!.. Так и купили? Можно посмотреть?

Дурак нагнулся и снизу посмотрел в глаза говорившему <...>

Однако Подходцев был невозмутим, сохраняя в лице выражение оскорбленного человека.

И, проговорив эти странные слова, Подходцев гордо оглядел компанию.

Ясно, внутри пружина!

– Так сломаем его, и я вам покажу!

<...> я, желая развеселить его, принял на себя роль любезного хозяина <...>

<...> в каждом деле нужна логика.

Дурак сидел, побледнев как мертвец <...>

<...> пробку от горчицы <...>

Но Дурак был уже в пальто, обняв руками своих раков <...>

<...> внимательно осмотрел рака и, оторвавши хвост, стал – по одной – отламывать клешни и лапы.

Дождь ли был тому причиной, но скука охватила всю компанию.	Дождь ли был тому причиной, но скука охватила всю компанию.	Дождь ли был тому причиной, — но скука охватила всю компанию.
---	---	---

Кроме того, в журнальной публикации предложение, начинающееся словами «Что за тяжелый, кошмарный мозг <...>», выделено в самостоятельный абзац.

Персонажи этого рассказа — Подходцев и Клинков — впоследствии появятся еще в ряде произведений Аверченко, в том числе в рассказе «Дуэль» («РЮЗ»), а также в повести «Подходцев и двое других», в которой были использованы тексты ряда рассказов (см.: Аверченко 1917).

¹ — *Граф Калиостро*, — *гордо представился один*. — Известный мистик и авантюрист Алессандро Калиостро (наст. имя: Джузеппе Бальсамо; 1743–1795) был хорошо известен в России (ср. рассказ Аверченко «Граф Калиостро» («РЮЗ»). Представляясь так, герой в данном случае уже именем подчеркивает, что он обманщик и мистификатор.

² — *Барон Мюннгаузен!* — Немецкий барон Карл Фридрих Иероним фон Мюннгаузен (Мюнхгаузен, нем. Münchhausen; 1720–1797) стал известным литературным персонажем благодаря книге немецкого писателя Рудольфа Эриха Распе (1736–1794) «Рассказы барона Мюннгаузена о его изумительных путешествиях и кампаниях в России» («Baron Munchausen's Narrative of his Marvellous Travels and Campaigns in Russia»; 1785) и ее последующим переработкам, в которых барон предстал вралем, рассказывающим о себе необыкновенные истории. Как и в случае с предшествующей репликой, герой, представляясь так, дает понять, что он выдумщик и обманщик (см. также пред. примеч.).

³ *Виконт*. — Персонаж берет себе дворянский титул, занимающий промежуточное положение между уже упомянутыми ранее бароном и графом.

⁴ — *Здорово сделан!* — *похвалил он, держа рака двумя пальцами перед лампой*. — Искусственные раки действительно продавались и использовались в декоративных целях. На этом, в частности, строилась комическая ситуация в очерке И.И. Мясницкого «Свадьба»:

- Позвольте, господин, да какой вы фундамент кушали-то?
- Рраки... рраки были... рраки...
- Батюшки! Стеарин с папье-маше отведали... Тыфу! Ну, гость! Вы уж, господин, постойте тут, а я за хозяином сбегаю... Все ели у нас, а до стеарину охотников не было...

⁵ По-моему, это нюрнбергская работа... — Баварский город Нюрнберг (Нюрнберг, нем. Nürnberg) был известен своими изделиями XVI—XVII вв. из серебра, оружием, мебелью и т. д., так что в работах историков и искусствоведов использовалось устойчивое выражение «нюр(е)нбергской работы».

⁶ — Скажите, граф, — неожиданно обратился Подходцев к одному юноше, — в каком положении ваше дело о краже пальто из передней клуба? — Возможно, здесь содержится намек на нашу мемуарную историю о краже шапки Д.С. Мережковского. Ср. об этом, к примеру, у А.С. Суворина:

У г. Мережковского, известного писателя, пропала шапка.

Она пропала у него во время обыска в квартире писателя В. Иванова. В квартире этой находились кроме г. Мережковского и его жены (З.Н. Гиппиус) писатели гг. Щёголев, Габрилович, Сологуб, Бердяев и г-жа Венгерова. Обыск продолжался 5 часов. Найдены три нумера какой-то революционной газеты и один револьвер с разрешением от градоначальника.

Кто знает лично этих писателей и писательниц или понаслышке, тот никогда бы не сказал, что они способны заниматься бомбами и динамитом. Они могут быть убеждений оригинальных, даже крайних, но от «вооруженного восстания» очень далеки. Самая страшная персона из них З.Н. Гиппиус, которая, по свидетельству мужа ее, г. Мережковского, называется ее врагами «белой дьяволицей». Черти и дьяволы — это специальная область исследований г. Мережковского. И если он отвергает это обвинение, то ему можно верить. В самом деле, сколько мне известно, «белая дьяволица» так же страшна, как «белая голубица». Вся эта компания вела тот литературно-политический разговор, который обычен литературным компаниям.

Суворин А. Маленькие письма. DCXXI // Новое Время. 1906. 3 января. № 10706. С. 3; цит. по: Суворин 2005: 428—430.

⁷ Биржа. — Здание Биржи в Санкт-Петербурге стоит на стрелке Васильевского острова.

⁸ ...сидит в централке... — То есть в центральной пересыльной тюрьме.

⁹ ...фабричную марку: «И. Павлов. Тула». — С 1712 г., когда в Туле был создан первый государственный оружейный завод, город являлся центром производства оружия и механических изделий, в котором работали лучшие мастера. В упоминании Тулы содержится отсылка и к повести Н.С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881).

Измена

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1908. № 12. 28 июня. С. 13—14.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> он обратил внимание, что в окне спальни жены света не было.	<...> он обратил внимание на то, что в окне спальни жены света не было.	<...> он обратил внимание на то, что в окне спальни жены света не было.
Всё происшедшее дальше было так обычно <...>	Всё происшедшее дальше было так обычно <...>	Всё происшедшее дальше — было так обычно <...>
<...> но читающую публику, я знаю, такие вещи должны утомлять.	<...> но читающую публику такие вещи должны утомлять.	<...> но читающую публику такие вещи должны утомлять.
<...> который застаёт жену с другом дома, получила несколько оригинальную, чуждую шаблона, окраску.	<...> который застаёт жену с другом дома, получила несколько оригинальную, чуждую шаблона, окраску.	<...> который застаёт жену с другом дома, — получила несколько оригинальную, чуждую шаблона окраску.
Нет! Не пытайтесь отпираться...	Нет! не пытайтесь отпираться...	Нет, не пытайтесь отпираться...
— С чужой женой, в квартире, за которую платит ее муж...	— С чужой женой, в квартире, за которую платит ее муж...	— Позор!.. С чужой женой, в квартире, за которую платит ее муж...
— На колени, несчастный!	— На колени, несчастный!	— На колени, несчастный!!
<...> пребольно ударил его раза три сзади в спину <...>	<...> пребольно ударил его три раза сзади в спину <...>	<...> пребольно ударил его три раза сзади в спину <...>
— Э, нет, милый...	— Э, нет, милый.	— Э, нет, милый.
Повернувши ключ в дверях <...>	Повернувши ключ в дверях <...>	Повернув ключ в дверях <...>

— Да, надо будет. Ничего не поделаешь.	— Да, надо будет. Ничего не поделаешь.	— Да, надо будет, ничего не поделаешь.
Сел на диван и, закурив папиросу, стал уныло следить за туалетом Грохотова.	Сел на диван, закурил папиросу и стал уныло следить за туалетом Грохотова.	Сел на диван, закурил папиросу и стал уныло следить за туалетом Грохотова.
Вилкин, ты не видел моей запонки?	Вилкин, ты не видал моей запонки?	Вилкин, ты не видал моей запонки?
У меня характер, сам знаешь, скверный...	У меня характер, сам знаешь, скверный...	У меня характер, сам знаешь, тяжелый...
— Но!!	— Н-но!!	— Н-но?!
Жена свесилась с постели и указала ему рукой <...>	Жена, свесившись с постели, указала ему рукой <...>	Жена, свесившись с постели, указала ему рукой <...>
Не там... дальше! левее... ох, какой ты бестолковый.	Не там... дальше, левее... Ох, какой ты бестолковый!	Не там... дальше, левее... Ох, какой ты бестолковый!
<...> поцеловал галантно у madame Вилкиной руку и сказал мужу фамильярно <...>	<...> поцеловал галантно у madame Вилкиной руку, а мужу сказал фамильярно <...>	<...> поцеловал галантно у madame Вилкиной руку, а мужу сказал фамильярно <...>
Назову тебя хоть целым Сервизовым — только проводи меня.	Назову тебя хоть целым Сервизом — только проводи меня.	Назову тебя хоть целым Сервизовым — только проводи меня.
<...> а когда он выпускал Грохотова в дверь <...>	<...> а когда он выпускал Грохотова в дверь <...>	<...> а когда меняла выпускал Грохотова в дверь <...>
<...> но, вместо этого, ощутил в своей руке какой-то предмет.	<...> но, вместо этого, ощутил в своей руке какой-то предмет.	<...> но, вместо пожатия, ощутил в своей руке какой-то предмет.

¹ — *Сегодня я в «Черный лебедь» не пойду.* — Это название Аверченко использует и в рассказе «Страшный человек» («РЮ1»); см. примеч. 2 к указанному произведению.

² ...*мой бледнолицый брат*... — Персонаж иронически использует обращение индейцев к белым, которое обыгрывается в русской литературе в качестве знаковой жанровой цитаты из популярных в кон. XIX — нач. XX в. романов об индейцах. Ср., напр., в рассказе А.П. Чехова «Мальчики» (1886): «Себя Чечевицын называл при этом так: “Монтигомо Ястребиный Коготь”, а Володю — “бледнолицый брат мой”» (Чехов 1974—1983/6: 427). Ср. также у Тэффи в рассказе «Гурон», опубликованном в парижской газете «Возрождение» от 27 февраля 1927 г.:

«Охотники за черепами», «Пропавшая сестра», «Всадник без головы».

Там всё ясное, близкое, родное. Там родное. Сила, храбрость, честность.

«Маниту любит храбрых».

«Гуроны не могут лгать, бледнолицый брат мой. Гурон умрет за свое слово».

Вот это настоящая жизнь.

№ 635. С. 3;

цит. по: Тэффи 1998—2005/4: 110.

Жалкое существо

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1908. № 13. 5 июля. С. 14—15. Подписано: *Медуза Горгона*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
А я думал — приятельница.	А я думал — приятельница.	Я думал — приятельница.
— Я боюсь, что он удерет!	— Я боюсь, что он удерет!	— Я боюсь, что удерет!
Зайдемте сейчас только в этот магазин.	Зайдем сейчас только в этот магазин.	Зайдем сейчас только в этот магазин.
Я сел вдали и стал наблюдать <...>	Я сел вдали и стал наблюдать <...>	Я сел поодаль и стал наблюдать <...>
— Ну, дайте дробь.	— Ну, дайте дробь.	— Ну, дробь.

Приказчик, в отчаянии, искал моего взгляда, но я отвернулся.	Приказчик, в изумлении, искал моего взгляда, но я отвернулся.	Приказчик, в изумлении, искал моего взгляда, но я отвернулся.
<...> удовлетворительно, хотя с небольшим ущербом <...>	<...> удовлетворительно, хотя с большим ущербом <...>	<...> удовлетворительно, хотя с большим ущербом <...>
Фитиль потух.	Фитиль погас.	Фитиль погас.
Фитиль опять потух.	Фитиль опять погас.	Фитиль опять погас.
<...> а она, подмигнув иронически, сейчас же гасла.	<...> а она, подмигнув иронически, сейчас же гасла.	<...> а она, подмигнув насмешливо, сейчас же гасла.
Несчастное существо!	Несчастное существо!	Несчастное существо!..
— Кто, я?	— Кто, я?	— Кто я?
— Чего же от меня ожидать хорошего...	— Чего же от меня ожидать хорошего...	— Чего же от меня и ожидать хорошего...
<...> фребелевский метод обучения...	<...> фребелевский метод обучения...	<...> фребелевский метод обучения.

Кроме того, в журнальной публикации после слов «— В ваших руках — пожалуйста!» следует отбивка — пунктирная горизонтальная полоса.

¹ ...*фребелевский метод обучения*. — Фридрих Вильгельм Август Фребель (1782—1852) — немецкий педагог, создатель системы воспитания детей; ввел понятие «детский сад» (*нем.* Kindergarten). Труды Фребеля переводились и в России, где его теории получили достаточно широкое распространение. В «Сатириконе» высмеивали теорию Фребеля. В частности, в журнале был напечатан рисунок А. Радакова «Рациональное воспитание. Посвящается матерям Фребеличкам», который сопровождался ссылкой на книгу: «Фребель. Детские сады. Ст. 15» (1909. № 5. 31 января. С. 7). В 1913 г. в Москве в серии «Педагогическая библиотека» издательства К.И. Тихомирова вышло второе издание «Педагогических сочинений» Ф.-В.-А. Фребеля (Том I: Воспитание человека; Том II: Детский сад: (Детские игры. Устройство детского сада)) в пер. И.Д. Городецкого и Н.Н. Сколова под ред. Д.Н. Королькова.

Друг

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1908. № 17. (Стрекоза. № 31.) 3 августа. С. 14–15.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Ведь я эти глупые романы знаю вот как!	Ведь я эти глупые романы знаю вот как!	Ведь я эти глупые романы знаю – вот как!
<...> вместо того, чтобы стряхнуть ее на пол, сделал предложение...	<...> вместо того, чтобы стряхнуть ее на пол, сделал предложение...	<...> вместо того, чтобы стряхнуть ее на пол, – сделал предложение...
– Черт возьми! Как?!	– Черт возьми! как?!	– Черт возьми! Как?
Душилов впал в унылое раздумье.	Душилов впал в унылое раздумье.	Душилов впал в суровое раздумье.
«Ты что, старый дурак, мол, делаешь? Чай пьешь? Так вот тебе чай!» Да по голове его!	«Ты что, мол, делаешь? Газету читаешь? Так вот тебе газета!» Да по голове его!	«Ты что, мол, делаешь? Газету читаешь? Так вот тебе газета!» Да по голове его!
<...> согласился Душилов задумчиво.	<...> согласился Душилов серьезно.	<...> согласился Душилов серьезно.
Только ты можешь всё испортить?!	Только ты можешь всё испортить?!	Только ты можешь всё испортить?! А?
<...> я рада за вас.	<...> я рада за вас.	<...> я рада за вас!
Побледневшая блондинка открыла широко свои испуганные глаза.	Побледневшая блондинка открыла широко испуганные глаза.	Блондинка побледнела и открыла широко испуганные глаза.
– Вчера он ночевал в участке.	– Вчера он ночевал в участке.	– Вчера ночевал в участке.
– Но каково это его сестре!	– Но каково это его сестре!	– Ах!.. Но каково это его сестре!

Хорошая сестра!	Хорошая сестра!	Хорошая сестра! Хо-хо!
Мы так мечтали.	Мы так мечтали.	Мы так мечтали!..
У них с сестрой уже это всё было устроено!..	У них с сестрой уже это всё было устроено!..	У них с сестрой уже это всё было устроено!
— Вы знаете, что я не люблю сплетничать <...>	— Вы знаете, — я не люблю сплетничать <...>	Вы знаете, — я не люблю сплетничать <...>
Девушка вскочила с растрепанными кудрями и гневным лицом <...>	Девушка вскочила с растрепанной прической и гневным лицом <...>	Девушка вскочила с растрепавшейся прической и гневным лицом <...>
— Скажите ему... что он самый низкий мерзавец!	— Скажите ему... что он самый низкий мерзавец!	— Скажите ему... что он самый низкий мерзавец!..
<...> смерть вашей несчастной тетки ускорена не природой <...>	<...> смерть вашей несчастной тетки устроена (так! — Д.Н.) не природой <...>	<...> смерть вашей несчастной тетки устроена не природой <...>
<...> вы, при соучастии любовницы <...>	<...> вы, — при соучастии любовницы <...>	<...> вы, — при соучастии любовницы <...>
<...> правосудию всё известно...	<...> правосудию всё известно!..	<...> правосудию всё известно!..

Кроме того, в журнальной публикации отсутствует предложение «Крошкин подумал», в журнальной публикации и в сборнике «ЮР» отсутствует предложение «Не пересчитывали?».

Сюжет рассказа можно рассматривать как вариацию на тему написанной в 1885 году сценки А.П. Чехова «Жених и папенька. (Нечто современное)», в которой потенциальный жених наговаривает на себя, чтобы избежать свадьбы. Милкин (ср. у Аверченко — Крошкин) говорит, что недостойн невесты, и рассказывает о своих мнимых прегрешениях: о запойном пьянстве, о том, что он состоит под судом за растрату и подлог и вообще беглый каторжник и живет под чужой фамилией, что он сумасшедший (см.: Чехов 1974—1983/4: 88—92). Развязка у Аверченко существенно отличается от чеховской: у Чехова отец невесты игнорирует все признания мнимого жениха и требует, в конце концов, справку от доктора о сумасшествии, а доктор такую справку давать отказывается:

— Друг мой, я к тебе с просьбой! — обратился он к доктору. — Дело вот в чем... Меня хотят окрутить во что бы то ни стало... Чтобы избежать этой напасти, я придумал показать себя сумасшедшим... Гамлетовский прием, в некотором роде... Сумасшедшим, понимаешь, нельзя жениться... Будь другом, дай мне удостоверение в том, что я сумасшедший!

— Ты не хочешь жениться? — спросил доктор.

— Ни за какие коврижки!

— В таком случае не дам я тебе свидетельства, — сказал доктор, трогаясь за свою куафюру. — Кто не хочет жениться, тот не сумасшедший, а, напротив, умнейший человек... А вот когда захочешь жениться, ну тогда приходи за свидетельством... Тогда ясно будет, что ты сошел с ума...

Там же: 92

¹ *Сен-Лазар* (фр. Saint-Lazare) — женская тюрьма в Париже, основанная в XIV в. и закрывшаяся в 1935 г.; этой тюрьме посвящена специальная глава в романе Эжена Сю (1804—1857) «Парижские тайны» («Les Mystères de Paris»; 1842—1843; рус. пер. — 1844).

Люди четырёх измерений

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1908. № 24. 20 сентября. С. 4—5.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> судьба этого незнакомца будет чужда моему сердцу.	<...> судьба этого незнакомца будет чужда моему сердцу.	<...> судьба этого незнакомца будет мне чужда.
<...> пока мы не попали в полосу электрического света.	<...> пока мы не попали на полосу электрического света.	<...> пока мы не попали на полосу электрического света.
<...> как этот самый... сноп, падает.	<...> как этот самый... сноп, — падает.	<...> как этот самый... сноп, — падает.

<...> на углу улицы столкнулся с ее мужем.	<...> на углу улицы столкнулся с мужем.	<...> на углу улицы столкнулся с мужем.
А то, подумайте, у меня было тысячи полторы денег <...>	А то, — подумайте, — у меня было тысячи полторы денег <...>	А то, — подумайте, — у меня было тысячи полторы денег <...>
Охота вам таким вздором интересоваться! — Расскажите лучше о себе.	Охота вам таким вздором интересоваться!.. Расскажите лучше о себе.	Охота вам таким вздором интересоваться!.. Расскажите лучше о себе.
Был я три недели между жизнью и смертью.	Был я три недели между жизнью и смертью.	Был я три недели между жизнью и смертью...
— Вы говорите шрам?! три недели назад?	— Вы говорите — шрам?! Три недели назад?	— Вы говорите — шрам?! Три недели назад?
И что же вы думаете!	И — что же вы думаете!	И — что же вы думаете!

Кроме того, в журнальной публикации и в сборнике «ЮР» отсутствует предложение «Ха-ха!», а предложение «— Но... ради Бога! Чем вы были больны?» в сборнике «РЮЗ» из-за ошибки набора напечатано без знаков препинания (восстановлены по журнальной публикации и сборнику «ЮР»). Предложение «Горе несчастных родителей этого заблудшего молодого человека не поддается описанию...» в журнальной публикации выделено в отдельный абзац.

Заключительные строки этого рассказа цитируются в начале рецензии на сборник Николая Архипова (см.: Новый Журнал для Всех. 1910. № 19. Май. С. 123) и в предпоследнем абзаце статьи Вячеслава Полонского «Из литературы и жизни. Смех и горечь» (см.: Всеобщий Ежемесячник. 1910. № 7. Июль. С. 94—103), вторая часть которой была посвящена книгам Аверченко «Юмористические рассказы» и «Рассказы (юмористические). Книга первая». Тексты рецензии и статьи см. на с. 696—702 наст. изд.

¹ *Отелло*. — См. примеч. 6 к рассказу «Сплетня».

Новоселье

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1908. № 25. 27 сентября. Специальный студенческий номер. С. 6—7. Перепечатано в изд.: БАСТ 1910.

Специальный студенческий номер «Сатирикона» вышел с «белыми пятнами» из-за серьезных цензурных изъятий, так что редакция даже была вынуждена указать на обложке: «По независящим от редакции “Сатирикона” обстоятельствам настоящий специальный номер не может быть выпущен в том виде, как редакция предполагала».

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> и, откашлявшись, сказал <...>	<...> и, откашлявшись, сказал <...>	<...> и, откашливаясь, сказал <...>
Так он и сказал, негодяй, — откушать.	Так он и сказал, негодяй: откушать.	Так он и сказал, негодяй: откушать.
<...> занимался тем, что, держа другой ботинок на руке <...>	<...> — занимался тем, что, держа другой ботинок в руке <...>	<...> — занимался тем, что, держа другой ботинок в руке <...>
<...> падая со смелостью опытного пловца на Немецкое море <...>	<...> — падая со смелостью опытного пловца на Немецкое море <...>	<...> — падая со смелостью опытного пловца на Немецкое море <...>
И я назвал бы пошлым негодяем всякого цензора <...>	И я назвал бы мелким негодяем всякого цензора <...>	И я назвал бы мелким негодяем всякого цензора <...>
Я всегда, несмотря на происки твоих высокопоставленных врагов, был о тебе хорошего мнения.	Я всегда, несмотря на происки твоих высокопоставленных врагов, был о тебе хорошего мнения...	Я всегда, несмотря на происки твоих высокопоставленных врагов, был о тебе хорошего мнения...
<...> упорно старавшийся выдвигать из тени запятанный чернилами ботинок <...>	<...> упорно старавшийся выдвигать из тени запятанный чернилами ботинок <...>	<...> упорно старавшийся выдвинуть из тени запятанный чернилами ботинок <...>
<...> две прехорошенькие, чистенькие комнаты, с чистенькими коврами, чис-	<...> две прехорошенькие, чистенькие комнаты, с чистенькими занавесками и	<...> две прехорошенькие, чистенькие комнаты, с чистенькими занавесками

тенькими занавесками и чистенькими олеографическими картинками.	чистенькими олеографическими картинками.	и чистенькими олеографическими картинками.
А Васькин почтительно спросил <...>	А Васькин почтительно спросил хозяина <...>	А Васькин почтительно спросил хозяина <...>
Финкель с изысканной любовью предложил ей стакан рому <...>	Финкель с изысканной любовью предложил ей стакан рому <...>	Финкель с изысканной любовью преподнес ей стакан рому <...>
<...> в такой необычной для мертвеца позе он находил еще силы неясно и глупо хихикать.	<...> в такой необычной для мертвеца позе он находил еще силы неясно и глупо хихикать.	<...> в такой необычайной для мертвеца позе находил еще силы неясно и глупо хихикать.
<...> но напрасно <...> — Миледи!	<...> но — напрасно <...> — Миледи!	<...> но — напрасно <...> — Милссс...
Им заинтересовались медики, со стороны более клинической.	Им заинтересовались медики, со стороны скорее научной.	Им заинтересовались медики, со стороны скорее научной.
Да ведь мы вчера уже тово...	Да ведь мы вчера уже, тово...	Да ведь мы вчера уже, тово...

Кроме того, после предложений «— Для начала новой жизни, — как объяснил бесцельный вообще в своих поступках Финкель», «Впрочем, тут же он ее и разбил, уронивши на пол», «— Смотрите! Он все более и более приближается к типу настоящего покойника...» в журнальной публикации следуют отбивки, выделенные полосой.

¹ *...широкими репинскими мазками...* — Одной из характерных черт творческой манеры русского художника И.Е. Репина (1844–1930) называлось своеобразие широкого, мощного, «мужественного» мазка.

² *...не только от-кушать, но и от-выпить.* — Ср. у Н.А. Тэффи рассказ «Взамен полигики», включенный в сборник «Юмористические рассказы: Книга первая» (СПб.: Шиповник, 1910), где использован схожий прием (см.: Тэффи 1990: 38–41). Р.О. Якобсон в книге «Новейшая русская поэзия» указывал на «эпидемическое увлечение поэтической этимологией, отмеченное Тэффи (почему “до-сви-дания”, а не “до-сви-швеция” и т. п.)» (Якобсон 1987: 298).

³ *Немецкое* (или Северное) *море* — мелководное шельфовое море Атлантического океана, расположенное между Европой, Британскими островами и Ютландским и Скандинавским полуостровами.

⁴ *Только, если у тебя на носовеле будет тамбовский генерал-губернатор, мы демонстративно уйдем.* — Тамбовским генерал-губернатором с 1906 по 1912 г. был действительный статский советник Николай Павлович Муратов (1867—1918). В «Сатириконе» его деятельность на этом посту изображалась сатирически, в частности, в фельетоне Аверченко «Былое. (Русские в 1962 году)» (см.: 1910. № 39. 25 сентября. С. 2—3; впоследствии включен в изд.: Фома Опискин 1914: 11—14). См. также след. примеч.

⁵ *С юноши взяли торжественное обещание не приглашать особ первых четырех классов...* — Согласно Табели о рангах к первым четырем классам на гражданской службе относились канцлер, действительный тайный советник, тайный советник и действительный статский советник.

⁶ *Олеографическая картинка* (олеография) — полиграфическая репродукция живописного полотна, многокрасочный способ литографского воспроизведения картины.

⁷ *Джига* — быстрый танец, очень популярный в XIX — нач. XX в. Ср., напр., о нем в словаре В.В. Бутузова: «Матросская пляска, джига, пляска à la Джэк Шепард, — это любимые танцы, к которым все приступают с одушевлением, с свободными, выходящими иногда из границ благопристойности, телодвижениями и прыжками» (Бутузов 1867: 210).

⁸ — *Милсс...* — Попытка выговорить общепринятое официальное обращение «милостивый государь».

Оскорбление действием

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1908. № 33. 22 ноября. С. 11.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Монументов чувствовал себя таким веселым и жизнерадостным <...>	Монументов чувствовал себя таким веселым, жизнерадостным <...>	Монументов чувствовал себя таким веселым, жизнерадостным <...>

<p><...> запорошивши глаза барышне в голубом платье <...></p> <p><...> стоит ему только забыть о пуговице, она сейчас же оторвется и потеряется.</p> <p>— Помилуйте! — Какая же это дрянь... — сконфузился даже Монументов.</p> <p>Обидят человека, оплюют, оскорбят действием человека <...></p> <p>Танцующие приостановились и потом сбились в кучу <...></p> <p>Вы говорите: они оскорбили вас действием?</p> <p><...> и жалости за истраченный на вход рубль.</p> <p>И даже оторвавшаяся таки, в конце концов, пуговица не оставила в его душе тяжелого, неприятного осадка.</p>	<p><...> запорошивши глаза барышне в голубом платье <...></p> <p><...> стоит ему только забыть о пуговице, — она сейчас же оторвется и потеряется.</p> <p>— Помилуйте! Какая же это дрянь... — сконфузился Монументов.</p> <p>Обидят человека, наплюют, оскорбят действием человека <...></p> <p>Танцующие приостановились и потом сбились в кучу <...></p> <p>Вы говорите: он оскорбил вас действием?</p> <p><...> и жалости за истраченный на вход рубль.</p> <p>И даже оторвавшаяся таки, в конце концов, пуговица — не оставила в его душе тяжелого, неприятного осадка.</p>	<p><...> запорошив глаза барышне в голубом платье <...></p> <p><...> стоит ему только забыть о пуговице, — она сейчас же оторвется и потеряется.</p> <p>— Помилуйте! Какая же это дрянь... — сконфузился Монументов.</p> <p>Обидят человека, наплюют, оскорбят действием человека <...></p> <p>Танцующие приостановились и потом сгрудились в кучу <...></p> <p>Вы говорите: он оскорбил вас действием?</p> <p><...> и жалости за истраченный рубль.</p> <p>И даже оторвавшаяся таки, в конце концов, пуговица — не оставила в его душе тяжелого, неприятного осадка.</p>
--	--	---

Кроме того, после предложения «Катушкин визжал, хватался за лицо, которое, как он уверял, было ушиблено, и тер щеку носовым платком до тех пор, пока она, действительно, не стала производить впечатления ушибленной...» в «Сат.» следует отбивка, выделенная полосой. В предложении «<...> голубенькая барышня покраснела <...>» в книжных публикациях вместо «покраснела» ошибочно напечатано «краснело» (восстановлено по журнальной публикации).

Через месяц схожая ситуация описывается Аверченко в фельетоне «Театральный клуб “Лукоморье”», опубликованном в специальном номере «Сатирикона», посвященном театру, от 13 декабря 1908 года:

Подошел маленький старичок, с видом раз навсегда оскорбленного человека. <...>

— Ага! Хотят веселье русской публике устроить... Да вы знаете, как русский человек веселится?

Я признался, что мне это до некоторой степени известно.

— Нет-с, вам неизвестно! Приезжает русский человек в Ниццу и попадает на битву цветов... Смех, веселье, оживление!.. Проезжает и купец в своем «ланде» по этому морю цветов, радости и красивых людей. И вдруг какая-то красавица бросает в него букетиком фиалок. А купец обиделся и сказал: «Ах ты, дрянь этакая... швыряешься?» — Снял сапог, да сапогом в нее!! Вот то непосредственное веселье, которое сродни русскому человеку.

№ 36. С. 6. Подписано: *Ave*

А.А. Измайлов в статье «Цветы невинного юмора. (Юмористические рассказы А. Аверченко)» выделял этот рассказ и указывал на его сходство с рассказом А.П. Чехова «Муж» (1886):

А в таких рассказах, как «Оскорбление действием», где тупой чиновник создает настоящий скандал из-за того, что молодой человек осыпал его конфетти, слышится и совсем что-то вроде чеховской грусти за русскую серость, за провинциализм души, не отличающей шутки от оскорбления, окаменевшей в тупом, надутом и идиотском самомнении.

Чистый шарж по форме, этот рассказец по своей философии как бы впадает в прекрасную чеховскую вещь «Муж» — рассказ о том, как серый провинциальный муж делает на вечере скандал своей жене только потому, что ей весело, а на душе его мерзость запустения...

Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1910. 21 июня (4 июля). № 11774.
С. 3

Оскорбление действием — юридический термин, обозначающий действия, которые совершаются по отношению к потерпевшему, с тем чтобы его унижить. Термин «оскорбление действием» Аверченко использует также в рассказе «Политический процесс», где один из персонажей, мещанин Беркутов, осыпает другого — октябриста Тюфячкина — «персидским порошком» (см.: Сат. 1908. № 31. 8 ноября. С. 11. Подписано: *Медуза-Горгона*).

¹ *Окалоточный*. — См. примеч. 2 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

История одного рассказа

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1908. № 35. 6 декабря. С. 5. Подписано: *Медуза-Горгона*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> накрыл им озябшую малютку <...>	<...> накрыл им озябшую малютку <...>	<...> закрыл им иззябшую малютку <...>
— Сделайте на них малютке елочку.	— Сделайте на них малютке елочку.	— Сделайте на эти деньги малютке елочку.
<...> попавшим без пальто в снежную вьюгу и, поэтому, предательски заморозил его <...>	<...> попавшим без пальто в снежную вьюгу — и, поэтому, предательски заморозил его <...>	<...> попавшим без пальто в снежную вьюгу — и, поэтому, предательски заморозил его <...>
На Масляницу — еще кое-кто спрашивал его <...>	На Масленице — еще кое-кто спрашивал его <...>	На Масленице еще кое-кто спрашивал его <...>
Потом ему сделалось жаль <...>	Потом ему сделалось жаль <...>	Потом ему стало жаль <...>
<...> великолепно мог раскаться на Пасху...	<...> великолепно мог раскаться на Пасху.	<...> великолепно мог раскаться на Пасху.
<...> растопил снег, согнавши также мороз <...>	<...> растопил снег, согнавши также мороз <...>	<...> растопил снег, согнав также мороз <...>
Митька Вампир, который даже в Великую Пасхальную заутреню <...>	Митька Вампир, который даже в великую пасхальную заутреню <...>	Митька Вампир, который даже в великую пасхальную заутреню <...>
<...> смерти Митьки Вампира, которой он мог бы искупить свою позорную и предосудительную жизнь...	<...> смерти Митьки Вампира, такой смерти, которой он мог бы искупить свою позорную и предосудительную жизнь...	<...> смерти Митьки Вампира, такой смерти, которой он мог бы искупить свою позорную и предосудительную жизнь...

Но было одно затруднение: теперь не было мороза!	Но было одно затруднение: теперь не было мороза!	Но являлось одно затруднение: теперь не было мороза!
Рассказ «Пасхальная ночь» <...>	Рассказ «Пасхальная ночь» <...>	Рассказ «Ночь под Пасху» <...>
Автор стал входить в известность.	Автор стал входить в известность.	Автор начал входить в известность.
<...> и она, прельстившись славой жены литератора, сделалась Покойниковой.	<...> и она, прельстившись славой жены литератора, сделалась Покойниковой...	<...> и она, прельстившись славой жены литератора, сделалась Покойниковой.
<...> потом, проморивши некоторое время мать и дочь голодом <...>	<...> потом, проморивши некоторое время мать и дочь голодом <...>	<...> а потом, проморив некоторое время мать и дочь голодом <...>
<...> облачил постаревшего и разочарованного жизнью Митьку Вампира в гороховое пальто <...>	<...> облачил постаревшего и разочарованного жизнью Митьку Вампира в гороховое пальто <...>	<...> облачил постаревшего и обиженного жизнью Митьку Вампира в гороховое пальто <...>
<...> и мерзнувшую голодную вдову <...>	<...> и мерзнувшую голодную вдову <...>	<...> и мерзнувшую голодную вдову <...>
<...> с утомительной последовательностью напомнил Митьку Вампира...	<...> с утомительной последовательностью напомнил Митьку Вампира...	<...> с поразительной последовательностью напомнил Митьку Вампира...

Кроме того, в журнальной публикации после предложения «Жена молилась на своего мужа» следует отбивка, выделенная горизонтальной полосой.

В рассказе пародируются штампы рождественских, масленичных, пасхальных и др. рассказов, которыми ежегодно наполнялись соответствующие номера периодических изданий. См. преамбулу к примечаниям к рассказу «Труха» («ВУ»). Ср. также с написанным годом позже юмористическим «Рождественским рассказом (Поучение молодым читателям)» О.Л. Д'Ора:

Весьма полезно для рождественского рассказа придумать какую-нибудь легенду.

Впрочем, придумывать легенды незачем.

Легенды крадут.

Берут из любой книжки первую попавшуюся на глаза легенду, переписывают ее и посылают в редакцию.

Сделавший это может быть уверен, что обокраденный им автор не закричит:

— Караул! Грабят!

Не закричит, ибо он свою легенду украл у другого, а тот другой у третьего, а третий у четвертого и т. д.

Руль. 1909. 21 декабря. № 207. С. 2

¹ *Гороховое пальто*. — Пальто горохового цвета являлось знаком принадлежности к охранному отделению и в этом качестве неоднократно использовалось при описаниях в произведениях сатириконцев.

Первый дебют (Рождественская история)

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1908. № 38. 25 декабря. Рождественский номер. С. 10—11.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Первым говорил самый почтенный из всех призраков, призрак старого повесившегося нотариуса.	Первым говорил самый почтенный из всех призраков, — призрак старого повесившегося нотариуса.	Первым говорил самый почтенный из всех призраков, — призрак старого повесившегося нотариуса.
<...> исполнить наше главное назначение, явиться людям, живущим в этом доме <...>	<...> исполнить наше главное назначение, — явиться людям, живущим в этом доме <...>	<...> исполнить наше главное назначение, — явиться людям, живущим в этом доме <...>
<...> сегодня наступит знаменитая, популярная среди призраков ночь, ночь под Рождество <...>	<...> сегодня наступит знаменитая, популярная среди призраков ночь, ночь под Рождество <...>	<...> сегодня наступит знаменитая, популярная среди призраков ночь под Рождество <...>

Надо им сделать тонкий намек на это толстое обстоятельство.	Да... это самое... надо им сделать тонкий намек на это толстое обстоятельство.	Да... это самое... надо им сделать тонкий намек на это толстое обстоятельство.
Бррр...	Бррр...	Брр...
Но, боясь насмешек других привидений и чувствуя жадное любопытство <...>	Но боясь насмешек своих товарищей и чувствуя жадное любопытство <...>	Но боясь насмешек своих товарищей и чувствуя жадное любопытство <...>
Неужели привидение?	Неужто привидение?	Неужто привидение?
Растерявшись, мальчишка выпучил свои призрачные глаза и загудел <...>	Растерявшись, мальчишка выпучил свои призрачные глаза и снова загудел <...>	Растерявшись, мальчишка выпучил свои призрачные глаза и снова загудел <...>
Безнравственный мальчишка!	Уу... Безнравственный мальчишка!	Уу... Безнравственный мальчишка!
Прибегнув в последний раз к своему излюбленному приему, густому гуденью, и видя его безрезультатность <...>	Прибегнув в последний раз к своему излюбленному приему, густому гуденью, и видя его безрезультатность <...>	Прибегнув в последний раз к своему излюбленному приему, — густому гуденью, — и видя его безрезультатность <...>

Кроме того, в сборнике «РЮЗ» реплика «— Не строй дурака! Привиденье?» набрана ошибочно: «Не строй дурака, привиденье?», а во фрагменте «Подумаешь! Я понимаю, если бы это кому-нибудь приносило пользу, а то ведь так — дурака валяете!» вместо «Подумаешь!» напечатано «Понимаешь!» В наст. изд. текст восстановлен по журнальной публикации и сборнику «ЮР». После предложения «Прибегнув в последний раз к своему излюбленному приему — густому гуденью — и видя его безрезультатность, призрак мальчишки горько вздохнул и, обескураженный, нехотя зашагал на чердак» в журнальной публикации следует отбивка, выделенная полосой.

Тема рассказа перекликается с темой парного рисунка А. Яковлева «Две эпохи», опубликованного в том же «Рождественском номере» журнала (С. 3). Подписи к рисунку гласят:

ПРИВИДЕНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Рыцарь. — О, ужас! Мизерекордия! Что я вижу!! кровь во мне леденеет
и волосы, вставши дыбом, шевелят мой шлем!!

ПРИВИДЕНИЕ В НАШИ ДНИ

Бухгалтер. — А-а, привидение!.. Послушайте... Затворяли бы вы
дверь, а то из коридора дует.

Обратим внимание на схожие профессии героев: в рассказе Аверченко это меняла, а на рисунке Яковлева — бухгалтер.

У Аверченко есть и другие произведения о привидениях — как сатирические, так и юмористические. 28 апреля 1908 года в понедельничной газете «Свободные Мысли» был опубликован рассказ-фельетон «Потревоженные тени (Творимая легенда)», где изображались населяющие здание Государственной думы привидения бывших депутатов — Мельника, Тесленко, Крушевана, Пуришкевича: «Теперь привидения являются и уходят, когда им это удобно! <...> И тогда кулуары стали наполняться... Из всех фракционных комнат, из всех щелей полезли тени бывших людей, серые тени, без веса и значения...» (№ 51. С. 3). В конце 1909 года к Рождеству в «Сатириконе» был опубликован с иллюстрациями А. Радакова рассказ «Последний» (см.: № 50. 12 декабря. С. 6–7).

О жанровой форме рождественского рассказа см. преамбулу к примечаниям к рассказу «Труха» («ВУ»). См. также в наст. изд. другие рассказы о потустороннем — «По ту сторону...» («РЮ1») и «Загадка природы» («РЮ2»).

В «Сатириконе» тема потустороннего использовалась и в сатирических произведениях. Ср., напр., стихотворение Альми (А. Радзиевского) «По ночам когда-то на погосте...», которое заканчивалось следующей строфой:

Но теперь мертвец вставать боится
И гниет спокойно в душной мгле,
Оттого, что в гробе слаще спится,
Чем теперь живет на земле.

1908. № 10. С. 14

¹ ...надо им сделать тонкий намек на это толстое обстоятельство. — Отсылка к миниатюре А.П. Чехова «Что чаще всего встречается в романах, по-

вестях и т. п.» (1880): «Тонкие намеки на довольно толстые обстоятельства» (Чехов 1974—1983/1: 18).

² *Шпандырь* — ремень, которым сапожники прикрепляют работу к ноге.

Поездка в театр

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1909. № 2. 10 января. С. 10—11.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> растопырил руки и, подпрыгнув, сел на колени какому-то дремавшему человеку <...>	<...> растопырил руки, подпрыгнул и сел на колени какому-то дремавшему человеку <...>	<...> растопырил руки, подпрыгнул и сел на колени какому-то дремавшему человеку <...>
— А чтобы тебя черти взяли!	— А чтобы тебя черти взяли!	— О, чтобы тебя черти взяли!
Сердце Коли Кинжалова кольхнулось и упало куда-то далеко, далеко...	Сердце Коли Кинжалова кольхнулось и провалилось куда-то далеко, далеко...	Сердце Коли Кинжалова кольхнулось и провалилось куда-то далеко, далеко...
<...> его первая и благоуханная любовь.	<...> его первая благоуханная любовь.	<...> его первая благоуханная любовь.
— Вы — медведь, черти бы вас разорвали!	— Вы — медведь, черти бы вас разорвали!	— Вы — медведь, черти бы вас разорвали!
Цепляясь за меховую куртку, Коля шел за уходящим и плачущим голосом кричал <...>	Цепляясь за меховую куртку, Коля шел за уходящим и плачущим голосом кричал <...>	Коля шел за уходящим, цепляясь за его меховую куртку и плачущим голосом кричал <...>
<...> потрепал карточкой по пальцам <...>	<...> потрепал карточкой по пальцам <...>	<...> потрепал карточку по пальцам <...>
— Садитесь уж!	— Садитесь уж!..	— Садитесь уж!..

<...> только с более печальным для того человека исходом...	<...> только с более печальным для того человека исходом...	<...> только... Ха-ха! с более печальным для того человека исходом...
— Ага! не желаете? — Схватил его, да в запертое окно — трах! — и выбросил.	— Ага... не желаете? — Схватил его, да в запертое окно — трах! — и выбросил.	— Ага... не желаете? — Схватил я его, да в запертое окно — трах! — и выбросил.
Коля ненавидел и театр, и ботинок, и Лизочку <...>	Коля ненавидел и театр, и ботинок, и Лизочку <...>	Коля ненавидел и театр, и ботинки, и Лизочку <...>
Мокрый мастерской внезапно выпрыгнул из тьмы около электрического фонаря <...>	Мокрый мастерской внезапно выпрыгнул из тьмы около электрического фонаря <...>	Мокрый мастерской внезапно выпрыгнул из тьмы, остановился около электрического фонаря <...>
<...> не стесняясь уже присутствия Лизочки, беззвучно плакал.	<...> не стесняясь уже присутствия Лизочки, беззвучно плакал.	<...> не стесняясь присутствия Лизочки, беззвучно плакал.

Рассказы о поездках на трамвае в русской юмористике пришли на смену произведениям о конке (см., в частности, рассказ «Корень зла» («РЮЗ») и преамбулу к примечаниям к указанному произведению).

¹ *Конюшенная*. — Имеется в виду Конюшенная площадь в Санкт-Петербурге, на пересечении набережной Екатерининского канала (ныне — канал Грибоедова), Большой Конюшенной улицы и Конюшенного переулка.

Пьяный

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1909. № 6. 7 февраля. Масленичный номер. С. 6. Подписано: *Медуза-Горгона*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
– Что же это такое? Гудит!	– Что же это такое? Гудит!..	– Что же это такое? Гудит!..
Послушайте... шли бы спать!	Послушайте... шли бы вы спать!	Послушайте... шли бы вы спать!
– Г. городской! Г. городской!!	– Г. городской! Г. городской!!	– Г. городской! Г. городской!

Кроме того, опущенные в «РЮЗ» в предложении «<...> благодушная улыбка на лице его всё тускнела и тускнела...» слова «и тускнела» восстановлены по журнальной публикации и «ЮР».

¹ *Парикмахерская кукла.* – То есть голова-манекен.

² *Дуговой фонарь* – фонарь с электрической лампой, в которой источником света является электрическая дуга. Впервые в мире подобные фонари были установлены в 1879 г. на Литейном мосту в Санкт-Петербурге, в 1884 г. – на Невском проспекте, а к середине 1909 г. это была уже привычная форма освещения.

Служитель муз

Впервые под названием «От Чехова до наших дней» опубликовано в изд.: Сат. 1908. № 14. 12 июля. С. 14–15.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Ужасно глупое!	Такое какое-то... недалеко.	Такое какое-то... недалеко.
Мы эти штуки знаем...	Мы эти штуки знаем...	Мы эти штуки знаем...
Я съезился и небрежно спросил <...>	Съезжившись, я небрежно спросил <...>	Съезжившись, я небрежно спросил <...>

Скажите, хотели бы вы получить пулю в лоб?	Скажите, хотели бы вы получить кусок свинца в лоб?	Скажите, хотели бы вы получить кусок свинца в лоб?
Нужно быть пошлым ту-пицей, чтобы, держа такое произведение в руках, восхищаться только почерком. Читай, — только с чувством!	Нужно быть упадочником и дегенератом, чтобы, держа такое произведение в руках, восхищаться только почерком. Читай, — только с чувством!	— Нужно быть упадочником и дегенератом, чтобы, держа такое произведение в руках, восхищаться только почерком. Читай, — но с чувством? Это с чувством?
— Ничего подобного я не читал.	— Ничего подобного я не читал.	— Ничего подобного не читал.
Боясь, чтобы он в поисках моих мозгов не вспомнил о револьвере <...>	Боясь, чтобы он в поисках моих мозгов не вспомнил о револьвере <...>	Опасаясь, чтобы он в поисках моих мозгов не вспомнил о револьвере <...>
<...> я беру по три рубля строка (это ты заруби себе на носу, а то зарублю тебя я — вот этим!) <...>	<...> я беру по три рубля строка (это ты заруби себе на носу) <...>	<...> я беру по три рубля строка (это ты заруби себе на носу) <...>
Он взял их и сказал <...>	Взявши их, он сказал <...>	Взявши их, он сказал <...>
— Бреда сумасшедшего, — хотел докончить я вслух, но отложил это до его ухода.	— Бреда сумасшедшего, — хотел докончить я вслух, но промолчал.	— Бреда сумасшедшего, — хотел докончить я вслух, но промолчал.

Образ «известного поэта-модерниста» носит собирательный характер: в тексте принесенного поэтом стихотворения можно увидеть отсылки к произведениям Г. Чулкова, И. Рукавишникова и др. См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «Поэт» («РЮ1»).

¹ — *Хорошо... Оставьте! Ответ через две недели...* — По поводу просьбы прийти через две недели Аверченко иронизировал в миниатюре «Как писать рассказы. (Опыт руководства)», опубликованной в «Сатириконе» в сентябре 1908 г.:

Секретарь сначала предлагает ему пойти к черту. После категорического отказа автора секретарь предлагает зайти через две недели. Автор заявляет, что второе устраивает более, чем первое, и исчезает.

Должен предупредить начинающих авторов, что классические «две недели» — это не более как красивый поэтический оборот, ставший традиционным. На самом деле, рукопись бросают в корзину в тот же день.

№ 22. 6 сентября. С. 7.
Подписано: *Медуза-Горгона*

² — Э, нет! Мы эти шутки знаем... Я хочу, чтобы вы их сейчас прочли. — Ср. в рассказе Н.А. Лейкина «Поэтесса»:

— Вы желаете поместить у нас в журнале ваши стихи? Очень хорошо. Тогда потрудитесь оставить рукопись и зайти недели через две за ответом.

— О, нет! Это ужасно! Я заболею в эти две недели от ожиданий. Не можете ли вы сейчас прочесть и сказать «да» или «нет». Кое-что я вам объяснила бы.

Лейкин 18806: 122

История одной картины (Из выставочных встреч)

Впервые опубли. в изд.: Речь. 1909. 14 (27) марта. № 71. С. 3. Рубрика: Маленький фельетон. Подписано: *Аркадий Грустилов*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> что передо мной морской вид.	<...> что предо мной морской вид.	<...> что предо мной морской вид.
<...> вертелся уже минут десять незнакомый мне молодой господин <...>	<...> вертелся уже минут десять незнакомый молодой господин <...>	<...> вертелся уже минут десять незнакомый молодой господин <...>

Я недоверчиво посмотрел на его зеленое лицо.	Я недоверчиво посмотрел на его зеленое лицо.	Я недоверчиво всмотрелся в его зеленое лицо.
14-й сонаты я не увижу.	Очень трудно! 14-й сонаты я не увижу.	Очень трудно! 14-й сонаты я не увижу.
Виолончельных-то сонат всего 6 им и состряпано.	Виолончельных-то сонат всего 6 — им и состряпано.	Виолончельных-то сонат всего 6 — им и состряпано.
<...> я сжалился над горемычным импрессионистом.	<...> я сжалился над заблудившимся импрессионистом.	<...> я сжалился над заблудившимся импрессионистом.

¹ *Я тогда был на одной из картинных выставок, сезон которых теперь в полном разгаре, — и тратил вторые полчаса на созерцание висевшей передо мной странной картины.* — Имеется в виду выставка «Треугольник-импрессионисты», организованная в 1909 г. Н.И. Кульбиным. Кроме нее, в феврале–марте 1909 г. в Санкт-Петербурге работало несколько выставок: 37-я выставка передвижников, выставка «нового общества художников» и др. 11 (24) марта 1909 г. «Речь» писала: «По слухам, кроме только что открывшейся выставки “Импрессионистов” откроется еще одна выставка того же приблизительно характера. Удивительно нерационально такое скопление выставок в одно и то же время» (№ 68. С. 5; речь шла, очевидно, о выставке «Венок»). 12 (25) марта 1909 г. в своей постоянной рубрике «Художественные письма» Александр Бенуа разбирал творчество Чюрляниса и др. в очерке «Еще об отношении к современному творчеству» (см.: Речь. № 69. С. 4). На следующий день после публикации рассказа Аверченко «Речь» поместила рисунки Ре-Ми «Под свежим впечатлением: 1) Поленовской выставки; 2) Выставки “Треугольник”; 3) Выставки передвижников» (№ 72. 15 (28) марта. С. 2). См. также в наст. издании рассказ Аверченко «Ихневмоны» («РЮ2») и преамбулу к примечаниям к нему.

² *Скрипичных сонат Бетховена, к сожалению, всего 10 ~ Виолончельных-то сонат всего 6 — им и состряпано.* — Немецкий композитор Людвиг ван Бетховен (1770–1827) написал 10 сонат для скрипок и фортепиано и 5 сонат для виолончели и фортепиано.

³ *...7-я fuga Чайковского...* — У русского композитора П.И. Чайковского (1840–1893) есть fuga в первой оркестровой сюите и пьеса № 2 «Fuga».

Настоящие парни

Впервые Глава I опубли. в изд.: Сат. 1909. № 10. 8 марта. С. 7–8; Глава II – в изд.: Сат. 1909. № 11. 15 марта. С. 7–8. С подзаголовком: (Продолжение); Глава III – в изд.: Сат. 1909. № 13. 28 марта. Пасхальный номер. С. 7–8. С подзаголовком: (Окончание). (С иллюстрациями художн. Ре-Ми) и со сноской: «См. №№ 10 и 11». В № 12 Глава III не публиковалась, поскольку он вышел как «Гоголевский специальный номер».

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
– Чуть-чуть не – считается.	– Чуть-чуть не – считается.	– Чуть-чуть не считается.
<...> так сильно, что пришлось заткнуть ему глотку золотыми часами <...>	<...> так сильно, что после кольца пришлось заткнуть ему глотку золотыми часами <...>	<...> так сильно, что после кольца пришлось заткнуть ему глотку золотыми часами <...>
Дрожа от нетерпения, я лихорадочными руками сжал голову.	Дрожа от нетерпения, я сжал лихорадочными руками голову.	Дрожа от нетерпения, я сжал лихорадочными руками голову.
<...> выиграл у меня эту партию так же, как предыдущие, очень быстро.	<...> выиграл у меня эту партию так же, как предыдущие, – очень быстро.	<...> выиграл у меня эту партию так же, как предыдущие, – очень быстро.
Я принимал тебя, признаться, за парня другого склада.	Я принимал тебя, признаться, за человека другого склада.	Я принимал тебя, признаться, за человека другого склада.
<...> я потихоньку переложил пару твоих шаров к себе.	<...> я тихонько переложил пару твоих шаров к себе.	<...> я тихонько переложил пару твоих шаров к себе.
Разница в мою пользу!	Разница в мою пользу!	Разница в мою пользу.
– Я тебе нужен буду? – кратко спросил я.	– Я тебе нужен буду? – серьезно спросил я.	– Я тебе нужен? – серьезно спросил я.

<...> я лишил бы собственницу этих сокровищ: времени и денег.	<...> я, не задумываясь, лишил бы собственницу этих сокровищ времени и денег.	<...> я, не задумываясь, лишил бы собственницу этих сокровищ времени и денег.
<...> шагали к предмету пылкой его привязанности <...>	<...> шагали к предмету пылкой его привязанности <...>	<...> шагали к предмету его пылкой привязанности <...>
<...> как говаривал старик Смит и Вессон!	<...> как говорил старик Смит и Вессон!	<...> как говорил старик Смит и Вессон!
<...> друг мой сохранил ясность мысли <...>	<...> друг мой сохранил ясность мысли <...>	<...> друг мой сохранил до сих пор ясность мысли <...>
– Лучшие труды по этому сложному вопросу принадлежат не Бетховену, а Анне Чиллаг.	– Лучшие труды по этому вопросу принадлежат не Бетховену, а Святополку Окаянному.	– Лучшие труды по этому вопросу принадлежат не Бетховену, а Святополку Окаянному.
<...> пел Пушкинские слова «Прибежали в избу дети».	<...> пел «Прибежали в избу дети».	<...> пел «Прибежали в избу дети».
<...> ваш образ и подобие навсегда застынут в моем сердце.	<...> ваш образ навсегда зафиксируется в моем сердце.	<...> ваш образ навсегда зафиксируется в моем сердце.
<...> Дыбин элегантно обнял ее <...>	<...> Дыбин элегантно обнял ее <...>	<...> Дыбин ласково обнял ее <...>
<...> потому что <i>те</i> могут вернуться каждую минуту.	<...> потому что <i>те</i> могут вернуться каждую минуту.	<...> потому что <i>те</i> могут вернуться каждую минуту.
Когда дама отошла к туалетному столику, на котором горела свеча, то свет свечи упал сзади на прозрачную сорочку <...>	Когда дама отошла к туалетному столику, на котором горела свеча, то свет свечи упал сзади на прозрачную сорочку <...>	Когда дама отошла к туалетному столику, на котором горела свеча, — свет свечи упал сзади на прозрачную сорочку <...>
Я считал его виновным во всём:	Я считал его виновным во всём:	Я считал его виновным во всём.
Дама прислушалась и, в ужасе, неожиданно воскликнула <...>	Дама прислушалась... Потом, в ужасе, неожиданно воскликнула <...>	Дама прислушалась... Потом, в ужасе, неожиданно воскликнула <...>

<...> кончается несколькими подзатыльниками по отношению к любовнику <...>	<...> кончается несколькими подзатыльниками по адресу любовника <...>	<...> кончается несколькими подзатыльниками по адресу любовника <...>
<...> и легкий прыжок в кровать жены <...>	<...> и легкий прыжок в кровать жены <...>	<...> и легкий прыжок в кровать — жены <...>
Это не недоразумение!	Это не недоразумение!..	Это не недоразумение!..
<...> если вы желаете, то это пернатое может быть удалено <...>	<...> если вы желаете, то это пернатое может быть удалено <...>	<...> если вы желаете, — это пернатое может быть удалено <...>
— Мужчина без сюртука в вашей спальне под кроватью — и вы в стороне?	— Мужчина без сюртука в вашей спальне под кроватью — и вы в стороне?	— Мужчина без сюртука в вашей спальне?
<...> жалкая, скорченная фигура, прятая за рукой.	<...> жалкая, скорченная фигура, прятая за рукой.	<...> жалкая, скрюченная фигура, прятая за рукой.
А ей никто всё равно не поверит.	А ей никто всё равно не поверит.	А ей никто всё равно не поверит.
<...> между нами всё кончено...	<...> между нами всё кончено...	<...> между нами всё кончено.
По его словам, я был, действительно, настоящим парнем.	По его словам, я был, действительно, <i>настоящим парнем</i> .	По его словам, я был, действительно, <i>настоящим парнем</i> .

Кроме того, в журнальной публикации и в сборнике «ЮР» предложение «Кнопка у дверей» отделено от предшествующего тире, а в предложении «— Ничего, Миша, — улыбнулся я» в сборнике «РЮЗ» опущено слово «я», восстановленное по журнальной публикации и сборнику «ЮР».

На данный сюжет написана также пьеса Аверченко «Настоящие парни» (см.: Аверченко 1911а; см. также: БТИ 1911).

Тот же мотив — столкновения любовника и вора в спальне замужней дамы — использован в юмористическом рассказе Н.Г. Шебуева «Встреча». У Шебуева Петр Петрович — «известный покоритель сердец юных и не столь юных дачниц» — получает приглашение бывать у «очень миленькой двадцати-

семилетней барыньки, живущей на даче в версте от его дачки» — Киры Германовны Разиной, причем бывать в те часы, когда муж ее в городе и возвращается не ранее следующего дня. В один из таких дней любовники «до того углубились в свои дела, что и не заметили, как надвинулась ночь»:

Вдруг... щелкнула калитка сада.

Влюбленные вздрогнули, смотрят через балконную дверь в сад, освещенный луной а *giopò**, и видят, как кто-то крадется к дому...

Кира Германовна сразу узнала походку мужа.

Что делать?..

Она бежит в спальню, скрывается за портьерой, бросается на постель...

Пусть муж подумает, что она спит...

А Петр Петрович!.. Что с ним?.. Где он?..

О, не бойтесь! Ему не в первый раз спастись от мужей под диваном...

Шебуев 1902а: 63

Однако неожиданный визитер оказывается не доктором Разиным, а вором. Когда в комнату заходит Кира Германовна, он залезает под ту же кровать, что и Петр Петрович, и принимает последнего за «товарища по оружию». В финале, как и у Аверченко впоследствии, вор обирает заодно и незадачливого любовника. Сначала он, правда, готов даже поделиться с Петром Петровичем добычей, но, когда тот признаётся, что он не вор, а дачник, следует расплата:

— А!.. Так ты дачник!.. Стой!..

Вор схватил Пьера мощною рукой за горло и злобно прошептал:

— Давай кошелек!.. давай часы... давай портсигар... И если ты, сукин сын, сболтнешь кому-нибудь об нашей встрече или о том, что тебя кто-то сегодня обокрал, — не прожить тебе и двух дней!..

Там же: 67

Текст рассказа см. также в изд.: ВЮАГБ 1901: 102–111.

Отсылка к названию рассказа есть в рецензии Вл. Азова на сборник «Веселье устрицы» (см.: Речь. 1910. 27 сентября (10 октября). №265 (1503). С. 3; см. также. с. 704 наст. изд.).

---

* как днем (*ит.*).

¹ ...*старик Смит и Вессон!* — Намек на американцев Хорейса Смита (1808–1893) и Дэниэла Б. Вессона (1825–1906), которые в 1852 г. основали компанию, известную своими револьверами (они состояли на вооружении в том числе русской армии и полиции).

² — *Вы читали «Ника Картера»?* — Популярны рассказы о похождениях сыщика Ника Картера выходили отдельными дешевыми выпусками («Ник Картер — американский Шерлок Холмс» и др.) и в качестве сборников (см., напр.: Ник Картер 1908). Их относили к «пинкертоновской» литературе (названной так по имени другого популярного героя подобного рода книг — сыщика Ната Пинкертона); подробнее об этом см.: Николаев 2006. В «Сатирико-не» неоднократно высмеивали увлечение подобной литературой.

³ «*Путешествие Пипина Короткого к истокам африканской реки Какао-Шуа*». — В журнальной публикации: «Путешествие Гала-Петера к истокам африканской реки Какао-Шуа». Пипин Короткий (714–768; правил с 741 г.) — первый король франков из династии Каролингов, отец Карла Великого; его имя, как и другие имена и названия в выдуманных персонажах книг, использовано для достижения комического эффекта. Какао-Шуа (*фр.* Сасао Choix) — вид ликера с добавлением какао и ванили.

⁴ *Лучшие труды по этому вопросу принадлежат не Бетховену, а Святополку Окаянному*. — В журнальной публикации: «— Лучшие труды по этому сложному вопросу принадлежат не Бетховену, а Анне Чиллаг».

⁵ *Кадриль* — парный танец, для которого нужно минимум четыре участника.

⁶ ...*на мотив «По дорожке зимней, скучной»...* — Имеется в виду популярный городской романс (текст и ноты его печатались как «русская народная песня»), который, в частности, исполняла Н.В. Плевицкая (1884–1940). Известна почтовая открытка с портретом Плевицкой, словами и нотами песни «По дорожке зимней скучной (Тихо тощая лошадка)». В основе текста песни лежит стихотворение И.З. Сурикова (1841–1880) «Тихо тощая лошадка...» (см.: Суриков 1877: 142–143; см. также под названием «Похоронь» в изд.: Суриков 1913: 14–15). Словами «По дороге зимней, скучной...» начинается вторая строфа стихотворения А.С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826) («По дороге зимней, скучной | Тройка борзая бежит, | Колокольчик однозвучный | Утомительно гремит»), музыку к которому написал в 1831 г. А. Алябьев.

⁷ «*Прибежали в избу дети*» — первая строка стихотворения А.С. Пушкина «Утопленник» (1828). В журнальной публикации уточнялось авторство: вместо

«<...> пел «Прибежали в избу дети» было «<...> пел Пушкинские слова «Прибежали в избу дети».

⁸ «*Одних уж нет, а те далече*», как... *выразился Сади Карно*. — Персонаж приписывает авторство слов французскому физику и математику Сади Карно (1796—1832). У Аверченко обыгрывается строка из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Гл. 8, сф II;

цит. по: Пушкин 1937—1959/6: 190.

Са́ди (совр. норма произношения — Саади; ок. 1210 — ок. 1291) — знаменитый персидский поэт.

Катька

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1909. № 14. 4 апреля. С. 6—7. Подписано: *Ave*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Росту она высокого, фигуры стройной <...>	Росту она высокого, фигура стройная <...>	Росту она высокого, фигура стройная <...>
<...> смутить и раздражить своей белизной и пружинностью всех окружающих <...>	<...> смутить и раздражить своей белизной и пружинностью всех окружающих <...>	<...> смутить и раздражить своей белизной и упругостью всех окружающих <...>
<...> и проделать вообще целый ряд других соблазнительных вещей.	<...> и проделать вообще целый ряд других привлекательных вещей.	<...> и проделать вообще целый ряд других привлекательных вещей.

<...> вырывается, смотря в стену мертвыми глазами и думая о чем-то другом.	<...> вырывается, смотря в стену мертвыми глазами, и думает о чем-то другом.	<...> вырывается, смотря в стену мертвыми глазами, и думает о чем-то другом.
Она долго сидит в Каткиной каморке, смотрит ей в лицо <...>	Она долго сидит в Каткиной каморке, смотрит ей в лицо <...>	Она долго сидит в Каткиной каморке, глядит ей в лицо <...>
<...> целует ее волосы, глаза, в то время, когда Катка блуждает по потолку безучастным, холодным взглядом.	<...> целует ее волосы, глаза, — в то время, когда Катка блуждает по потолку безучастным, холодным взглядом.	<...> целует ее волосы, глаза, — в то время, когда Катка блуждает по потолку безучастным, холодным взглядом.
<...> большой белой, пахучей туалетным мылом руки.	<...> большой белой, пахучей туалетным мылом руки.	<...> большой белой, пахнувшей туалетным мылом руки.

¹ *...бумазейной...* — То есть сделанной из бумазеи — хлопчатобумажной ткани с начесом.

² *Принципал* — в Древнем Риме старшее должностное лицо в провинциальном городе; здесь в значении — господин, хозяин (такое значение см., напр., в изд.: Светлов 1898: 145).

³ *Гвадалквивир* — река в Испании. В данном случае выстраивается ассоциативный ряд, связанный с образами из стихотворения А.С. Пушкина «Ночной зефир...» (1824): «Ночной зефир | Струит эфир. | Шумит, | Бежит | Гвадалквивир».

⁴ *Душистый горошек-с!* — То есть немолотый черный перец.

⁵ *Дюбек лимонный-с!* — Марка папирос, названная по сорту табака Дюбек, который выращивался в Крыму. Листья растения после сушки приобретают лимонно-желтый цвет.

Солидное предприятие Записки делового человека

Впервые под названием «Солидное предприятие. (Юмористический рассказ)» опублик. в изд.: Сат. 1908. № 32. 15 ноября. С. 10–11. Рассказ также вошел в сборник Аверченко «Шалуны и ротозеи: Рассказы для детей» (см.: Аверченко 1916г: 62–70).

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<p>Но однажды я нарушил этот прекрасный порядок и — всё пошло к черту.</p>	<p>Но однажды я нарушил этот прекрасный порядок и — всё пошло к черту.</p>	<p>Но однажды я нарушил этот прекрасный порядок, и всё пошло к черту.</p>
<p><...> он их, высказывая, поддерживал <...></p>	<p><...> он их, высказывая, поддерживал <...></p>	<p><...> он, высказывая, поддерживал их <...></p>
<p><...> под солидным и громким заглавием: — Первый дом для эксплуатации апельсиновых корок.</p>	<p><...> под солидным и громким заглавием на корешках: — «Первый дом для эксплуатации апельсиновых корок».</p>	<p><...> под солидным и громким заглавием на корешках: «Торговый дом для эксплуатации апельсиновых корок».</p>
<p><...> были до начала операции свободны, то я всех их занял чистой апельсинов <...></p>	<p><...> были до начала операции свободны, то я всех их занял чистой апельсинов <...></p>	<p><...> были до начала операции свободны, — я всех их занял чистой апельсинов <...></p>
<p><...> в другой ящичек, в котором лежали корпия, бинты и пластырь.</p>	<p><...> в другой ящик, в котором лежали корпия, бинты и пластырь.</p>	<p><...> в другой ящик, в котором лежали корпия, бинты и пластырь.</p>
<p><...> что я — дурак и идиот.</p>	<p><...> что я — дурак и идиот.</p>	<p><...> что бросивший корки — дурак и идиот.</p>
<p>А так как корки-то набросал именно я, то самолюбие мое было очень уязвлено.</p>	<p>А так как корки-то набросал именно я, то самолюбие мое было очень уязвлено.</p>	<p>А так как корки-то набросал именно я, — самолюбие мое было очень уязвлено.</p>
<p>Кроме этого, сердце мое сжималось оттого <...></p>	<p>Кроме вышеприведенного, сердце мое сжималось оттого <...></p>	<p>Кроме вышеприведенного, сердце мое сжималось оттого <...></p>
<p>Самый ужасный, неожиданный крах всего предприятия...</p>	<p>Самый ужасный, неожиданный крах всего предприятия...</p>	<p>Самый ужасный, неожиданный крах всего предприятия.</p>

Все увечные, узнавши из газет о «разбрасывателе корок» <...>	Все увечные, узнавши из газет о «разбрасывателе корок» <...>	Все увечные, узнав из газет о «разбрасывателе корок» <...>
--	--	--

Кроме того, в сборнике «Шалуны и ротозей: Рассказы для детей» в конце предложения «Вот они — сказки жизни...» стоит точка, а в конце предложения «Самый ужасный, неожиданный крах всего предприятия» — многоточие.

Рекомендации, как быстро разбогатеть на американский манер, часто становились объектом пародирования. Г. Альт (Г.П. Альтерсон) написал рассказ «Как делаются миллионером. (Сказка для взрослых)» (см.: Будильник. 1900. № 17). В рассказе Н.Г. Шебуева «Средство разбогатеть» предлагалось создать «марочное хозяйство», нанять лизателей марок и т. д. (см.: Шебуев 1902б: 11–12).

Публикации «календарей» об американских миллионерах и удивительных историях их обогащения Аверченко высмеивает и в фельетоне «Хозяйственные советы. (Как составлять смесь)», включенном в коллективный сборник «Художественно-юмористический календарь-альманах на 1914 год», выпущенный под маркой «Издательство “Новый Сатирикон”» (см.: ХЮКА 1914: 69–82), а также в сборник «Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни» (см.: Аверченко 1924: 41–56). Ср. у Аверченко:

Всякому из вас, друзья мои, приходилось встречать в журналах и газетах такой отдел, который носит название:

«Смесь».

В этом глубоко интересном отделе вы встречали, вероятно, помимо научных сведений, — много разных полезных советов: «как вскипятить в игровой карте воду», «как лечиться от укуса гремучей змеи», «лучшее средство против тайфуна» — одним словом, на все случаи жизни человеческой в отделе «Смесь» предусмотрительно даются советы.

Всякий читатель наизусть знает: «как склеивать разбитый фарфор», «способ изготовить самому себе карманные часы», «приготовление молока из вишневых косточек» и прочее...

И тем не менее в «Смеси», в отделе полезных советов, — я наблюдаю колоссальный пробел...

Нигде не сказано:

— Как изготовить самому себе «Смесь»!

Иногда семья ваша или ваши знакомые хотят почитать отдел «Смеси», а под рукой нет журналов или газет, а если есть, то без отдела «Смесь» или с отделом, но неинтересным или затасканным.

Вот в этом случае мои советы «Как самому себе изготовить “Смесь”» могут быть прямо-таки драгоценны.

Всё, что я приведу ниже, — основано на собственном опыте (первые шаги моей литературной деятельности были — именно составление «Смеси» для еженедельных журналов и газет), а также на многочисленных наблюдениях...

Вот оно, значит, как.

«Смесь» можно разделить на следующие отделы: 1) Вообще научные сведения; 2) Этнографические штришки; 3) Удивительные курьезы природы; 4) Статистика; 5) Успехи техники; 6) Об американских миллиардерах; 7) Еще об уме животных; 8) Странности великих людей и, наконец, 9) Полезные советы. <...>

Об американских миллиардерах.

Этот отдел распадается на такие ясно очерченные подотделы:

а) Карьера миллиардера. (Миллиардер Джон Гуд был сапожным подмастерьем; или продавцом сигар в разнос; или угольщиком. Но, скопив немного денег, он открыл небольшое дело; его ум и предприимчивость сделали то, что и т. д.)

б) Пожертвование миллиардера Карнеджина... (можно писать на что угодно — в зависимости от вкусов и наклонностей пишущего).

в) Причуды миллиардеров. — Главным образом — устройство специальных обедов...

Например — «тигровый обед».

Пишется так: «На днях Пятое Авеню было позабавлено оригинальным “тигровым обедом”, устроенным королевой пуговиц, мистрисс Адьо Скобс. Обед происходил в громадной тигровой клетке, устроенной из железных прутьев... Все обедающие лежали на тигровых шкурах, а лакеями были настоящие индусы шикарри (охотники за тиграми); ели сырое мясо, терзая его зубами. Одеты все обедающие были в полосатые костюмы; из драгоценных камней допускался только тигровый глаз. На стене висела карта реки “Тигр”».

Конечно, то, что вы выдумали, — очень глупо, но ведь и выдумки американских миллиардеров особым остроумием, вероятно, не отличаются.

В крайнем случае, обругают, и то не вас, а американцев. И поделом.

Можете описать, если хотите: «Людоедский обед», «Жемчужный обед», «Обед убийц» и «Собачий ужин».

Цит. по: ХЮКА 1914: 69–70, 77–78.

¹ *АМЕРИКАНСКИЕ МИЛЛИАРДЕРЫ. Все миллиардеры начинали ни с чего! Ярким примером этого может служить популярный в Америке Джонатан Джонс, который в начале своей карьеры миллиардера слонялся оборванный, буквально без гроша.* — Ср. с комическим описанием того, как разбогател американский миллиардер, в рассказе И.И. Мясницкого «Сорок градусов в тени. (Из американской жизни)»:

Мистер Хопкинс — миллиардер. Свои миллиарды он нажил очень просто.

В ранней молодости он чистил на улице желающим сапоги, разводя ваксу соком собственной слюны, затем служил на телеграфе слесарем. Пропажа телеграфной проволоки заставила его избрать другую профессию. На сбереженные от жалованья и пропавшей проволоки деньги он накупил разной дряни и отправился с этою дрянью к индейцам...

Спустя десять лет он ковырял землю, ища в ней золото, а спустя еще десять он был уже в штате Огайо сенатором.

Научредив там несколько банков, вроде харьковского, мистер Хопкинс положил в свои карманы честно заработанные доллары и благоразумно скрылся с горизонта, предоставив дуракам акционерам разбираться в массе подлогов и мошеннических проделок.

Спустя пять лет его за что-то уже били в штате Пенсильвания, а спустя десять — он жил в Нью-Йорке, где вел обширные грабительские предприятия и считался миллиардером...

Мясницкий 19036: 50–51

² *Дворец в Пятам Авеню.* — Имеется в виду улица в центре района Манхэттен в Нью-Йорке, которая являлась знаком роскошной жизни. Ср. упоминание ее в этом же значении в фельетоне Аверченко «Хозяйственные советы. (Как составлять смесь)» (см. пред. примеч.).

³ *В тюрьме мне пришлось прочесть очень забавную книжку — сочинение Грибоедова. Оно называется «Горе от ума», и мне особенно понравилась в нем одна фраза: || «Всё врут календари»...* — Имеется в виду реплика старухи Хлестовой из комедии А.С. Грибоедова (1795–1829) «Горе от ума» (1824) (д. III, явл. 21).

Жертва цивилизации

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1908. № 7. 24 мая. С. 7.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Дайте мне номер... двадцать первый!	Дайте мне номер... ну... двадцать первый!	Дайте мне номер... ну... двадцать первый, что ли!
— Вам не улыбается быть на каторге?	— Ха-ха!.. Вам не улыбается быть на каторге?	— Ха-ха!.. Вам не улыбается быть на каторге?
<...> можете узнать, где вы живете, в адресном столе!	<...> можете узнать, где вы живете, в адресном столе!	<...> можете узнать, где вы живете, — в адресном столе!
<...> дом № 29 <...>	<...> дом № 49 <...>	<...> дом № 49 <...>

¹ *И вас будут судить за убийство жены, с участием сословных представителей.* — Суд с участием судебных представителей был первоначально введен в 1864 г. для разбирательства дел о государственных преступлениях, а затем распространен еще на ряд дел (о преступлениях по службе государственной и общественной, о преступных деяниях служащих в общественных или частных кредитных учреждениях, корабельщиков или штурманов, о нарушениях правил эксплуатации железных дорог, о многобрачии). Согласно процедуре к профессиональным судьям присоединялись четыре сословных представителя (губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина). Убийство жены к сфере суда с участием сословных представителей формально не относится: его упоминание должно подчеркнуть тяжесть и общественную значимость преступления.

² — *Вы их, вероятно, покупали в морском министерстве?* — После тяжелого поражения в Русско-японской войне (1904–1905 гг.) многие корабли российского флота пренебрежительно называли «старыми калошами».

³ *Мыло переномеровали!.. 4711-й!* — № 4711 — это фрагмент названия торговой марки, под которой с 1881 г. выпускалась парфюмерная и косметическая

продукция немецкой компании «Eau de Cologne & Parfümerie Fabrik Glockengasse № 4711», от которого произошло слово «одеколон».

Бойкий разговор

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1908. № 8. 31 мая. С. 4–5.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Я кончал чтение рукописи <...>	Я кончал чтение рукописи <...>	Я кончил чтение рукописи <...>
Но — раздался звонок. Вы понимаете — звонок!	Но — раздался звонок. Звонок...	Но — раздался звонок. Звонок...
О, писатели, опасные люди...	О, писатели, опасные люди...	О, писатели — опасные люди...
Чистое наказание! О чем с ней говорить?	Какая пытка... О чем с ней говорить?	Какая пытка... О чем с ней говорить?
— Что же там, этого... как его!	— Что же там, этого... как его!	— Что же там, этого... как его!..
— В фарсе?	— В «Фарсе»?	— В «Фарсе»?
<...> в воздухоплавательном, или артиллерийском.	<...> в воздухоплавательном или в артиллерийском.	<...> в воздухоплавательном или в артиллерийском.
<...> даже не слыживала о существовании его самого.	<...> даже не слыхала о существовании его самого.	<...> даже не слыхала о существовании его самого.
Однако умелым расположением лицевых мускулов — необходимый интерес к событию был выражен.	Однако умелым расположением лицевых мускулов — необходимый интерес к событию был выражен.	Однако умелым расположением лицевых мускулов — хозяйка выразила необходимый интерес к событию.

— Зачем вы пришли сюда?!	— Зачем вы явились сюда?!	— Зачем вы явились сюда?!
--------------------------	---------------------------	---------------------------

¹ *Посвящаю С. М.-р.* — Вероятно, Софье Наумовне Метгер, которой был посвящен сборник «РЮ2» (см. о ней подробнее в примеч. 1 к «Эпиграфу» к данному сборнику).

² *Сак.* — См. примеч. 1 к рассказу «Дружба» («РЮ1»).

³ *Боа* — длинный узкий шарф из меха или перьев.

⁴ — *Да? Скажите! А вы, молодой человек, бываете в театре? || — Бываю, — угрюмо отвечал я. || — В каком же? || — В анатомическом.* — Игра слов: анатомический театр — это помещение для анатомических работ и учебного вскрытия трупов. Шутки, обыгрывающие название «анатомический театр», в «Сатириконе» встречаются неоднократно. Так, 13 декабря 1908 г. в специальном номере журнала, посвященном театру, рубрика «Почтовый ящик» содержала саркастические послания общественным деятелям. В.М. Пуришкевичу, в частности, редакция «отвечала»: «Очень жалеем, что вашу пьесу “Законодатели” ни один театр не принимает. Попробуйте поставить ее в анатомическом театре... среди тамошней публики она, пожалуй, на шумит» (№ 36. С. 11. Без подписи). В рассказе «Записки трупа», опубликованном в «Сатириконе» 22 мая 1910 г., Аверченко писал:

<...> поехали в анатомический театр смотреть какой-то фарс, весело разыгранный несколькими разложившимися трупами.

Так теперь и живем. Ничего, пустое.

№ 21. С. 3

⁵ «*Фарс*» — театр и сад в Петербурге. Аверченко неоднократно писал о постановках в «Фарсе» в «Сатириконе». В частности, очерк о постановке «шутки в 3-х действиях» Л.Л. Пальмского и И.Г. Ярона «Симбирский дядюшка» был опубликован в следующем номере журнала (см.: Сат. 1908. № 9. С. 6–7; Стрекоза. 1908. № 23. 6 июня. С. 6–7. Подписано: *Аркадий Аве*). В № 12 «Сатирикона» был помещен очерк «Театр и сад “Фарс”. Борьба» (см.: С. 6. Подписано: *Аркадий Аве*).

⁶ «*Пиковая дама*» — опера П.И. Чайковского (в 3-х действиях, 7-ми картинах), впервые поставленная в 1890 г.; либретто по мотивам одноименной повести А.С. Пушкина написал младший брат композитора М.И. Чайковский (1850–1916).

⁷ *Больше всего — в воздухоплавательном или в артиллерийском.* — Игра слов: в данном случае «парк» означает «совокупность подвижного состава в той или иной отрасли военного или транспортного хозяйства» или «передвижной склад, из которого армия снабжается техническими материалами и боеприпасами».

⁸ *...спать в пробирной палатке...* — Игра слов: Пробирная палатка — это правительственное учреждение для определения и наложения пробы на золотые и серебряные вещи. См. также примеч. 3 к рассказу «Визитер» («ВУ»).

⁹ *Вершок.* — См. примеч. 5 к рассказу «Вечером» («РЮ1»).

¹⁰ *«Веселая вдова»* («Der Lustige Witwe») — оперетта в трех актах австро-венгерского композитора Франца Легара (1870–1948), впервые поставленная в 1905 г.

¹¹ *Кстати, «Голгофу» вы не видели?* — Возможно, имеется в виду картина русского художника Николая Николаевича Ге (1831–1894) «Голгофа» (1893).

В ресторане

Впервые опублик. в изд.: Стрекоза. 1908. № 17. 27 апреля. С. 4.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> что обладатель перечисленных сокровищ был дурак.	<...> что обладатель перечисленных сокровищ — был дурак.	<...> что обладатель перечисленных сокровищ — был дурак.
Дурак в прямом и ясном смысле этого слова.	Был дурак, в прямом и ясном смысле этого слова.	Был дурак, в прямом и ясном смысле этого слова.
<...> и, подставив тарелку, срезал в нее все жилетные пуговицы.	<...> и, подставив тарелку, срезал в нее все жилетные пуговицы.	<...> и, поставив тарелку, срезал в нее все жилетные пуговицы.
— У меня и на брюках есть, — душась от смеха, говорил черный.	— У меня и на брюках есть, — корчась от смеха, говорил черный.	— У меня и на брюках есть, — корчась от смеха, говорил черный.

Что же, я у вас хочу зажигать какую-нибудь пуговицу?..	Что же, я хочу у вас зажигать какую-нибудь пуговицу?..	Что же, я хочу у вас зажигать какую-нибудь пуговицу?..
— Есть! Пять минут прошло. Вы проиграли!	— Есть! Пять минут прошло. Вы проиграли!	— Поздно... Есть! Пять минут прошло. Вы проиграли!
Господи!	Гос-споди!	Гос-споди!

Сюжетная схема напоминает рассказ Леонидова «Не зевай», где в тракторе военный перехитрил грововщика (см.: Бомбы и картечи 1896: 23–28).

¹ *Престидижидатор* — фокусник, использующий ловкость рук.

Камень на шее

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 48. 28 ноября. С. 7–8.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
— Ну, один раз поцелуйте, что вам стоит.	— Ну, один раз поцелуйте, что вам стоит!..	— Ну, один раз поцелуйте, что вам стоит!..
— Вы видите, нос мой не уткнул в берлинскую лазурь <...>	— Эй!.. Вы видите, нос мой не уткнул в берлинскую лазурь <...>	— Эй!.. Вы видите, нос мой не уткнул в берлинскую лазурь <...>
Так бы дал тебе по голове...	Так бы и дал тебе по голове...	Так бы и дал тебе по голове...

Кроме того, в сборнике «РЮЗ» ошибочно отсутствует первая часть союза «то... то...» в предложении «Рюмин, сидя на прибрежном камне, давно уже с беспокойством следил за поведением неизвестного человека, который то ходил нерешительными, заплетающимися ногами вдоль берега, то останавливался

на одном месте и, шумно вздыхая, пристально смотрел в воду», восстановленная по журнальной публикации и сборнику «ЮР».

В названии рассказа есть переключка с другим рассказом Аверченко на схожую тему — «Коса на камень» («РЮЗ»).

Образ «пестро одетого молодого человека лет двадцати пяти» («то, что на языке рыночников называется “фертик”»), который, чтобы получить от матери денег, делает вид, что собирается утопиться в Неве, создает Н.А. Лейкин в сценке «Мать и сын (с натуры)». Сперва герой просто рассказывает матери: «В ведомостях пишут, что нынче люди с тоски-то то и дело что режутся да вешаются <...>. Один, купеческий сын, от тоски в Неву с моста бросился, а другой взял в руки ножик — чик себя по горлу, да и шабаш! Трети...» (Лейкин 1874: 191–192), а затем и сам направляется к реке:

Мать хватает (так! — Д.Н.) за голову.

— Господа, заступитесь! Удержите его! Пьяный человек, и в Неву топить идет! — упрасивает она каких-то двух кучеров, идущих на плот за водой.

— Ничего, сударыня! Небось, не утопится! Ноне вода холодна! — отвечает один из них.

— Не доезжая Невы, сверзится, а здесь курица вброд перейдет, — добавляет другой и хохочет.

Там же: 195–196

¹ *Берлинская лазурь* — пигмент, краска синего цвета.

² *Если вы дадите поцелуй — я его сейчас же отдам вам обратно.* — Ср. со стихотворением Н.Г. Шебуева:

Ты меня в воровстве упрекаешь —
В воровстве одного поцелуя...
Это дело, отлично ты знаешь,
Довести до суда не хочу я,
И теперь (что весьма неприятно)
Я, словами твоими сконфужен,
Возвращу поцелуй твой обратно,
Если так уж он дорог и нужен...

Шебуев 1895: 43

На «возвращении» поцелуев построен также рассказ Шебуева «Как мы разошлись» (см.: КА 1896: 10–13).

Легенда Старого озера

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 29. Специальный номер «Купальный». С. 7. Подписано: *Фамма Опискин*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
Однажды летом 1909 года <...>	Однажды летом 1909 года <...>	Однажды летом в 1910 году <...>
– Скажи, пожалуйста, – спросил Воздухов. – У этого озера есть какая-нибудь легенда?	– Скажи, пожалуйста, – спросил Воздухов. – У этого озера есть какая-нибудь легенда?	– Скажи, пожалуйста, – спросил Воздухов, – у этого озера есть какая-нибудь легенда?
С криком <...>	С коротким криком <...>	С коротким криком <...>
Но память о нем живет до сих пор.	Но память о нем живет до сих пор!..	Но память о нем живет до сих пор!..
Ужасная участь Матвея вызвала, наконец, вздох из груди Воздухова <...>	Ужасная участь Матвея вызвала, наконец, вздох из груди Воздухова <...>	Ужасная участь Матвея вырвала, наконец, вздох из груди Воздухова <...>
Где-то тихо всходила луна.	Где-то тихо всходила луна. Вскходила...	Где-то тихо всходила луна. Вскходила...

Изложением «легенд», связанных с популярными у путешественников и туристов местами, или упоминаниями о них, сопровождались многочисленные путевые очерки. Ср., напр., об этом у М. Твена в книге «Прогулка за границей» («A Tramp Abroad»; 1880):

Обыкновенно все туристы упоминают о легендах Рейна, и упоминают о них таким тоном, который должен показывать, что турист знаком с этими леген-

дами чуть не с пеленок, причем со стороны читателя предполагается полная невозможность быть в этом отношении невеждою, но ни один из туристов не рассказывает их.

Твэн 1896—1899/6: 5.

Пер. А. Глазова

В этом сборнике Твена содержится иронический пересказ ряда легенд, к которому стилистически восходит изложение легенды в рассказе Аверченко. Ср., напр., легенду о Лорелее (часть первая, глава XVI) — «Старые легенды Рейна»:

...Лора была водяная нимфа. День и ночь сидела она на вершине высокой скалы Лэй, представлявшей отвесный утес на берегу Рейна. Своим печальным пением и необыкновенной красотой Лора до того очаровывала плывших мимо скалы путников, что последние, позабыв всё на свете, слушали только ее чарующий голос. Об управлении судном они уже не думали; бурное течение разбивало лодку о скалу, и все они погибали в пучине.

С незапамятных времен в одном из соседних со скалою замков жил старый граф Бруно со своим сыном Германном, юношей лет двадцати. Много насльщавшись о прекрасной Лоре, Германн наконец кончил тем, что влюбился в нимфу, ни разу не видав ее. Он стал бродить по вечерам в окрестностях скалы с цитрою в руках и — говоря словами Грагама — «выражал свою тоску тихим пением». В одну из таких прогулок вершина скалы внезапно была окружена ярким светом и как бы сиянием, которое, уменьшаясь мало-помалу в объеме, приняло наконец образ прекрасной Лоры.

«Испустив крик радости, юноша бросил цитру и, протягивая руки, стал звать по имени это таинственное существо, которое, казалось, с любовью стремилось к нему и дружески манило его; мало того, если только слух не обманывал его, она звала его по имени невыразимо сладким шепотом, который сулил ему любовь. Вне себя от восторга юноша лишился чувств и упал на землю».

После этого он сильно переменялся. Он бродил, как во сне, думая только о своей фее и не заботясь ни о чем больше.

«Старый граф с печалью замечал такую перемену в своем сыне», но не мог догадаться о причине ее; все усилия развлечь юношу и вернуть ему прежнюю веселость не имели успеха. Тогда старый граф попробовал прибегнуть к своей отеческой власти. Он приказал юноше готовиться к выступлению в поход, и юноша повиновался. Грагам говорит:

«Однажды вечером, незадолго перед выступлением, желая еще раз посетить скалу Лей и посвятить нимфе Рейна еще несколько вздохов, романсов и звуков своей цитры, он сел в свою лодку и, взяв с собой одного из своих верных товарищей, поплыл вниз по течению. Вся окрестность была ярко освещена серебристым светом луны; крутые гористые берега представлялись в самых фантастических образах, а высокие дубы, стоящие по обоим берегам, простирали свои ветви по направлению к Германну. Когда они приблизились к Лее и стремительное течение подхватило их лодку, то спутник его, охваченный неизъяснимым ужасом, начал просить позволения пристать к берегу, но рыцарь ударил по струнам своей гитары и запел <...>».

Не особенно было умно хотя бы и то, что Германн отправился к скале. Но еще большей ошибкой было то, что он запел такую песню. На этот раз Лореlea уже не «называла его по имени невыразимо сладким шепотом». Нет, эта песня мгновенно и притом совершенно «иначе» подействовала на нее, но кроме того, она же послужила к тому, что вся окрестная область была повержена в печаль, так как:

«Едва прозвучали в воздухе эти слова, как повсюду послышались звуки и шум, как бы в воде и над водою начали раздаваться голоса. На скале Лей показалось пламя, над которым появилась волшебница; она, как и раньше, ясно и настоятельно манила правой рукою ослепленного рыцаря, в то время как в левой руке у нее был жезл, которым она вызывала себе на помощь волны. Волны начали плескаться к небу; лодка опрокинулась, и все усилия пловцов были тщетны; волны поднимались всё выше и выше и, ударяясь о твердые скалы, разбили лодку в куски. Юноша утонул в пучине, но спутник его был выкинут на берег громадной волной».

В течение многих столетий о Лорелее рассказывалось много худого, но в данном случае поведение ее заслуживает несомненно одобрения. Одним уже этим она может завоевать симпатию и заставить забыть все ее преступления и помнить только один последний хороший поступок, которым она увенчала и закончила свою карьеру.

«С тех пор волшебница больше не появлялась, хотя восхитительное пение нередко еще можно было слышать. В прекрасные, свежие, тихие весенние ночи, когда луна освещала всю местность своим серебристым светом, внимательные пловцы из-за рокота волн нередко слышали отзвук чарующего голоса, певшего песни в кристальном замке, и с печалью и страхом вспоминали о молодом графе Германне, обольщенном нимфою».

Твэн 1896–1899/6: 76–78.

Пер. А. Глазова

Воздухоплавательная неделя в Коркине

Впервые опубликовано в изд.: Сат. 1909. № 36. 5 сентября. Специальный воздухоплавательный номер. С. 10–11.

В журнальной публикации и в сборнике «ЮР» в предложении «Ни в жисть не слезу!» после слова «жисть» стояло местоимение «я», убранный в сборнике «РЮЗ». Кроме того, в сборнике «РЮЗ» в предложении «<...> любовалась дико и изумленно на небольшой серый шар <...>» ошибочно напечатано «полюбовалось» (восстановлено по журнальной публикации и сборнику «ЮР»).

Во второй половине 1909 года воздухоплавательная тема занимала одно из центральных мест на страницах российской прессы. Это было связано как с тем, что в августе отмечали 25-летие воздухоплавания, так и с конкретными полетами. Ср., к примеру, очерк М. Л-пуло «Завоевание воздуха (от нашего лондонского корреспондента)» (см.: Руть. 1909. № 82. 20 июля. С. 3), «Состязания воздухоплателей. Реймс» (см.: ОН. 1910. № 7887. 11 (24) августа. С. 4.), статью Л. Гроссмана «Кодекс воздуха» (см.: ОН. 1910. № 7889. 13 (26) августа. 13 (26) августа. С. 2) и т. п. Аверченко также не раз обращался к этой теме; ср. его рассказы «Завоеватели воздуха» (см.: ОН. 1909. № 7880. 1 (14) августа. С. 3.), «Винтик» (см.: ОН. 1909. № 7900. 27 августа (3 сентября). С. 3) и др.

Вячеслав Полонский в статье «Из литературы и жизни. Смех и горечь», вторая часть которой была посвящена книгам Аверченко, писал об этом рассказе:

Достаточно, например, прочесть миниатюру г. Аверченко «Воздухоплавательная неделя в Коркине», чтобы без рассуждений, чуть ли не инстинктивно, нутром, почувствовать убожество и ничтожность обывательских, мещанских душ, в которых всё так мелко и пошло, которых, правда, нельзя обвинять, но над которыми нельзя не смеяться, уже тем самым вооружаясь против пошлости.

Всеобщий Ежемесячник. 1910. Июль. № 7. С. 102;
с. 701 наст. изд.

¹ *И мы, как в Реймсе, устроим воздухоплавательную неделю.* — Близ Реймса, города в регионе Шампань—Арденны на северо-востоке Франции, 30 октября 1908 г. Анри Фарман совершил на аэроплане первый в истории мировой авиа-

ции перелет протяженностью около 30 км. С 22 по 29 августа 1909 г. там впервые прошла Большая неделя авиации в Шампани, которую посетило 150 тыс. зрителей. Воздухоплавательная неделя в Реймсе подробно освещалась российской прессой. Ср., к примеру, отчет «Спортивная неделя в Реймсе» (см.: ОН. 1910. № 8197. 22 августа (4 сентября). С. 2).

Виньетки

Впервые часть четвертая «Экономия» под названием «Экономия (Диалоги)» опубликована в изд.: Сат. 1908. № 7. С. 3. Подписано: *Медуза-Горгона*. Первые три части (I. Тщеславие. II. Была пора, когда... III. Измена) под общим названием «Маленькие рассказы» опубликованы в изд.: Сат. 1909. № 34. С. 7–8. Под номером IV в журнале опубликован другой текст — «Прекрасное воспитание»:

Когда мы садились обедать, семилетний Володя заерзал на своем стуле и обернулся к отцу:

— Папочка...

— Ну?! — недовольно сказал отец. — Раз уж подали суп, то — обед, следовательно, начался и ты можешь помолчать!..

Затем отец обратился ко мне и добавил:

— По-моему, детей нужно воспитывать именно так: дисциплина, уважение к старшим и отсутствие нелепой привычки — без толку каждую минуту напоминать о своем существовании. Не правда ли?

— Пожалуй, — нерешительно сказал я.

— Папочка... — сказал Володя.

— Замолчишь ли ты? Что это за несносный мальчуган!

Хозяйка дома стала разливать суп.

Володя отодвинул свою тарелку и, смотря на отца молящими глазами, сказал в третий раз:

— Папочка!..

— Этот мальчишка сведет меня с ума!! Когда мы съедем суп, ты можешь попросить разрешения заявить, что тебе так нужно, а пока, если не помолчишь, — оставляю тебя без мороженого!

Володя в четвертый раз раскрыл рот, но, встретив решительный взгляд отца, потупился и, не дотрагиваясь до своей тарелки, стал робко следить за нами.

Когда последняя ложка супа у меня и у отца была проглочена, Володя нерешительно спросил

— Папочка... Можно сказать?..

— Ну, что там еще? Ну, говори!

— Папочка! Наша Анисья, перед тем как подавать обед, нашла в супе крысу. Крыса совсем-совсем была сварена. Это... не очень вредно?

Сат. 1909. № 34. С. 8

При подготовке сборника в текст журнальных публикаций были внесены исправления. В миниатюре «Измена» в «Сат.» в предложении «Дверь распахнулась, и мы увидели то, что, в сущности, ожидали и раньше <...>» нет оборота «в сущности». В миниатюре «Экономия» в журнальной публикации и в сборнике «ЮР» в предложении «Сердце разрывается на куски, когда я вспомню, что ты едешь на край света» вместо «на куски» было «в куски», а в предложении «Письма никакого не надо — почтовая бумага теперь кусается, а ты возьми тот обрывок бумаги <...>» перед союзом «а» стоит тире.

¹ *Дуговой фонарь*. — См. примеч. 2 к рассказу «Пьяный».

² *Женщина стояла ко мне боком ~ осыпала разноцветными кружочками свою голову, плечи и грудь*. — Схожий образ встречается в очерке английского писателя Джерома К. Джерома (1859—1927) «Жизнь — великая тайна» («When Is the Best Time to Be Merry?» — букв.: «Когда лучше всего веселиться?»), вошедшем в «Третью книжку праздных мыслей праздного человека» («Idle Ideas in 1905» — букв.: «Праздные мысли в 1905 году»):

Но совершенно случайно мне пришлось встретить в одном пустынном переулке очень невзрачную девицу, очевидно, из разряда мелкой прислуги, которая сама нацепляла на себя эти цветные петли, подобрав их, вероятно, на большой улице. Наверное, она намеревалась похвастаться этими трофеями своим товаркам.

Джером 1912/9: 22.

Пер. А. Мурахиной-Аксёновой

³ *Подпешные* — плата, взимаемая с каждой депеши, телеграммы.

⁴ *...кости от костей моих...* — Отец приводит слова Адама из Библии: «И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт. 2: 23).

⁵ *Доплатное письмо* — письмо, пересылку которого оплачивает адресат при получении.

Дуэль

Начало рассказа (до слов «Я вышел») впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 24. 13 июня. С. 8–9 с пометой «(Окончание в след. №)». Подписано: *Медуза-Горгона*. Вторая часть, со слов «Знакомый офицер», впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 25. 20 июня. С. 4–5 с подзаголовком «(Окончание)» и сноской «См. № 24». Подписано: *Медуза-Горгона*.

Впоследствии рассказ с небольшими изменениями был включен в текст повести Аверченко «Подходцев и двое других» в качестве глав 13 («Жестокий поединок») и 14 («Черты из жизни Клинкава. Результат поединка») первой части (см.: Аверченко 1917: С. 63–75). Вместо Кости в первом предложении главы 13 повести фигурирует Клинок: «Подходцев лежал на диване, Громов на кровати, оба, повернув изумленные лица, смотрели на Клинкава, а он шагнул по комнате и, криво улыбаясь, говорил <...> (Там же: 63).

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
– Правда, — уныло подтвердил Костя.	– Правда... — уныло подтвердил Костя.	– Правда... — уныло подтвердил Костя.
– Пожалуйста, не смотрите на это, как на шутку!	– Пожалуйста, не смотрите на это, как на шутку!	– Пожалуйста, не смотрите на это, как на шутку.
В кои-то веки соберешься ухлопать человека и терять такой случай...	В кои-то веки соберешься ухлопать человека — и терять такой случай...	В кои-то веки соберешься ухлопать человека — и терять такой случай...
Вы на сегодня обещали!	Вы на сегодня обещали!	Вы на сегодня обещали.
С мрачным лицом хозяйка уселась у дверей.	С мрачным лицом хозяйка уселась у дверей...	С мрачным лицом хозяйка уселась у дверей...
Костя простонал, положил их на ладонь хозяйки	Костя простонал, положил деньги на ладонь хо-	Костя застонал, положил деньги на ладонь хозяйки

и сказал, указывая ей на дверь <...>	зййки и сказал, указывая ей на дверь <...>	и сказал, указывая ей на дверь <...>
Громов лег на кровать и принялся что-то насвистывать.	Громов, растянувшись на кровати, принялся что-то насвистывать.	Громов растянулся на кровати и принялся что-то насвистывать.
Костя, ты какие больше предпочитаешь, газетовые?	Костя, ты какие больше предпочитаешь, газетовые?	Костя, ты какие больше предпочитаешь, — газетовые?
Прекрасные — за пару плачено полтора рубля!	Прекрасные — за пару плачено полтора рублей!	Прекрасные — за пару плачено полтора рублей!
Ничего, здесь 12 рублей?	Ничего, здесь 12 рублей?	Ничего, что здесь 12 рублей?
— Давайте! Вы водку пьете?	— Давайте! Вы водку пьете?	— Давайте! Водку пьете?
<...> прибегая к живейшему участию Громова и меня.	<...> прибегая к живейшему участию: моему и Громова.	<...> прибегая к живейшему участию: моему и Громова.
<...> махнув рукой, вставал с кровати и, проворчав загадочное <...>	<...> махнув рукой, вставал с кровати, ворчал загадочное <...>	<...> махнув рукой, вставал с кровати, ворчал загадочное <...>
<...> какому-нибудь горемычному студенту <...>	<...> какому-нибудь обдерганному студенту <...>	<...> какому-нибудь обдерганному студенту <...>
<...> а первого числа я уж, как следует, чистоганом!	<...> а первого числа я уж, как следует, чистоганом!	<...> а первого числа я уж, как следует, чистоганом?
Мы тут же живем, у Щемилина.	Мы тут же живем, у Щемилина.	Мы тут же живем у Щемилина.
— Да я все отдал, что были.	— Да я все отдал, что были...	— Да я все отдал, что были...
Бросьте, ребята, дурака валять, надоело!	Бросьте, ребята, дурака валять. Надоело!	Бросьте, ребята, дурака валять. Надоело!

В 1908 году Аверченко напечатал в понедельникной газете «Свободные Мысли» рассказ под тем же названием «Дуэль» с посвящением «репортерам малой

прессы» (см.: № 44. 10 марта. С. 2–3). В «Сатириконе» летом 1908 года были напечатаны без подписи диалоги «Российские дуэлянты» (см.: № 10. С. 13), затем помещены карикатуры А.А. Юнгера «Дуэль через платок (самая ужасная)» (см.: № 13. С. 2. Подписано: *Баян*) и Ре-Ми «Великосветская дуэль» (см.: № 13. С. 16). Дуэльная тема приобрела особую популярность в связи с громкими заявлениями российских политиков. В мае 1908 года лидер партии октябристов А.И. Гучков вызвал на дуэль кадета П.Н. Милюкова, а 17 ноября 1909 года состоялась дуэль между Гучковым и графом А.А. Уваровым, на которой Уваров был легко ранен в правое плечо. Накануне был напечатан фельетон О.Л. Д'Ора «Депутатская дуэль», в котором дуэль так же, как и в рассказе Аверченко, заменяется попойкой:

...Дуэль состоялась.

Два трупы привезли в город еле державшиеся на ногах секунданты.

Два трупы и двадцать пустых бутылок от шампанского...

Трупы депутатов взвалили на кровати, и скоро богатырский храп стал потрясать стены...

Руль. 1909. № 200. 16 ноября. С. 2

¹ *Лебедин* — город в Харьковской губернии (ныне — в Сумской области Украины).

² *Вы читали, Анна Марковна, роман Золя «Деньги»?* — Роман французского писателя Эмиля Золя (1840–1902) «Деньги» («L'Argent») был впервые напечатан в 1891 г., сразу же переведен на русский язык и затем неоднократно переиздавался в России. В 1909 г. перевод с «последнего французского издания» вышел в Санкт-Петербурге в «Просвещении» в серии «Современная библиотека. Отдельные произведения выдающихся русских и иностранных писателей в области изящной литературы».

³ *...ты какие больше предпочитаешь — глазетовые?* — Речь идет о гробах, обитых парчой с выгканными на ней блестящими золотыми или серебряными узорами.

Пинхус Розенберг

Впервые опубл. в изд.: Сат. 1909. № 16. 18 апреля. С. 6. Подписано: *Аве*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
– Прекрасный шелк!	– Прекрасный шелк.	– Прекрасный шелк.
– А из минуточек делают часочки, из часоч...	– А из минуточек делают часочки, из часоч...	– А из минуточек делаются часики, из часоч...
Отвечайте – да или нет.	Отвечайте – да или нет?!	Отвечайте – да или нет?!
– Что значит нет?	– Что значит – нет?	– Что значит – нет?
Розенберг пожал плечами, вышел неторопливо на улицу и, смотря вслед удаляющемуся чиновнику, возмущенно покачал головой <...>	Розенберг пожал плечами, вышел неторопливо и, смотря вслед удаляющемуся чиновнику, возмущенно покачал головой <...>	Розенберг пожал плечами, вышел неторопливо и, смотря вслед удаляющемуся чиновнику, возмущенно покачал головой <...>
Весь магазин даром перерыл.	Весь магазин даром перерыл...	Весь магазин даром перерыл...

Образ приказчика, который, напротив, никак не может угодить выбирающей материю придирчивой покупательнице, создан в рассказе Аверченко «Лекарство» («ВУ»).

¹ *Бархат* – ткань, которая изготавливается путем особого переплетения шелковых нитей.

² *Аршин*. – См. примеч. 3 к рассказу «Специалист» («РЮ1»).

³ *Железный аршин* – здесь: измерительная линейка длиной в один аршин с нанесенными на ней делениями.

⁴ *Манчестер* – хлопчатобумажная ткань, напоминающая по внешнему виду бархат (см. выше, примеч. 1).

⁵ *Кретончик* (уменьш. от кретон) – плотная хлопчатобумажная ткань из окрашенных в разные цвета нитей с геометрическим орнаментом (клетки или полосы).

⁶ *Батист* – тонкая, полупрозрачная льняная или хлопчатобумажная ткань.

⁷ *Курьерский поезд* – скорый поезд, не останавливающийся на маленьких станциях.

⁸ *Сатин* — ткань, изготавливаемая путем особого переплетения нитей из шелка или хлопчатобумажного волокна.

⁹ *Ситец* — хлопчатобумажная гладкоокрашенная или набивная ткань.

¹⁰ *Сарпинка* — хлопчатобумажная ткань с геометрическим орнаментом (клетки или полосы).

¹¹ *Пике* — рельефная хлопчатобумажная ткань, изготавливаемая путем сложного переплетения нитей.

Наследственность

Впервые опубли. в изд.: Сат. 1909. № 36. 5 сентября. Специальный воздухоплавательный номер. С. 12. Подписано: *Фома Опискин*.

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации был внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
— Втроем нельзя, — сказал он встревоженно. — Это тандем для двух.	— Втроем нельзя, — сказал он встревоженно, — это тандем для двух.	— Втроем нельзя, — сказал он встревоженно, — это тандем для двух.
Он заморгал глазами и, вздохнувши, ушел.	Корнюхин заморгал глазами и, вздохнувши, ушел.	Корнюхин заморгал глазами и, вздохнув, ушел.
Его машина меня заинтриговала.	Его машина меня заинтриговала.	Его машина заинтриговала меня.
Так как жена не всегда лгала мне, то я испугался и стал раздумывать <...>	Так как жена не всегда лгала мне, то я испугался и стал раздумывать <...>	Так как жена не всегда лгала мне, — я испугался и стал раздумывать <...>
— Это... что... значит?	Это... что... значит?	— Это... что... что... значит?

Об интересе к теме воздухоплавания см. преамбулу к примечаниям и примеч. 1 к рассказу «Воздухоплавательная неделя в Коркине».

Дитя

Впервые опублик. в изд.: Сат. 1910. № 1. 2 января. С. 10–11.

Рассказ также вошел в сборник Аверченко «Избранные рассказы» (см.: Аверченко 1913б: 75–88).

При подготовке сборника «РЮЗ» из восклицания «— Ну, как же!» убрано «же». Кроме того, в журнальной публикации и в сборнике «ЮР» вслед за предложением «А вам вон даже паспорт доверил» следует с абзаца предложение: «Это у него вышло совсем по-детски». Еще ряд изменений был внесен в текст в сборнике «ИР»: в конце предложения «Однажды я столкнулся с таким именно человеком, и у меня надолго останется о нем воспоминание...» стоит точка, в предложении «Хотите, я кондуктору за вас билет покажу, чтобы не беспокоить вас...» иной порядок слов: «Хотите, я кондуктору билет за вас покажу, чтобы не беспокоить вас...», в реплике «— Давайте, я спрячу в свой чемодан» добавлено местоимение «его»: «— Давайте, я спрячу его в свой чемодан».

Тихое помешательство

Впервые с указанием: «Посвящается Мих. Герм. Корн-д» до слов «только морщит нос и ежится» опублик. в изд.: Сат. 1909. № 31. С. 7–8 (на с. 8 отмечено: «Окончание в след. №.»); с раздела IV с пометой «(Окончание) См. № 31» и повторением посвящения — в изд.: Сат. 1909. № 32. С. 7–8.

Рассказ также вошел в сборник Аверченко «О маленьких — для больших: Рассказы о детях» (см.: Аверченко 1916б: 114–126).

При подготовке сборников «ЮР» и «РЮЗ» в текст журнальной публикации внесен ряд изменений.

В ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ	В СБОРНИКЕ «ЮР»	В СБОРНИКЕ «РЮЗ»
<...> Банкин сорвал травинку, закусил ее зубами, поморщился <...>	<...> Банкин сорвал травинку, закусил ее зубами, поморщился <...>	<...> Банкин сорвал травинку, закусив ее зубами, поморщился <...>
<...> оборачивается и ха-ха!..	<...> оборачивается и — ха-ха!..	<...> оборачивается и — ха-ха!..

Притворяй покрепче двери.	Притворяй покрепче двери...	Притворяй покрепче двери...
<...> он будет играть с песочком только на этом бульваре.	<...> он будет играть с песочком только на этом бульваре.	<...> он будет играть песочком только на этом бульваре.
В маленьком ресторанчике, куда мы зашли выпить по стакану вина <...>	В маленьком ресторанчике, куда мы зашли выпить по стакану вина <...>	В маленьком ресторане, куда мы зашли выпить по стакану вина <...>
Вы уж извините...	Вы уж извините...	Вы уж извините.
Потом расспросил, сколько мальчику лет, чей сын <...>	Потом расспросил: сколько мальчику лет, чей сын <...>	Потом расспросил: сколько мальчику лет, чей сын <...>
– Воды он не боится.	– Воды он не боится.	– Воды он боится.
– Какой хорошенький!	– Какой хорошенький!	– Какой хорошенький.
Что нужно... – продолжила нянька.	Что нужно... – продолжила нянька.	– Что нужно... – продолжала нянька.
– Ну, что вы!!	– Ну, что вы!!	– Ну, что вы!

Еще ряд изменений был внесен в текст в сборнике «ОМДБ»: вместо «Я видел это от семнадцати до двадцати раз» стало «Я видел это от пятидесяти до ста раз», вместо «Банкин расхохотался» – «Банкин тихо засмеялся». В конце предложения «Фу, какой вы бестолковый» в сборнике «ОМДБ» стоит не точка, а восклицательный знак, во фрагменте «– Пойдите!! – вскричал Банкин <...>» восклицательные знаки отсутствуют; нет также запятой в предложении «– Чего тебе там надо, на потолке?» В предложении «<...> вино пришлось пить из молочников и сахарницы» в сборнике «ОМДБ» добавлены слова «чуть ли не»: «<...> вино пришлось пить чуть ли не из молочников и сахарницы». В предложении «– Глаза – ваши, – уверенно сказал я. – А губы – мамыны!» в сборнике «ОМДБ» изменена пунктуация: «– Глаза – ваши, – уверенно сказал я, – а губы – мамыны!»

Кроме того, в предложении «По свойственной всем бульварным сторожам замкнутости <...>» в сборнике «ОМДБ» использовано слово «бульварным», которое есть в журнальной публикации и в сборнике «ЮР», но отсут-

ствуем в «РЮЗ», а в предложении «Это значит: покачать его в колясочке» использовано, как и в журнальной публикации и в сборнике «ЮР», двоеточие, исправленное в сборнике «РЮЗ» на тире: «Это значит — покачать его в колясочке».

Ср. с фрагментом рассказа И.И. Мясницкого «В семье», в котором гость сталкивается с детьми и отношением к детям родителей:

— Спроси у барыни одеколону... понимаешь? Скажи, что приехавшего гостя нужно одеколоном почистить.

— То есть пятна на брюках, а не меня.

— Э, всё равно... но ты заметил, Миша, как он мило «соколад» говорит? А? Неправда ли?

— Да... очень! — кисло проговорил гость, смотря с сожалением на панталоны.

Мясницкий 1899: 21

В пьесе «Тихое помешательство (Инсценированный рассказ)», которая вошла в сборник Аверченко «Без суфлера: Пьесы и монологи» (см.: Аверченко 1916а), сохранены созданные в рассказе типы, но сюжет и развязка изменены, а всё действие перенесено в квартиру Банкиных.

Корнфельд Михаил Германович (1884—1973) — издатель журнала «Сатирикон» и ряда других изданий. Подробнее о нем см. в статье, на с. 732, 737—739 наст. изд.; см. также: Корнфельд 1990.

¹ *Взять хотя бы бывшего персидского шаха.* — Имеется в виду Мохаммед Али-шах (1872—1925), правивший Персией с 8 января 1907 г. и низложенный 16 июля 1909 г. В изгнании жил до 1920 г. в России.

² *Компренэ? Анфана!* — «Comprendre? Enfant» (*фр.*, искаж.) — «Понимаете? Ребенка!»

³ *...анфан террибль!* — «Enfant terrible!» (*фр.*) — «Ужасный ребенок!»

ДОПОЛНЕНИЯ

Аркадий Аверченко

ВЕСЕЛЫЕ УСТРИЦЫ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

На обложке первого издания указано: «Аверченко Аркадий. Веселые устрицы. Библиотека “Сатирикона”. Издание М.Г. Корнфельда». На титульной странице: «Аверченко Аркадий. Веселые устрицы: Юмористические рассказы. С.-Петербург. 1910. Издание М.Г. Корнфельда». На обороте титула указано: «Портрет и обложка работы художника Ре-Ми. Типография журнала “Сатирикон”. С.-Петербург, Лештуков пер., 4». В первом издании 207 с. + рекламные объявления (журнал «Сатирикон», собрание сочинений М. Твена, новая книга Саши Черного «Сатиры»).

Основу книги составили произведения, публиковавшиеся в 1909–1910 годах в газете «Одесские Новости», и первоначально Аверченко собирался назвать сборник «Одесские рассказы». Информация об подготовке книги с таким названием появилась в пасхальном номере «Одесских Новостей» 18 апреля (5 мая) 1910 года, в связи с публикацией юмористической автобиографии, предназначенной для будущей книги (см.: *Моя автобиография* // № 8094. С. 4). Затем название было изменено, однако «одесский» след в нем всё равно сохранился: в «Одесских Новостях» регулярно помещались объявления, рекламирующие устрицы; см., напр., на первой странице номера от 23 октября (5 ноября) (№ 7947): «Севастопольские жирные устрицы сейчас получены у Дубинина». Говоря о литературных ассоциациях, которые вызывало название «Веселые устрицы», нужно отметить не столько книгу О. Генри «Короли и капуста» («Cabbages and Kings»; 1904), в то время практически не известную российским читателям, сколько использование образа устрицы у М. Твена:

Я думаю, что есть два рода музыки: один, который понятен всякому, даже устрице, и другой, для понимания которого необходимо более высокое дарование, развитое особым воспитанием. Но если и посредственная музыка удовлетворяет большинство из нас, зачем требовать тогда другой? Мы требуем этой другой музыки только потому, что она ценится весьма немногими знатоками, обладающими более развитым, нежели у нас, чутьем. Не находя в ней никако-

го удовольствия, мы делаем вид, что наслаждаемся ею, чтобы только при помощи этой лжи попасть в разряд знатоков, действительно понимающих музыку. Я знаю немало этого сорта людей и думаю, что и сам буду из числа их, когда вернусь домой и буду хвастаться своим европейским образованием.

Твэн 1896—1899/6: 137.

Пер. А. Глазова

В русской юмористике устрицы сначала изображались как иностранная еда, которой комически пренебрегали или пугались купцы. Так их используют, напр., Н.А. Лейкин и В.В. Билибин в «шутке в 1-м действии» «На аристократический манер» (СПб.: Печатня Р. Голике, 1901). Схожим образом поступает И.И. Мясницкий в рассказе «Гастроном»:

— <...> а по-нашему, например, по благородному, сейчас устрицы глотать...

— Это что же за зверь такой? — спросил один из подрядчиков.

— Не зверь, а млекопитающее... лягушонок...

— Врешь?!

— Вот тебе и врешь! Сидит она эдак, понимаешь, в раковине и чуть дышит... сейчас ты на нее лимонного сочкупустишь, она и запищит; ну, уж тут ты ее прямо в утробу — хоп!

— Тьфу! — плюнули собеседники.

— Вот ты плюешь, а у благородных это первая еда и... и скусу, признаться, в них никакого: глотаешь, быдто сырость с плесенью или соплю, например... Благородной моде подражать большую тоже надо привычку: я, вот, к этим устрицам-то, может, месяца три привыкал, насилу-то уж насилу насобачился... а то, отец ты мой, как только ее, проклятую, глотнешь — сейчас назад... Как глотнешь — назад... ах, чтоб те раковинной подавиться!.. Претит, хоть ты что хочешь!.. Уж как привык-то: как сейчас ее глотать — глаза зажмуришь и нос зажмешь — ну, и ничего! Теперича я могу их штук по пятидесяти за одну залогустравить, и как по маслу, даже не поперхнусь; а прежде беда: всех святых приберешь, как она, каторжная, назад-то полезет...

Мясницкий 1903а: 115—116

Когда устрицы становятся привычной едой, появляются произведения иного типа; ср., напр., юмореску «О чем говорили устрицы» (см.: Будильник. 1903. № 42. Подписано: *А-идр*). Название книги Аверченко можно связать и с рассказом А.П. Чехова «Устрицы» (см.: Чехов 1974—1983/3: 131—134), который, впрочем, не содержит в себе комического.

В журнале «Сатирикон» информация о предстоящем издании впервые появилась 3 июля 1910 года. В рекламном объявлении сообщалось: «В непродолжительном времени издательство “Сатирикон” выпускает в свет новую книгу юмористических рассказов Аркадия Аверченко “Веселые устрицы” с портретом автора, работы художн. Ре-Ми, и автобиографией». Далее приводилось содержание сборника и — для подписчиков и читателей журнала «Сатирикон» — особо отмечалось, что «в книгу “Веселые устрицы” не вошел ни один из рассказов Арк. Аверченко, напечатанных в “Сатириконе”» (№ 27. С. 11). Затем в нескольких номерах журнала объявление перепечатывалось без изменений, а 24 июля в нем появилось изображение обложки и информация о переплетах (см.: № 30. С. 8). Наконец, 31 июля «Сатирикон» сообщил: «Вышла в свет и поступила в продажу новая книга юмористических рассказов Аркадия Аверченко “Веселые устрицы”» (№ 31. С. 13). В газете «Одесские Новости» рекламное объявление было помещено на первой странице номера от 1 (14) августа 1910 года; в нем говорилось, что книга Аркадия Аверченко «Веселые устрицы: юмористические рассказы» уже продается в книжном магазине «Одесских Новостей» (см.: № 8180. С. 1). Тираж сборника составил 8000 экз.

В книгу вошли открывающая сборник «Автобиография» и 32 рассказа, которые распределены по трем разделам, пронумерованным римскими цифрами: «I. В свободной России»; «II. Около искусства»; «III. Мои улыбки». Также в сборнике был помещен портрет Аверченко работы Ре-Ми. Значительная часть публиковавшихся в «Одесских Новостях» рассказов имела эпитафии «из газет», привязывающие тексты к злобе дня: Аверченко сохранил их и в книге.

В течение 1910–1911 годов книга многократно переиздавалась: в конце 1911 года вышло 16-е издание. Второе, третье и четвертое издания воспроизвели набор первого. Четвертое издание появилось в продаже в середине октября. Для вышедшего в том же 1910 году пятого издания набор выполнен заново: в тексте есть опечатки, а также некоторые исправления, которые, возможно, являются ошибками набора. В 1911 году книга перенабиралась еще раз: в первых изданиях основной текст заканчивается на с. 205, а оглавление помещено на с. 207, а в новом наборе — на с. 207 с. и на с. 209 соответственно.

Семнадцатое издание было опубликовано в 1913 году в издательстве «Освобождение». На титульном листе значилось: «Аркадий Аверченко Веселые устрицы Юмористические рассказы Семнадцатое издание. Изд. Осво-

бождение. С.И. Питтель. С.-Петербург – Москва. 1913». В издании «Освобождения» текст рассказов также заканчивается на с. 207, а оглавление помещено на с. 209. Смена издательства была связана с конфликтом А.Т. Аверченко и М.Г. Корнфельда, приведшим к уходу большой группы основных сотрудников из «Сатирикона» и создания товарищества «Новый Сатирикон», под маркой которого в дальнейшем и выходили книги Аверченко. Последнее выявленное издание сборника «ВУ» – 24-е – было выпущено товариществом «Новый Сатирикон» в Петрограде в 1916 году.

В 1928 году книга под таким же названием была издана в «Библиотеке сатиры и юмора» издательства «Земля и Фабрика» (М.; Л.) с предисловием А. Старчакова.

Автобиография

Впервые под названием «Моя автобиография» опубликовано в изд.: ОН. 1910. № 8094. 18 апреля (5 мая). (Пасхальный номер). С. 4. С пометой: «написанная для будущей книги “Одесские рассказы”».

Начиная книгу юмористической «Автобиографией», Аверченко следует традициям Марка Твена. Выпущенные издательством «Шиповник» «Избранные рассказы» Твена в 3 кн. открывала юмористическая «Моя биография». В то же время необходимо отметить, что «автобиография» Твена носила целиком вымышленный характер и к подлинной биографии писателя не имела никакого отношения: Твен рассказывал исключительно о своих мнимых предках. В основе «Автобиографии» Аверченко, напротив, лежат многие факты его жизни, хотя и юмористически переосмысленные.

М.А. Кузмин, представляя сборник Аверченко в «Заметках о русской беллетристике», выделял «Автобиографию» как один из «вполне законченных и тонких очерков» (с. 703 наст. изд.). Анонимный рецензент «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложений к “Ниве”», напротив, резко критиковал ее: «Грубейшим шутовством исполнена и предшествующая рассказам “Автобиография”, которая к тому же и нескромна, ибо автор не стесняется в ней отзываться о себе с большой похвалой. Нескромно также снабжать книгу рассказов портретом» (с. 705 наст. изд.).

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены существенные исправления. Предложение «— Старая лисица! — отвечал я, с трудом открывая один глаз, — ты играешь наверняка» изменено на «Старая

лисица! — подумал я, внутренне усмехнувшись, — ты играешь наверняка»; финал предложения «Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но, конечно, всякий благомыслящий человек поймет, что это чистейший вздор» исправлен на «но — я до сих пор не понимаю — причем здесь еще какой-то праздник?». С предложения «Конечно, и до этого отец неоднократно <...>» в «ОН» начинается новый абзац. В предложении «В настоящем же случае он, кроме того, нахлобучил на головы себе и мне по шляпе — и мы вышли на улицу» в газетной публикации отсутствует тире; «спросил я с прямизной, всегда меня отличавшей» заменено на «спросил я с прямизной, всегда меня отличающей», а «которые не были растащены ворами и покупателями» — на «которые не были расхищены ворами и покупателями». В предложении «— Да я не умею, — возразил я, по своему обыкновению выбирая такую позицию, которая могла гарантировать мне полный и безмятежный покой» в «ОН» не было слова «такую», в предложении «Обескураженный этими упреками, я немедленно подходил к гитаре <...>» — слова «немедленно», вместо «шаркая ногами по стенам» было «шаркая ногами по обоям», вместо «Черрт возьми!» было «Чорт возьми!». В предложении «Помню первый день моей службы, которую я должен был начать в какой-то сонной транспортной конторе по перевозке кладей» придаточное предложение в «ОН» относилось к слову «день»: «Помню первый день моей службы, который я должен был начать в какой-то сонной транспортной конторе по перевозке кладей». В сборнике «ВУ» «заготавливаете реестры?» исправлено на «заготавливаете реестра?», «побрел к своему столу» на «побрел за свой стол», «обязательно сообщил мне на ухо» — на «предупредительно сообщил мне на ухо», «и поэтому, вероятно, я и очутился там» на «и потому, вероятно, я и очутился там». Изменена модальность в начале предложения «Эти шахтеры (утлекопы) были тоже престранный народ <...>»: в «ВУ» стало «Эти шахтеры (утлекопы) казались мне тоже престранным народом <...>». В газетной публикации вместо «жажда их застигла» было «жажда их застигла», отсутствовало слово «даже» в предложении «Проламывали друг другу головы, уничтожали начисто носы и уши, а один смельчак даже взялся однажды на заманчивое пари <...>». В «ВУ» убрано слово «весь», которое было в «ОН» в предложении «Занесенные сюда гигантской метлой Божьего произволения, все они махнули рукой на внешний мир и стали жить, как Бог на душу положит», слово «цифрах» в перечислении «погрязших в работе, скучных счетах и цифрах...» заменено на «дрязгах», слово «немедленно» в

предложении «Гонорара я за него почему-то не получил, и это тем более несправедливо, что едва он вышел в свет, как подписка и розница газеты немедленно удвоилась...» на «сейчас же».

¹ *Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование.* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 719 наст. изд.

² *Отец мой, будучи по профессии купцом...* — Отцом Аверченко был купец 2-й гильдии Тимофей Петрович Аверченко. Подробнее о нем см. в статье, на с. 720 наст. изд., а также в преамбуле к примечаниям к рассказу «Отец» («РЮ2»).

³ *...если бы старшим сестрам...* — У Аверченко было шесть сестер: Любовь, Мария, Неонила, Надежда, Ольга и Елена.

⁴ *Чистенький, аккуратный немчик, наш сосед по дому, Сережа с самого раннего возраста ставился мне в пример как образец выдержанности, трудолюбия и аккуратности.* — Ср. у М. Твена в рассказе «Вениамин Франклин» («The Late Benjamin Franklin»; 1870):

С злостностью, не имеющей в истории ничего себе подобного, он целый день проводил за работой и просиживал ночи напролет, делая вид, будто изучает алгебру при свете мерцающего огня, и всё это опять-таки — для того, чтобы другие юноши делали то же самое, если только они не хотят быть замученными примерами удивительной усидчивости Вениамина Франклина.

Твен 1896–1899/1: 261.

Пер. В.О.Т.

⁵ *Помню первый день моей службы, которую я должен был начать в какой-то сонной транспортной конторе по перевозке кладей.* — Аверченко служил в транспортной конторе в Севастополе.

⁶ *Шестнадцати лет я... уехал из Севастополя... на какие-то каменноугольные рудники.* — Покинув Севастополь, Аверченко служил в Акционерном обществе Брянских каменноугольных копей.

⁷ *...гигантским черным камням, разбросанным гигантским мальчиком-пальчиком на всём пути.* — В сказке французского писателя Шарля Перро (1628–1703) «Мальчик с пальчик» («Tom Pouce»; 1697) герой смог вернуться вместе со своими братьями домой, поскольку отмечал дорогу, бросая белевьи камушки, которые были у него в карманах.

⁸ *Кордегардия* — здесь: помещение для содержания арестованных.

⁹ *Когда правление рудников было переведено в Харьков...* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 722 наст. изд.

¹⁰ *Литературная моя деятельность была начата в 1904 году...* — В газетной публикации и первых изданиях указано «в 1905 году», затем исправлено автором. О начале литературной деятельности Аверченко см. в статье, на с. 722–723 наст. изд.

¹¹ *«Южный Край»* — издававшаяся в Харькове с 1880 по 1918 г. «общественная, политическая и литературная» газета. О публикациях в ней Аверченко см. в статье, на с. 722 наст. изд.

¹² *...с началом Русско-Японской войны.* — Русско-японская война началась в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. с атаки японцев на русскую эскадру в городе Порт-Артуре.

¹³ *Я стал редактировать журнал «Штык»...* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 726–730 наст. изд.

¹⁴ *...генерал-губернатор Пешков...* — Имеется в виду генерал-лейтенант Николай Николаевич Пешков (1857 — после 1917), который руководил Харьковской губернией в 1906–1908 гг.

¹⁵ *Маклак* — перекупщик, посредник при мелких торговых сделках.

¹⁶ *...выпустить 3 номера журнала «Меч»...* — Подробнее об этом журнале см. в статье, на с. 726, 730 наст. изд.

¹⁷ *...в Публичной библиотеке.* — Речь идет об Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге (ныне — Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

¹⁸ *В Петербург я приехал как раз на Новый год.* — После переименования города в новых изданиях книги в этом предложении Петербург был заменен на Петроград.

¹⁹ *Первые мои шаги были связаны с основанным нами журналом «Сатирикон», и до сих пор я люблю, как собственное дитя, этот прекрасный, веселый журнал (в год 6 руб., на полгода 3 руб.).* — В газетной публикации фрагмент в скобках отсутствует; при переиздании сборника после подорожания подписки на журнал он был изменен на «(в год 8 руб., на полгода 4 руб.)».

²⁰ *Успех его был наполовину моим успехам, и я с гордостью могу сказать теперь, что редкий культурный человек не знает нашего «Сатирикона» (на год 6 руб., на полгода 3 руб.).* — В газетной публикации этот абзац отсутствует; при переиздании, после подорожания подписной цены на журнал, в нем был изменен

фрагмент в скобках: «(на год 8 руб., на полгода 4 руб.)». См. также пред. примеч.

²¹ ...*испанского инфанта*... — Испанский инфант дон Фернандо де Бавьера и Бурбон с делегацией уланского Фарнесского полка посетил Россию в мае 1908 г. и был 5 мая принят в Александровском дворце императором Николаем II.

²² ...*президента Фальера*... — Арман Фальер (1841—1931), президент Франции в 1906—1913 гг., посетил Россию в июле 1908 г.

I. В СВОБОДНОЙ РОССИИ

История болезни Иванова

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 7928. 30 сентября (13 октября). С. 2. В газете указано место написания: *Петербург*.

В газетной публикации вместо «Пристав развел руками... Потом на цыпочках вышел из комнаты» было «Пристав развел руками и на цыпочках вышел из комнаты».

В 1884 году в юмореске «У постели больного» А.П. Чехов связывал болезнь и конституцию, используя игру слов:

Миллер. Но прежде, чем давать возбуждающее, я просил бы вас обратить внимание на его конституцию...

Больной (*побледнев*). Ах, господа, не говорите так громко! Я человек семейный... служащий... Под окнами люди ходят... у меня прислуга... Ах! (*Безнадёжно машет рукой*.)

Чехов 1974—1983/3: 127

В напечатанной в «Сатириконе» в 1908 году без подписи юмореске «Семь смертных грехов (Кошмар)» герой — Никита Дребезгов, — постепенно напиваясь, проделывает примерно тот же путь политической эволюции, что и персонаж рассказа Аверченко: крайне правый, октябрист, мирнообновленец, кадет, трудовик, социал-демократ, сторонник левого крыла партии Дашнакцунцон (см.: № 3. С. 8).

¹ *Однажды беспартийный житель Петербурга Иванов...* — Образ Иванова вновь возникает у Аверченко в 1918 г. в рассказе «Слабая голова» (см.: Новый Сатирикон. № 15. С. 13). Подробнее об этом см. в статье, на с. 781–782 наст. изд.

² — *Плохо!* — *сказал Иванов.* — *Я левею.* — Ср. с рассказом Н.Г. Шебуева «Калоши-попправоши». У Шебуева отец приходит к колдуну, чтобы получить средство от «левения» для своего сына:

Вся надежда на вас, господин колдун. Выручите, черта ради. Денег не пожалею — не по таксе заплачу. Черту кочергу поставлю, только спасите моего сына. Спятил он... с Покрова-дня вдруг леветь начал. И каждый день всё левей и левей. Того и гляди, что в тюрьму угодит и меня, старика, подведет!

Серый Волк. 1908. № 7. С. 87–88

Колдун дает отцу «калоши-попправоши» («Кто наденет их, сию минуту праветь начнет»), сын правееет и до весны пребывает в «правых октябристах». Затем он перестал носить калоши и «в три дня расправел всё то, что направел за целую зиму» (С. 91).

³ — *Встал я утром... взял случайно газету ~ а в ней написано, что в Ченстохове губернатор запретил читать лекцию о добывании азота из воздуха...* — Схожий прием использует О.Л. Д'Ор в рассказе «На даче»:

Сосед мой взял газету и стал читать:

— «Вильна. Редактор “Сев.-Зап. Голоса” привлекается к суду за напечатание объявления о выступлении в шантане польского комика».

— А по какой статье привлекается?

— По всем статьям. И поделом. Когда польский комик собирается где-нибудь выступить, печать должна делать вид, что ничего не замечает. Читай дальше.

Он начал снова:

— «Фрауенбург. Попечитель рижского учебного округа Прутченко не разрешил вывесить в городском саду портрет бывшего попечителя, профессора Левшина».

Руль. 1910. 16 августа. № 245.

С. 2

В ответ на запрет в Житомире лекции профессора Краковского университета, директора обсерватории Рудского «Развитие понятия о строении вселенной»

Аверченко написал фельетон «На разных языках» (см.: Фома Опискин 1914: 186–188).

Ченстохов (Częstochowa) — город на территории Польши, в нач. XX в. — уездный центр Петроковской губернии; губернатором в 1906–1911 гг. был А.О. фон Эссен (1863–1919).

⁴ — *Мирнообновленцем!* — То есть сторонником партии мирного обновления, которая была создана в июле 1906 г. и занимала промежуточную позицию между Союзом 17 Октября (октябристами) и конституционно-демократической партией (кадетами) и с точки зрения постепенного «полевения» героя должна была идти в списке второй. Такой существенной роли, как кадеты и октябристы, партия не играла, а потому ее члены нечасто становились мишенью сатиры. Ср. у Аверченко в миниатюре «Дневник происшествий»:

Редкая находка. — Недавно один обыватель наткнулся совершенно случайно на единственного живого мирнообновленца. Редкая находка в банке со спиртом отправлена в беловежскую пушу.

Сат. 1908. 25 октября. № 29. С. 7.

Подписано: *Арк. Счастливец*

См. также ниже, примеч. 5 и 6.

⁵ *Октябристы* — члены Партии 17 Октября, занимавшей в политическом спектре место правее от центра. Октябристы были постоянной мишенью журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» и ряда других периодических изданий, в которых сотрудничал Аверченко. У Аверченко есть целый ряд произведений, в которых высмеиваются и октябристы в целом (см.: Человеческое // Свободные Мысли. 1908. 15 апреля. № 49. С. 3; Флотская оппозиция // Сат. 1908. № 10. С. 2–3; Кошмар // Сат. 1908. № 13. С. 2–3; Октябрист // Сат. 1908. № 30. 1 ноября. С. 12–13; Политический процесс // Сат. 1908. № 31. 8 ноября. С. 11. Подписано: *Медуза-Горгона* и др.; см. также рассказы «Октябрист Чикалкин» и «Визит» («ВУ»), и конкретные представители этой партии, в первую очередь — ее лидер А.И. Гучков (1862–1936).

⁶ *Да это кадетская программа...* — Кадеты — члены конституционно-демократической партии. Аверченко какое-то время сотрудничал в газете «Речь», фактически являвшейся печатным органом кадетов (см. об этом в статье, на с. 751 наст. изд.), но считать его позицию близкой к кадетской нельзя. В «Сатириконе» и «Новом Сатириконе» кадеты регулярно высмеивались наряду с

представителями других политических партий. Ср., напр., стихотворение В. Князева «О ка-детках. (Детская песенка)»:

Их устои — шатки,
Их победы — редки,
Но их речи — сладки,
Их сравненья — метки.
Вечные нападки
Заслужили ль детки?
Бедные ребятки!
Паиньки ка-детки!

Сат. 1908. № 3. С. 3

⁷ *Взяла у сына томик «Робинзона Крузо» с раскрашенными картинками...* — Роман Д. Дефо «Жизнь и странные, удивительные приключения Робинзона Крузо...» в нач. XX в. уже воспринимался как увлекательная литература для детей и юношества. См. также примеч. 4 к рассказу «Анекдоты из жизни великих людей» («РЮ2»).

⁸ — *Об исключении Колубакина...* — Депутат Государственной Думы третьего созыва Александр Михайлович Колубакин (1868—1915), один из основателей партии кадетов, был в 1908 г. за речь в Саратове приговорен к 6 месяцам тюремного заключения, а в 1909 г. был исключен из Думы.

⁹ *«Отречемся от старого ми-и-и...»* — Первая строка так называемой «Рабочей Марсельезы»; слова «Новой песни» П.П. Лаврова, опубликованные в газете «Вперед» 1 июля 1875 г., исполнялись на музыку «Марсельезы» (композитор Клод Жозеф Руже де Лиль). Ср. в опубликованной в «Сатириконе» юмореске «Семь смертных грехов. (Кошмар)»: «— Музыка... Марсельезу! Мы же-ертво-ою па-али!..» (1908. № 3. С. 8).

¹⁰ *Эрфуртская программа.* — См. примеч. 5 к рассказу «Преступники» («РЮ1»).

¹¹ *...сел писать проходное свидетельство до Вологодской губернии.* — Ср. в юмореске «Семь смертных грехов. (Кошмар)»: «Живу в подп-полье! Занимаюсь бом... бомбами... Но-но! Ссам пойду! Извозчик! В Наррымский край!» (Сат. 1908. № 3. С. 8). Вологодская губерния была одним из главных мест ссылки политических преступников.

Кто ее продал...

Впервые опубли. в изд.: ОН. 1910. № 8070. 20 марта (2 апреля). С. 2. В газете указано место написания: *Петербург*.

В 1908 году рассказ на схожую тему Н.А. Тэффи «Денежная операция» опубликовала газета «Свободные Мысли»; он был написан в связи с обвинениями в «продаже» России, которые раздавались в адрес П.Н. Милюкова (1859–1943), отправившегося в поездку в США:

- <...> Американцам продам. Они богатые.
  - Не купят.
  - Отчего не купят?
  - Им уже Милюков продал.
  - Чудак человек! Милюков с них тринадцать миллионов фунтов стерлингов заломил. И плану никакого не представил. Верь, мол, ему на слово. <...>
- Бесстыдник ты, Вавила, бесстыдник! Родное свое отечество дешевле кадеты сбываешь! <...>

№ 41. 18 февраля. С. 3

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд изменений. Вместо слова «вышеозначенная» в предложении «<...> доказало, что вышеозначенная беспринципная газета <...>» использовано местоимение «эта»; вместо «количество привезенных мешков» напечатано «количество принесенных мешков». В «ОН» после слов «Дело было так:» и в конце предложения «Не забывайте, что за эту же цену вы получаете и Сибирь — эту громадную богатейшую страну!» стоят точки, а в конце предложений «— Это сумасшедшая цена» и «Этакая страна за десять миллионов — это почти даром» — не точки, а восклицательные знаки. В предложении «И притом — нужно добавить — горячо мною любимая» в газетной публикации отсутствует вводная конструкция «нужно добавить», в предложении «Но для первого знакомства — извольте — миллион сброшу» в «ОН» вместо второго тире стоит двоеточие, а в вопросе «Так — погубите?» — вместо тире стоит запятая. В предложении «Вот что... хотите семь миллионов — и ни копейки больше!» отсутствующий в книжных изданиях союз «и» восстановлен по газетной публикации. В 5-м издании в конце предложения «<...> и для меня это будет еще тяжелее, еще позорнее...» вместо многоточия стоит точка.

¹ *Не так давно «Русское Знамя» разоблечило кадетскую газету «Речь»... «Русское Знамя» доказало, что вышеозначенная беспринципная газета открыто и нагло продает Россию Финляндии, получая за это от финляндцев большие деньги.* — Издававшаяся в Петербурге с ноября 1905 г. ежедневная газета «Русское Знамя» являлась органом правого «Союза Русского Народа». Газета и ее издатель А.И. Дубровин были постоянными мишенями насмешек Аверченко и сатириков. Аверченко сотрудничал с кадетским изданием «Речь», хотя и подписывался преимущественно псевдонимом. Подробнее об этом см. в статье, на с. 751 наст. изд.; см. также примеч. 6 к рассказу «История болезни Иванова».

² *...фрикамандированный к японскому посольству маркиз Оцуа.* — Обыгрывается настоящая фамилия одного из постоянных сотрудников «Сатирикона» Александра Андреевича Оцуа, писавшего под псевдонимом Сергей Горный.

³ — *А я, — сказал блондин, небрежно играя финским ножом, — уполномоченный от финляндской революционной партии «Войма».* — Финская националистическая организация «Войма» (от фин. Voima — «сила») использовала в своей деятельности террористические методы.

⁴ *Мой отец был купцом...* — См. преамбулу к примечаниям к рассказу «Отец» («РЮ2») и примеч. 2 к «Автобиографии».

⁵ *Впрочем, если хотите, я вам за пять рублей отдам другую Россию, только поплше. В кавычках.* — Имеется в виду выполнявшая роль официоза газета «Россия», с 8 июня 1908 г. выходявшая «при ближайшем руководстве и содействии образованного при Главном управлении по делам печати отдела поврежденной печати». Редактор газеты И.Я. Гурлянд часто высмеивался Аверченко — напр., в рассказах «Дворянская газета» (см.: Сат. 1908. № 4. С. 2–3. Подписано: *Медуза-Горгона*) и «Клевета» (см.: Фома Опискин 1914: 182–185).

Русская история

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7882. 4 (17) августа. С. 2–3. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд изменений. В «ОН» в предложении «Более сердобольные бабы, глядя на это, плакали навзрыд и шептали про себя <...>» было «Более сердобольные бабы, глядя на это, плакали навзрыд, шепча про себя <...>», вместо «заявить, что Земля круглая и что она ходит вокруг Солнца» было «<...> заявить, что Земля круглая и что она ходит вокруг себя и вокруг Солнца <...>», вместо

«Жив-ва!!!» — «Живо!!!». В конце предложения «Я тебе, рракалия, покажу, — батюшка!» в газете стоит два восклицательных знака.

¹ ...из *Нижней Гоголевки*. — Далее в тексте рассказа обыгрываются имена мужиков из поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1842): Петр Савельев Неуважай-Корыго, дядя Миняй, Коровий-Кирпич. Аверченко использовал гоголевские образы, перенося их в современную ему Россию, и в других произведениях, напр., в рассказе «Дворянская газета» (см.: Сат. 1908. № 4. С. 2—3. Подписано: *Медуза-Горгона*).

² *Холеру пуцает*. — В России в 1909 г. были зафиксированы неоднократные случаи заболевания холерой. Газеты, в том числе и «Одесские Новости», регулярно сообщали о новых жертвах болезни в разных регионах; ср., напр., в номере от 10 (23) июня 1909 г. под заголовком «Холера»:

ПЕТЕРБУРГ. За сутки до полудня 9 июня заболело холерой 61, умерло 15.

ГЕЛЬСИНГФОРС. В Мариенамне, Або Бьерисборгской губ., зарегистрирован первый случай холерного заболевания прибывшего из Петербурга.

№ 7836. С. 3

Ср. также в номере от 11 (24) июня под тем же заголовком:

ПЕТЕРБУРГ. В столице за сутки до полудня 10 июня заболело 75, умерло 19 чел. В Петербургской губернии заболело 6, умер один.

РЯЗАНЬ. В селе Бахмачеве Рязанского у. установлен случай заболевания холерой со смертельным исходом. Это первый случай холеры в губернии.

№ 7837. С. 4

В сводке за 4 августа — день публикации фельетона — «Одесские Новости» в сообщении от собственного корреспондента из Кременчуга констатировали, что «холерная эпидемия развивается», в городе открывается холерный барак, а «губернское земство командирует холерный отряд для борьбы с эпидемией». Приводились также цифры Петербургского Телеграфного Агентства о количестве заболевших и умерших в Архангельске, Полоцке, Ярославле и Риге (см.: 5 (18) августа. № 7883. С. 3).

³ *Гуммиарабик* — твердая прозрачная смола из высохшего сока различных видов акаций, которая применялась, в частности, как клей.

⁴ *Эмеритурный отдел* — отдел, в ведении которого находится эмеритура,

то есть капитал, составленный из добровольных ежемесячных отчислений служащих и предназначенный для выплаты пособий уволенным в отставку, детям и сиротам.

⁵ — *Поняли, ваше благородие! ~ Благо-о-родие?! — завопил телеграфист. — Мерзавцы!!! Кокарды не знаете?* — Обращение «ваше благородие» использовалось при разговоре с представителями низших чинов (9–14 классов), к чинам 6–8 классов следовало обращаться «ваше высокоблагородие», а к высшим чинам — «ваше превосходительство» (3 и 4 класс) и «ваше высокопревосходительство» (1 и 2 класс).

Люди

Впервые опублик. в изд.: Утро. 1908. 18 августа. № 12. С. 2. Рубрика: Маленький фельетон.

В текст газетной публикации при подготовке сборника «ВУ» был внесен ряд исправлений. Вместо «Открыв дверь, он выглянул на лестницу. Лицо его расплылось в широкую, радостную улыбку» в газете было «Открывши дверь, он выглянул на лестницу и лицо его расплылось в широкую, радостную улыбку»; в предложении «Лизочка, дай нам чего-нибудь, — господам офицерам с дождя погреться!..» отсутствовало тире; вместо «Приводя мимоходом в порядок» было «Приводя по дороге в порядок», вместо «Проведи понятых и городских пока на кухню!» — «Приведи понятых и городских пока на кухню!». В предложении «Другой сидел верхом на колене пристава <...>» не было слова «верхом». В реплике городского графическое написание передавало простонародное произношение: «прынец», а вместо «Вроде как бы английская Виктория» он говорил: «Вроде как бы английского Эдуарда», что придавало высказыванию дополнительный комический оттенок. Кроме того, городской имел другую фамилию — не Харлампов, а Сапогов, измененную из-за того, что в рассказе «Городовой Сапогов» («РЮ2») Аверченко создал принципиально иной образ городского. Изменено также начало последней фразы: вместо «Одно слово — бюрократический режим» стало «Уж сказано про вас — бюрократический режим».

¹ *Иван Васильевич Сущистов.* — Персонаж с такой же фамилией появляется и в произведениях других сатириков этого времени, в частности, у Влад. Азова.

² *Предписание* — в современной терминологии — ордер на обыск.

³ *Виктория* — королева Великобритании и Ирландии с 1837 по 1901 г.; ее сменил на престоле Эдуард VII, который упоминался вместо Виктории в газетной публикации. По-видимому, Аверченко посчитал нужным внести в текст данное исправление, поскольку Эдуард VII скончался 6 мая 1910 г. — незадолго до публикации 1-го изд. «ВУ».

Почести

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 7876. 28 июля (10 августа). С. 3. В газете указано место написания: *Петербург*.

Фрагментами текст перекликается с рассказом О.Л. Д'Ора «Юбилей Суворина», который был опубликован 22 сентября (5 октября) 1908 года в «по-недельничной» газете «Эпоха» рядом с рассказом Аверченко «Как оно будет» (см.: № 2. С. 2–3).

В опубликованный в «ОН» текст при подготовке сборника «ВУ» был внесен ряд исправлений. В газетном варианте в предложении «Нехорошо — увидеть могут» стоит запятая, в книжном — запятая и тире; вместо «До свиданья, Василь Васильч...» напечатано «До свиданья, Василий Васильч...», во фрагменте «и сказал одобрительно: — Славное пресс-папье!» была использована форма «сказав» (в книжном издании — «сказав» с тире после реплики). Предложение «Никто ничего не говорил» в «ОН» выделено в отдельный абзац.

¹ В № 11981 «Нового Времени» *Меньшиков написал тысячный фельетон*. — Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) — публицист и философ, один из ведущих сотрудников газеты «Новое Время». 21 июля (3 августа) 1909 г. была опубликована статья Меньшикова «Голос общества», в которой он, в частности, требовал «от редакторов не только образовательного, но и национального ценза» и указывал, что «следовало бы запретить анонимы и псевдонимы». В начале статьи Меньшиков отмечал: «Сегодня я тысячный раз имею удовольствие беседовать с читателями “Нового Времени”. Это дает мне повод коснуться значения печати, тем более что новый закон о ней готовится к изданию» (№ 11981. С. 2). Меньшиков неоднократно становился героем юмористических рассказов и фельетонов, публиковавшихся в периодических изданиях иной политической ориентации. К примеру, фельетон Н.Г. Шебуева «Концерт с подковыркою» (см.: Серый Волк. 1908. № 5. С. 57–62) был постро-

ен на комбинации авторского текста с фрагментами, прямо заимствованными из статьи Меньшикова, и предварялся авторским пояснением: «Настоящая статья написана мною в сотрудничестве с М.О. Меньшиковым. Курсивом у меня отмечены все места, заимствованные целиком из его последнего «Письма к ближним» в № 11450 «Нового Времени»». Меньшиков являлся постоянной мишенью насмешек Аверченко и других сатириков. Так, 23 марта 1908 г. рассказ-фельетон Аверченко о Меньшикове «На покое» был напечатан в журнале «Стрекоза» (см.: № 12. С. 7). 20 октября (2 ноября) 1908 г. в первом номере «понеделничной» газеты «Межа» был опубликован рассказ Аверченко «Письма к недалеким» — пародия на «Письма к ближним» Меньшикова, написанная от имени Ивана Александровича Меньшикова (читай — Хлестакова) (см.: С. 2). В Рождественском номере «Сатириконе» в 1908 г. Меньшиков стал героем «Рождественского рассказа» Аверченко (см.: № 38. 25 декабря. С. 2–3. Подписано: *Медуза-Горгона*), а 2 мая 1909 г. в «Сатириконе» был опубликован рассказ-фельетон Аверченко «Первый весенний выход Меньшикова» (см.: № 18. Весенний номер. С. 2–3. Подписано: *Медуза-Горгона*), в котором использовался схожий сюжетный мотив: встречные «бывшие знакомые», завидев на улице Меньшикова, «начинали внимательно рассматривать трубы шестиэтажных домов или интересовывались ползущим по небу облачком». (Впоследствии этот рассказ войдет в сборник Аверченко «Сорные травы» (см.: Фома Опискин 1914: 102–106).) 8 (21) апреля 1910 г. «Одесские Новости» опубликовали рассказ-фельетон Аверченко «Мудрый старец. (Монтекки и Капулетти)», персонажами которого стали Меньшиков, А.С. Суворин (см. о нем далее в наст. примеч.), А.А. Стольпин (см. ниже, примеч. 9) и др. (см.: № 8085. С. 2). См. также в наст. изд. рассказ-фельетон «Зверинец» («ВУ»).

«Новое Время» — одна из крупнейших и самых влиятельных русских газет; издавалась в Петербурге с 1868 г. (с 1869 г. — ежедневно), в 1876 г. перешла в руки Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912), стоявшего на консервативных позициях; после смерти Суворина издавалась его наследниками.

² *Мария* Алексеевна *Горячкова* — писательница, журналистка, постоянный автор газеты «Новое Время» (см. пред. примеч.), известная, в частности, корреспонденциями из Японии.

³ *Меньшиков проснулся рано утром. Спустил с кровати сухие с синими жилами ноги... сунул их в туфли... и сейчас же подошел к окну.* — Схожим образом описано начало дня А.С. Суворина (см. выше, примеч. 1) в рассказе О.Л. Д'Ора «Юбилей Суворина»:

8-го сентября А.С. Суворин встал раньше обыкновенного.

Быстро, как юноша, он соскочил с кровати, нервно нажал кнопку и нетерпеливо крикнул появившемуся слуге:

— Газеты!

Эпоха. 1908. 22 сентября (5 октября). № 2. С. 3

⁴ *Через полчаса швейцар суворинского дома открыл на звонок дверь и увидел сидящего, в ожидании, на ступеньках лестницы Меньшикова ~ Семь копеечек тебе, а три копеечки мне... — Схожий эпизод есть в рассказе О.Л. Д'Ора «Юбилей Суворина», но там герои ведут себя противоположным образом:*

Он (Суворин. — Д.Н.) спустился вниз. Лейзор подобострастно бросился к нему с пальто.

— Знаешь, Лейзор, я сегодня юбиляр, — сказал неожиданно для самого себя великий эртелевский старик. — Пятьдесят лет литературной деятельности...

Лейзор гаркнул:

— Здравжелаю, Алексей Сергеевич!

— Спасибо, Лейзор, — ласково сказал Суворин. — Вот тебе.

Он сунул в руку Лейзору золотой.

Эпоха. 1908. 22 сентября (5 октября) № 2. С. 3

⁵ — *К вам я, Алексей Сергееч ~ Иди себе с Богом!* — В рассказе О.Л. Д'Ора «Юбилей Суворина» есть «зеркальное» изображение встречи в редакции Суворина-юбиляра и Меньшикова:

Послышались медленные шаги и скверный запах.

— Меньшиков пришел! — догадался Суворин.

Послышался стук в дверь.

— Войдите!

Меньшиков вошел, согнувшись под большим тюком.

— Очередная статья? — спросил Суворин, указывая глазами на тюк.

— Так точно, получайте.

Меньшиков скинул тюк на письменный стол. Последний затрещал.

Суворин злобно посмотрел на него и подумал:

«Статьи пишет на пуд, а юбилея моего не помнит».

Ему захотелось чем-то уязвить Меньшикова — и т. д.

Эпоха. 1908. 22 сентября (5 октября) № 2. С. 3

⁶ *...Меньшиков подошел к столу Розанова... — Русский писатель, философ и публицист Василий Васильевич Розанов (1856—1919) с конца 1890-х годов сотрудничал в газете «Новое Время».*

⁷ *...протянул ему руку ~ Розанов приветливо улыбнулся, осмотрел протянутую руку и повел по ней взглядом до плеча Меньшикова. С плеча перешел на шею, но когда дошел до лица, то снова опустил взгляд на бумагу и стал прилежно писать.* — По поводу «нерукопожатности» Меньшикова ср. также в миниатюре «Дневник происшествий», опубликованной в «Сатириконе» в 1908 г.:

Курьезный случай. — Вчера на одном собрании кто-то из публики ошибочно подал руку Меньшикову. Пострадавший отправлен в дезинфекционную камеру.

№ 33. С. 9.

Подписано: *Репортер Арк. Счастливец*

Ср. также опубликованную в 1908 г. в журнале «Серый Волк» миниатюру «Из письмовника Курганова. Отверженец утешенный»:

Михайло Меньшиков, защитник отечества препрославленный, от современников лютое терпя отвержение и никого не зря вокруг согласного руку им протягиваемую для жатия поздравительного приятя, сказывают, в том утешение обрел, что, заведя пса выученного, ежедневно оного приветствовал так:

— Дай, собачка, лапку.

Ибо оный пес единая был тварь, коя от устремленной длани Михайлы Меньшикова отвращаться не дерзала.

№ 17. С. 254—255.

Подписано: *Хмурый*

⁸ — *...Брак не есть наслаждение ~ Брак есть долг перед вечным...* — Среди основных тем творчества В.В. Розанова выделялись вопросы семьи и пола. В 1903 г. в Петербурге был издан двухтомник его работ «Семейный вопрос в России»; статьи на тему брака публиковались в «Новом Времени» и в последующие годы. Здесь и далее Аверченко пародирует стиль Розанова, в частности, регулярное использование им императивов и слов «вечное/извечное».

⁹ *...побрел к кабинету А. Столыпина.* — Имеется в виду Александр Аркадьевич Столыпин (1863—1925), журналист, писатель, брат российского премьер-министра П.А. Столыпина, один из ведущих сотрудников «Нового Времени».

Робинзоны

Впервые опубл. в изд.: Речь. 1909. 12 (25) января. № 11. С. 3. Рубрика: Маленький фельетон. Подписано: *А. Брусилов*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены главным образом пунктуационные исправления. В «Речи» в предложении «Когда корабль тонул, спаслись только двое:» вместо запятой стоит тире, в предложении «<...> и быстро заработали руками, по направлению к далекому берегу» использован деепричастный оборот: «<...> и быстро заработали руками, направляясь к далекому берегу», вместо «<...> побрел вглубь острова» напечатано «<...> побрел в глубину острова». В конце предложения «— Отстанете вы от меня?..» стоит только вопросительный знак, в предложении «<...> — и просто, без рисовки, ответил» отсутствует тире.

¹ — *Предварилку строю*. — Предварилкой называли тюрьму предварительного заключения (следственную тюрьму), в которой арестованные содержались до решения суда.

² — *Вы еще не имеете права охотиться!* || — *Почему это?* || — *Еще Петрова дня не было! Закону не знаете, что ли?* — Открытие летне-осеннего охотничьего сезона в России приходилось на Петров день, 29 июня (12 июля), по окончании Петрова поста.

³ *Не пейте сырой воды!* — В России подобные объявления развешивались в связи с распространением холеры (см. примеч. 2 к рассказу «Русская история»).

⁴ — *А предписание вы имеете?* — См. примеч. 2 к рассказу «Люди».

Визит

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7777. 29 марта (11 апреля). Пасхальный номер. С. 6. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд исправлений. В «ОН» вместо «Октябрист стыдливо потупился и прошептал <...>» напечатано «Октябрист застенчиво потупился и прошептал <...>». В предложении «Сложения я, знаете, апоплексического, а они мне бесплатное кровопускание сделали» в газете отсутствует слово «знаете», в предложении

«<...> решил сказать хозяину что-нибудь самое приятное» — слово «самое», в предложении «— Гррр... — громко зарычала она» — слово «громко», в предложении «— Виноват, но ведь это горчица» — слово «ведь». В конце предложения «Что ты, что ты?» в «ОН» стоит точка, вместо «<...>» даже его пр-во сконфузился» использован средний род: «<...>» даже его пр-во сконфузилось». Также в газетной публикации использовано местоимение «он» в предложении «Октябрист не помнил, как он добрался домой», в книжном тексте убранный.

Традиционная для русской юмористики тема праздничных визитов (см. преамбулу к примечаниям к рассказу «Визитер») в данном случае используется для сатирического изображения членов Партии 17 Октября.

¹ *Октябрист*. — См. примеч. 5 к рассказу «История болезни Иванова».

² — *Здравствуйте, ваше благородие! ~ Ну какое там благородие! далеко мне.* — См. примеч. 5 к рассказу «Русская история».

³ — *Прекрасный морской вид. Вообще, Рембрандт в этом отношении не имеет соперников. || — Какой же это Рембрандт? Это Судковский.* — Руфин (Руфим) Гаврилович Судковский (1850—1885) — художник-маринист, академик Императорской академии художеств. Описанная в рассказе картина на стене связывает место действия с Одессой, так как Судковский родился в Очакове Одесского уезда Херсонской губернии, учился в Одесской духовной семинарии и рисовальной школе Одесского общества любителей искусств и затем писал преимущественно черноморские пейзажи.

⁴ *...mens sana in Quisisana...* — Октябрист переиначивает ставшую крылатым выражением строку из десятой сатиры римского поэта Децима Юния Ювенала (ок. 60 — ок. 127) «Mens sana in corpore sano» (*лат.*) — «В здоровом теле здоровый дух». В данном случае обыгрывается название ресторана «Квисисана» (*ит.* Quisisana — букв.: «здесь поправляются»), открывшегося в Санкт-Петербурге в начале 1900-х годов по адресу: Невский проспект, д. 43 (впоследствии переехал в д. 46). В газетной публикации, ориентированной на одесскую публику, отсылки к петербургским реалиям не было: «— Конечно, те, кто занимается физическим трудом, должны ее пить, потому что, как это говорится: в здоровом корпусе должно быть здоровое тело».

⁵ *Можете даже Остен-Сакена спросить...* — Имеется в виду русский посол в Берлине граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1831—1912); в 1909 г. ходили слухи о том, что он вернется в Россию и станет членом Государственного совета.

⁶ *Если так, то завтра же разгоним Думу...* — В первоначальном газетном контексте подразумевалась Одесская городская дума.

Бедствие

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7961. 8 (21) ноября. С. 5. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд исправлений. Вместо «<...> неужели нельзя принять какие-нибудь меры?» в «ОН» было напечатано «<...> неужели нельзя принять каких-нибудь мер?», и, соответственно, в ответной реплике вместо «— Какие меры, ваше пр-во?» — «Каких мер, ваше пр-во?». В предложении «— Нет ни малейшей надежды» в газете отсутствует «ни». В предложении «— Опять эта кутерьма пойдет: бесплатные столовые <...>» в «ОН» использовано единственное число: «бесплатная столовая», в предложении «Эх, хорошо говорил покойный Гоголь <...>» — настоящее время («хорошо говорит покойный Гоголь»), что создает дополнительный комический эффект. В предложении «Мужик Савельев стоял у межи своего поля <...>» в газетной публикации указаны имя и фамилия («Мужик Савелий Савельев стоял у межи своего поля <...>»).

¹ *Неожиданный урожай тек. года поставил в большое затруднение — как М-во путей сообщения, так и сельских хозяев, принужденных продавать хлеб почти даром.* — «Неожиданный урожай» стал одной из главных газетных тем 1909 г. Перед этим на протяжении нескольких лет в стране был неурожай, так что в начале этого года заговорили даже об угрозе голода. 20 января (2 февраля) врач Д. Жбанков в статье «Четвертый голодный год», опубликованной в газете «Речь», писал: «Снова и снова приходится говорить, — только уже не о недородах, — а о наступившем голоде и о забытой деревне» (№ 19. С. 1). Однако осенью стало понятно, что год оказался урожайным, к чему мало кто оказался готов. Был опубликован ряд фельетонов на эту тему; два таких фельетона напечатаны в газетах, где сотрудничал Аверченко, причем в них использовался тот же прием интерпретации урожая как бедствия. 3 (16) сентября газета «Речь» в статье «О хлебной кампании» писала: «У нас уже сообщалось, что, по мере выяснения действительных результатов урожая, оптимистическое настроение, охватившее вначале торгово-промышленные круги, стало сменяться пессимизмом» (№ 241. С. 3). А 6 (19) сентября «Речь» в рубрике «Маленький

фельетон» печатает фельетон Владимира Азова «Урожай», в котором используются гоголевские персонажи:

В стране неограниченных возможностей случился урожай. Собственно говоря, никаких таких причин, следствием которых мог бы явиться урожай, в стране этой не наблюдалось, но сказано — это была страна неограниченных возможностей. Всё в стране было готово к встрече неурожая, всё в стране было наилучшим образом на предмет неурожая организовано. И вдруг, откуда ни возьмись, свалился на неподготовленную страну урожай. Да какой еще урожай! Десять лет такого не видывали.

Дядя Митяй был искренне огорчен.

— Урожай! — со вздохом сказал он дяде Миняю. — За бесценок теперича хлеб пойдет. В прошлом году об эту пору рожь полтора рубля пуд стоила, а ноне и за полтинник не берут.

— Что уж! — сочувственно ответил дядя Миняй. — Одно слово — урожай. Теперича пойдут с нас недоимки лупить — так только держись. <...>

Хлеботорговец Дерунов осунулся в три урожайных дня и потерял за это время всё свое дородство, нажитое тремя неурожайными годами.

— Должен я теперь, Фекла, — сказал он своей жене, — жизни решиться. Из-за урожая этого нечем мне 15 000 барыша взять, должен я принять 8000 убытку. <...>

На станции Обираловка воцарилось уныние.

— Пробка! — воскликнул начальник станции, бросив об пол свою красную фуражку. — Кажинный раз на этом месте. Будет теперь удовольствие! С этим проклятым урожаем с ума сойдешь, ей-Богу! Все графики к черту перепутались... <...>

Председатель правления банка держал в одной руке веревку, а в другой заряженный револьвер. На столе перед ним лежала груда телеграмм, извещавших о постепенном и неуклонном падении цен на хлеб. Последняя телеграмма извещала, что существующие цены на хлеб не покрывают ссуд, выданных банком под хлебные грузы, и председатель соображал, какой способ самоубийства лучше. <...>

Урожайный год кое-как сбыли с плеч в стране неограниченных возможностей. К общему удовольствию, вслед за урожайным годом наступил целый ряд неурожайных лет. Страна вздохнула свободно...

22 сентября (5 октября) в «Одесских Новостях» в постоянной рубрике «Мелочи жизни», которую вел Б.Д. Флит (Незнакомец), был напечатан фельетон «Урожай»:

Уже завелся такой обычай:

Чтобы был неурожай.

И так уже все привыкли к неурожаю, что очень удивились, когда однажды случился урожай.

И не только удивились, но и озаботились:

— Непривычно! Как же теперь быть?

А между тем отовсюду шли вести:

— Урожай, урожай, урожай!

И мужички скребли затылки и говорили:

— Не к добру это... Нешто видано, чтобы урожаю быть?..

№ 7921. С. 4

² «*Торгово-Промышл. Газета*». — Ежедневная «Торгово-Промышленная Газета» выходила в Санкт-Петербурге с 1893 г. в качестве приложения к правительственному «Вестнику Финансов, Промышленности и Торговли».

³ *Как начнут это вагоны требовать, пробки разные устраивать...* — Ср. развитие этого мотива в фельетоне Влад. Азова (см. выше, примеч. 1).

⁴ — *Эх ты, русский народ! Кто тебя выдумал, как говорит незабвенный Гоголь...* — Искажается знаменитое лирическое отступление из поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи» (Гоголь 1937–1952/6: 246).

⁵ *Пуд*. — См. примеч. 2 к рассказу «Здание на песке» («РЮ1»).

Мученик науки

Впервые опубл. в изд.: Утро. 1908. 1 сентября. № 14. С. 2–3. Рубрика: Маленький фельетон.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд исправлений. В газетном варианте слова «с деланной развязностью» не выделены запятыми, вместо «Околоточный подергал головой» напечатано «Околочный помялся», в предложении «Околоточный <...> заметил, что

стены были без картин, совершенно голые» не было слов «без картин», в заключительной фразе вместо «он ударил мороженщика в ухо» было «он ударил его в ухо». Кроме того, в газете текст был привязан к конкретному случаю и в качестве эпиграфа стояло указание на действия екатеринославского губернатора Александра Михайловича Клингенберга (1865—1909): «Екатеринославский губернатор предписал местной полиции следить за внешкольным поведением учащихся». Возможно, указание на Клингенберга снято не только из стремления к обобщению, но еще и потому, что губернатор скончался в 1909 году от тифа, заразившись при осмотре арестантских барачков.

¹ *Околоточный*. — См. примеч. 2 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

² *...стал рассматривать картину, изображавшую «Бабушкины сказки»*. — Имеется в виду картина русского художника К.Е. Маковского (1839—1915). См. также след. примеч.

³ *...премия к «Ниве»*. — В связи с отмечавшимся 18 декабря 1910 г. пятидесятилетием художественной деятельности К.Е. Маковского в популярном русском «иллюстрированном журнале литературы, политики и современной жизни» «Нива» (издавался в Петербурге еженедельно А.Ф. Марксом) был напечатан очерк Г. Аркатова, в котором, в частности, говорилось:

К.Е. Маковский — один из старейших и деятельнейших сотрудников нашего журнала. Его имя было тесно связано с «Нивой» с первых лет ее существования. На страницах «Нивы» был помещен целый ряд его рисунков и снимков с его картин («Весна», «Болгарка у околицы», «В кокошнике», «За прялкой», «Заснула», портрет Н.И. Костомарова, «Лесная фея» и т. д.). Но главным образом имя К.Е. Маковского стало знакомо нашим читателям благодаря тем художественным премиям-картинам, которые в свое время «Нива» давала своим подписчикам. В числе этих премий было шесть картин К.Е. Маковского: «Бабушкина сказка» (так! — Д.Н.), «Гаданье», «Гулянье на Адмиралтейской площади», «Воскресный день в малороссийской деревне», «Минин на Кремлевской площади» и «Гусляр». Эти картины имели воспитательно-художественное значение для массы провинциальной публики.

1911. № 2. 8 января. С. 38

⁴ *Заплатил семь рублей в год — и Салтыкова тебе какого-нибудь дадут двенадцать книжек, и украшение для гостиной*. — В качестве премий подписчикам

журнала «Нива» рассылались, в частности, собрания сочинений известных писателей (двенадцать книжек в год — по одной на месяц) и художественные олеографии и хромолитографии. Собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина выходило в качестве приложения к «Ниве» в 1906 г.

⁵ *Трансвааль* — государство на юге Африки, именовавшееся также Южно-Африканская республика; обрело независимость в 1852 г., в 1877 г. было присоединено к Британской империи, вновь стало независимым после Первой англо-бурской войны 1881 г. и окончательно потеряло суверенитет после поражения во Второй англо-бурской войне в 1902 г.

⁶ *Как звали... того царя, у которого из живота дерево выросло?* || — *Это не у него, а у его мамы. Снилось ей. Его звали Кир.* — Имеется в виду эпизод из учебников древней истории: рассказ о мидийском царе Астиаге, которому приснилось, что у его дочери из живота выросло дерево.

Ср. с миниатюрой Аверченко «Преступная лень» из цикла «Исторические нравоучительные рассказы»:

Мидийский царь Астиаг покушал на ночь поросенка с хреном, и ему приснилось, будто из живота его дочери выросло развесистое дерево, которое тенью своею покрывало всю Азию.

Спрошенные по этому поводу маги объяснили:

— Дело ясное: Кир родится.

Понятно, что Астиаг испугался своего будущего тенистого развесистого родственника... Призвал вельможу Гарпага и сказал ему:

— Голубчик Гарпаг... Там у дочери родился Кир, так ты его тово... Ну, да мне тебя не учить... Понял?

— Ухлопать прикажете?

— Натурально.

Гарпаг откланялся, но по лени передал это поручение пастуху; тот тоже был не из прилежных: попросил жену. А жена, конечно, раскисла и, вместо того чтобы распорядиться с ребенком по-царски, — спрятала его.

Так и вырос Кир.

Дети! Никогда не поручайте другим тех дел, которые возложены на вас.

Аверченко 1925: 48—49

Ср. также у Тэффи в «Древней истории»:

Однажды Астиагу приснилось, что из его дочери выросло дерево. Пораженный неприличностью этого сна, Астиаг велел магам разгадать его. Маги сказали, что сын дочери Астиага будет царствовать над целой Азией. Астиаг очень огорчился, так как желал для своего внука более скромной судьбы.

— И через золото слезы льются! — сказал он и поручил своему придворному придушить младенца.

Придворный, которому было и своего дела по горло, передоверил это дело одному знакомому пастуху. Пастух же, по необразованности и халатности, всё перепутал и, вместо того чтобы придушить, стал ребенка воспитывать.

ВИОС 1910/1: 10–11;
Тэффи 1990: 310–311

Ср. также в «Древней истории» у Д.И. Иловайского (которого, собственно, и пародировали сатириконцы):

Мидийскому царю Астиагу однажды приснилось, будто от его дочери выросло дерево, которое тенью своею покрыло всю Азию. Царь спросил магов (т. е. мидийских жрецов), что значит этот сон. Они истолковали так, что его дочь родит сына, который будет царствовать над целой Азией. Астиаг испугался; когда же дочь его, бывшая замужем за одним знатным персом, действительно родила сына, он велел своему приближенному вельможе Гарпагу умертвить младенца. Гарпаг не решился сам на убийство и поручил это сделать одному пастуху. Но пастух по просьбе своей жены воспитал маленького Кира вместо собственного ребенка.

Иловайский 1907: 39–40

Кир II Великий (ум. 530 до н. э.) — первый царь государства Ахеменидов, завоевавший Мидию, Лидию, значительную часть Средней Азии, греческие малоазиатские города, Вавилон и Месопотамию

⁷ *А то, представьте... был еще такой чудак: взял и высек плетью море.* — Имеется в виду царь Персии Ксеркс I, правивший в 486–465 гг. до н. э. Когда в 480 г. до н. э. персидская армия под его предводительством выступила в поход против Греции, для переправы через Геллеспонт (Дарданеллы) были сооружены понтонные мосты, но их разрушила начавшаяся буря, и часть солдат утонула. В наказание Ксеркс приказал высечь море плетью. Ср. также миниатюру Аверченко «Высеченное море» из цикла «Исторические нравоучительные рассказы»:

Царь Ксеркс хотел перейти со своим войском море, но поднялась буря и уничтожила наведенные им мосты.

Тогда Ксеркс приказал высечь море плетьюми.

За этот бесчеловечный поступок современники прозвали его Кретином.

Дети! Если на вашем пути встретится непроходимое море — не поступайте с ним по-ксерксовски. Лучше напейтесь вина — тогда оно будет вам по колено, и вы легко перейдете его.

ХОМД 1917: 29–30;
Аверченко 1925: 52

Ср. у Тэффи во «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”»:

Царь Ксеркс, преемник Дария Гистаспа, пошел на греков с несметным (тогда еще не умели делать предварительной сметы) войском. Навел мосты через Геллеспонт, но буря их разрушила. Тогда Ксеркс высек Геллеспонт, и в море тотчас же водворилось спокойствие. После этого розгосечение было немедленно введено во всех учебных заведениях.

ВИОС 1910/1: 28;
Тэффи 1990: 325

Спермин

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1910. № 8018. 17 (30) января. С. 5. В газете указано место написания: *Петербург*.

В газетной публикации в предложении «Это была самая скучная, тоскливая сессия Думы» нет слова «Думы», в предложении «Скандал был дикий, нелепый, ни на чем не основанный, — но всё ожило, зашевелилось <...>» нет тире, а в конце предложения «Они меня съедят» стоит не точка, а восклицательный знак.

В рассказе разрабатывается мотив, прозвучавший в размышлениях репортера в рассказе «Коса на камень», опубликованном в «Сатириконе» 17 мая 1908 года и вошедшем в сборники «ЮР» и «РЮЗ»: «— Хорошо бы депутатов сравить на драку... Потом — впечатлений, интервью, показаний очевидцев — рублей на сорок» (с. 362 наст. изд.).

«Спермйн» — средство, изобретенное профессором Александром Васильевичем Пелем (1850—1908) и выпускавшееся органотерапевтическим институтом, химической лабораторией и аптекой доктора Пеля и Сыновой в Санкт-Петербурге; рекомендовалось как универсальное лекарство лицам, страдающим «неврастенией, истерией, неврастеническим половым бессилием, общей слабостью от старости или перенесенных болезней, переутомлением, спинной сухоткой, параличами, невралгиями, расстройством сердечной деятельности» и т. д. Реклама этого средства размещалась в разных периодических изданиях, в том числе и в «Сатириконе». Был выпущен целый ряд книг и брошюр о терапевтических свойствах и целебном действии «Спермина» (см.: Пель 1890; Бубис 1894; Вакс 1901 и др.). В данном случае используется для обозначения «тонизирующего» средства.

¹ *Вначале еще попадались некоторые неугомонные читатели газет ~ А потом и эти закоренелые политики как-то вывелись...* — В 1908 г. «Сатирикон» отреагировал на падение читательского интереса к газетам карикатурой В. Невского «История русской прессы», на которой изображалось четыре фазы развития прессы: 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. (см.: № 16. С. 9). Ср. также с рассказом Аверченко «Без пищи», в котором редактор объясняет репортеру: «Холера прекращается, Дума открывается еще почти через три недели... Что вы будете делать, несуразный человек, этот промежуток? Где наскребете тем?» (Сат. 1908. № 24. 20 сентября. С. 2—3. Подписано: *Медуза-Горгона*).

² *Малая Охта* — район на левом берегу реки Охты близ Санкт-Петербурга (с 1922 г. — в черте города).

³ *Доне муа того кельк-шоу...* — Смесь русского и искаженного французского: «донне moi» — «дай мне», «quelque chose» — «что-то», «кое-что».

⁴ *Октябрист.* — См. примеч. 5 к рассказу «История болезни Иванова».

Октябрист Чикалкин

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7897. 23 августа (5 сентября). С. 5. В газете указано место написания: *Петербург*.

В текст газетной публикации при подготовке сборника «ВУ» были внесены изменения. В «ОН» после слова «Ладно!!» и фразы «Не может быть!..» стоит один восклицательный знак. В сборнике «ВУ» из фразы «Эх ты, Чикал-

ка!» убрано «ты», а «ваше высокородие» исправлено на «ваше высокоблагородие», «онадысь» — на «анадысь».

В «конспективном» виде этот сюжет Аверченко использовал в одном из фрагментов миниатюры «Жалобная книга», которая является сатирическим «перепевом» написанной в 1884 году «Жалобной книги» А.П. Чехова.

Лежит она на столике в кулуарах Государственной Думы, и любопытный может прочесть в ней вот что: <...>

— Будучи возмущен до глубины души неистовствами ген. Думбадзе, я громко и энергично заявляю... (*зачеркнуто*). Ввиду незаконных действий генерал-майора Думбадзе, предлагаю внести запрос... (*зачеркнуто*). Принимая во внимание, что маленькие дефекты в управлении Ялтой не могут быть названы злоупотреблениями, предлагаю благодарить его превосходительство за умиrotво... (*зачеркнуто*). Подпись: октябрист Гололобов.

Сат. 1908. № 7. С. 2. Подписано: *Аве*

Своего рода раскадровка сюжета рассказа была опубликована Аверченко на последней странице в № 16 «Сатириконе» от 26 июля 1908 года. Шести рисункам А. Юнгера соответствовали шесть подписей:

1. — И они смели потребовать с меня паспорт?! Будто я жулик какой! Ну и разнесу же я их!!
2. — Положим, очень разносить не надо! Сделаю только выговор...
3. — Заявляю смело на весь участок, что это произвол!
4. — Хотя... виноваты ли они, слепые исполнители...
5. — Как-то они еще посмотрят на мой тон... Нужно повежливее.
6. — Имею смелость почтительнейше обеспокоить вас: изволили ли вы ознакомиться уже с моими документами?!

С. 16. Подписано: *Аве*

Схожий образ октябриста Кроликова Аверченко создает в рассказе «Пунктик» (см.: ОН. 1909. 12 (25) сентября. № 7913. С. 3). Подобное поведение октябристов было описано также в опубликованной в «Сатириконе» в 1908 году «Молитве октябристов», в которой шаг за шагом сдаются позиции и в конце подводится итог: «Что бы нам ни дали — везде и всегда — мы были бы довольны!!!» (№ 3. С. 11. Подписано: *Миц*).

Об октябристах и их партии примеч. 5 к рассказу «История болезни Иванова».

¹ *Околоточный надзиратель* — то же, что околоточный (см. примеч. 2 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»)).

² *...в городе Битюге...* — Название образовано от имени реки Битюг, которая протекает преимущественно в Воронежской губернии; оно использовано автором, чтобы подчеркнуть незначительность никому не известного города.

³ *Кадет.* — См. примеч. 6 к рассказу «История болезни Иванова».

⁴ *Пролетка.* — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

Невозможное

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1910. № 8074. 25 марта (7 апреля). С. 3. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» отсутствует восклицание «Как много!», в предложении «<...> заметив на нем довольно определенное, лишенное двусмысленности выражение — отвернулся и задумался...» нет тире, в предложении «<...> и, помедлив одну зловещую минуту, оглядел ряд сидящих лиц, в вицмундирах с блестящими пуговицами...» напечатано «промедлив» вместо «помедлив» и «строого оглядел». Вместо «Может быть, это и было так, но оно, в сущности, меня не касается» в «ОН» было «Может быть, это и было так, но это, в сущности, меня не касается», вместо «Ваша сухость, ваш формализм убивают у учеников всякий интерес к науке» — «Ваша сухость, ваш формализм убивают у учеников всякий интерес к предмету»; вместо «<...> и, нагнув его голову, потащил за ухо в угол» — «<...> и, нагнув его голову, потащил за собой в угол».

¹ *...вводить... какой-то нелепый внешкольный надзор за учителями...* — О внешкольном надзоре за учениками см. в рассказе Аверченко «Мученик науки» («ВУ»).

² *Люди в футлярах!* — Отсылка к рассказу А.П. Чехова «Человек в футляре» (1898), герой которого также является школьным учителем (правда, не истории, а греческого языка).

Зверинец

Под названием «Михаил Осипович Меньшиков» и без указания автора опубликовано в разделе «Петербургские журналисты» в коллективном сборнике «Столица России: Нечто вроде монографии. Под редакцией А. и Б.», который рассылался в качестве премии годовым подписчикам «Синего Журнала» за 1912 год (СПб.: Издание М.Г. Корнфельда, 1913. С. 15–17). В сборнике «Столица России» опущен фрагмент от вопроса «— Альбомик не желаете ли посмотреть?» до слов «— Гм... после разве, когда-нибудь». В предложении «Он сидел со сложенными на животе руками, молча, с любопытством поглядывая на меня» пропущено слово «молча». В предложении «— Вот мой зверинец, — сказал он, скаля беззубый рот в подобие приветливой улыбки и открывая ключом последнюю дверь» вместо «скаля беззубый рот в подобие» напечатано «обнажая бледные десны на подобие», вместо «— Зычем кырчать?» — «— Зычем кырчать?» Вместо «<...> отняв у него появившийся откуда-то мой бумажник <...>» напечатано «<...> отнявши у него откуда-то появившийся мой бумажник <...>»; вместо «— Пойдемте! — сказал я» — «— Пойдемте! — прошептал я». Реплика Меньшикова «— Это, видите ли, зверинец. Для статей держу этих дармоедов... Вдохновляют меня. Тут они не все... Некоторых гулять я отпустил. Здесь вы видите “Мужичка из деревни”, “Раскаявшегося рабочего”, “Осведомленное лицо с Кавказа” и “Даму из общества”» расширена. В сборнике «Столица России»:

— Это, видите ли, зверинец. Для статей держу этих дармоедов... Вдохновляют меня. Зайду в этот зверинец, поболтаю с ними, а потом — глядь, и материал есть для статейки! Сажу и пишу: «Я получил извещение от одного осведомленного лица с Кавказа», или: «Заходил ко мне побеседовать мужичок из деревни», или: «На днях разговорившись с одним раскаявшимся рабочим о кознях жидов-революционеров», хе-хе-хе!!!! Тут они не все... Некоторых гулять отпустил. Здесь вы видите «Мужичка из деревни», «Раскаявшегося рабочего», «Осведомленное лицо с Кавказа» и «Даму из общества».

Схожая система персонажей выстроена в рассказе «Первый приз», опубликованном в 1908 году в «Сатириконе»: кокотка, шпик, каторжник и Иудушка, в котором легко угадывается М.О. Меньшиков (см.: № 16. 26 июля. С. 2–3. Подписано: *Номо*).

«Коллекция», подобная той, что показывает Меньшиков у Аверченко, описана в финале рассказа М. Твена «Мой злейший враг» («The Facts Concerning the Recent Carnival of Crime in Connecticut» — букв.: «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут»; 1876), где главным героем является человек, убивший свою совесть:

В заключение заявляю, что медицинские факультеты, желающие иметь для научных целей хорошо подобранных бродяг, целиком, на сажени и на тонны, прекрасно сделают, если осмотрят мою коллекцию, прежде чем обратятся в другое место; коллекция собрана и препарирована мною самим и может быть уступлена за низкую цену, так как я намерен освежить товар к наступающему весеннему сезону.

Твен 1896—1899/8: 79.

Пер. Т. Львовой

О Михаиле Осиповиче Меньшикове см. примеч. 1 к рассказу «Почести».

¹ *Деревянное масло.* — См. примеч. 3 к рассказу «Страшный человек» («РЮ1»).

² — *Альбомик не желаете ли посмотреть? — придвинул он мне книгу в кожаном переплете, с оторванными застежками.* — Альбом в данном случае ассоциируется не столько с семейным альбомом, сколько с альбомом-картотекой преступников; подробнее об этом см. также в рассказе Аверченко «Альбом» («РЮ2»).

³ *В Якутской области теперь.* — Якутская область была одним из главных мест ссылки уголовных и политических преступников: там, в частности, отбывал ссылку В.Г. Короленко (см.: ЯС 1934; Казарян 1998).

⁴ *«Шестьдесят шесть»* — карточная игра.

⁵ *Арапник* — длинный охотничий кнут на коротком кнутовище, который часто используют дрессировщики в цирке.

⁶ — *Парле ву франсе?* — «Parlez-vous français?» (*фр.*) — «Вы говорите по-французски?»

⁷ *Дом она какой-то на Лиговке содержала.* — Лиговская улица (ныне — Лиговский проспект) и прилегающий район в Санкт-Петербурге были до революции местом средоточия питейных заведений, ночлежных домов и домов терпимости.

⁸ — У Макаева шашлык жарил. — Имеются в виду работавшие в Петербурге с 1886 г. под маркой «Кн. Бр. Макаевы» винные погреба, в которых посетителям предлагались и блюда кавказской кухни. В 1910 г. эти заведения находились на углу Невского проспекта и Николаевской улицы, на Караванной улице (д. 14) и в Кирпичном переулке (д. 7).

Путаница

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 8005. 31 декабря (13 января). Новогодний номер. С. 3. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» в предложении «Пусть сажает в тюрьму, пусть делает со мной, что хочет!..» вместо «сажает» использовано простонародное «садит», вместо «и что за ним надо наблюдать» было «и что за ним надо бы наблюдать». В конце предложения «Никогда не поздно раскаяться в своих грехах» в газете стоит многоточие, а в начале предложения «— ...Сидит он и думает: “Придет Волк, принесет парочку сведений”» многоточие отсутствует.

Этот «новогодний» рассказ Аверченко — отклик на широко обсуждавшиеся в течение 1909 года дела провокаторов — в первую очередь Евно Азефа (1869—1918), который одновременно являлся одним из руководителей боевой организации партии социалистов-революционеров и агентом охранного отделения. В схожей стилистике написаны «Пасхальные рассказы» О.Л. Д’Ора, представившего, как переделали бы к Пасхе, «по сезону», свои «популярнейшие произведения» Л.Н. Андреев («Тьма») и С.Н. Сергеев-Ценский («Поручик Бабаев») (см.: Сат. 1908. № 3. С. 5). В 1909 году о провокаторах был написан целый ряд рассказов и фельетонов (см., напр.: *Азов Вл.* Похождения наивного человека: Провокатор // Русское Слово. 1909. 15 (28) ноября. № 266. С. 2). Регулярно обращались к этой теме Аверченко и «Сатирикон» (см., напр.: *Аверченко А.* Провокатор // Сат. 1909. № 5. 31 января. С. 2—3. Подписано: *Медуза-Горгона; Гуревич И.* Где Евно Азеф // Сат. 1909. № 8. 22 февраля. С. 4).

¹ Но стоило только потянуть за язык колокола — преступник без фрамедления вспоминал свою молодость и каялся во всё, разливаясь в три ручья. — Аверченко иронизирует над штампами рождественских и пасхальных произведений. Нелелей раньше в рождественском номере «Одесских Новостей», где был поме-

щен рассказ Аверченко «Труха», впоследствии вошедший в сборник «ВУ», было опубликовано, в частности, стихотворение А.М. Фёдорова «Ребенку»:

Как только взрослым станешь ты,
О детстве вспоминай,
Когда был нежным, как цветы,
И радостным, как май.

Когда весь мир в твои глаза
Глядел легко, светло,
И чистых глаз не жгла слеза
И не давило зло,

Когда прощалось без конца
И верилось шутя — *и т. д.*

25 декабря (7 января).
№ 8001. С. 3

На пародийной интерпретации подобных штампов построены и «Пасхальные рассказы» О.Л. Д'Ора:

Издали донесся колокольный звон, торжественный и радостный.
Радость, как стадо телят, запрыгала в груди Бабаева.

Сат. 1908. № 3. С. 5

² ...*предписание об обыске у своего знакомого эс-эра.* — Эс-эрами (сейчас чаще встречается написание «эсер») называли членов партии социалистов-революционеров, боевая организация которой занималась террористической деятельностью. См. также примеч. 2 к рассказу «Корень зла» («РЮЗ»). О предписании см. примеч. 2 к рассказу «Люди».

II. ОКОЛО ИСКУССТВА

Труха

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 8001. 25 декабря (7 января). С. 3–4. В газете указано место написания: *Петербург.*

Рассказ был напечатан в рождественском номере газеты в одном ряду со стихотворениями «Закат» и «Без имени» И. Бунина, «Ребенку» А.М. Фёдорова, «Дитяти» Ал. Вознесенского, «Воспоминание» и «Не говори. Мне слишком больно...» Л. Гроссмана, «Из старой тетради» и «Снежинки» Л. Василевского, рассказами «Любовь» А.М. Фёдорова, «Рискованный опыт» Д. Айзмана, «Танец» О. Дьмова, «Лот и его жена» И. Тенеромо и др.

Аверченко высмеивает избитые сюжеты и образы рождественских рассказов и стихотворений: замерзающего мальчика, девочку, прильнувшую к оконному стеклу, за которым елка, и т. д. (см. преамбулу к примечаниям к рассказу «Большое сердце» («РЮ1»)). Пародии на рождественские рассказы и юморески на эту тему в периодике начала XX века часто уже заменяли собственно рождественские рассказы, наскучившие читателю своей заштампованностью. Ср., к примеру, опубликованный в те же рождественские дни, что и рассказ Аверченко, «Рождественский рассказ (поучение молодым читателям)» О.Л. Д'Ора:

Герои для рождественских рассказов избираются среди детей, пьяниц, проституток и воров.

Детей замораживают под окнами богатых людей.

Это доставляет громадное удовольствие и богатым, и замораживаемым детям.

Руль. 1909. № 207. 21 декабря. С. 2

М.А. Кузмин в рецензии на сборник «Веселые устрицы» в «Аполлоне» приво-
дил этот рассказ в качестве одного из примеров «вполне законченных и тон-
ких очерков» (с. 703 наст. изд.).

В миниатюре Аверченко «Как писать рассказы. (Опыт руководства)» да-
ются рекомендации по созданию «главнейших форм» рассказов — трогатель-
ного, страшного, юмористического и «любовного характера». Среди основных
типажей трогательного рассказа там называется, в частности, «шарманщик,
замерзающий в рождественскую ночь под окном дома, в котором его дочь
пьет в аристократическом кругу шампанское», а в советах по написанию
страшных рассказов указывается, что «эти рассказы более пригодны для ро-
ждественских номеров»:

Здесь необходимые элементы: старый заколоченный дом, в котором никто не
живет, кроме призрака повесившегося скряги-домовладельца (он должен быть

доволен, так как не платит квартирного налога). Пара застарелых скелетов и белый глазетовый гроб, своевременно введенный в фабулу, могут в достаточной мере украсить рассказ.

Подобные рассказы полезно озаглавливать: «Красный призрак», «Глухой ночью» или «Черный жилец заколдованного дома».

Сат. 1908. № 22. 6 сентября. С. 7.

Подписано: *Медуза-Горгона*

Изображение лавчонки в рассказе Аверченко схоже с описанием в повести Н.А. Лейкина «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова» приснившегося Яманову аукциона, на котором продаются добросовестность, литературные убеждения, женская любовь, женина честь, продаваемая мужем, сострадание ростовщика, человеколюбие подрядческое и т. п. (см.: Лейкин 1874: 357–362).

¹ — *Тогда, может быть, найдется девочка на улице, прильнувшая к оконному стеклу, за которым елка?* — Ср. у Н.А. Лейкина в очерке «Пресыщенные и голодные»:

На улице тоже дети. Они приютились на приступочке парадного подъезда и заглядывают в окна, смотря на горящую елку. Некоторые стоят внизу на тротуаре. Один забрался на цоколь, держится за подоконник и так и прилип к стеклу. Тут и мальчик в отцовской шапке и женской ситцевой кацавейке, девочка с корзинкой в руках, окутанная в серый грязный платок, мастеровой ученик в неимоверно огромных валенках, маленькая девочка с парой соленых огурцов в горшочке, очевидно посланная в лавку, и подросточек из мясной лавки в тулупе и грязном переднике.

Лейкин 1879: 172

² — *Что-нибудь с волками нет ли?* — В новогоднем номере «Одесских Новостей» Аверченко опубликует «праздничный» рассказ «Пуганица», в котором даст главному герою — провокатору — кличку Волк. Впоследствии этот рассказ будет включен в сборник «ВУ».

³ *В лавку ввалилась хохочущая кампания ~ Юмористы. Пустейшая и беспардоннейшая публика. Придут, перевернут всё, осмеют и почти ничего не купят.* — Ср. с рассказом А.П. Чехова «Елка» (1884), в котором сотрудник юмористических изданий также последним приходит к елке, чтобы получить от судьбы

подарок. У Чехова герою, правда, ничего не достается (автор таким образом показывает масштаб цензурных запретов):

В конце концов елка обирается и публика расходуется... Около елки остается один только сотрудник юмористических журналов...

— Мне же что? — спрашивает он судьбу. — Все получили по подарку, а мне хоть бы что. Это свинство с твоей стороны!

— Всё разобрали, ничего не осталось... Остался, впрочем, один кукиш с маслом... Хочешь?

— Не нужно... Мне и так уж надоели эти кукиши с маслом... Кассы некоторых московских редакций полнехоньки этого добра. Нет ли чего посущественнее?

— Возьми эти рамки...

— У меня они уже есть...

— Вот уздечка, вожжи... Вот красный крест, если хочешь... Зубная боль... Ежовые рукавицы... Месяц тюрьмы за диффамации...

— Всё это у меня уже есть...

— Оловянный солдатик, ежели хочешь... Карта Севера...

Юморист машет рукой и уходит восвояси с надеждой на елку будущего года...

Чехов 1974—1983/3: 147

⁴ *Прежде юморист хороший был... Солидный. Придет — дай ты ему пьяного визитера, перепутавшего знакомые дома, или чиновника, который не получает ожидаемого ордена, или загулявшего купца. Основательный был юморист.* — Имеются в виду в первую очередь Н.А. Лейкин и И.И. Мясницкий. Подробнее об этом см. в статье, на с. 734—736 наст. изд. См. также преамбулу к примечаниям к рассказу «Визитер».

«Аполлон»

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7976. 26 ноября (9 декабря). С. 2. В газете указано место написания: *Петербург*. При включении в сборник «ВУ» кавычки в заглавии были сняты.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» в предложении «Мне отчасти до боли сделалось жаль наш бестолковый русский народ <...>» использован другой падеж: «Мне отча-

сти до боли сделалось жаль нашего bestолкового русского народа <...>», во фрагменте «Господа... Нельзя же так!..» иные знаки пунктуации: «Господа! Нельзя же так...», в предложении «Когда околоточный надзиратель, сидя в конторе театра, писал протокол, он поднял на меня глаза и спросил <...>» между словами «протокол» и «он» стоят запятая и тире.

Схожий прием — реализацию художественных принципов современного искусства в повседневной жизни — использовал Сергей Горный в рассказе «Как я ставил живые картины. (Из дневников)», опубликованном в декабре 1908 года в «Сатириконе». Поводом для написания рассказа стали выступления с «живыми картинами» Ольги Десмонд, а в тексте упоминался журнал «Весы»:

Ну уж теперь, когда Ольга Десмонд выступила в скульптурах Праксителя и Кановы — я всё понял.

Действительно. Это полезно, приятно и нужно. Это — служение чистому искусству. Внедрение красоты творчества в нашу повседневную жизнь. (Ого! Как сказано!.. Не попробовать ли что-нибудь послать в «Весы»? Быть может, во мне пропадает...)

№ 37. С. 6

У Сергея Горного герой начинает с «воплощения» вполне безобидных скульптур Ангокольского («Мефистофель», «Нестор, летописец») и т. д., но в конце переходит к картинам убийства, что, как и в данном рассказе Аверченко, приводит его в руки полиции:

Когда дворник с Аксиньей ломались в запертую дверь — дико кричал:

— «Убийство Иоанном Грозным старшего сына».

А когда дворник ворвался, я сам скрутил себе руки и скромно стал у стены:

— «Арест» И. Репина.

И когда меня повели куда-то по мокрой, осенней панели, я шел и шептал радостными губами:

— «Ведут» А.И. Касаткина. Ведут... Ведут...

За «Заклученного» (с картины Ярошенко)

Сергей Горный

№ 37. С. 6

7 декабря 1909 года в московской газете «Руль» был напечатан фельетон Аркадия Ирисова «Письмо в редакцию», в котором герой, Андрей Спицын, пытаясь претворить в жизнь мотивы книг Анатолия Каменского, нарушает закон: «И потом, что это за некультурная манера: в ответ на мои цитаты из романа г. Каменского “Люди” приводят цитаты из “Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями”, — неизвестного автора» (№ 204. С. 3).

Рассказ Аверченко был впервые опубликован еще до смерти И.Ф. Анненского (1855—1909), и полемика с «Аполлоном» носила «дружеский» характер — в отличие от ряда явно негативных откликов на появление журнала (см., напр.: *Андрусон Л.* Литературные заметки: «Аполлон» // Руль. 1909. № 199. 9 ноября. С. 2). Фактически «Аполлон» и «Сатирикон» выступали со схожих позиций: это проявилось даже в явной переключке названий журналов. Многие из сотрудников «Аполлона» печатались в «Сатириконе» (Кондратьев, Потёмкин, Кузмин, Мандельштам, Гумилёв и т. д.), а в числе рекламных материалов, помещенных в первом номере «Аполлона», было и подписное объявление «Сатирикона», занимавшее целую полосу. В то же время Аверченко явно не разделял прозвучавшего в статье Александра Бенуа в первом номере призыва «перерасти иронию»: «должно быть больше “веры, простоты и упования”» (Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 8). Возможно, именно в ответ на этот призыв в рассказе Аверченко «Аполлон» и создается иронический образ простака, виявшего звучавшим в журнале призывам и попытавшегося сразу воплотить их в жизнь. Редакция «Аполлона» также отделяла Аверченко от «литературной улицы», свидетельством чего является отклик на издание сборника «Веселые устрицы» на страницах «Аполлона». М.А. Кузмин в «Заметках о русской беллетристике» именовал Аверченко «даровитым автором» и выражал надежду, что, «однажды попытавшись сосредоточить и тщательно процедить свое дарование, г. Аверченко сможет дать нам вполне серьезные (не по тону, ради Бога, не по тону!) и не совсем слыханные в России произведения» (с. 703 наст. изд.). Ранее сборник «РЮ1» высоко оценивал С.А. Ауслендер в рецензии, опубликованной в газете «Речь» (см. с. 695—697 наст. изд.).

¹ *Однажды в витрине книжного магазина я увидел книгу...* — Первый номер журнала «Аполлон» поступил в продажу 25 октября 1909 г. Объявление, извещающее о том, что «сегодня вышел 1-ый №» «Аполлона», было помещено, в частности, на первой странице газеты «Одесские Новости» (см.: № 7949.

С. 1). Выходу журнала предшествовала продолжительная и серьезная рекламная кампания. Еще 20 апреля (3 мая) 1909 г. газета «Речь» писала: «С осени возникает новый большой журнал “Аполлон”, типа “Золотого Руна”. Во главе журнала стоят С. Маковский, М. Волошин, И. Анненский и А. Вольнский» (№ 106. С. 4). В сентябре на журнал была объявлена подписка. 19 сентября (2 октября) «Речь» сообщала на первой странице: «Открыта подписка на новое иллюстрированное издание “Аполлон”. Ежемесячник. Журнал будет выходить каждое 15-ое число <...> Первая книжка выйдет 25 октября 1909 года» (№ 257 (1137). С. 1). Информация о том, что первый номер нового журнала вышел и поступил в продажу, появилась во многих периодических изданиях.

² — *Да ведь заглавие-то на обложке! ~ Журнал называется «Аполлон», а если буквы греческие, то это ничего...* — На обложке первого номера, выполненной Л.С. Бакстом (1866—1924), название было написано стилизованными буквами и разделено на две части.

³ — *Почему же журнал называется «Аполлон», а на рисунке — изображена пронзенная стрелами ящерица?..* — Болотного цвета обложка журнала, на которой была изображена пронзенная двумя стрелами ящерица, вызвала нарекания у критиков, к примеру, у Л. Андрусона (см. об этом выше, в преамбуле к примечаниям к наст. рассказу).

⁴ *Первая статья, которую я начал читать, — Иннокентия Анненского — называлась «О современном лиризме».* — Первая часть программной статьи И.Ф. Анненского «О современном лиризме» — «Они» — занимала центральное место в номере (с. 12—42).

⁵ *Первая фраза была такая: || Жасминовые тирсы наших первых менад примахались быстро...* — Аверченко точно цитирует первую фразу статьи Анненского; в журнале она завершается не многоточием, а точкой (см.: Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 12).

⁶ *Фраза, случайно выхваченная мною из середины «лиризма», тоже не развеяла меня: || В русской поэзии носят частицы теософического кокса, этого буржуазнейшего из Антисмертинов...* — Имеется в виду фрагмент, с которого в статье Анненского начиналась характеристика Ф.К. Сологуба:

Есть однако в России поэты, для которых философичность стала как бы интегральной частью их существа. Поэзию их нельзя назвать, конечно, их философией. Это и не философическая поэзия Сюлли Прюдома. Атмосфера, в которой рождаются искры этой поэзии, необходимая творчеству этих

поэтов — густо насыщена мистическим туманом: в ней носятся частицы и теософического кокса, этого буржуазнейшего из Антисмертинов, в ней можно открыть, пожалуй, и пар от хлыстовского радения, — сквозь нее мелькнет отсыревшая страница Шопенгауэра, желтая обложка «Света Азии», — Заратустра бредил в этом тумане Апокалипсисом.

О, я далек от желания писать карикатуру. Я говорю о нашей душе, о больной и чуткой душе наших дней.

И вы уже угадали, что речь идет о поэте и романисте, которому было бы довольно «Мелкого беса» и «Опечаленной невесты», чтобы имя его осталось бессмертным выражением времени, которое мы, как всякое другое поколение, склонны, за неимением к оному перспективы, считать безвременьем.

Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 32

⁷ *Неприятное чувство сгладила другая статья: «В ожидании гимна Аполлону».* — Статья А.Н. Бенуа (1870—1960) «В ожидании гимна Аполлону» была напечатана в номере первой, сразу за редакционным «Вступлением».

⁸ *Так как танец — есть прекраснейшее явление в жизни, то нужно сплести его всем людям в хороводы и танцевать.* — Аверченко излагает мысли Бенуа своими словами.

⁹ *Люди должны сделаться прекрасными, непрестанно во всех своих действиях, и танец будет законом жизни.* — Ср. в статье А.Н. Бенуа: «Нужно, чтобы люди стали прекрасными непрестанно во всех своих действиях, и танец сделался бы законом жизни» (Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 9).

¹⁰ *Последующие слова автора относительно зажжения алтарей, учреждения обетных шествий и плясов — привели меня в решительный восторг.* — Ср. у А.Н. Бенуа:

Хочется воспеть гимны, зажечь алтари, учредить обетные шествия и плясы. И не только нужны красивые праздники, но и красивые будни. Вся пластика повседневности должна обновиться и озариться, она должна исполниться плясового ритма, вся служить выражением всюдусущности Бога, непрерывным гимном Ему.

Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 10

¹¹ *Не случайно происходит за последние годы повышение интереса к танцу...* — Точная цитата из статьи А.Н. Бенуа, но в оригинале об этом говорится раньше, чем об обетных шествиях и плясах (см. пред. примеч.): «Не случайно

происходит за последние годы “повышение интереса” к танцу» (Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 8).

¹² «*О театре*». — Так называлась статья Вс.Э. Мейерхольда (1879–1940), опубликованная в первом номере «Аполлона» на с. 70–73.

¹³ *Автор статьи о театре видел единственное спасение и возрождение театра в том, чтобы публика участвовала в действии наравне с актерами.* — В данном случае имеется в виду не статья Мейерхольда (см. пред. примеч.), а опубликованная вслед за ней статья Вяч. Иванова «Борозды и межи. 1. О проблеме театра» (см.: Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 74–78).

¹⁴ — *А поэта Бунина в академики выбрали...* — 1 ноября 1909 г. почетными академиками Императорской академии наук по разряду изящной словесности были избраны Н.Н. Златовратский и И.А. Бунин. В «Одесских Новостях» в связи с этим 6 (19) ноября 1909 г. была опубликована заметка «Новые академики», включавшая краткие биографии Златовратского и Бунина и проиллюстрированная их фотографиями (см.: № 7959. С. 2).

¹⁵ *На сцене стоял, сжав кулаки, городничий, а перед ним на коленях купцы. ||— Так — жаловаться?! — гремел городничий.* — Имеется в виду сцена из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», в которой Городничий принимает купцов (д. 5, явл. 2). Персонаж Аверченко, искажая, продолжает реплику Городничего:

Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Гоголь 1937–1952/4: 83

¹⁶ *Околоточный надзиратель.* — См. примеч. 2 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

Американцы

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7986. 8 (21) декабря. С. 5. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» в предложении «<...>» и в конце та же проклятая дев-

чонка с собакой <...>» использовано слово «девочка», в предложении «— Нет, Никанор Пальгч — не отвертитесь!..» отчество дано в полном варианте («Никанор Павлович»), во фрагменте «— Все-таки, я думаю сверху написать: «не прибегай к широковещательным рекламам»... А?» заключительное «А?» выделено в отдельный абзац. В пятом издании из набора выпала фраза «— Не щадя затрат?»

Рассказ опубликован в разгар подписной кампании. Схожая ситуация описана в рассказе И.И. Мясницкого «В погоню за подписчиками»:

— Как же это вы, батюшка, так без премий? Этого нельзя! Какой же дурак станет на вашу газету подписываться?.. <...> Какое тут к черту сочувствие публики!.. Пообещайте ей всякой дряни... ну, хоть пару чулок, что ли... она и полезет...

Мясницкий 1903а: 238

¹ *Издатель журнала «Северное Сияние»...* — Аверченко создает обобщающий образ журнала, хотя использованное название можно связать и с конкретным изданием. Так, 27 октября (9 ноября) 1908 г. газета «Межа» (в которой сотрудничал и Аверченко) сообщала: «В Москве гр. Бобринская основывает литературно-художественный еженедельник “Северное Сияние”. Художественным отделом руководит худ. Переплётчиков» (№ 2. С. 4). «Ежемесячный иллюстрированный журнал» «Северное Сияние», о котором шла речь, В.Н. Бобринская издавала с ноября 1908 г. по июнь 1909 г. всего вышло 8 номеров.

² *Бильбокеев.* — В рассказе «Ихневмоны» («РЮ2») Аверченко дает такую же фамилию одному из художников.

³ *На первой странице какая-нибудь «девочка с яблоком», потом роман «Разными дорогами», опять — «девочка с кошкой», она же, поздравляющая с днем рождения бабушку, «флорентийская цветочница», смесь и в конце та же проклятая девчонка с собакой, под названием «Два друга».* — Хотя Аверченко высмеивает не конкретный журнал, а определенный тип изданий (см. выше, примеч. 1), в названиях можно увидеть и отсылки к конкретным произведениям — «Флорентийской цветочнице» («La fiogaià fiorentina») Джоаккино Россини (1792–1868), картине В.А. Серова (1865–1911) «Девочка с персиками» (1887) и роману В.И. Немировича-Данченко (1848–1936) «На разных дорогах» (1896).

⁴ *«Свен Гедин, путешественник по Тибету», «Знаменитый ученый Пастер», «Английский министр колоний», «Убийца президента Карно» — всех можно пус-*

тить в дело. — В перечислении пародируется набор фотографий в популярных иллюстрированных журналах, причем персонаж вспоминает героев давно минувших 1890-х годов. Ср. с набором «фотоснимков», который приводился в пародийном «Новом иллюстрированном еженедельнике» в 1908 г. в журнале «Серый Волк»:

Семь картинок, коими «Новый иллюстрированный еженедельник» неизменно пользуется, чтобы занимать своих читателей и держать их в курсе общественной и политической жизни. 1. Ежегодный весенний парад. 2. Открытие памятника в присутствии почетных лиц города. X обозначено наиболее уважаемое лицо. 3. Моментальный снимок последнего сенсационного процесса. Обвиняемый и его защитник (прокурор и один из судей). 4. Первый портрет наследника испанского престола. 5. Мисс Мабель Робинзон, самая красивая девушка в свете, 18 лет, служит в одной из контор Нью-Йорка. 6. Последний управляемый аэростат. 7. Гибель судна в море. X обозначено место, где пароход пошел ко дну.

№ 1–2. С. 14

Свен Андерс Гедин (1865–1952) — шведский путешественник, который, в частности, в 1893–1897 гг. совершил большое путешествие по Азии, описанное затем в его книге «En färd genom Asien» (1898; рус. пер. — «В сердце Азии» (СПб.: А.Ф. Девриен, 1899)). Луи Пастер (1822–1895) — французский биолог и химик. Сади Карно (1837–1894) — президент Франции с 1887 г., был смертельно ранен в Лионе 24 июня итальянским анархистом Санте Джеронимо Казерио (1873–1894); Казерио был казнен на гильотине 16 августа 1894 г.

Подмости

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 7906. 8 (16) сентября. С. 2–3. В газете указано место написания: *Петербург.*

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» вместо «<...> и поблагодарить их за те чувства, которые они разбудили в моей душе» было напечатано «<...> и поблагодарить их за те струны, которые они разбудили в моей душе»; вместо «— Какой старый башмак? — вздрогнул я» было «Какой старый башмак? — заинтересовался я» В предложении «Я думаю, — вам с вашей школой, с игрой <...>» в «ОН» нет тире.

Публикация рассказа связана с началом нового театрального сезона.

Проклятье

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7943. 18 (31) октября. С. 4. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» вместо «Умылся в номере гостиницы, радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую» было «Умывшись в номере гостиницы, Андреев радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую». Также в «ОН» отсутствуют «Хе-хе...» и «Ха-ха!» во фрагментах «Смерть, хочется повеселиться. Хе-хе...» и «— Для всех, кроме него! Ха-ха!». В предложении «На лице Андреева застыла мертвенная скука; в глазах виднелось страдание» в газетной публикации вместо точки с запятой использован союз «и»: «На лице Андреева застыла мертвенная скука и в глазах виднелось страдание». Из предложения «Он махнул рукой и пошел на вокзал написать жене письмо, — что завтра выезжает обратно» при подготовке сборника убрано повторяющееся местоимение «он». В газетной публикации было: «Он махнул рукой и пошел на вокзал написать жене письмо, — что завтра он выезжает обратно».

¹ *Однажды Леонид Андреев затосковал.* — Осенью 1909 г. писатель Л.Н. Андреев (см. о нем примеч. 13 к рассказу «Два мира» («РЮ1»)) был центральной фигурой литературной и театральной жизни России. Отчасти это было связано с началом нового театрального сезона и постановкой новой пьесы Андреева «Анфиса», которую писатель в конце сентября читал в Петербурге в квартире директора «Нового драматического театра» (см.: «Анфиса», новая пьеса Леонида Андреева // ОН. 1909. № 7924. 25 сентября (8 октября). С. 3). На страницах «Одесских Новостей» материалы, касающиеся Андреева и постановок его пьес, появлялись регулярно, из номера в номер. Именно здесь были напечатаны резкие отзывы А.В. Амфитеатрова о творчестве Л.Н. Андреева; один из них — «Записная книжка. О Леониде Андрееве» — опубликован в том же номере, что и рассказ Аверченко (см.: ОН. 1909. 18 (31) октября. № 7943. С. 2). Также в этом номере — на одной полосе с рассказом Аверченко, в разделе «Пресса» — был приведен резкий (в оценке «Одесских Новостей» — «убийственный») отзыв А. Рославлева о постановке «Анфисы» в Новом театре; Рос-

лавлев в «Петербургских Ведомостях» назвал пьесу «чепухой, которую Андреев преподнес нам в драматической форме». Цитаты из статьи Рославлева предварялись следующим редакционным комментарием:

Текущий литературный сезон весь наполнен Леонидом Андреевым. Никогда еще, кажется, так много не писали и не спорили насчет этого непостижимого писателя, как в последние дни. Все газеты и журналы полны им, его личностью, его пьесами, его литературным будущим, — причем наряду с восторженными отзывами сплошь и рядом попадаются самые отрицательные характеристики андреевского творчества. Нашим читателям знакомо определенное отношение А.В. Амфитеатрова к последним произведениям Л. Андреева.

О многочисленных интервью, которые раздавал Андреев, его съемках для кинематографа и пьесах, которые идут повсюду, писал в газете «Речь» Д.В. Философов в статье, озаглавленной «Мания величия»:

В то время как газеты переполнены подробностями о «Фактах и жестах» Л.Н. Андреева, в то время как, с разрешения писателя, кинематографы показывают своей России, сколь вкусно и стильно живет популярный писатель у себя на «декадентской» даче, словом, когда налицо все признаки шумной славы — Л.Н. Андреев сердится и раздражается.

Андреев очень любит последнее слово газетной техники — интервьюеров. Положительно нельзя открыть ни одной газеты, ни провинциальной, ни столичной, ни политической, ни бульварной, чтобы не прочесть беседы Л.Н. Андреева с «нашим сотрудником». Тема всегда одна и та же. Жалобы на критиков. Они не понимают писателя и своими хулиганскими выходками мешают ему работать. Теперь он сразу, на трех театрах, ставит три своих новые пьесы, а если бы не критики-хулиганы, он ежедневно пек бы по трагедии.

И нынешний сезон открылся Андреевым. Перед постановкой «Анатэмы» и «Анфисы» обиженный писатель беседовал с «нашим сотрудником» и снова жаловался.

Сначала на А.В. Амфитеатрова, затем критиковал «Конь бледный».

1909. № 269 (1149). 1(14) октября. С. 2

Аверченко в своем рассказе не дает оценку сочинениям Л.Н. Андреева, обращая внимание прежде всего на небывалую шумиху, развернувшуюся вокруг писателя. Отметим, что в 1909 г. М.Г. Корнфельдом готовилось издание книги

ранних фельетонов Андреева (подробнее об этом см. в статье, на с. 753–754 наст. изд.).

² — *Что вы скажете о мессинском землетрясении?* — Землетрясение, случившееся 28 декабря 1908 г., почти полностью разрушило город Мессина на северо-востоке острова Сицилия (Италия) и унесло жизни около 60 тыс. человек. Корреспонденции из Мессины и статьи о разрушительных последствиях катастрофы помещались в том числе и в газетах «Речь» и «Одесские Новости», где сотрудничал Аверченко.

³ *...вещи, подобные незабвенным прежним: 'Анне Карамазовой' и 'Братьям Карениным'.* — Здесь смешиваются названия романов Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873–1877) и Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880).

⁴ *Метерлинк* Морис (1862–1949) — бельгийский писатель; в 1909 г. его творчество широко обсуждалось в России в связи с постановкой пьесы «Синяя птица» («L'Oiseau bleu»; 1906) Московским Художественным театром; ср., напр., статьи Л. Гроссмана «Буржуа или мистик» (см.: ОН. 1909. № 7906. (16) сентября. С. 2) и З.А. Венгеровой «Евангельская драма Метерлинка» (см.: Речь. 1909. № 273 (1173). 5(18) октября. С. 2–3).

⁵ *Он остриг волосы...* — Современники, описывая внешность Леонида Андреева, выделяли его «роскошную шевелюру»; ср., напр., у В.В. Вересаева в «Литературных воспоминаниях»: «Смуглый, с черными “жгучими” глазами, черною бородкою и роскошною шевелюрою, Андреев был красив» (Вересаев 1961/5: 395–396), у Н.Д. Телешова в «Записках писателя»: «Это был молодой человек с красивым лицом, с небольшой бородкой и черными длинными волосами, очень тихий и молчаливый» (Телешов 1980: 95).

⁶ *...взявши чемоданчик, поехал в Москву.* — Л.Н. Андреев, действительно, приехал в Москву в конце сентября — начале октября 1909 г. в связи с премьерой «Анатэмы» и предстоящей постановкой «Анфисы». Газеты подробно информировали об этой поездке; см., напр., в газете «Речь» в разделе «Театр и Музыка»:

В Новом драматическом театре идут усиленные репетиции «Анфисы» Л. Андреева. В главной роли присяжного поверенного Костомарова будут чередоваться гг. Самойлов и Муратов. Первый утренник пройдет 18-го октября. <...>

28 сентября, днем, в Москву из Петербурга прибыл Леонид Андреев. В Москве он пробудет несколько дней. Леонида Андреева посетил режиссер

Императорского Малого театра А.И. Южин и имел с ним продолжительную беседу по поводу постановки на сцене Малого театра его новой пьесы «Анфиса». Вопрос о постановке ее на сцене Малого театра решен окончательно и она будет поставлена в ноябре текущего года.

1909. № 268 (1148). 30 сентября (13 октября). С. 5

Ср. также: «Леонид Андреев находится в настоящее время в Москве, где будет присутствовать на первом представлении своей новой пьесы “Анатема”» (1909. № 269 (1149). 1(14) октября. С. 5).

⁷ *Бифбаум* Отто Юлиус (1865–1910) — немецкий писатель и журналист.

⁸ *К Коршу, что ли.* — Русский драматический театр в Москве, основанный в 1882 г. Ф.А. Коршем (1852–1953), с 1885 г. располагался в здании в Богословском (ныне — Петровском) переулке.

⁹ *...в какой-нибудь театр, кроме... Солодовниковского.* — По имени купца Гаврилы Гавриловича Солодовникова (1826–1901) называли построенное на его средства здание театра на углу улиц Кузнецкий мост и Большая Дмитровка в Москве (ныне — Театр оперетты). После пожара 1907 г. и реконструкции в нем с 1908 г. находился Оперный театр Зимина.

¹⁰ *Пойду-ка я куда-нибудь в театр повеселиться ~ Во взоре его светилось отчаянье.* — Пьесы Л.Н. Андреева «Анатэма», «Дни нашей жизни», «Жизнь человека», «Анфиса», «Черные маски» шли параллельно на сцене разных театров, в том числе в некоторые дни одновременно. К примеру, в Петербурге 9 января 1909 г. в драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской показывали пьесу «Черные маски», а в «Новом театре» Ф.Н. Фальковского на Мойке, в 51-й раз — «Дни нашей жизни. (Любовь студента)».

¹¹ *Оскар Норвежский* (наст. имя: Оскар Моисеевич Картожинский; 1882–1933) — писатель, журналист и переводчик.

Пернатое

Впервые опубли. в изд.: ОН. 1909. № 7967. 15 (28) ноября. С. 4. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. В «ОН» в предложении «<...> всё ухудшающейся жизни на нашей бестолковой планете» вместо слова «бестолковой» было использовано

слово «горемычной», а в предложении «<...> это будет самым идиотским поступком вашей безграмотной жизни!» вместо слова «безграмотной» — слово «бестолковой». Вместо «Так мы жили» в «ОН» было «Так мы и жили», вместо «изумленно допрашивал меня простодушный дикарь» — «изумленно спрашивал меня простодушный дикарь», вместо «с рабской готовностью смотрели в мои глаза» — «с рабской готовностью смотрели мне в глаза». В «ВУ» опущены избыточные «назад» и «меня» в предложениях «<...> мы должны бросить ретроспективный взгляд назад и проследить...» и «Он всё врет, — посылшался сбоку меня голос» соответственно; слово «суть» дважды заменено на «есть» в предложениях «<...> а материя из льна, который — суть растение!» и «<...> какое из растений — суть лен?», опущено местоимение «я» в предложении «<...> не выезжая всю жизнь из города, я никогда не видел живого льна <...>». В «ОН» в предложении «— Ты расскажи лучше, ну... как устроить синемаграф?!» отсутствовало «ну...», стояло тире между «я» и «журналист» («Но я — журналист <...>»), не было многоточия после «должен» и «гм...» в предложении «Прежде всего, я должен... гм... объяснить вам, что такое электричество...», в предложении «<...> но как всё это делается — пусть меня повесят — не знаю...» вместо «повесят» было «убьют». В 5-м издании изменен порядок слов с «и я уехал...» на «я и уехал...».

¹ *Из истории мы знаем один пример такой бессмысленной расточительности — когда царица Клеопатра распустила в уксусе жемчужину и проглотила эту отвратительную смесь... — Последняя царица Египта из династии Птолемеев Клеопатра (69—30 до н. э.) правила с 51 г. до н. э.; после поражения в войне с Римом и вступления в Египет римской армии Октавиана Августа покончила жизнь самоубийством. Древнеримский писатель Плиний Старший (22/24—79 н. э.) рассказывает в «Естественной истории» о том, как Клеопатра поспорила с древнеримским политиком и военачальником Марком Антонием (83—30 до н. э.): она утверждала, что сможет превзойти его в роскоши и потратит на пир 10 млн сестерциев, — и выиграла пари, растворив в конце обеда в уксусе одну из двух принадлежащих ей самых крупных в мире жемчужин и выпив полученную смесь (см.: IX.119—121). Ср. у Н.А. Тэффи во «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”»:*

Пылький Антоний вскоре попал в сети египетской царицы Клеопатры и впал в изнеженный образ жизни.

Клеопатра переворачивала его в своих сетях, как регельскую кильку, и часто, вместо обеда, угощала куском жемчужины в уксусе.

Этим воспользовался хитрый Октавий и пошел на Египет с несметными полчищами.

Клеопатра выплыла на своих кораблях и участвовала в сражении, смотря на Антония то зелеными, то фиолетовыми, то пурпурными, то желтыми глазами. Но во время битвы царица вспомнила, что забыла ключи от кладовой, и велела кораблям поворачивать носы домой.

ВИОС 1910/1: 40; Тэффи 1990: 335

² *Один бедный человек, по имени Гуттенберг... придумал вместо рукописных букв вырезанные из дерева. Сначала они вырезались на целой доске, а потом Гуттенберг стал делать их подвижными...* — Немецкий изобретатель Иоганн Гуттенберг (1397/1400–1468), разработавший в середине 1440-х годов способ печати подвижными литерами и заложивший основы книгопечатания, предположительно происходил из достаточно обеспеченной семьи; однако своих средств для обустройства типографии нового типа ему не хватило, и он заключил договор о паевом владении с печатником Иоганном Георгом Фаустом (ок. 1480 — ок. 1540), которому через какое-то время, по судебному решению, перешла в собственность вся типография.

³ *Так называемые катушки Румкорфа...* — Немецкий изобретатель Генрих Даниэль Румкорф (1803–1877) в 1851 г. получил патент на индукционную катушку — электромеханический преобразователь низкого постоянного напряжения в высокое переменное напряжение.

⁴ *...могу осветить с самой оригинальной точки зрения творчество Ибсена...* — Ибсен Генрик Юхан (1828–1906) — норвежский писатель, родоначальник «новой драмы». Здесь и далее (см. ниже, примеч. 5 и 6) перечисляются популярные газетные темы того времени.

⁵ *...о возвращении к культу Греции, о танцах будущего...* — Широкое обсуждение танцев будущего было связано с выступлениями в России основоположницы свободного танца, знаменитой «босоножки» американки Айседоры Дункан (1877–1927), а также ее последовательниц и единомышленниц. Книги Дункан переводились и издавались в России (см.: Дункан 1907; Дункан 1908). Искусство танца Дункан связывали с возвращением к древнегреческой традиции; в частности, в предисловии к изданию перевода ее лекции «Танец будущего» Николай Суслов писал:

Бросив свой светлый взгляд на сияющую, беломраморную Элладу, она нашла и напомнила правду, забытую и презренную христианством. Из-под груды обломков и тысячелетнего праха она вынесла на свет Божий скульптуру нагого красивого тела — она принесла ее из пыльных музеев на сцену театра и на сцену жизни.

Суслов 1907: VII

⁶ *...о крушении индивидуализма...* — Большой резонанс имела лекция К.И. Чуковского «Крушение индивидуализма в русской литературе», прочитанная впервые в 1907 г.

⁷ — *Он будет очень вкусен, — похвалил меня один дикарь, ощупывая голову ~ Я промолчал и, брошенный на траву, стал терпеливо ожидать, когда меня зарежут.* — Ср. с рассказом Аверченко «Кошмар», где описывается, как депутату октябристу снится, что его по приезде в деревню собираются съесть голодные крестьяне:

Связанный по рукам и по ногам Листопадов лежал на полянке, щурясь от яркого света костра.

Изредка к нему подходил кто-нибудь из мужичков, любовно ощупывал его и говорил, умиленный:

— Кормилец ты наш!

Листопадов сердито дрыгал ногой и кричал:

— Нет, вы съесть меня не имеете права... Я неприкосновенная личность.

Сат. 1908. № 13. С. 2–3

⁸ *...бесчеловечием пули “дум-дум”...* — Имеются в виду экспансивные пули (то есть пули, диаметр которых расширялся при попадании в мягкие ткани, что повышало поражающую способность), изобретенные в 1896 г. Невиллом Берти-Клэем (1864–1938) и названные по месту расположения британской оружейной фабрики, на которой их изготавливали (город Дум-Дум в предместьях Калькутты); позднее это название стало использоваться для обозначения и других экспансивных пуль. В 1899 г. Гаагской конвенцией было запрещено применять пули «дум-дум» в военных действиях, но их продолжали использовать в ходе полицейских операций и для охоты.

Еще воспоминания о Чехове

Впервые опубли. в изд.: ОН. 1909. № 7895. 21 августа (3 сентября). С. 3. В газете указано место написания: *Петербург*. В газетной публикации рассказ заканчивается выделенной в отдельный абзац фразой, напечатанной курсивом: «С подлинным, в общем, верно», за которой следует подпись.

В текст газетной публикации при подготовке сборника «ВУ» была внесена правка. В «ОН» вместо «недоумеая сказал Антон Павлович» было «недоумевающе сказал Антон Павлович», вместо слова «куртинах» в предложении «<...> и, задумчиво сбивая суковатой палкой головки цветов на куртинах, продолжал <...>» напечатано слово «кустиках», вместо «Чехов наморщил лоб» — «Чехов поморщил лоб». В газетной публикации во фрагменте «А я, брат, тебе одну штукенцию притащил. Замечательная повесть» текст разделен на три предложения: «А я, брат, тебе одну штукенцию притащил. Замечательная. Повесть». В предложении «Врешь, брат, до последней запятой обработана!» в «ОН» между «брат» и «до» стоят запятая и тире. При подготовке книги из газетного варианта убрано слово «бывало» в предложении «— Эх, ты, — говорю, бывало, — Антошка-картошка!», в предложении «<...> пишущий эти строки был свидетелем того, как Антон Панкратьевич раскритиковал прекрасную повесть маститого писателя <...>» отчество «Панкратьевич» заменено на «Павлович», а в предложении «К числу отрицательных свойств дорогого всем покойника нужно отнести также его известную близким — приверженность к алкоголю и полнейшее неумение отличать свое от чужого (пишущий эти строки хорошо помнит, как незабвенный писатель обменял свои старые калоши на его новые и спрятал однажды, якобы по рассеянности, вместо носового платка — совсем новенькую салфетку)» часть в скобках оформлена как отдельное предложение в скобках.

Примером пародийных воспоминаний в русской юмористике могут служить включенные в повесть Н.А. Лейкина «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова» «Воспоминания городского В.П. Бурнашева о Шекспире» (см.: Лейкин 1874: 409—415).

Когда в 1909—1910 годах в связи с пятилетием со дня смерти А.П. Чехова и пятидесятилетием со дня его рождения в русской прессе появилось множество публикаций, в том числе мемуарного характера, Аверченко написал несколько произведений на эту тему, высмеивая общие приемы мемуаристов и

штампы: «Новое о Чехове» (см.: Фома Опискин 1914: 73–77), «Жвачка» (см.: Там же: 78–79) и др. В данном случае рассказ является откликом на конкретное выступление — скандальные мемуары писателя и журналиста Николая Михайловича Ежова (1862/1864–1941/1942), познакомившегося с Чеховым в 1897 году.

¹ *Сей труд автор благоговейно посвящает Н. Ежову... как автору остроумного труда о Чехове, напечатанного в «Историческом Вестнике».* — Первая часть воспоминаний Н.М. Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)» была опубликована в 1909 г. в восьмом номере журнала «Исторический Вестник» и вызвала целый ряд негативных откликов в печати, в том числе в газете «Одесские Новости», где на нее отреагировали А. Седой (наст. имя: Александр Павлович Чехов; 1855–1913) и А.В. Амфитеатров. 9 (22) августа 1909 г., в воскресном номере «Одесских Новостей», где также был напечатан рассказ Аркадия Аверченко «Переоценка ценностей», редакция поместила сразу два материала, в которых мемуары Ежова оценивались как клеветнические. Сначала в своей постоянной рубрике «Дневник журналиста» на эту тему высказался А. Седой. Его «запись» под номером CCLXXXVI называлась «Развенчанный Чехов». А. Седой усматривал в публикации ежовских мемуаров новременский заказ, акцентируя внимание на том, что журнал «Исторический Вестник» издается Сувориным, якобы вознамерившимся отомстить таким образом ушедшему от него к новым, прогрессивным, силам писателю:

Сподвижники г. Суворина-отца не только делают историю, но и превосходно ее описывают. На сей предмет при литературной лаборатории Эртелева перелука существует специальное отделение, каждый месяц выпускающее очередную книжку «Исторического Вестника», в которой люди и события обрабатываются согласно испытанным новременским трафаретам.

Почему собственно это периодическое собрание анекдотов, скверной беллетристики и откровенных пасквилей претендует на связь с исторической наукой, — сказать трудно. <...>

Само собою разумеется, что на страницах этого именно беспредельно пасквильного органа и должна была найти себе место неприличная выходка, направленная к злобному умалению памяти А.П. Чехова, по многим причинам дорогой русскому обществу. Суворинские подручные до сих пор не могут простить покойному писателю его разрыва с их потребительной компанией, его чуткого отвращения к предательской позиции, занятой ими в памятную эпоху

перелома русской жизни, его симпатий к новым силам, выступившим на арену общественной борьбы. В меланхолическом настроении незабвенного автора «Мужиков», «В овраге», «Вишневого сада», характеризующему последние годы его творчества, они не без основания усматривают косвенное посрамление жестоких идеалов насилия, служить коим они поклялись на редакционной чернильнице «Нового Времени». Они по сей день чувствуют значение, какое имело в свое время сближение Чехова с прогрессивными кругами, наложившее такой неизгладимый отпечаток на всё, что выходило после этого из-под пера писателя.

И они отплачивают ему по-своему. Ниже напечатана у нас выдержка из поносительной статьи некоего Ежова, московского корреспондента «Нов. Врем.», которой несравненный «Истор. Вестн.» почтил пятую годовщину смерти «русского Мопассана». Она великолепна в своем роде — эта статья-характеристика. Она может послужить недурным образчиком хамской беззастенчивости, не ведающей ни стыда пред лицом собственной совести, ни смущений пред ропотом возмущенной совести общественной. Хотя трудно, признаться, сказать, кто проявил в этом случае больше бесстыдства — развязный ли московский хроникер, пыгающийся оправдать хозяйскую ласку, или же руководители «исторического» журнала, обрадовавшиеся возможности очернить светлую память писателя, запечатленную в сердцах современников и грядущих поколений?..

№ 7886. С. 3—4

На следующей странице в рубрике «Пресса» давались — с редакционными комментариями — пространные выдержки из воспоминаний Ежова, на которые, по-видимому, и ориентировался Аверченко при написании рассказа:

Ну вот мы и дождались пасквиля, грубого пасквиля на кристально-чистого Чехова. И сочинил этот пасквиль г. Ежов, сотрудник приютившего впервые Чехова Нов. Времени, и напечатали этот пасквиль на столбцах Историч. Вестн., издаваемого Сувориным, которому Чехов был обязан своим первым появлением перед большой публикой.

Цель пасквиля ясна. Г. Ежову хочется доказать, что, с тех пор как Чехов изменил Суворину и «стал расходиться с его направлением», — он не только упал как художник, но и испортился как человек. По уверению г. Ежова, быстрая литературная карьера А.П. Чехова совершенно изменила его самого и его отношения к окружающим:

Удача вскружила ему голову. Он стал суховат с прежними благоприятелями, стал глядеть свысока на знакомства. Прежние товарищи по небольшим изданиям казались ему мелюзгой.

Его друг, покойный В.В. Билибин, рассказывал:

– Встретил я Чехова. Неузнаваем. Сказал мне: вы бы выслали мне свои водевили, я поеду скоро к Черному морю, буду их читать; прочту один – и за борт, прочту другой – туда же...

Это очень оскорбило Билибина, но, как человек воспитанный и вежливый, он и виду не показал, что обижен старым приятелем по «Осколкам».

Стал заносчив Чехов будто бы и с родными:

Своему брату, Ивану Павловичу Чехову, Ан.П. подарил книжечку «Пестрые рассказы» (в издании Н.А. Лейкина) с такою явно насмешливою надписью: «Протоучителю Иоанну Павловичу Чеховенскому».

Как видите, обычные шутки незлобивого писателя обращаются в какую-то заносчивость.

Далее, если верить г. Ежову, Чехов сделался нетерпим к чужому мнению.

Критиковать его произведения запросто, по-приятельски, было уже страшно. Он постепенно отодвинул от себя все авторитеты, стал в роль строгого критика даже к большим писателям.

– Почитал я немного «Фрегат “Палладу”», – говорил он одному знакомому, – скучная штука, я бросил, не дочитав и первой части.

Другому знакомому на замечание, что он оспаривает взгляд Толстого, Чехов не без надменности возразил:

– Что мне ваш Толстой?!

«Русскую Мысль» он ругал и говорил: «Она честна, но совершенно бездарна», тем не менее впоследствии Чехов пошел в «бездарную, но честную» ежемесячную «Русскую Мысль» и напечатал там ряд рассказов и повестей; некоторые из них, по уверению г. Ежова, являлись прямыми пасквилями <...>

Г. Ежов, «после некоторого раздумья», понял, в чем дело: всё это «от крайнего самомнения, которое развилось в нем одновременно с его прославлением».

Молодой писатель возомнил о себе не как о литераторе в удачу, а как о гении, чего на самом деле вовсе не было. До гениальности ему было

также далеко, как было далеко до Чехова его многочисленным подражателям. Но, окружая себя только поклонниками, слыша лесть в семье и от постоянных своих гостей, Чехов решил, что он писатель первого ранга, и перед ним должно всё склоняться в прах. Когда же он получал отпор, и отпор решительный, это вызывало в нем раздражение, а раздражение толкало его к мести. И он, к сожалению, поддавался этому недостойному чувству...

Итак Чехов — лишь «литератор в удаче», итак, он мстительный, злой человек... Что еще?

Чехов искал выгод и потому писал пьесы — неудачные драмы, вместо того, чтобы сочинять рассказы. Не верите? Послушайте <...>

Но мало того, что Чехов любил деньги: он был прямо скуповат. — *И т. д.*

№ 7886. С. 4

Уже после публикации рассказа Аверченко на скандал отреагировал в своей постоянной рубрике «Записная книжка» А.В. Амфитеатров, который на правах человека, знавшего Чехова и Ежова с давних времен, последовательно опроверг всё, что инкриминировалось писателю в приведенных прежде в «Одесских Новостях» отрывках из воспоминаний Ежова. В начале статьи, занимавшей более половины газетной полосы, Амфитеатров писал:

В «Историческом вестнике» Н.М. Ежов напечатал какую-то, по-видимому непристойную, статью об Антоне Павловиче Чехове. Самой статьи г. Ежова я не читал, видел только пространную перепечатку из нее в «Одесских Новостях» и там же негодующую статью г. Седого.

Все принципиальные попреки, которые следовало сделать г. Ежову, г. Седой использовал выразительно, и если заметка его попадет в руки г. Ежова, то я последнего с прочтением ее не поздравляю. Но есть еще фактическая сторона, которая г. Седому, по-видимому, неизвестна, а между тем она, как говорили москвичи в жаргоне девяностых годов, «имеет свою кислоту и не лишена своей приятности».

Дело-то в том, что г. Ежов, ныне упрекающий А.П. Чехова в надменности и чуть не зложелательстве к товарищам его литературной молодости, — если сделал некоторую литературную карьеру, — то всецело благодаря А.П. Чехову, который считал его талантливым человеком, нуждающимся лишь в материальном обеспечении, чтобы развернуть свои беллетристические способности.

Г. Ежов как московский фельетонист «Нового Времени» ставленник никого иного, как А.П. Чехова. Могу говорить об этом с полной уверенностью, потому что г. Ежов вступил в сказанную роль на мое место и с моего согласия. <...>

Чехов поставил г. Ежова на доходное место московского фельетониста «Нового Времени», которого г. Ежову без Чехова не видать бы, как своих собственных ушей, потому что одна моя рекомендация была бы бессильна. И, как видно по годам, это было много позже после того, как Чехов писательски отошел от «Нового Времени». И сделал он это, пользуясь тем благоговейным, даже влюбленным вниманием, с которым относился к нему А.С. Суворин, независимо от его отношений к «Новому Времени». Сделал исключительно затем, чтобы дать «прежнему товарищу по небольшим изданиям» возможность жить безбедно, не нуждаясь в грошовом и полуслучайном заработке в «Будильнике» или «Осколках».

ОН. 1909. 23 августа (5 сентября). № 7897. С. 4

См. также в «Записной книжке» А.В. Амфитеатрова в «Одесских Новостях» от 20 сентября (3 октября) 1909 г.:

Оплевавший клеветами больного, — потому что иначе пришлось бы сказать: злого, — воображения могилу покойного учителя и друга (употребляю это слово потому, что, сколько ни встречал я А.П. Чехова, он всегда говорил о г. Ежове с приязнью и доброжелательством истинной дружбы), г. Ежов доказал уже, что понятие литературной чести в нем слабо — *и т. д.*

№ 7920. С. 3

² *Цирлих-манирлих* (от нем. *zierlichmanierlich*) — жеманный, манерный. Это выражение использовал в своих произведениях и А.П. Чехов; см. в рассказе «Нервы»: «Какая же вы, право, цирлих-манирлих» (Чехов 1974—1983/4: 14).

³ *...эдакое вот... двуногое — нос задирает!!!* — Ср. слова доктора в рассказе А.П. Чехова «Княгиня»: «Всё это двуногое живье воспиталось в лакействе, обьелось, огрубело, потеряло образ и подобие, одним словом...» (Чехов 1974—1983/7: 241). В рассказе «Гусев» Павел Иванович говорит: «В Харькове у меня литератор приятель. Приду к нему и скажу: ну, брат, оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и красот природы и обличай двуногую мразь...» (Там же/7: 332) А.В. Амфитеатров в статье «Оклеветанный Чехов» также использовал это определение: «Принц может быть хорошим актером,

и божество в человеческом образе и подобии может казаться совершенством двуногой породы, но все-таки они — ряженые» (ОН. 1909. 20 сентября (3 октября). № 7920. С. 6). Изданный в 1914 г. в «Библиотеке “Сатирикона”» сборник поэта-сатириконца В. Князева назывался «Двуногие без перьев: Сатира и юмор».

⁴ *Изабелла — ослабела.* — Это выражение использовали писатели чеховского круга; оно встречается, в частности, в пьесе А.В. Амфитеатрова «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь. (Происшествие)» (см.: Амфитеатров 1911—1916/19: 302).

⁵ *Куртина* — обложенная дерном гряда для растений, клумба.

⁶ «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с 1876 г. Чехов никак не был связан с редакцией этого журнала.

⁷ *Когда в печати появились воспоминания Куприна, Бунина и Горького — о Чехове...* — Очерки А.И. Куприна и И.А. Бунина «Памяти Чехова» появились в третьей книге «Сборника товарищества “Знание” за 1904 год» (СПб., 1905), которая была посвящена памяти А.П. Чехова. Написанные А.М. Горьким в 1904 г. воспоминания о Чехове были впервые опубликованы в «Нижегородском сборнике» (СПб.: Знание, 1905).

⁸ *...знаменитым певцом русских сумерек...* — Этот штамп Аверченко высмеивал и в других произведениях; ср., напр., рассказ «Жвачка» (приводится полностью):

Однажды на обеде в память Чехова несколько критиков говорили речи. Один сказал:

— Чехов был поэтом сумерек, изобразителем безвольной интеллигенции...

— Bravo! — зааплодировали присутствующие.

Другой критик заявил, что и он тоже хочет сказать речь...

Подумав немного, он сказал:

— Изобразитель российских сумерек, Чехов в то же время был певцом интеллигентского безволия.

Третий критик объявил, что если присутствующие ничего не имеют против, то и он готов возложить скромный словесный венок на могилу «певца сумерек».

— Bravo!

Критик поклонился и начал:

— В дополнение к прекрасным характеристикам Чехова, сделанным моими коллегами, я скажу, что талант Чехова расцветал в сумерках русской жиз-

ни, в которых текла и жизнь безвольной интеллигенции... Да, господа! Чехов, если так можно выразиться, поэт сумерек...

И встал четвертый критик.

— Говоря о Чехове, многие забывают указать на ту внешнюю обстановку, в которой жил великий писатель. Время тогда было серенькое, и это отражалось на героях его произведений. Все они были серенькие, сумеречные, ибо то время было время сумерек, и Чехов был его поэтом. Безвольная, рыхлая интеллигенция того времени нашла в нем своего бытописателя; и, подводя итоги деятельности Чехова, о нем можно выразиться в заключительных словах: «Чехов был настоящим поэтом сумерек, изобразителем безвольной интеллигенции...»

Я отозвал этого четвертого критика в сторону и спросил:

— Откуда вы узнали, что Чехов был поэтом сумерек?

Он тупо посмотрел на меня.

— Я знаю это из достоверных источников.

— Изумительно! Так-таки — поэт сумерек?

— Ей-Богу. И еще — певец безвольной интеллигенции.

— Да?!

Я потихоньку подводил его к открытому по случаю духоты окну и в то же время с интересом говорил:

— Как вы всё это ловко и оригинально подмечаете!..

Опершись на подоконник, он сказал:

— Интеллигентское безволие, расцветшее в сумерках чеховск...

Кивая сочувственно головой, я неожиданно схватил его за ноги и выбросил в окно.

Оно находилось на высоте четвертого этажа.

Одним глупым критиком сделалось меньше.

Это была моя жертва на алтарь прекрасного, чуткого писателя...

Певца сумерек...

Фома Опискин 1914: 78–79

См. также в «Самоновейших воспоминаниях о Чехове»:

Чуть не забыл! Просьба у меня к вам. Подарите мне свою карточку с надписью. А я вам свою. Я, впрочем, уж приготовил: «Певцу сумерек от певца яркого

солнечного света и красивой жизни, Чехову — Дервянкин». Вы замечаете эпическую простоту последних слов.

Кто такой Чехов? Не нужно объяснять — все знают. Кто такой Дервянкин? Не нужно объяснять — все знают.

А вы напишите так на карточке: «Певцу яркого солнечного света и красивой жизни — от певца сумерек. Дервянкину — Чехов». Понимаете? Наоборот.

Неудобно? Почему неудобно? Странно... Если я сделал такую подпись, почему же вам неудобно? Что? Как же вы не певец сумерек? Вас так и критика называет. Пишите, пишите. Вот вам перо. <...>

II. ПЕВЕЦ СУМЕРЕК

(Воспоминания друга покойного —
Егудиила Дервянкина)

Десять лет...

Десять лет прошло со дня смерти певца сумерек, а он будто сейчас живой стоит перед нами. С покойным писателем я был хорошо знаком. Правда, таланты у нас были разного характера: я — весь в солнце, в красивой яркой жизни, Чехов — умеренный, бледный, весь в блеклых полутонах...

Эта антитеза запечатлена даже самим Чеховым в надписи к его портрету, подаренному мне в одну из наших долгих бесед с покойником. Вот эта надпись:

«Певцу яркого солнечного света и красивой жизни от певца — сумерек. Дервянкину — Чехов».

Как сейчас помню тот светлый для меня день, когда я получил этот портрет...

Писатель работал: писал какой-то новый рассказ, но, узнав, что я приехал, моментально отложил работу.

Он очень любил такие неожиданные наезды друзей.

Бывало, сидит и слушает приятеля с каким-то загадочным выражением лица.

И серьезный же был человек — редко услышишь его смех; всё больше мрачное настроение... Да оно и не удивительно: страшная болезнь подтачивала организм великого певца сумерек, о чем он знал из слов близких ему людей. <...>

Болезнь делала свое дело...

И, вообще, я нахожу все слова о его жизнерадостности сильно преувеличенными. Я иногда по целым неделям не расставался с ним, и уж изучить-то характер покойного певца русских сумерек мог основательно...

Спи, дорогой друг... Там — свидимся.

Аверченко 1915: 48–50

Крайние течения

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7890. 14 (27) августа. С. 3. В газете указано место написания: *Петербург*.

В газетной публикации предложение «Нужно ему пополнить какой-нибудь пробел в теории, которая приведет его к открытию лекарства, скажем, от чахотки, поедет он в Публичную библиотеку, возьмет нужную книгу и — что же!» разделено на два: «Нужно ему пополнить какой-нибудь пробел в теории, которая приведет его к открытию лекарства, скажем, от чахотки. Поедет он в Публичную библиотеку, возьмет нужную книгу и — что же!»

¹ *Сотрудник московск. журнала «Весы», декадент Эллис, уличен в похищении листов и порче книг в публичной библиотеке. (Газетн. хроника).* — В 1909 г. широкий резонанс вызвал скандал с писателем, сотрудником журнала символистов «Весы» и сооснователем издательства «Мусагет» Эллисом (наст. имя: Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), уличенным в порче книг в библиотеке Румянцевского музея (ныне — Российская государственная библиотека). Это происшествие широко обсуждалось в прессе, в том числе и на страницах «Одесских Новостей». 20 августа (2 сентября) 1909 г. Л. Гроссман опубликовал посвященную деятельности символистов статью «Цветы культуры», в первой части которой со ссылками на московские газеты излагались подробности инцидента с Эллисом:

Редактор одного из культурнейших ежемесячников искусств и литературы «Весы», переводчик Бодлера, Верхарна и Данте, поэт и критик г. Эллис уличен в поступке, который не только считается некультурным, но характеризуется обыкновенно нелестными понятиями дикости, вандализма или варварства. Как известно, работая в библиотеке Румянцевского музея, г. Эллис вырвал из библиотечной книги несколько страниц, чтобы «не тратить время на выписки». «Г. Эллис, как оказывается, не новичок в этом деле, — рассказывает

московская газета. — Он был и раньше замечен в подобных проделках и уже был лишен права посещать музей».

В ответ на эти обвинения г. Эллис выступил с кратким письмом в редакцию «Русск. Вед.», в котором он не отрицает факт порчи книги, но старается оправдаться тем, что вырванные страницы были возвращены им через полчаса, после запроса библиотечной администрации. Но несколькими строчками ниже г. Эллис считает почему-то нужным заявить: «Обе недостающие страницы принадлежали к книге (“Симфонии” А. Белого), которые [*sic!*] для меня не могут иметь никакого экономического интереса, в виду того что я всегда могу свободно получить их в редакции “Весов”, одним из редакторов которых я имею честь состоять».

Из этих слов выяснилось, что московский переводчик «Цветов зла» вырывал страницы во всяком случае не из каких-либо алчных побуждений, т. к. книги, которые он портил в библиотеке, имелись у него в редакции.

№ 7894. С. 2

² Ну скажите, пара ли она вам ~ Да, но ведь она же — коза! — Намек на строки из стихотворения В.Я. Брюсова «In hac lacrimarum valle»* (1902):

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены;
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Обращение сатириконцев к этому тексту в 1908 г. связано с тем, что стихотворение, вошедшее в книгу «Urbi et Orbi»**, было переиздано в составе трехтомника Брюсова «Пути и перепутья» (см.: Брюсов 1908–1909/2: 121–123). Эти строки неоднократно становились предметом пародий и насмешек; напр., в серии карикатур Баяна (А. Юнгера) «Любовь в отечественной литературе», помещенной в 1908 г. в «Сатириконе», на одном из рисунков были изображены обнимающие друг друга Брюсов и коза, а в отдалении от них — женщина. В качестве подписи к карикатуре был помещен диалог:

Женщина. — Поэт, я люблю тебя!

* «В этой горестной юдоли» (*лат.*).

** «Город и мир» (*лат.*).

Брюсов. — Мы поэты новых трепетов, новых космических эмоций, на путях и перепутьях мы натешимся с козой. И ты хочешь, чтобы я любил тебя?! О, как это пошло, как старо, как это противоестественно!

№ 2. С. 8

См. также у Аверченко в миниатюре о писателях-модернистах «Дым славы»: «Четвертый, натешась в свое время с козой, приобрел в Зоологическом саду приезжего носорога и, вступив с ним в непозволительную связь, наставил покинутой козе рога» (Сат. 1908. № 17. 2 августа. С. 6. Подписано: *Медуза-Горгона*).

³ *А тут еще у моего приятеля была собака... Очень красивая. Ее звали — Леди.* — В это время у известного собаковода К.М. Донцова, жившего в Москве на Большой Никитской улице, была собака породы пойнтер по кличке Леди, побеждавшая на различных соревнованиях. Кроме того, эта кличка встречается и в художественных произведениях; ср., напр., рассказ И.А. Любич-Кошурова «Леди и Жип» (см.: Любич-Кошуров 1905: 3–11).

⁴ *Ну, скажите, разве для воспитанного молодого человека подходящее занятие — давить кошек веревками...* — Намек на нашумевшее дело кошкодавов, в связи с которым упоминался среди прочих и один из ведущих сотрудников «Сатириконе» — П.П. Потёмкин. Подробнее о Потёмкине и его связи с делом кошкодавов см.: Лошилов 2011; Лошилов 2014; Лошилов 2015. Ср. также диалог на эту тему под названием «По привычке», опубликованный без подписи в «Сатириконе»:

- Мамочка, мамочка! Нашу кошку задавили...
- Кто? Поэт?
- Нет, автомобилист.

1908. № 31. 8 ноября. С. 14

⁵ — *Я уже пишу! В «Весах»!!* — Издававшийся в Москве в 1904–1909 гг. ежемесячный журнал символистов «Весь» часто становился объектом насмешек сатириконцев, в том числе и Аверченко: в 1908 г. он опубликовал в «Сатириконе» пародийный «Критический обзор русской литературы (Плагиат из “Весов”» (см.: № 6. С. 3. Подписано: *Медуза-Горгона*). В связи с «Весами» упоминался и Эллис. Ср. в серии юмористических афоризмов Н.А. Тэффи (подражаний К. Пруткову) «Что чему подобно»: «Ловкий приказчик подобен

писателю Эллису: в его руках “весы” всегда покажут в пользу хозяина» (Сат. 1908. № 28. 18 октября. С. 9).

Неизлечимые

¹ *«Спрос на порнографическую литературу упал. Публика начинает интересоваться сочинениями по истории и естествознанию».* (*Книжн. Известия*). — В 1909 г. в России стало фиксироваться падение спроса на литературу, которую относили к «порнографической», — в современном смысле это, скорее, была литература с элементами эротики. В данном случае Аверченко ссылается на ежемесячный журнал «Книжные известия магазина М.О. Вольфа», но, вероятно, цитирует его по информации, приведенной в газетах. В частности, на наиболее интересные изменения в тиражах, зафиксированные в «Книжных Известиях», регулярно обращала внимание газета «Речь», в которой сотрудничал Аверченко. В связи с падением спроса на порнографическую литературу «Речь» писала:

Отхлынула в литературе волна порнографии и смакования половых тем, а на смену ей идет полоса иного, серьезного и научного исследования половых отношений и связанных с ними вопросов.

За какие-нибудь полтора последних месяца на книжном рынке появилась масса серьезных исследований на эту тему <...>.

Речь. 1909. № 85. 28 марта (10 апреля). С. 4.

² *Сняв с высокой волнующейся груди кокошник, она стала стягивать с красивой полной ноги сарафан...* — Герой не знает значения слов и неправильно их употребляет: кокошник — головной убор, а сарафан — вид платья. Аверченко использует тот же прием, что и Н.А. Лейкин во включенной в повесть «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова» пародии «Интеллектуальный пейзажник и кокетливая пейзажница. (Новелла из русского национального жанра)»:

На комфортабельно устроенных антресолях, драпированных батистом, после элегантного фриштика из казеина и бутерброда, лежал русский пейзажник и читал брошюру популярных лекций о гигиене. Против него на козетке фигурировала пикантная пейзажница, кокетливо демонстрировав свою миниатюрную

ботинку из-под шемизетки и цитировала что-то из литературного альбома с гравюрами.

Лейкин 1874: 390

Золотой век

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7959. 6 (19) ноября. С. 2. В газете указано место написания: *Петербург*.

В газетной публикации в предложении «По приезде в Петербург я явился к старому другу <...>» напечатано: «По приезде в Петербург я явился к своему старому другу <...>»

Без почвы

Впервые опубл. в изд.: Скэтинг-Ринк. 1910. № 1. Апрель. С. 8–9. Рассказ также вошел в сборник Аверченко «Шалуны и ротозей: Рассказы для детей» (см.: Аверченко 1916г: 98–103).

При подготовке сборника «ВУ» в текст журнальной публикации были внесены изменения. Слово «колесах» в предложении «— Да они и так все на колесах, — возразил служитель <...>» заменено на «колесиках»; из предложения «Правда, это было уже после падения <...>» убрано слово «уже»; «усилий» в предложении «Мимо меня пролетел изящный господин, <...> без усилий скользя по асфальтовой глади» исправлено на «усилия». Из предложения «Ну, — упаду» убрано тире, а из предложения «И положив руки назад, я неожиданным ураганом ринулся в толпу катающихся» — начальное «И».

В журнале «Скэтинг-Ринк» общей темой, соответствующей названию, были объединены не только рекламные, информационные и спортивные материалы, но и значительная часть литературно-художественного раздела. Издатель-редактор В.В. Татаринков был основателем первого столичного скэтинг-ринга на Кронверкском проспекте, фабрики колесных коньков и Центрального бюро по организации скэтинг-рингов в России, а появление журнала было приурочено к открытию в Петербурге такого катка, созданного товариществом «Невский Скэтинг-ринг», так что издание создавалось с рекламными целями. Для того чтобы добиться успеха, издатель решил привлечь известных писателей и художников, и рассказ Аверченко являлся «гвоздем» первого номера.

В журнальном контексте текст воспринимался как носящий конкретно рекламный характер, но связь со скетинг-рингами достигалась в нем в основном за счет внешних по отношению к комической ситуации и комическим образам элементов, и в составе сборника он воспринимается иначе, чем в журнальном контексте. Подробнее об этом см.: Николаев 2019б.

Ключевой прием повествовательной реализации комического образа начинающего спортсмена в рассказе — ноги и коньки, словно отделенные от катающегося и живущие собственной жизнью, — используется также в опубликованных в том же номере журнала анонимных «Советах начинающим кататься», которые и в целом переключаются с рассказом Аверченко:

— Если вы чувствуете, что ваши ноги расходятся в разные стороны, — зовите на помощь.

— Ни в коем случае не пытайтесь следовать за своими ногами.

— Если вы чувствуете, что падаете, — обнимите ближайшего конькобежца, и вы упадете вместе.

— Помните, что самое важное при катании на колесных коньках — удержаться на ногах.

Скетинг-Ринк. 1910. Апрель. № 1. С. 11

¹ Многие находят, что катание на колесных коньках — очень трудная вещь ~ отправляясь впервые на скетинг-ринг, — попрощаться с родственниками, написать завещание и затвердить наизусть последние предсмертные слова. — Катание на колесных коньках (которые сейчас называются роликовыми) вошло в моду в России в кон. 1900-х годов. Для катания строились специальные помещения — скетинг-ринги. Юмористические рассказы о катании на колесных коньках становятся своего рода развитием темы катания на коньках обычных. См., напр., у Н.А. Лейкина в рассказе «Около конькобежцев»:

На Фонтанке, на ледяном катке гремит оркестр военной музыки, под звуки которого маленькие и взрослые конькобежцы то клюют носом, падая на четвереньки, то отважно жертвуют затылком, растягиваясь навзничь. Есть и великие искусники в деле бегания на коньках. Посредственности как-то ступшеваются. Катающихся довольно много, но еще больше смотрящих на катающихся.

Лейкин 1888: 142

Пик моды на такое катание пришелся на 1909—1910 гг., когда скетинг-ринги стали открываться в разных городах России. Ср. очерк «На скетинг-ринге» в московской газете «Руль»:

Скетинг-ринг...

Это самое последнее слово моды, даже не слово, а вопль!

Скетинг-ринг в этом году сделал триумфальное шествие по нашей провинции.

Киев, Одесса, Харьков уже отдали дань скетинг-рингу.

Теперь пришла очередь и за Москвой. <...>

Пока падают мало, но одесские и киевские газеты частенько рассказывают о случаях падения на скетинг-ринге.

Но... пока это в моде — и да здравствует скетинг-ринг!

1910. 1 февраля. № 214. С. 3.

Подписано: Р.

В Санкт-Петербурге работало сразу несколько больших катков. «Если хотите быть изящными и грациозными, катайтесь на колесных коньках!» — гласило рекламное объявление, публиковавшееся на первой странице газеты «Речь» в 1910 г. Оно призывало посещать скетинг-ринг на Кронверкском проспекте в Петербурге (см.: 19 февраля (4 марта). № 49 (1287). С. 1). В апреле 1910 г. открылся оборудованный «по последнему Парижскому образцу» каток в здании во дворе «дома М.И. Лопатина» (Невский проспект, 100). А в декабре того же года товарищество «Роэль-Ринкерс» завершило строительство «Американского скетинг-ринга» на Марсовом поле.

Скетинг-ринги были не просто катками, а, как сейчас бы это назвали, центрами развлечений. В рекламном объявлении Невского скетинг-ринга сообщалось: «Полный комфорт. Художественная отделка. Ярус лож для публики. Прокат лучших американских коньков. Масса воздуха и света» (Речь. 1910. № 105 (1343). 17 (30 апреля). С. 1). В каждом скетинг-ринге к услугам посетителей были буфеты, а во второй половине дня в зале играл оркестр. В скетинг-ринге на Кронверкском по четвергам устраивались «Seances de Gala», во время которых выступали даже два оркестра. Во дворе скетинга на Невском были «места для стоянки экипажей и автомобилей гг. посетителей». На скетинг-рингах обязательно предоставляли коньки напрокат и организовывали обучение катанию.

² *Кэк-вок* (также: кекуок, кейк-вок, от англ. cake-walk) — название популярного танца. В пояснительном очерке к изданным в 1903 г. нотам с описанием фигур танца говорилось:

Кэк-вок (в буквальном переводе: пирожный танец) — есть национальный танец американских негров, исполняющийся ими с большим увлечением, и характеризующий их особенную, оригинальную, веселость. <...> Чтобы некоторым образом подражать танцу — необходимо соблюдать следующие правила:

- 1) Делать шаги с легким подпрыгиванием <...> При каждом шаге — сгибать колено и выбрасывать перед ногу.
- 2) Во всё время исполнения — слегка размахивать руками, большую часть выгибать руки вперед с висящими вниз кистями рук.
- 3) Держаться корпусом — отвалившись назад.

НТКВ 1903: 8

III. МОИ УЛЫБКИ

Четверг

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 7985 6 (19) декабря. С. 3.

В газетной публикации вместо «<...> эта дура Пыльничиха <...>» напечатано «<...> эта дура Пыльчиха <...>», вместо вопроса «Заговорились?» стоит восклицание: «Заговорились!»

Ср. с описанием журфиксов в рассказе К.С. Баранцевича «Наши журфиксы»:

Какое это милое, славное обыкновение — собираться в определенные дни! <...> Вы, пожалуй, скажете, что наши жур-фиксы скучны, мертвы, что на них предаются сплетням, злословию, что они скорее разъединяют, нежели соединяют людей? Мало ли что, а мы, все-таки, стоим за жур-фиксы, и мы любим бывать на этих собраниях праздных людей, собирающихся затем, чтобы поскучать вместе. <...> Да, впрочем, что говорить! Сознаться, у вас самих есть определенные дни, вы сами посещаете жур-фиксы? Каждый раз вы говорите жене: «Вот каторга! Опять соберутся эти господа, опять придется сидеть за полночь, непроизводительно терять время!»

Вы можете тогда сесть в сторонку и наблюдать человечество со всеми его страстями и недостатками, которые, будьте уверены, обнаружатся очень ско-

ро. О, как это забавно, если бы вы знали! По крайней мере, мы никогда не могли отказать себе в удовольствии таких наблюдений. Взгляните на этих дам и мужчин, сгруппировавшихся вокруг одной артистки. Послушайте, как ядовито отделяет эта артистка свою соперницу X, какие анекдоты рассказывает про нее! Но вдруг — звонок, входит X — и всё изменяется. Обе артистки бросаются в объятия, целуются и осьпают друг друга целым градом комплиментов. Вы думаете, что все остальные смущены? Ничуть не бывало. Едва успеет г-жа X усесться, как начинают перемывать косточки Y. Может случиться, что придет Y, и тогда уже все вместе начнут судачить про N. Прекрасный обмен мыслей, — не правда ли?

После ужина общество опять разобьется на группы и опять предается милому злословию.

Баранцевич 1894: 17–20

¹ *Ведекинд* Франк (1864–1918) — немецкий писатель.

² «*Видели танцы новой босоножки?*» — Речь идет о представительницах новой школы танца, становление которой связано с А. Дункан (см. о ней примеч. 5 к рассказу «Пернатое»). В данном случае, вероятно, имеется в виду английская танцовщица Мод Аллан (1873–1956), которая конкурировала с Дункан и гастролировала в то время в России.

³ *Вейнингер* Отто (1880–1903) — немецкий писатель, автор нашумевшей книги «Пол и характер» («*Geschlecht und Charakter*»; 1903). Подводя итоги 1908 г., К.И. Чуковский писал в опубликованной в газете «Речь» 1 (14) января 1909 г. статье «Русская литература»:

Таких «течений» в Петербурге ежедневно по дюжине, и гораздо, по-моему, плодоноснее было другое «течение», порожденное книгой Вейнингера «Пол и характер», вышедшей в прекраснейшем издании «Посева» под редакцией А.Л. Вольнского. За Вейнингера вдруг ухватились все журналы и все газеты и пошли разрешать вопрос:

— Можно ли женщину считать человеком?

Одни говорили: да, — другие: нет. Посыпались статьи, фельетоны, брошюры, лекции: в «Современном Мире» статья гр. Полонского, в «Русской Мысли» — статья Г.Ш.; в «Русском Богатстве» — П. Мокиевского, в «Образовании» целых три статьи: Зин. Гипшиус, жены Кнута Гамсуна, и еще чья-то и т. д., и т. д., и т. д. Всюду Вейнингер, Вейнингер, Вейнингер.

⁴ *Соляной Городок*. — В комплексе зданий в центре Санкт-Петербурга, где прежде находились соляные склады, с кон. XIX в. размещались музеи. В аудитории Соляного Городка читались публичные лекции.

⁵ *Пишибышевский* Станислав (1868—1927) — польский писатель.

⁶ *Вот одна на днях в театре танцевала с голыми ногами*. — Первое выступление Мод Аллан в Петербурге состоялось 25 ноября 1909 г. в Большом зале Консерватории (см. также выше, примеч. 2).

⁷ *Это танцы будущего, и они открывают новую эру в искусстве*. — См. примеч. 5 к рассказу «Пернатое».

⁸ *Не забывайте нашего шалаша*. — Обыгрывается поговорка «Милости прощу к нашему шалашу».

⁹ *Лямиделямезончик* (уменьш. от лямиделямезон, от фр. l'ami de la maison) — друг дома, часто в значении — любовник жены.

¹⁰ *Мессалина* (ок. 17/20—48) — третья жена римского императора Клавдия, имя которой стало нарицательным из-за ее распутного поведения.

¹¹ *«Редерер»*. — Имеется в виду «Луи Редерер» («Louis Roederer»), марка шампанского.

Мозаика

Впервые опубли. в изд.: ОН. 1909. № 8065. 14 (27) марта. С. 2–3. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке рассказа для сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения: убрано определение «бельми» в предложении «<...> стройную, как Венера, с обворожительными бельми ручками», местоимение «тебе» в предложении «Поэтому могу показать тебе и свою книжку», слова «и гибели» из предложения «<...> и спасала от крушения и гибели всего предприятия», союз «да» из предложения «Если приходит Китти, то Марусю можно прятать, так как она ее знает, да Настю — не прятать?», добавлено предложение «Поеду к Насте», которое отсутствовало в «ОН». В записи «Люб. засахар. кашганы и ненавид. музыку» в текст «ОН» внесено дополнительное сокращение, было «Люб. засахар. кашганы и ненавидит музыку». В «ВУ» «<...> можно было бы с удобством выкупаться» заменено на «<...> можно было бы с пользой выкупаться», «Но шестеро — это тяжело до самоубийства» — на «Но шестеро — это тяжело до обморока», «Сегодня мне в половине седьмого нужно

бътъ по обещанию у Елены Николаевны <...>» — на «Сегодня мне в половине седьмого нужно провести вечер по обещанию у Елены Николаевны <...>», «Дважды за это время я получал от него странные телеграммы <...>» — на «Дважды за это время мною получаемы были от него странные телеграммы <...>». В «ОН» в предложении «<...> осыплю ее градом упреков за то, что на прошлой неделе знакомые видели ее в театре с каким-то блондином» отсутствовало местоимение «ее». В пятом издании в вопрос «Где гармония?» добавлена частица «же»: «Где же гармония?»

Ситуация, в которую попадает герой, — своего рода реализация слов Агафьи Тихоновны из первого явления второго действия комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» (1833): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась» (Гоголь 1937—1952/5: 37).

В юмористической «лекции» Н.Г. Шебуева о выборе квартир по такому «сборному» принципу действует один из персонажей:

Сборная квартира, которой не нахвалится Иван Михайлович, вовсе не по душе мне.

Он уверяет, что единственный способ получить сносную квартиру, это составить себе ее из нескольких комнат, хотя бы помещающихся в различных улицах и даже в различных полицейских частях.

— На Молчановке тебе понравился в квартире кабинет, нанимай ее, сдавай все комнаты, а кабинет оставь за собою. На Садовой-Каретной тебе понравилась спальня, — улица тихая, богобоязненная — нанимай квартиру, сдавай все комнаты, а спальню удержи себе. В Кривоколенном переулке можешь снять себе «все удобства»... На Плющихе — столовую... На Лубянке — гостиную...

— Помилуй, да ведь этак весь день у тебя будет проходить в разъездах!..

— Пустяки... зато я живу в свое удовольствие...

— Ну, а где же ты прописан?

— Вот на этой почве у нас вышло недоразумение...

Шебуев 1909: 8

¹ *Au* — марка шампанского.

² *Матчиш* — ставший популярным в Европе бразильский парный танец, движения в котором носят эротический характер.

Рубановичи

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8053. 28 февраля (13 марта). С. 2. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке рассказа для сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения: «И над вами не смеялись?» исправлено на «И с вас не смеялись?», в предложение «Каждый предыдущий портной облакал меня в него <...>» добавлено отсутствовавшее в «ОН» местоимение «меня», в предложении «Теперешний портной, с которым я веду разговор, тоже поклялся <...>» слово «поклялся» исправлено на «побожился»; «<...> весь мир сразу узнал цвет моих чулок...» заменено на «<...> весь мир сразу узнает цвет моих чулок...», «— Где? — изумлялся портной» — на «— Где? — изумился портной». В 5-м издании дважды изменено время: в предложении «Да вот этот костюм, который на мне, — тридцать два рубля стоил!» — с прошедшего на настоящее, а в предложении «Давая клятву, всякий портной про себя думает <...>» — с настоящего на прошедшее.

После появления рассказа в печати Аверченко обвинили в «заказном» характере публикации, целью которой якобы было дискредитировать имя и фирму Рубановичей — портные с такой фамилией действительно существовали и работали в Севастополе. Возможно, они были известны Аверченко, хотя редактор «Одесских Новостей» П.Т. Герцо-Виноградский и объяснил это в заметке «Юморески жизни» простым совпадением, признавая «вину» своего сотрудника лишь иронически. «Юморески жизни» были опубликованы в постоянной рубрике «Зигзаги», которую Герцо-Виноградский подписывал псевдонимом «Лоэнгрин». Приводим текст заметки целиком:

Недавно в «Од. Нов.» был помещен фельетон Аркадия Аверченко «Рубанович» (так! — *Д.Н.*) (№ 8053 нашей газеты).

Это был остроумный и живой фельетон, причем действующие лица были названы выдуманной автором фамилией: Рубановичи.

Но, Господи, теперь такие времена пошли, что ни одной фамилии не выдумаешь.

Все фамилии существуют в жизни.

Существует и фамилия Рубановичей в Севастополе.

И, мало того, занимается даже той портняжской профессией, которой занимаются выдуманные Рубановичи у г. Аверченко.

Один из членов этой фамилии, А. Рубанович, немало взволновался при чтении г. Аверченки и принял его фельетон на счет себя и своего семейства.

В письме, присланном на имя редакции, г. Рубанович заявляет глубоко-мысленно:

Статья Г. Аверченки, в силу некоторых обстоятельств, наводит меня на довольно грустные предположения о тех мотивах, по которым иногда пишутся поддельные иронические фельетонные заметки, мотивах совершенно нелитературного характера. Не объясняется ли появление подобных статей действием некоторых пружин, о которых следует спросить тех из многочисленных доброжелателей имени и фирмы Рубановича, кому это имя быть может не дает покоя.

Размышляя далее над фельетоном г. Аверченки, г. Рубанович приходит к заключению, что «эти мотивы и пружины вызываются просто страхом конкуренции, заставляющим прибегать к содействию подобных литературных выступлений. Ну, какое, подумаешь дело литератору из Петербурга до портных вообще и в частности до Рубановичей?»

И заканчивается вся эта иеремиада следующим воплем:

Невольно, право, вздохнешь о лучших временах газетной литературы.

При всём желании оправдать г. Аркадия Аверченко в глазах г. Рубановича, я никак этого сделать не могу, ибо вина г. Аверченки слишком очевидна.

Что и говорить, он безусловно имел в виду севастопольского портного г. Рубановича.

Имя севастопольского г. Рубановича, насколько мне известно, не давало покоя г. Аверченке. Он даже спать не мог.

И, конечно, его фельетон всецело вызван страхом конкуренции.

Ага, г. Аверченко, попались!

ОН. 1910. № 8065. 14 (27) марта. С. 7

¹ *Как корова на седле.* — Герой искажает фразеологизм «сидит, как на корове седло»; ср. у Н.В. Гоголя в комедии «Ревизор» реплику Аммоса Федоровича (д. 5, явл. 7): «Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло!» (Гоголь 1937—1952/4: 88).

² *Скверный лодзинский товар!* — Лодзинским товаром называли дешевые изделия из плохих сортов хлопка и хлопчатобумажных отбросов, которым

придавали вид шерстяных, фланелевых или качественных суконных; их производство было сосредоточено на хлопчатобумажных фабриках Восточно-Лодзинского района Польши. Ср. у В.В. Маяковского в очерке «Наружность Варшавы» (1927): «Магазины завалены товарами. Еще бы не завалиться! Лодзинский товар потерял российский рынок, а на западном рынке он не может выдержать ни английской, ни немецкой, ни итальянской конкуренции» (Маяковский 1955—1961/8: 345).

³ *Околоточный*. — См. примеч. 2 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

⁴ *Пролетка*. — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

⁵ *...из белостокской бумаги...* — Белосток — город в Польше, с 1842 г. — уездный город Гродненской губернии, один из центров текстильной промышленности.

Четверо

Впервые опубл. в изд.: ОН. 1909. № 7913. 22 ноября (5 декабря). С. 3. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд изменений. В «ОН» предложения «Хорошо, говорю я. Приезжайте» были объединены в одно: «Хорошо, говорю я, приезжайте», между определениями «фальшивое и притворное» вместо «и» стоит запятая. В предложении «Немножко раздеться можно, хе... хе...» в газетной публикации отсутствует «хе... хе...»: «Немножко раздеться можно». В «ВУ» также опущено определение «помешанным», которое было в «ОН» в предложении «Многие считают меня ненормальным, помешанным, но я разбираюсь в людях!». В 5-м издании в предложении «Время от времени он подщелкивал пальцами и подпевал» вместо «подщелкивал» напечатано «пощелкивал».

Этот сюжет был также использован в пьесе Аверченко «Четверо» (см.: Аверченко 1911а).

¹ *Курьерский поезд*. — См. примеч. 7 к рассказу «Пинхус Розенберг» («РЮЗ»).

² *Казенная палата* — губернское учреждение Министерства финансов в России.

³ *Бумагезя*. — См. примеч. 1 к рассказу «Катъка» («РЮ2»).

⁴ — *По синим волнам океана, | Лишь звезды блеснут в небесах*. — Первые строки песни, написанной на слова стихотворения М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

Лекарство

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 7992. 15 (28) декабря. С. 4. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке рассказа для сборника «ВУ» в текст газетной публикации был внесен ряд изменений. Слово «благоотворяющий» в характеристике «благоотворяющий мужчинам и отворачивающийся от женщин» заменено на «благоволящий», добавлено отсутствовавшее в ОН слово «также» в предложении «Во избежание задержек на будущее время, я буду также теперь захватывать с собой щипцы для завивки волос, ротонду и головные шпильки». «Вышла Даша и спросила <...>» заменено на «Вошла Даша и спросила <...>», предложения «Даша, глупая, не ищи! Я совсем и забыла» объединены в одно: «Даша, глупая, не ищи: я совсем и забыла». Предложение «— Какой негодяй! — подумал я» в газетной публикации отсутствует, а в предложении «— Это? — в искусственном восхищении вскричал я» в «ОН» использовано другое слово: «— Это? — в искусственном экстазе вскричал я».

¹ *Ротонда* — верхняя женская одежда: длинная накидка с воротником, без рукавов и без застежки, с прорезями для рук.

² *...крик делямод...* — То есть крик моды (см. также след. примеч.).

³ *Дернье крик делямод...* — «Dernier cri de la mode» (*фр.*, искаж.) — «последний крик моды».

⁴ *Пуд*. — См. примеч. 2 к рассказу «Здание на песке» («РЮ1»).

⁵ *Когда мы приехали в магазин ~ до конца текущей недели*. — Ср. с рассказом Аверченко «Пинхус Розенберг» («РЮ3»), в котором также описывается покупка ткани.

⁶ — *Да ведь крестятся правой рукой! Я перекрещуюсь и думаю: «Ах, вот она где, правая сторона»*. — Ср. у И.И. Мясницкого в рассказе «Под присмотром», слова тещи: «Где у вас левая сторона? Эта сторона левая? По-вашему, рука, которой вы креститесь, левая?» (Мясницкий 1900а: 163).

Ложь

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1909. № 8024. 24 января (6 февраля). С. 4. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке рассказа для сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены изменения. Из предложения «<...> потом он был у нее в Гранд-Отеле, а вечером завез ее в «Буфф», где и оставил» убрано местоимение «он», а определения «недоуменным, подозрительным» в предложении «— Как не читал? — обводя компанию недоуменным, подозрительным взглядом, вскричал Селиванский» связаны союзом «и». В 5-м издании между этими определениями нет ни союза, ни запятой: «недоуменным подозрительным взглядом». Также в 5-м издании предложения «Однако я там была. С Марьей Александровной Шемшуриной» объединены в одно: «Однако я там была с Марьей Александровной Шемшуриной», в предложении «Ни вас, ни ее я не видел» отсутствует местоимение «я»: «Ни вас, ни ее не видел», а в предложении «Или, может, я была на катке вчера...» добавлено слово «быть»: «Или, может быть, я была на катке вчера...»

¹ *Бассейная* — улица в Санкт-Петербурге (с 1918 г. — ул. Некрасова), пролегающая от Литейного до Греческого проспекта.

² *...обедал у Контана...* — См. примеч. 1 к рассказу «Веселый вечер» («РЮ1»).

³ *Гранд-Отель* — гостиница и ресторан в Санкт-Петербурге, располагались по адресу: Малая Морская, д. 18–20.

⁴ «*Буфф*» — театр в Петербурге.

Визитер

(*Опыт характеристики*)

Впервые опублик. в изд.: ОН. 1910. № 8096. 22 апреля (5 мая). С. 2. В газете указано место написания: *Петербург*.

При подготовке сборника «ВУ» в текст газетной публикации были внесены два изменения. В предложении «Потом, осторожно поднял ее и подошел к дремавшему дворнику у ворот» «поднял ее и подошел» исправлено на «поднял ее, подошел», а слово «сережку» в предложении «Чиновник все-таки поцеловал сначала какой-то рюш у нее на шее, потом ее сережку в ухе, потом воздух <...>» на «серьгу». В 5-м издании слово «обсыпан» в предложении «Нет

нужды, что на пятом визите фрак его будет обсыпан пудрой <...> изменено на «осыпан».

Образ визитера — один из самых популярных в русской юмористике конца XIX — начала XX века. Визиты являлись неотъемлемой частью праздничного ритуала, поскольку иных доступных каждому способов поздравления не было. Массовый характер визиты носили на Рождество и на Пасху, а также в самые распространенные именинные дни. Комические ситуации в рассказах о визитерах были связаны преимущественно с двумя темами: изображалось, как визитеры (либо те, кто их принимает) постепенно напиваются или же как визитеры по ошибке заявляются к незнакомым людям; ср. рассказы Н.А. Лейкина «Первый день Пасхи. (Картинка)» (см.: Лейкин 1874: 96—106), «С визитами» (см.: Лейкин 18796: 35—38), А.П. Чехова «Новогодние великомученики» (см.: Чехов 1974—1983/4: 279—281), «Оба лучше» (см.: Там же/3: 196—200), И.И. Мясницкого «Поздравитель» (см.: Мясницкий 1904: 50—61) и «Визитер» (см.: Развлечение. 1904. № 13.). Аверченко использовал в рассказах, включенных в первые сборники, оба мотива.

В «Заметках о русской беллетристике» М.А. Кузмин, представлявший сборник «Веселые устрицы» в журнале «Аполлон», неодобрительно отозвался об этом рассказе, который, с его точки зрения, выпадал из выбранной автором стилистики сборника: «<...> попадают кое-какие кусочки, не заслужившие перепечаток, и даже совершенно выпадающие из принятого автором американского тона бытовые сцены вроде “Визитера”, принадлежащие к типу рассказов, несколько осмеянному самим же г. Аверченко» (с. 703 наст. изд.).

¹ *У многих дам единственный принцип в жизни — не целоваться на Пасху. Во всё остальное время их легкомысленной жизни они целуются без всякого порядка и смысла...* — Ср. в рассказе Н.А. Лейкина «С визитами»:

Гость христосуется с маменькой. Дело доходит и до дочки.

— Я ни с кем не христосуюсь, — жеманится она, однако соглашается.

— Врет! Врет, — откликается ее братишка. — Давеча с Михайлом Иванычем так даже два раза христосовалась: один раз в зале при всех, а другой раз одна, в коридоре.

Лейкин 18796: 36

² — *В какой церкви были у заутрени? || — В соборе.* — Ср. в рассказе Н.А. Лейкина «С визитами»:

— Где изволили у заутрени быть? — спрашивает он.

— У Владимирской. А вы?

— А мы у Иоанна Предтечи. С Марьей Дмитриевной Андроновой дурно сделалось.

— Ну, это она нарочно... Рюмочку винца... да закусить... ветчинки?.. — предлагает гостю хозяйка.

— Увольте... Признаться сказать, после заутрени понакинулись на нее и теперь глаза бы не глядели... Куда ни придешь — везде ветчина...

— Мне и самой она претит, ну да что делать...

— Прощайте. Семену Семеньчу поклон... Верно с визитами уехал?

— Да; сначала, пока в свежести, к приютскому генералу уехал, ну а потом по знакомым...

Гость уходит. Входит второй. Христосованье, вопрос «где были у заутрени?».

— У Исакия, — отвечает гость. — Лет семь уже сбирался... Восторг, я вам доложу!.. Купол освещен... народу страсть... просто хоть по головам ходи!.. У меня фалду у сюртука оторвали, а Лука Иваньч калошу потерял... Теснота, давка! Одну женщину на руках вынесли... Но поют — век не забуду!

— Водочки... да закусить ветчинки?..

— Водкой зубы пополощу — извольте, а ветчины — ни Боже мой! И то сегодня гофманские капли принимал. На Страстной-то неделе, знаете, всякую дрянь ели, а тут после заутрени и понабросились на ветчину да на яйца... Фунта полтора съел...

— Ох, уж и не говорите! Я сама... а теперь скверно. Но все-таки без ветчины нельзя...

Посетитель «полощет зубы». Входит еще гость, очень франтоватый и красивый. Поцелуи.

— Где изволили у заутрени?..

Лейкин 18796: 36–37

³ ...знакомый этот служит чиновником в Пробырной палатке и имеет в Петербурге двухэтажный дом. — Возможно, намек на Козьму Пруткова (образ, созданный А.К. Толстым и братьями Жемчужниковыми), который, вступив в Пробырную палатку (см. примеч. 8 к рассказу «Бойкий разговор» («РЮЗ»)) в 1823 г., оставался в ней до смерти, дослужившись до директора и действительного статского советника.

⁴ Пролетка. — См. примеч. 3 к рассказу «Приключение номера 24345» («РЮ1»).

⁵ *Доппель-кюммель* — сладкая тминная настойка.

⁶ *Исаакиевский собор* — собор в центре Санкт-Петербурга, освящен в 1858 г.

ПЕРВЫЕ КНИГИ АВЕРЧЕНКО В КРИТИКЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Николай Архипов

[Рецензия на издание:]

Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы.
СПб., 1910.

Впервые опубл. в изд.: Новый Журнал для Всех. 1910. Май. № 19. С. 123. Печатается по первой публикации.

Архипов Николай Архипович (наст. имя: Беншгейн Моисей Лейзерович; 1880/1881 — не ранее 1945) — писатель и издатель; в 1911 году выпустил сборник «Юмористические рассказы», был редактором и издателем газеты «Современное Слово», «Нового Журнала для Всех» и т. д.

¹ *«Я сейчас стою на соборной колокольне ~ и смеюсь, смеюсь...»* — Н. Архипов цитирует заключительные строки рассказа Аверченко «Люди четырех измерений» («РЮ2»).

² *...не вошли лучшие рассказы автора, известные нам по «Сатирикону».* — Большая часть включенных в сборник «ЮР» рассказов была напечатана именно в «Сатириконе», но, возможно, автор рецензии не относил их к числу лучших.

Сергей Ауслендер

[Рецензия на издание:]

Аркадий Аверченко. Рассказы.
Изд. «Шиповник». 1910 г.

Впервые опубл. в изд.: Речь. 1910. 31 мая (13 июня). № 147 (1385). С. 3. Рубрика «Новые книги». Печатается по первой публикации.

Ауслендер Сергей Абрамович (1886–1937) — русский писатель и критик, публиковался, в частности, в газете «Речь» (в то время, когда там печатался и Аверченко), в журнале «Аполлон».

¹ ...*испытанный остряк*... — Отсылка к стихотворению А.А. Блока «Незнакомка» (1907):

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

² ...*чудовищные тройни в бельевых корзинах*... — Имеется в виду рассказ Аверченко «Здание на песке» («РЮ1»).

³ ...*люди постоянно вываливаются из пятых этажей*... — Вероятно, имеется в виду рассказ Аверченко «Душевная драма. (Жизнь человека)» («РЮ1»), в котором героя — молодого господина — ревнивый муж выбрасывает из окна с шестого этажа.

⁴ ...*фантастические лентяи*... — Имеется в виду главный герой рассказа Аверченко «Лентяй» («РЮ1»).

⁵ ...*это кошмарный «специалист», который берется за всё и всё коверкает, уничтожает, портит*. — Имеется в виду рассказ Аверченко «Специалист» («РЮ1»).

⁶ ...*помощник счетовода Матвей Петрович Химиков*... — Речь идет о главном герое рассказа Аверченко «Страшный человек» («РЮ1»).

⁷ *Новый вариант старой истории рыцаря печального образа из Ламанча*. — Проводится аналогия с романом М. де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (ч. 1 — 1605, ч. 2 — 1615).

⁸ ...*немудреные анекдоты о дачных спектаклях*... — Имеется в виду рассказ Аверченко «Дачный театр» («РЮ1»).

⁹ ...*о Сапе Фрейберг, которая на последние 15 рублей повела сына к доктору и только в приемной заметила, что впопыхах из своих семерых чад захватила не того*... — Отсылка к рассказу Аверченко «Еврейский анекдот» («РЮ1»).

¹⁰ ...*о чиновнике Плюмажеве, захотевшем полюбоваться на купающуюся наяду, отдающем гимназисту за бинокль всё свое движимое имущество... для того, чтобы увидеть свою собственную жену в купальном костюме*. — Речь идет о персонаже рассказа Аверченко «Красивая женщина» («РЮ1»).

Вячеслав Полонский
ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.
СМЕХ И ГОРЕЧЬ.

I. Юмористические рассказы Л. Андреева и А.И. Куприна.

II. Юмористические рассказы А. Аверченко

Впервые опублик. в изд.: Всеобщий Ежемесячник. 1910. Июль. № 7. С. 94–103. Печатается по первой публикации.

В части, посвященной Аверченко, речь идет о сборниках «Юмористические рассказы» (СПб.: Сатирикон, 1910) и «Рассказы (юмористические). Книга первая» (СПб.: Шиповник, 1910).

Полонский Вячеслав Павлович (наст. фамилия: Гусин; 1886–1932) — критик и публицист, в 1919 году вступил в ВКП(б), в 1918–1920 годах возглавлял Литературно-издательский отдел Политического управления Красной Армии; был главным редактором журналов «Печать и революция» (1921–1929) и «Новый мир» (1926–1931); в 1929–1932 годах занимал пост директора Музея изящных искусств (ныне — Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).

¹ *...твеновский юмор...* — В настоящее время известный в России прежде всего в качестве автора книг для детей «Приключения Тома Сойера» («The Adventures of Tom Sawyer»; 1876), «Принц и нищий» («The Prince and the Pauper»; 1881), «Приключения Гекльберри Финна» («The Adventures of Huckleberry Finn»; 1884), американский писатель Марк Твен в нач. XX в. воспринимался как писатель-юморист. После его смерти в журнале «Солнце России» была опубликован очерк Аверченко «Марк Твен» (см.: 1910. №10. С. 4), перепечатанный в качестве предисловия в первом томе собрания сочинений Марка Твена в 12 томах, вышедшего в «Библиотеке “Сатирикона”». Подробнее об этом см. преамбулу к примечаниям и примеч. 1 и 2 к рассказу «Анекдоты из жизни великих людей» («РЮ2»), а также в статье, на с. 752 наст. изд.

² *Лейкин* Николай Александрович (1841–1906) — русский писатель-юморист, редактор журнала «Осколки». Подробнее о нем см. в статье, на с. 734–735 наст. изд.

³ *«Искра»* — русский еженедельный сатирико-юмористический журнал, выходявший в Санкт-Петербурге с 1859 по 1873 г.

⁴ *...несколько прекрасных стихотворений в юмористическом духе — Курочкина, Вейнберга, Жемчужникова, Алмазова...* — Перечисляются фамилии сотрудничавших в «Искре» русских поэтов: Петра Исаевича Вейнберга (1831—1908), Бориса Николаевича Алмазова (1827—1876), Алексея Михайловича Жемчужникова (1821—1908) и редактора журнала — Василия Степановича Курочкина (1831—1875).

⁵ *...о сатирической журналистике недавнего времени — 1905—06 гг. и говорить не приходится...* — Благодаря цензурным послаблениям в годы Первой русской революции выходило множество иллюстрированных тонких журналов, преимущественно еженедельных, заявлявших о себе как о сатирических или сатирико-юмористических. На самом деле большинство из них точнее называть «обличительными» — на первый план там выходило не комическое, а гражданский пафос и патетика. Подробнее об этом см. в статье, на с. 725—727 наст. изд.; см. также: Николаев 1998.

⁶ *Горбунов.* — См. примеч. 3 к рассказу «Мальчик с затекшим глазом» («РЮ2»).

⁷ *...можно разве говорить о Чехове, авторе «Пестрых рассказов», забыв Чехова, автора «Дяди Вани» и «Вишневого сада»?* — Сборник А.П. Чехова «Пестрые рассказы», изданный в 1886 г. журналом «Осколки», включал в себя юмористические произведения писателя. Вот что вспоминал об этом сборнике В.Г. Короленко:

В начале 1887 года появилась уже более объемистая книга «Пестрых рассказов», печатавшихся в «Будильнике», «Стрекозе», «Осколках» и на этот раз подписанных уже фамилией А.П. Чехова. Эта книга была замечена сразу широкой читающей публикой. О ней начали писать и говорить. Писали и говорили разное, но много, и в общем это был большой успех. После выхода в свет «Пестрых рассказов» имя Антона Павловича Чехова сразу стало известным, хотя оценка нового дарования вызывала разногласия и споры. Вся книга, проникнутая еще какой-то юношеской беззаботностью и, пожалуй, несколько легким отношением к жизни и к литературе, сверкала юмором, весельем, часто неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной печали, уже прокрадывавшиеся кое-где сквозь яркую смешли-

вость, — еще более оттеняли молодое веселье этих действительно «пестрых» рассказов.

Цит. по: Чехов 1960: 135–136.

Пьеса «Дядя Ваня: сцены из деревенской жизни в четырех действиях» завершена в 1896 г., впервые поставлена в 1897 г.; комедия «Вишневый сад» завершена в 1903 г., впервые поставлена в 1904-м.

⁸ *...трагичный в своей юмористичности помощник счетовода мещанин Матвей Петрович Химиков.* — Имеется в виду главный герой рассказа Аверченко «Страшный человек» («РЮ1»).

⁹ *...пьянчуга, приведенный в ужас монотонным гудением фонаря...* — Речь о персонаже рассказа Аверченко «Пьяный» («ЮР», «РЮЗ»).

¹⁰ *...молодой «готтентот» — Коля Кинжалов, — великом умищающийся в одну фразу: «Пардон-с, пардон-с, позвольте даме пройти вперед»...* — Персонаж рассказа Аверченко «Поездка в театр» («ЮР», «РЮЗ»).

¹¹ *...«славный ребенок», способный довести до бешенства своими проказами...* — Имеется в виду Сашка, герой рассказа Аверченко «Славный ребенок» («РЮ1»).

¹² *...где-то в счастливой Аркадии...* — Имя «Аркадий» происходит от названия Аркадии, центральной области Древней Греции. В художественных произведениях Аркадия изображалась как райская страна, все обитатели которой беспечны и счастливы.

¹³ *Передоновщина* — определение, образованное от фамилии главного героя романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» (1905), учителя Ардальона Борисыча Передонова, которое часто использовалось в критике и публицистике нач. XX в. для обозначения агрессивной пошлости, переходящей в безумие. Ср. у Сологуба:

Его чувства были тупы, а сознание его было растлевающим и умертвляющим аппаратом. Всё доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь. В предметах ему бросались в глаза неисправности и радовали его <...>. Он смеялся от радости, когда при нем что-нибудь пачкали <...>. У него не было любимых предметов, как не было любимых людей, — и потому природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их.

Сологуб 1908: 111

¹⁴ *«Воздухолавательная неделя в Коркине»* — название рассказа Аверченко, вошедшего в сборники «ЮР» и «РЮЗ».

¹⁵ ...*маленькие «современные человечки»*... — Отсылка к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Всё это очень мило; только, если захотел мошенничать, зачем бы еще, кажется, санкция истины? Но уж таков наш русский современный человечек: без санкции и смошенничать не решится, до того уж истину возлюбил...» (Достоевский 1972–1990/15: 84).

¹⁶ *«Я сейчас стою на соборной колокольне, — пишет он в одном из рассказов, — смотрю на движущиеся на улице кучки серых людей, напоминающих муравьев, которые сходятся, расходятся, сталкиваются и опять без всякой цели и плана расползаются во все стороны. И смеюсь, смеюсь».* — Приводятся заключительные строки рассказа Аверченко «Люди четырех измерений» («РЮЗ»). См. также примеч. 1 к рецензии Н. Архипова.

¹⁷ *...а «словами свирепо-солдатскими долго и грубо ругаться», как пишет молодой поэт Саша Черный в своих «Сатирах»?* — Приводятся строки из стихотворения Саши Черного «Новая цифра. 1910» (1909), вошедшего в сборник «Сатиры», который был напечатан в издательстве «Шиповник» в 1910 г., практически одновременно с первой книгой Аверченко. Подробнее об этом см. в статье, на с. 754 наст. изд.

Николай Аратов

[Рецензия на издания:]

Арк. Аверченко. «Юморист. рассказы».
Изд. «Шиповник». СПб. 1910.

Тэффи. «Юмор. рассказы».
Изд. «Шиповник». СПб. 1910.

Впервые опубл. в изд.: Студенческая Жизнь. 1910. № 25 (1). 22 августа. С. 1. Рубрика: Новые книги. Печатается по первой публикации.

Н. Аратов — псевдоним писателя и критика Николая Яковлевича Абрамовича (1881–1922).

¹ *...четыре юмористических книжки А. Аверченко и одна талантливая книга юмор. рассказов Тэффи...* — Имеются в виду сборники Аверченко «Юмористические рассказы» (СПб.: Издание М.Г. Корнфельда, 1910), «Рассказы (юмористические). Книга первая» (СПб.: Шиповник, 1910), «Рассказы (юмористические). Книга вторая» (СПб.: Шиповник, 1910) и «Веселье устрицы: Юмористи-

ческие рассказы» (СПб.: Издание М.Г. Корнфельда, 1910), а также сборник Н.А. Тэффи «Юмористические рассказы. Книга первая» (СПб.: Шиповник, 1910).

² *Это подало повод заговорить в газетах о «возрождении» русской юмористики.* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 771—775 наст. изд.

³ *Кое-кто не постыдился потревожить тень Чехова.* — Имя Чехова в связи с изданием сборников Аверченко и Тэффи упоминалось, в частности, в рецензии С. Ауслендера (см. с. 696 наст. изд.) и в статье А. Измайлова «Цветы невинного юмора. (Юмористические рассказы А. Аверченко)», в которой критик отмечал:

Аверченко еще страшно молод. Еще вовсе беззаботно он смотрит на человеческие дурачества, и пока они только смешат его, не раздражая и не вызывая ненависти, как было с молодым Антошей Чехонте.

К слову сказать, в своих рассказах Аверченко более всего ученик Чехова первой фазы, автора «Пестрых рассказов» — того Чехова, из которого молодое веселье, вульгарно выражаясь, так и пёрло.

Сближает Аверченко с этим мастером русского юмора и самая форма его рассказов. Все они коротенькие, сжатые, в порывистой, беглой манере, с теми же характерными мазками, с тем же усиленным пользованием настоящего времени в глагольных формах, что придает такую живость и естественность картинке.

Биржевые Ведомости. 1910.
21 июня (4 июля). № 11774. С. 3

⁴ *Плодовитый, как Лейкин...* — Подробнее о Лейкине см. в статье, на с. 734—735 наст. изд., а также примеч. 2 к рецензии В. Полонского.

М. Кузмин

ЗАМЕТКИ

О РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ.

Аркадий Аверченко: «Веселье устрицы»

(СПб.: Библиотека «Сатирикона», издание Корнфельда)

Впервые опубл. в изд.: Аполлон. 1910. № 10. Сентябрь. Хроника. С. 27. Печатается по первой публикации.

В предшествующей части «Заметок» разбирается книга «Необыкновенный человек» Д. Крачковского, а в заключительной — первый том «Рассказов» А. Гущина. В том же номере «Аполлона» «Веселые устрицы» значатся в списке книг, поступивших в редакцию.

Влад. Азов
[Рецензия на издание:]
Аркадий Аверченко. Веселые устрицы

Впервые опубл. в изд.: Речь. 1910. 27 сентября (10 октября). № 265 (1503). С. 3. Печатается по первой публикации.

Азов Владимир Александрович (наст. фамилия: Ашкинази; 1873–1938) — писатель, сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», постоянный фельетонист газеты «Речь».

¹ У нас совершенно не было того смеха, о котором Свифт говорил, что он «укрепляет здоровье». — Отсылка к книге английского писателя-сатирика Джонатана Свифта (1667–1745) «Светская (вариант пер.: вежливая) беседа» («Polite Conversation»; 1708), где героиня по имени Леди Толк (Lady Smart) заявляет: «Лучшие доктора на свете — это доктор Диета, доктор Покой и доктор Весельчак» («And the best doctors in the world are doctor Diet, doctor Quiet and doctor Merriman»). В России творчество самого Свифта интерпретировали, как правило, иначе. В.Р. Зотов писал:

В этой-то желчной, бессердечной мизантропии заключается главный недостаток всех сочинений Свифта. <...> Кто хочет хорошо шутить, тот должен иметь доброе сердце; юморист должен доказать, что он все-таки от глубины души любит того, кого хочет осмеять. Но любви-то и не доставало Свифту. Смех его не был смехом кротким, благодетельным смехом сквозь слезы; смех Свифта — безотрадный, злорадный хохот мрачного человеконенавистника. Где даже Вольтер только острит, там Свифт издевается; он сам писал Попе, что цель его работ не забавлять человечество, а мучить его.

Зотов 1882/4: 487

Положительное влияние смеха на здоровье с точки зрения физиологии отмечалось в русском переводе фрагментов исследования Джемса Сёлли: «Развивая мысль о физиологических переменах, следующих за взрывами смеха,

Сёлли уясняет нам подробнее пользу смеха, так сказать в гигиеническом отношении» (Сёлли 1905: 5). В 1908–1909 гг. в Москве выходила серия небольших юмористических сборников под общим названием «Смех укрепляет здоровье» (изд. М. Ф. Гиппиус).

² *...русские люди стали вылезать из своих футляров...* — Отсылка к рассказу А.П. Чехова «Человек в футляре» (см. также примеч. 2 к рассказу «Невозможное» («ВУ»)).

³ *Скабичевский* Александр Михайлович (1838–1910/1911) — русский критик, публицист, историк литературы, стоявший на общедемократических и либерально-народнических позициях; в 1868–1884 гг. — ведущий сотрудник «Отечественных Записок», затем — «Русского Богатства», «Северного Вестника», «Мира Божьего». О зависимости «от милости Скабичевских» писал в очерке «Российская человечина» И.А. Бунин (см.: Возрождение. 1925. 7 ноября. № 158. С. 2–3).

⁴ *...о «настоящих парнях»...* — Критик использует название рассказа Аверченко «Настоящие парни», вошедшего в его дебютный сборник «Юмористические рассказы», а впоследствии — в «РЮЗ».

[Аноним]

[Рецензия на издание:]

Аверченко Аркадий. Веселые устрицы.
Юмористические рассказы. СПб., 1910.

Впервые опубл. в изд.: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к «Ниве». 1910. Ноябрь. Ст. 495. Без подписи. Печатается по первой публикации.

¹ *...печатались десятками в разных «Понедельниках».* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 751 наст. изд.

² *Грубейшим шутловством исполнена и предшествующая рассказам «Автобиография», которая к тому же и нескромна, ибо автор не стесняется в ней отзываться о себе с большой похвалой.* — Имеется в виду «Автобиография» Аверченко, открывавшая сборник «ВУ» и носившая юмористический характер.

³ *Нескромно также снабжать книгу рассказов портретом.* — В сборнике «ВУ» был помещен портрет Аверченко, нарисованный художником Ре-Ми

(см. об этом также преамбулу к примечаниям к рассказу «Автобиография» («ВУ»)).

Сергей Горный
«Сатирикон»
(Силуэт)
Аркадию Аверченко

Впервые опублик. в изд.: Руль. 1925. 14 марта. № 1301. С. 3. Печатается по первой публикации.

Сергей Горный (наст. имя: Оцуп Александр (Марк) Авдеевич; 1882–1949) — писатель, постоянный сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона»; с 1920 г. — в эмиграции.

¹ *Но иногда — на страницах Ре-Ми, в его «Гримасах города»...* — Ре-Ми — псевдоним Николая Владимировича Ремизова (Ремизова-Васильева; 1887–1975), русского художника, одного из ведущих карикатуристов журнала «Сатирикон», пайщика товарищества «Новый Сатирикон». Ср. его портрет в «Воспоминаниях» Е. Зозули:

Из художников — столпом «Нового Сатирикона» был, конечно, Николай Васильевич Ремизов («Ре-Ми»). Он был одним из троих владельцев издательства, членом торгового дома «Новый Сатирикон».

Высокий, очень худой, медлительный, некрасивый, с неподвижным небольшим лицом и небольшими, лениво глядящими глазами, он ничем не выдавал внешне томившейся в нем необычайной силы художника. Иногда он поражал своей исключительной зоркостью. Он рисовал на память мельком виденных людей, никогда не ошибаясь даже в покрое платья.

Но всё же для рисунков своих он — когда только мог — пользовался натурой. Удивительно рисовал он женщин. Почти всегда одну и ту же, — то изображая ее выше ростом или ниже, полнее или худее, — но всегда достигая большой выразительности в рисунке и почти всегда умея производить на зрителя сильное и художественное — а не только «гротескное» — впечатление.

Как от человека, веяло от него ограниченностью. Точный, ровный, скучно-вежливый, медлительный, он иногда напоминал не человека, а какой-то аппарат.

Тем для своих рисунков он сам придумывать не мог. Да это не удивительно. Подавляющее большинство художников-карикуристов рисует по чужим темам, если это не шаржи или зарисовки.

Самостоятельно рисовал он, кажется, только свою серию «Гримасы большого города» — проститутки, городское дно.

Зозуля 2008

² ...*в едких каплях кислоты у Черного...* — Имеется в виду поэт Саша Черный; подробнее о нем см. в статье, на с. 748, 754 и др. наст. изд., а также примеч. 17 к статье В. Полонского.

³ ...*с «катеринославщины»...* — Екатеринославская губерния с центром в Екатеринославе (с 1928 г. — Днепропетровск) была образована в 1802 г.; «катеринославщиной» называли также всю территорию существовавшего в 1783—1796 гг. Екатеринославского наместничества, в которое вошли Азовская и Новороссийская губернии.

⁴ «*Расклейка*». — Имеется в виду финальная часть работы над номером журнала, когда готовые или заказанные тексты и иллюстрации компоновались по страницам.

⁵ *Монмартр* — квартал в центре Парижа, излюбленное место парижской богемы.

⁶ *Тэффи* (Лохвицкая, в замужестве — Бучинская) Надежда Александровна (1872—1952) — русская писательница. Подробнее о ней см. в статье, на с. 718, 756, 774 и др. наст. изд.

⁷ *И весь в «Копере», в «рознах», в хрустящем свежем «ситчике» — тогда еще свежий Петр Потёмкин.* — Потёмкин Петр Петрович (1886—1926) — поэт, постоянный автор «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», с 1920 г. — в эмиграции. Изданный под маркой «Сатирикона» сборник Потёмкина «Герань: Книга стихов» (см.: Потёмкин 1912) вышел в тканевом переплете с цветочным орнаментом.

Розан — цветок розы, а также бутоньерка, бумажный или тряпичный цветок в форме розы. Ср., напр., в стихотворении П. Потёмкина «Базар» (1911):

Вот, весел, пьян и молод,
Идет-бредет туляк,
Бумажный розан вколот
В его рябой армяк.

Герой стихотворения Потёмкина «Добродетель торжествует» носит прозвище «Розан»:

Каждый день смотрел во двор
Монька Розан — хриплый вор:
Нет ли где в окне сюжетца,
Чтобы сердцу обогреться?

Там же: 137

⁸ *Узенькое отточенное острие Мисс, рисовавшей боскеты, лужайки, маркиз и гран-сеньоров.* — «Мисс» — псевдоним Анны Васильевны Васильевой-Ремизовой (1880/1890—1928), сестры Николая Владимировича Ремизова (см. о нем выше, примеч. 1). Ср. ее характеристику в очерке барона Н.Н. Врангеля «Выставка “Сатирикона” в редакции “Аполлона”»:

Мисс — немного однообразная, но прекрасная, умная и изысканно-тонкая художница. Она чувствует стиль XVIII века и сухими, точными, изящными очерками закрепляет на бумаге свои видения. Пудренные дамы и кавалеры жеманно улыбаются, целуются и мечтают. И вся их жизнь проходит как бы на подмостках театра.

Аполлон. 1909. Январь. № 4. Отд. II. С. 5, 7

Боскет — зеленая стена в парке из густо высаженных и подстриженных деревьев или кустарников и обнесенный такой живой изгородью участок.

⁹ *Бухов* Аркадий Сергеевич (1889—1937) — русский писатель, один из постоянных сотрудников «Нового Сатирикона»; в 1918 г. редактировал журнал «Бич» и подписывал ряд номеров «Нового Сатирикона» вместе с Аверченко в качестве редактора.

П. Потёмкин Об Аркадии Аверченко

Впервые опубл. в изд.: Последние Новости. 1925. 15 марта. № 1500. С. 2. Печатается по первой публикации.

О Петре Потёмкине см. примеч. 7 к очерку С. Горного.

¹ В 1907 году понемногу рассеивалась туча бесконечного количества сатирических и юмористических журналов, созданных революцией 1905 года. — Ср. в очерке Аверченко, опубликованном в «Новом Сатириконе»:

Как будто кроваво-красная ракета взвилась в 1905 г. Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью. Все ходили, задрав восхищенно головы и подмигивая друг другу на эту яркую ракету: «Вот она где, свобода-то!..» А когда наступило туманное скверное утро — на том месте, где взвилась ракета, нашли только полуобгорелую бумажную трубку, привязанную к палке — яркому символу всякого русского шага — вперед ли, назад ли...

Последние искорки ракеты гасли постепенно еще в 1906 г., а 1907 г. был уже годом полной тьмы, мрака и уныния.

С горизонта, представляемого кожаной сумкой газетчика, исчезли такие пышные, бодрящие названия, как «Пулемет», «Заря», «Жупел», «Зритель», «Зарево» — и по-прежнему заняли почетное место загнанные до того в угол — тихие, мирные «Биржевые Ведомости» и «Слово».

В этот период все, успевшие уже привыкнуть к смеху, иронии и язвительной дерзости «красных» по цвету и содержанию сатирических журналов, снова остались при четырех прежних стариках, которым всем в сложности было лет полтораста: при «Стрекозе», «Будильнике», «Шуте» и «Осколках».

1913. № 28. С. 6

Подробнее об этом см. также в статье, на с. 725—731 наст. изд.

² «Зритель» — еженедельный сатирический журнал, начал выходить в Санкт-Петербурге 5 июня 1905 г. (редактор-издатель Ю.К. Арцыбушев), то есть еще до объявления «свободы печати». После перерыва в 1906—1907 гг., связанного с цензурным преследованием, был возобновлен в январе 1908 г. Всего в 1908 г. вышло 11 номеров, но журнал уже не пользовался прежней популярностью. См. также примеч. 2 к очерку А. Куприна.

³ *Поле битвы осталось за испытанными в боях стариками... за журналами «Стрекоза», «Будильник» и «Осколки».* — На протяжении многих лет в кон. XIX — нач. XX в. в России выходило пять главных юмористических еженедельников — «Будильник», «Шут», «Осколки», «Стрекоза» и «Развлечение». Подробнее о них см.: Николаев 1998. См. также выше, примеч. 1.

⁴ *И в это время к молодому издателю «Стрекозы»... явился молодой человек...*

и, отрекомендовавшись «Аверченко», оставил рукопись. — Об истории появления А.Т. Аверченко в редакции журнала «Стрекоза» и трансформации «Стрекозы» в «Сатирикон» подробнее см. в статье, на с. 731–744 наст. изд.

⁵ ...«за ветхостью и ненадобностью». — Устойчивая формула, которая использовалась для объяснения сноса старых зданий и сооружений. Ср., напр., в книге Х.А. Чеботарева «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами» в главе про Белый город:

Сей город окружает Кремль и Китай, назывался прежде Царев, а ныне называется оным именем, потому что обведен был стеною из белого камня, которая двумя концами примыкалась к Москве реке и построена при Царе Федоре Ивановиче в 1586 году, но за ветхостью и ненадобностью ныне разломана.

Чеботарёв 1787: 28

⁶ *Радаков* Алексей Александрович (1877–1942) — русский художник, карикатурист, один из основателей и первый редактор журнала «Сатирикон», впоследствии — пайщик товарищества «Новый Сатирикон».

⁷ *Ремизов*. — См. о нем примеч. 1 к очерку С. Горного.

⁸ *1 апреля 1908 года скончалась «Стрекоза»...* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 741–742 наст. изд.

⁹ *«Сатирикон» умер и не воскреснет более, ибо умер Аверченко.* — В эмиграции, уже после смерти А.Т. Аверченко и П.П. Потёмкина, была сделана попытка возродить «Сатирикон». В Париже в 1931 г. вышло 28 номеров журнала (с 4 апреля по 15 октября); редактором являлся М.Г. Корнфельд. В первом номере были помещены портреты Потёмкина и Аверченко и тексты их памяти. Про Аверченко журнал писал:

1918-й год... «Сатирикон» закрыт. Российский смех задушен. Осталось улюлюканье и гоготанье.

В изгнании, в чехословацком госпитале, молодой, неутомимый, блестящий, испускает последний вздох Аркадий Аверченко.

Продолжатель лейкинской традиции, «человек, который смеялся», добродушный и лукавейший, неисчерпаемый и жизнерадостный, Аркадий Тимофеевич Аверченко — это уже страница своеобразной русской книги, превратившейся в хрестоматию.

Но сегодня, в день выхода возрожденного «Сатирикона», глубокий поклон его смеху, его бедному погребенному на чужбине праху — от старых и молодых, от прежних и новых.

1931. № 1. 4 апреля.

С. 3

¹⁰ ...«Искра» Курочкина. — См. примеч. 3 к статье В. Полонского.

¹¹ Марк Твен. — См. примеч. 1 к статье В. Полонского.

¹² ...набивший себе осколину на фантастических купцах Лейкина... — В произведениях Лейкина (см. о нем примеч. 2 к статье В. Полонского) описывались преимущественно быт и нравы купечества московского Замоскворечья.

¹³ ...знаменитый в детской литературе, не менее долголетний, чем «Сатириконтон», журнал «Галчонок»... — На самом деле еженедельный детский журнал «Галчонок» просуществовал гораздо меньше, чем «Сатириконтон». Он начал выходить под редакцией А.А. Радакова и при участии многих сотрудников «Сатириконтон» в издании М.Г. Корнфельда осенью 1911 г. В первом номере журнала был опубликован рассказ Аверченко «Сережкин рубль» (см.: С. 4–6). Разрыв группы основных сотрудников «Сатириконтон» во главе с Аверченко с Корнфельдом в 1913 г. отразился и на судьбе «Галчонка»: с марта им формально стала руководить С.Г. Корнфельд, а в конце 1913 г. журнал закрылся.

¹⁴ Он родился, как сам часто говорил, под звон колоколов в праздничный день (день восшествия на престол Александра III)... — Подробнее об этом см. в статье, на с. 719 наст. изд., а также в «Автобиографии» («ВУ»), на с. 524 наст. изд.

¹⁵ ...умер тоже в праздник, в день годовщины русской революции, 12 марта нового стиля. — Газета «Последние Новости» и ее аудитория отмечали 12 марта как День Февральской революции 1917 г., но другая часть русской эмиграции не воспринимала эту дату как праздничную. «Мы не видим никакого основания сегодняшней день отмечать чем-либо иным, кроме просто и ясного указания на подлинную природу февральской революции. Эта революция в истории России и всего мира не имеет никакого самостоятельно значения», — заявляла 12 марта 1927 г. парижская газета «Возрождение» в передовой статье, озаглавленной «Исторический выкидыш» (№ 648. С. 1).

А.И. Куприн
Аверченко и «Сатирикон»

Впервые опубликовано в изд.: Сегодня. 1925. 29 марта. № 72. С. 10. Печатается по первой публикации.

¹ ...*шебуевский «Пулемет»*... — «Пулемет» был одним из самых знаменитых журналов эпохи Первой русской революции; он издавался в 1905–1906 гг. в Санкт-Петербурге писателем Николаем Георгиевичем Шебуевым (1874–1937), который являлся автором всех текстов, а также со второго номера был заявлен и как автор тем рисунков (в первом номере, вышедшем 13 (26) ноября 1905 г., указано, что рисунки исполнил И. Грабовский). Первый же номер был конфискован, а издателя арестовали. В ответ Шебуев выпустил «номер-экспресс» от 3 декабря (это был день суда над ним) с подзаголовком: «Текст арестанта Н. Шебуева и прокурора П. Камышанского». Последний, пятый, номер вышел 9 января 1906 г. После запрета «Пулемета» издавались журналы «Сочинения Н. Г. Шебуева», «Газета Шебуева» и др.

² ...*арцыбушевский «Зритель»*... — Речь идет об одном из первых и наиболее долговечных сатирических журналов эпохи Первой русской революции (издавался с перерывами в 1905–1908 гг.). Первый номер этого еженедельника вышел в Санкт-Петербурге 5 июня 1905 г.; редактором-издателем являлся художник Юрий Константинович Арцыбушев (1877–1952). Из-за цензурных запретов журнал несколько раз менял название, а также официальных издателей и редакторов. См. также примеч. 2 к очерку П. Потёмкина.

³ «*Скорпион*» — сатирический журнал эпохи Первой русской революции, орган общественно-политической и литературно-художественной сатиры; издавался в 1906 г. в Санкт-Петербурге, всего вышло два номера (редактор-издатель — Ю.С. Идельсон, редактор — И.Т. Дайхес).

⁴ «*Бич*» — сатирический журнал эпохи Первой русской революции (редактор-издатель — Г.М. Любарский). В 1906 г. в Санкт-Петербурге вышел только один его номер, так что, вероятнее всего, упоминание этого названия у Куприна связано с воспоминанием о гораздо более популярном журнале с тем же названием, который издавался в Петрограде в 1916–1918 гг.

⁵ «*Плеть*». — Возможно, имеется в виду еженедельный сатирический журнал эпохи Первой русской революции «Нагаечка» («эхо современной общественной и политической жизни», «орган независимой мысли»), который

издавался в Санкт-Петербурге в 1905 (№1–2) и 1906 (№3–5) гг. (издатель — Х.М. Кнорринг, редактор — А.Ф. Иванов). Также в 1905 г. под названием «Нагайка» вышел № 27 «политико-общественно-сатирического» журнала «Юмористический альманах» («Юмористический сборник»), «выходящего в свет еженедельно под разными названиями» под редакцией Евгеса Поцелуева (Е.Э. Сно); журнал издавался в Санкт-Петербурге И. Богельманом.

⁶ «*Комар*». — В эпоху Первой русской революции два номера сатирического журнала под таким названием вышли в 1906 г. в Тифлисе (редактор-издатель — В.Д. Давидянц).

⁷ «*Жало*». — В эпоху Первой русской революции существовало два журнала с таким названием. В Москве 29 ноября (12 декабря) 1905 г. вышел первый и единственный номер «еженедельного общественно-сатирического» журнала «Жало», в котором был, в частности, напечатан очерк М. Горького «О сером» (см.: С. 2); издателем был М.Я. Имханицкий, редактором — И.И. Власов. В 1906 г. один номер «литературно-сатирического журнала» с тем же названием вышел в Санкт-Петербурге (редактор-издатель — Е.Н. Гулинова).

⁸ «...*Живчик*», «*Езон*», «*Пощечина*»... «*Рвач*»... — Сатирические журналы эпохи Первой русской революции с такими названиями не обнаружены.

⁹ «...*до сотен трех*». — В изданном в 1925 г. Государственным издательством в Ленинграде исследовании В. Боцяновского и Э. Голлербаха «Русская сатира первой революции 1905–1906» содержится библиография «Сатирические журналы 1905–1906 годов», включающая 429 наименований, но в этот список попал и ряд периодических изданий несатирического характера.

¹⁰ *Совсем недурно затеял Зиновий Гржебин два последовательных журнала: «Адская почта» и «Жупел».* — Русский художник и издатель Зиновий Исаевич Гржебин [sic!] (1877–1929) был редактором одного из самых знаменитых журналов эпохи Первой русской революции — «журнала художественной сатиры» «Жупел» (издатель — С.П. Юрицын); первые два номера вышли в 1905 г. (2 декабря и 24 декабря), третий номер — в начале января 1906 г.

Ср. в мемуарном очерке М.В. Добужинского о Гржебине:

Он мечтал о живом современном органе, который был бы совершенно независимого направления, но с сатирическим оттенком, одинаково при этом «бичующем» как правые, так и левые уродства. Определенной программы, впрочем, не имелось в виду, но, во всяком случае, по первоначальной идее Гржебина это не должен был бы быть только специально карикатурный журнал.

В это время он сблизился с Горьким, который очень поддерживал его мысль, и летом 1905 г. на даче Горького в Куоккале Гржебин устроил (показав уже этим задатки своих будущих организаторских способностей) «съезд» самых разнообразных по своим взглядам и вкусам деятелей литературы и искусства, причем приехали также из Финляндии художники Галлен, Эрнефельд, Энкель и архитектор Сааринен. Гржебин, помнится, возлагал на это общение необычайные надежды для будущего.

Несмотря на бесчисленные трудности, скептицизм петербуржцев, поиски будущего издателя и денег, официальные хлопоты и прочее, Гржебин, тогда еще совсем новый человек в художественном и общественном мире, совершил действительно чудо, убедив своим пылом и раскачав и объединив в своем порыве даже самых, казалось бы, индифферентных людей, и с этого момента началась его популярность и возникли многие дружеские связи. «Жупел», как был назван журнал, вышел в свет (в конце 1905 г.), хотя и далеко не таким, каким мечталось вначале, но, во всяком случае, очень художественным по внешности — и был первым издательским достижением Гржебина. Судьба журнала известна — на третьем номере он был закрыт; вместо «Жупела» Гржебин успел выпустить три номера «Адской почты», тоже превосходно изданные, но, как редактор, он уже состоял под судом и впоследствии отсидел около 8 месяцев в тюремном заключении.

Добужинский 1987: 299–300

Три номера журнала «Адская Почта» вышли в Санкт-Петербурге в начале 1906 г. Редактором был заявлен П.Н. Троянский, издателем — Е.Е. Лансере.

¹¹ *Но их задавил своим крутым и тяжким авторитетом Максим Горький.* — Горький сотрудничал в журналах «Жупел» и «Адская Почта», но не оказывал существенного влияния на деятельность редакции. В письме к А.Н. Бенуа от 1 сентября 1905 г. Добужинский спрашивал:

Писал ли Вам кто-нибудь о Горьком? Эта идея того же Гржебина — пригласить Горького — вначале показалась дикой (Сомов, Бенуа + Горький!). Но, по видимому, из этого может получиться нечто и неожиданное. Конечно, важно имя, и именно такое — в нынешнее время. Но, кроме того, Г. при знакомстве оказался иным, чем предполагалось, и может быть, даже склонным со временем подчиниться некоторому благотворному влиянию художников. В нем нас удивило отсутствие высокомерия и интерес, с которым он говорил о искусстве. Конечно, считая себя реалистом (?), он не любит искусства, обращающе-

гося к давно прошедшему. Любит финляндцев и не любит Сомова. Но ценит так же, как и Бальмонта (что за параллель?). Но «у Сомова много щедрости» — недурно! Метафизику органически не переваривает — и мистицизм. На эту тему завязанный идеалист Сюннерберг (мы его забрали с собой к Горькому) вел с ним долгий «спор». Но он очень верно понял задачу «Понедельника», внепартийную и анархическую (в смысле широком).

Цит. по: Чугунов 1987: 447–448.

См. также отправленное 23 января 1906 г. из тюрьмы письмо З.И. Гржебина к М.В. Добужинскому:

Обидно также за «Жупел», уже всё как будто пошло хорошо. Но я уверен, что Вы сумеете и дальше вести это дело. Я боюсь только, чтобы у Вас не произошел раскол с Горьким и его товарищами. Теперь этого допустить никак нельзя. Если это случится, то непременно — повод дадут художники. Горький слишком хорошо и искренне относится к нам всем, чтобы от него что могло пойти нехорошее.

Цит. по: Там же: 448.

¹² *Забуду ли я первое редакционное заседание сотрудников «Жупела» на квартире художника Билибина?* — Билибин Илья Яковлевич (1876–1942) — русский художник, один из участников «съезда» на даче у Горького. Билибин выполнил для «Жупела» и «Адской Почты» ряд иллюстраций, в том числе рисунок для рекламного объявления журнала: на нем был чертенок с экземпляром «Жупела» в руках. Поводом для закрытия журнала послужила опубликованная в третьем номере карикатура Билибина «Осел. (Equus asinus) в 1/20 нат. вел.» (см.: С. 5).

Куприн приехал в Петербург из Одессы 23 декабря 1905 г., так что речь, по всей видимости, идет о первом по счету заседании, на котором присутствовал он сам.

¹³ *...на бержеераковом носу...* — Огромный нос является яркой отличительной чертой главного героя пьесы французского писателя Эдмона Ростана (1868–1918) «Сирано де Бержерак» («Syrano de Bergerac»; 1897).

¹⁴ *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875–1933) — русский писатель, критик, политический деятель; после Октябрьской революции и до 1929 г. — нарком просвещения. В ноябре 1905 г. он вернулся в Россию и-за границы, где жил после завершения ссылки, сотрудничал в газете «Новая Жизнь», издававшейся

при участии Горького; в ночь на 1 января 1906 г. был арестован. (О деятельности Луначарского в 1905–1906 гг. подробнее см.: Трифионов 1974.) Луначарский опубликовал ряд работ о сатире и юморе, в последние годы жизни работал над книгой «Социальная роль смеха». 30 января 1931 г. в речи на заседании созданной по его инициативе комиссии по изучению сатирических жанров при группе языков и литературы Отделения общественных наук Академии наук СССР Луначарский так объяснял необходимость изучения сатиры:

Товарищи, когда я предлагал Академии наук организовать комиссию по изучению сатирических жанров, я больше всего руководился соображениями о скорейшем развитии исследований по истории литературы согласно марксистскому методу, то есть диалектическому материализму. И, рассуждая о том, к какой области литературы можно применить этот метод с наибольшей легкостью, добиться скорейших результатов, — с тем чтобы на основе приобретенных навыков легче найти способы марксистского изучения всех областей литературы, — я пришел к выводу, что таким родом литературы является сатира.

Литературный критик. 1935. № 4. С. 3

¹⁵ *Не помню твердо, кто (кажется, П.П. Потёмкин), вспоминая об Аверченко, рассказал, что первые его дебюты были в «Стрекозе», в журнале, который тогда уже никто не читал, кроме как в пивных.* — См. об этом в очерке П. Потёмкина «Об Аркадии Аверченко», на с. 711 наст. изд.

¹⁶ *...в пивной лавке на углу Чернышова пер. и Фонтанки, где обычно заседали старые писари... и где весьма искусно варили раков...* — Ныне это улица Ломоносова в Санкт-Петербурге. Ср. описание этого заведения в рассказе А.И. Куприна «Царский писарь» (1918):

Тогда на углу Фонтанки и Чернышёва переулка существовала пивная лавка, невзрачная снаружи, темноватая внутри, но бойко торговавшая «Старой Баварией», к которой бесплатно подавалось пять-шесть крошечных блюдечек с заедками: пряничками, моченым горохом, сметками, строганой воблой, ржаными сухариками и микроскопическими ломтиками кобылячей колбасы. А гордостью заведения были «свежие раки», варившиеся очень вкусно, с перцем, луком, лавровым листом и громадным количеством соли и потому требовавшие к себе великого пива.

Куприн 1957–1958/5: 571–572

¹⁷ *«Разбойник Чуркин»* — роман русского писателя, журналиста и издателя Н.И. Пастухова (1831—1911); печатался в 1882—1885 гг. на страницах принадлежавшей Пастухову газеты «Московский листок», ориентированной на малообразованную аудиторию, и пользовался огромной популярностью.

¹⁸ *«Макарка Душегуб: роман из петербургской жизни»* (1896) — сочинение русского писателя Николая Николаевича Животова (1858—1900), постоянного сотрудника изданий «Петербургский Листок» и «Петербургская Газета», ориентированных на малообразованную аудиторию.

¹⁹ *...и на Вербицкую, и на Бебутову...* — Пользовавшиеся большой популярностью в России произведения русских писательниц Анастасии Алексеевны Вербицкой (1861—1928) и княгини Ольги Михайловны (Георгиевны) Бебутовой (урожд. Даниловой, во втором браке — Соллогуб; 1879—1952) часто оценивались как «бульварная» литература.

²⁰ *...и на Ната Пинкертон.* — Имеется в виду серия рассказов о похождениях сыщика Ната Пинкертон, выходявшая отдельными выпусками. Эти пятикопеечные книжки в ярких обложках стали одним из символов десятилетия «между двух революций». Истории о приключениях Ната Пинкертон и его помощника Боба Руланда «сотнями тысяч расходились по стране с 180 миллионами жителей». Имя Пинкертон стало использоваться для обозначения всех изданий подобного рода, которые называли «пинкертоновщиной». В 1909 г. критик А. Измайлов писал о настоящем «пинкертоновском поветрии» (Биржевые Ведомости. 9 мая. № 11097. С. 3). Подробнее об этом см.: Николаев 2006: 54—62. См. также примеч. 2 к рассказу «Настоящие парни» («РЮЗ»).

²¹ *«Что делать?»* — роман русского писателя и философа Н.Г. Чернышевского (1828—1889), написанный в 1862—1863 гг.

²² *Засодимский* Павел Владимирович (наст. фамилия: Вологдин; 1843—1912) — русский писатель, героями произведений которого были «утрюмые люди, живущие впроголодь и впроголодь».

²³ *Златовратский* Николай Николаевич (1845—1911) — русский писатель; был избран почетным академиком по разряду изящной словесности Академии наук одновременно с И.А. Буниным — 1 ноября 1909 г. (см. также примеч. 14 к рассказу «Аполлон» («ВУ»)).

²⁴ *...писал в каких-то там лейкинских “Осколках”?* — А.П. Чехов начал сотрудничать в журнале «Осколки» с конца 1882 г., в 1883—1885 гг. вел там по-

стоянное обозрение «Осколки московской жизни». См. также примеч. 2 и 7 к статье В. Полонского.

²⁵ *О Бунине еще никогда не писали, а его две первые книжки уже широко раскупались.* — На самом деле внимание критиков привлекла уже первая книга И.А. Бунина — сборник «Стихотворения 1887—1891 гг.» (Орел: Тип. газ. «Орловск. Вестн.» Н.А. Семёновой, 1891), на которую было опубликовано сразу несколько рецензий, правда, кратких (см.: Артист. 1892. № 20 (февр.). С. 106; Север. 1892. № 9. 1 марта. Стб. 495; Наблюдатель. 1892. № 3. Отд. П, с. 29—30; Мир Божий. 1892. № 4. С. 3 обложки; Всемирная Иллюстрация. 1892. № 22. 23 мая. С. 402—403). Впрочем, поскольку Куприн пишет о том, что «две первые книжки <...> широко раскупались», он, вероятно, вообще не учитывает этот сборник. Более десятка отзывов появилось и на книгу «На край света и другие рассказы» (СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897). Однако первые статьи о творчестве Бунина действительно были напечатаны гораздо позже (см.: Джонсон И. <Иванов И.И.> Красивое дарование: О книгах «На край света и другие рассказы» (СПб., 1897) и «Рассказы. Том 1-й» (СПб.: Знание, 1902) // Образование. 1902. № 12. Отд. III. С. 51—62; Краснов П. Чистый душою: Литературная характеристика Ив. Бунина // Литературные вечера «Нового Мира». 1903. № 2. С. 82—87).

²⁶ *Андреева Москва сделала известностью в один-два месяца после выпуска его первого томика, а о нем еще никто не ведал в Петербурге.* — Первое издание «Рассказов» Леонида Андреева вышло в Петербурге в 1901 г., но известность пришла к нему еще раньше — благодаря газетным и журнальным публикациям. Об Андрееве см. также примеч. 13 к рассказу «Два мира» («РЮ1»).

²⁷ *Михайловский* Николай Константинович (1842—1904) — русский философ и общественный деятель, один из самых авторитетных литературных критиков рубежа XIX—XX вв.; был соиздателем журнала «Русское Богатство» и определял его редакционную политику. На издание первой книги Л.Н. Андреева Михайловский отреагировал в ежемесячном критическом обзоре в «Русском Богатстве» (см.: 1900. № 11). Мысли, высказанные в этом обзоре, в чем-то созвучны рассуждениям Куприна об Аверченко.

²⁸ *Стародум* — персонаж комедии Д.И. Фонвизина (1745—1792) «Недоросль» (1782).

²⁹ *Впрочем, и до сих пор о замечательном, драгоценном таланте Тэффи нет не только дельной книги, но и основательной, серьезной статьи.* — Один из первых очерков о творчестве Тэффи — развернутая рецензия на ее сборник «Тихая

заводь» (Париж, 1921) — «Бисерное колечко», принадлежавшая перу самого Куприна, был опубликован в парижской газете «Общий Дом» 25 июля 1921 г. (см.: № 373. С. 2—3).

³⁰ *Успенский*. — По-видимому, имеется в виду Г.И. Успенский, хотя о его жизни и творчестве в нач. XX в. достаточно много писали.

³¹ *Дорошевич* Влас Михайлович (1865—1922) — русский писатель и журналист, «король фельетонистов», долгое время возглавлявший газету «Русское Слово»; вернулся из взятого большевиками Севастополя в мае 1921 г. в Петроград, где скончался 23 февраля 1922 г. См. подробнее о нем: Николаев 2001.

³² *...когда издатель Корнфельд сменил ветхие одежды «Стрекозы» на новый зазорный костюм «Сатирикона»...* — Подробнее об этом см. в статье, на с. 739—744 наст. изд.

³³ *...развелось такое пестрое множество сатирических журналов, и так они часто лопались, что всякое доверие к этим мыльным пузырям пропало.* — См. об этом в очерке С. Горного, на с. 705—707 наст. изд.; см. также примеч. 1 к указанному очерку.

³⁴ *«Одних уж нет, а те далече»* — искаженная строка из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (см. примеч. 8 к рассказу «Настоящие парни» («РЮЗ»)).

³⁵ *...а те еще дальше, по ту сторону колючей проволоки...* — То есть на территории СССР.

³⁶ *Брандмауэр* (от нем. Brand — «пожар» и Мауер — «стена») — стена, которая разделяет смежные помещения либо смежные здания, чтобы помешать распространению пожара.

³⁷ *Умер он в среднем возрасте, который отпущен русскому литератору, — 43-х лет...* — О путанице с годом рождения Аверченко и том, что он сознательно искажал свой возраст, см. в статье, на с. 719 наст. изд. На памятнике, установленном на могиле Аверченко в Праге, указано, что он родился 6 марта 1884 г. в Севастополе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВЕРЧЕНКО 1911а

Аверченко А. 8 одноактных пьес и инсценированных рассказов. СПб.: Издание М.Г. Корнфельда, 1911. (Театральная библиотека «Сатирикона»).

АВЕРЧЕНКО 1911б

Аверченко А. Смерч [и др. рассказы]. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1911. (Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона». Вып. 3).

АВЕРЧЕНКО 1912а

Аверченко А.Т. Крути по воде: Рассказы. СПб.: Издание М.Г. Корнфельда, 1912.

АВЕРЧЕНКО 1912б

Аверченко А.Т. Миниатюры и монологи для сцены. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1912. (Театральная библиотека Сатирикона. Т. 2).

АВЕРЧЕНКО 1912в

Аверченко А. Рассказы для выздоравливающих. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1912.

АВЕРЧЕНКО 1912г

Аверченко А. Смерть [и др. рассказы]. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1912. (Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона». Вып. 83).

АВЕРЧЕНКО 1913а

Аверченко А.Т. Избранные рассказы. [СПб.:] Издание редакции журнала «Пробуждение», 1913.

АВЕРЧЕНКО 1913б

Аверченко А. Чертова дюжина: 12 одноактных пьес и инсценированных рассказов. СПб.: Издание товарищества «Новый Аверченко», 1913. (Театральная библиотека «Нового Сатирикона». Т. 3).

АВЕРЧЕНКО 1914а

Аверченко А. Бенгальские огни: Одноактные пьесы. СПб.: Издание товарищества «Новый Сатириконт», 1914. (Театральная библиотека «Нового Сатириконтна». Том 4).

АВЕРЧЕНКО 1914б

Аверченко А.Т. О хороших, в сущности, людях. [Пг.:] Издание «Нового Сатириконтна», 1914.

АВЕРЧЕНКО 1915

Аверченко А.Т. Чудеса в решетке. СПб.: Изд. журнала «Новый Сатириконт», 1915.

АВЕРЧЕНКО 1916а

Аверченко А. Без суфлера: Пьесы и монологи. Пг.: Новый Сатириконт, 1916. (Театральная библиотека «Нового Сатириконтна». Т. 5).

АВЕРЧЕНКО 1916б

Аверченко А.Т. О маленьких — для больших: Рассказы о детях. Пг.: Издание журнала «Новый Сатириконт», [1916].

АВЕРЧЕНКО 1916в

Аверченко А.Т. Под холщовыми небесами. Пг.: Новый Сатириконт, 1916. (Театральная библиотека «Нового Сатириконтна». Том V).

АВЕРЧЕНКО 1916г

Аверченко А.Т. Шалуны и ротозей: Рассказы для детей. [Пг.:] Издание журнала «Новый Сатириконт», [1916].

АВЕРЧЕНКО 1917

Аверченко А. Подходцев и двое других: Повесть. Пг.: Издание журнала «Новый Сатириконт», 1917.

АВЕРЧЕНКО 1922

Аверченко А. Дети: Сборник рассказов с приложением «Руководства к рождению детей». Кон<стантино>поль: Книгоиздательство «Культура» Г. Пахалова, О. Цигоян и М. Шакай, 1922.

АВЕРЧЕНКО 1924

[*Аверченко А.*] Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни. Берлин: Арбат, 1924.

АВЕРЧЕНКО 1925

Аверченко А. Рассказы циника. Прага: Пламя, 1925.

АВЕРЧЕНКО 1926

Аверченко А. Господин Цацкин. [М.: Издательство ЗиФ, 1926]. (Библиотека сатиры и юмора).

АВЕРЧЕНКО 1927

Аверченко А. Избранные сочинения: В 2 т. М.: Книгоиздательство «Современные проблемы» Н.А. Столляр, 1927.

АВЕРЧЕНКО 1999

Аверченко А.Т. Сочинения: В 2 т. / Сост., вступит. статья, подгот. текстов и комм. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 1999.

АВЕРЧЕНКО 2012

Аверченко А.Т. Собрание сочинений: В 13 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С.С. Никоненко. М.: Дмитрий Сечин, 2012.

АМФИТЕАТРОВ [Б. г.]

Амфитеатров А. Курганы. 2-е изд., доп. Пг.: [б. и.], [б. г.].

АМФИТЕАТРОВ 1914

Забывтый смех. «Поморная муза»: Сатир. сб.: [В 2 ч.] / Сост. А. Амфитеатров. М.: Моск. кн-во, 1914. Сб. 1. Беранжеровцы.

АМФИТЕАТРОВ 1911–1916

Амфитеатров А.В. Собрание сочинений: В 37 т. СПб.: Просвещение, 1911–1916.

БАРАНЦЕВИЧ [Б. г.]

Баранцевич К.С. Юмористический сборник: Маленькие рассказы. 3-е изд. СПб.: [б. и.], [б. г.].

БАРАНЦЕВИЧ 1891

Баранцевич К.С. 80 рассказов Сармата: (Юморист. сб.) СПб.: Типо-лит. А.М. Вольфа, 1891.

БАРАНЦЕВИЧ 1894

Баранцевич К.С. Картинки жизни: 39 рассказов Сармата: (Юморист. сб.). М.: Унив. тип., 1894.

БАРАНЦЕВИЧ 1900

Птица небесная: 40 рассказов Сармата: Юморист. сб. 2-е изд. М.: М.В. Клюкин, 1900.

БАРАНЦЕВИЧ 1902

Баранцевич К.С. Звуки: Сборник юмористических рассказов. 2-е изд. СПб.: [Издание] В.И. Губинского, 1902.

БЕЛИНСКИЙ 1846

[*Белинский В.Г.*] О жизни и сочинениях Кольцова // Стихотворения Кольцова / С портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. СПб.: В типографии военно-учебных заведений, 1846. С. I–LXXX.

БЛСТ 1910

Бальный «листок» студентов-технологов. На память о бале 28 ноября 1910 г. СПб.: Типография Альтшуллера, 1910.

БОМБЫ И КАРТЕЧИ 1896

Вот и новые «Бомбы и картечи» умной, глупой речи... / Главная редакция Н.И. Красовского. М.: Типо-лит. И. Пашкова, 1896.

БПВ 1909

Беззубойное питание, или Вегетарианство: Мысли разных писателей / Собр. Л.Н. Толстой. М.: Посредник, [1909]. (Замечательные мыслители всех времен и народов).

БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ 1908

Брешко-Брешковский Н.Н. В мире атлетов: В 2 ч. СПб.: А.Я. Озеров, [1908]. Ч. 1. Чемпион мира; Ч. 2. Гладиаторы наших дней.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ 1909а

Брешко-Брешковский Н.Н. В мире атлетов: В 3 ч. 2-е изд. СПб.: А. В. Кореляков, 1909. Ч. 1. Чемпион мира; Ч. 2. Гладиаторы наших дней. Ч. 3. Бой быков в Мадриде.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ 1909б

Брешко-Брешковский Н.Н. Гладиаторы: Роман из жизни борцов-атлетов. СПб.: Сфинкс, 1909.

БРЮСОВ 1908–1909

Брюсов В. Пути и перепутья: Собрание стихов: В 3 т. / М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1908–1909.

БТИ 1911

Библиотека «Театра и искусства»: Бесплатное приложение к журналу «Театр и Искусство» за 1911 год. СПб.: Труд, 1911.

БУБИС 1894

Бубис Г.М. Спермин проф. Пеля (Sperminum-Poehl) в химическом, физическом и терапевтическом отношении. [СПб.:] Тип. Имп. Акад. наук, [1894].

БУТУЗОВ 1867

Словарь особенных слов, фраз и оборотов английского народного языка и

употребительнейших американизмов, не введенных в обыкновенные словари: Настол. кн. для изучающих англ. яз., для пер. и читателей англ. лит. произведений / Сост. В. Бутузов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1867.

ВАКС 1901

Вакс П.Б. Спермин, как орудие самозащиты организма, и Spermium-Poehl, как лечебное средство. [СПб.:] Тип. Имп. Акад. наук, ценз. 1901.

ВАЛЕНТИНОВ 1922

Валентинов А.А. Крымская эпопея. (По дневникам участников и документам) // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном: В 22 т. 3-е изд. Берлин: Слово, 1922. Т. 5. С. 5–100.

ВЕРЕСАЕВ 1961

Вересаев В.В. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Правда, 1961. (Библиотека «Огонек». Отечественная классика).

ВЕРЕСАЕВ 1991

Вересаев В.В. Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом; Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Политиздат, 1991.

ВЕРН 1892

Верн Ж. Воздушный корабль / Пер. Е. Киселева. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1892.

ВИОС 1910

Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»: I. Древняя история – Тэффи / Иллюстрации А. Яковлева; II. Средняя история – Осипа Дымова / Иллюстрации А. Радакова; III. Новая история – Аркадия Аверченко / Иллюстрации А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера. СПб.: Издание М.Г. Корнфельда, 1910.

ВРАНГЕЛЬ 1992

Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. М.: Терра, 1992.

ВУЛЬФИНА 2017

Вульфина Л.Б. Неизвестный Ре-Ми: Художник Николай Ремизов. Жизнь, творчество, судьба. М.: Кучково поле, 2017.

ВЮАГБ 1901

Второй юмористический альманах Графа Бенгальского (Шебуева). Казань: Изд. лито-тип. И.Н. Харитонова, 1901.

ГИППИУС 1911

Гиппиус З. Чертова кукла: Жизнеописание в 33 главах. М.: Московское книгоиздательство, 1911.

ГОГОЛЬ 1894

Гоголь Н. Вий: Повесть / С 38 рис. В. Штейна. СПб.: А.Ф. Маркс, 1894.

ГОГОЛЬ 1937–1952

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1952.

ГОНЧАРОВ 1997–2017

Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–2017 (издание продолжается).

ГОРЬКИЙ 1949–1956

Горький А.М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949–1956.

ДЖЕРОМ 1912

Джером К. Джером. Собрание сочинений. В 12 т. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1912.

ДОБУЖИНСКИЙ 1987

Добужинский М.В. Воспоминания / Изд. подгот. Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987. (Литературные памятники).

ДОРОШЕВИЧ 1895

Дорошевич В.М. Одесса, одесситы и одесситки: Очерки, эскизы и наброски. [На обложке: Очерки, наброски и эскизы]. [Одесса]: Издание Ю. Сандомирского, [1895].

ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

ДУНКАН 1907

Дункан А. Танец будущего: (Лекция) / Пер. [с нем.] Н. Филькова; под ред. и с предисл. Н. Сулова. М.: Типо-лит. К.И. Чероковой, 1907.

ДУНКАН 1908

Дункан А. Танец будущего / Пер. с нем. под ред. Я. Мацкевича. М.: Заря, [1908].

ЕВСТИГНЕЕВА 1968

Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968.

ЕНЬКО 1893

Енько П.Д. Зло вегетарианства. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1893.

ЖАСМИНОВ 1894

Всё хорошо, что хорошо кончилось. Комедия-шутка в одном действии гр. А. Жасминова (Буренина). [М.]: Изд. С. Рассохина, [1894]. (Сцена. Выпуск XXII).

ЖУКОВ 1989

Жуков Д. Бранислав Нушич. М.: Искусство, 1989.

ЗАГОСКИН 1902

Загоскин М.Н. Кузьма Роцин: Истинное происшествие. М.: Т-во И.Д. Съгина, 1902.

ЗОЗУЛЯ 2008

Зозуля Е. Сатириконцы. Воспоминания. Часть 3 / Публ. Д. Неустроева // Русская жизнь. 2008. 5 июля. URL: <http://rulife.ru/old/mode/article/737/> (дата обращения: 02.11.2020).

ЗОТОВ 1877—1882

История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах: В 4 т. / Сост. Вл. Зотов. М; СПб.: М.О. Вольф, 1877—1882.

ЗОЩЕНКО 1974

Зощенко М.М. Н. Тэффи // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома: 1972. Л.: Наука, 1974. С. 138—142.

ИЛОВАЙСКИЙ 1907

Древняя история. Курс старшего возраста. 27-е изд. / Сост. Д.И. Иловайский. М.: 1907.

КА 1896

Календарь-альманах на 1897 год: С карикатурами: Юморист. рассказы, стихотворения, шутки и афоризмы гр. Бенгальского (Шебуева). Казань: Изд. тип. И.Н. Харитонова, 1896.

КАЗАРЯН 1998

Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826—1917 гг. Якутск: [б. и.], 1998.

КАРАТЫГИН 1869—1872

Каратыгин П.П. История религий и тайных религиозных обществ Древнего и Нового мира: В 6 т. СПб: Тип. д-ра М. Хана, 1869—1872.

КОВАЛЕВСКИЙ 1957

Ковалевский П.Е. Зарубежные писатели о самих себе: Н.А. Тэффи. О себе. Выписка из письма 14 декабря 1943 г. // Возрождение. 1957. Тетр. 70. Октябрь. С. 21—32.

КОРНФЕЛЬД 1990

Корнфельд М.Г. Воспоминания / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Л. Спиридоновой // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 268—280.

КУПРИН 1957—1958

Куприн А.И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957—1958.

КУМАНИН 1882

Куманин Ф.А. Сильно действующее средство, или Лучше поздно, чем никогда: Комедия в 5 д. / (Сюжет с нем.). Острогжск: Тип. П.А. Лесницкого, 1882.

ЛЕВИЦКИЙ 1973

Левецкий Д.А. Аркадий Аверченко: Жизненный путь. Кампин: Изд. Русского книжного дела в США, 1973.

ЛЕЙКИН 1871a

Лейкин Н.А. Повести, рассказы и драматические сочинения: В 2 т. СПб.: Изд. К.Н. Плотникова, 1871.

ЛЕЙКИН 1871b

Лейкин Н. Сцены из купеческого быта. СПб.: С.В. Звонарёв, 1871.

ЛЕЙКИН 1872a

Лейкин Н. Медаль: Шуточные сцены в одном действии. СПб.: Типография К.Н. Плотникова, 1872.

ЛЕЙКИН 1872b

Лейкин Н. Шуточные сцены. СПб.: Типография К.Н. Плотникова, 1872.

ЛЕЙКИН 1874

Лейкин Н.А. Веселые рассказы. СПб.: Колесов и Михин, 1874.

ЛЕЙКИН 1879a

Лейкин Н.А. Ради потехи: Юмористические шалости пера. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1879.

ЛЕЙКИН 1879b

Лейкин Н.А. Шуты гороховые: Картины с натуры. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1879.

ЛЕЙКИН 1880а

Лейкин Н.А. Медные лбы: Картинки с натуры. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1880.

ЛЕЙКИН 1880б

Лейкин Н.А. Мученики охоты: Юмористические рассказы. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1880.

ЛЕЙКИН 1881

Лейкин Н.А. Неунывающие россияне: Рассказы и картинки с натуры. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1881.

ЛЕЙКИН 1882

Лейкин Н.А. Теплые ребята: Юмористические рассказы. СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1882.

ЛЕЙКИН 1888

Лейкин Н.А. Пух и перья: Рассказы. СПб.: Тип. Р. Голике, 1888.

ЛЕЙКИН 1890

Лейкин Н.А. Под орех: Юмористические рассказы. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1890.

ЛЕЙКИН 1891

Лейкин Н.А. Актеры-любители: Рассказы. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1891.

ЛЕЙКИН 1897

Лейкин Н.А. Дачные страдальцы: Пять юмористических рассказов. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1897.

ЛЕЙКИН 1900

Лейкин Н.А. На дачном прозябании: 10 юморист. рассказов. СПб.: Тип. Р. Голике, 1900.

ЛЕЙКИН 1901

Лейкин Н.А. Рождественские рассказы. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1901.

ЛЕЙКИН 1903

Лейкин Н.А. Господа и слуги: Рассказы. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903.

ЛЕСКОВ 1956–1958

Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956–1958.

ЛЕТКОВА 1913

Леткова Ек. Рассказы. СПб.: Просвещение, 1913.

ЛОЩИЛОВ 2011

Лощиллов И.Е. «Мирное житие» Петра Потёмкина // «Образ мира, в слове явленный...»: Сборник в честь 70-летия Профессора Ежи Фарыно / Red. R. Wobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce: Institut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej UPH w Siedlcach, 2011. С. 415–426.

ЛОЩИЛОВ 2014

Лощиллов И.Е. Петр Потёмкин и футуристы: притяжение и отталкивание // 1913. «Слово как таковое»: Юбилейный год русского футуризма: Материалы международной научной конференции (Женева, 10–12 апреля 2013 г.) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар и А. Морар. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 222–235.

ЛОЩИЛОВ 2015

Лощиллов И.Е. Петр Потёмкин в поэмах Велимира Хлебникова «Передо мной варилая вар...» и «Карамора № 2-ой» // Велимир Хлебников и русский авангард. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 17–19 октября 2013 г. / Сост. Т.В. Игошева. М.: Азбуковник, 2015. С. 77–88.

ЛЮБИЧ-КОШУРОВ 1905

Любич-Кошуров И.А. «Леди и Жип» и другие рассказы для детей. М.: М.В. Клюкин, 1905.

МАЙКОВ 1884

Майков А.Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Изд. 4-е, испр. и дополн. автором. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1884.

МАЯКОВСКИЙ 1955–1961

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1961.

МИЛЕНКО 2003

Миленко В.Д. «Розовые долины детства» Аркадия Аверченко // Пилигримы Крыма: Сборник научных статей и материалов. Вып. 1 (6). Симферополь, 2003. С. 129–140.

МИЛЕНКО 2010

Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. (Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 1426 (1226)).

МЯСНИЦКИЙ 1894

Мясницкий И.И. Нашего поля ягодки: Юмористические рассказы. 2-е изд. М.: И.Е. Митрофанов, 1894.

МЯСНИЦКИЙ 1899

Мясницкий И.И. От скуки. М.: Издание книжного склада Д.П. Ефимова, 1899.

МЯСНИЦКИЙ 1900а

Мясницкий И.И. Господа коммерсанты: Юмористические рассказы. М.: Т-во «Типо-лит. В.В. Чичерина», 1900.

МЯСНИЦКИЙ 1900б

Мясницкий И.И. Мужья и жены: Юмористические рассказы. М.: Т-во «Типо-лит. Владимир Чичерин» в Москве, 1900.

МЯСНИЦКИЙ 1903а

Мясницкий И.И. Их степенства: Юмористические очерки, сценки и картинки. 3-е изд. (7–10 тыс.). М.: Издание Д.П. Ефимова, 1903.

МЯСНИЦКИЙ 1903б

Мясницкий И.И. «Свадьба» и другие рассказы. М.: Т-во «Скоропеч. А.А. Левенсон», 1903.

Мясницкий 1904

Мясницкий И.И. Без претензий: Юморист. рассказы. М.: Издание Д.П. Ефимова, 1904.

Мясницкий 1908

Мясницкий И.И. Замоскворецкие свахи: Юмористический рассказ. М.: Издание И.Д. Сьгина, 1908.

Надсон 1887

Надсон С.Я. Стихотворения. Изд. 6-е (посмертное) / С портр., факс. и биограф. очерком. М.: К.Т. Солдатенков, 1887.

Некрасов 1981–2000

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., СПб.: Наука, 1981–2000.

Ник Картер 1908

Таинственные приключения американского сыщика Ника Картера. СПб.: Тип. Корпусова, 1908.

Николаев 1993

Николаев Д.Д. Творчество Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1993.

Николаев 1998

Николаев Д.Д. М.Е. Салтыков-Щедрин и русские сатирико-юмористические журналы 1901–1917 гг. // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира 18–20 веков. М.: Наследие, 1998. С. 239–267.

Николаев 1999

Николаев Д.Д. Концепция «Книги» в творчестве Н.А. Тэффи // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. С. 20–39.

НИКОЛАЕВ 2001

Николаев Д.Д. Влас Дорошевич // Дорошевич В.М. На смех / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и примеч. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2001. (Два века смеха). С. 5–22.

НИКОЛАЕВ 2006

Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930 гг.: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006.

НИКОЛАЕВ 2015

Николаев Д.Д. «Господин из Сан-Франциско»: история печатного текста и контекста // Ivan A. Bunin's «Gospodin iz San-Francisko». Text – Kontext – Interpretation (1915–2015). Köln; Weimar; Wien: Böhlau. 2015. S. 43–80.

НИКОЛАЕВ 2016

Николаев Д.Д. Кирпич на голову: к истории одного мотива // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 104–119.

НИКОЛАЕВ 2017а

Николаев Д.Д. «Бич» – русский сатирический журнал в Париже // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Русский путь, 2017. С. 343–356.

НИКОЛАЕВ 2017б

Николаев Д.Д. Поэтика комического и контекст (Рассказ А.Т. Аверченко «Праведник») // Slavica Revalensia. Tallinn, 2017. Vol. 4. P. 114–146.

НИКОЛАЕВ 2019а

Николаев Д.Д. От рассказа к пьесе: трансформация комического в произведениях А.Т. Аверченко // Поэтика комического в русской литературе XX–XXI вв. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 33–51.

НИКОЛАЕВ 2019б

Николаев Д.Д. Рассказ А.Т. Аверченко «Без почвы» и журнал «Скетинг-ринг»: поэтика и контекст // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1(8). С. 18–31.

НИКОНЕНКО 2012а

Никоненко С.С. Комментарии // Аверченко А.Т. Собрание сочинений: В 13 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С.С. Никоненко. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 1. Веселье устрицы. С. 449–472.

НИКОНЕНКО 2012б

Никоненко С.С. Комментарии // Аверченко А.Т. Собрание сочинений: В 13 тт. Т. 2. Зайчики на стене / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С.С. Никоненко. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 449–460.

НТКВ 1903

Новый танец Кэк Вок. М.: А. Гутхейль, 1903.

НЧД 1911

Новый чтец-декламатор: Лит.-худож. сб.: Стихотворения, рассказы, сцены и монологи для чтения с эстрады, на лит. вечерах, драм. курсах и пр.: В 3 ч.: С портр. писателей и артистов / Сост. С.В. Каратыгин. Киев: Тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1911.

ОДОЕВЦЕВА 1989

Одоевцева И. На берегах Сены. М.: Художественная литература, 1989.

ОН

Одесские Новости: Газета политическая, научная, литературная, общественная и коммерческая. Одесса, 1884–1920.

ОРШЕР 1930

Старый журналист [Оршер И.Л.]. Литературный путь дореволюционного журналиста. М.; Л.: Государственное издательство, 1930.

ОСТРОВСКИЙ 1973–1980

Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

ПЕЛЬ 1890

Пель А.В. Спермин: Новое стимулирующее средство. СПб.: Тип. Эттингера, 1890.

ПК 1916

Полвека для книги: Литературно-художественный сборник, посвященный пятидесятилетию издательской деятельности И.Д. Сьгина. М.: [Тип. И.Д. Сьгина,] 1916.

ПОТЁМКИН 1912

Потёмкин П. Герань: Книга стихов. СПб.: М.Г. Конрфельд, 1912.

ПРЖИБЫЛЬСКИЙ 1906

Пржибыльский С. Птицы небесные: Картины нравов в 3 д. / Перед. с пол. М. Шевлякова и Ф. Домбровского. М.: Лит. Моск. театр. б-ки С.Ф. Рассохина, 1906.

ПУШКИН 1937—1959

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937—1959.

ПЧД [Б. г.]

Полный чтец-декламатор: В 2 т. СПб.; Варшава: Книгоиздательское товарищество «Орос», [б. г.].

РОЗЬЕ 1846

Розье Ж.-Б. Первый день брака через 30 лет после свадьбы, или Лучше поздно, чем никогда: Комедия в 1 д. / Пер. Д.Т. Ленский. М.: Тип. А. Семена, 1846.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН 1965—1977

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1965—1977.

САТ.

Сатирикон: Еженедельный журнал. СПб., 1908—1913.

САФИР 1893

Сафир М.-Г. Избранные мысли / Пер. под ред. П. Вейнберга. СПб.: Я. Берман, 1893. (Европейская библиотека. № 2).

СВЕТЛОВ 1898

Светлов О.П. Светская благовоспитанная молодая женщина: Сб. правил и наставлений, как держать себя с тактом во всех слоях о-ва и дома: С приб. необходимого слов. иностр. слов, употребляемых при разговорах в о-ве и при дирижировании танцами: В 2 ч. М.: Тип. И.Я. Полякова, 1898.

СЁЛЛИ 1905

Сёлли Дж. Смех, его физиология и психология: (Из соч. «An Essay on laughter») / Пер. с англ. под ред. и с предисл. Л.Е. Оболенского. СПб.: В.И. Губинский, 1905.

СКАБИЧЕВСКИЙ 1891

Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. (1848—1890). СПб.: Ф. Павленков, 1891.

СОЛОГУБ 1908

Сологуб Ф.К. Мелкий бес: Роман. 3-е изд. СПб.: Шиповник, 1908.

СПИРИДОНОВА 1977

Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977.

СР

Солнце России: Литературно-художественный юмористический еженедельник. СПб., 1910—1916.

СТРУЖЕНЦОВ 1900

Струженцов М.И. Вегетарианство и православно-христианский взгляд на него. М.: Унив. тип., 1900.

СУВОРИН 2005

Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904—1908). М.: Алгоритм, 2005.

СУРИКОВ 1877

Суриков И.З. Стихотворения. 3-е изд., полное. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1877.

СУРИКОВ 1913

Суриков И.З. Песни. М.: Лит.-муз. кружок, 1913.

СУСЛОВ 1907

Суслов Н. Предисловие // Дункан А. Танец будущего: (Лекция). Пер. [с нем.] Н. Филькова; под ред. и с предисл. Н. Суслова. М.: Типо-лит. К.И. Чероковой, 1907. С. I–VII.

ТАОС 2014

Творчество А.Т. Аверченко в отзывах современников / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. Д.Д. Николаева // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 368–417.

ТАРНОВСКИЙ 1874

Тарновский К.А. Каково веется — таково и мелется! Комедия: В 2 д.: Переделка «La marieuse», для русской сцены. [СПб.:] А. Мозер, ценз. 1874.

ТВЭН 1896–1899

Твэн М. Собрание сочинений: В 11 т. / Пер. с англ. СПб.: Г.Ф. Пантелеев, 1896–1899.

ТЕЛЕШОВ 1980

Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом / После сл. К. Пантелеевой. М.: Московский рабочий, 1980.

ТРИФОНОВ 1974

Трифонов Н.А. А.В. Луначарский и советская литература. М.: Художественная литература, 1974.

ТЭФФИ 1932

Тэффи Н. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1932.

Тэффи 1990

Тэффи Н.А. Юмористические рассказы / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Художественная литература, 1990.

Тэффи 1998–2005

Тэффи Н.А. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост. и подгот. текстов Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Лаком (затем — Лаком-книга), 1998–2005.

Тэффи 2002

Тэффи Н.А. Так жили / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Д.Д. Николаева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

УСПЕНСКИЙ 1941–1954

Успенский Г.И. Собрание сочинений: В 14 т. М.: Издательство АН СССР, 1941–1954.

ФОМА ОПИСКИН 1914

Фома Опискин [Аверченко А.Т.]. Сорные травы. СПб.: Издание журнала «Новый Сатирикон», 1914.

ХОМД 1917

Хрестоматия для очень маленьких деточек. Пг.: Издание журнала «Новый Сатирикон», 1917.

ХЮКА 1914

Художественно-юмористический календарь-альманах на 1914 год. СПб.: Типография «Виктория», 1914.

ЧЕБОТАРЁВ 1787

Чеботарёв Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами: С прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквах. М.: Печатано у содержателя типографии Губ. правления Фридриха Гиппиуса собственным его иждивением, 1787.

ЧЕХОВ 1974–1983

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

ЧЕХОВ 1960

А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Подгот. текста и примеч. Н.И. Гитович и И.В. Фёдорова; предисл. А.К. Котова. М.: Гослитиздат, 1960. (Серия литературных мемуаров).

ЧУГУНОВ 1987

Чугунов Г.И. Примечания // Добужинский М.В. Воспоминания / Изд. подгот. Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987. (Литературные памятники). С. 366–454.

ЧУКОВСКИЙ 2012–2013

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2012–2013.

ШЕБУЕВ 1895

Шебурев Н.Г. Веселые мелодии. 1895 год. [М.]: Тип. «Рассвет», [1895].

ШЕБУЕВ 1902а

Шебурев Н. Без предварительной цензуры. М.: Электронпеч. А.П. Волкова, 1902.

ШЕБУЕВ 1902б

Шебурев Н.Г. Жизнь в присядку: Юмористический альманах: [Рассказы. Негативы. Переделки. Стихи]. М.: Отд. тип. Т-ва И.Д. Сыгина, 1902.

ШЕБУЕВ 1909

Шебурев Н.Г. Идеальная квартира: Лекции по квартирологии. Практик. и теорет. указания: как найти новую квартиру, как развязаться со старой и как укладываться. М.: Тип. М-го т-ва Н. А. Казецкого, [1909].

ШКЛОВСКИЙ 1966

Шкловский В.Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. М.: Советский писатель, 1966.

ШИЛЛЕР 1863

Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцией Н.В. Гербеля: В 9 т. 4-е изд. СПб.: В типографии Императорской академии наук. 1863.

ШИЛЛЕР 1901–1902

Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей: В 4 т. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901–1902.

ЭСБЕ 1890–1907

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 + 4 доп.) / Под общ. ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1890–1907.

ЯКОБСОН 1987

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

ЯС 1934

100 лет якутской ссылки: Сборник Якутск. землячества / Под ред. М.А. Брагинского. [М.]: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, [1934]. (Историко-революционная библиотека. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. № 6–7(95–96)).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ил. на с. 5

Аркадий Аверченко. *Фотограф К.К. Булла* (1853/1866–1921). 1913 г. Частная коллекция (далее — ЧК).

Ил. 1

Аркадий Аверченко. *Фотограф не установлен*. Нач. XX в. ЧК.

Ил. 2

Сусанна Павловна Аверченко, мать писателя. *Фотоателье Мазура*. Севастополь, 1910-е годы. ЧК.

Ил. 3

Артиллерийская слобода. *Фотограф не установлен*. Нач. XX в. ЧК.

Ил. 4, 5

Журнал «Штык» (1906. № 5). Из собрания Д.Д. Николаева (далее — ДДН).

Ил. 4. Передняя сторона обложки.

Ил. 5. Последняя страница.

Ил. 6

Журнал «Стрекоза» (1908. № 15). Передняя сторона обложки. *Худ. Ре-Ми* (полн.: Николай Владимирович Ремизов; 1887–1975). ДДН.

Ил. 7

Журнал «Стрекоза» (1908. № 18. С. 6). Рассказ А. Аверченко «Корень зла». ДДН.

Ил. 8

Журнал «Стрекоза» (1908. № 13. С. 12). Анонс выхода первого номера «Сатирикона». ДДН.

Ил. 9, 10

Первый выпуск «Сатирикона» (1908. № 1). ДДН.

Ил. 9. Передняя сторона обложки. Худ. Л. Бакст (полн.: Лейб-Хаим Израилевич Розенберг; 1866—1924).

Ил. 10. Последняя полоса с портретом Л.Н. Андреева. Худ. Ре-Ми.

Ил. 11—14

Передние стороны обложек журнала «Сатирикон». 1908 г. ДДН.

Ил. 11. № 2.

Ил. 12. № 17.

Ил. 13. № 34.

Ил. 14. № 36.

Ил. 15

«Сатирикон» (1908. № 4. С. 4). Фельетон А. Аверченко «На лоне природы». Худ. А. Радаков (1877/1879—1942). ДДН.

Ил. 16

«Сатирикон» (1908. № 29. С. 12). Карикатура «Наши критики. (Корней Чуковский, Петр Пильский и Максимилиан Волошин)». Худ. Ре-Ми. ДДН.

Ил. 17

Николай Ремизов (Ре-Ми). Худ. И.Е. Репин (1844—1930). 1917 г. Холст, масло. ЧК.

Ил. 18

«Сатирикон» (1908. № 30. С. 9). Рисунок «Гримасы большого города». Худ. Ре-Ми. ДДН.

Ил. 19

«Сатирикон» (1908. № 31. С. 13). Объявление о подписке на 1909 год. ДДН.

Ил. 20

Анонс выхода первой книги Аверченко «Юмористические рассказы». ДДН.

Ил. 21

Передняя сторонка обложки книги А. Аверченко «Рассказы (юмористические)» (СПб., 1910). ДДН.

Ил. 22, 23

«Веселые устрицы». (СПб., 1913).

Ил. 22. Передняя сторонка обложки.

Ил. 23. Фронтиспис с портретом Аверченко. *Худ. Ре-Ми.*

Ил. 24

Редакция «Нового Сатирикона». *Фотограф не установлен.* 1916 г. ЧК.

Ил. 25

Аркадий Аверченко. Шарж. *Худ. М.С. Линский (1878–1941).* 1916 г. ЧК.

Ил. 26–29

Передние сторонки обложек журнала «Новый Сатирикон». ДДН.

Ил. 26. 1914. № 42.

Ил. 27. 1915. № 8.

Ил. 28. 1917. № 14.

Ил. 29. 1917. № 43.

Ил. 30, 31

«Шалуны и ротозеи» (Пг., 1916). ЧК.

Ил. 30. Передняя сторонка обложки. *Худ. Ре-Ми.*

Ил. 31. Титульная страница.

Ил. 32–34

Иллюстрации к рассказу «Солидное предприятие» (из сборника «Шалуны и ротозеи»). *Худ. А. Радаков.*

Ил. 32. «Дальше 18-го декабря я уже не пошел».

Ил. 33. «Какой это идиот набросал здесь апельсиновых корок!»

Ил. 34. «Какой ужас! Сломал руку старый генерал...»

Ил. 35–38

Передние стороны обложек сборников А.Т. Аверченко. ДДН.

Ил. 35. «Черным по белому» (СПб., 1913).

Ил. 36. «Рассказы для выздоравливающих» (СПб., 1913).

Ил. 37. «Три случая [и др. рассказы]» (СПб., 1914) (Дешевая юмористическая библиотека «Нового Сатирикона». Вып. 15).

Ил. 38. «Караси и шуки» (СПб., 1917).

Ил. 39. «Дюжина ножей в спину революции» (Париж, 1921).

Ил. 40. «Сердце под скальпелем» (М.; Л., [б. г.]).

Ил. 41. «День делового человека» (М., 1926).

Ил. 42. «Веселые устрицы» (М.; Л., 1928).

Ил. 43

Аверченко в Севастополе. *Фотограф не установлен.* 1920 г. ЧК.

Ил. 44

Могила Аверченко на Ольшанском кладбище в Праге. *Фотограф Д.Д. Николаев.* 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Аркадий
Аверченко

РАССКАЗЫ (ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)

В двух томах

ТОМ II

ДОПОЛНЕНИЯ

А. Аверченко

ВЕСЕЛЫЕ УСТРИЦЫ
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Автобиография 524

I. В свободной России

История болезни Иванова 534
Кто ее продал... 538
Русская история 542
Людим 546
Почести 550
Робинзоны 554
Визит 558
Бедствие 562

Мученик науки	566
Спермин	569
Октябрист Чикалкин	572
Невозможное	576
Зверинец	579
Путаница	582

II. Около искусства

Труха	588
«Аполлон»	594
Американцы	599
Подмостки	603
Проклятие	608
Пернатое	613
Еще воспоминания о Чехове	620
Крайние течения	624
Неизлечимые	627
Золотой век	630
Без почвы	635

III. Мои улыбки

Четверг	640
Мозаика	648
Рубановичи	656
Четверо	661
Лекарство	669
Ложь	676
Визитер. (<i>Опыт характеристики</i>)	682

ПЕРВЫЕ КНИГИ АВЕРЧЕНКО В КРИТИКЕ

<i>Николай Архипов.</i> [Рецензия на издание:] Аркадий Аверченко. Юмористические рассказы. СПб, 1910	694
---	-----

<i>Сергей Ауслендер</i> . [Рецензия на издание:] Аркадий Аверченко. Рассказы. Изд. «Шиповник». 1910 г.	695
<i>Вячеслав Полонский</i> . Из литературы и жизни. Смех и горечь. I. Юмористические рассказы Л. Андреева и А.И. Куприна. II. Юмористические рассказы А. Аверченко	697
<i>Николай Аратов</i> . [Рецензия на издания:] Арк. Аверченко. «Юморист. рассказы». Изд. «Шиповник». СПб. 1910. Тэффи. «Юмор. рассказы». Изд. «Шиповник». СПб. 1910	702
<i>М. Кузмин</i> . Заметки о русской беллетристике. Аркадий Аверченко: «Веселые устрицы» (СПб. Библиотека «Сатирикона», издание Корнфельда)	703
<i>Влад. Азов</i> . [Рецензия на издание:] Аркадий Аверченко. Веселые устрицы	704
[Аноним]. [Рецензия на издание:] Аверченко Аркадий. Веселые устрицы. Юмористические рассказы. СПб. 1910	705
<i>Сергей Горный</i> . «Сатирикон» (Силуэт). Аркадию Аверченко	705
<i>П. Потёмкин</i> . Об Аркадии Аверченко	707
<i>А.И. Куприн</i> . Аверченко и «Сатирикон»	709

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Д.Д. Николаев</i> . «Такого писателя... в России никогда еще не было»: Первые книги Аркадия Аверченко	717
<i>Д.Д. Николаев</i> . История текста и текстологические принципы издания первых книг Аверченко	790
Примечания. <i>Сост. Д.Д. Николаев</i>	816
Список сокращений. <i>Сост. Д.Д. Николаев</i>	1090
Список иллюстраций. <i>Сост. Д.Д. Николаев</i>	1112

Аверченко Аркадий

Рассказы (юмористические): В 2 т. / А.Аверченко; изд. подгот. Д.Д. Николаев. — М.: Ладомир: Наука, 2021. — Т. II. — 604 (517—1120) с. (Литературные памятники / РАН)

ISBN 978-5-86218-596-6

ISBN 978-5-86218-598-0 (Т. II)

На заре XX века имя Аркадия Тимофеевича Аверченко (1880—1925) гремело на всю страну. Книги его знал и стар, и млад, их читали в купе и конках, на скамейках бульваров и за столиками кафе. Живая как жизнь, в них пульсировала и звенела «та самая Россия», уходящая, невыдуманная — накануне «злых сумерек», которые потушат смех на Руси. Это был подлинный русский смех — не смех Марка Твена, О. Генри, Джерома К. Джерома, — но исконно русский, вслед за Гоголем, Салтыковым-Щедриным и Чеховым, последний смех уходящей эпохи. И настолько осязаемо, столь естественно, так сочно была она представлена в этих искрящихся юмором историях, что не случайно маховик революции 17-го года, с ее безмерными жертвами «во имя светлого будущего», положил конец беззаботному «буржуазному веселью», заставил предать книги Аверченко забвению на многие десятилетия, а их творца отправить в пожизненное изгнание. Но даже В.И. Ленин вынужден был назвать их «яркими до паразительности» и признать в их авторе «высокий талант».

В юморе Аверченко нет и следа старомодности. В его текстах наливается красками новая эпоха и, словно у нас на глазах, жизнерадостной кавалькадой врываются друг за другом в русскую повседневность роликовые коньки, кинематограф, художники-«нео-новаторы», первые электрические трамваи...

В последние годы наследие Аверченко стало возвращаться к отечественному читателю. Но только сейчас, после многолетних текстологических усилий, появилась наконец возможность опубликовать том лучших произведений одного из величайших русских юмористов такими, какими задумывал их сам автор.

Основу книги составили три сборника «Рассказов (юмористических)», а также сборник «Веселые устрицы», представляющие в совокупности почти полторы сотни первоклассных произведений.

В раздел «Дополнения» вошли воспоминания и отклики знаменитых современников и критиков писателя.

Особый интерес представляет научный аппарат издания (две пространные статьи и обстоятельный комментарий), подготовленный Д.Д. Николаевым — ведущим специалистом по творчеству Аркадия Аверченко.

Рекомендуется самому широкому кругу читателей.

Научное издание

Аркадий Аверченко
**РАССКАЗЫ
(ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ)**

В двух томах
II

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»*

Редактор *А.О. Буцева*
Корректоры *О.Г. Наренкова, З.С. Закружная*
Компьютерная верстка и препресс *О.Л. Кудрявцевой*

ИД № 02944 от 03.10.2000 г. Подписано в печать 01.04.2021 г.
Формат 70 × 90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Баскервиль». Печ. л. 37,75.
Тираж 500 экз. Зак. № К-723

Научно-издательский центр «Ладомир»
124365, Москва, ул. Заводская, д. 4
Тел. склада: 8-499-729-96-70. E-mail: ladomirbook@gmail.com

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в АО «ИПК «Чувашия»»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Подписывайтесь на официальный
«ТВИТТЕР»
Научно-издательского центра «Ладомир»:
<https://twitter.com/LadomirBook>

Аркадий
АВЕРЧЕНКО
1880—1925